

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

В. С. СЕРГЕЕВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ (ПОСМЕРТНОЕ).
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ*

Под редакцией
акад. В. В. СТРУВЕ
и проф. Д. П. КАЛЛИСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1963

Владимир Сергеевич
Сергеев

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

*Утверждено к печати Ученым советом Ленинградского отделения Института истории
АН СССР*

Редактор издательства *Т. М. Швецова* Художественный редактор *И. М. Русин*
Художник *А. С. Эрман* Технический редактор *С. В. Цветков*
Корректоры *И. Г. Морская и А. И. Ромакова*

Сдано в набор 6/VII 1962 г. Подписано к печати 18/XII 1963 г. А-11616. Формат 60×90¹/₂
Печ. л. 12,75+2 вкл. 0,25 п. л. Усл. печ. л. 53,0. Уч.-изд. л. 36,0. Тираж 30 000 экз.
Тип. зак. № 524. Цена 1 руб.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2

Отпечатано с матриц 2-й тип. Изд. АН СССР
1-я тип. Изд. Акад. наук СССР
Ленинград, Е-24, 9 линия, д. 12

ОТ РЕДАКЦИИ

Учебник В. С. Сергеева, охватывающий историю Греции и стран Малой и Передней Азии в античную эпоху, пользуется заслуженной известностью как основное пособие по университетскому курсу истории древней Греции. Учебник с успехом выдержал два издания, неоднократно переиздавался он и за границей.

Однако за годы, истекшие со времени последнего издания учебника, материал книги значительно устарел и нуждался поэтому в серьезной переработке. Так, например, в связи с дешифровкой микенской письменности пришлось радикально переработать второй раздел, посвященный Эгейскому миру. Такой же переработке подвергся раздел историографии, раздел, посвященный раннегреческой культуре, и ряд других. Редакторы книги, стремясь по возможности сохранить яркий и своеобразный стиль автора, внесли все же необходимые изменения в расположение материала, а также уточнили формулировки некоторых выводов и положений, чтобы придать учебнику большую методическую стройность. При этом, конечно, были учтены и замечания рецензентов.

Кроме того, в настоящем издании особенное внимание уделено роли древней Греции на Востоке (разделы «Монархия Александра Македонского», «Эллинистический Египет», «Пергам, Родос, Боспор» и т. д.).

Редакторы выражают глубокую благодарность В. Г. Боруховичу, М. Н. Ботвиннику, М. Г. Герману, М. А. Дандамаеву, А. А. Нейхардт, Б. П. Селецкому и И. А. Шишовой за их участие в работе по подготовке учебника В. С. Сергеева к новому изданию.

ВВЕДЕНИЕ

Под историей античного мира обычно понимают историю древних обществ Средиземноморья до конца Римской империи (V в. н. э.). Своими корнями этот мир уходит в глубокую древность. В настоящее время крупные успехи, достигнутые в дешифровке микенской письменности, значительно расширили наши представления о древнейшем периоде жизни Греции, и мы можем начинать изучение ее истории не с конца II тысячелетия до новой эры, как это было раньше, а с начала III тысячелетия.

В системе образования и воспитания советского гражданина история античного мира имеет очень большое значение. Она расширяет кругозор и углубляет понимание современного мира, показывая его исторические корни. Греческое прошлое дает нам один из классических образцов перехода от первобытнообщинного строя к рабовладельческому. На примере греческих государств, в особенности Афин, мы лучше всего можем проследить, как складывалось государство, «частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти...»¹. В ходе исторического развития в древней Греции возникали разнообразные формы рабовладельческих государств. «Тогда уже возникает различие между монархией и республикой, между аристократией и демократией»².

У греческих авторов мы находим описания острой классовой борьбы между богатыми и бедными, эксплуататорами и эксплуатируемыми, полноправными и бесправными.

Греки распространили свое культурное влияние почти на все области Средиземноморья. Греческие колонии были в Италии, Сицилии, на территории современной Франции, в Египте. Для изучения истории СССР особенное значение имеет история гре-

---

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 109.

² В. И. Ленин, *О государстве*, — Сочинения, т. 29, изд. 4, стр. 442.

ческих колоний Северного Причерноморья, население которых было тесно связано с племенами, обитавшими тогда в причерноморских степях.

Современная европейская, а частью и внеевропейская культура выросла на почве культуры античной. Без знания античной истории нельзя понять многих учреждений последующих периодов, истории искусства, особенно архитектурных стилей и театра, а также многочисленных современных политических, научных и других терминов.

Античность во всем ее многообразии проявляется на каждом шагу как в общественной жизни, так и в быту современного человека.

Греческая и римская культуры — одна из ярких страниц мировой истории. Их богатство и очарование неоспоримы. Непосредственность, глубина чувств, простота, адекватность формы и содержания, присущие памятникам греческой культуры, и доныне пленяют нас. Греческие мыслители, художники и ученые в своих произведениях запечатлели борьбу и идеалы, мысли и страсти своей эпохи. Поэтому произведения греческих и римских классиков, памятники античного искусства и художественного ремесла имеют непреходящее значение и для нашего времени.

В философии, говорит Ф. Энгельс, как и во многих других областях, мы вынуждены снова и снова возвращаться «к достижениям того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему в истории развития человечества место, на какое не может претендовать ни один другой народ... в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений»¹.

Знаменательно, что перелом в истории западноевропейской культуры начинается с эпохи Ренессанса, т. е. с возрождения греко-римской древности. «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья»².

Задача марксистского изучения древней истории, а следовательно, и истории Греции состоит в том, чтобы вскрыть закономерности развития древних обществ. Историческая жизнь древних греков — исключительно интересный и во многих отношениях типичный пример проявления подобных закономерностей.

---

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 369.

² Там же, стр. 345—346.

Природные условия

Греческая история разворачивалась в восточной части Средиземного моря, на островах Эгейского моря, на Балканском полуострове, в западной части Малой Азии, по берегам Черного моря и отчасти в прибрежных областях Южной Италии и Сицилии.

Жизнь греческих государств связана прежде всего с Эгейским морем. Множество мелких и крупных островов соединяет восточные и южные берега Средиземного моря с материковой Грецией. Вся эта масса островов, составляющих *Эгейский архипелаг*, делится на две части. С севера на юг вдоль берегов Малой Азии тянутся *Спорады*. Самые значительные из них — *Лесбос*, *Хиос*, *Самос* и *Родос*. На юго-западе Эгейского моря находится группа островов, расположенных как бы по кругу, центром которого является маленький остров *Делос*. Эти острова носят название *Киклады* (от греческого слова *киклос* «круг»). Когда-то Балканский полуостров составлял с Малой Азией единый материк. Впоследствии часть суши между ними опустилась и возникло Эгейское море. Однако отдельные вершины хребта, некогда соединявшего горы Балканского полуострова с Малой Азией, не скрылись полностью под водой. Это и есть Кикладские острова. Самые крупные из них — *Андрос*, *Наксос*, *Парос*, *Мелос* и *Кеос*. На юге Эгейский архипелаг замыкается самым большим из греческих островов — *Критом*.

У восточного побережья Балканского полуострова также расположено несколько островов. Особенно важное значение в истории Греции имел большой остров *Эвбея*, примыкающий к побережью Средней Греции, а также *Саламин* и *Эгина*, находящиеся в Сароническом заливе.

У западных берегов Балканского полуострова, в Ионийском море, вдоль побережья Северной и Средней Греции протянулись острова *Керкира* (современный Корфу), *Левкада*, *Итака*, *Кефалления*.

В Ионийском море островов было значительно меньше, поэтому греческие мореплаватели раньше познакомились с восточными странами, чем с западными. К тому же почва на малоазийском побережье Эгейского моря очень плодородна и там много удобных естественных гаваней.

На северо-востоке пролив *Геллеспонт* (Дарданеллы), *Пропонтида* (Мраморное море) и *Босфор* соединяли Эгейское море с *Понтом Эвксинским* (Черным морем).

Обилие островов, гаваней и бухт способствовало раннему развитию мореплавания, обмена и колонизации. Житель южной части Балканского полуострова мог, не теряя из виду земли, переправиться в Малую Азию.

Ряд небольших горных цепей — отрогов центрального Балканского хребта пересекает материковую Грецию. За исключением Фессалийской долины, в Греции нет ни обширных равнин, ни степей. Места поселения греков представляли собой небольшие области, окруженные горами, с выходом к морю. Самые отдаленные пункты отстояли от моря не более чем на 100, а в среднем на 50—60 километров. Балканский хребет рассекает материковую Грецию на две неравные и мало похожие части — восточную и западную. Восточное побережье Греции имеет самую изрезанную в мире береговую линию, много заливов, естественных бухт и гаваней. Поэтому население этого района уже в древние времена могло устанавливать контакты с культурными странами древнего Востока. Напротив, берега Западной Греции относительно мало изрезанны, скалисты и пустынные, и общение с Италией и Сицилией в древности было затруднено.

Балканскую, или материковую, Грецию принято делить на три главные части: *Северную, Среднюю и Южную (Пелопоннес)*. Каждая из этих крупных частей в свою очередь подразделяется на ряд более мелких областей.

К Северной Греции относятся *Эпир* и *Фессалия*. *Камбунские горы* отделяют восточную часть Северной Греции, Фессалию, от Македонии; проехать в Грецию с севера можно лишь по узкой *Темпейской долине*, расположенной между горами *Олимпом* и *Оссой*, там, где их разделяет река *Пеней*. Большую часть этой области занимает Фессалийская равнина, самая значительная в Греции, удобная для хлебопашества и скотоводства. Горный хребет *Пинд* отделяет Фессалию от западной части Северной Греции — *Эпира*, суровой, труднодоступной горной страны. На юге Фессалии тянутся горы; лишь узкий проход вдоль самого моря, известный под названием *Фермопил*¹, ведет в Среднюю Грецию.

Средняя Греция также делится на ряд областей. Особенное значение в греческой истории имела восточная область Средней Греции — *Аттика* с главным городом *Афинами*. Горный кряж *Киферон* отделяет ее от соседней области — *Беотии*; главным городом Беотии были *Фивы*. Северо-западная часть Беотии представляет собой окруженную горами долину. В юго-восточном районе этой области встречается много небольших плодородных равнин. На протяжении не только греческой, но и римской истории эти равнины служили ареной многочисленных битв. К западу от Беотии находится гористая область *Фокида*, которая славилась общегреческим оракулом в *Дельфах*, расположенных на юго-западном склоне *Парнаса*, воспе-

¹ Фермопилы в буквальном переводе означают «Теплые ворота»; они названы так по горячим источникам у подножия скал.

Вершина Олимпа

того в греческой поэзии. Остальные области Средней Греции — *Дорида*, *Локрида Озольская*, *Локрида Опунтская*, *Этолия* и *Акарнания* и др., изрезанные горами, не играли существенной роли в классическую эпоху греческой истории.

Пролив *Эврип* отделяет Среднюю Грецию от острова *Эвбея*, имевшего большое значение в истории античного мира. *Коринфский перешийек (Истм)*, длина которого 16 километров и ширина около 6 в самом узком месте, соединяет Среднюю Грецию с Южной, или Пелопоннесом. На Коринфском перешейке находились два самых развитых в торгово-ремесленном отношении города — *Мегары* и *Коринф*.

В северной части Пелопоннеса узкой полосой тянется *Ахайя*, отделенная высокими горами от *Аркадии*, отсталой пастушеской области. Начинаясь здесь горный хребет *Тайгет* расчленяет две плодородные области Южной Греции *Лаконику* (Лаконию) и *Мессению* (главный город *Мессена*). В Лаконике на реке *Эврот* был расположен город *Спарта*. Из других областей Пелопоннеса следует отметить *Арголиду* с городом *Аргосом* и *Элиду*, где находилась *Олимпия*, известная своим храмом и олимпийскими праздниками — олимпиадами.

Греция принадлежит к числу стран с *субтропическим климатом*. Морозов там никогда не бывает. Изредка выпадает снег, который тотчас же тает. В летние месяцы температура достигает в тени 40 градусов. Климат настолько мягок, что древние греки, посещавшие южное побережье Крыма и Кавказа, считали его суровым и холодным краем.

Дождей выпадает мало, и большая часть областей Греции страдает от засухи. За исключением Пеней в Фессалии, *Ахелоя* на границе Акарнании и Этолии, *Алфея* в Элиде и *Эврот* в Лаконике, все реки летом пересыхают. Поэтому с самых ранних времен в Греции зародилась система искусственного орошения. Без оросительной системы сельское хозяйство не только в материковой, но и в островной Греции совершенно невозможно. Древние греки выше всего ценили воду. На прощание грек всегда говорил своему другу: «Доброго пути и свежей воды». В договорах между греческими государствами постоянно встречается формула: «Не отрезать у союзных общин проточной воды».

Материковая Греция и некоторые острова Эгейского моря богаты полезными ископаемыми, что способствовало развитию различных отраслей ремесла. В Аттике и на острове Паросе добывался мрамор прекрасных сортов. Во многих местах Греции и прежде всего в Лаконике залежали железные руды. Острова *Эвбея* и *Кипр* славилась медью. На юге Аттики находились знаменитые Лаврийские серебряные рудники. Золото добывалось на фракийском побережье, напротив острова *Фасоса*, Аттика и Коринф обладали хорошей гончарной глиной.

Аттика. Афины

Большое значение имели залежи сурика на острове Кеосе. Его примешивали к глине при изготовлении посуды, благодаря чему она приобретала красивый оттенок.

Почва Греции не отличалась плодородием. Лишь некоторые районы (Фессалия, Беотия, Лаконика, Мессения, Триасийская долина в Аттике) были удобны для хлебопашества. В других местах плодородный слой, иногда даже искусственно созданный, был настолько тонок, что жители лишь с большим трудом отвоевывали урожай.

Фауна и флора Греции разнообразны. В древнейшие времена Балканский полуостров и некоторые острова славились обилием лесов, но впоследствии много лесов было истреблено, особенно в местах, где добывалась железная руда и железодельные мастерские работали на древесном угле. В классическую эпоху только в Пелопоннесе и Северной Греции вершины гор были покрыты хвойными лесами. Ниже, на склонах гор, росли дикie сливы, мирты, каменный дуб, благородный лавр, земляничное дерево, олеандр, можжевельник. Эти породы могли быть использованы только на топливо и не годились для строительства. Лесные массивы сменялись равнинами, поросшими низким кустарником и многолетними травами, чаще всего колючим терновником.

Из диких животных встречались козы, лани, кабаны. Хищных животных было очень мало. Только в Македонии в историческую эпоху водились львы, о которых Геродот¹ говорит, что они нападали на солдат персидской армии Ксеркса.

В древности в Греции сеяли ячмень, пшеницу и полбу, бобы и горох; из садовых культур особенное значение имели виноград и оливковое дерево; кроме того, в садах сажали смоковницы и различные плодовые деревья — гранатовые, яблони, груши, а также орешник. Маслина, один из основных продуктов питания, играла огромную роль и в других областях хозяйственной жизни и быта. Оливковое масло употреблялось в парфюмерии, служило лекарственным веществом и исходным материалом для ряда производств, а также предназначалось для освещения. Значительно хуже обстояло дело с хлебом. В большинстве греческих областей местного хлеба не хватало, и его приходилось ввозить из других стран — Северного Причерноморья, Сицилии и Египта. В течение всей истории Греции «хлебный вопрос» стоял в центре внешней и внутренней политики греческих государств. Многие крупные войны греки вели за овладение понтийской и сицилийской «хлебными дорогами». Недостатком хлебных запасов объясняется одна из интересных черт общественной жизни античной Греции — регламентация продажи и закупки хлеба.

---

¹ Геродот, *История в девяти книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, VII, 126.

Парнасские горы

Во многих областях Греции было развито скотоводство. Преобладали козы и овцы. Лишь в некоторых местах (например, в Фессалии) можно было разводить крупный рогатый скот и лошадей. Впоследствии скотоводство во многих районах уступило место земледелию, но в Аркадии, в частности, оно осталось ведущей отраслью хозяйства.

Природа страны в известной степени определила характер первоначальных греческих поселений. Горными цепями и отрогами Греция дробилась на ряд небольших областей. На территории такой области возникали самостоятельные поселения. В центре поселения обычно находился холм, вокруг которого располагался поселок. С течением времени поселок превращался в город, а холм — в акрополь (дословно «верхний город», «вышгород»), в котором помещались культовые и общественные учреждения.

Таким образом, природа Греции предрасполагала к обособленной жизни: каждая община, каждый город представляли самодовлеющее целое. Автономия («жизнь по своим законам») и автаркия («самоудовлетворение») были характерными чертами общественной жизни древних греков. Самой сложной политической проблемой Греции на протяжении всей ее истории оставалась *проблема объединения*. Больших государств классическая

Греция не знала, существовали лишь довольно крупные объединения городов, да и они, за редкими исключениями, были недолговечны. При первых более или менее серьезных потрясениях эти политические объединения распадались, и каждая входившая в них община вновь обособлялась. По той же причине центральное место в экономической жизни древних греков долгое время принадлежало не общегреческому рынку, а местным рынкам, местному производству. Наряду с меновыми отношениями очень большую роль в древнегреческой экономике играл обмен со странами негреческого (варварского) мира, в частности со скифами южнорусских степей.

Климатические условия влияли на характер общественных зданий, жилых построек и быт древних греков. Типичными античными постройками были так называемые *портики* — большие крытые галереи с колоннами вместо стен, строившиеся обычно на площадях. Дома граждан античной Греции представляли собой небольшие полутемные помещения, куда их обитатели приходили только отдыхать и ночевать.

Главную часть греческого дома, особенно богатого, составлял открытый двор, обрамленный колоннами и верандами, где греки принимали гостей. На современного человека античный город произвел бы довольно странное впечатление. Вдоль узких улиц тянулись почти сплошные стены без окон с выходами на улицу. Большую часть времени граждане греческих городов проводили в общественных местах под открытым небом.

Климат не мог не повлиять также на питание и одежду жителей Греции. В теплых странах для организма требуется значительно меньше жиров и белков, чем в холодных. Обычный дневной рацион греков состоял из маслин, нескольких лепешек, сушеной рыбы, лука, чеснока и вина, разбавленного водой; одежда оставалась неизменной во все времена года.

Природные условия и географическое положение одних греческих областей создавали предпосылки для развития торговли и ремесленной промышленности (например, Афины, Коринфский перешеек или побережье Малой Азии); другие же, в частности Лаконика и Фессалия, на протяжении всей античной эпохи оставались аграрными областями. Однако было бы неверно преувеличивать влияние географической среды. Географическая среда — одно из постоянных и необходимых, но не определяющих условий развития общества, которое в первую очередь определяется развитием производительных сил и соответствующих им производственных отношений, причем производительные силы развиваются и изменяются гораздо быстрее, чем природно-географические условия. Так, например, природные условия южной части Балканского полуострова за 2500 лет мало изменились, но тем не менее за это время в этом районе произошла смена раз-

личных общественных отношений и самых разнообразных политических форм.

Название «Эллада» или «Греция» применительно к южной оконечности Балканского полуострова утвердилось не сразу. В гомеровский период были известны только названия отдельных племен. Наибольшей популярностью пользовались «ахейцы» и «данайцы», так часто назывались все племена юга Балканского полуострова. Впоследствии эти племена, характеризующиеся языковой и культурной общностью, стали называть себя *эллинами*, а свою страну — *Элладой*. Возможно, что термин «Эллада» происходит от упоминаемой еще Гомером «Эллады»¹ — области и города в Фессалии. Позже так называлась уже вся Северная и Средняя Греция. К Южной Греции, насколько нам известно, термин «Эллада» применяется только начиная с греко-персидских войн. В эпоху Александра Македонского название «Эллада» было перенесено на все земли, населенные греками.

Аристотель считал, что слово «греки» (*graikoi*) было первоначальным названием эллинов. Римляне очень рано начинают применять его по отношению к эллинам. Весьма вероятно, что это название одного из племен, с которым римляне познакомились прежде всего, было распространено ими и на другие племена юга Балканского полуострова, близкие между собой по языку и культуре. В средние века термин «греки» и название страны «Греция» становятся общеупотребительными.

---

¹ Илиада, IX, 395.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ГЛАВА I

ИСТОЧНИКИ ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Изучение истории древней Греции началось еще в античную эпоху. В настоящее время историческая наука располагает значительным числом разнообразных *источников*, отражающих различные стороны исторической жизни древних греков. По содержанию и характеру эти источники могут быть подразделены на следующие виды.

1. Вещественные памятники. К ним относятся остатки зданий, орудия труда, оружие, монеты, бытовые предметы и др.

2. Данные греческого языка. В греческом языке сохранились элементы различных наречий (диалектов), изучение которых позволяет решать вопросы, связанные с расселением греческих племен. Кроме того, анализ происхождения тех или иных греческих слов, являющихся в наше время научными терминами, дает материал для изучения экономической, политической и культурной истории древней Греции.

3. Устные предания. Далекое прошлое греческого народа нашло отражение в многочисленных легендах и сказаниях — *мифах*, как принято их называть, переданных нам различными греческими писателями. Исключительную роль играет мифология для изучения греческой культуры, в частности истории религии.

4. Письменные документы. Законы, договоры, почетные декреты и другие документы, сохранившиеся либо в виде надписей, либо в передаче тех или иных греческих авторов, очень важны для знакомства с политической жизнью древней Греции.

5. Литературные произведения. Особое значение для изучения греческой истории имеют *труды греческих историков*. Некоторые из них современны описываемым событиям, дру-

гие же написаны на основе более ранних произведений. Так, например, авторы III—I вв. до н. э. в основном использовали материал исторических произведений более раннего времени и нередко лишь пересказывали источники.

Историческая наука зародилась в древней Греции, и греческим историкам принадлежат первые образцы исторического повествования; труды их знакомят нас более или менее подробно с экономической, политической, социальной и культурной жизнью древней Греции. Греческая историография не была еще наукой в строгом смысле этого слова; она развивалась как один из жанров литературы, испытывала на себе воздействие риторики и других течений. Тем не менее значение греческой историографии для развития исторической науки огромно.

Самыми ранними из дошедших до нас литературных памятников являются поэмы «Илиада» и «Одиссея». Записаны они были, по-видимому, в VII или середине VI в. до н. э., но сложились значительно раньше. Создание обеих поэм приписывается древнему греческому поэту *Гомеру*. В «Илиаде» повествуется об осаде ахейскими войсками малоазийского города Трои; сюжетом «Одиссеи» служит возвращение на родину, на остров Итаку, одного из главных участников Троянского похода — царя Одиссея. Вопрос о происхождении поэм решается по-разному. Как исторический источник поэмы Гомера имеют, несомненно, большое значение, хотя в них повествуется не о реальных событиях, а лишь об отзвуках их и содержатся отдаленные воспоминания, облеченные в форму сказаний. На основании «Илиады» мы можем судить о каком-то большом походе, предпринятом жителями Балканской Греции в Малую Азию. Однако ценность поэмы не в том, что в ней рассказывается о конкретных событиях, достоверность которых мы не можем проверить; она имеет иное значение: в «Илиаде», так же как и в «Одиссее», ярко отражены быт, общественный строй, нравы, верования и обычаи греческих племен на заре греческой истории, при переходе от общинно-родового строя к классовому рабовладельческому обществу.

На рубеже VIII и VII вв. появились произведения беотийского поэта *Гесиода*. Его поэма «Теогония» знакомит нас с современными поэту взглядами на происхождение богов, а другая поэма — «Труды и дни» — дает живое изображение греческой деревенской жизни, быта крестьян Средней Греции уже в ранний период существования рабовладельческого строя.

К VII и VI вв. относится ряд дошедших до нас лирических произведений. Для изучения политической истории особенно важны сохранившиеся до нашего времени отрывки из элегий знаменитого афинского политического деятеля *Солона*, которые отражают законодательство, связанное с его именем. Классовая борьба VI в. запечатлена в элегии, приписываемой аристократу

Феогиду, изгнанному из родного города Мегар во время демократического переворота. В элегии автор отразил политическую борьбу и взгляды аристократии своего времени.

К VI в. относится зарождение греческой прозы; создателей первых прозаических произведений принято называть *логографами*, т. е. «авторами прозаических рассказов». Интересуясь прошлым своих городов, логографы обычно использовали мифы, легенды, сказания, генеалогии знатных родов, возводящих свое происхождение к богам или героям — основателям города.

При описании более близкого прошлого логографы основывались и на других источниках, в частности документальном материале, тогда еще очень скудном: списках городских должностных лиц, жрецов или жриц и т. д. О своем времени они писали со слов очевидцев и современников, привлекая и собственные наблюдения.

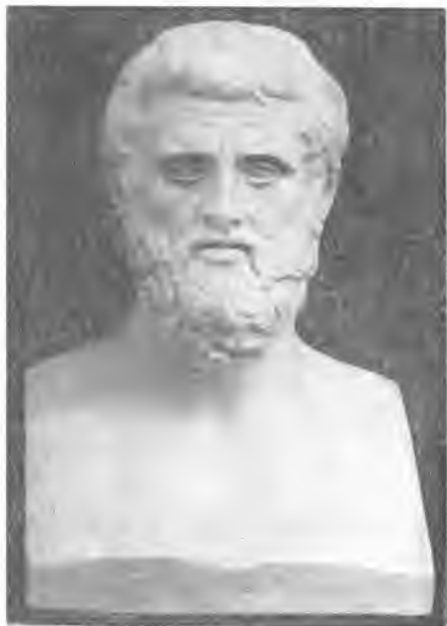
В то же время логографы были и путешественниками, чем объясняется их интерес к географическим и этнографическим вопросам. Поэтому географическим и этнографическим описаниям в их произведениях отводится очень важное место. Сочинения логографов появились в Малой Азии, главным образом в ионийских городах — наиболее передовых греческих городах того времени. Особенностью произведений логографов было то, что *миф не отделялся ими от действительности*, между легендой и реальными событиями не проводилось никакой грани. Впрочем, у некоторых логографов заметны наивные попытки рационалистически осмыслить мифы.

Захват Персией ионийских городов и установление в них тираний неблагоприятно отразились и на эпической поэзии и на писателях-логографах. Многим логографам, особенно примыкавшим к демократии, пришлось уйти в изгнание.

Произведения логографов дошли до нас лишь в скудных отрывках или пересказах последующих писателей. Наибольшей известностью пользовался *Гекатей Милетский* (родился около 540 г., умер вскоре после 479 г.). Он написал «Генеалогию», или «Историю» (в четырех книгах), и «Землеописание». У Гекатея появляются уже зачатки исторической критики. Он сомневался, например, в достоверности рассказа о том, что Геракл привел к царю Еврисфею страшного Цербера — пса, охранявшего вход в ад; по мнению Гекатея, это была ядовитая змея, от укуса которой люди немедленно умирали, и поэтому ее называли «псом ада». Критерием Гекатея, таким образом, было правдоподобие. Его «Землеописание» в значительной мере основано на личных впечатлениях и наблюдениях, почерпнутых им во время многочисленных путешествий.

Одним из поздних логографов был *Гелланик* из Митилены на острове Лесбосе (родился около 480 г., умер в конце V или

в самом начале IV в.). Гелланик писал главным образом об отдаленном мифическом прошлом известных ему стран, которое излагал обычно в связи с генеалогией знатных родов. Он первый описал прошлое Аттики, Афинского государства; с него начинается длинный ряд так называемых *аттидографов* — авторов «Аттид» (очерков по истории Аттики).

Геродот. Герма

Ионийская эпическая традиция, искусство рассказа, интерес к прошлому и другим странам содействовали возникновению и развитию как исторических, так и географических знаний.

Первым историком (в более близком нам смысле этого слова) по праву считается *Геродот*, уроженец малоазийского города Галикарнаса. Биографические сведения о нем скудны и не совсем достоверны. Родился он около 485 г. до н. э., а умер, вероятно, в 425 г. По некоторым данным, Геродот принимал участие в политической жизни родного города и боролся с тиранией; в связи с этим ему пришлось покинуть Галикарнас. После этого он много путешествовал по разным странам:

побывал в Египте, Сирии, Вавилоне и Северном Причерноморье. Особенное значение имело пребывание его в Афинах, где он сблизился с видными общественными деятелями афинского общества (Периклом, Софоклом и др.). Когда по инициативе афинян в Италии основывалась колония Фурии, Геродот отправился туда.

Труд Геродота «История греко-персидских войн» начинается словами: «Нижеследующие изыскания Геродот Галикарнасец представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей, а также чтобы не были бесславно забыты огромные и удивления достойные сооружения, исполненные частью эллинами, частью варварами, главным же образом для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война»¹. Произведение Геродота, дошедшее до

¹ Геродот, I, I.

нас, разделено на девять книг (книга у античных писателей соответствует нашей части или разделу), которые названы по именам муз; однако деление это принадлежит не Геродоту, а появилось позднее, в эллинистическое время. Труд Геродота начинается с истории тех стран, которые вошли в состав персидского царства. Книга первая кончается походом Кира на массагетов и его гибелью. Книга вторая почти целиком посвящена Египту. В книге третьей описываются походы Камбиза, его царствование и начало правления Дария. В книге четвертой говорится о Скифии и походе Дария против скифов, далее характеризуются Кирена и Ливия. Только в книге пятой начинается рассказ о восстании малоазийских греков в Ионии, направленном против персов; все последующее изложение посвящено греко-персидским войнам. Труд заканчивается 479 г.— описанием битв при Микале и Платеях, в которых персам было нанесено решительное поражение.

Вопрос о композиции труда Геродота очень сложен, неоднократно привлекал внимание исследователей и разрешался ими различно. Одни из исследователей пришли к выводу, что в основе труда лежит единый план, которого автор последовательно придерживался, хотя произведение его создавалось в течение долгого времени. По мнению других, Геродот первоначально составил несколько обособленных рассказов, которые лишь впоследствии были дополнены и объединены¹. В настоящее время исследователи склоняются к тому, что разделы своего труда, посвященные восточным странам, Геродот написал до приезда в Афины. Мысль о создании истории греко-персидских войн созрела у него в Афинах. Эта часть труда изложена Геродотом очень подробно. Возможно, что в связи с этим он переработал все произведение в целом, написав к нему краткое введение. Так или иначе, но отдельные части труда Геродота, безусловно, написаны в разное время.

Для повествовательной манеры Геродота характерны отступления от основной нити изложения, экскурсы, новеллистические вставки. У Геродота много общего с логографами. И на него оказала большое влияние эпическая поэзия. Так же как и логографы, он относится к мифам и сказаниям как к заслуживающим доверия источникам и использует их в рассказах о легендарных родоначальниках тех или иных знаменитых родов. Географические описания и рассказы о чудесных, сверхъестественных явлениях также играют большую роль в его повествовании, хотя он сам иногда сомневается в истинности этих рассказов. Однако от логографов Геродота существенно отличаются грандиозность его замысла и широта темы; в прошлом он ищет

---

¹ Подробнее об этих точках зрения см.: А. И. Доватур, *Повествовательный и научный стиль Геродота*, Л., 1957.

объяснения многих явлений своего времени. История возвышения Кира, царствование Камбиза, воцарение Дария — все это должно объяснить столкновение громадной восточной деспотии со свободолюбивым греческим народом. Греко-персидские войны представляются Геродоту событием мирового значения. Он старается показать величие борьбы греков с персидскими завоевателями. Повествования Геродота о героических подвигах эллинов, например о героическом сопротивлении горстки храбрых спартанцев, предводительствуемых царем Леонидом, несметным полчищам врага или о Марафонской битве, принадлежат к ярким страницам исторической литературы.

Достоверность сведений, содержащихся в труде Геродота, различна. Географические описания его основаны отчасти на личных наблюдениях, но многое написано им со слов местных жителей, с которыми он разговаривал преимущественно через переводчиков; к этим сведениям Геродот относился недостаточно критически. Отдельные его рассказы, несомненно, можно отнести к новеллам и легендам. Впрочем, скептическое отношение к данным Геродота о восточных областях в настоящее время преодолевается. Специальные исследования подтвердили ряд известий Геродота, недавно оспаривавшихся.

Для истории СССР особенно важен изобилующий реалистическими подробностями рассказ Геродота о Скифии и ее древних обитателях.

Источники исторических сведений Геродота разнообразны. Большой знаток эпической поэзии, он хорошо знал и труды логографов, в частности Гекатея Милетского, на которого иногда ссылается, а иногда полемизирует с ним. Геродот пользовался записями изречений оракулов, памятниками официального характера (списками магистратов, жрецов и жриц, погодными записями и пр.), цитирует он иногда и надписи. Особенно большое значение Геродот придавал устной традиции: рассказы очевидцев и современников событий широко им привлекались.

В использовании всего этого материала сказалась современная Геродоту политическая обстановка. Ему не была чужда политическая тенденциозность в описании хода греко-персидской войны и той роли, какую играли в этой войне те или иные греческие государства. Так, он с большой симпатией относится к Афинам и очень высоко оценивает их роль в военных и политических событиях того времени. «Не погрешая против истины, — говорит он, — афинян можно назвать спасителями Эллады»¹. Не скрывает он своей симпатии и к Дельфам. О Спарте он пишет хотя и не враждебно, но очень сдержанно, не отрицая ее заслуг в борьбе с персами. Безусловно отрицательно отношение Геродота к тем греческим государствам, которые, изменяя об-

---

¹ Геродот, VII, 139.

шему делу, вступали в союз с персидским царем. По этим причинам особенно отрицательно он относится к Фивам.

В мировоззрении Геродота нет особой последовательности. Наряду с доверчивым отношением к чисто фольклорному материалу, верой в чудеса, предсказания оракулов, сновидения и веления судьбы мы встречаем немало примеров критического и рационалистического отношения Геродота к источникам. Некоторые мифы он считает нелепыми баснями. «Наконец на четвертый день с помощью кровавых жертв ветрам и заклинаний... маги умилили ветер,— говорит он в одном месте,— или, быть может,— добавляет Геродот,— он унялся сам по себе»¹. Рассказав о том, что оракул в Додоне появился после того, как голубка возвестила об этом человеческим языком, Геродот говорит, что под голубкой подразумевали, видимо, иностранку, которая ранее говорила «по-птичьи», т. е. на неизвестном языке, а потом «по-человечески», когда выучилась греческому языку. Критическая оценка Геродотом источников объясняется влиянием рационалистической философии, главными представителями которой были софисты.

У Геродота, таким образом, уже можно найти приемы элементарной исторической критики. «Я обязан,— пишет он,— передавать то, что говорят, но верить всему не обязан, и это мое заявление относится ко всему моему изложению»². Критикуя различные сведения, Геродот ссылается на обычаи страны, делает заключения по аналогии, сопоставляет различные версии. Передавая то, что сообщают о пребывании Геракла в Египте, он, например, добавляет: «Мне кажется, эллины рассказывают это потому, что совершенно не знают ни характера египтян, ни их обычаев»³.

Отношение к труду Геродота в древности было различным: одни порицали его за легкое верие, «за бесчисленные басни», другие же высоко ценили. Геродот оказал влияние на современников и был популярен во все века античной эпохи. Цицерон назвал его «отцом истории», и это, несомненно, заслуженно.

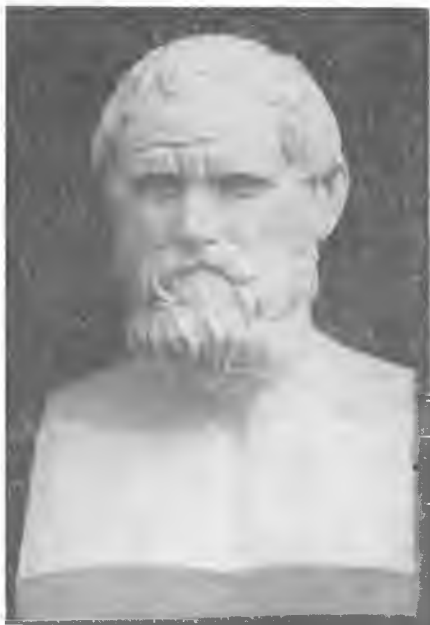
Младшим современником Геродота был афинянин *Фукидид*, сын Олора (ок. 460—395 гг.). Родился он в знатной афинской семье фракийского происхождения. В 424 г., во время Пелопоннесской войны, Фукидид был избран стратегом и отправлен во главе эскадры, которая должна была охранять фракийское побережье от спартанцев. Когда город Амфиполь подвергся нападению, Фукидид не мог оказать ему своевременную помощь, был обвинен в измене и изгнан из Афин. В изгнании он провел 20 лет и вернулся на родину лишь после

¹ Там же, 191.

² Там же, 152.

³ Там же, II, 45.

окончания войны. В годы изгнания Фукидид задумал создать труд, посвященный истории Пелопоннесской войны. Прежде чем приступить к его написанию, он много лет потратил на сбор материалов и критическую проверку их. Смерть, однако, помешала Фукидиду довести до конца свой труд: на 411 г. (двадцатом с начала войны) изложение его обрывается.

Фукидид. Герма

Труд Фукидида делится на восемь книг, из которых первая представляет собой введение к истории Пелопоннесской войны. Изложение в этой книге начинается с отдаленных времен и доводится до самой войны. Деление это, осуществленное уже после смерти Фукидида, соответствует ходу повествования и сохраняет значение до наших дней.

Фукидид моложе Геродота всего на 25—30 лет, но их труды — произведения различных эпох, настолько отличаются они по мировоззрению, стилю, отношению к предмету изложения. История Геродота — до известной степени художественное произведение: вымысел и достоверное далеко не всегда разграничены. Произведение Фукидида — труд трезвого историка и мыслителя,

предвосхитившего некоторые методы и приемы современной историографии, — величайшее достижение античного мира. И мировоззрение и политические взгляды Фукидида сложились в Афинах в век Перикла, поклонником которого Фукидид оставался всю жизнь. Это было время расцвета софистики. Несомненное влияние софистов на Фукидида проявляется и в рационалистическом отношении к действительности, и отказе рассматривать исторические события как результат действия сверхъестественных сил, и в попытках обобщения, и в сопоставлении доказательств и опровержения того или иного общего положения, и в самом стиле «Истории Пелопоннесской войны».

Отыскание истины, по словам Фукидида, — основная цель его труда. О предшественниках своих Фукидид отзывается с пренебрежением; в том числе, видимо, и о Геродоте.

Так, Фукидид отмечает, что логографы сложили «свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: ими рассказываются события, ничем не подтвержденные и за давностью времени, когда они были, превратившиеся большей частью в невероятное и сказочное»¹. Фукидида мы можем назвать *родоначальником исторической критики*. «Я не считал, — говорит Фукидид, — согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого»². Отбор источников и определение их достоверности было делом нелегким: «...очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон или основываясь на своей памяти»³. Таким образом, Фукидид учитывал неточность передачи и тенденциозность свидетельств современников. Подбору материалов он уделял много внимания и сам посещал места наиболее важных событий Пелопоннесской войны. Кроме свидетельств современников, Фукидид пользовался документами, и некоторые из них целиком вошли в его произведение. Договор афинян с Аргосом, Мантинеей и Элидой дошел до нас и в произведении Фукидида и в виде надписи. При сличении было обнаружено почти полное совпадение текстов, некоторые стилистические изменения можно объяснить неисправностью дошедшего до нас текста Фукидида.

Фукидид ясно различает *причины* и *поводы* событий. В отличие от Геродота, не освободившегося еще от наивной веры в чудесное, Фукидида мы можем назвать историком-рационалистом: хотя он и приводит всякого рода предсказания, но относится к ним с сомнением и во всяком случае не придает им особого значения. Естественными считает Фукидид такие явления, как гроза, затмение, землетрясение, и не видит в них, подобно некоторым суеверным своим современникам, сверхъестественных знамений. Но Фукидиду не удалось преодолеть веру в судьбу, характерную для его современников и нашедшую особенно яркое выражение в античной трагедии.

Двадцать глав первой книги (по принятому делению) обычно называют «Археологией Фукидида»; они служат введением к рассказу о событиях, предшествующих Пелопоннесской войне. Введение должно иллюстрировать основную мысль Фукидида о том, что в прошлом в Греции не было войн, подобных Пело-

¹ Фукидид, *История*, перевод Ф. Мищенко, в переработке с примечаниями и вступительным очерком С. Жебелева, I, 21.

² Там же, 22.

³ Там же.

поннесской. Фукидиду почти ничего не известно о существовании крито-микенской культуры; постоянное, оседлое население, по его мнению, появилось в Греции сравнительно недавно.

Повествуя о наиболее раннем периоде греческой истории, Фукидид придает большое значение природным условиям, связывает род занятий жителей с ростом обмена, подчеркивает роль торговли в развитии городов. К гомеровской традиции он относится критически.

Так, упоминая о походе на Трою, он пишет: «Мне кажется, Агамемнон собрал свое войско не столько потому, что принудил к этому походу женихов Елены... сколько потому, что выдавался над современниками своим могуществом»¹.

Исследовательское дарование Фукидида особенно ярко проявляется в приемах реконструирования им далекого прошлого на основании продолжавших бытовать пережитков. Обычай носить оружие, сохранившийся у некоторых греческих племен, по его мнению, служит доказательством того, что когда-то все греки, подобно варварам, носили оружие. У Гомера нет слова «варвары», и это доказывает, утверждает Фукидид, что в то время греки не противопоставляли еще себя варварским народам. Фукидид первым попытался осмыслить прошлое, пользуясь приемами критического анализа документов и рассказов современников и участников событий, поэтических сказаний и пережитков существовавших ранее обычаев и законов.

События самой войны излагаются Фукидидом в хронологическом порядке. Фукидид редко делает выводы, он предоставляет это самому читателю. На переднем плане у Фукидида — военная история. Походы, состояние войск, военные действия описаны им с большим знанием дела, а в иных случаях с исчерпывающей полнотой. Это соответствует его замыслу, сформулированному в начале труда, где он говорит, что приступил к «труду своему тотчас с момента возникновения войны в той уверенности, что война эта будет войною важною и самую достопримечательною из всех предшествовавших»². Вопросы внутренней и дипломатической истории Фукидид рассматривает лишь в той мере, в какой это необходимо ему для описания военных действий.

Фукидиду ясна связь военной истории с внутренней жизнью страны. Он показывает влияние на ход военных событий борьбы внутри отдельных государств, особенно в Афинах. По политическим своим убеждениям Фукидид — умеренный демократ, он поклонник Перикла, но высоко ценит и Ферамена, умеренного олигарха 411 г. К радикальным демократам Фукидид относится отрицательно: Клеона, например, он называет «наглей-

---

¹ Там же, 9.

² Там же, 8.

шим из граждан». Однако политические симпатии не мешают Фукидиду видеть объективные причины событий. У него мы уже встречаем представление о закономерности исторических явлений, уверенность в том, что одинаковые причины вызывают и одинаковые следствия. Фукидид убежден в неизменности человеческой природы. В тех случаях, когда исчезают сдерживающие начала, господство страстей нарушает основы общественного порядка.

Фукидид — современник и участник событий, но произведения его не мемуары, а история. О себе он говорит немного, в соответствии с объективным значением тех событий, в которых сам непосредственно участвовал. «Я пережил всю войну,— говорит Фукидид,— благодаря своему возрасту понимал ее и внимательно наблюдал, с тем чтобы узнать в точности отдельные события. К тому же случилось так, что в течение двадцати лет после моей стратегии под Амфиполею я был в изгнании, стоял близко к делам той и другой воюющей стороны, преимущественно, вследствие моего изгнания, к делам пелопоннессцев, и на досуге имел большие возможности разузнать те или иные события»¹.

При подробном изложении фактов Фукидиду приходится упоминать многих лиц; указывая на историческую роль отдельных граждан, он не останавливается на индивидуальных чертах их характера, исключение составляют только Перикл и Алкивиад. Фукидид не интересуется анекдоты из жизни того или иного деятеля. Роль отдельных личностей как бы бледнеет перед таким грандиозным событием, каким считает Фукидид Пелопоннесскую войну. Больше всего ценит Фукидид ум, умение ориентироваться в событиях и предугадывать будущее.

Фукидид излагает материал последовательно и систематично, лишь в редких случаях вводит он экскурсы, вполне мотивированные и поясняющие то или иное положение. Соединяя глубину мысли со сжатостью изложения, Фукидид заставляет читателя с неослабным вниманием следить за ходом событий, о которых он повествует. Одной из особенностей изложения Фукидида, как и других античных историков, является свободная компоновка речей исторических деятелей. Сам Фукидид вот что говорит об этом: «Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел, причем я держался возможно ближе общего смысла действительно сказанного»². Роль этих речей в общей композиции произведения различна. Речь Перикла на

---

¹ Фукидид, V, 26.

² Фукидид, I, 22.

похоронах афинских воинов в самом начале Пелопоннесской войны содержит программу его внутренней и внешней политики и представляет собой идеализацию афинской демократии в лучшую пору ее существования. Иногда речи как бы мотивируют те или иные действия или поясняют ход событий с точки зрения определенного государства, той или иной политической группировки. В речи коринфского посла на собрании в Спарте сравниваются афиняне и спартанцы, дается их «сравнительная характеристика».

Благодаря труду Фукидида мы хорошо знаем события Пелопоннесской войны. Но греческий историк знаменит еще и тем, что он заложил основы исторической критики и исторических обобщений. Однако в античную эпоху эта сторона его творческого облика оставалась в тени. Изучали его стиль, подражали методам его повествования, а не методам исследования. По достоинству он был оценен лишь в новое время, когда открылась эра научного исследования истории Греции. Фукидид оказался в известном отношении прямым предшественником историографии нового времени; недаром свой труд он сам назвал «достоянием вечности».

Эпоха высшего подъема афинской демократии ознаменовалась, таким образом, двумя выдающимися трудами по истории Греции — Геродота и Фукидида. Следует отметить, что сохранились и другие литературные памятники этого периода, которые, хотя и не представляют собой исторических произведений, могут служить важными источниками. V век — время расцвета греческой драмы. Трагедии *Эсхила*, *Софокла* и *Эврипида* написаны на мифологические сюжеты (исключение составляет трагедия Эсхила «Персы», повествующая о походе Ксеркса против греков), но в той или иной степени в них отражена политическая и социальная борьба того времени.

Для изучения политической истории особенно важны комедии *Аристофана*; автор их живо реагирует на события общественной жизни, и его комедии часто дают нам ценные сведения о политической обстановке в Афинах.

Напряженная социальная и политическая борьба в Афинах в V и IV вв. находила отражение и в многочисленных произведениях публицистического характера. К сожалению, до нашего времени дошла лишь «Псевдоксенофонтова афинская полития». Названа она так потому, что долгое время приписывалась Ксенофону, однако ни по теме, ни по стилю Ксенофонт не может считаться автором этого произведения. Предполагают, что «Афинская полития» появилась в начале Пелопоннесской войны; имя ее автора нам неизвестно; по содержанию же трактата можно заключить, что автор его — афинянин, ярый противник демократии и сторонник олигархических порядков. «Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбра-

ли свой теперешний образ устройства, я его не одобряю». Такими словами начинается этот политический памфлет. Далее автор сообщает, почему ему не нравится афинский строй: «...я не одобряю его по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным». Аристократ-рабовладелец не скрывает своего недовольства демократическими порядками в Афинах: «...распушенность рабов и метеков в Афинах достигает высшей степени. Здесь нельзя побить раба, и он не уступит вам дорогу... В Лакедемон же мой раб тебя боится»¹. Однако автор трактата при всей своей антипатии к демократическому строю считает, что афинские демократы последовательно проводят в жизнь свои взгляды.

В трактате дается подробная характеристика политической обстановки и быта афинян. Далеко не все писатели консервативного лагеря были так откровенны, как автор «Псевдоксенофонтова афинской политики». Многие из них старались прикрыть свою приверженность олигархическому строю ссылками на исторические прецеденты. Среди противников демократии приобретают популярность требования вернуться назад, к «конституции отцов» (по-гречески «пáтриос политéйа»). Ссылки на историческое прошлое входят в моду; но, так как от давно прошедших времен сведений сохранилось мало, зачастую за подлинные факты выдаются всякие домыслы. Таким образом, нередко в политических целях олигархические писатели фальсифицировали раннюю историю.

Исторический жанр получил большое распространение в IV в., широко стала известна и «История Пелопоннесской войны» Фукидида. Но ему, как было отмечено, не удалось закончить свое произведение, и ряд историков пытался продолжить его труд. Одним из таких авторов был *Ксенофонт* (ок. 430—355 гг.). Ксенофонт принадлежал к богатой афинской семье, получил аристократическое воспитание и был учеником Сократа. По своим политическим взглядам Ксенофонт — противник демократического строя и поклонник спартанских порядков. Предполагают, что после олигархического переворота 404 г. и установления «тирании тридцати» Ксенофонт был на стороне этого правительства и активно его поддерживал. После восстановления демократии Ксенофонт покинул Афины и в отряде греческих наемников принял участие в войне, которую вел претендент на персидский престол Кир Младший против своего брата, персидского царя Артаксеркса II. Когда Кир был убит, его греческим наемникам пришлось совершить полный опасностей поход, во время которого Ксенофонт был одним из пред-

---

¹ «Псевдоксенофонтова афинская политика», I, 10, II.

водителей отряда наемников. Возвратившись на родину, Ксенофонт вступил в спартанское войско, за что был заочно приговорен афинским народным собранием к смерти и конфискации имущества.

Ксенофонт — приверженец спартанских порядков. В «Греческой истории» он излагает события со спартанской точки зрения и чрезмерно идеализирует царя Агесилая, под командованием которого служил в спартанских войсках. После заключения Анталкидова мира Ксенофонт поселился в Пелопоннесе, в подаренном ему спартанцами имении близ Олимпии, и посвятил досуг литературным трудам. Затем, после неудачной для Спарты войны с Беотийским союзом, он вынужден был переселиться в Коринф. Отношения между Афинами и Спартой к тому времени изменились, постановление об изгнании Ксенофонта было отменено, но он тем не менее в Афины не возвратился.

Ксенофонт был одним из плодотворных греческих писателей. Из всех его произведений для изучения событий греческой истории IV в. особенно важна «Греческая история» («Hellenica»), которая представляет собой как бы продолжение труда Фукидида. Начальные строки ее: «Через несколько дней после этого прибыл из Афин Тимохар с несколькими кораблями...» — повествуют о событиях, последовавших за теми, на которых прервалось изложение Фукидида.

«Греческая история» делится на семь книг: начинается она с событий 411 г. и кончается битвой при Мантинее (362 г.). Написан этот труд неровно. Материал первой книги — конец Пелопоннесской войны в подражание Фукидиду изложен сухо, в строго хронологическом порядке; лишь рассказ о суде над афинскими стратегами — победителями в битве при Аргинуских островах, — казненными по постановлению народного собрания, автор оживляет, вводя интересные и яркие детали. В последующих книгах в изложении встречаются речи, есть отступления, иногда труд Ксенофонта напоминает мемуары. Существует предположение, что «Греческая история» создавалась в разное время: начал ее Ксенофонт вскоре после 403 г. и кончил уже в старости, в 60-х годах IV в.

Как историк Ксенофонт во многом уступает своему предшественнику Фукидиду. Он придает большое значение «вмешательству божества», верит в сны и предсказания и сам не предпринимает никаких важных шагов, не испросив воли божества. Ксенофонт крайне преувеличивает роль отдельных личностей в развитии исторических событий, нередко история сводится у него к борьбе отдельных лиц, к истории полководцев. Следует отметить также тенденциозность Ксенофонта. Он идеализирует Спарту и ее политический строй (лаконофильство); превозносит и переоценивает роль своего покровителя, спартанского

царя Агесилая. Одни исторические факты Ксенофонт, несомненно, сознательно опускает; другие же излагает чересчур кратко: например, он не говорит об основании Второго Афинского морского союза (378 г.), замалчивает роль деятелей Беотийского союза — Пелопида и Эпаминонда, действовавших против Спарты, и лишь мимоходом упоминает о важной битве при Книде (394 г.), закончившейся поражением спартанцев.

Несмотря на все эти недостатки, «Греческая история» Ксенофонта представляет для нас известную ценность. В ней содержится достоверный материал. Очень часто Ксенофонт использовал свои личные наблюдения, а так как он был близок с выдающимися деятелями своей эпохи, он был хорошо осведомлен. Ксенофонт писал ясным и правильным языком, всегда считался хорошим стилистом, и в древности за простое и ровное изложение его называли «аттической пчелой». «Греческую историю» Ксенофонта в известном отношении можно причислить к мемуарам. Мемуарный характер носит и другое произведение Ксенофонта — «Анабасис» («Восхождение»), в котором описан поход отряда греческих наемников в глубь персидского царства, борьба их на стороне Кира Младшего, битва при Кунаксе и тяжелый переход из Месопотамии к побережью Черного моря. Свою роль в этом походе Ксенофонт, несомненно, преувеличивает. Сами по себе события, описанные Ксенофонтom в его «Анабасисе», имеют второстепенное значение; для историка ценно описание тех областей, по которым двигался отряд, а также быта и психологии греческих наемных войск.

Трактат Ксенофонта «Киропедия», повествующий о воспитании Кира Младшего, представляет собой своеобразный утопический роман, в котором отражены монархические устремления Ксенофонта — предшественника эллинистических публицистов.

В трактате «Государственный строй Спарты» Ксенофонт идеализирует спартанский политический строй. Несмотря на явную тенденциозность автора, это сочинение содержит интересный материал по истории Спарты, недостаточно освещенной в других источниках. Большой интерес для истории греческой философии и характеристики афинского быта представляет произведение Ксенофонта «Воспоминания о Сократе», учителя Ксенофонта; следует, однако, подчеркнуть, что Ксенофонт далеко не точно излагает философское учение Сократа, которое он, видимо, недостаточно ясно понимал. Ценные сведения по экономической истории Греции можно почерпнуть в трактате Ксенофонта «Экономика», или «Домострой», содержащем рассуждение о наиболее целесообразных способах ведения хозяйства. Важен также трактат «О доходах», в котором говорится о том, как нужно поправить афинские финансы, не обременяя союз-

ников. Авторство Ксенофонта в отношении этого произведения иногда оспаривается, правда, без достаточных оснований.

Современником Ксенофонта был философ Платон (427—347 гг.), произведения которого имеют большое значение не только для истории философии, но и для истории социально-политической. Свои социально-политические взгляды Платон изложил в двух произведениях: «Политика», или «Государство», и «Законы». Платон — убежденный противник демократии; поэтому в его произведениях нарисована хотя и яркая, но тенденциозная картина современной ему политической жизни.

Платон, живший в период острой классовой борьбы в Афинах, считает, что демократия ведет Афинское государство к гибели; он создает проект идеального государства, соответствующий классовым интересам аристократии.

После Платона тему о государстве развивает Аристотель (384—322 гг.). В отличие от Платона, который рассуждает об идеальном государстве в достаточной мере отвлеченно, Аристотель стремится обосновать свои взгляды и оценки различных форм государства путем конкретного изучения истории и политического строя отдельных современных ему государств. Аристотелем и его учениками было написано свыше 150 трактатов, посвященных различным греческим и негреческим государствам. Сочинения эти, от которых до нашего времени дошли лишь фрагменты, считались утраченными, но в 1890 г. среди папирусов, привезенных в Британский музей из Египта, неожиданно была обнаружена рукопись, содержащая текст наиболее интересного для нас произведения этого рода — «Афинской политики» Аристотеля. Впервые оно было опубликовано английским ученым Кенионом в следующем же, 1891 году; потом последовали многие другие издания, в том числе и в переводах на русский язык¹.

На основании вновь найденного текста «Афинской политики» Аристотеля был пересмотрен ряд важных вопросов истории Афинского государства. Главное значение этого труда в том, что в нем систематически описана политическая история Афин и их политическое устройство.

«Афинская политика» разделяется на две части: в первой содержится краткая политическая история Афин, во второй — подробное описание современного Аристотелю афинского государственного строя. Найденный текст рукописи начинается с событий VII в. Аристотель не стремится к живости повествования: в большей части «Афинской политики» преобладает сухое изложение фактов, лишь в отдельных случаях приводятся подробности, иногда явно анекдотического характера. Некото-

---

¹ Аристотель, *Афинская политика*, М., 1936—1937, пер. и прим. С. И. Радцига.

рые события изложены подробно и обстоятельно, например законодательство Солона и история переворота 411 г.; о реформе же Эфиальта сообщается очень коротко. Ценность сведений Аристотеля зависит от тех источников, какими он пользовался; в одних случаях он опирается на труды Геродота и Фукидида, в других — пользуется так называемыми *аттидами* (хрониками, посвященными афинской истории); Аристотель обращается и к первоисточникам: он цитирует стихотворения Солона и привлекает законодательные акты. Современный ему государственный строй Аристотель описывает на основе и личных наблюдений. Характеризуя политические учреждения минувших времен, Аристотель стоит, как бы мы теперь сказали, на точке зрения эволюционизма: развитие политического строя, по его мнению, происходит постепенно, и незначительные вначале перемены ведут впоследствии к существенным изменениям.

На основании материалов различных политий Аристотелем написана была «Политика» — трактат о сущности государства. В нем дается классификация государственных форм и суждения автора о наиболее совершенном политическом строе. Подобно сочинениям Платона, этот труд Аристотеля важен для истории политической мысли в Греции. Кроме того, в трактате много фактов из истории греческих городов, относящихся к различным эпохам и дополняющих сведения других источников.

Своеобразными публицистическими произведениями конца V и IV вв. были речи афинских ораторов. К концу V в. относится речь *Андокида* о мистериях, проливающая свет на историю борьбы политических группировок в Афинах во второй период Пелопоннесской войны. Судебные защитительные речи афинского оратора *Лисия* знакомят нас с различными сторонами афинского быта конца V — начала IV в. Для характеристики афинской политической жизни во время господства «тридцати тиранов» очень интересна речь, произнесенная Лисием против Эратосфена — одного из тиранов.

Сохранилось несколько судебных речей и другого оратора — *Исея*, учившегося у Лисия. Общие вопросы греческой политической жизни затронуты в произведениях (скорее трактатах, нежели речах, как их обычно называют) *Исократа* — противника демократии, поклонника афинской старины, вдохновителя и идеолога походов против персов, а в последний период своей жизни приверженца Филиппа Македонского. Сторонником македонского царя, был также оратор *Эсхин*; до нас дошли три его речи, написанные им, видимо, в целях пропаганды промакедонских взглядов.

Выдающийся оратор древности *Демосфен* был ярким противником Филиппа Македонского. Деятельность свою он начал с судебных речей, но популярность завоевал блестящими поли-

тическими речами. В них Демосфен отстаивает свободу и независимость афинской демократии. И в построении речей, и в стиле, и в приемах аргументации Демосфен достиг исключительного мастерства, принесшего ему славу великого оратора. Страстные речи его против Филиппа Македонского были названы филиппиками, и впоследствии так стали называть резкие и обличительные выступления. Цицерон, например, считал филиппиками свои речи против Антония. Для истории возвышения Македонии и характеристики общественных настроений в Греции этого времени речи Демосфена имеют исключительное значение.

Сторонником Демосфена, далеко, впрочем, не последовательным, был оратор *Гиперид*; в наше время среди папирусов было найдено несколько его речей; до этой находки были известны лишь отрывки из его произведений.

Ораторское искусство, развитию которого способствовали условия греческой политической жизни, достигло больших успехов; оно стало одним из главных предметов обучения в школах.

Речи в то время издавались их авторами и играли почти такую же роль, как политические памфлеты и произведения художественной литературы. Появились и особые трактаты по риторике, служившие руководством для обучения красноречию. Первыми учителями красноречия были софисты. Настоящим реформатором в области красноречия выступил Исократ. Он усовершенствовал периодическую речь, служащую целям торжественного красноречия. Красноречие, по мнению Исократу, должно было стать основным элементом воспитания. Аристотель посвятил особое произведение — «Риторику» — теории ораторских доказательств, уяснению цели и характера ораторского искусства, анализу ораторских стилей и образных средств языка.

Риторическое направление оказало сильное влияние и на различные области литературы и на последующее развитие историографии. Исократ отдавал предпочтение занимательному и эффектному нередко в ущерб исторической истине, поэтому исторические примеры он привлекал главным образом для того, чтобы оживить свои основные мысли и положения. Стремясь к живости изложения, историки вводили в повествование вымышленные речи исторических деятелей, составлявшие по всем правилам риторики.

Учениками Исократу были историки IV в. *Эфор* и *Феопп*. Эфор написал историю всей Греции, однако от его труда сохранились лишь отрывки; на основании этих фрагментов и упоминаний о его сочинении других авторов мы можем судить, что в отличие от своих предшественников Эфор описывал историю не отдельных городов, а всего греческого мира, включая

западные и восточные колонии. Феопомп, произведения которого дошли до нас также в отрывках, продолжил труд Фукидида, изложив греческую историю с 411 до 394 г. (битва при Книде). Кроме того, им была написана история Филиппа Македонского. В центре внимания Феопомпа — биографии отдельных деятелей, историческую роль которых он крайне преувеличивает.

К риторическому направлению принадлежал и уроженец Сицилии *Тимей* (ок. 345/340—250 гг.), написавший историю своей родины и других западных областей. Судя по сохранившимся фрагментам произведений Тимея, речам отводилось в них значительное место. Большую роль придавал он судьбе и различным предзнаменованиям. Достоинство его труда в том, что в основу своей хронологии он положил счет времени по олимпиадам. Тем самым Тимей свел в единую хронологическую систему отдельные местные системы летосчисления (по архонтам, эфортам и т. д.).

Историческая литература времен эллинизма чрезвычайно обширна. Особенно широко отражены в литературе походы Александра Македонского. Одним из первых описал эти походы полководец Александра, а впоследствии египетский царь *Птолемей I*, использовавший корреспонденцию Александра и придворные дневники. Истории походов посвящены труды и других сподвижников Александра — *Аристобула* и *Клитарха*. Сочинения эти до нас не дошли, но их привлекали другие авторы, в частности историк II в. н. э. *Арриан*, в произведении которого «*Анабасис*» рассказывается о походах Александра.

Хотя от большинства исторических трудов, написанных в эллинистическую эпоху, сохранились лишь фрагменты или мы знаем только имена их авторов, можно с уверенностью утверждать, что это было время кропотливого собирания материалов и многочисленных исследований по весьма широкому кругу исторических вопросов.

В этот период возникает и биографический жанр. Аристотель обратил внимание на то, что поведение людей может быть объектом научного изучения, и ученики его составляли биографии поэтов и мыслителей, заботясь главным образом о решении интересовавших их этико-моральных вопросов и занимательности изложения, а не об исторической достоверности своих произведений.

Выдающимся историческим сочинением эллинистической эпохи был труд *Полибия*. Полибий родился около 200 г. до н. э. в аркадском городе Мегалополе и принимал активное участие в Ахейском союзе. В 168 г., после победы римлян над македонским царем Персеем, Полибий был отправлен в качестве заложника в Рим, где сблизился с видными представителями римской аристократии и из противника римского вмеша-

ства в греческие дела превратился в поклонника римлян. Умер Полибий около 120 г.

Полибий излагает историю эллинистических стран за период от 220 до 146 г. Он стремится создать всемирную историю, которая должна охватить весь доступный его кругозору культурный мир. Полибий считает, что знакомство с исторической жизнью отдельных стран не может дать представления о целом, как созерцание разрозненных членов живого организма не дает ясного представления о жизненной силе и красоте живого существа. Полибию была известна история многих греческих городов-государств; большинство из них находилось в то время в состоянии упадка. Это привело его к выводу, что каждое государство, подобно живому организму, развивается согласно «порядку природы» и за периодами роста и развития следуют упадок и разложение. Полибий — сторонник олигархического строя и с этой точки зрения оценивает излагаемые им исторические события.

История, по Полибию, преследует практические цели: она должна учить людей и обогащать их опыт. Сам видный политический деятель, побывавший в разных странах, Полибий считал практический опыт одним из условий плодотворного занятия историей. К источникам Полибий относился критически и старался обосновать изложение документальными данными. Впрочем, риторическая школа наложила отпечаток и на труды Полибия, хотя он реже, чем другие античные писатели, прибегает к речам исторических деятелей и осуждает тех историков, которые прежде всего заботились о красоте и занимательности изложения. Труд его полностью до нас не дошел (из сорока книг сохранилось только пять, из них эллинистической истории посвящены четвертая и пятая; от остальных сохранились более или менее значительные фрагменты). После «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида труд Полибия можно считать самым серьезным историческим произведением античной эпохи.

Продолжателем Полибия был *Посидоний*, труд которого до нас не дошел, но, судя по отзывам других историков и сохранившимся фрагментам, он был доведен до 80-х годов I в. до н. э.

Из других историков, живших уже в римскую эпоху, следует отметить *Диодора Сицилийского*, написавшего очень большой (40 книг) труд по всеобщей истории под названием «Историческая библиотека». Этот труд охватывает историю Востока, Греции и Рима. Диодор дает синхроническое изложение, сопоставляя различные системы летосчисления: по олимпиадам, архонтам и т. д. Не всегда эти сопоставления удачны, но для хронологических изысканий труд Диодора дает весьма ценный материал.

Многие из источников, которыми пользовался Диодор, до нас не дошли. Ему известны были утерянные в настоящее время части труда Полибия, «История» Посидония, произведения Феопомпа, Тимея и других авторов. Диодор недостаточно критически относился к источникам, и его с полным правом можно назвать историком-компилятором. Из дошедших до нас книг «Исторической библиотеки» особенное значение имеют те разделы истории Греции, которые недостаточно представлены в других источниках: рассказы о событиях в Греции начиная с V в., дополняющие «Греческую историю» Ксенофонта, сведения об исторической жизни Сицилии и т. д. У Диодора мы находим также важные данные о Филиппе и Александре Македонских.

Ряд ценных и интересных сведений по истории древней Греции содержится в трудах *Плутарха* (ок. 46—126 гг. н. э.). Этот плодовитый и очень популярный в античное время писатель родился в беотийском городе Херонее, образование получил в Афинах, был связан с римскими аристократическими кругами и занимал видный бюрократический пост в Греции (ведал управлением императорских поместий).

«Параллельные биографии» Плутарха знакомят нас с жизнью многих греческих и римских деятелей. Задача биографа, по Плутарху, отлична от задач историка. Биограф должен отметить положительные и отрицательные черты исторического деятеля и охарактеризовать его как человека. Плутарх считает, что для этой цели незначительный поступок, высказывания или шутки могут иметь большее значение, чем важные в историческом отношении события. Поэтому индивидуальные черты характера исторического деятеля обладают для Плутарха большей притягательной силой, чем его политическая роль. Плутарх — философ-моралист, и суждения его нередко субъективны, но для нас ценно то, что в произведениях Плутарха отражены такие явления греческой истории, мимо которых прошли авторы других источников. Некоторые биографии Плутарха, например биографии Тесея и Ликурга, основаны на легендарном материале; другие опираются на достоверные источники.

Плутарх обладал большой эрудицией, старался быть точным в передаче событий, но к источникам относился некритически и выбирал такие, которые соответствовали его целям. В эпоху Плутарха получили широкое распространение всякого рода религиозные учения, и сам он находился под их большим влиянием. Поэтому в созданные им биографии он вплетает много чудесного и сверхъестественного, любит рассказывать о всяких чудесах и знамениях даже тогда, когда в них сомневается. Благодаря живому и занимательному изложению биографии Плутарха завоевали огромную популярность.

Ко II в. н. э. относится «Описание Эллады» *Павсания*, который интересовался преимущественно греческими памятниками старины и приводил много рассказов о событиях далекого прошлого.

Интерес к греческой истории проявили и римские писатели. Немало ссылок на примеры греческой истории найдем мы у *Цицерона*. В конце I в. до н. э., во времена Августа, большое историческое сочинение на латинском языке написал *Помпей Трог*; извлечения из него сохранились у писателя II в. н. э. *Юстина*. Это было компилятивное произведение, составленное на основании ряда исторических трудов периода, предшествовавшего жизни автора. Особенное значение имеют главы, посвященные македонской истории. Писатель I в. н. э. *Веллей Патеркул* дает краткое и популярное изложение греческой истории. Несколько позднее *Квинт Курций Руф* написал большую биографию Александра Македонского, используя не дошедшие до нас данные.

Исторические произведения античной эпохи позволяют восстановить в основных чертах ход всей греческой истории, выделить основные ее моменты; они дают очень много материалов для изучения греческого рабовладельческого общества на разных стадиях его развития. Другие литературные памятники (лирические произведения, трагедии и комедии, публицистическая литература, памятники ораторского искусства) освещают немало интересных сторон греческой социальной и политической жизни. Но исторические и литературные источники не дают все же полного представления об истории Греции; кроме того, следует учитывать, что литературным произведениям свойственны политическая тенденциозность, а также зависимость от источников, которыми пользовался тот или иной автор.

В отличие от литературных источников *документальные* источники, дошедшие до нас в виде надписей, современны тем событиям, о которых они повествуют. В античную эпоху публикация важных политических документов состояла в том, что соответствующие акты вырезались на камне и выставлялись на площадях и на улицах. Часть этого своеобразного каменного архива классической и эллинистической эпохи сохранилась и до наших дней.

Надписи дают ценнейший материал, отражающий различные стороны исторической жизни древних греков. Так, в виде надписи, найденной в Олимпии, до нас дошел один из древнейших дипломатических документов — договор между Олимпией и Гереей. К VI в. до н. э. относится открытая в 1884 г. *Гортинская надпись* (запись гортинского права), обнаруженная в городе Гортине на Крите. Памятник содержит много важных данных, касающихся семейных и имущественных отношений, долгового права, системы наказаний за различные проступки

и преступления. На основании Гортинской надписи можно судить и о положении рабов и должников в раннюю эпоху.

Очень важны аттические надписи, освещающие различные стороны афинской государственной жизни: найдены тексты договоров между Афинами и другими греческими городами; надписи, связанные с историей афинских финансов; постановления народных собраний о долгах священной казне храма богини Афины и других храмов; отчеты об издержках на военные нужды, на постройки, на оплату должностей и пр. Все эти материалы позволяют нам судить об экономическом положении Афин в различные периоды греческой истории.

Ряд надписей свидетельствует о взаимоотношениях между Афинами и союзными городами. Сохранились, например, списки союзных городов, плативших Афинам *форос* (дань). Дошел до нас договор о Втором Афинском союзе. Надпись, в которой зафиксирован договор между Афинами, Аргосом, Мантиней и Элидой, важна не только своим содержанием, но и тем, что дает возможность проверить достоверность тех документов, которые приводит Фукидид. Среди надписей, обнаруженных на территории греческих колоний в Северном Причерноморье, особенно любопытна найденная в Херсонесе присяга, изучение которой важно для истории греческих политических учреждений. На площади города Ольвии, расположенного в устье Буго-Днепровского лимана, найден декрет в честь одного из знатных ольвийских граждан — Протогена; в этом декрете перечислены благодеяния Протогена, ярко характеризующие положение города в III в. до н. э. Большое значение имеют и надписи, относящиеся к эллинистической эпохе. Немало их найдено в Пергаме и других малоазийских городах, на островах Делосе, Родосе, в Египте и в других местах.

Ценность представляют не только те надписи, которые содержат официальные документы, но и надписи частного характера: надгробные, религиозные посвящения, благодарственные и пр. Они конкретизируют наши сведения о социальном составе греческих и более поздних эллинистических городов, о передвижении населения, материальном положении различных его групп, семейном быте и истории хозяйства.

Со второй половины XIX в. развивается особая вспомогательная историческая дисциплина — *папирология*, изучающая папирусы, найденные в изобилии в Египте. Некоторые папирусы хорошо сохранились и являются очень важными и ценными источниками. Среди папирусов, как уже отмечалось, была найдена «Афинская политика» Аристотеля, а также некоторые комедии Менандра, речи Гиперида и др. Но папирологические находки, относящиеся к классической эпохе, единичны. Особенно велико значение папирусов для изучения истории эллинистического Египта: законодательные акты, официальные

и частные письма, расписки и всякого рода записи проливают свет на различные стороны хозяйственного и социального быта этой страны. В настоящее время известны тысячи таких документов.

Очень много нового в изучение истории Греции внесли *археологические исследования*. Изучение наиболее древнего периода стало возможным только после раскопок ряда древнейших памятников на острове Крите, на других островах, побережьях Малой Азии, а также греческом материке.

Генрих Шлиман (1822—1890 гг.) первый предпринял раскопки на холме Гиссарлык в Малой Азии, где, по преданию, находилась древняя Троя. И перед исследователем предстали развалины древнего города, просуществовавшего много веков. Работа, начатая Шлиманом, была завершена его ближайшим сотрудником *Вильгельмом Дертфельдом*, который продолжил раскопки на холме Гиссарлык и определил слои, относившиеся к гомеровской Трое. Богатейший археологический материал был найден Шлиманом в Балканской Греции на территории Арголиды, у древних Микен. Здесь были раскопаны так называемые шахтовые гробницы конца XVII — первой половины XVI в. до н. э. Открытие Шлимана необычайно расширило наши представления о древнейшем периоде исторической жизни греков.

Рамки ранней истории Греции еще больше раздвинулись после раскопок на острове Крите. Хранителю Оксфордского музея, а впоследствии профессору Оксфордского университета *Артуру Эвансу*, начавшему в 1900 г. регулярные раскопки на Крите, удалось открыть на месте древнего города Кносса остатки большого дворца. Эванс, а также еще ряд археологов предприняли раскопки и в других районах острова Крита. Исключительные по своему значению археологические открытия дали возможность говорить об особой критской культуре.

Начались систематические археологические исследования. В Афинах и других известных в афинскую эпоху греческих городах; в Дельфах и Олимпии, этих важных религиозных центрах; на островах Делосе и Родосе; на месте крупных малоазийских центров — Милета, Пергама и иных городов, процветавших в классическую эпоху или эпоху эллинизма; в причерноморских областях; в Египте, Сирии и других странах, находившихся под влиянием эллинизма, — всюду велись и ведутся раскопки, дающие огромный археологический материал. Множество памятников знакомит нас с историческим бытом древних греков и населения эллинистических городов. Памятники художественного творчества открыли широкие возможности для изучения истории греческого искусства.

Важным источником являются также монеты, которые исследует особая вспомогательная дисциплина — *нумизматика*. Мо-

неты чеканились в очень многих греческих городах и во всех эллинистических государствах. Изучение изображений и надписей на монетах, районов распространения тех или иных монет, особенностей их чеканки дает в руки историка интересный и важный материал.

Широкое привлечение материалов археологических исследований, надписей и папирусов обусловило настоящий переворот в изучении греческой истории.

Критическое изучение греческих исторических сочинений и других литературных памятников и использование данных вспомогательных дисциплин помогают проследить историю Греции на различных ступенях ее развития.

ГЛАВА II

ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Начало систематического изучения истории древней Греции относится к эпохе Возрождения, когда в среде наиболее прогрессивных деятелей того времени пробуждается исключительный интерес к античности. В Италии, а потом и в других странах Западной Европы начинается период увлечения памятниками античной эпохи. Выступая против господства католической церкви и средневековой схоластики, деятели эпохи Возрождения (гуманисты) искали в античном прошлом обоснование своих взглядов. Они считали сложившуюся в античную эпоху культуру прежде всего культурой светской, которую, следовательно, можно было противопоставить церковной идеологии отживающей феодальной эпохи. В трудах античных историков, философов и поэтов поборники прогресса эпохи Возрождения находили, как им казалось, образцы гражданских установлений, обеспечивающих гармоническое развитие человеческой личности; возрождение и утверждение прав этой личности, попранных феодальными порядками. Те же гармоничные начала с восторгом открывали они и в произведениях античных художников.

В это время начинается настоящая охота за памятниками античной культуры. Из книгохранилищ в результате усиленных поисков извлекаются все новые и новые рукописи произведений античных писателей, из развалин античных городов — древние скульптуры, художественная керамика, надписи, монеты и т. д. Особенно много памятников античной культуры попало в руки деятелей Возрождения после падения Византии.

Огромный интерес к античному прошлому, естественно, вызвал необходимость в более детальном и обстоятельном изуче-

нии античных памятников. После изобретения книгопечатания сохранившиеся произведения античных писателей начинают издаваться. При этом их издателям приходилось проводить довольно сложную работу по согласованию различных рукописных вариантов, устранению разночтений, установлению наиболее правильного, канонического текста, комментированию этого текста и переводу греческих авторов на принятый тогда в науке латинский язык. Так, в 1488 г. Димитрием Халкондидом, греком по рождению, жившим в Италии, впервые были изданы «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Комментированные издания и переводы античных авторов начинают издаваться не только в Италии, но и во Франции, Германии, Англии, Голландии. Стала ощущаться острая потребность в специальных пособиях: словарях, грамматиках, трудах по хронологии, мифологии, генеалогии античных богов и т. д.

Наибольшей известностью среди такого рода пособий в течение очень длительного времени пользовался словарь древнего греческого языка «Сокровищница греческого языка» («*Thesaurus linguae Graecae*»), составленный и изданный в 1572 г. французским ученым *Жозефом Скалигером*. Потом этот словарь неоднократно переиздавался с различными дополнениями и изменениями (последний раз в 1865 г.). Начало изучению античной хронологии было положено трудами этого же ученого, изданными в 1583 и 1606 гг. В 1624 г. в Голландии *Гергард Иоганн Фосс* издает первый труд, специально посвященный греческим историкам. В самом начале XVIII в. там же выходит в свет монументальное собрание греческих древностей в 13 томах *Якова Гроновиуса*, а во Франции — многотомное издание памятников античного искусства *Монфокона*. В 20-х годах того же века в Германии *Фабрициус* издает 14-томный обзор греческой литературы.

Общей чертой этих и многих других работ по античной Греции, появившихся в XV—XVII вв., было слепое и восторженное преклонение перед античной культурой, безграничная идеализация и почти полное отсутствие критического подхода к античным источникам. Любое свидетельство античных авторов воспринималось представителями тогдашней науки с полным доверием. Исключением из этого правила были лишь двое ученых, живших в конце XVII и начале XVIII в., — англичанин *Р. Бентли* и итальянец *Д. Вико*, автор стяжавшей себе широкую известность «Новой науки». Первый из них в специальном исследовании, опубликованном в 1699 г., доказал подложность так называемых писем Фалариса, Фемистокла, Сократа, Еврипида и других античных деятелей. Эти письма до того времени всеми учеными воспринимались как подлинные. Вторым впервые высказал обоснованные сомнения в реальности Гомера как автора «Илиады» и «Одиссеи». По предположению

Вико, обе эти поэмы отделены друг от друга промежутком времени, не меньшим чем в сто лет, и возникли они из отдельных, сложенных народом песен. Однако критические мысли, высказанные Бентли и Вико, не оказали почти никакого воздействия на разработку античных сюжетов их современниками.

В XVIII в. интерес к античной эпохе не ослабевает и изучение ее продолжается, что оказало очень существенное влияние на формирование идеологии революционно настроенной французской буржуазии, которая готовилась к решительному выступлению против изживших себя во всех передовых странах старых, полуфеодальных порядков и королевского абсолютизма. К этому времени изучение античной эпохи стало играть в жизни европейских стран несравненно более значительную роль, чем раньше. Если в предшествующий период исследование памятников античной культуры было уделом относительно узкого круга высокообразованных деятелей науки, то со второй половины XVII и особенно в XVIII в. знакомство с важнейшими событиями античной истории, выдающимися трудами античных писателей и поэтов и греческой мифологией становится неотъемлемой частью общего образования, доступного гораздо более широкому кругу людей.

Поэты и драматурги, романисты и художники постоянно заимствуют сюжеты для своих произведений из греческой истории, литературы и мифологии. Композиционные приемы античной трагедии оживают в произведениях Корнеля и Расина во французском театре. Творчество античных зодчих оказывает огромное воздействие на архитектуру. Поэтому приводимые просветителями XVIII в. исторические примеры из греческой и римской истории в очень многих случаях оказывали на сравнительно многочисленных читателей гораздо большее влияние, чем примеры из их отечественной истории. Все наиболее крупные писатели того времени широко используют материал античной истории, литературы и философии для обоснования и популяризации своих философских и политических воззрений. У Руссо, например, государственные порядки античных полисов воплощают и конкретизируют его идею непосредственного народоправства. Примеры из античной эпохи на каждом шагу встречаются у Вольтера, Монтескье, Мабли и других просветителей.

Само собою разумеется, что подобное использование классической традиции создавало не менее благоприятные, чем в эпоху Возрождения, условия для чрезмерной идеализации античности и некритического отношения к античным источникам. Не свободен от идеализации античности даже замечательный труд известного немецкого ученого и тонкого знатока античного искусства *И. И. Винкельмана*. Без преувеличения можно

сказать, что его «Историей искусства древности», вышедшей в Германии в 1764 г., было положено начало современному искусствоведению. Но значение труда Винкельмана этим не исчерпывается. Заслуга его в том, что он проводит мысль о тесной органической связи между искусством и исторической жизнью того народа, который его создал, его нравами, государственным строем и природными условиями, на фоне которых протекало историческое развитие этого народа. Труд Винкельмана поэтому оказал сильнейшее влияние на многих историков последующих поколений, исследовавших не только памятники античного искусства, но и более широкий круг исторических вопросов.

В Англии во второй половине и конце XVIII в. также издается ряд трудов по истории Греции. Они представляют собой обширные компиляции, построенные на не критическом пересказе античной традиции. Из этих трудов теперь, пожалуй, заслуживает упоминания лишь «История Греции» У. Митфорда. Это первый любопытный пример использования материала древнегреческой истории для обоснования политических воззрений самого автора. По своим политическим взглядам Митфорд был последовательным консерватором, ярким противником Французской революции, всецело разделявшим реакционную теорию его соотечественника Бёрка, выдвинутую в противовес революционным идеям французских просветителей. Согласно этой теории, никакие революции не в состоянии изменить исторически сложившегося государственного строя, подобно тому как нельзя по своему усмотрению переделать растение, выросшее на определенной почве. Митфорд предпринимает малоубедительную в глазах его современников попытку доказать справедливость этого положения на примерах исторической жизни древних Афин и древней Спарты. Симпатии Митфорда, конечно, на стороне консервативной Спарты, которую он непомерно идеализирует, Афины же наделяются самыми непривлекательными чертами.

Только в самые последние годы XVIII в. в изучении античной эпохи наметился очень важный перелом, связанный с именем немецкого ученого Ф. А. Вольфа (1759—1824 гг.). В 1795 г. он выпустил в свет свое «Введение к Гомеру» («Prolegomena ad Homerum»), завоевавшее впоследствии большую известность. Анализируя содержание «Илиады» и «Одиссеи» и сопоставляя их с эпосом других народов, Вольф пришел к выводу, что поэмы эти в виде отдельных песен возникли еще в дописьменную эпоху и были плодом не индивидуального, а коллективного народного творчества. В течение веков, передаваясь из поколения в поколение, они жили в устной традиции и лишь после возникновения письменности были систематизированы и записаны. Подобные мысли в форме гипотез высказывались и

до Вольфа, но он первый обосновал свое мнение рядом конкретных доказательств, построенных на критическом анализе текста. Этим было положено начало так называемому *гомеровскому вопросу* (см. ниже, гл. V, стр. 99) и критическому направлению в изучении античных литературных и исторических источников.

Конечно, появление труда Вольфа не было случайностью. Почва для таких трудов была уже подготовлена длительным изучением произведений античной эпохи, накоплением большого материала и постепенным совершенствованием приемов его научной обработки. В этой связи нельзя не упомянуть исследований *Б. Г. Нибура*. В 1811 г. появился первый том его «Римской истории», в следующем году вышел второй. Труды Нибура представляют интерес не только для изучения истории древнего Рима. Стремление Нибура дать достоверную, очищенную от вымыслов и легенд историю древних римлян, критическая работа его над источниками, приемы сравнительно-исторического изучения исторических явлений прошлого, установление таких понятий, как «родовой строй», «племенное» объединение и другие, содействовали развитию истории как науки, уточнению ее методов и исследовательских приемов. Под влиянием Нибура критическое изучение источников для установления исторической истины стали с успехом применять в различных областях исторического исследования. Приемы его работы оказали очень большое влияние и на дальнейшую разработку истории Греции. Сам Нибур уделил внимание Греции лишь в своих «Чтениях по древней истории», изданных по запискам слушателей уже после его смерти. В отличие от Митфорда Нибур в этих «Чтениях» проявляет симпатию к Афинам и антипатию к Спарте, а также к Филиппу и Александру Македонским.

Последователем Нибура был *Август Бек* — один из наиболее крупных ученых-историков первой половины XIX в., с именем которого связан очень важный этап в научной разработке истории античной Греции, плодотворно сказавшийся на многих последующих исследованиях.

Август Бек известен прежде всего как один из инициаторов и главных участников грандиозной работы по составлению первого «Свода греческих надписей» («*Corpus Inscriptionum graecorum*»). Хотя сам Бек в Греции не был ни разу, он собрал, тщательно обработал и прокомментировал очень много древнегреческих надписей. Первый выпуск его замечательного собрания надписей вышел в 1825 г., а последняя часть IV тома появилась уже после смерти Бека, в 1877 г. Это было первое научное критическое издание греческих надписей, положившее начало новой вспомогательной дисциплине — современной эпиграфике.

Пример удачного использования эпиграфических данных продемонстрировал сам Бек в труде «Государственное хозяйство афинян», первое издание которого вышло в 1817 г. До того времени исследователи интересовались главным образом античным искусством и литературой и по традиции, идущей со времен гуманистов, видели в греческой жизни воплощение великих общечеловеческих идеалов. «Только односторонность или поверхностность видит в древности всюду идеалы», — писал по этому поводу Бек. «Ни жизнь древности, — говорил он, — без знания ее финансов, ни ее финансы без более точного изучения внутреннего строя государств и публичной жизни не могут быть поняты».

Труд Бека знакомил его современников не только с афинскими финансами, но и со многими другими сторонами экономической и государственной жизни древних греков. Бека глубоко интересовали такие вопросы, как вопрос о ценах на предметы первой необходимости, численности населения, структуре государственного аппарата и т. д. При всем том он продолжал придерживаться идеалистических взглядов на развитие исторического процесса в целом, считая, что главная движущая сила истории — это дух народа.

На рубеже первой и второй половины XIX в. в Англии стал издаваться один из самых крупных и значительных в буржуазной историографии того времени трудов по истории Греции — «История Греции» *Джорджа Грота* (1794—1871 гг.). Научные занятия первоначально не были профессией Грота. Он был крупным банкиром и политическим деятелем радикального направления, членом английского парламента. Будучи широкообразованным человеком, Грот проявлял большой интерес к новой истории и политической экономии, но свой досуг он посвящал главным образом изучению классической древности.

Еще в 1826 г. вышла в свет его работа полемического характера, посвященная критическому разбору «Истории Греции» Митфорда. В начале 40-х годов Грот приступил к работе над своей собственной «Историей Греции», и эта работа так увлекла его, что вскоре он отказался от парламентской деятельности, а потом и от деятельности банкира. Грот работал с огромным энтузиазмом: в 1846 г. появились в печати первые два тома его «Истории Греции», а в 1856 г. вышел в свет последний, двенадцатый, том.

Разделяя взгляды Нибура на задачи научного исследования, Грот в своем труде стремился провести четкую грань между малодостоверными и заслуживающими доверия историческими фактами. Поэтому к наиболее раннему периоду греческой истории он относился скептически, не пытаясь найти в древних мифах и сказаниях отражение реальной исторической

действительности. Достоверная история, по его мнению, начинается лишь с первой олимпиады — 766 г. до н. э. Свое изложение Грот заканчивает историей Александра и его преемников. Последующая история Греции, с его точки зрения, уже никакого интереса не представляет.

В труде Грота по-новому поставлен, освещен и решен ряд важных вопросов греческой истории. В одних случаях он, умело используя свидетельства поздних источников, убедительно реконструирует отдельные события более раннего времени, в других оспаривает такие факты античной традиции (например, реформы Ликурга), историческая достоверность которых у других ученых не возбуждала никаких сомнений. Конечно, далеко не всегда Грот бывал в достаточной мере последователен. Например, его характеристика греческого рода, в которой он учел и наблюдения Нибура над аналогичным периодом в истории древних римлян, вызвала ряд существенных возражений Маркса и Энгельса (в главе о греческом роде в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»).

В целом многотомная «История Греции» Грота долгое время справедливо считалась одним из наиболее авторитетных трудов по истории античности. Написана она живым и образным языком, рассчитанным на достаточно широкий круг читателей. Но именно эта особенность работы Грота имела и отрицательную сторону. Стремясь приблизить историю древних греков к своим современникам, сделать ее понятной для них, Грот постоянно прибегает к модернизации отношений, существовавших в древности. Так, описывая политическую и социальную жизнь древней Греции, Грот пользуется понятиями и терминами капиталистической эпохи. Вопросы классовой борьбы и экономической жизни трактуются у него в духе экономической теории Рикардо и так называемой Манчестерской школы, выше всего ценившей свободную конкуренцию.

Некоторые недочеты труда Грота восполнялись работами других исследователей. Еще до выхода «Истории Греции» Грота появилась трехтомная «История эллинизма» *И. Г. Дройзена*. Эпоху, начинавшуюся походами Александра, историки считали «большим пробелом», «мертвым полем в истории человечества»; Дройзен же называет этот длительный период «живым членом в цепи человеческого развития... носителем величайшего назначения». Дройзен первый ввел в научный оборот термин «эллинизм», под которым понималось прежде всего «распространение греческой государственности и образованности среди отживших культурных народов Востока». Сторонник философии Гегеля, Дройзен признавал деление народов на «культурные» и «отсталые» и разделял реакционные взгляды Гегеля

на государство вообще и роль Пруссии. Это нашло отражение и в трактовке греческой истории. Греции с ее раздробленностью Дройзен противопоставляет Македонию с «ее офицерским сословием». В подчинении Македонии он видит путь к объединению греков. Александру Македонскому Дройзен приписывал исключительную роль в истории древности, оправдывая все его поступки; большое внимание уделил он исследованию войн между преемниками Александра; на основании тщательного изучения источников он дал систематическое их изложение, в то время как даже Нибуру они казались самыми запутанными во всей мировой истории. Труд Дройзена, освещавший почти исключительно политическую историю, в настоящее время устарел; значение его в том, что с выходом этого произведения в свет началось изучение истории эллинизма, которое приобрело особенный размах в конце XIX и в XX в. В середине же XIX в., несмотря на издание работы Дройзена, истории эллинизма уделялось мало внимания.

В трехтомной «Греческой истории» Э. Курциуса, пользовавшейся широкой популярностью главным образом благодаря доступному и живому изложению, в установлении македонского владычества усматривается «не переход к новой эпохе, которая устранила бы вымершее и вызвала бы свежие силы развития, а только регресс, упадок». Последователь географа Риттера, Курциус в своем труде, издававшемся с 1857 по 1867 г., обратил внимание на роль географической среды и влияние природных условий на жизнь греков. Курциус дал живой очерк греческой природы, но преувеличил ее влияние на жизнь греческого общества, так же как Бокль и Риттер.

В отличие от Грота, которого интересует прежде всего политическая история древней Греции, Курциус уделяет большое внимание культурной истории древних греков. На работу Курциуса оказало влияние непосредственное знакомство с памятниками греческого искусства. Еще в 30-х годах он жил в Афинах, а впоследствии сам руководил производившимися там раскопками. В известном отношении Курциус возвращается к научным традициям конца XVIII и начала XIX в. Устанавливая связь между развитием культуры греков и их политической историей, Курциус считает греков «образцом» для человечества.

Возрождение этой «народно-психологической» традиции связано с повышенным интересом к национальному вопросу, характерным для германской националистической публицистики середины прошлого века. Это направление у некоторых других немецких исследователей, особенно у М. Дункера, создавшего еще в 50-х годах четырехтомную «Историю древности», переходит в откровенный национализм. В конце 70-х и начале 80-х годов труд этот выходит новым изданием, и в нем еще резче отражены реакционные взгляды Дункера, националиста

и поклонника Бисмарка. Дункер видит в Афинах сильное государство, сумевшее подчинить своему влиянию греческие города. Сам Дункер указывал, что образ Бисмарка повлиял на ту характеристику, какую он дал Фемистоклу как «основателю аттического могущества, прозорливейшему и энергичнейшему из всех эллинов». Национализм и реакционная модернизация прошлого характерны и для других работ немецких историков того времени.

Из работ французских историков необходимо указать на «Гражданскую общину» *Фюстель-де-Куланжа*, вышедшую первым изданием в 1864 г. По философским своим взглядам Фюстель-де-Куланж — позитивист. Он считает, что развитие истории происходит не случайно, на исторической арене действуют не личности, а массы, которыми руководят «понятия и интересы». В отличие от сторонников модернизации древности Фюстель-де-Куланж писал: «Чтобы узнать истину о древних народах, надлежит изучать их, забыв о себе... Нет ничего похожего на них в новейшие времена; ничего похожего не может быть и в будущем». Чтобы понять быт древних греков и римлян, их обычаи и строй мышления, Фюстель-де-Куланж предлагает прежде всего изучить их верования. Основой религии древних являлся культ предков, который, по мнению Фюстель-де-Куланжа, должен объяснить принципы греческой семейной жизни, их представления о собственности, ранние политические учреждения.

Идея собственности, возникшая в глубокой древности, основывалась, по Фюстель-де-Куланжу, на религии. Считалось, что семейные божества принимают поклонение только от определенной семьи. Семья как бы прикреплена к очагу и к участку, на котором она живет. Так возникла собственность. Патриотизм древних греков и римлян вытекает из священной обязанности защищать семейные божества. Изгнание для древних равносильно смертной казни, так как они, покидая родину, отрываются от родных очагов.

Концепция Фюстель-де-Куланжа в основе своей идеалистическая; нельзя признать также правильным полное отождествление исторического развития греков и римлян. Но работа Фюстель-де-Куланжа имела большое значение, поскольку он одним из первых выступил против модернизма; весьма важна также его попытка связать религию с другими сторонами общественной жизни. Кроме того, в работе французского ученого рассматриваются вопросы, касающиеся развития греческого рода

Французский историк *А. Валлон* написал большой труд «История рабства в античную эпоху», в котором впервые систематически на основании источников описывается развитие рабства в древности.

Изучению далекого греческого прошлого, ранних ступеней исторической жизни греков способствовали успехи этнографии, на базе которой развивается сравнительно-историческое изучение быта народов, стоящих на низкой ступени культурного развития. В 1861 г. появилось «Материнское право» *И. Я. Бахофена*, в котором отмечалось существование материнского права у греков и восточных народов, а в 1877 г. был опубликован труд американского ученого *Л. Г. Моргана* «Древнее общество»; в этом труде на основании большого этнографического материала и самостоятельного исследования американского племени ирокезов были определены ранние стадии развития человеческого рода. Морган доказал, что материнский род предшествовал отцовскому. Особая глава его исследования посвящена сравнительно-исторической характеристике греческого рода. Выводы Моргана окончательно разрушили представление о греческом мире как «образце» для всего человечества, об исключительной роли греков в мировой истории.

70-е и последующие годы XIX в. обогатили науку и важными археологическими открытиями. К этому времени относятся раскопки *Шлимана*, производившего их сначала на месте Трои в Малой Азии, а затем на месте Микен и Тиринфа в Греции. Эти раскопки открыли новые горизонты греческой истории; они не только подтвердили историческую реальность Трои, в чем сомневались скептики, — в результате их было установлено существование высокоразвитой культуры, расцвет которой предшествовал расцвету греческой. Одновременно велись раскопки в Олимпии, где в древности происходили общегреческие олимпийские игры. Раскопки 1875—1881 гг. принесли богатейший материал: статуи и барельефы, изделия из терракоты, бронзовые предметы, монеты и надписи и т. д. Статуи Ники Самофракийской и Гермеса Праксителя были найдены как раз на том месте, где они стояли во II в. до н. э., при Павсании.

Одним из руководителей археологических работ в Олимпии был Э. Курциус, которому принадлежат тщательные описания раскопок. «Французская школа в Афинах» в тот же период стала проводить раскопки не только в Афинах, но и в других местах; особенно важны были раскопки на острове Делосе. В конце 70-х годов были проведены раскопки на месте Пергама в Малой Азии, которые не только дали исключительный по своему значению археологический материал и эпиграфические памятники, но и определили местонахождение древних центров. Тогда же на территории древнего Эпира были обнаружены остатки Додоны, где находился греческий оракул.

В раскопках и исследованиях найденных материалов большое участие приняли и русские ученые. Как известно, южные области европейской части России в древние времена испыты-

вали греческое влияние. В Крыму, на берегах Керченского пролива и на северо-западном побережье Черного моря находились греческие колонии, культурное влияние которых распространялось на скифов, населявших степную полосу. На месте греческих колоний сохранились остатки древних поселений, а во многих скифских курганных погребениях были найдены многочисленные предметы, дающие представление о жизни скифов и связи их с греческими колониями.

Раскопки на юге России начались еще в 20-х годах XIX в. Немало открытий относится к 40-м годам, когда было положено начало классической археологии Южной России. Труды академика *Г. Келлера*, а также «Исследования древностей южной России и берегов Черного моря» графа *Уварова*, вышедшие в 50-х годах, содержат описания важных археологических памятников. С конца 70-х годов в России ведутся систематические археологические исследования. Пантикапей (современная Керчь — столица Боспорского царства), Херсонес (важная греческая колония близ Севастополя), Ольвия (греческая колония близ современной Одессы) и другие греческие поселения сохранили много ценных памятников греческого быта. Надписи, обнаруженные при археологических исследованиях еще в середине XIX в., очень важны не только для истории причерноморских колоний, но и для общей греческой истории. В скифских курганах были найдены необычайно оригинальные по своему исполнению вещи, как, например, сделанная из электрона (сплава золота и серебра) Кульобская ваза или серебряная ваза из Чертомлыцкого кургана. Гробницы, обнаруженные около Керчи, украшены декоративной живописью, исключительной по своему значению для истории греческого искусства.

Большая часть этих памятников находится в Эрмитаже, коллекция которого является «единственной в мире как по количеству и разнообразию ее состава, так и по высокому художественным качествам некоторых предметов»¹. Исследованием памятников причерноморских областей занимался ряд научных организаций: Русское археологическое общество, Археологическое общество, Одесское общество истории и древностей, периодически выпускавшие «Отчеты», «Известия», «Записки». Появляется ряд изданий, в которых подробно описываются памятники, найденные на юге России, например «Древности Геродотовой Скифии», составленные академиком *Стефани* и изданные Археологической комиссией.

К 70—80-м годам относятся и первые полные сборники греческих надписей, которые были найдены на юге России. В 1881 г. профессор Петербургского университета *И. В. Помяловский* издал «Сборник греческих и латинских надписей Кав-

¹ В. П. Бузескул, *Введение в историю Греции*, II, 1915, стр. 362.

каза», а с 1885 г. стало выходить монументальное собрание надписей *В. В. Латышева*. В 90-х годах классические древности юга России вошли в научный обиход и стали неотъемлемой частью того богатейшего археологического материала, который позволил правильнее осветить различные стороны древнегреческого быта.

Одновременно с изучением классических древностей в России развивалось и изучение греческой истории. Началось оно еще в XVIII в., когда Академией наук были изданы переводы греческих авторов, а также полностью или в сокращении переводы трудов западноевропейских исследователей. Первым самостоятельным исследователем, работы которого приобрели известность и у нас и в Западной Европе, был *М. С. Куторга* (1809—1889 гг.). Его докторская диссертация об аттических трибах была написана на латинском языке и защищалась в Дерптском университете. Это сочинение, переведенное потом на французский и немецкий языки, на русском языке появилось в 1838 г. В течение 25 лет Куторга был профессором Петербургского университета, после этого преподавал в Московском университете, а затем безвыездно жил в своем имении, до конца жизни не прерывая научных занятий. Куторга был выдающимся знатоком античности; специальные исследования его посвящены различным вопросам греческой истории, но особенное внимание он уделил Афинам. Подводя итоги своей многолетней деятельности, Куторга писал: «В своем постепенном и долговременном изучении истории Греции я дошел до вывода, что полиция, т. е. гражданство или гражданская община, была высшим государственным строем, до коего достигли древние эллинские республики, и что в этой политике эллины выработали две идеи, составляющие их величие и неоспоримую собственность: идею свободы гражданина и идею свободы мысли. Эти две идеи и доставили эллинам всемирно-историческое значение, ибо они послужили основанием последовавшего успеха... Излагая эти мысли, я старался побудить своих слушателей к изучению древней Греции и к точному уразумению ее значения. Но, кроме того, я указывал и постоянно выставлял необходимость изучения древней Греции, вернее говоря, эллинства, для знания нашей собственной русской народности, ибо ни одно начало не произвело на русскую народность такого сильного влияния и не проникло так глубоко, как начало эллинское». За свою многолетнюю деятельность Куторга создал большую школу исследователей античности.

Выдающимся учеником *М. С. Куторги* был *Ф. Ф. Соколов* (1841—1909 гг.). Главное значение научной деятельности *Ф. Ф. Соколова* состоит в изучении надписей. Его можно назвать основателем греческой эпиграфики в России. Труды *Ф. Ф. Соколова*, основанные на изучении надписей, касались отдельных

частных вопросов (толкование отдельных постановлений, вопросы хронологии) и были направлены на установление подлинности фактов; Ф. Ф. Соколова называли «фактопоклонником». В решении многих конкретных вопросов Соколов пришел к оригинальным выводам, сохраняющим значение и до наших дней; он изучал проблемы, до того времени почти не исследуемые, и, наконец, был основателем школы русских ученых, обогативших нашу науку замечательными трудами по истории древней Греции.

Для знакомства широкой русской аудитории с греческой историей большую роль сыграла деятельность Ф. Г. Мищенко, профессора сначала Киевского, а потом Казанского университета, давшего полные переводы Геродота, Фукидида, Полибия и Страбона, к которым он написал обширные вводные статьи исследовательского характера.

С изучения истории Греции начал свою научную деятельность В. Г. Васильевский (1838—1899 гг.), прославившийся своими интереснейшими исследованиями по истории Византии. Магистерская диссертация Васильевского называлась «Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка». Эта работа отличается превосходным знанием материала и глубиной исследования. Главная заслуга В. Г. Васильевского в том, что он обратил внимание на социальную историю Греции эллинистической эпохи в то время, когда тема эта в западноевропейских исследованиях почти не затрагивалась. Таким образом, к началу 90-х годов XIX в. русская наука добилась больших успехов и в разработке некоторых вопросов опередила современную ей западноевропейскую науку об античности. В научный обиход были введены новые документальные памятники и проводились интересные исследования, основанные на тщательном изучении источников.

На изучение истории Греции в конце XIX в. большое влияние оказали труды Маркса и Энгельса, открывшие подлинно научное изучение истории.

«Маркс,— писал Ленин,— положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Вопросы греческой истории освещаются основоположниками

---

¹ В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов*,— Сочинения, т. 1, изд. 5, стр. 139.

научного социализма во многих работах. Древнегреческой философии посвящена докторская диссертация Маркса, которая называется «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

В других трудах («Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Капитал») Маркс вскрывает основы рабовладельческого способа производства, характер античной собственности. Во введении к работе «К критике политической экономии» ставится вопрос о своеобразии греческого искусства. «Предпосылкой греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией... трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития. Трудность состоит в том, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»¹. Эти глубокие положения Маркса определяют направление всякого истинно научного исследования вопросов, связанных с греческим искусством и греческой культурой.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс посвятил специальную главу греческому роду. Развив и уточнив теорию Моргана, Энгельс показал, что греки прошли те же стадии развития, что и другие народы. «К моменту своего появления на исторической арене греки стояли на пороге цивилизации; между ними и американскими племенами... лежат почти целых два больших периода развития, на которые греки героической эпохи опередили ирокезов»².

Энгельс определил место военной демократии в ранней греческой истории. Он установил, что переход от первобытнообщинного строя к классовому рабовладельческому обществу завершился политической революцией. К этому выводу Энгельс приходит в главе «Возникновение Афинского государства». Изучению ранней истории Афин Энгельс уделяет большое внимание, ибо «возникновение государства у афинян является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего,— кратковременная узурпация власти Писистратом не оставила никаких следов,— с другой стороны, потому, что в данном случае весьма развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества,

---

¹ К. Маркс, *Введение к «Критике политической экономии»*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, изд. 2, стр. 737.

² Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 100.

и, наконец, потому, что нам достаточно известны все существенные подробности образования этого государства»¹.

Маркс и Энгельс освещают различные вопросы греческой истории. Еще в одной из передовиц «Кельнской газеты» Маркс определил периоды высшего развития древней Греции. «Высочайший внутренний расцвет Греции,—говорит Маркс,—совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра»².

Учение Маркса и Энгельса оказало большое влияние — и прямое и косвенное — на дальнейшее развитие историографии древней Греции. Возник ряд новых важных вопросов и появилась настоящая потребность в более глубоких обобщениях. Буржуазная наука не смогла полностью игнорировать эти вопросы, хотя многие ее представители по своим теоретическим воззрениям были не только далеки, но часто и враждебны марксизму. Освещению новых, преимущественно социально-экономических сторон жизни античного общества во многом способствовали археологические открытия и исследования, а также многочисленные находки надписей и папирусов. Важно было и то, что к этому времени возникли более совершенные приемы обработки и исследования накопленного археологического материала.

На развитие буржуазной историографии во второй половине XIX и начале XX в. определенный отпечаток накладывала и историческая обстановка того периода. Капиталистический мир вступает в стадию империализма, и буржуазия как класс становится реакционной силой. Это нашло отражение и в трудах буржуазных ученых по античной истории. Так, весьма показательно освещение некоторыми учеными, стоящими на сугубо реакционных позициях, такого вопроса, как вопрос об афинской демократии. Венгерский ученый *Юлиус Шварц* в работе, посвященной афинской демократии, характеризует афинский государственный строй времени его расцвета как деспотический, подавляющий индивидуальность, препятствующий поступательному развитию общества. Шварц недоумевает, почему многие историки восторгаются афинской демократией. По его мнению, это недоразумение, предрассудок, порожденный фантазией. В этих высказываниях Шварца, подхваченных и некоторыми другими современными ему буржуазными учеными, нельзя не видеть известного рода симптом, свидетельствующий о повороте буржуазной историографии в сторону реакции.

Особенное внимание уделяется в это время социально-экономическому строю древней эпохи. В начале 90-х годов не столько

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 119.

² К. Маркс, *Передовица в № 179 «Кельнской газеты»*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, изд. 2, стр. 98—99.

историк, сколько экономист *Карл Бюхер* в работе «Возникновение народного хозяйства», получившей широкую известность, выдвинул точку зрения, согласно которой и древность, и раннее средневековье находились на стадии замкнутого домашнего хозяйства. Обмен в этот период не вошел еще органически в экономическую жизнь общества и носил лишь случайный, поверхностный характер, касаясь преимущественно предметов роскоши, но не предметов широкого потребления, которые в основном потреблялись в тех же хозяйствах, в которых и производились. Таким образом, Бюхер подчеркивал различие между античным хозяйством и экономической капиталистической эпохи. В этом отношении он был ближе к истине, чем подавляющее большинство других буржуазных историков — модернизаторов, писавших об античном капитализме. Однако Бюхер в определениях экономической жизни древнего общества исходил не из способа производства, лежащего в основе общественной экономики, а из степени развития обмена, трактуемого им весьма произвольно.

Против выводов Бюхера выступили историки, в центре внимания которых также находились вопросы социально-экономической истории античной эпохи. Наибольшей известностью среди них пользуются трое: *Юлиус Белох* (1854—1929 гг.), *Эдуард Мейер* (1855—1930 гг.) и *Роберт Пельман* (1852—1914 гг.). Учитывая роль статистики в современных социально-экономических исследованиях, Белох предпринял попытку использования статистических приемов при изучении ряда вопросов истории античной Греции. Однако Белоху пришлось столкнуться со многими, часто непреодолимыми трудностями, обусловленными особенностями и характером дошедших до нашего времени источников. Выводы Белоха поэтому далеко не всегда точны и убедительны. Тем не менее его работы должны быть признаны первыми трудами по античной демографии (исследовании численности населения).

В период с 1893 по 1904 г. увидел свет главный труд Белоха — его трехтомная «История Греции». Изложение доводится в ней до 222 г. до н. э. В 1924—1927 гг. вышло второе расширенное и дополненное издание этого же труда (четыре тома, восемь частей). Значение труда Белоха в том, что в отличие от предшествующих работ большее внимание в нем уделяется социальной и экономической истории древней Греции; автор не ограничивается только историей Афин и Спарты, он приводит исторический очерк всех областей Греции; изложение не обрывается на истории классической Греции — должное внимание (особенно во втором издании) уделяется эллинизму. Однако многие положения Белоха не могут быть приняты. Характеристика Белохом социально-экономических отношений грешит модернизмом. Античное хозяйство он сближает с капиталистиче-

ским; преувеличивая роль свободных рабочих, преуменьшает число рабов; в оценке исторических деятелей Белох следует реакционным немецким построениям (в частности, Дункера). Он высоко оценивает Фемистокла как создателя Афинской державы и порицает Перикла, у которого не находит черт истинного государственного деятеля. Македонское завоевание Белох рассматривает как национальное объединение, в связи с чем осуждает Демосфена, идеализируя в то же время Филиппа Македонского. Эти выводы Белоха несомненно испытали влияние немецкой реакционной публицистики.

Особенностью построений Белоха является также гиперкритицизм. Он отрицает достоверность многих сведений, касающихся ранней греческой истории, в частности переселения дорян, законодательства Драконта и пр.

«История древности» Эдуарда Мейера — одна из интересных попыток осмыслить историю древнего мира в широком всемирно-историческом плане. Мейер стремится показать, как одновременно с падением восточных монархий и образованием персидской державы на Балканском полуострове, а также в Малой Азии зарождаются и развиваются греческие полисы. Экономической, социальной и политической истории этих полисов он уделяет одинаковое внимание. Наиболее важные из затрагиваемых в ходе изложения вопросов детально освещаются Эд. Мейером в специальных исследованиях.

Греческий мир, по Мейеру, в отличие от древнего Востока выработал свои особые начала, оказавшие большое влияние на развитие мировой культуры. Именно греки заложили основы светской культуры и науки, у них сформировалось сознание гражданина, любящего свою свободную родину, чего не знал древний Восток. В связи с этим Мейер придает большое значение победе греков, одержанной в борьбе с персидской державой Ахеменидов.

«История древности» не была доведена Мейером до конца (изложение кончается 355 г. до н. э.) В своих взглядах на историю Мейер возвращается к циклическим теориям. Древность, по его мнению, прошла те же стадии развития, что и европейское общество. Античности были известны средние века, эпоха феодализма (время Гомера), затем следует эпоха капитализма (V и IV вв. до н. э.), после чего наступают новые средние века. Эти положения наиболее отчетливо изложены Мейером в статьях «Экономическое развитие древнего мира» и «Рабство в древности», направленных против теории Бюхера. В противоположность последнему Мейер воспринимает древний мир не в его историческом своеобразии, а в категориях современного ему капиталистического строя. Модернизируя существовавшие в древности общественные отношения, он преуменьшает удельный вес труда рабов в общественном производстве и их численность,

отрицая даже специфику несвободного труда; раб, по его мнению, лишь формально-юридически, а не по существу отличается от свободного рабочего-пролетария.

Труды Мейера ввели в научный обиход большой новый фактический материал, они содержат много интересных мыслей и наблюдений, но в основе своей его концепция глубоко реакционна. Эд. Мейер стремился доказать, что капитализм является высшей стадией развития человеческого общества; гибель капитализма, по его мнению, означает в то же время и гибель культуры, возвращение к варварству. Эд. Мейер отрицает, таким образом, прогрессивное развитие общества.

Главным трудом Роберта Пельмана была «История античного социализма и коммунизма» (во втором издании она называлась «История социального вопроса и социализма»). В своих взглядах на экономические и социальные отношения в древнем мире Пельман идет дальше Белоха и Эд. Мейера. Он считает, что древности присущи не только развитые капиталистические отношения, но и порождаемые этими отношениями общественные движения — социализм и коммунизм. Пытаясь проследить развитие массовых социальных движений античного времени, он стремится доказать, что социалистические идеалы были уже у писателей и деятелей античного мира, что социалистическое движение приводит Грецию и вообще античный мир к упадку и гибели. Он — сторонник надклассовой монархии и поэтому, подобно Белоху, идеализирует Македонию (главным образом в «Очерках греческой истории»).

Реакционность взглядов Пельмана не подлежит сомнению. Модернизация древности проводится в его работах еще последовательнее и полнее, чем у Белоха и Мейера. Однако в отличие от последних и других буржуазных ученых Пельман уделяет гораздо больше внимания классовой борьбе в Греции. Это он делает для того, чтобы связать приписываемые им античным мыслителям социалистические идеи с настроениями и чаяниями угнетенных народных масс.

Модернизация древности в буржуазной историографии была особенно модной в 90-х годах XIX и первых годах XX в. Как уже отмечалось, она была органически связана с реакционными тенденциями буржуазной науки в период начавшегося упадка капитализма — доказать извечность капиталистических порядков хотя бы ценой отрицания исторического прогресса. Однако такого рода концепции не могли не вызвать известной реакции даже в лагере буржуазной науки. Среди буржуазных ученых, занимавшихся главным образом историей античной экономики (ученик Фюстель-де-Куланжа Поль Гиро, Г. Глотц, Макс Вебер, Эртель, Дж. Хазебрек и др.), обнаруживается стремление пересмотреть выводы историков-модернизаторов. Отмечая ряд фактов, свидетельствующих о большом своеобразии земельных от-

ношений в греческих полисах, специфике античного ремесленного производства, примитивности торговли, архаических чертах общественного быта древних греков, эти ученые решительно отвергают выводы своих предшественников о существовании в древней Греции общественных отношений, подобных отношениям капиталистической эпохи. Критика построений историков-модернизаторов, однако, не привела их противников к более широким обобщениям, ибо такие обобщения были возможны только на основе марксистского учения об исторических формациях.

В самом конце XIX и начале XX в. интерес к истории классической Греции у западных ученых вообще ослабевает. В центре внимания оказываются другие эпохи греческой истории. В связи с раскопками на острове Крите и выходом в свет много томного труда Эванса «Дворец Миноса» появляется много работ и исследований по истории крито-микенской культуры.

Ученых-историков привлекает также эллинистическая эпоха. В первую очередь это объясняется множеством новых данных, поступивших в научный обиход благодаря изучению папирусов и ранее неизвестных надписей. Изучение и широкое использование этих источников в исследованиях приводит к выделению истории эллинизма в особую отрасль научных знаний, представленную рядом общих трудов и специальных исследований.

Подробному изложению истории эллинистического Египта и монархии Селевкидов посвящает свои труды «История Лагидов» и «История Селевкидов» французский ученый *Буше-Леклерк*. Однако основное внимание он уделяет лишь политической истории этих эллинистических государств, не связывая ее с социальной и экономической. Общая история эллинистической эпохи дается также в фундаментальном трехтомном труде немецкого историка *Б. Низе*, вышедшем в 1893—1903 гг. В этом труде собран и систематизирован большой фактический материал, но автор избегает широких обобщений.

Ценные сведения содержатся и в другом труде по эллинизму, принадлежащем тоже немецкому ученому *Ю. Керсту*. Опираясь на собранный им материал, Керст пытался проследить, как эллинский город-государство уступает место на исторической арене эллинистической монархии и эллинская культура превращается в мировую эллинистическую. Ответа на эти вопросы Керст, однако, ищет не в анализе социально-экономических особенностей эллинистической эпохи, а в мире идей; построение его носит идеалистический характер. Очень ценным, но опять-таки содержащим лишь фактический материал, должен быть признан вышедший в 1912 г. труд *У. Вилькена* и *Л. Миттейса* «Основные положения и хрестоматия по папирологии». В этом труде было собрано и систематизировано очень много интереснейших данных по социальной и экономической истории эллинистического Египта.

Интерес к эллинистической эпохе не ослабевает и в после-

дующие десятилетия XX в. Создаются все новые труды и исследования, посвященные общим и частным вопросам истории эллинизма. Работы *М. Кэри, Л. Омо, В. Тарна, У. Вилькена, Ф. Хейхельгейма, Р. Таубеншлага, Хеуса, Цанкана, А. Эймара, Е. Корнеманна, В. Эренберга* и других ученых открыли много новых сторон экономической, социальной, политической и культурной жизни той эпохи. Небезынтересны попытки некоторых ученых — Цанкана, Эймара, Эренберга (особенно последнего в его опубликованной в 1958 г. работе о государстве греков и эллинистическом государстве) — суммировать накопленные наукой сведения о различных сторонах исторической жизни эллинистических государств. Это позволило им обнаружить в многообразных политических формах того времени некоторые общие черты и предложить определение общего типа эллинистического государства. Приходится, однако, констатировать, что при такого рода попытках буржуазные ученые не исходят из особенностей социально-экономической структуры эллинистических государств, а учитывают лишь формально-юридические и другие внешние признаки их исторической жизни. Поэтому такие определения государства эллинистического времени звучат неубедительно.

Существенный вклад в научную разработку истории эллинистической эпохи внесли и русские ученые. Академик *С. А. Жебелев*, автор ряда выдающихся работ по античной истории, еще в 1898 г. посвятил свою магистерскую диссертацию Афинам позднеэллинистического времени. Она называется «Из истории Афин 229—31 гг. до р. х.» и написана главным образом на основе документальных источников, подвергнутых тонкому и всестороннему анализу. В результате этой работы, получившей широкое признание и за границей, *С. А. Жебелеву* удалось пролить свет на многие сложные вопросы афинской истории, которые до того времени почти не были разработаны. Продолжением этого исследования явилась опубликованная в 1903 г. большая работа «Ахаика», посвященная истории Греции уже в римскую эпоху. В 1955 г. к той же теме снова вернулся советский исследователь *О. В. Кудрявцев* в работе «Римские провинции Балканского полуострова». В этой работе уже с позиций марксистской методологии рассматривается история эллинских полисов, вступивших в римское время в полосу тяжелого затяжного кризиса, вызванного, по мнению *О. В. Кудрявцева*, прежде всего концентрацией земли в руках немногих.

Экономической истории эллинского Египта посвятил два своих труда и другой видный русский ученый *М. М. Хвостов*. В первом из этих трудов «История восточной торговли греко-римского Египта» (1907 г.) дается всесторонняя характеристика египетской торговли и экономических взаимоотношений Египта с другими эллинистическими странами. Второй труд *М. М. Хвостова* — «Текстильная промышленность в греко-римском Егип-

те» (1914 г.) Содержание этой работы шире ее заглавия. Речь в ней идет не только о жизни египетского ткача-ремесленника, его взаимоотношениях с администрацией, технологической стороне производства и т. д., но и вообще о развитии ремесла в эллинистическо-римскую эпоху.

Русскому ученому *М. И. Ростовцеву* — до 1918 г. профессору Петербургского университета, затем эмигрировавшему за границу — принадлежит наиболее монументальный и основательный, по общему признанию, труд по социальной и экономической истории эллинистического мира, вышедший в свет в 1941 г. *М. И. Ростовцев* собрал и обработал колоссальный материал. Характеристики явлений социальной и экономической жизни эллинистического мира, составленные им, живы и ярки, многие наблюдения очень интересны, но по своим теоретическим взглядам и приемам работы *М. И. Ростовцев* примыкает к охарактеризованному выше направлению буржуазных историков-модернизаторов древности. Основными классами эллинистического общества он считает пролетариат и буржуазию. Реакционность взглядов *М. И. Ростовцева* особенно отчетливо проявляется в его оценках социальных движений эллинистического времени. Перевороты в греческих городах он называет революциями, которые, по его мнению, оказывали разрушающее воздействие на развитие культуры, были истинным несчастьем Греции III в. до н. э. Еще ранее в своей работе «Социальная и экономическая история Римской империи», вышедшей в 1926 г., *М. И. Ростовцев* пытался доказать, что античная цивилизация погибла в результате пролетарской революции в III в. н. э.

Эллинистическая эпоха не заслонила от русских ученых истории Греции предшествующего периода. Тот же *С. А. Жебелев*, наряду с исследованиями эллинизма, в многочисленных работах коснулся весьма широкого круга самых разнообразных вопросов греческой истории. *А. В. Никитский* написал специальную работу о дельфийских надписях (1895 г.) и еще ряд других исследований по греческой эпиграфике, а *Н. И. Новосадский* — общий курс греческой эпиграфики (1915 г.). Профессор Харьковского университета, а потом академик *В. П. Бузескул* посвятил Периклу особую монографию (1889 г.). В ней он выступил против несправедливых оценок этого деятеля некоторыми наиболее реакционно настроенными буржуазными учеными своего времени. В связи с находкой и опубликованием «Афинской политики» Аристотеля *В. П. Бузескул* написал большое исследование «Афинская политика Аристотеля, как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.» (1895 г.), построенное на тщательном анализе текста политики и сопоставлении его со свидетельствами других античных авторов. В «Истории афинской демократии» (1909 г.) *В. П. Бузескул* возвращается к кругу вопросов, затронутому им в монографии о Перикле, и продолжает

полемику с буржуазными западными учеными, оценивавшими афинский государственный строй с реакционно-модернизаторских позиций.

Большую известность приобрело «Введение в историю Греции» В. П. Бузескула, выдержавшее три издания. В этом «Введении» дается обстоятельный обзор источников по греческой истории и не менее обстоятельный очерк научной разработки греческой истории в XIX и начале XX в. По полноте и систематичности изложения этот труд не знает себе равных ни в нашей, ни в зарубежной литературе. Правда, он не свободен от известного эклектизма. Впрочем, и другие работы В. П. Бузескула не избежали влияния господствовавшего в его время в западной историографии направления, тенденциозно модернизирующего древнюю эпоху. Несмотря на полемику с наиболее реакционными представителями буржуазной науки (особенно немецкой), В. П. Бузескул в своих характеристиках экономической и социальной жизни древних греков нередко использует модернистские определения и оценки.

Подобный же недостаток присущ талантливо написанному общему труду по истории Греции акад. *Р. Ю. Вуннера* под заглавием «История Греции в классическую эпоху» (1916 г.). Широко практикуемые автором этого труда приемы сравнительно-исторических сопоставлений позволили ему по-новому осветить некоторые вопросы греческой истории, но периодизация греческой истории и определения исторических особенностей отдельных периодов носят следы явного влияния модернизаторских построений.

Особой отраслью античной истории, в которой русским ученым и раньше принадлежала ведущая роль, оставалось Северное Причерноморье античной эпохи. Последние десятилетия XIX и первые XX в. характеризуются большими успехами русской науки и в этой области. Особая заслуга в этом принадлежит археологам, раскрывшим и исследовавшим на территории древнего Боспорского царства, городских территориях Херсонеса и Ольвии, а также в степной полосе, прилегающей к Черноморскому побережью, немало первоклассных памятников. Необычайно плодотворными были раскопки Ольвии, которые систематически, из года в год, начиная с 1900 г. проводил *Б. В. Фармаковский*, применявший строгую методику исследований. Эти раскопки явились своего рода школой для многих русских археологов. Накопленный в Ольвии опыт они потом с успехом использовали при других раскопках.

В ходе раскопок накопился значительный эпиграфический материал, который пополнялся многими случайными находками. Возникла настоятельная потребность в издании большого свода северочерноморских надписей. Эта задача в необыкновенно короткий для такой работы срок была разрешена акад. *В. В. Ла-*

тышевым. По поручению Русского археологического общества он подготовил к изданию и в 1885—1901 гг. издал трехтомное (первый том издавался два раза) «Собрание древних надписей Северного Причерноморья». Это «Собрание», не уступавшее лучшим зарубежным изданиям эпиграфических текстов, в дальнейшем приобрело мировую известность.

В. В. Латышеву принадлежит и ряд главным образом эпиграфических исследований, связанных с его работой над надписями, в том числе монография, посвященная истории Ольвии (1887 г.). Им же было издано очень ценное для всех занимающихся Северным Причерноморьем пособие — сборник текстов греческих и латинских авторов, которые писали о Северном Причерноморье и обитавших здесь племенах (ч. I, 1899; ч. II, 1904). Тексты снабжены переводами.

Многочисленные публикации и исследования отдельных боспорских надписей принадлежат *В. В. Шкорпилу* (они публиковались преимущественно в Известиях Археологической комиссии). М. И. Ростовцев выпустил в свет большое художественно оформленное издание «Античная декоративная живопись на юге России» (1914 г.), куда вошли все наиболее интересные памятники этого рода. М. И. Ростовцеву принадлежит и большой труд под заглавием «Скифия и Боспор» (1925 г.). Это обстоятельный критический обзор литературных, эпиграфических и археологических источников по истории Боспорского царства и мира северочерноморских племен. Большую роль для изучения исторической жизни Северного Причерноморья сыграли и работы русских нумизматов *А. В. Орешникова*, *А. Л. Бертье-Делагарда* и *П. О. Бурачкова*. Изданный последним в 1884 г. «Общий каталог монет» и теперь еще не утратил своего значения.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла необычайно благоприятные возможности для развития всех общественных наук; в СССР были созданы условия для подлинно научной работы в области изучения прошлого человечества. В капиталистических же странах в этот период в так называемых академических кругах усилилось влияние реакционных группировок. Все это закономерно отразилось на историографии древней Греции.

После первой мировой войны и в Западной Европе и в Америке вышло в свет много работ по истории Греции. В подавляющем большинстве случаев они представляют собой исследования отдельных частных вопросов и не затрагивают больших принципиальных проблем.

В то же время стали выходить большие сводные труды типа «Всемирных историй», призванные подытожить отдельные частные исследования и на этой основе развернуть широкую картину исторического развития человечества. К таким коллективным трудам относится «Всемирная история» Г. Глота, в которой

древней Греции отведено четыре тома, и многотомная «Кембриджская история» (история древней Греции и эллинистической эпохи излагается во II—VIII ее томах). Оба эти издания представляют собой обширные обзоры исторических событий, трактуемых, как правило, модернистски. Отдельные разделы этих трудов, написанные разными авторами, лишь формально, механически связаны друг с другом. Внутренняя методологическая связь между ними отсутствует, и в целом они приобретают эклектический характер. В лучшем случае такие издания, снабженные пространными библиографическими указателями, историческими картами и другими приложениями, служат справочными пособиями.

В Германии после 1933 г. изучение истории Греции было подчинено целям фашистской пропаганды. Фашистские «историки» пытались с «расовой точки зрения» изложить историю древней Греции. Достижения эллинской культуры они объясняли появлением на Балканском полуострове племен «северного», «арийского» происхождения, влияние на греческую культуру стран древнего Востока преуменьшалось или вообще отрицалось и т. д. Само собой разумеется, что симпатии таких «историков» были не на стороне Афин, а на стороне Спарты, соответствующая интерпретация быта которой должна была дать образцы для немецкой военной муштры. Деятели, подобные Филиппу и Александру, всемерно идеализировались, так как были отнесены к типу «властителей». Приходится удивляться, что вся эта литература, никакого отношения не имеющая к науке, все же получила распространение в Англии и оказала некоторое влияние на английскую популярную историческую литературу.

После второй мировой войны буржуазная историография по сравнению с концом XIX и началом XX в. сделала шаг назад. Многие представители буржуазной исторической науки, стремящиеся сгладить остроту классовых противоречий в капиталистическом обществе, намеренно не замечают этих противоречий и в древности. Отсюда присущая им склонность игнорировать резкую грань, отделявшую в античное время эксплуататоров от эксплуатируемых, привилегированных граждан от бесправных метеков, рабов от рабовладельцев. Одних буржуазных ученых это приводит к утрате интереса к социально-экономическим проблемам древней истории, которым уделяли такое внимание ученые предшествующего периода. Другие буржуазные историки вступают на путь голого эмпиризма или таких построений, которые противоречат фактическому материалу, отражающему ожесточенную классовую борьбу в античном обществе как обществе рабовладельческом.

Для *Х. Бенгтсона* (автора «Греческой истории», изданной в Мюнхене в 1950 г., второе издание — в 1960 г.), *У. Вилькена* (8-е посмертное издание его «Греческой истории» вышло в Бер-

лине в 1958 г.), *Л. Омо* (автора монографии о Перикле, изданной в Париже в 1954 г.), *Китто* (автора «Греческой истории», изданной в Лондоне в 1951 г.), *Дж. Джиганелли* (автора истории Греции, изданной в 1951 г. в Риме) и многих других авторов работ по истории Греции вообще характерно стремление преуменьшить значение рабовладельческих отношений в античной Греции и удельный вес рабов. Даже *В. Л. Вестерманн*, посвятивший особую, изданную в 1955 г. монографию истории рабства в античном мире, старается подчеркнуть мнимую патриархальность в отношениях древнегреческих рабовладельцев со своими рабами. Восстания рабов, по мнению Вестерманна, якобы совершенно не повлияли на ход исторического развития античного общества.

От предшествующего периода современная буржуазная историография полностью унаследовала тенденцию модернизировать древность. Теория Бюхера, подчеркивавшего историческое своеобразие античной экономики, в наши дни почти утратила приверженцев. Как и раньше, многие буржуазные историки, далекие от стремления раскрыть общие закономерности в развитии исторического процесса, а то и вообще отрицающие существование такого рода закономерностей, исходят из совершенно произвольной предпосылки о мнимом сходстве современной им эпохи с эпохой античной. Поэтому, оперируя материалом, почерпнутым ими из античных источников, они стараются доказать или опровергнуть такие положения, которые по существу никакого отношения к античной истории не имеют и непосредственно связаны с животрепещущими проблемами нашего времени, трактуемыми очень часто с сугубо реакционных позиций.

Так, например, американские историки *Мэрш*, *Кramer*, *Зиммерн* и некоторые другие, провозглашая современное им американское капиталистическое государство прямым наследником и продолжателем традиций античной демократии, нарочито идеализируют политический строй древних афинян времени Перикла. Чтобы «обосновать» этот тезис, Мэрш в своей книге «Современные проблемы в античном мире», вышедшей в 1942 г., без всяких оговорок сравнивает безработных США с необеспеченными, лишившимися работы афинянами. Образование Афинской державы Мэрш объясняет стремлением афинского правительства «ликвидировать безработицу». Оправдывая программу так называемой демократической экспансии США, он ссылается на опыт древних Афин, чтобы «избежать ошибок, оказавшихся роковыми для афинского эксперимента».

В противоположность Мэршу другой американский историк профессор Принстонского университета *Прентис* в книге «Древняя Греция» (1940 г.) характеризует афинский государственный строй времени Перикла как «неограниченную власть самой широкой группы избирателей, наиболее безрассудных, наиболее фанатичных и наиболее безответственных». Этих «безответствен-

ных избирателей», порожденных «промышленным» развитием Афин, Прентис сравнивает с современным пролетариатом. Дальнейшие комментарии тут, как говорят, излишни.

В других случаях те же приемы модернизации связываются с иными концепциями. Например, уже упоминавшийся выше В. Эренберг в изданной в 1951 г. в Англии книге «Народ Аристофана. Социология античной комедии» приходит к выводу, что не крупные фабриканты и мануфактуристы, как у Эд. Мейера и Пельмана, а представители среднего класса — ремесленники, торговцы, интеллигенция — были главной движущей силой афинского общества. Однако по этому вопросу существуют и иные мнения. Очень авторитетный в западных ученых кругах и, кстати сказать, наименее подверженный влиянию модернизаторских тенденций ученый Г. Шефер в докладе на Римском международном конгрессе историков 1954 г. объявил главной движущей силой греческой истории родовую аристократию. Другие известные буржуазные ученые — Китто, Эймар, Корнеманн — вообще отказываются от поисков главных движущих сил в греческом обществе и объясняют, например, расцвет греческой культуры в V в. до н. э., исходя не из социальной обстановки, а из «национального характера древних греков». В подобных объяснениях исторических явлений нельзя не видеть вполне определенные симптомы явного упадка теоретической мысли.

Игнорирование или отрицание закономерностей исторического процесса в значительной мере обуславливает повышенный интерес ряда зарубежных историков к отдельным личностям античной эпохи. Деятельность этих личностей якобы определяет ход исторических событий и достижения целых народов. Французские историки П. Клоше в своей книге об афинской демократии, изданной в 1951 г., и Л. Омо в монографии о Перикле (1954 г.) высказывают мысль о том, что исторические судьбы Афин целиком зависели от таких деятелей, как Перикл и др. Ту же точку зрения разделяют авторы соответствующих разделов в многотомных «Всемирных историях», вышедших в послевоенные годы: издаваемой в Берне «Historia Mundi» и в Париже «Истории цивилизации». Особенно преувеличивается историческая роль таких завоевателей, как Александр Македонский. За последние десятилетия ему посвящены десятки книг (Ф. Альтгейма, Омо, Ф. Шахермейера и др.). Содержание этих книг дает основание говорить о появлении среди некоторых зарубежных буржуазных ученых настоящего культа Александра. Вполне естественно, что такое гипертрофированное представление о роли отдельных исторических деятелей влечет за собой преуменьшение или даже сведение к нулю исторической роли народных масс. Наиболее реакционные представители буржуазной науки доходят до отрицания способности у народных масс к активной созидательной деятельности.

Наряду с этим в буржуазной историографии сохраняются и некоторые прогрессивные тенденции. Как в XIX, так и в начале XX в. за рубежом продолжают выходить отдельные исследования, обогащающие науку новыми историческими фактами. В одних случаях эти факты устанавливаются на основании до сих пор еще не изученных или малоизученных источников, в других — в результате нового истолкования уже известного ранее материала. Однако авторы таких исследований обычно недооценивают социально-экономической обусловленности исторических явлений. Таким, например, недостатком страдает интересная работа Митчелла «Экономика древней Греции», изданная в 1940 г. в Кембридже.

Две вышедшие в 1951 и 1952 гг. очень содержательные работы Дж. Файна и М. Финли о земельных отношениях и развитии кредита в древней Аттике также основаны на большом, тщательно обработанном документальном материале, частично впервые опубликованном. Исследования свободны от модернизации древности. Авторы их подчеркивают своеобразие и историческую неповторимость античной экономики, и тем не менее они затушевывают социальный антагонизм, порождаемый рабовладельческими отношениями. То же самое можно сказать об изданной в 1955 и 1956 гг. работе Лауффера, специально посвященной (что не часто встречается в буржуазной историографии) рабству в античной Греции. В этой работе содержится наиболее полный свод известного до сих пор материала о труде в Лаврийских серебряных рудниках, принадлежавших афинскому государству. Лауффер весьма обстоятельно освещает вопрос о численности занятых на этих работах рабов, условиях их труда в рудниках и надземных мастерских, деятельности рабовладельцев-арендаторов и подрядчиков и т. д. Однако автор этой работы использует любой повод, чтобы смягчить картину безжалостной эксплуатации несвободного труда, о которой свидетельствуют документы.

Несравненно более плодотворны труды тех зарубежных ученых, которые нашли в себе решимость коренным образом пересмотреть господствующие в буржуазной науке взгляды и встать на путь изучения древней Греции с позиций марксистской методологии. К таким ученым принадлежит английский историк Дж. Томсон. В 1949 г. он издал первый, а в 1955 г. второй том своих «Исследований по истории древнегреческого общества», которые охватывают наиболее ранний период исторической жизни древней Греции. В предисловии к этому труду Томсон пишет: «Моей задачей является переосмысление древнегреческого наследства в свете марксизма. Некоторые из моих критиков, по-видимому, склонны думать, что исследование истории Греции под таким углом зрения вообще теряет всякую привлекательность. Я же считаю, что лишь при таком аспекте оно вновь

приобретает ценность». Хотя не со всеми положениями Томсона можно безоговорочно согласиться (он, например, чрезвычайно преувеличивает торговлю как фактор, воздействующий на процесс классовообразования, иногда неоправданно сближает разновременные источники и т. д.), его работу, безусловно, следует расценить как один из наиболее значительных и ценных трудов по раннему периоду греческой истории из вышедших в послевоенные годы.

Большой интерес представляет и книга *М. Уазон* «Классовая борьба в древней Греции», вышедшая в Англии в 1947 г. Автор этой книги также стремится осмыслить общественную жизнь древних греков с марксистской точки зрения. *М. Уазон* тоже несколько преувеличивает значение торговли и недооценивает удельный вес рабовладельческих отношений, но в целом ее книга, несомненно, обогащает марксистскую историографию древней Греции.

Значительный вклад в изучение истории древней Греции внесли историки стран народной демократии, вооруженные марксистской методологией. Большой научный интерес представляют работы чешских историков *П. Олива* (по истории ранней Греции, в частности, по истории греческой тирании) и *Л. Згусты* (по северочерноморской просопографии), труды болгарского историка *Георгиева*, посвященные крито-микенскому периоду и проблеме греческого этногенеза, труды и исследования польских историков и археологов *К. Маевского*, *К. Михаловского* (в частности, его работы по истории античной техники), *Ю. Ковальского* (автора большой работы по истории греческой цивилизации), *И. Бежуньской-Маловист* (издавшей в 1949 г. специальное исследование по истории рабства в эллинистическое время) и ряда других.

В Германской Демократической Республике в 1955 г. был учрежден особый Институт греко-римских древностей (в системе Германской академии наук), который объединил историков, занимающихся античной эпохой. В планы работы этого института, наряду с выпуском монографий, входят и издания документальных источников. Отдельные работы и исследования немецких ученых (*В. Хартке*, *Г. Клаффенбаха*, *И. Ирмшера*, *Вельскопфа*, *Ф. Цукера*, *К. Блюмеля* и др.) по самому широкому кругу вопросов, в том числе и по истории древней Греции, систематически публикуются в периодических изданиях («*Das Altertum*», «*Klio*»).

Плодотворные результаты дали проводившиеся на протяжении ряда лет археологические исследования на территории Румынии, Албании и Болгарии. Особенно много в этой области сделано болгарским археологом и историком *Х. Дановым*, исследовавшим греческие города-колонии на западном побережье Черного моря. За последние годы в странах народной демократии появился ряд эпиграфических изданий: греческие надписи,

найденные в Болгарии, *Г. Михайлова* (1956 г.), греческие стихотворные эпитафии *В. Пеека* в ГДР (1955 г.) и др.

Большое значение для обмена научной информацией и дальнейшего координирования работы между историками-античниками, стоящими на позициях марксистской методологии, приобрели международные конференции. Одна из таких конференций, например, была созвана в апреле 1957 г. в Либлице (Чехословакия). В работе этой конференции участвовало свыше пятидесяти ученых из социалистических и несоциалистических стран. Среди обсужденных вопросов был и вопрос о возникновении и характерных чертах эллинского полиса. Этой проблеме, в частности, был посвящен доклад английского ученого Томсона, содокладчиком его был советский ученый *Я. А. Ленцман*.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало принципиально новому периоду в развитии историографии в нашей стране. Перед историками, занимающимися изучением античной эпохи, как и перед всеми советскими историками, встала задача подлинно научной разработки исторического прошлого человечества в свете марксистско-ленинского мировоззрения. Перестройка работы историков, однако, потребовала известного времени. Такие крупные представители русской дореволюционной науки, как *В. П. Бузескул* и *С. А. Жебелев*, опубликовали предназначенные для широких читательских кругов популярные очерки об античности и современности, археологических открытиях XIX и начала XX в., истории древней Греции и эллинизма, классической археологии, отдельных представителях античной культуры и раннего христианства.

Во всех этих и им подобных работах (*И. М. Кулишера*, *Б. Л. Богаевского*, *А. А. Захарова*, *С. Я. Лурье* и др.), издававшихся в годы гражданской войны и послевоенной разрухи, еще чувствуется влияние чуждых марксизму идей и представлений.

Первые попытки трактовать историю древней Греции в свете марксистско-ленинской теории были предприняты *А. И. Тюменевым* в его книге «Очерки экономической и социальной истории древней Греции» (т. I—III, 1920—1922). Эта книга, с современной точки зрения, далеко еще не свободна от влияния буржуазной науки, что, в частности, проявляется и в использовании ее автором модернизирующей древность терминологии, но на следующий же год после выхода в свет «Очерков» *А. И. Тюменев* публикует новую работу под характерным заглавием «Существовал ли капитализм в древней Греции?» (1923 г.). В этой работе он решительно отмежевывается от модернизаторских построений буржуазных ученых и подчеркивает рабовладельческий характер общественного строя древних греков. Однако в эти годы влияние модернизаторской теории в советской науке далеко еще не было изжито. Об этом свидетельствует хотя бы такой факт, как появление в печати, спустя три года после опубликования

названной выше работы А. И. Тюменева, хрестоматии под типичным модернизаторским заглавием «Феодализм и торговый капитал в античном мире» (1926 г.), составленной В. С. Сергеевым. Не лишена существенных методологических промахов и большая работа С. Я. Лурье «История античной общественной мысли», вышедшая в 1929 г.

Советским ученым в эти годы не хватало еще главного: творческого использования учения классиков марксизма-ленинизма об исторических формациях. К теоретической разработке ряда проблем, связанных с этим учением, советские историки подошли вплотную лишь в начале 30-х годов. В этот период в Академии истории материальной культуры, учрежденной еще в 1920 г. по особому декрету В. И. Ленина, проводится ряд дискуссий. На этих дискуссиях всестороннему обсуждению были подвергнуты такие принципиально важные вопросы, как вопрос о переходе общества от родовой структуры к классовому строю, исторических особенностях рабовладельческой формации, проблеме социальной революции в античном обществе, формах классовой борьбы и др. Однако теоретическая широта обсуждавшихся вопросов привела многих историков к некоторому отрыву от конкретно-исторических исследований, породила увлечение социологизаторством и схематизацией. Это нашло отражение в статьях и работах С. И. Ковалева, А. И. Тюменева, А. В. Мишулина, В. В. Струве, Б. Л. Богаевского, Р. В. Шмидт, К. М. Колобовой и др. Эти статьи публиковались главным образом в «Известиях Академии истории материальной культуры». Впрочем, в это время в тех же изданиях появлялись и насыщенные конкретно-историческим содержанием работы по истории классовой борьбы в античном обществе (А. В. Мишулина, А. К. Бергера, К. М. Колобовой, С. Я. Лурье и др.), античной технике и сельскому хозяйству (сборник «Из истории материального производства античного общества», 1935 г.), публикации источников («Античный способ производства в источниках», 1933 г.) и др.

К середине 30-х годов относится и создание первых общих работ по истории древней Греции: «Истории древних рабовладельческих обществ» А. И. Тюменева (1934 г.), университетского курса лекций по истории Греции С. И. Ковалева (1936 г.), двухтомного коллективного труда по истории Греции, вышедшего в 1936 и 1937 гг. в издании Академии истории материальной культуры (в этом труде приняли участие С. А. Жебелев, Б. Л. Богаевский, А. И. Тюменев, Р. В. Шмидт, К. М. Колобова, С. И. Ковалев, Е. Г. Кагаров), первых изданий учебника по истории древней Греции В. С. Сергеева (1934—1938 гг.) и, наконец, вышедшей в 1940 г. первой части «Истории Греции» С. Я. Лурье. Во всех этих работах история древней Греции излагается в свете марксистско-ленинского учения о развитии обще-

ства и исторических формациях с учетом конкретных особенностей рабовладельческой формации. Изложение и освещение исторических событий опираются на фундаментальное изучение источников и нередко новую их интерпретацию.

В настоящее время некоторые из выдвинутых в этих работах положений в ходе дальнейшего изучения античной эпохи признаны ошибочными или устарели и теперь трактуются в советской науке иначе. Так, взгляд Б. Л. Богаевского (в свое время принятый А. И. Тюменевым и С. И. Ковалевым) на крито-микенское общество как на общество, еще не дошедшее в своем историческом развитии до классовой структуры, был отвергнут почти всеми советскими учеными еще в 1940 г., т. е. задолго до дешифровки *М. Вентрисом* и *Д. Чэдвиком* микенской письменности, которая доказала существование в микенской Греции объединений государственного характера. Не находит теперь сторонников и точка зрения С. И. Ковалева, сложившаяся под влиянием Н. Я. Марра, на древние миграции; С. И. Ковалев отрицал за ними всякое историческое значение, не делая исключений и для таких крупных племенных передвижений, каким было так называемое дорийское вторжение.

На работах по общей истории Греции, опубликованных в 30-х годах, в значительно большей степени, чем на изучении отдельных вопросов, сказалось пагубное влияние процветавшего тогда культа личности. Некоторые историки пытались подкрепить свои, часто в целом правильные, взгляды на ход исторического развития древнего мира выхваченными из контекста статей И. В. Сталина фразами. При этом они мало считались с тем, оправдывались ли эти высказывания фактическим материалом. Критика таких построений рассматривалась тогда как прямое посягательство на ревизию основных положений марксистского учения.

Большую роль в разработке ряда важных и интересных вопросов истории древней Греции сыграл специальный научный журнал «Вестник древней истории», который начал выходить с 1937 г. Основание этого журнала неразрывно связано с тремя именами: первого его редактора *А. С. Сванидзе* и московских ученых *А. В. Мишулина* и *А. Б. Рановича*. «Вестник древней истории» превращается в центр, объединивший не только историков Москвы и Ленинграда, но и специалистов по древней истории из других городов Советского Союза. На страницах журнала стали публиковаться и работы некоторых прогрессивных иностранных ученых.

В годы Великой Отечественной войны резко сократилось число опубликованных работ по древней истории, приостановилось издание «Вестника древней истории», советская историческая наука потеряла немало своих выдающихся представителей, но исследовательская и педагогическая работа историков-античников не прекращалась и в эти тяжелые годы. Продолжали

защищаться диссертации и подготавливаться к печати труды и исследования по истории древней Греции и эллинизма. Поэтому сразу же после окончания войны работа по дальнейшему изучению античной эпохи развернулась в Советском Союзе в несравненно более крупных масштабах, чем раньше.

За время, истекшее после окончания войны, было опубликовано много монографий, посвященных социальной, экономической, политической и культурной истории отдельных греческих и эллинистических государств и целых стран или частей эллинского мира в классическое, эллинистическое и римское время. отдельным представителям античной культуры, а также наиболее актуальным научным проблемам, приковавшим в послевоенные годы внимание мировой науки.

История античных городов Юго-Восточного Причерноморья — Синопы, Амиса, Трапезунда и их взаимоотношений с местными племенами излагается, например, в монографическом исследовании *М. И. Максимовой*, изданном в 1956 г. Автор опирается на комплекс литературных, документальных, археологических и нумизматических данных. История городов, основанных греческими колонистами на западном побережье Черного моря, освещается на основании сохранившихся о них сведений в книге *Т. В. Блаватской* (издана в 1952 г.); история Византия в классическое и эллинистическое время — в изданной в 1953 г. книге *В. П. Невской*; история Македонии от времен первобытного строя и до конца IV в. до н. э. — в книге *А. С. Шофмана*, опубликованной в 1960 г. в Казани; история Родоса раннего времени — в изданном в 1951 г. исследовании *К. М. Колобовой*; ею же в 1961 г. издана заслуживающая внимания книга «Древний город Афины и его памятники», в которой наиболее важные и интересные памятники афинского искусства и архитектуры рассматриваются в тесной связи с историей одного из самых значительных полисов античной Греции.

Эллинистическая эпоха освещается в нескольких работах советских ученых. В 1950 г., уже после смерти ее автора, была опубликована книга *А. Б. Рановича* «Эллинизм и его историческая роль». Автор выясняет причины упадка эллинских полисов в IV в. до н. э., вскрывает характер последующей греко-македонской экспансии на восток, определяет основные социально-экономические и политические особенности эллинистических государств — царства Селевкидов, эллинистического Египта, — характеризует историческую жизнь Греции и Македонии в эллинистическое время. Заканчивается книга кратким обзором эллинистической культуры.

К работе *А. Б. Рановича* примыкает монография *О. В. Кудрявцева* «Римские провинции Балканского полуострова» (1955 г.). В центре внимания автора — вопрос о кризисе эллинского полиса, продолжавшего обостряться в послеэллинистическое, римское

время. О. В. Кудрявцев связывает этот кризис прежде всего с процессом обезземеливания значительного числа граждан полисов и концентрацией земли в руках немногих.

Исторические судьбы Греции, Македонии и стран Малой и Передней Азии в послеэллинистическое время прослеживаются также в другой работе А. Б. Рановича «Восточные провинции Римской империи в I—III вв.» (1949 г.).

Подробному анализу земельных отношений и социальной структуры эллинистического Египта II—I вв. до н. э. посвящена большая монография К. К. Зельина, вышедшая в свет в 1960 г. Особое место в ней отведено товарному производству в Египте и других эллинистических странах и выяснению роли этого производства в развитии рабовладельческих отношений.

Живой интерес советских ученых вызвало открытие методов дешифровки микенской письменности. Было опубликовано несколько статей по этому вопросу, а в 1957 г. вышла в свет специальная посвященная этой проблеме монография С. Я. Лурье «Язык и культура микенской Греции». Основываясь на своем в значительной мере оригинальном чтении текстов, С. Я. Лурье в первой части книги устанавливает ряд грамматических, фонетических и морфологических особенностей языка микенских надписей. Во второй части монографии автор дает обстоятельную характеристику микенского социально-экономического и политического строя и микенской культуры.

Особенно значительные успехи советских ученых в изучении Северного Причерноморья античной эпохи. Систематические раскопки многих античных и местных поселений и погребений на побережьях Черного моря и в прилегающей к ним степной полосе ввели в научный оборот огромный новый материал. Результаты этих раскопок и археологических исследований постоянно публиковались в особых изданиях: «Кратких сообщениях» Института археологии, «Советской археологии», изданиях Украинской академии наук, эпизодически выходящих тематических выпусках «Материалах и исследованиях по археологии СССР».

Тематика вышедших за последние полтора десятилетия монографий по Северному Причерноморью весьма разнообразна. Такие работы, как «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевича (1949 г.), «Херсонес» Г. Д. Белова (1948 г.), «Танаис» Т. Н. Книпович (1949 г.) и другие, содержат систематическое изложение истории отдельных северочерноморских государств и городов, основанное на комплексном использовании всех имеющихся о них сведений. В других работах, например «Очерках по истории Северного Причерноморья» Д. П. Каллистова (1949 г.), освещается проблема взаимоотношений местных племен с городами-колониями греков и Боспорским царством, в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева тот же вопрос ставится по отношению к Херсонесу.

Некоторые исследования посвящены определенным периодам или отдельным сторонам экономической, социальной, политической или культурной жизни северочерноморских государств и местных племен или племенных объединений. К ним относятся «Очерки политической истории Боспора V—IV вв. до н. э.» Т. В. Блаватской (1959 г.), в которых автор основное внимание уделяет внешней политике Боспорского государства; «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры» *Е. С. Голубцовой* (1951 г.), посвященное взаимоотношениям северочерноморских государств с Римской империей. История северочерноморского земледелия излагается в монографии *В. Д. Блаватского* «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (1953 г.) и работе *С. Ф. Стржелецкого* «Клеры Херсонеса Таврического» (1961 г.), история военного дела — в очерках *В. Д. Блаватского*, изданных в 1954 г. Вопросы северочерноморской нумизматики — одного из важнейших источников политической и экономической истории Северного Причерноморья — освещаются в фундаментальном труде самого крупного советского нумизмата *А. Н. Зографа* «Античные монеты» (1951 г.) и содержательной и интересной работе *Д. Б. Шелова* «Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.» (1956 г.).

История материальной культуры Северного Причерноморья представлена многочисленными работами и исследованиями, публиковавшимися главным образом в «Материалах и исследованиях по археологии СССР». Среди этих работ особенно фундаментален труд *И. Б. Зеест* «Керамическая тара Боспора» (1960 г.), в котором собран и систематизирован огромный материал. Содержащиеся в этих исследованиях данные частично обобщены в коллективном труде «Античные города Северного Причерноморья», вышедшем под редакцией *В. Ф. Гайдукевича* и *М. И. Максимовой* в 1955 г., и книге *В. Д. Блаватского* «Античная археология Северного Причерноморья», вышедшей в 1961 г.

Искусству Северного Причерноморья посвящены монографии *В. Д. Блаватского* «Искусство Северного Причерноморья» (1947 г.), *А. П. Ивановой* «Искусство античных городов Северного Причерноморья» (1953 г.) и «Скульптура и живопись Боспора» (1961 г.), *М. М. Кобылиной* «Терракотовые статуэтки Боспора и Фанагории» (1961 г.) и др.

К этим работам следует добавить исследования, специально посвященные местному, коренному населению причерноморских степей: «Каменское городище на Днепре» *Б. Н. Гракова* (1954 г.), в котором содержится и особый очерк по истории скифов; «Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в.» *А. М. Ременникова*; работы *М. И. Артамонова* «Вопросы истории скифов в советской науке» (1947 г.), «Общественный строй скифов» (1947 г.), «Скифское царство в Крыму» (1948 г.), «Этнография

Скифии» (1949 г.) и др. Литературные и эпиграфические источники по Северному Причерноморью публиковались в приложениях к «Вестнику древней истории» и в других периодических и эпизодических изданиях, а также в особых работах, например «Греческих граффити древних городов Северного Причерноморья» *И. И. Толстого* (1953 г.), «Сарматских знаках Северного Причерноморья» *Э. И. Соломоник* (1950 г.) и др.

Особое место в научной литературе по Северному Причерноморью занимает изданный в 1953 г. сборник работ *С. А. Жебелева* под заглавием «Северное Причерноморье». В нем собраны написанные в разные годы исследования по этой тематике, которые продолжают пользоваться огромным авторитетом в советской науке.

Из монографий, посвященных другим проблемам истории древней Греции, в частности источниковедческим и проблемам истории культуры, следует назвать монографию *А. И. Доватура* «Повествовательный и научный стиль Геродота» (1957 г.), вызвавшую большой интерес. В этом исследовании убедительно доказывается тесная связь между повествовательной прозой Геродота и документальным материалом его времени, что открывает новые перспективы в использовании трудов этого автора, как важнейшего литературного источника по истории V в. до н. э. Геродоту посвящена и особая монография *С. Я. Лурье*, вышедшая в 1947 г. Им же написан очерк об Архимеде (1947 г.) и «Очерки по истории античной науки» (1947 г.), охватывающие период от первых представителей греческой натурфилософии до Платона включительно. Несомненный интерес вызывает также исследование *С. И. Соболевского* «Аристофан и его время» (1957 г.), в котором автор уделяет большое внимание образам рабов в комедиях Аристофана, и работа *А. Ф. Лосева* «Античная мифология в ее историческом развитии» (1957 г.).

Монографии, опубликованные в последние годы, дополняются и развиваются на многочисленных статьях исследовательского характера по самым разнообразным вопросам истории античной Греции и эллинизма. Очень много статей появилось на страницах «Вестника древней истории». Среди них своей научной актуальностью выделяются исследования *Я. А. Ленцмана* и *Э. Л. Казакевич* о рабстве в древней Греции. Убедительность содержащихся в этих исследованиях выводов и наблюдений очень выигрывает оттого, что оба автора широко используют приемы терминологического анализа слов, которыми древние греки обозначали различные виды несвободного труда. Очень содержательны также статьи *Л. М. Глускиной* о роли Дельф в политической и экономической жизни греческого общества VII—VI вв. до н. э., *Н. И. Голубцовой* по истории Спарты в IV в. до н. э., *А. Б. Бергера*, *Э. Д. Фролова* и *В. Г. Боруховича* о политической идеологии греков.

За последние годы было опубликовано также много переводов произведений античных авторов, выходивших в свет и отдельными изданиями и в приложениях к «Вестнику древней истории».

Все работы советских специалистов по античной истории, и монографии и отдельные небольшие исследования, как правило, проникнуты стремлением изучить историческую жизнь эллинистического и эллинистического мира с позиций подлинно научной марксистско-ленинской методологии и в многообразных проявлениях этой жизни уловить действие общих закономерностей, определяющих ход исторического развития человечества. Подобные научные исследования возможны только на базе углубленного, конкретного изучения, а также (если это осуществимо) и комплексного использования литературных, документальных, археологических и нумизматических источников.

Успехи советских ученых в изучении античности нашли отражение и в общих трудах и работах по истории древней Греции обзорного и учебного характера. Среди них прежде всего следует назвать первые два тома «Всемирной истории», изданные Академией наук СССР в 1955 и 1956 гг. В этих томах история древней Греции и эллинистического периода рассматривается под углом зрения закономерного развития всемирно-исторического процесса в целом.

За истекшие полтора десятилетия вышли в свет также второе, дополненное и исправленное издание учебника В. С. Сергеева «История древней Греции» (1948 г.) под редакцией Н. А. Машикина и А. В. Мишулина; два издания (в 1952 и 1956 гг.) «Истории древнего мира» под редакцией Н. М. Никольского, В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева; «Древняя Греция» в издании Института истории Академии наук СССР (1956 г.) под редакцией В. В. Струве и Д. П. Каллистова; «Очерки истории древней Греции» (1958 г.) — пособие для учителей К. М. Колобовой и Л. М. Глускиной. Авторы этих трудов стремились изложить социальную, экономическую, политическую и культурную историю древних греков на основе учения классиков марксизма-ленинизма об исторических формациях, критической переработки наследства буржуазной науки, а также широкого использования исследований советских историков и нового фактического материала.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЭГЕЙСКИЙ МИР И ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

ГЛАВА III

КРИТО-МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

С какого времени нам известна история древней Греции? Ученые первой половины XIX в. обычно начинали ее изложение с VIII в. до н. э. Так, например, *Б. Г. Нибур* — один из крупнейших, занимавшихся античной эпохой ученых того времени — в своей «Греческой истории» открывает повествование 776 г. до н. э., годом, с которого, по преданию, в храме Зевса Олимпийского в Элиде стал справляться популярнейший в Греции праздник — знаменитые олимпиады. Так же поступил и другой исследователь, *Грот*, в своем 12-томном труде, посвященном истории Греции.

Таким образом, историки первой половины XIX в. проходили мимо того факта, что у самих греков сохранились более или менее отчетливые воспоминания о значительно раннем периоде их исторической жизни.

Эти воспоминания запечатлены в мифах и сказаниях, которые донесли до нас античные авторы — Геродот, Фукидид, Диодор и другие. Согласно этим сказаниям, на острове Крите в глубокой древности существовало могучее царство, правил им мифический царь Минос — «талассократ» — «властитель моря». Минос распространил свою власть и на некоторые области материковой Греции; ему была вынуждена подчиниться Аттика. Жителей Аттики критский царь обложил тяжелой данью: каждые девять лет они должны были посылать на Крит семь юношей и семь девушек на съедение Минотавру — чудовищу с головой быка и туловищем человека, которого Минос держал в своем дворце-«лабиринте». Брошенные в лабиринт пленники тщетно пытались найти выход среди множества запутанных ходов и, обессилив, становились жертвами кровожадного чудовища. И вот однажды юный сын царя Аттики Эгея, Тесей, решил отправиться на Крит вместе с очередными жертвами.

чтобы убить Минотавра и освободить родину от тяжелой и позорной дани.

Прибыв на Крит, Тесей пленил сердце дочери Миноса Ариадны. Она подарила Тесею волшебный меч и клубок ниток. В жестокой схватке Тесей убил Минотавра и, разматывая клубок, благополучно выбрался из лабиринта. Он прорубил днища у вытащенных на берег кораблей критян, чтобы избежать преследования, и со своими спутниками поспешно отплыл на родину. Тем временем царь Эгей, поджидая сына, всматривался в морскую даль. Они условились, что, если задуманное Тесеем предприятие увенчается успехом, на корабле вместо черных будут подняты белые паруса. Но Тесей забыл сменить паруса. Решив, что его сын погиб, Эгей в отчаянии бросился с высокой скалы в море. С того времени оно стало называться Эгейским. Народ восторженно встретил освободителя Аттики. Тесей унаследовал отцовский престол, и память о нем как о национальном герое передавалась из поколения в поколение.

Представления о древнейшей эпохе истории Греции опирались не только на легенды и сказания, но и на гораздо более реальные данные. Во многих местах Греции встречались развалины крепостных стен и зданий, сложенных из огромных грубо отесанных камней. Уже сами обитатели древней Греции не могли сказать ничего определенного о происхождении этих сооружений. Ходили рассказы о том, что они были сложены мифическими одноглазыми великанами — циклопами.

До 70-х годов XIX в. ученые полностью игнорировали эти легенды и сказания, памятники древнейшей материальной культуры и основанные на них представления самих древних греков об их далеком прошлом. Мысль о том, что в древних сказаниях могла найти отражение реальная историческая действительность, позднее облеченная в форму мифов, не приходила им в голову. В науке того времени преобладало *ультракритическое направление*, и главную задачу научного исследования ученые видели прежде всего в том, чтобы провести четкую грань между областью легендарного и областью исторически достоверного.

Перелом в этих взглядах произошел только в 70-х годах XIX в. Он связан с раскопками и археологическими открытиями *Генриха Шлимана*. Генрих Шлиман родился в 1822 г. в городе Мекленбурге в Восточной Пруссии. Родители Шлимана, люди малосостоятельные, вынуждены были отдать его еще мальчиком для обучения к торговцу.

Молодой Шлиман, работая приказчиком, обнаружил незаурядные коммерческие способности. Накопив некоторые средства, он сам открыл небольшую торговлю, а в 1846 г. отправился искать счастья в Россию и в Петербурге развил энергичную коммерческую деятельность. В 60-х годах, нажившись на операциях,

связанных с Крымской войной, он стал миллионером. Но Шлиман был не только удачливым коммерсантом. Обладая с раннего возраста большими способностями к языкам, он сначала изучил ряд новых языков, в том числе и русский, а затем увлекся древнегреческим языком и античными авторами. Замечательные творения древнегреческого эпоса «Илиада» и «Одиссея» стали любимыми произведениями Шлимана. Читая их в подлиннике, он проникся убеждением, что произведения такой огромной художественной силы не могут не содержать исторической правды. Став богатым человеком, Шлиман расстался с коммерцией и решил на свои средства предпринять поиски и раскопки древней Трои.

Когда намерение Шлимана стало известным, широкая публика и ученые отнеслись к нему скептически, как к очередной причуде богача. Но это нимало не смутило Шлимана. Руководствуясь указаниями древних комментаторов к тексту «Илиады» и «Одиссеи», он в 1870 г. приступил к раскопкам холма Гиссарлык, расположенного на побережье Малой Азии, и его надежды оправдались. Через несколько дней после начала раскопок были обнаружены следы очень древнего, просуществовавшего много веков, не раз подвергавшегося разрушениям и вновь восстанавливавшегося города. Множество изделий из камня, бронзы и драгоценных металлов, найденных на месте раскопок, изумляли тонкостью и совершенством исполнения. Всеобщее восхищение вызвал знаменитый клад, названный Шлиманом кладом Приама. Среди вещей этого клада были золотые, серебряные, медные сосуды, ювелирные изделия (диадемы, серьги, браслеты, подвески) тонкой и изящной работы, богато украшенное оружие из бронзы и камня (яшмы и нефрита) с тончайшей резьбой. Число мелких золотых предметов превышало восемь тысяч.

Шлиман не обладал специальными археологическими знаниями и поэтому вел раскопки, не соблюдая многих важных требований археологической методики. В результате он неправильно определил разновременные культурные напластования древнего города и считал «гомеровской Троей» гораздо более древнее поселение (так называемую «Трою II», в то время как гомеровской Троей была «Троя VI»). Однако отдельные ошибки Шлимана ни в малейшей мере не преуменьшают научного значения его открытия.

Скептическое отношение ученых к эпосу было сломлено. Стало совершенно очевидным, что в таких произведениях, как эпические поэмы, приписываемые легендарному Гомеру, может находить отражение реальная историческая действительность.

По стопам Шлимана пошли многие ученые. Сам Шлиман не ограничился раскопками Трои и, руководствуясь теми же гомеровскими поэмами, в 1874 г. приступил к раскопкам древних Микен.

Согласно «Илиаде», Микены были резиденцией царя Агамемнона, возглавлявшего ополчение греков под Троей. Остатки Микенского акрополя были видны на поверхности высокого холма и до раскопок. Этот холм высотой 278 метров над уровнем моря находится на расстоянии 18 километров от побережья Аргонидского залива. В стратегическом отношении холм исключительно удобен для возведения на нем крепости, которая была сложена из огромных грубо отесанных камней. Входом в крепость служили так называемые Львиные ворота, украшенные каменным изваянием двух львиц. В непосредственной близости от Микенского акрополя Шлиман открыл

Львиные ворота в Микенах

шесть шахтовых гробниц. Так были названы высеченные в скале прямоугольные колодцы — склепы, закрытые сверху каменными плитами. Некоторые из этих гробниц подверглись опустошению еще в древности, в других были найдены великолепные образцы древнего художественного ремесла — чаши, цепочки, диадемы, кольца, богато украшенное оружие, замечательные по художественному исполнению сосуды из драгоценных металлов (например, серебряный ритон в виде головы быка из четвертой шахтовой гробницы) и, наконец, золотые маски с портретными чертами погребенных.

Уже в наше время, в 1952 г., в Микенах раскрыто еще одно шахтовое погребение «Г», в котором также обнаружена погребальная маска из электрона, но более грубой работы. Этими масками, очевидно, покрывались лица погребенных в шахтовых могилах. В общей сложности в период с 1951 по 1955 г. в разных местах было открыто около 30 погребений такого же типа.

После сенсационных открытий Шлимана на Балканском полуострове и на островах Эгейского моря начались энергичные археологические работы. В них приняли участие археологические институты ряда стран (Германии, Англии и др.).

Ритон в виде головы быка из шахтовой гробницы. XVI в. до н. э.

Особенно интересные результаты дали раскопки на острове Крите, начатые в самом конце XIX в. английским археологом Эвансом. С 1900 г. подобные раскопки стали проводиться регулярно из года в год.

Событием первостепенной важности было открытие Эвансом так называемого *Кносского дворца*. Он представлял собой комплекс взаимосвязанных архитектурных сооружений, занимавших в общей сложности 16 тысяч квадратных метров. Дворец состоял из нескольких этажей — некоторые ученые насчитывают четыре этажа, хотя большинство полагает, что в основном он был двухэтажным. Этажи были связаны лестничными переходами, поддерживаемыми колоннами, расширяющимися кверху. В центре находился большой двор, вокруг которого группировались мно-

гочисленные помещения. Они в свою очередь отделялись друг от друга двориками, служившими одновременно световыми колодцами. Под многими помещениями сохранились подвалы.

Дворцовые помещения имели различное назначение. Одни из них, видимо, использовались как жилые комнаты, другие предназначались для парадных приемов и религиозных церемоний. Некоторые помещения отводились под кладовые, где стояли огромные пифосы для хранения продуктов. В нижних этажах размещались склады оружия, кухни. Специально выделялись помещения для мастерских и дворцовой прислуги.

К югу от дворца был раскрыт очень интересный комплекс построек, состоявший из жилого дома и павильона с ванной для омовения ног. В смежном помещении найдены остатки купальных шаяк, и существуют основания считать, что здесь была холодная и горячая вода. В самом дворце открыта ванная комната и система «параболической кривой», при помощи которой дождевая вода с крыш дворца стекала в специальные водоемы. По-видимому, здесь находилась дворцовая прачечная. Под вымосткой полов дворца была обнаружена система водопроводных и сточных труб.

Циклопическая кладка в Микенах

Кносский дворец

Центральный участок пола «тронного зала» был покрыт красной штукатуркой. Рядом располагался бассейн для совершения очистительных обрядов, к которому вели ступеньки. Потолок зала поддерживался тремя утолщающимися кверху колоннами. По обе стороны от трона вдоль стен находились гипсовые скамейки. С западной стороны к тронному залу примыкало святилище с алтарем.

В некоторых дворцовых помещениях сохранилась в более или менее не поврежденном виде стенная живопись — фрески. Сюжеты этих фресок чрезвычайно разнообразны: сцены мирной жизни, праздничные процессии, религиозные обряды, акробатические игры, приручение быков. Необычайно реалистичны пейзажи и изображения животных: море, в котором плавают рыбы, сады, луга, кошка, охотящаяся за птицами, куропатки, удода, львы, быки, зайцы. Замечательна гамма красок этих росписей. Особенно изящны знаменитые «придворные дамы в голубых платьях». Их пышный туалет, прически, позы переданы в очень изысканной манере.

Интересна фреска, изображающая воина, который стоит перед бородатым военачальником с пером на голове. Великолепна и роспись на стенах тронного зала, пострадавшая меньше других. На фреске изображены бескрылые грифоны. Фон фрески красный с белой полосой внизу и такой же полосой посередине, которая воспроизводит скалистый ландшафт. Пейзаж дополняют тянущиеся вверх стебли папируса, увенчанные цветами.

Одним из наиболее значительных произведений стенной живописи Кносского дворца является фреска, украшавшая стены «коридора процессий». Она, вероятно, состояла из двух рядов изображений, из которых сохранился только нижний — шествие юношей и девушек с сосудами и, по-видимому, музыкальными инструментами. Стены «южных пропилей» украшает фреска, известная под названием «Носители кубков». Эта фреска тематически связана с росписью из «коридора процессий». На ней изображены юноши, несущие серебряные ритоны. Прекрасно сохранились все детали парадного костюма юношей — одежды из ярко орнаментированной ткани, широкие пояса из серебра и золота, серебряные серьги, ожерелья, запястья и поножи.

В помещениях Кносского дворца были также обнаружены памятники древней письменности, восходящей ко второму тысячелетию до нашей эры. Древнейшие памятники этой письменности — печати, надписи на сосудах — типичные образцы *пиктографического* письма, близкого к иероглифическому. Кроме того, было найдено свыше 10 тысяч глиняных табличек со знаками линейного слогового письма, которые появляются в XVII в. до н. э. Эти таблички подразделены на два типа: содер-

Часть Кносского дворца

Часть тронного зала Кносского дворца

жащие знаки линейного письма «А» и линейного письма «Б». Попытки дешифровать это письмо долгое время оставались безуспешными.

Дворцы, по типу весьма сходные с Кносским, но меньших размеров, были обнаружены в других районах Крита — в Фесте и Агиа-Триаде. Кроме того, на Крите раскопаны также отдельные поселения, расположенные вблизи побережья. Одновременно обнаружены следы древних дорог, соединявших различные населенные пункты острова. Любопытно, что и дворцы и поселения Крита не имели оборонительных сооружений.

В ходе раскопочных работ на Крите было найдено множество различных вещей: сосудов из камня, глины, драгоценных металлов и меди, оружия, украшений, печатей, резных камней. Особого внимания заслуживают глиняные сосуды в стиле «камарес». Названы они так потому, что первые образцы подобных сосудов были открыты около современной деревни Камарес. По форме они очень близки к сосудам из металла, а для росписи их характерно стилизованное изображение растений, выполненное с поразительным вкусом и мастерством. Сосуды этого типа были обнаружены во многих местах археологических раскопок.

Очень много вещей, найденных на Крите, сделано из привозных материалов. Например, разнообразные изделия из золота и слоновой кости не могли быть изготовлены из местного материала, так как на Крите отсутствуют месторождения золота и никогда не водились слоны. Видимо, золото и слоновую кость привозили из Египта и других стран Африки. Также и растение сицилий, изображение которого встречается на Крите, видимо, было привезено сюда из Ливии, обсидиан — с острова Мелоса, серебро — из Испании или Сардинии и т. д. О тесных связях Крита с Египтом свидетельствует находка на Крите серии алебастровых сосудов египетской

Крытая галерея в Тиринфе

работы. Еще более важной находкой с этой точки зрения является печать с именем царицы Ти, жены фараона Аменхотепа III. Эта печать была обнаружена в погребении из Агия-Триады вместе с множеством других местных критских вещей.

В то же время на территории Египта были найдены изделия критских ремесленников, например сосуды в стиле камарес (район Фаюма), золотые вещи критской работы (склад в Тоде). Очень интересны изображения критян с дарами, украшавшие стены египетских гробниц — гробницы Сенмута, архитектора царицы Хатшепсут; Усер-Амона, визиря фараона Тутмоса III, и др. Точно датированные египетские предметы позволили определить время, к которому относятся и найденные вместе с ними критские вещи. Все эти находки, бесспорно, свидетельствуют об оживленных торговых сношениях Крита с Египтом. То, что изделия критских мастеров были обнаружены на западном побережье Малой Азии и островах Эгейского моря, неопровержимо доказывает, что Крит поддерживал постоянные связи также с рядом районов Восточного Средиземноморья.

Таким образом, культура Крита получила весьма широкое распространение. Это подтверждают также находки на мате-

Носительница ларца. Фреска из Тиринфа. XIII в. до н. э.

рике и других островах многих изделий, в стиле которых чувствуется влияние критских мастеров.

Среди памятников этого же периода, исследованных на материке, наибольший интерес вызывает *Микенская крепость*. В отличие от памятников архитектуры древнего Крита в Микенах бросаются в глаза оборонительные сооружения. Древние Микены, возле которых Шлиманом были раскрыты шахтовые гробницы, окружены стенами, сложенными из грубо отесанных камней огромных размеров. Ширина сохранившихся стен достигает 6 метров.

Защищенный этими мощными стенами, Микенский дворец так же, как и Кносский, представлял собой комплекс помещений различного назначения. Но в отличие от Кносса его центром был не двор, а довольно обширное помещение с четырьмя колоннами, утолщающимися кверху, и оча-

гом посредине, так называемым *мегароном*. К мегарону примыкали другие помещения. Их стены покрыты штукатуркой, на которой местами сохранились фрески. Под мощным полом двора были обнаружены приспособления для отвода воды. В Микенах были также раскопаны остатки подземного водопровода и бассейна для хранения воды, сооруженных, по-видимому, на случай осады.

Очень сходен с Микенским дворец в Тиринфе, находящийся от Микен на расстоянии около 15 километров, вблизи морского побережья. Он тоже защищен мощными стенами, сложенными из грубо отесанных каменных глыб. В центре *Тиринфского дворца* также находился мегарон, середину которого занимал очаг, окруженный четырьмя расширяющимися кверху колоннами. На внутренних стенах мегарона сохранились следы стеной живописи.

Сооружения, подобные Микенскому и Тиринфскому дворцам, были обнаружены еще в нескольких районах материковой Греции. В частности, в 1939 г. в ходе раскопок в Пилосе на берегу Наваринской бухты был открыт *Пилосский дворец*. По плану, архитектуре и кладке стен этот дворец очень напоминает сооружения Микен и Тиринфа. По ряду признаков можно предположить, что жизнь во дворце оборвалась на рубеже XIII—XII вв. до н. э. после пожара и больше уже не возобновлялась. При раскопках 1952—1953 гг. были обнаружены мегарон, прилегающие к нему помещения и кладовые с обломками 6 тысяч сосудов. Стены мегарона и вестибюля расписаны фресками с изображением процессий и военных сцен.

Таким образом, центральным помещением всех этих памятников архитектуры служил мегарон с очагом посередине, вокруг которого группировались остальные помещения. Это дало основание некоторым ученым думать, что создателями подобных архитектурных ансамблей были выходцы с севера, а не южане, привыкшие в своих помещениях обходиться без очагов.

Кроме дворцов и крепостей, во многих пунктах Южной, Средней и Северной Греции найдены древние погребения, которые отличаются от древнейших погребальных сооружений — шахтовых гробниц. Они представляют собой погребальные камеры, соединенные с поверхностью земли специальным коридором — *дромосом*. Если стены такой камеры были из мягкого грунта, они выкладывались камнем. Из подобных погребений возникли так называемые *купольные гробницы*. В них над погребальной камерой возводился свод. Великолепный памятник этого типа — всемирно известная «гробница Атрея», открытая Шлиманом. Отделка стен камеры, дромоса и свода свидетельствует о высоком уровне строительной техники в тот период.

Гробница Атрея и большая часть такого же рода погребальных сооружений были разграблены еще в древности. Счастливое исключение составляет купольная гробница, открытая в Вафио, на территории древней Лаконики. В ней сохранился богатый погребальный инвентарь, которым обычно наделяли умершего воина.

Среди украшений из золота (перстни, ожерелье с 80 аметистами) бросается в глаза железное кольцо, найденное на пальце скелета вместе с золотыми. Это первая находка железного изделия, датируемая микенским периодом, которая доказывает, что железо ценилось тогда еще наравне с золотом. В погребении найдено много оружия и орнаментированных сосудов. Особенно хороши золотые кубки, украшенные искусно выполненными сценами охоты на быков.

Археологические находки материковой Греции и Крита обладают очень большим стилистическим сходством. Поэтому у некоторых ученых (в частности, у А. Эванса) возникло предполо-

Гробница Атрея в Микенах

ложение, что многие из найденных на материке вещей были привезены с острова Крита или сделаны в Греции критскими мастерами. Однако памятникам так называемой микенской культуры свойственны некоторые своеобразные черты: обилие оружия в погребениях, специфические сюжеты стенной живописи. Если для критских фресок характерны сцены охоты, процессий, игр с быками, то для микенской стенной живописи, остатки которой сохранились на стенах дворцов в Микенах, Тиринфе и Пилосе, типичны сцены сражений, запряжки боевых коней, осады крепости и т.д.

После открытия критской и микенской культур возник вопрос их датировки, решить который оказалось не так просто. Решению этой проблемы помогли, в частности, хорошо датированные египетские вещи, которые были найдены на Крите. Сосуды критского и микенского производства, как об этом говорилось выше, были найдены также на территории Египта, причем среди египетских вещей, поддающихся точной датировке. Это помогло Эвансу разработать основную хронологию памятников материальной культуры древнего Крита. В соответствии с хронологической системой Эванса все археологические памятники Крита распределяются по трем хронологическим периодам, условно названным им минойскими по имени легендарного критского царя. В свою очередь эти три периода делятся каждый на три подпериода. Ниже эти периоды перечисляются и дается их краткая характеристика.

Раннеминойский период (3000—2200 гг.). К этому периоду относятся древнейшие поселения, в районе которых были обнаружены неолитические находки, металлические изделия из меди и золота. Этим же временем датируются *толосы* — коллективные погребения родового общества; они представляют собой круглые по форме гробницы, вмещающие иногда до 700 скелетов. В конце раннеминойского периода появляются керамические изделия, сделанные при помощи гончарного круга.

Среднеминойский (2200—1600 гг.). В этот период распространяется бронза. К этому времени относится сооружение древнейших дворцов и постройка дорог, связывающих Кносс с Фестом и равнину Мессара с северным побережьем Крита. Керамика представлена сосудами в стиле камарес. Впервые встречаются глиняные, высушенные на солнце таблички с линейным письмом «А», появление которых датируется началом XVII в. до н. э. Среднеминойский период заканчивается какой-то катастрофой, вызвавшей разрушение ряда сооружений этой эпохи — дворцов и поселений. Некоторые ученые считают, что разрушения были связаны с землетрясением. Этому противоречит тот установленный археологическими исследованиями факт, что многие из среднеминойских архитектурных памятников были стерты с лица земли пожарами, следы которых сохранились. В настоящее время в науке господствует взгляд, что причиной этих разрушений было вторжение на Крит ахейских племен с Балканского полуострова, которое, очевидно, произошло в XVII в. Но вскоре мирная жизнь на Крите была восстановлена, разрушенные здания отстроены. Часть ахейцев, по-видимому, ассимилировалась с местным населением, что отразилось на дальнейшем развитии критской культуры. В это же время и, видимо, в известной связи с проникновением ахейцев на остров Крит появляются критские надписи с линейным письмом «Б».

Позднеминойский (1600—1200 гг.). К этому периоду относится дальнейшее распространение власти Кносса на территорию всего Крита. В это же время прокладываются благоустроенные дороги, связавшие все районы острова. Вновь отстраивается Кносский дворец, появляются новые фрески (изображение одного из кносских правителей, игр с быками и т. д.). Заканчивается описываемый период постепенным увяданием критской культуры и вторжением на этот раз уже дорийских племен. В более позднее и хорошо известное нам время основным населением Крита были дорийцы.

По аналогии с хронологической периодизацией Эванса была установлена и получила распространение в науке периодизация памятников, обнаруженных на Балканском полуострове и островах Греции. В соответствии с этой периодизацией были выделены следующие периоды развития древнегреческой культуры.

Раннеэлладский период (3000—2000 гг.). Этот период характеризуется низким уровнем материальной культуры, соответствующим первобытнообщинному строю. Только в конце периода появляются первые изделия из бронзы и серебра. Керамические изделия изготовлялись еще без гончарного круга.

Среднеэлладский (2000—1700 гг.). К этому времени относится вторжение на территорию Греции северных племен.

Оно сопровождалось разрушением раннеэлладских поселений и возникновением новых, иногда на тех же местах. Вторгнувшиеся племена были знакомы с обработкой металла; их керамические изделия по форме были похожи на металлические и изготовлялись при помощи гончарного круга. Основным занятием населения было земледелие и скотоводство.

Позднеэлладский (1700—1200 гг.). Этим периодом датируется наибольшее число замечательных микенских памятников, открытых на территории материковой Греции. Древнейшие из них — знаменитые шахтовые гробницы XVII—XVI вв. с богатейшим погребальным инвентарем. К XV в. относятся погребальные камеры с дромосами и купольные гробницы. Крепости и дворцы возникают в XIV в. и существуют до конца XIII — начала XII в. до н. э., т. е. вплоть до того времени, когда на Балканском полуострове начинается новое крупное передвижение племен. Вторгнувшиеся с севера в Среднюю Грецию и Пелопоннес дорийцы уничтожают и разрушают основные центры микенской культуры.

Кто, какой народ создал культуру на острове Крите? Кого нужно считать носителями микенской культуры на материке? На базе какого социально-экономического строя выросли и развились эти культуры?

Долгое время ответы на эти вопросы можно было искать, лишь изучая материал археологических исследований и особенности памятников материальной культуры, сохранившихся на Крите и на материке. Поэтому вполне понятно, почему в науке высказывались весьма различные предположения и о носителях критской и микенской культур и о социально-экономическом и политическом строе древнейших обществ.

Можно сказать вполне определенно, что на ранних ступенях развития культуры на Крите господствующей формой социально-экономических отношений оставался родовой строй. Однако дальнейшее развитие производительных сил критского общества не могло не привести к существенным сдвигам в социальной структуре.

Обширные торговые и культурные связи Крита с другими частями Средиземноморья, письменность, отсутствие оборонительных сооружений вокруг дворцов и поселений, прекрасные мощенные дороги и, наконец, запечатленное в античной традиции представление о могуществе государства царя Миноса дают основания считать, что на Крите существовало примитивно-рабовладельческое государство, власть которого распространялась на всю территорию острова.

Еще сложнее оказалось решить вопрос о характере общественного строя носителей микенской культуры на Балканском полуострове. Ведь наряду с центрами высокой культуры, пред-

ставленными такими памятниками, как Микены, Тиринф, Пилос, на территории Балканского полуострова существовали поселения того же времени, обитатели которых жили в несравненно более примитивных условиях. В связи с этим одни ученые выдвинули предположение, согласно которому центры микенской культуры появились в результате проникновения критян на материк. Другие же допускали существование на территории Пелопоннеса и Средней Греции нескольких примитивно-рабовладельческих государств. Эта точка зрения подтверждалась не только особенностями микенской культуры, но и содержанием гомеровских поэм. Давно уже было замечено, что археологам неизменно удавалось обнаруживать памятники микенской культуры в тех местах, которые упоминаются в «Илиаде» и «Одиссее».

Однако окончательно выяснить вопрос о социально-политическом строе общества, создавшего критскую и микенскую культуры, можно было, только прочитав найденные в Кноссе глиняные таблички со знаками линейного письма. Упорные поиски «ключей» к расшифровке этого письма долго не давали никаких результатов.

Как уже указывалось выше, таблички с линейным письмом были разделены на две группы — линейное письмо «А» и линейное письмо «Б». Первое представлено 137 различными знаками, одна треть которых заимствована от критской пиктографической письменности предшествующего периода или восходит к ней. Линейное письмо «Б» также содержит ряд различных знаков, многие из которых по своему начертанию сходны со знаками слогового письма, употребляемого на острове Кипре вплоть до V—IV вв. до н. э. На это впервые обратил внимание шведский ученый *Персон*, изучая опубликованную Эвансом в 1935 г. вторую серию найденных им в Кноссе табличек с линейным письмом (первая публикация Эвансом этих материалов относится к 1909 г.).

В 1939 г. во время раскопок дворца в Пилосе на берегу Наваринской бухты английским ученым *Бледженом* и греческим ученым *Курониотисом*, совместно проводившими археологические работы, было найдено 600 табличек с линейным письмом «Б». Это был первый случай находки памятников линейной письменности на материке. При пожаре Пилосского дворца они подверглись обжигу, и знаки на них сохранились более четко, чем на табличках, найденных в Кноссе. В 1950—1955 гг. при раскопках в Пилосе было открыто еще много табличек с линейным письмом, и, таким образом, их общее количество превысило 900. Очень интересно, что в Микенах во время раскопок 1950—1952 гг. археологи нашли 39 табличек с линейным письмом «Б» не во дворце, а впервые в частном доме, так называемом доме торговца маслом.

При работе над этим новым материалом, однако, далеко не сразу удалось преодолеть трудности дешифровки.

В 1943 г. чешский ученый *Б. Грозный*, который расшифровал древнехеттскую письменность, предложил свое чтение линейного минойского письма. В основу расшифровки он положил мнимое сходство этого письма с финикийскими, хеттскими, египетскими и протоиндийскими письменами. По мнению Грозного, это была негреческая письменность. Однако расшифровка Грозного в ряде случаев оказалась спорной и произвольной и признания в науке не получила. Взгляды Грозного отчасти разделил болгарский ученый *В. Георгиев*, который, однако, допускал, что минойское письмо употребляли и греки.

Значительно более надежным и пользующимся в настоящее время широким признанием оказался метод дешифровки линейного письма «Б», предложенный в 1953 г. двумя английскими учеными *М. Вентрисом* и *Д. Чэдвиком*. Опираясь на сходство линейного письма «Б» с упоминавшимся выше кипрским слоговым письмом, Вентрис и Чэдвик выдвинули ряд весьма веских доводов в пользу того, что линейное письмо «Б» представляет собой письменность древних ахейян — греческого населения, обитавшего на территории Пелопоннеса до вторжения туда дорийских племен. Следы ахейского языка сохранились и в более позднее время в Аркадии, где ахейское население продолжало существовать и после дорийского вторжения. Многие ахейцы, спасаясь от нашествия дорийцев, бежали на остров Кипр и принесли с собой ахейский язык и письменность. Исходя из этих фактов, Вентрис и Чэдвик определили фонетическое значение многих знаков по аналогии с кипрским слоговым письмом и предложили свое чтение ряда табличек с линейным письмом «Б». Выдвинутый ими метод дешифровки оказался настолько убедительным, что был принят большинством ученых. Изучению дешифровки линейного письма «Б» большое внимание уделил известный советский ученый профессор *С. Я. Лурье*¹. Признав правильность основных приемов, предложенных Вентрисом, он внес много дополнений и уточнений и по-своему прочитал ряд табличек с линейным письмом «Б». Одновременно на основе прочитанных текстов *С. Я. Лурье* удалось выяснить некоторые грамматические и орфографические особенности этого слогового письма. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что путь к дешифровке минойского линейного письма «Б», а в некотором отношении и письма «А» в настоящее время уже найден.

Прочтенные таблички с линейным письмом «Б» в основном представляют собой документы финансово-административного характера. В них содержатся данные о раскладке обложений,

¹ С. Я. Лурье, *Язык и культура Микенской Греции*, М.— Л., 1957.

распределении натуральных повинностей и скота по пастбищам, инвентарные списки, списки жертвоприношений богам, данные, связанные с призывом в войско, и т. д. В надписях встречается много имен собственных и географических названий, которые совпадают с топонимикой Гомера. Содержание надписей бесспорно доказывает существование в Пелопоннесе крупного государства с центром в Пилосе.

Древний Пилос, по Гомеру, был резиденцией мудрого Нестора. Вопрос о местонахождении этого города вызывал разногласия еще в древности. Дело в том, что в Пелопоннесе было два города с таким названием: один находился на побережье древней Мессении на берегу современной Наваринской бухты, другой — на побережье Трифилии. Было неясно, какой из них следует связывать с именем гомеровского Нестора. Античный географ *Страбон*, например, доказывал, что Гомер описал Пилос на побережье Трифилии, а не Пилос мессенский. Когда в 1907 г. в Трифилии было раскрыто несколько погребений и остатки сооружений микенского времени, правота Страбона, казалось, была неопровержимо доказана. Однако раскопки, начатые в 1939 г. на холме у Наваринской бухты, открытие Бледженом и Курониотисом Пилосского дворца и дешифровка документов линейного письма «Б» не оставили и камня на камне от утверждения Страбона. Судя по данным этих документов, в состав Пилосского царства, центром которого был Пилосский дворец, входила вся Мессения, Трифилия и даже южная часть Аркадии. Кроме того, надписи свидетельствуют о том, что древнее ахейское царство выводило свои колонии на острова Эгейского моря и на западное побережье Малой Азии. Так, город Эфес, видимо, был основан пилосскими ахейцами.

Пилосским государством управлял царь (в надписях он называется *ванака*, причем надписей, в которых упоминается царь, очень мало). Непосредственным помощником царя был воевода — *лавагет*. В ряде надписей перечисляются административные функции лавагета: он мог освобождать отдельных лиц от повинностей, взимал с населения налоги, ведал военными делами и т. д. Ванаке и лавагету подчинялись другие административные должностные лица — *терета*, *басилеи* и др. Функции их еще недостаточно выяснены, хотя, например, известно, что *басилеи* управляли отдельными областями, на которые была разделена территория Пилосского царства.

Наряду с должностными лицами известную роль в управлении, по-видимому, играло народное собрание. По крайней мере, судя по пилосским надписям, такой важный акт, как сдача земель в аренду, осуществлялся от имени «народа». В надписях идет также речь о выпасе быков на общественном горном пастбище (может быть, в данном случае следует иметь в виду общинный скот).

Царь, воевода, басилей и другие высшие должностные лица являлись одновременно крупными по масштабам того времени землевладельцами. В Пилосском царстве единицей измерения земельных участков служила так называемая *мера зерна*, перевод которой в современные единицы измерения пока еще затруднен. Из надписей следует, что величина земельных владений царя (его *теменосы*) равнялась 1800 мерам зерна, земли воеводы составляли 600 мер. Чтобы яснее представить себе размеры этих владений, следует сопоставить их с участками рядовых пилосских земледельцев, которые не превышали в среднем 9—10 мер зерна. Помимо царя и должностных лиц, землей владели жрецы и жрицы. Они распоряжались, очевидно, храмовыми землями. Размеры участков отдельных частных лиц колебались от 50 до 500 мер.

Наряду с землями, видимо, принадлежавшими их владельцам на началах частной собственности, в Пилосском государстве существовал и общественный земельный фонд, сдававшийся в аренду от имени «народа». Среди арендаторов этих общественных земель встречались и крупные, вышедшие из среды знати и владевшие большими участками, и мелкие арендаторы, участки которых составляли в среднем 9—10 мер зерна. Одни мелкие арендаторы арендовали храмовые земли и назывались «божьими рабами». По-видимому, это были свободные люди, связанные с храмами или, может быть, зависимые от них. В одной из надписей упомянуто 26 таких арендаторов. Другие получали землю в аренду от «народа», их участки в среднем не превышали 10—11 мер зерна. В надписях встречаются упоминания и о довольно крупных арендаторах, которые пользовались и храмовой землей и арендовали участки у отдельных лиц. Так, одна «божья раба» располагала храмовой землей в 60 мер зерна и дополнительно арендовала у трех мелких владельцев участки, в общей сложности равные 90 мерам зерна. Интересно отметить, что женщины участвовали в аренде на равных условиях с мужчинами. Все земледельческое население Пилосского царства уплачивало царю подати, которые исчислялись в натуре.

Особое положение занимали ремесленники. Они упоминаются в надписях наряду с должностными лицами. Видимо, ремесленники в Пилосском государстве находились на привилегированном положении. Материал для своих изделий они получали от государства и ему же сдавали свою продукцию.

На нижней ступени общественной лестницы стояли рабы. Упоминание о них встречается в ряде надписей. В некоторых надписях речь идет о многих сотнях рабов и рабынь — мужчин, женщин и детей. Судя по надписям, в ведении пилосского дворянского хозяйства находилось не менее трех тысяч рабов, главным образом женщин.

Таким образом, благодаря дешифровке линейного письма «Б» было с непреложностью доказано существование не только на Крите, но и на греческом материке *примитивно-рабовладельческого государства с относительно развитыми формами государственной жизни*.

Интересна и своеобразна религия этого периода. Среди имен божеств, встречающихся в пиловских надписях, фигурируют имена богов позднейшего греческого пантеона — Зевса, Геры, Посейдона, Артемиды, Гермеса, Диониса. Таким образом, надписи опровергают существовавшее прежде среди ученых мнение о том, что культ Диониса заимствован греками у фракийцев. Культ Зевса и Геры засвидетельствован как в Пилосе, так и в Кноссе. Ряд богов, почитавшихся в микенскую эпоху, в позднейшей религии греков не встречается.

На Крите господствующим был культ женского верховного божества. Великая богиня, имя которой до сих пор неизвестно, приобретала в представлении критян различный облик. Ей посвящались деревья, с культом богини были связаны птицы, чаще всего голуби. Многие сельские святилища, по-видимому, состояли из жертвенника и группы священных деревьев. Во дворцовых и домашних святилищах Крита очень часто встречаются фигурки богини со змеями в руках. Они сделаны из фаянса или слоновой кости, щедро украшены золотом. В бедных домах можно было найти грубые глиняные фигурки той же богини. Великая богиня почиталась и как владычица зверей. На кносских гемах она изображается в виде женщины, у ног которой распростерты два льва. Иногда она выступает в образе охотницы, убивающей вепря.

В критском пантеоне встречается также мужское божество, олицетворявшее силы природы. Символом этого божества был двойной топор — *лабрис*, изображение которого часто встречается в критском искусстве. Мужское божество олицетворялось и в образе бога-быка. Культ этого бога предусматривал игры с быком, послужившие сюжетом для одной из кносских фресок. Во время религиозных празднеств на Крите происходили торжественные процессии, приносились жертвы, исполнялись священные пляски и песни. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения культовых сцен на фресках, сосудах, рельефах, печатях.

В культовых церемониях критян ведущая роль принадлежала женщинам, выполнявшим различные религиозные обряды. Мужчины редко фигурируют в культовых сценах и появляются лишь в самых поздних памятниках.

Для критской религии характерно отсутствие монументальных храмовых зданий. Как во дворцах, так и в домах среднего слоя населения во время раскопок были обнаружены лишь небольшие святилища с жертвенными сто-

лами и священным изображением лабриса, сакральных рогов, фигурками богини и т. д.

Влияние критской религии на последующие религиозные представления и обряды греков несомненно. Не случайно именно на Крите греческая мифология поместила пещеру, в которой воспитывался Зевс; на Крите же, как повествуют мифы, провел свое детство Аполлон, Дионис и Геракл. Некоторые из священных символов, почитавшихся критянами, также были восприняты религией древних греков. Конечно, эти заимствования не дают еще права связывать происхождение греческой религии с одним только Критом. Но преемственность тут несомненна и вполне объяснима: ведь критская культура оказывала очень сильное влияние на весь Эгейский мир. Центрами столь же высокой культуры на территории материковой Греции были Пилос, Микены и Тиринф. Вероятно, два последних представляли собой такие же государственные образования, как и Пилос.

Разрушение в самом конце XIII в. до н. э. Пилосского дворца знаменует собой конец микенского периода в истории древней Греции. Примерно в это же время были уничтожены все остальные центры микенской культуры. Совпадение таких событий, как гибель дворцов и поселений микенской эпохи и вторжение дорийцев, не может быть случайным.

Дорийское вторжение — последняя крупная волна в передвижениях населения раннего времени на Балканском полуострове. В античной традиции о нем сохранились довольно отчетливые воспоминания, правда, облеченные в форму сказаний с заметными следами позднейшей переработки. Нам неизвестны конкретные причины, побудившие дорийские племена покинуть места своего прежнего расселения и устремиться на юг. По сравнению с южными соседями они стояли на более низкой ступени исторического развития, но у них было одно бесспорное преимущество: они уже были знакомы с обработкой железа. Очевидно, железное оружие сыграло не последнюю роль в успехе дорийского вторжения на территорию Средней и Южной Греции. Население подвергнувшихся вторжению областей отчасти было уничтожено дорийцами или бежало, отчасти было поработчено и подчинилось победителям, отчасти с ними ассимилировалось. Государства и культура микенской эпохи прекратили свое существование. Столь быстрая гибель этих государств с их высокой культурой объясняется, очевидно, тем, что эти ранние государственные образования древней Греции не обладали достаточно прочным социально-экономическим фундаментом, необходимым для их длительного исторического существования. Широкие слои подданных этих государств, обремененные налогами и повинностями, не были заинтересованы в сохранении господства микенской правящей знати и не оказали достаточно решительного сопротивления дорийцам.

ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

1. Гомер и гомеровский вопрос

В результате вторжения дорийцев все главные центры микенской эпохи приходят в запустение, поселения разрушаются и долгое время остаются лежать в развалинах, население покидает их. Последствия вторжения дорийцев коснулись даже таких районов, куда, по античным преданиям, дорийцы непосредственно проникнуть не смогли, например Аттики. Она прекращает прежние оживленные сношения с другими эгейскими центрами и более далекими странами и переживает полосу упадка. При недавних раскопках на территории Афин было установлено, что в погребениях послемикенского времени почти нет вещей иноземного происхождения. Об упадке ремесленного мастерства и снижении художественного вкуса свидетельствуют *дипилонские вазы*, найденные в окрестностях Афин. Эти огромные сосуды, сделанные при помощи гончарного круга, украшены поясами росписи в так называемом *геометрическом стиле*. Стилль этот назван так потому, что для него характерно чередование простейших геометрических фигур — ромбов, треугольников, прямоугольников и т. д. В подобных приемах орнаментировались сосуды и изображались люди; повернутый вершиной вниз треугольник означал человеческое тело, приставленные к этому треугольнику прямые линии — руки и ноги, схематически нарисованная маленькая круглая голова неизменно была повернута в профиль. Трудно представить себе более разительный контраст с полными жизненной экспрессии изображениями критских и микенских художников!

Так же грубы и примитивны были деревянные статуи богов, известные нам лишь по упоминаниям позднейших античных писателей. Бронзовые изображения такого же типа, датируемые VIII в. до н. э., найдены на острове Крите при раскопках дорийского храма.

И архитектурные памятники этой эпохи носят отпечаток упадка материальной культуры. Судя по остаткам храмов этого периода — храма Артемиды Ортии близ Спарты и храма в Терме, в Этолии, — стены их выкладывались из сырцового кирпича, крыша подпиралась деревянными столбами, и только цоколь делался из поставленных стоймя каменных плит. Так же примитивно строились дома. Большая часть помещений сооружалась из бревен, полом служила плотно утрамбованная земля, дым из очага выходил через отверстие в крыше, поэтому стены были закопчены. Такого рода постройки, конечно, нельзя даже и сравнивать с дворцами микенской эпохи. Но все же полного

разрыва между крито-микенским и последующим, так называемым гомеровским, периодом античной истории не было: гомеровский период унаследовал от микенского многие орудия труда, например плуг, гончарный круг, некоторые типы оружия, парусный корабль, колесную повозку и др. Не следует также забывать, что именно эта эпоха в Греции ознаменовалась переходом от бронзы к железу, что открыло новые перспективы для дальнейшего развития производительных сил греческого общества.

Историческая жизнь древней Греции после вторжения дорийцев (XI—IX вв. до н. э.) нашла отражение в так называемом гомеровском эпосе — двух дошедших до нашего времени поэмах — «Илиаде» и «Одиссее». Облеченные в поэтическую форму сказания, составляющие содержание этих поэм, складывались на протяжении ряда веков. Некоторые части гомеровского эпоса отражают микенскую эпоху. В поэмах, например, запечатлены воспоминания о дворцах микенского времени и быте (оружии, утвари и т. д.).

Долгое время все эти сказания хранились в устной традиции и передавались из поколения в поколение сказителями-певцами (аэдами и рапсодами). Только в середине VI в. до н. э. «Илиада» и «Одиссея», по-видимому, были впервые записаны. Вполне естественно, что за свою долгую жизнь обе поэмы не раз перерабатывались и дополнялись. Но и после первой записи при повторных переписках в них продолжали вносить изменения и вставлять новые эпизоды.

Обе поэмы вызвали огромный интерес ученых нашего времени. Ведь «Илиада» и «Одиссея» по своим художественным достоинствам могут быть отнесены к шедеврам мировой литературы; кроме того, на материале этих поэм в науке нашего времени делались попытки решить проблему большого принципиального значения о происхождении эпоса вообще. В современной науке, начиная с конца XVIII в., существует даже особый *гомеровский* вопрос, породивший сотни и тысячи трудов и исследований. Исследователи, изучающие этот вопрос, стремились, во-первых, объяснить происхождение обеих поэм, т. е. выяснить, являются ли они результатом индивидуального или коллективного народного творчества, и, во-вторых, выявить и определить те разновременные сюжетные слои, которые легли в их основу.

Хотя античные писатели вполне определенно называют имя творца «Илиады» и «Одиссеи» и несколько греческих городов спорили из-за чести считаться его родиной, Гомер должен быть отнесен к числу персонажей легендарных. О том, когда и где он жил, ничего достоверно неизвестно. Данные его биографии, приводимые древними писателями, не заслуживают никакого доверия. Античная традиция приписывала Гомеру, помимо «Илиады» и «Одиссеи», еще ряд частично дошедших до нашего

Гомер. Мраморный бюст эллинистической эпохи

времени произведений, но уже в античную эпоху стали возникать сомнения в подлинности его авторства. Греческие ученые критиковали автора поэм за встречающиеся в его произведениях явные противоречия.

Особенно суровым критиком Гомера был учитель риторики *Зоил* (IV в. до н. э.). Его даже прозвали «бичом Гомера» (*гомеромастиксом*). Однако подавляющее большинство ученых античного времени не поддерживало этой критики. Вот почему имя «Зоил» стало впоследствии нарицательным, и в наше время так называют придирчивых и несправедливых критиков. В широких слоях народа не возникало никаких сомнений в реальном существовании Гомера и в первоначальной целостности поэм, на которых в античное время воспитывались поколения за поколениями. Впервые сомнения зародились лишь в XVII в., но строго научная постановка

гомеровского вопроса относится уже к самому концу XVIII в., к 1795 г. В этом году вышло в свет посвященное Гомеру исследование под названием «Введение к Гомеру» немецкого ученого *Фридриха-Августа Вольфа*. Отметив ряд явных противоречий в содержании поэм, Вольф пришел к выводу, что «Илиада» и «Одиссея» не единые поэмы, написанные в одно и то же время, а собрание отдельных впоследствии соединенных вместе песен. Мнение Вольфа встретило, однако, сильную оппозицию со стороны так называемых *унитариев*. Придавая первостепенное значение единству художественного замысла и стиля, они продолжали защищать «единого» Гомера; противоречия же, встречающиеся в тексте поэм, эти ученые объясняли искажениями, вкравшимися в текст в позднейшее время.

В дальнейшем появляется и третье решение гомеровского вопроса — *теория первоначального ядра*. Странники этой теории считали, что в основе «Илиады» и «Одиссеи» лежит некое первоначальное сюжетное ядро, на которое с течением времени наслаивались различные дополнения и параллельные редакции,

привносимые поэтами более поздних веков. Существование в тексте поэмы разновременных вставок и дополнений не вызывает сомнений, поэтому теория первоначального ядра на первый взгляд представлялась многим весьма убедительной. Разочарование наступило тогда, когда обнаружился полный разноречивый в определении начального ядра и позднейших добавлений. Хотя различные варианты теории первоначального ядра, господствовавшие во второй половине XIX в., продолжают существовать и в XX в., теория эта зашла в тупик.

В последнее время довольно широкое распространение получила точка зрения, построенная одновременно на критическом пересмотре теории унитариев и теории ядра. Согласно этой точке зрения, каждая из поэм имеет своего автора, который в основу своего произведения положил материал народных сказаний, но художественно обработал его. При переработке в поэмы, несомненно, было введено много новых эпизодов, а повторяющиеся или не поддающиеся согласованию частично изъять; полностью устранить противоречия и повторения авторам, однако, не удалось. После этого текст поэм уже существенно не изменялся, хотя и вводились небольшие интерполяции (вставки).

Многие ученые считают также, что «Одиссея» — произведение не однородного с «Илиадой» эпического жанра. «Одиссея», как поэма скорее авантюрно-сказочная, чем героическая, по-видимому, имела и свой особый круг первоисточников, притом несколько более позднего времени.

Таким образом, изложенные теории происхождения гомеровского эпоса пытаются дать ответ сразу на два вопроса: почему обе поэмы характеризуются единством художественного замысла и его воплощения и в то же время почему в них встречаются повторения и противоречия. Впрочем, далеко не всем эти ответы представляются достаточно убедительными. В буржуазной науке существуют и другие объяснения происхождения эпоса, в большинстве случаев модернизирующие старую аргументацию как унитариев, так и сторонников теории ядра.

В советской науке проблема происхождения эпоса также считается пока еще недостаточно выясненной.

Еще до дешифровки микенского письма некоторые ученые обратили внимание на то, что памятники микенской эпохи, как правило, встречаются в местах, упоминаемых у Гомера. В ходе многолетних раскопок памятников микенской эпохи было обнаружено немало вещей, очень похожих на те, которые описываются у Гомера. Таким образом, связь между микенской эпохой и гомеровским эпосом представляется несомненной. Однако тут необходима существенная оговорка. В 1950 г. в Англии вышла книга Э. Лоример «Гомер и памятники», специально посвященная сопоставлению гомеровского эпоса с археологическим материалом. Пользуясь новейшими данными археологии и

прежним материалом, автор доказывает, что эпоха бронзы отражена в гомеровских поэмах значительно слабее, чем предполагали ранее. Памятники материальной культуры, упоминаемые в эпосе, чаще всего совпадают с археологическим материалом самого конца II и начала I тысячелетия до н. э. Следовательно, хотя в поэмах и запечатлены живые воспоминания о микенской эпохе, они прежде всего отражают не микенский, а более поздний период, XI—IX вв. до н. э.

Родиной гомеровских поэм, как о том свидетельствуют особенности их языка, было ионийское побережье Малой Азии. Сюжет «Илиады» и «Одиссеи» почерпнут из так называемого троянского цикла мифов. В мифах повествуется о том, как сын троянского царя Приама Парис (второе его имя Александр) по велению Зевса должен был вручить одной из трех богинь — Гере, Афродите или Афине — золотое яблоко с надписью «прекраснейшей». Чтобы побудить Париса решить спор в ее пользу, каждая из богинь не скупилась на обещания: Гера обещала Парису власть и богатство; Афина — мудрость и славу; Афродита — самую красивую женщину в мире. Парис подарил яблоко Афродите, и она помогла ему похитить у спартанского царя Менелая его жену Елену. Похищение Елены и послужило поводом к троянской войне. Разгневанный Менелай и его брат, микенский царь Агамемнон, призвав на помощь греческие племена, совершили поход на Трою (или Илион). Под предводительством Агамемнона греки девять лет осаждали Трою и только на десятый год им удалось хитростью взять и разрушить ее.

«Илиада», т. е. поэма об Илионе, повествует лишь об одном из эпизодов десятого года этой войны. Главный герой «Илиады» — Ахилл, сын фессалийского царя Пелея и морской богини Фетиды. В сюжете «Илиады» центральным эпизодом является ссора Ахилла с предводителем всех греческих отрядов Агамемноном. Ахилл, оскорбленный Агамемноном, отказывается от дальнейшего участия в военных действиях, и греки терпят одно поражение за другим. В битвах греков и троянцев принимают участие даже боги: одни — на стороне троянцев, другие — греков. В конце концов Ахилл после гибели своего друга Патрокла, павшего в единоборстве со старшим сыном троянского царя Гектором, решает примириться с Агамемноном и снова выступает против троянцев. Жажда мести оказывается сильнее чувства обиды. Убив Гектора, Ахилл привязывает его тело к своей колеснице и обвешивает вокруг стен Трои. Только после усиленных просьб и богатого выкупа Ахилл соглашается вернуть троянцам тело Гектора. Поэма заканчивается описанием торжественного погребения Гектора.

Еще в античное время текст «Илиады» был разделен александрийскими учеными-филологами на 24 песни по числу букв греческого алфавита.

Вторая гомеровская поэма — «Одиссея» также включает 24 песни. В ней рассказывается о странствиях и приключениях одного из участников троянского похода, хитроумного Одиссея, царя Итаки. Главные герои «Илиады» в той или иной связи упоминаются и в «Одиссее». Обе поэмы неразрывно связаны друг с другом, хотя «Одиссея» и не представляет собой прямого продолжения «Илиады»: ряд событий, падающих на период между погребением Гектора и разрушением Трои, в ней опущен.

Сюжет «Одиссеи» сложнее, чем «Илиады», и излагается в нескольких планах. Поэтический рассказ начинается с описания горестей Одиссея, томящегося на острове Огигии по прихоти влюбленной в него нимфы Калипсо. Потом уже из уст самого Одиссея слушатели поэмы узнают о предшествующих событиях, о его злоключениях и скитаниях. С этой основной нитью изложения переплетаются другие: рассказ о событиях на острове Итаке во время двадцатилетнего отсутствия Одиссея, повествование о путешествии его сына Телемаха к уцелевшим участникам троянского похода и т. д. В конце поэмы главный герой возвращается на родину и снова начинает править островом Итакой.

Значение «Илиады» и «Одиссеи» как источников по истории периода, ориентировочно определяемого XI—IX веками и условно называемого в науке «гомеровским», исключительно велико. В поэмах ярко запечатлены различные стороны исторической жизни того общества, которое их создало, и воспоминания о далеких событиях, происходивших в реальной исторической действительности.

Как мы уже знаем, Троя несомненно существовала. Изучение материалов раскопок Трои позволило в общих чертах воссоздать ее историю. В конце третьего тысячелетия до новой эры город был сильно разрушен и горел. Любопытно, что по времени это совпало с появлением в Малой Азии племен, создавших Хеттскую державу. На протяжении второго тысячелетия и первой половины первого город, по-видимому, четыре раза превращался в руины и снова восстанавливался. В одном случае это было вызвано землетрясением, в других — военными вторжениями. Стены Трои этого периода, судя по сохранившимся остаткам, достигали 12 метров толщины. Торговые связи троянцев распространялись на весь Эгейский бассейн, они торговали даже с такими отдаленными районами, как Молдавия. В это время соседом Трои была уже мощная Хеттская держава. На рубеже XIII и XII вв. до н. э. Троя снова была разрушена и сожжена, после чего она уже не могла возродиться и превратилась в небольшой бедный поселок.

Вероятно, эти запечатлевшиеся в археологическом материале события последнего периода жизни Трои и нашли отражение в гомеровском эпосе.

2. Хозяйственный строй гомеровского общества

Ценность гомеровских поэм как исторического источника, однако, состоит не столько в том, что эти поэмы в сочетании с другими источниками проливают свет на события глубокой древности, сколько в том, что они иной раз с поразительной яркостью отражают социально-экономическую и политическую жизнь греческого общества периода их создания, т. е. XI—IX вв. до н. э.

В «Илиаде» и «Одиссее» греческое общество переживает уже период разложения первобытнообщинного строя и зарождения строя рабовладельческого. Поэтому гомеровская эпоха представляет собой переходный период со всеми характерными для таких периодов особенностями.

Экономическая жизнь гомеровского общества уже далека от первобытного примитивизма. Гомеровскому времени известны относительно развитые земледелие и скотоводство, составляющие основу хозяйства. Сцены сельской жизни той эпохи запечатлены на щите Ахилла, сделанном богом Гефестом. Этот щит подробно описывается в XVIII песне «Илиады». Гефест изобразил на нем картины сельской жизни.

- Сделал на нем и широкое поле, тучную пашню,
Трижды взрыхленную плугом. И много на ней землешапцев
Гнало парные плуги, ведя их туда и обратно;
Каждый раз, как они, повернувши, к меже подходили,
545 В руки немедля им кубок вина, веселящего сердце,
Муж подавал, подошедши. И пахари гнать продолжали
Борозду дальше, чтоб снова к меже подойти поскорее.
Поле, хотя золотое, чернелось сзади пахавших
И походило на пашню,— такое он диво представил.
550 Дальше царский участок представил художник искусный,
Острыми жали серпами поденщики спелую ниву.
Горсти другие вязальщики связлами крепко вязали.
Трое вязальщиков возле стояли. Им мальчики сзади,
555 Спешно собирая колосья, охаживали их подносили.
На полосе между ними, держа в руке своей посох,
Царь молчаливо стоял с великою радостью в сердце.
Вестники пищу поодаль под тенью готовили дуба;
В жертву быка заколов, вокруг него суетились; а жены
560 Белое тесто месили к обеду работникам поля¹.

Сельские работы были трудными. Пахарь, возвращающийся с поля, выглядит усталым, жаждущим пищи и покоя. Тягловой силой служили не только волы, но и мулы. Поля вспахивали длинной бороздой («Длинные борозды плуг мой нарезал»), иногда два, три и даже четыре раза подряд, чтобы получить наилучший результат. Относительно высока была и рабочая норма

¹ Цитаты из поэм Гомера здесь и ниже даны в переводе В. В. Вересаева; Гомер, *Илиада*, М.—Л., 1949; Гомер, *Одиссея*, М., 1953.

пахоты. По вычислению французского экономиста Дюро де Ламалля, плуг с упряжкой в два вола распахивал в день одну треть гектара глубиной 25 сантиметров. Таким образом, поле площадью 12 гектаров могло быть обработано за 12 дней тремя упряжками.

Роль сельскохозяйственных орудий, кроме плуга, играли кирка и заступ. Ими разрыхляли землю и сажали садовые растения.

Из зерновых культур в поэмах упоминаются пшеница, ячмень, полба. Поля удобряли навозом. Жали серпами, молотили на гумне с помощью волов. Зерно размалывали на ручных мельницах. Наряду с разведением зерновых культур, занимались огородничеством и садоводством. В VII песне «Одиссеи» описывается дворец феакийского царя Алкиноя. Вокруг дворца раскинулись сад и огород, где произрастают во все времена года самые разнообразные плоды и овощи.

- Сад у ворот вне двора простирался огромный, в четыре
Гия¹ пространством; со всех он сторон огражден был забором.
Множество в этом саду деревьев росло плодоносных —
- 115 Груш, гранатных деревьев, с плодами блестящими яблонь,
Сладкие фиги дающих смоковниц и маслин роскошных
Будь то зима или лето, всегда там плоды на деревьях;
Нету им порчи и нету конца; постоянно там веет
Теплый Зефир, зарождая одни, наливая другие.
- 120 Груша за грушей там зреет, за яблоком — яблоко, смква
Следом за смоквой, за гроздьями вслед поспевают другие.
Дальше, за садом, насажен там был виноградник богатый.
В части одной на открытой для солнца и ровной площадке
Гроздья сушились, а в части другой виноград собирали.
- 125 Там уж давили его, там едва только он наливался,
Сбросивши цвет, а уже там начинал и темнеть из-под низу.
Вслед за последней грядой виноградной тянулись рядами
Там огородные грядки со всякою овощью пышной.

Велико было значение оросительных каналов. Орошение не один раз упоминается в «Илиаде» и «Одиссее». Ахилл сравнивается с быстро несущимся потоком, воды которого земледelec направляет к «пышно цветущему саду». В другом месте говорится, что бушующую реку не могут остановить и удержать никакие плотины и преграды, возведенные «на нивах цветущих». В XIII песне «Илиады» упоминается оливковод, который сажает молодые побеги плодоносной оливы в местах, изобильных водою.

О важности сельского хозяйства в экономике гомеровской Греции свидетельствует обилие употребляемых в «Илиаде» и «Одиссее» метафор, связанных с сельскохозяйственным обиходом.

¹ Гий — мера площади, около четверти гектара

Наряду с земледелием в гомеровскую эпоху было развито и скотоводство. Одиссей, например, имел 12 стад «быков круторогих», столько же стад овец, коз и свиней. Скот служил даже мерилом ценности и заменял при обмене драгоценные металлы.

Так, каждый приз, выставленный Ахиллом для победителей состязаний, устроенных на тризне Патрокла (XXIII песнь «Илиады»), оценивается определенным количеством скота:

Первый приз — треножник большой для огня. Тот треножник
Между собой ахейцы в двенадцать быков оценили.

Для побежденного мужа он женщину вывел, в работах

705 Многих искусную; эту в четыре быка оценили...

В поэмах встречаются упоминания также о лошадях, ослах, мулах, козах, овцах и свиньях.

Гомеровское общество уже было знакомо с железом. Среди прочих наград для соревнующихся у могилы Патрокла имеется «круг из железа»:

830 Выложил после он круг из железа, недавно отлитый...

«Встаньте теперь, кто и эту награду оспаривать хочет,

Если бы тучные нивы его и далеко лежали,—

В пять круговратных годов не истратит никак он железа

Этого: если пастух у него или пахарь нуждаться

835 Будут в железе,— не в город пойдут, а получают и дома»¹.

О применении железа напоминают и такие метафоры, как «железная душа», «железное терпение», вкрапленные в текст поэм. Правда, железо, видимо, только еще начинало входить в обиход. Значительно чаще упоминаются оружие и различные орудия, сделанные из бронзы. При этом весьма показательно, что в «Одиссее», созданной позднее, чем «Илиада», упоминания о железе встречаются чаще.

Употребление в гомеровском обществе железа свидетельствует о том, что развитие производительных сил достигло уже такого уровня, который предполагает выделение из общественного производства отдельных его отраслей. Действительно, в обеих поэмах мы находим упоминания о ремесленниках. В XVII песне «Одиссеи» говорится о «бродячих» ремесленниках (демиургах), которых приглашают в дом для различных работ (к демиургам причисляются певцы, лекари и прорицатели):

...Приглашает ли кто человека чужого

В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают, кто нужен на дело:

Или гадателей, или врачей, или искусников-зодчих,

385 Или певцов, утешающих душу божественным словом...

---

¹ Илиада, XXIII.

Из ремесленников в поэмах перечисляются также кузнецы, плотники, кожевники, горшечники, ткачи, золотых и серебряных дел мастера (золотоискусники) и др.

Строгого разделения труда и специализации профессий в гомеровском обществе все же еще не существовало. Плотник мог быть столяром и судостроителем, а также мог делать повозки и мебель. Кожевник изготавливал кожаную одежду, щиты и мячи для игр. Кузнец выковывал бронзовые копья, железные инструменты, выполнял некоторые ювелирные работы и т. д., медник был в то же время «золотых дел мастером».

В XVIII песне «Илиады» необычайно реалистически описана оружейная мастерская бога Гефеста, в которой был изготовлен Ахиллов щит. Пылающие горны раздуваются мехами, и божественный кузнец может ковать то с большей, то с меньшей силой. В горнах обрабатывается медь, олово, серебро, золото и железо.

Однако такие мастерские были еще редкостью. Гомеровские ремесленники обычно переходили из одного дома в другой со своим несложным инструментом и работали из материала заказчика, о чем мы узнаем, например, из III песни «Одиссеи»:

...Медник

С медным пришел инструментом, пособием в ковальном искусстве;
Крепкие клещи с собой он принес, наковальню и молот.—

435 Все, чем над золотом нужно работать.

Таким образом, хотя ремесло и начало уже выделяться в самостоятельную отрасль хозяйства, оно еще не отделилось окончательно от земледелия. Это непосредственно связано с типом хозяйства гомеровского времени. Продукты труда потреблялись здесь в основном в рамках того же хозяйства, в котором они были произведены. Об этом, в частности, свидетельствует примитивный характер и низкий удельный вес обмена.

Производство продуктов, предназначенных для обмена, в гомеровское время было развито еще очень слабо. Предметом обмена служила главным образом военная добыча, и он происходил только от случая к случаю. Поэтому-то в гомеровском обществе не было денег как постоянного средства обмена.

В VI песне «Илиады» повествуется о том, что в древнейшую эпоху меновые отношения выливались в форму взаимного обмена подарками.

215 Ты же мне, значит, старинным приходишься дедовским гостем!

Некогда дед мой Ойней безупречного Беллерофонта

Двадцать удерживал дней у себя, угощая в чертогах.

Оба друг другу они превосходные дали гостинцы.

Дед мой Ойней подарил ему блещущий пурпуром пояс.

220 Беллерофонт преподнес золотой ему кубок двуручный.

Меновой единицей, как говорилось выше, служил скот, в особенности быки. Использовались и другие мерил ценности, например куски бронзы и железа определенного веса, топоры, треножники и золотые таланты. Мерой длины служил локоть (*пехюс*), емкости — *хойник*, первоначально равнявшийся ежедневному рациону зерна, необходимого для взрослого человека.

Зародившийся обмен безусловно приносил выгоду. Особенно выгодно было обменивать у воинов только что захваченную ими добычу. При этом надо было, однако, задобрить начальников войска. Так поступает, например, Евней, сын Ясона, упоминаемый в VII песне «Илиады».

- Прибыло много судов в это время, вином нагруженных,
Посланных с Лемноса сыном Ясона Евнеем ахейцам;
470 Пастырь народов Ясон с Гипсипилой его породили.
Двум Атрея сынам, Агамемнону и Менелаю,
Тысяча мерок вина посылалась Евнеем отдельно.
Все остальные ахейцы вино с кораблей получали,
Эти — медью платя, другие — блестящим железом,
475 Шкуры волов приносили, коров на обмен приводили
Или же пленных людей...

Торговля в это время еще не вошла органически в систему хозяйственной жизни и носила эпизодический характер. Обычно в Элладу ввозили предметы роскоши, предназначенные для удовлетворения прихотей узкого круга родовой знати. Так как Крит к этому времени уже утратил свое прежнее значение торгового посредника, а купцы из греческого общества еще не выделились, роль посредников играли финикийские купцы.

В XV песне «Одиссеи» приводится пример такой торговли, носившей тоже, очевидно, меновой характер:

- Как-то причалили к нам финикийцы, народ плутоватый.
Много красивых вещей привезли в корабле они черном..
455 Целый год финикийцы у нас оставались и, много
Наторговавши, в пустой свой корабль погрузили товары.

Нередко финикийские купцы сочетали торговую деятельность с грабежом, увозя с собой для продажи в рабство женщин и детей. В то далекое время торговля еще была неразрывно связана с разбоем и войной. Финикийские купцы поэтому пользовались дурной славой у греков.

3. Социальная структура гомеровского общества

На основании эпических поэм и других исторических источников можно составить довольно ясное представление о социальной структуре гомеровского общества. Однако следует пом-

нить, что в поэмах нашли отражение общественные отношения и быт более ранней, микенской, эпохи.

В основе общественной организации гомеровского периода лежал род, несколько родов объединялись во фратрию, и несколько фратрий составляли филу — племя.

Каждая небольшая община представляла собой поселение одной или союза фил. Каждая фила жила своей жизнью, обособленной от жизни других таких же фил, хотя процесс их слияния в народности уже зашел в некоторых случаях довольно далеко. Фила имела свою небольшую территорию, включавшую поля, луга и виноградники, а также свой «полис» — «город», который в то время служил, по-видимому, и крепостью. Только время от времени отдельные филы объединялись для совместных военных предприятий. Такой эпизод и положен в основу «Илиады». Но и под стенами Трои греческое войско делилось на отдельные племенные отряды во главе со своими особыми вождями. На совете старейшин правитель Мессени Нестор советует Агамемнону следующим образом построить ахейцев:

На племена подели и на фратрии все наше войско.
Фратрия фратрии пусть помогает и племена племя¹.

Общевойсковая казна в армии Агамемнона отсутствовала, военная же добыча немедленно распределялась между предводителями отдельных отрядов.

Таким образом, род, фратрия как объединение нескольких родов и фила как объединение нескольких фратрий в век Гомера продолжали еще оставаться основными формами общественного деления. Человек, по каким-либо причинам утративший связь со своей родовой организацией, превращался в «бездомного» и «безродного» скитальца, и никакой закон не ограждал его самого и его имущество. Если же было совершенно покушение на жизнь человека, сохраняющего связь со своей родовой организацией, то не вся община, а лишь его ближайшие родственники, члены его рода, мстили убийце по принципу «кровь за кровь», «зуб за зуб».

Об этом свидетельствует XXIII песня «Одиссеи», где Одиссей напоминает своему сыну Телемаху о кровной мести, грозящей им за убийство женихов Пенелопы:

Если в стране кто-нибудь одного хоть убил человека,
Если заступников после себя тот и мало оставил,
120 Все ж он спасается бегством, покинув родных и отчизну.

Однако для греческого общества этого времени в целом, как уже указывалось, характерны черты переходного периода. Ста-

---

¹ Илиада, II, 362—363.

рые общественные отношения уживались с новыми, идущими им на смену, например кровная месть сосуществовала с выкупом. Убийца мог избежать мести родственников убитого, уплатив им выкуп:

....Ведь даже брат за убитого брата
Вознаграждение берет, и отец за погибшего сына!
И средь народа убийца живет, заплатив сколько нужно.
635 Пеню же взявший и мстительный дух свой и гордое сердце,
Все укрощает.

Так говорит в IX песне «Илиады» Аякс, стремясь убедить Ахилла забыть о мести.

Богатство в гомеровских поэмах характеризуется не количеством земли, так как земля еще оставалась родовой собственностью, а количеством скота, обширностью кладовых, наполненных всякого рода добром и припасами, убранством дома, числом слуг, качеством оружия и одежды и размерами другого движимого имущества. Это, конечно, не значит, что в гомеровское время процесс социально-имущественной дифференциации совершенно не коснулся земельных отношений. В поэмах упоминаются земельные наделы, так называемые *клеры*. В буквальном переводе клер означает «жребий». Видимо, первоначально земельные участки распределялись между членами общины по жребью. О периодических переделах и спорах, которые при этом возникали, рассказывает и одно из изображений на щите Ахилла, описанное в XII песне «Илиады»:

Два человека, соседи, на поле, обним им общим,
С мерой в руках меж собой о меже разделяющей спорят
И на коротком пространстве за равную ссорятся долю.¹

Социальное расслоение, быстрыми темпами развивавшееся в тот период, неизбежно приводило к неравномерному распределению земли. В сельских общинах встречались люди, пользовавшиеся несколькими участками общинной земли. В то же время в гомеровском эпосе мы находим термин *бесклерные*; видимо, он относился к тем членам общины, которые лишились своих земельных наделов и были вынуждены работать на землях богатых соседей в качестве наемных работников — *фетов* или заниматься ремеслами. При этом бросается в глаза то, что земли гомеровских *басилеев* — племенной знати обозначаются уже не термином *клер*, а термином *теменос*. Вероятнее всего, *басилей* обладал значительно большими правами, приближавшимися к правам собственников земли, чем владельцы клеров. В этот период происходит сосредоточение собственности в руках одной

¹ Илиада, XII, 421—423.

семьи. Энгельс писал об этом так: «...отдельная семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»¹.

В гомеровское время по-прежнему существовали патриархальные семьи, объединявшие иногда несколько десятков человек. Семья царя Приама, например, насчитывала 50 сыновей с женами и 12 дочерей с мужьями.

- Вскоре приблизился Гектор к прекрасному дому Приама
С рядом отесанных гладко, высоких колонн. Находилось
В нем пятьдесят почивален из гладко отесанных камней,
245 Близко одна от другой расположенных; в этих покоех
Возле законных супруг сыновья почивали Приама.
Прямо насупротив их, на дворе, дочерей почивален
Было двенадцать из тесаных камней под общею крышей
Близко одна от другой расположенных; в этих покоех
250 Возле супруг своих скромных зятя почивали Приама².

Положение женщин в эту эпоху, судя по описаниям Гомера, характеризуется почти полным бесправием. «Достаточно прочесть в „Одиссее“, — пишет Энгельс, — как Телемах обрывает свою мать и заставляет ее замолчать... Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем женщина эпохи цивилизации, все же она в конце концов является для мужчины только матерью его рожденных в браке законных наследников, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать, и фактически делает своими наложницами»³.

4. Организация управления в гомеровскую эпоху

При общинно-родовом строе высшая власть в общине считалась принадлежавшей всему народу (*демосу*), который собирался для обсуждения и решения общих вопросов (главным образом касающихся войны) на собрания (*агора*). Басилей — племенной предводитель — при решении серьезных вопросов советовался со всем народом и родовыми старейшинами, главами семей. Как видно из гомеровского эпоса, агора созывалась басилеем во время особо важных событий, чаще всего во время войны.

«Ведь в то время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа публичной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена.

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 162.

² Илиада, VI.

³ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 65—66.

Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и из этого мы должны исходить при суждении о власти и положении как совета, так и басаilea»¹.

Во II песне «Илиады» агора выступает со всеми чертами древнего родового веча:

- 95 Бурно кипело собрание. Земля под садившимся людом
Тяжко стонала. Стоял несмолкающий шум. Надрывались
Девять глашатаев криком неистовым, всех убеждая
Шум прекратить и послушать царей, вскормленных Зевесом.
Только с трудом, наконец, по местам все уселись народы
100 И перестали кричать. И тогда поднялся Агамемнон,
Скипетр держа, над которым Гефест утомился, работав...

Та же картина и на другой сходке, созванной Телемахом на острове Итаке:

- И приказанье отдал глашатаям звонкоголосым
Длинноволосых ахейцев тотчас же созвать на собрание.
Очень скоро на клич их на площади все собралось;
После того как сошлись и толпа собралась большая,
10 Вышел на площадь и он, с копьем медноострым в ладони...
Сел на месте отцовском, и геронты пред ним расступились².

Словом в народном собрании могли пользоваться только представители племенной знати, решения выносились советом старейшин и царем. Народные собрания, таким образом, созывались не столько для выяснения каких-либо вопросов или вынесения по ним постановлений, сколько для того, чтобы выслушать готовые решения царей и знати. Тем не менее Энгельс справедливо ссылается на немецкого историка Шёмана, который пишет, что, «когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется содействие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли»³.

Признак начавшегося упадка родовой демократии можно усмотреть в том, что народные собрания созывались редко. Например, из «Одиссеи» мы узнаем, что на острове Итаке оно не созывалось ни разу за все годы отсутствия Одиссея.

Гомеровские цари — басаilea — прежде всего племенные вожди. Наибольшей полнотой власти они обладали во время войны, когда возглавляли ополчения своих соплеменников; в их руки попадала львиная доля военной добычи. В мирное время басаilea главным образом участвовали в суде и культовых церемониях. Характерно также то, что иногда в небольшой обла-

¹ Там же, стр. 105.

² Одиссея, II.

³ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 105.

сти существовало несколько племенных вождей. Во время походов филы объединялись и выбирали главного вождя (басилея-царя) всей общины или всего племени.

Весьма интересен образ царя-басилея Нестора — правителя города Пилоса. Казалось бы, в нем должны преобладать черты царя микенского времени — полновластного хозяина Пилосского дворца, но в поэме он выступает в роли хранителя родовых традиций. На торжественном пиру пилосской общины царь восседает среди народа за общим столом вместе со своими сыновьями. «„Басилейа” — слово, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской царской власти (потому что ее главный отличительный признак — *военное предводительство*), при наличии совета вождей (*буле*) и народного собрания (*агора*), только разновидность *военной демократии*»¹.

Первоначально басилей, как и военные вожди и жрецы, были выборными и наиболее деятельными членами общины, служившими общим интересам. Как уже указывалось, им выделяли из общинной земли теменос — отрезок пахотной земли — и земли под виноградники, они получали подарки и лучшую долю в общинной трапезе и были окружены почетом. В дальнейшем власть басилея, очевидно, стала передаваться по наследству от отца к сыну.

В гомеровском эпосе значительное место отводится описаниям домов басилеев и их образа жизни. Идеализированным типом басилея является в «Одиссее» благодушный и гостеприимный, живущий в условиях сказочной роскоши Алкиной — царь «знаменитых мужей феакийских», обитавших где-то далеко на западе, на острове Схерии (возможно, что имеется в виду современный остров Корфу). Алкиной живет в прекрасном доме-дворце, в котором все лучезарно, «как на небе светлое солнце иль месяца». В описании этого дома (в VII песне «Одиссеи») ярко запечатлены давние воспоминания о дворцах микенской эпохи, в гомеровское время уже лежавших в развалинах.

- Стены из меди блестящей тянулись и справа и слева
Внутрь от порога. А сверху карниз пробегал темно-синий.
Двери из золота вход в крепкозданный дворец запирали,
Из серебра косяки на медном пороге стояли,
90 Притолка — из серебра, а дверное кольцо — золотое.
Возле дверей по бокам собаки стояли. Искусно
Из серебра и из золота их Гефест изготовил,
Чтобы дворец стерегли Алкиноя, высокого духом.
Были бессмертны они и с течением лет не старели.
95 В доме самом вдоль стены, прислоненные к ней, непрерывно
Кресла внутри от порога тянулись: на них покрывала
Мягко-пушистые были наброшены — женщин работа.

¹ К. Маркс, Конспект книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», — «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, М., 1941, стр. 145.

Женщины за пряжей Роспись краснофигурной вазы

Необходимые для дома ремесленные изделия изготовлялись в домашних мастерских Алкиноя. Ремесленные работы выполнялись большей частью рабынями. Одни рабыни работали за ручными мельницами: «Рожь золотую мололи они». Другие сучили нитки и ткали за ткацкими станками, сидя рядом «подобно трепещущим листьям тополя». Всеми домашними работами руководила Арета, супруга Алкиноя, хозяйка дома.

Большая часть продуктов, которые приносила земля или базилеи получали каким-либо иным путем, потреблялась в доме. Натуральное хозяйство и обилие продуктов давали возможность базилеям вести широкий образ жизни в патриархальном смысле этого слова, устраивать частые и обильные пиры и быть гостеприимными хозяевами. В честь прибывшего на остров незнакомца (Одиссея) Алкиной устраивает великолепный пир, на который были приглашены все родственники и свойственники.

Мужи заполнили двор, колоннады и комнаты дома.

Все собрались во дворец — и старые и молодые.

К пиру велел Алкиной двенадцать баранов резать,

60 Восемь свиней белозубых и пару быков тяжконогих.

Кожу содрали, рассékли и пир приготовили пышный¹.

¹ Одиссея, VIII.

В числе приглашенных находился знаменитый слепой певец Демодок, в лице которого автор поэмы, возможно, изобразил самого себя.

- Муза его возлюбила, но злом и добром одарила:
65 Зренья лишила его, но дала ему сладкие песни.
Кресло ему Понтоной среброгвоздное в зале поставил
Посреди пировавших, придвинув к высокой колонне...
После того как желанье питья и еды утолили,
Муза внушила певцу пропеть им сказанье из ряда
70 Песен молва о которых до самых небес достигала¹.

За пиром следуют игры и состязания в спорте — беге, борьбе, метании диска, кулачном бою — и в заключение танцы феакийской молодежи. В танцах принимали участие 12 сыновей Алкиноя.

- Юноши в первой поре возмужалости, ловкие в плясках,
Все по площадке священной затопали враз. Одиссей же
265 Взглядом следил, как их ноги мелькали, и духом дивился².

На пире присутствовала также и «прекрасноцветущая дочь» Алкиноя — Навсикая, поразившая гостя своей красотой. При отъезде Одиссей получает богатые подарки от хозяина и его семьи.

Наряду с народным собранием и базилеем в общинах гомеровского времени существовал и третий орган управления древнейшего происхождения — *совет старейшин*, *буле*. «Многоопытные старцы» выступают при обсуждении важнейших дел, касающихся общины. Они первыми подают свои голоса на сходке, созванной «владыкой мужей» Агамемноном под Троей, когда решался вопрос о снятии или продолжении осады города. Однако характер буле также изменялся в процессе разложения родовых отношений. В совет старейшин в гомеровское время входили уже не самые пожилые, а самые знатные люди, вне зависимости от их возраста. Нередко их также называют *базилеями*, но чаще *геронтами* — «старцами». Все важнейшие вопросы цари, в силу укоренившегося обычая, должны были обсуждать с советом старейшин и не предпринимать без их санкции никаких серьезных шагов. Совещания эти происходили в доме базилея или под открытым небом в присутствии народа. Свои судебные функции базилеи также делили с советами старейшин. Среди изображений на щите Ахилла мы встречаем и суд старейшин:

- В круге священном сидели старейшины рядом друг с другом,
505 В руку жезлы принимали от вестников звонкогласных,
Быстро вставали и суд свой один за другим изрекали³.

¹ Там же.

² Там же.

³ Илиада, XVIII.

Суд происходит на рыночной площади. Спорящие обращаются не только к судье и старейшинам, но и к собравшемуся вокруг народу. Упоминая о суде в гомеровском обществе, не следует, однако, забывать, что государство как орган принудительной власти господствующего класса еще не сложилось и каких-либо развитых правовых норм еще не существовало.

Вообще вопрос о взаимоотношениях всех трех органов общественного управления — базилея, совета старейшин и народного собрания — при отсутствии писаных законов и более или менее твердо разработанных правовых норм фактически решался в зависимости от конкретной обстановки и реального соотношения сил.

В целом строй гомеровского общества представлял собой, по выражению Энгельса, «военную демократию», т. е. такую политическую организацию, которая характерна для последнего периода истории родового строя, когда зарождаются уже элементы публичной власти, развитие которых в условиях прогрессирующего деления общества на классы в дальнейшем приведет к образованию государства. «Военачальник, совет, народное собрание, — пишет Энгельс, — образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Недаром высаты грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»¹.

5. Социальное расслоение. Рабство в гомеровское время

Базилей и знатные относились к верхнему слою гомеровского общества. Большую же часть населения составлял народ — свободные земледельцы, которые довольно часто упоминаются в эпосе. Они чрезвычайно привязаны к своим клерам, заботятся об их орошении и уваживают их. Землю они обрабатывают сами, с помощью немногих рабов. К таким людям принадлежал, например, «почтенный старец» Лаэрт, отец Одиссея, о котором в XI песне «Одиссеи» сообщается:

...Отец же твой больше не ходит
В город, в деревне живет у себя. Ни хорошей кровати,
Ни одеяла старик не имеет, ни мягких подушек.
190 В зимнюю пору он дома ночует с рабами своими.
В пепле вблизи очага, покрывшись убогой одеждой.
В теплую ж пору, как лето придет иль цветущая осень,
Он в виноградном саду, где попало, на склоне отлогом
Кучу листьев опавших себе нагребет для постели...

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 164.

Часть свободного населения, разоряемая войнами и обремененная поборами, беднела и попадала в разряд фетов.

Некоторые из них опустились до положения бродяг, живущих под открытым небом. Другие же становились поденщиками, работавшими в *ойкосах* басилеев и получавших плату натурой. Один из женихов Пенелопы приглашает Одиссея, вернувшегося под видом странника (XVIII песня), стать поденщиком.

- Если б принял тебя, пошел ли б ко мне ты работать
В поле далеком? Тебе я плату бы дал недурную.
Ты собирал бы терновник, сажал бы большие деревья.
360 Там бы тебе доставлял я обильную пищу; одежду
Дал бы хорошую; дал бы для ног подходящую обувь.

Как видно из другого места «Одиссея», положение поденщиков в гомеровской Греции считалось унижительным, почти безысходным. На эту работу люди шли в самом крайнем случае. Только смерть считалась хуже наемной работы.

- Я б на земле предпочел батраком за ничтожную плату
490 У бедняка, мужика безнадельного, вечно работать,
Нежели быть здесь царем мертвецов, протившихся с жизнью,—

говорит в царстве теней умерший Ахилл Одиссею (песня XI).

На ухудшение социально-экономического положения свободного населения указывало, между прочим, развитие нищенства, распространяемого в эпоху «Одиссея», отображающей быт более позднего, чем «Илиада», периода. Изможденные, оборванные, с палкой в руках и с сумой за плечами, нищие бродили по селам и городам, от одного дома к другому, прося подаяния.

Гомеровское общество уже знает рабство. Появление рабства как социальной категории знаменовало полный переворот во всем строе общественной жизни, в отношении людей к земле и друг к другу. С рабством связано разложение родового строя, возникновение частной собственности, классов и государства.

«...На пороге достоверной истории,— пишет Энгельс,— мы уже всюду находим стада как обособленную собственность глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов... Для человека низшей ступени варварства раб был бесполезен. Поэтому американские индейцы обращались с побежденными врагами совсем не так, как с ними поступали на более высокой ступени развития. Мужчин они убивали или же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или иным способом также принимали вместе с их уцелевшими детьми в состав своего племени. Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного избытка над расходами по ее содержанию.

С введением скотоводства, обработки металлов, ткачества и, наконец, полеводства положение изменилось. С рабочей силой, в особенности после того как стада окончательно перешли во владение семей, произошло то же, что с женами, которых раньше добывать было так легко и которые приобрели теперь меновую стоимость и стали покупаться. Семья увеличивалась не так быстро, как скот. Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей; для этой цели можно было воспользоваться взятыми в плен врагом, который к тому же мог так же легко размножаться, как и скот»¹.

Рабство в своем развитии прошло несколько этапов: от домашнего, или патриархального, до рабства в классической форме. В гомеровской Греции существовало главным образом домашнее рабство, при котором удельный вес несвободного труда в общественном производстве был еще очень незначителен и рабы использовались главным образом как домашняя прислуга. У многих басилеев имелись рабы — домашние слуги, повара, конюхи, виночерпии, экономы и т. д. — или рабочие в домашних мастерских. В женских мастерских при *гинекеях* — помещениях для женщин — работали искусные мастерицы. В сельском хозяйстве, земледелии и скотоводстве, на виноградниках и оливковых посадках рабский труд применялся в ограниченных размерах.

Вначале недифференцированный труд рабов-слуг постепенно стал дифференцироваться. В эпосе упоминаются рабы — коровники, свинари, пахари и т. д., «начальники рабов», старшие и младшие рабы. В ткацких мастерских Алкиноя, Одиссея и других басилеев опытные мастерицы изготовляли тонкие, изящные и крепкие ткани, рассчитанные на избалованный восточными изделиями вкус военной родовой знати. Каждая мастерица выполняла одну определенную работу, что предполагало известную специализацию.

Но рабство, даже патриархальное, остается рабством. Несвободный человек не мог быть заинтересованным в результатах своего труда:

320 Если власти хозяина раб над собой не чувствует,
Всякая вмиг у него пропадает охота трудиться.
Лишь половину цены оставляет широкоглядящий
Зевс человеку, который на рабские дни осужден им².

Между мелкими владельцами и их рабами сохранились еще патриархальность и простота отношений. Те и другие вместе живут, вместе едят и спят. Но во дворцах басилеев эти патриархальные отношения начинают исчезать. Различие между рабами и свободными становится заметнее.

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 58.

² Одиссея, XVII.

Одиссей близок с некоторыми рабами — раба Эвмея, например, он считает даже своим другом. Но в той же поэме (песня XXII) мы встречаем и сцену жестокой расправы над рабами, уличенными в сговоре с женихами Пенелопы:

- Так на канате они голова с головою повисли,
Петлями шеи стянули, чтоб умерли жалкою смертью.
Ноги подергались их, но недолго, всего лишь мгновение.
Выведен был и Мелантий на двор чрез преддверие зала.
475 Уши и нос отрубили ему беспощадною медью,
Вырвали срам, чтоб сырым его бросить на пищу собакам,
Руки и ноги его в озлоблении яром отсекли.

Главным источником рабства как в гомеровской, так и в послегомеровской (классической) Греции служили войны и пиратские набеги. Об одном таком набеге на Египет рассказывается в XIV песне «Одиссеи».

- 260 Прочим спутникам верным моим приказал я на берег
Вытащить все корабли и самим возле них оставаться,
А соглядатаев выслал вперед на дозорные вышки,
Те же в надменности духа, отваге своей отдаваясь,
Ринулись с вышек вперед, прекрасные нивы египтян
265 Опустошили, с собой увели их супруг и младенцев...

Установить численность рабов в отдельных хозяйствах очень трудно: в поэмах ничего определенного об этом не говорится; когда же в них приводится число рабов, неизменно фигурирует одна и та же цифра 50, причем она относится только к рабам, непосредственно используемым в самом доме. И в «Илиаде» и в «Одиссее» упоминания о рабах сравнительно редки. Центральная роль в хозяйственной жизни гомеровского общества, безусловно, еще принадлежала свободным людям. Свободные общинники, своим трудом обрабатывавшие землю на принадлежавших им клерах, составляли, видимо, основную массу населения гомеровской Греции. В то же время в обществе интенсивно развивался процесс социально-имущественной дифференциации, порождавший острые противоречия.

Родовая знать в поэмах противопоставляется массе «худородных» и «дурных» людей. В отличие от них знать величает себя «благородными», «хорошими», «жирными» и «тучными» людьми, ведущими свой род от богов. Хотя теневые стороны социальной жизни гомеровского общества в поэмах не подчеркиваются в связи с эпическим характером повествования, социальный антагонизм между знатью и рядовыми общинниками прорывается очень часто. Например, во II песне «Илиады» описывается сходка воинов, созванная Агамемноном для решения вопроса о продолжении войны или снятии осады. Сходка протекала

очень бурно. После речей вождей от лица рядовых воинов выступил Терсит. Он обращается к Агамемнону с такими словами.

- 225 Чем ты опять недоволен, Атрид, и чего ты желаешь?
Меди полна твоя ставка, и множество в ставке прекрасных
Женщин — отборнейших пленниц, которых тебе мы, ахейцы,
Первому выбрать даем, когда города разоряем.
Золота ль хочешь еще, чтоб его кто-нибудь из троянских
230 Конников вынес тебе для выкупа сына, который
Связанным был бы иль мной приведен, или другим из ахейцев?
...Подходящее ль дело,
Чтоб предводитель ахейских сынов вовлекал их в несчастье?

Из этой речи Терсита видно, какие чувства питали воины ко всем басилеям, и прежде всего к «басилею басилеев» Агамемнону. Видимо, стремясь ослабить впечатление от этого смелого выступления, нашедшего живой отклик у части слушателей, автор поэмы наделяет Терсита очень непривлекательными внешними данными: он и косоглаз, и хромоног, горбат, с остроконечной плешивой головой.

В конце концов Одиссей избил Терсита, наказав его за «безумную дерзость». В связи с этим поэт замечает, что самым «знаменитым» из всех геройских подвигов Одиссея было усмирение «буйного ругателя» Терсита, дерзкими словами поносившего «Зевсу любимых царей». Таким образом, социальные противоречия достигли в то время уже значительной остроты.

В процессе начавшегося разложения военной демократии значение агоры уменьшалось. Фратрии и филы постепенно превращались в аристократические учреждения, руководимые представителями немногих влиятельных родов. Энгельс так определяет развитие этого процесса: «Мы видим, таким образом, в греческом строе героической эпохи древнюю родовую организацию еще в полной силе, но, вместе с тем, уже и начало разрушения ее: отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние имущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родо-

вого строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*¹.

Появление государства было уже новой эпохой в истории греческого общества.

---

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 108.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

РАННЯЯ ГРЕЦИЯ

ГЛАВА V

ГРЕЦИЯ В ЭПОХУ «ВЕЛИКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ» (VIII—VI вв.)

1. Начало колонизации

Вслед за гомеровским Греция вступает в период, который часто условно называют *архаическим*. Этот период, охватывающий VIII—VI вв. до н. э., прежде всего характеризуется рядом крупных сдвигов во всех основных отраслях материальной жизни греческого общества. Расширяется добыча рудных ископаемых, в первую очередь железа и меди, совершенствуется обработка металла и изготавливаемые из него орудия труда, значительный прогресс наблюдается и в земледелии, и в различных отраслях ремесленного производства, и в строительном деле, и кораблестроении, особенно важном для такого морского народа, каким были древние греки.

Рост производства способствовал и дальнейшему прогрессу в общественном и техническом разделении труда. Труд земледельцев все больше обособляется от труда ремесленников, возникает ряд новых недифференцированных прежде специальностей. Растет торговый обмен, показателем чего служит появление в VII в. монетных систем и затем быстрое и повсеместное их распространение.

Быстрые темпы развития производительных сил греческого общества форсировали дальнейшее нарастание социально-имущественного неравенства и становление производственных отношений нового типа, что обусловило формирование классового общества и государства в специфической для древней Греции форме полиса — государства-города. Все большее развитие получали рабовладельческие отношения. Таким образом, на протяжении VIII—VI вв. в Греции совершался переход к рабовладельческому строю. Но, конечно, этот процесс принимал различные формы, и темпы его развития были неодинаковыми, что объясняется разнообразием условий, в которых жило население Греции.

К VIII в., за четыреста лет, истекших со времени дорийского переселения, четко обозначились три основные ветви, на которые распадалась греческая народность: 1) северо-восточная — *эолийская ветвь*, 2) восточная — *ионийская*, 3) южная — *дорийская*. Эолийцы обитали на территории Фессалии, Беотии, Аркадии, острова Лесбоса и области Эолиды в Малой Азии. Ионийцы жили в Аттике, на большей части островов Эгейского моря (Хиосе, Самосе, Наксосе) и средней части западного побережья Малой Азии (города Эфес, Милет и др.). К третьей (дорийской) группе относились греки, жившие на территории Коринфа, Эгинны, Мегар, Сикиона, Аргоса, Спарты, Крита, острова Родоса и южной части малоазийского побережья (Галикарнас). Ионийцы как бы вклинивались между эолийцами и дорийцами, у них были свои центры и на материке, и на островах, и в Малой Азии. Каждая из названных групп греческой народности говорила на своем собственном диалекте: ионийцы — на ионийском, дорийцы — на дорийском и т. д. В северо-восточной группе ощущалась большая примесь иллирийско-фракийских элементов, в дорийской — ахейских и различных эгейских, ионяне же представляли собой сложную смесь догреческих обитателей Средиземноморья, ахейан и, возможно, дорийцев.

Наиболее передовыми были ионийцы, особенно население западного, ионийского побережья Малой Азии, которое славилось цветущими городами. Здесь раньше, чем в других местах, намечился и был осуществлен переход к более прогрессивным для той эпохи рабовладельческим отношениям, быстрее исчезли пережитки родового строя и было низвергнуто господство родовой аристократии. Постепенно в этот процесс втягивались и другие части эллинского мира. Очень важную роль в его дальнейшем развитии сыграла *греческая колонизация*.

Колонизация VIII—VI вв. была продолжением переселений и расселений, происходивших в предшествующие столетия, но масштабы ее были несравненно шире и исторические последствия значительнее. Поэтому в научной литературе нашего времени за ней и утвердилось название «великой колонизации».

Основные причины колонизации того времени коренятся в изменившихся в VIII—VI вв. исторических условиях. Дальнейший рост производительных сил приводит к развитию новых производственных отношений — рабовладельческих. Одновременно с ростом населения усиливалось имущественное неравенство, обезземеливание свободных. В городах обострялась классовая борьба, сопровождавшаяся политическими переворотами. Победленные в этой борьбе группировки навсегда покидали родину и селились в новых местах.

Развитие колонизации стимулирует и торговля. Ряд колоний в это время создается на основе временных торговых факторий.

Население колоний в дальнейшем сочетает торговлю с ремеслами и сельским хозяйством. Наиболее же древние земледельческие колонии в связи с развитием товарного производства и ростом торговли вовлекаются в торговую деятельность и становятся крупными торговыми центрами.

Таким образом, колонизация представляла собой явление в достаточной мере сложное. Для нее характерно несколько этапов развития. В ранний период колонизация была эпизодическим явлением и проходила так: отважные, предприимчивые люди из разных городов отправлялись в чужие далекие страны в поисках лучшей жизни и обогащения. Впоследствии колонизация приобретает более систематический характер.

Основание новых колоний становится делом не только частной, но и государственной инициативы. В ряде городов, принимавших активное участие в колонизации, создаются особые должности так называемых *ойкистов*, в обязанность которых входило устройство колоний. Политическая структура колоний была в основном такой же, как и метрополий, за исключением, конечно, тех случаев, когда основателями колоний выступали политические эмигранты. Возникнув, колония вскоре превращалась в такое же самостоятельное государство — город-полис, как и ее метрополия. Между колониями и метрополиями обычно устанавливались оживленные экономические, политические, культурные и религиозные связи, которые носили характер взаимоотношений независимых друг от друга, но обычно дружественных полисов. Эти связи нередко скреплялись особыми договорами.

В великой колонизации в различной степени принимал участие весь греческий мир — и западная и восточная его части. Инициатива исходила от наиболее развитых городов Малой Азии, некоторых островов греческого архипелага и Балканской Греции, особенно городов: Милета (в Малой Азии), Халкиды (на Эвбее), Мегар (Мегары) и Коринфа (в материковой Греции).

Колонизационное движение в основном развивалось в трех направлениях¹: 1) западном — по побережьям Италии и Сицилии и дальше на запад; 2) южном — по южному берегу Средиземного моря и 3) северо-восточном — по побережьям Геллеспонта, Пропонтиды и Понта Эвксинского.

Колонии греков, таким образом, распространились по всему средиземноморскому побережью, а также побережьям Мраморного и Черного морей. Подобно древним финикийцам, греки, как правило, основывали свои поселения в пределах прибрежной полосы, не заходя далеко в глубь страны. По выражению Цицерона, греческие колонии составляли как бы кайму, пришитую к обширной ткани «варварских полей».

¹ Все карты, приведенные в данном издании, кроме карты «Греко-персидские войны», взяты из Большой Советской Энциклопедии.

Колонизационное продвижение в западном направлении началось с освоения побережий Апеннинского полуострова и побережий Сицилии. В первой половине VIII в. на западном побережье Италии возникла древнейшая греческая колония Кимы (лат. Кумы), основанная выходцами с острова Эвбеи и малоазийских Ким. Раскопки на месте Ким обнаружили следы догреческих поселений. Кимы были одновременно аграрной и торговой колонией, проводником греческой культуры в Италии и Этрурии. Впоследствии куманцы основали Неаполь. Весь берег к югу от Ким был усеян греческими колониями.

Пионерами в Сицилии были также халкидяне, основавшие вместе с выходцами с острова Наксоса на вулканической почве Этны колонию *Наксос* (в 735 г.). В начале VII в. до н. э. куманцы вместе с халкидянами, жившими в Италии, создали колонию *Занклу*, расположенную на берегу узкого пролива, отделяющего Италию от Сицилии. Впоследствии (в начале V в.) жителей Занклы вытеснили самосцы, которых вскоре изгнал тиран халкидской колонии *Регий*, лежавшей на противоположном берегу пролива; он назвал это поселение *Мессаной* (теперь Мессина). На острове Керкире и в Сицилии утвердились коринфяне, ими были основаны *Сиракузы*. В VI в. на юге Сицилии возник *Акрагант*. Таким путем, шаг за шагом, в сравнительно короткое время было колонизовано все побережье Южной Италии и Сицилии, местное же население оттеснено за пределы прибрежной полосы.

В западной части Сицилии греческая колонизационная волна встретила с волной, исходившей из Карфагена — финикийской колонии в Африке. Карфаген претендовал на западную часть Сицилии. В дальнейшем Сицилия превратилась в яблоко раздора сначала между Карфагеном и греками, а затем между Карфагеном и римлянами.

В Южной Италии, на берегу Тарентского залива, были основаны колонии *Тарент*, *Сибарис*, *Кротон* и др. Тарент — единственная колония, выведенная Спартой. Первыми жителями Тарента предание называет *парфениев* (рожденных от незаконных связей спартиатов с периекскими женщинами). Южноиталийские колонии были расположены в исключительно плодородной местности, имели превосходные бухты и поэтому скоро превратились в цветущие города (полисы) эллинского мира.

Южноиталийские города связывали западный (италийский) мир с греко-восточным. В этом причина быстрого и блестящего культурного расцвета «Великой Греции», как называют южную часть Италии, заселенную греками. Из италийских и сицилийских колоний стали экспортироваться хлеб, лес, вино, оливковое масло, шерсть, шкуры домашних животных и другие продукты и изделия.

К западу от Апеннинского полуострова в конце VII в. выходцы из Фокеи (города в Малой Азии) основали в устье Роны

Массалию (современный Марсель). Благодаря выгодному географическому положению Массалия играла роль посредника и в дальнейшем славилась как богатейший и культурный центр средиземноморского запада. Море, с одной стороны, и плодородная долина Роны, населенная лигурами,— с другой, составляли основу материального и культурного процветания Массалии. Памятники материальной культуры указывают на то, что влияние массалийцев достигало не только областей современной Франции и Пиренейского полуострова, но также и Британских островов, откуда они привозили олово. Выходцы из Массалии основали колонии и на восточном побережье Пиренейского полуострова. Попытки же греков утвердиться на юге Испании были неудачны: с ними конкурировали финикийцы из Карфагена.

Южное побережье Средиземного моря оказалось менее благоприятным для греческой колонизации. Лучшие районы на этом побережье уже были заняты финикийскими колониями. Грекам удалось утвердиться лишь в дельте Нила, на территории, отведенной для них египетскими фараонами, где был основан город *Навкратис*, и на территории к западу от Египта, где возникла *Кирена*, сыгравшая важную роль в распространении греческой культуры среди местных ливийских племен. Область Кирены (Киренаика) славилась своим исключительным плодородием. Отсюда вывозились продукты сельского хозяйства, а также сильфий — растение, широко употреблявшееся как лекарство и как приправа при изготовлении пищи, и, кроме того, скот (особенно лошади).

Еще один колонизационный поток в том же VIII веке идет на северо-восток. В конце VIII и начале VII в. была колонизована *Халкидика* (полуостров на севере Эгейского моря). Это название он получил от города Халкиды на острове Эвбее, выходцы из которого основали здесь, по преданию, 32 колонии. Через столетие сюда проникли колонисты и из других городов. Особенное значение приобрела впоследствии *Потидея*, основанная Коринфом. Халкидика славилась плодородной почвой и лесными массивами. Отсюда в большом количестве вывозился лес. Кроме того, с этого острова, как и с фракийского побережья, шли в Грецию металлы. Вслед за Халкидикой колонизируется и фракийское побережье. Проникновение греков на это побережье оказало влияние на местные племена, и в то же время сами греки восприняли некоторые черты фракийского быта, нравов и верований.

В VII в. до н. э. происходит интенсивное заселение греками берегов *Геллеспонта*, *Пропонтиды* и *Понта*. Здесь появляется ряд колоний: *Абидос* — на Геллеспонте, *Кизик* — на Пропонтиде; в том же столетии на азиатском берегу Боспора был основан *Калхедон*, или, как его иначе называли, *Халкедон*. На европейском

же берегу пролива, на полуострове, отделяющем Золотой Рог от Мраморного моря, возникла мегарская колония *Византий*. Милетяне и присоединившиеся к ним впоследствии переселенцы из других городов утвердились на южном, азиатском, берегу Понта. Опорным пунктом становится здесь *Синопа*. На западном, фракийском, берегу Черного моря важнейшими колониями были *Одесс*, *Томы*, *Истр* (к югу от Дуная), в устьях реки Тирис (современный Днестр) — *Тирас*.

Главная роль в колонизации Северного Причерноморья принадлежала ионийским грекам, выходцам из городов малоазийского побережья, прежде всего Милета. В VI в. до н. э. в устье Буго-Днепровского лимана ими была основана *Ольвия* и ряд колоний на восточном побережье Крыма и по берегам Керченского пролива, в древности носившего название Боспора Киммерийского. Самые крупные из них: *Пантикапей* (на месте нынешней Керчи), *Феодосия* (на месте современной Феодосии), *Фанагория*, *Гермонасса* и *Кепы* — на побережье Таманского полуострова, в древности представлявшего собой группу островов, образуемых дельтой Кубани. Самым северным греческим поселением был *Танаис*, возникший на побережье Меотиды (Азовского моря) в устье Дона. Единственной дорийской колонией на северочерноморском побережье являлся *Херсонес*, основанный переселенцами из мегарской колонии Гераклеи Понтийской в V в. Он был расположен в 3 километрах от нынешнего Севастополя, на скалистом полуострове между Песочной и Карантинной бухтами. Не исключена возможность, что до вторжения гераклийских колонистов на этом месте существовало небольшое ионийское поселение.

В дальнейшем развитии северочерноморских колоний греков наряду с земледелием и местным ремеслом очень важную роль начинает играть торговля. В VI в. потребность в причерноморском сырье и особенно хлебе ощущалась уже многими греческими городами. Греческие ремесленники также нуждались в рынке сбыта для своей продукции. Таким образом, в VI в. греческие колонии на побережьях Черного моря, в частности северочерноморские, приобретают исключительное значение в экономической жизни Греции. Они становятся поставщиками сырья, хлеба и рабочей силы — рабов. От их деятельности зависит материальное благосостояние многих греческих городов.

Значительная часть вывозившегося с черноморских побережий хлеба и других предметов экспорта попадала в руки греческих купцов, которые вели торговый обмен с местными племенами. Между греческими городами-колониями и местным населением завязываются оживленные торговые сношения, одинаково выгодные обеим сторонам. Особенно в торговле с греками была заинтересована племенная знать. Ко времени колонизации она располагала значительными запасами товарного хлеба и огром-

ными стадами скота. Продукция греческого ремесла, в частности художественного, пользовалась в этой среде большим спросом. Тесные связи местных племен с греческими городами-колониями создавали благоприятные условия для распространения греческой культуры и эллинизации местного населения. В то же время постоянное общение с местным населением наложило отпечаток на все стороны жизни греческих колоний. Конечно, в отдельных случаях между греческими колонистами и местными племенами происходили и военные столкновения. Однако в первые века колонизации во взаимоотношениях пришлого и местного населения мир преобладал над войной.

Вполне понятен интерес греков к Черному морю и населявшим его побережья племенам и народностям, и не удивительно, что многие античные писатели отражали в своих произведениях быт и жизнь населения Причерноморья. Именно им обязаны мы первыми обстоятельными сведениями о древних обитателях нашей страны и ее исторических судьбах в античную эпоху.

2. Племенной мир Северного Причерноморья

Древнейшими из известных грекам обитателей Северного Причерноморья были *киммерийцы*. Под именем *гимиррай* они упоминаются и в ассирийских клинописных текстах конца VIII в. до н. э. в прямой связи с их вторжениями в Малую и Переднюю Азию и даже Египет.

Ко времени Геродота, который посетил Северное Причерноморье в середине V в. и оставил наиболее ценные сведения о жителях этой страны, период, связанный с киммерийцами, был уже далеким прошлым, запечатлевшимся в местной топонимике. Так, современный Керченский пролив назывался Боспором Киммерийским, в районе этого пролива находились «Киммерийское укрепление», «Киммерийская переправа»; «Киммерийская область». Вероятнее всего, главным местопребыванием киммерийцев был Керченский полуостров. Однако тот же Геродот сообщает, что ему показывали могилу «киммерийского царя» в районе Днестра. Другие античные писатели еще меньше осведомлены о киммерийцах. Не исключена возможность, что греки называли киммерийцами многие племена, населявшие в древности обширные степные пространства от Южного Буга до Азовского моря, включая и Крым.

О культуре киммерийцев до сего времени мы знаем мало. В археологической литературе под названием «киммерийская культура» принято объединять памятники переходной от бронзы к железу эпохи, которые были обнаружены на территории Северного Причерноморья в результате раскопок, в кладах или случайно. Выделить из этого материала собственно киммерий-

ские памятники пока трудно. По сведениям Геродота, киммерийцы были вытеснены из Северного Причерноморья скифами и переселились на южный берег Черного моря в район Синопы. Некоторые ученые считают, что если такое переселение и было в исторической действительности, то оно коснулось лишь части населения, другая же часть киммерийцев осталась в горном Крыму; обитавшие здесь племена потом стали известны античным писателям под именем *тавров*.

По свидетельству Геродота, в его время основную массу населения Северного Причерноморья составляли скифы, о которых он сообщает ряд обстоятельных сведений. По всем признакам Геродот жил в Ольвии, расположенной в устье Буго-Днепровского лимана, и оттуда наблюдал за незнакомой ему страной, поэтому он называет в первую очередь те из скифских племен, которые обитали в непосредственной близости от этого города. Прежде всего он приводит *каллипидов*, фигурирующих у него и под другим характерным названием — *эллино-скифов*. Они были ближайшими соседями Ольвии и раньше других ассимилировались с греческими колонистами, испытав на себе сильное воздействие греческой культуры. О живших рядом с каллипидами *алазонах* Геродот сообщает, что они сеяли и употребляли в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо¹. Дальше за алазонами на территории, примыкавшей к обоим берегам Буга, жили так называемые *скифы-пахари*, которые, по словам Геродота, сеяли хлеб не только для собственных нужд, но и на продажу. Очевидно, территория, населенная скифами-пахарями, входила в сферу торговой деятельности ольвийских купцов.

Население удаленных от Ольвии районов Геродот определяет по более общим признакам. Так, всех обитавших на большой территории вверх по Днепру он характеризует как *скифов-земледельцев*, противопоставляя их многочисленной группе *скифов-кочевников*, населявших обширные степные пространства на восток от Днепра. Еще дальше на восток, по данным Геродота, жили так называемые *царские скифы*, которых он характеризует как наиболее воинственных.

Таким образом, скифы представляли собой оседлые и кочевые племена, очевидно, родственные друг другу. Материалы археологических исследований свидетельствуют о том, что собственно скифская культура была распространена в районе Нижнего Буга и Нижнего Днепра и между Нижним Днепром и Азовским морем, включая и территорию степного Крыма. На всем этом пространстве (несмотря на некоторые локальные особенности каждого из районов) наблюдаются черты типологической общности материальной культуры: одни и те же формы керами-

¹ Геродот, IV, 17.

ки, однотипное оружие, конская сбруя, сходные типы погребений и т. д. Материальная культура лесостепной полосы, которая существенно отличалась от скифской, с середины V в. до н. э. испытывает сильное ее влияние, несколько сгладившее черты различия между этими двумя культурами.

Этническая общность скифских племен находила выражение и в языке. К сожалению, мы располагаем о нем лишь очень скудными сведениями, почерпнутыми из греческой письменности. Попытки решить вопрос о своеобразии этого языка привели к возникновению в буржуазной науке ряда противоречивых и взаимно исключающих друг друга гипотез. Среди советских лингвистов и скифологов в настоящее время господствует взгляд о принадлежности языка скифов к североиранской группе языков.

За Доном, по данным Геродота, жили не скифы, а родственные им по языку и по образу жизни племена *сарматов*. Близки скифам были и *меотийские племена*, обитавшие на побережье Азовского моря и в Прикубанье. Перечисленные племенные группировки с северной стороны были окружены племенами, существенно отличавшимися от них по образу жизни и уровню социального развития. Об этих племенах греки были весьма плохо осведомлены, и о них ходили самые фантастические слухи. Геродот, например, рассказывает о *неврах*, населявших территорию к западу от Среднего Днепра и, быть может, представлявших собой протославянское население Европы. По его словам, все в этом племени были волшебниками и обладали способностью превращаться в волков¹. Смутные представления существовали у Геродота и о *меланхленах*, живших севернее царских скифов, т. е., очевидно, в районе верхнего течения Дона.

Само собой разумеется, что историческое развитие племен, разбросанных на таком огромном пространстве, протекало в весьма различных условиях и далеко не одинаковыми темпами.

Электровая ваза из кургана
Куль-Оба

¹ Геродот, IV, 105.

Существенные различия в уровне развития наблюдались даже в тех случаях, когда племенные группы жили в непосредственной близости друг от друга. Так, все античные писатели, например, единодушно подчеркивают дикость и отсталость населявших горный Крым тавров. Археологические исследования этой части Крыма действительно показали, что здесь в древности отсутствовали благоприятные условия для земледелия и скотоводства и главным занятием жителей было рыболовство и охота. Однако хозяйственная жизнь большинства северочерноморских племен, именно тех, с которыми соприкасались греки, достигла относительно высокого уровня. В особенности это относится к быту оседлого земледельческого населения, известного нам по расколкам многочисленных городищ, в частности недавним раскопкам большого Каменского городища. Земля в то время, по-видимому, вспахивалась плугом, запряженным волами, при уборке урожая пользовались серпами, зерно перемалывалось на особых зернотерках. Многочисленные костные остатки свидетельствуют о разведении крупного и мелкого рогатого скота, птицы и лошадей. Остатки жилищ и найденная во время раскопок керамика разнообразных форм и назначения говорят об относительном материальном достатке жителей этих поселений.

О масштабах развития скотоводческого хозяйства у кочевников свидетельствуют такие памятники древнего быта, как Ульские, Костромской, Воронежский и другие курганы. Только в одном из Ульских курганов, датированном VI в. до н. э., было найдено свыше 400 конских скелетов, расположенных правильными рядами у коновязей. Обычай массового ритуального умерщвления лошадей дает ясное представление о величине конских табунов, принадлежавших кочевникам. Насыщенность погребального инвентаря больших курганов вещами греческого происхождения наглядно подтверждает тесные связи местной племенной знати с греческими городами-колониями.

Раскопки курганов свидетельствуют также и об интенсивном развитии в местной среде процессов социально-имущественного расслоения. Большие курганные погребения с богатым и разнообразным погребальным инвентарем и ритуальными жертвами контрастируют со множеством могил бедняков, почти лишенных погребального инвентаря. Постоянные военные столкновения между племенами, приносившие победителям добычу и пленников, а также торговля с греками, которым часть этих пленников, очевидно, перепродавалась, форсировали дальнейшее нарастание социального неравенства. Однако в северочерноморском обществе в рассматриваемое время, судя по всему, еще не был изжит первобытнообщинный строй и не был осуществлен переход к классовой структуре и государству.

Геродот неоднократно упоминает скифских царей. Эти цари, даже возглавляя объединения нескольких племен, по сути дела продолжали оставаться племенными вождями. Несомненно, местные племена на короткое время объединяли свои силы для совместных военных предприятий, как, например, это было во время скифских вторжений в Малую и Переднюю Азию. Однако следует отвергнуть взгляды некоторых буржуазных ученых, утверждающих, что у скифов в VI—V вв. уже существовало государство. Первые реальные признаки скифской государственности появляются не ранее второй половины IV в., когда на территории Западного Причерноморья возникает большое и сильное объединение во главе со скифским царем *Атеем*, просуществовавшее, впрочем, очень недолго.

Элементы государственности отсутствовали также и у *сарматов*. По свидетельству ряда античных писателей, в сарматской среде особую роль играла женщина. Это дает основание думать, что у сарматов дольше, чем у скифов, сохранились пережитки матриархата. Опираясь на Геродота и краткие упоминания других авторов о скифских рабах, можно также с уверенностью считать, что у скифов встречались только патриархальные формы рабства. Вряд ли труд несвободных мог найти широкое применение в хозяйстве кочевников и хозяйстве оседлого населения, видимо, еще незнакомого с частной собственностью на землю. Следует думать, что пленники ненадолго задерживались у победившего их племени, а продавались, очевидно при посредничестве греческих купцов, за пределы страны. Таким образом, центральной фигурой в хозяйственной жизни местного общества в рассматриваемое время оставался свободный человек.

Наши представления о быте кочевого и оседлого населения Северного Причерноморья основаны как на свидетельствах Геродота и других античных авторов, так и на материале археологических исследований. Геродот сообщает о повозках, которые служили скифам-кочевникам жилищем. Наглядное представление об этих повозках дает найденная среди детских игрушек при раскопках в районе Керчи глиняная модель. Этот вид передвижного жилья, очевидно, возник еще в доскифскую бронзовую эпоху, так как в погребениях этого времени на Северном Кавказе были найдены аналогичные глиняные модели, а в одном из курганов — большие деревянные колеса без спиц. На стойбищах кочевники жили в войлочных шатрах с очагом посередине. Подобный шатер-юрта конической формы с цилиндрическим клапаном над дымовым отверстием изображен на одной из пантикапейских фресок. Детальное устройство жилищ оседлых скифов нам неизвестно. Мы можем судить об этих жилищах по остаткам землянок и глинобитных сооружений, обнаруженных при раскопках скифских городищ, а также по конструктив-

ным особенностям больших курганных погребений Киевской, Кировоградской, Полтавской, Харьковской, Воронежской областей и степного Крыма. Многочисленные находки разнообразной по форме и назначению местной посуды свидетельствуют о том, что керамика играла в быту значительную роль. По словам Геродота, скифы готовили пищу также в бронзовых котлах (такие котлы были найдены и при археологических раскопках) и пользовались деревянной посудой. Судя по костным остаткам, они главным образом употребляли продукты животноводства.

Одежда скифов известна нам по изображениям на золотых и серебряных сосудах и других драгоценных изделиях преимущественно греческой работы из Чертомлыцкого, Кульобского, Солохского и иных курганов. Она состояла из короткого кафтана, узких кожаных или широких со сборками штанов и кожаных сапог. Скифы носили башлыки или, судя по рисункам на вазах, вообще обходились без головного убора. Женщины надевали длинные с узкими рукавами и поясом платья. С оружием скифов нас знакомят изображения на вазах и многочисленные находки скифских стрел, копий и коротких мечей, так называемых *акинаков*. От вражеских копий и стрел скифских воинов защищали легкие щиты. Сражались они главным образом на конях, хотя в дальнейшем с ростом оседлости и земледелия в скифском войске появляется и пехота. Военным обычаям скифов большое внимание уделял Геродот, который, по-видимому, несколько преувеличивает их воинственность.

Для религии скифов характерно отсутствие храмов и особой касты жрецов. Одним из наиболее почитаемых богов, по словам Геродота, считался бог войны, его олицетворял воткнутый в землю железный меч, перед которым приносились жертвы. Геродот перечисляет еще ряд других скифских божеств, пытаясь перевести их имена на язык эллинского пантеона, но это ему плохо удается; по-видимому, религиозные представления скифов были весьма далеки от религии греков.

Ярким проявлением своеобразия местной культуры служат вещи, выполненные в скифском «зверином» стиле. Для этого стиля характерна динамичность в трактовке образов зверей: они чаще всего изображаются не в статической позе, а в состоянии напряженной экспрессии. Подобные изделия выходили из рук не только местных, но и иноземных мастеров: греческих и восточных, которые в таких случаях явно учитывали вкусы северноморских потребителей их художественной продукции. Безусловно, на местную культуру оказывала влияние и греческая, впрочем, это воздействие не следует преувеличивать; оно коснулось главным образом верхнего слоя местного общества — родо-племенной знати, втянувшейся в торговлю с греческими городами. Правда, в торговые отношения с греками были вовлечены и широкие слои скифов-пахарей, по свидетельству Геродота,

Золотой гребень из Солохского кургана

сеявших хлеб на продажу. Многочисленные изделия греческого происхождения, обнаруживаемые при раскопках местных поселений и курганов, наглядно иллюстрируют интенсивность этих связей.

Таким образом, развитию греческих колоний в Северном Причерноморье способствовало то, что производительные силы местного общества к началу колонизации достигли такого уровня, при котором был возможен широкий обмен. В свою очередь торговля с греческими колонистами формировала в местном обществе процессы образования классов, содействуя переходу от первобытнообщинного строя к более высокой ступени исторического развития. Благодаря тесному общению греков с местными племенами интенсивно протекали процессы ассимиляции, особенно на берегах Боспора Киммерийского. Сформировавшаяся здесь культура в связи с этим приобрела своеобразные синкретические черты.

3. Последствия колонизации. Развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли

Колонизация оказала большое влияние на все сферы жизни греческого общества. Она содействовала укреплению и развитию рабовладельческого способа производства, окончательному отделению ремесла от сельского хозяйства, расширению обмена между греческими городами. Метрополии установили оживленные торговые отношения с колониями, а через них и с негреческим (варварским) миром. Колонии, особенно в первое время, не могли обойтись без метрополий, а метрополии нуждались в колониях как в рынках сбыта изделий своего ремесла. Раньше всего торговля стала развиваться в малоазийских приморских городах, среди которых первое место занимали ионийские города и особенно *Милет*. Милет поддерживал интенсивные

торговые связи с Пропонтидой, Понтом, Италией (особенно Сибарисом) и Востоком. На Западе первыми торговыми центрами были Эгина, небольшой остров, связывавший западную часть Греции с восточной, Коринф, Сикион и Мегары.

Для развития заморской торговли первостепенное значение имело усовершенствование морского транспорта: постройка относительно больших и быстроходных кораблей, возведение береговых портовых сооружений и т. д. Введение *мер* (веса и т. п.) и *монет* свидетельствовало о высоком экономическом уровне греческого общества VIII—VI вв. до н. э. С давних пор в Греции в качестве мерила ценностей пользовались металлическими тонкими и короткими прутьями — *оболами* и *драхмами* (шесть оболов), названия которых удержались и в последующее время. Кроме того, во многих греческих городах весовой единицей служил вавилонский *талант*, делившийся на 60 *мин* и 3600 *шекелей*. В наиболее распространенной эгинской системе талант равнялся 37 килограммам, в эвбейской — 26 килограммам. Мерой объема служил *медимн*, равнявшийся 52 литрам, мерой жидких тел — *метрет*, составлявший 39 литров.

С VII в. до н. э. в малоазийских городах начинается чеканка монет из сплава золота и серебра, носившего название «электра» а в Греции — главным образом из серебра.

Пионером в этом отношении была Лидия, где монеты чеканились уже в начале VII в.

Заморская торговля способствовала развитию ремесла и ремесленной техники. Значительный прогресс ремесленной техники наблюдается в металлургии. В VII в. уроженец Хиоса *Главк* изобрел способ паять железо. Производством железных, медных и бронзовых изделий славились города Малой Азии, а также Халкида на Эвбее — «город медных рудников». Потребность в одежде, тканях, цветных материях и предметах домашнего обихода вызвала к жизни ткацкие, красильные, керамические и другие производства.

Центром ткацкого, красильного и металлургического производства был Милет. Милетские шерстяные ткани пользовались широкой известностью. Развитие шерстяного производства невозможно без овцеводства, которое было очень развито в Милете. Большое распространение получили шерстяные ткани, изготовлявшиеся в Мегарах.

Керамическим (гончарным) производством славились Милет, Коринф (коринфские вазы) и Афины.

Увеличившийся спрос на предметы высокой сельскохозяйственной культуры в колониях и в самой Греции обусловил переход от малопродуктивной культуры хлебных злаков к садово-огородным культурам, разведению винограда, оливковых и фруктовых деревьев, пчеловодству и огородничеству. Из винограда и оливы изготовлялись вино и оливковое масло и вывозились в

другие районы. Эксплуатация рабов в сельском хозяйстве становилась выгодным делом. Земельные участки, расположенные в пригородных местностях, вдоль дорог, рек или по берегам морей, приносили солидный доход и вполне оправдывали средства, затраченные на приобретение земли и инвентаря. Улучшилась обработка земли, развивалась сельскохозяйственная техника и изменилось отношение людей к работе.

Гесиод, поэт конца VIII в. до н. э., родом из Беотии, земледелец-крестьянин по происхождению, исполнен высокого уважения к труду, его главное произведение носит характерное для этой эпохи название «Труды и дни». Гесиод дает подробные наставления сельскому хозяину, как лучше всего обрабатывать поле, чтобы извлечь из него максимум дохода. Прежде всего, говорит он, надо тщательно подготовиться к посеву, отобрать хорошие семена, заранее приготовить орудия труда — плуги, бороны, кирки, мотыги, заступы и пр. — и позаботиться об ирригации, т. е. оросительных каналах — без них в древней Греции вообще нельзя было заниматься сельским хозяйством.

За посевом следует жатва. Жатвенная пора — особенно горячее время. В «интересах скорости, — поучает Гесиод, — раздетым жни, если хочешь вовремя совершить свою работу Деметры и желаешь, чтобы все вовремя поспевало и чтобы ты и потом не бродил подобно нищему по дворам, выпрашивая милостыню».

Между жатвой и молотьбой проходило некоторое время, чтобы зерно «высохло и окрепло». Молотили на «хорошо округленном току», находившемся на открытом месте. Молотили быками, которых гоняли по кругу так, как это делается и по сию пору в глухих местах Греции и на Востоке. На гумно складывали в несколько рядов снопы колосьями вместе и по ним гоняли быков. Упоминается также и молотьба цепями. Вымолоченное и тщательно провеянное зерно хранили в особых сосудах в амбарах. Солома шла на корм скоту.

Размельчали зерно в деревянных ступках, окованных железом, или же в каменных ступках. В дальнейшем вместо ступки использовали ручные мельницы.

В помощь сельскому хозяину Гесиод сочинил специальный *сельскохозяйственный календарь* в стихах, в котором отражены все особенности и приметы погоды, горе и радости, приносимые каждым сезоном.

«Когда на горизонте покажутся рожденные Атласом Плеяды, что случается в мае месяце, то немедленно же начинай жатву, когда же они начинают заходить (ноябрь), то не опаздывай с пахотой. Такой закон для полей».

Строго следи, чтобы вовремя крик журавлиный услышать,
Из облаков с поднебесных высот ежегодно звучащий;
Знак он для сева дает...¹

¹ Гесиод, *Труды и дни*, 448—450.

Советы и рассуждения Гесиода носят сугубо практический характер — это перечень средств и методов, с помощью которых можно жить в достатке и избежать бедности. Гесиод — выразитель настроений сельской демократии, зажиточного крестьянства. Поэма «Труды и дни» с начала до конца проникнута одной мыслью: все ценности создаются упорным систематическим трудом.

Обращаясь к своему брату Персу, Гесиод рекомендует ему работать не покладая рук, чтобы избежать голода и бедности. Тогда будет все — богатство, слава, почет, хорошая семья и хорошие друзья:

Помни всегда о завете моем и усердно работай,
Перс, о, потомок богов,— чтобы голод тебя ненавидел,
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом.
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживает, подобно безжальному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.
Так полюби же дела свои вовремя делать и с рвением.
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.
Труд человеку стада добывает и всякий достаток.
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки¹.

Таким образом, на первом месте всегда работа, а уже затем, если останется время, и все остальное.

«Не сиди в народном собрании и не слушай споров в суде, пока не запасено достаточно продуктов продовольствия, по крайней мере, на один год», — таковы наставления Гесиода.

Гесиод обращается не к аристократам, а к новым землевладельцам, приходившим на смену старой родовой знати. Наставления Гесиода прежде всего относятся к Беотии, отсталой области Средней Греции, и, следовательно, тем более они приложимы к наиболее развитым областям греческого мира как к метрополиям, так и к колониям.

4. Рост городов. Расслоение свободных

Отделение ремесла от сельского хозяйства и широкий обмен предполагают существование *городов* и развитие *городской жизни*. Города микенской эпохи потеряли прежнее значение. Гомеровские города (полисы) представляли собой укрепленные центры, за стенами которых окрестное население искало спасения в часы опасности.

¹ Там же, 298—309.

С течением времени первоначальный характер полиса совершенно изменился. Понятие «полис» расширилось. Теперь это уже был не только укрепленный центр общины, местопребывание военного предводителя и его дружины. Полисом стали называть совокупность поселений, находившихся на примыкающей к городу территории. Площадь самого города также расширялась, вокруг городов возникали торгово-ремесленные слободы. Наиболее населенными городами VIII—VII вв. считались на востоке *Милет*, на западе — *Коринф*. Старые же города крито-микенской эпохи — Микены, Орхомен и Тиринф — к этому времени окончательно потеряли свое бывшее величие и превратились в незначительные поселения.

Раньше всего городская жизнь развилась в полисах Малой Азии. Расцвет малоазийских городов объяснялся историческими условиями и их выгодным географическим положением. Малоазийские города находились на стыке материковой Греции и восточных стран. Расположенные на судоходных реках и имевшие прекрасные бухты, они превращались в торговых посредников, проводников восточной культуры на Западе и западной — на Востоке. Богатая природа и избыток сырья способствовали быстрому и пышному расцвету ремесел и торговли. И политическая обстановка в Малой Азии сложилась благоприятно для греческих полисов. Правда, в конце VII в. многие из этих городов подпали под власть Лидии, но лидийцы терпимо относились к греческим городам. Они ограничивались сбором умеренной дани и некоторыми натуральными повинностями, не препятствовали, а даже содействовали развитию транзитной торговли.

Экономический подъем Греции подрывает значение родовой аристократии. Родовая организация постепенно утрачивает социальную опору и разлагается под влиянием денежного хозяйства и нового способа производства. Людей стали ценить не по их роду, а по их состоянию. «Не знатность, а богатство делает человека», «Имущество — душа несчастного смертного», «Честь следует за богатством» — таковы были девизы новой эпохи. Мегарский поэт VI в. до н. э. *Феогнид*, разорившийся аристократ, пишет:

Доброго мужа ужасней всего нищета укрощает;
Старость седая, озноб — менее страшны, о Кири!
Чтоб нищеты избежать, и в глубокую бездну морскую
Броситься стоит, и вниз в пропасть с высокой скалы!
Каждый, кого нищета поразила, ни делать не может
Ни говорить ничего: связан язык у него¹.

Все изменилось в родовом государстве с горечью говорит он:

Город наш все еще город, о Кири, но уж люди другие.
Кто ни законов досель, ни правосудья не знал,

¹ В. В. Вересаев, *Эллинские поэты*, — Собр. соч., т. 10, М., 1929, стр. 241.

Кто одевал себе тело изношенным мехом козлиным
И за стеной городской пасса, как дикий олень,—
Сделался знатным отныне. А люди, что знатными были,
Низкими стали. Ну, кто б все это вытерпеть мог?¹

С ростом товарно-денежного хозяйства и рабовладения усилилось имущественное неравенство среди свободных, углублялась и обострялась социальная борьба. Кричащая роскошь одних и беспросветная бедность других еще сильнее подчеркивали социальное неравенство и углубляли классовые противоречия.

Материальное положение мелких землевладельцев и ремесленников с каждым поколением ухудшалось.

В условиях натурального хозяйства фет сравнительно легко получал кредит натурой у богатого соседа, не знавшего, куда девать свой хлеб, вино, овощи и фрукты. С ростом же денежного хозяйства положение изменилось. Богатый сосед, стремясь увеличить свое богатство, давал деньги займы лишь под высокие проценты, требовал точной и аккуратной уплаты долга, а в противном случае захватывал участок и имущество должника, его же самого вместе с семьей продавал в рабство.

Классовая ненависть обезземеленного и обедневшего населения греческих полисов VII—VI вв. к «пожирателям даров» базилям запечатлена в известной басне о соловье и ястребе, рассказанной в «Трудах и днях» Гесиода:

Басню теперь расскажу я царям, как они неразумны.
Вот что однажды сказал соловью пестрогласному ястреб.
Когти вонзивши в него и неся его в тучах высоких.
Жалко пищал соловей, пронзенный кривыми когтями,
Тот же властительно с речью такую к нему обратился:
«Что ты, несчастный, пищишь? Ведь намного тебя я сильнее!
Как ты ни пой, а тебя унесу я куда мне угодно,
И пообедать могу я тобой и пустить на свободу.
Разума тот не имеет, кто меряться хочет с сильнейшим:
Не победит он его,— к униженью лишь горе прибавит!»
Вот что стремительный ястреб сказал, длиннокрылая птица².

Гесиоду, еще не совсем порвавшему с традициями родового быта и натурального хозяйства, современная ему эпоха казалась глубоким кризисом, началом конца мира, железным веком, пришедшим на смену медному, серебряному и золотому.

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда, и от горя,
И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им³,—

пророчит поэт в том же произведении.

¹ Там же, стр. 238.

² Гесиод, *Труды и дни*, 202—212

³ Там же, 176—178.

Приведенные слова Гесиода относятся к отсталой сельскохозяйственной области греческого мира — Беотии. Тем более можно себе представить, до какой степени остры в эти столетия были классовые противоречия в Малоазийской Греции, на островах и в тех частях Балканской Греции, где разложение натурального хозяйства и патриархального быта протекало значительно глубже и полнее.

5. Раннегреческая тирания

Вступивший в классовую борьбу демос не представлял собой единого целого. Из массы народа — мелких и средних землевладельцев, ремесленников и других прослоек — выделялась торгово-ремесленная верхушка — своего рода денежная аристократия. Интересы денежной аристократии и широких слоев демоса были различны. Однако в борьбе со старой родовой аристократией, пользовавшейся рядом привилегий и фактической монополией власти, в борьбе за расширение своих прав и права реального участия в управлении общиной разнородные слои демоса часто выступали единым фронтом.

Борьба за права демократии особенно активно развернулась в VII—VI вв. Она охватила весь эллинский мир и носила революционный характер. Выступления демоса в VII—VI вв. происходили в малоазийских городах — Милете, Эфесе, Самосе, в городах метрополии — Мегарах, Коринфе, Сикионе, Афинах и в Великой Греции — Таренте, Кротоне, Сиракузах и т. д. В результате этой борьбы создавались города-государства. Во многих городах переходной ступенью от господства родовой аристократии к власти демократии явилась *тирания*. Характерным признаком тирании была узурпация, насильственный захват власти одним лицом. В большинстве случаев тираны выступали как вожди демоса. Однако чаще всего они были выходцами из аристократии, по каким-либо причинам оторвавшиеся от своего класса или же не разделявшие его взглядов по отдельным вопросам.

Внешнее положение тиранов напоминало положение монарха, т. е. единоличного носителя власти, да и сами они стремились походить на древних басилеев времен военной демократии. Политика тиранов была противоречива. С одной стороны, ради привлечения демоса они прибегали к разным, в зависимости от обстоятельств, демагогическим приемам: хорошему обращению с народом и заступничеству в судах, обвинению богатых, конфискации их имущества и земель, частичным разделам конфискованных земель между малоимущими и т. д. С другой стороны, они стремились сгладить классовые противоречия и затушевать имущественные контрасты, издавая законы против роскоши, ограничивая число рабов и т. д.

Этим объясняется социальная слабость раннегреческой тирании как политической формы, на что указывал еще Аристотель в «Политике», «Так как, — говорит он, — в состав государства входят два элемента: класс людей неимущих и класс людей состоятельных, то тиран должен внушить и тем и другим, что их благополучие опирается на его власть, и (устроить дело так), чтобы одни от других ни в чем не терпели обиды. А тех из них, которые окажутся сильнее, он преимущественно должен заинтересовать в поддержании его власти... Цель всех мероприятий ясна: тиран в глазах своих подданных должен быть не тираном, но домоправителем и царем, не узурпатором, но опекуном; тиран должен вести скромный образ жизни, не позволять себе излишеств, знатных привлекать на свою сторону своим обхождением, а большинством руководить при помощи демагогических приемов»¹.

Тирания как политическая форма была весьма неустойчива; все же ее значения как определенного этапа в истории классовой борьбы древней Греции отрицать или преуменьшать не приходится. Тирания сыграла важную роль в уничтожении господства родовой знати и создании рабовладельческого государства.

Первой крупной победой демократии было издание *писаных законов*, или кодификация обычного права. Первые писанные законы появляются в VII в. до н. э. сначала в колониях, а позже и в метрополиях. Большой известностью пользовались законы *Харонда*, составленные им для города Катаны в Сицилии, и законы *Залевка*, написанные для южноиталийских Локр. Эти законы были несовершенными в техническом отношении и чрезмерно суровыми. Однако это была первая кодификация права, проведенная в интересах государства как целого, и поэтому значение ее весьма велико.

Фиксирование правовых норм облегчало передачу материальных ценностей, гарантировало права кредитора и должника и утверждало принцип собственности. Незыблемость закона предусматривалась рядом охранительных мер. Так, Залевк установил, что желавший внести какое-либо изменение в существующий порядок должен был явиться в собрание с веревкой на шее и, если предложенный им закон отвергался, удавить себя.

Введение писаных законов, ограничивая произвол аристократии, отвечало интересам широких слоев свободного населения. Изданием писаных законов, однако, дело не ограничилось. За кодификацией последовали изменения в составе правящих органов. Аристократические советы демократизировались и расширялись, родовые филы заменялись территориальными, в противовес старинным родовым культам вводилось почитание

---

¹ Аристотель, *Политика*, V, 9, 19—20.

божеств и героев, популярных среди демократических слоев населения.

Тирания была общегреческим явлением, но характер тирании и отдельные проявления ее в различных полисах были неодинаковыми.

Раньше всего тирания возникла в Малой Азии и на островах Эгейского моря. В конце VII в. в Милете правил тиран *Фрасибул*. Больше сведений сохранилось о самосском тиране второй половины V в. — *Поликрате*. Верховным правителем Поликрат стал в период острой классовой борьбы на Самосе. Поликрат не принадлежал к аристократии. Он был владельцем мастерской бронзовых изделий, а богатство унаследовал от отца, занимавшегося морской торговлей. Навербовав дружину в 50 человек, Поликрат захватил власть над островом Самосом и правил сначала с двумя своими братьями, а потом один. Поликрат вел энергичную внутреннюю и внешнюю политику в ущерб интересам аристократии, покровительствуя торговле и ремеслам. Самос при Поликрате украсился великолепными постройками, сочетавшими грандиозность и легкость, изящество и тонкий художественный вкус. Особенно славились колоссальный храм Геры, построенный с исключительной роскошью, и *водопровод*, подававший воду в город. Во всей Греции Поликрат был известен как покровитель художников, писателей и поэтов. Он покровительствовал Анакреонту и Ивику, двум прославленным греческим поэтам.

С именем Поликрата связана легенда о «поликратовом перстне». Желая испытать судьбу, рассказывает легенда, Поликрат бросил в море золотой перстень. Но счастье не изменило ему и тут: перстень не пропал. Через некоторое время рыбак преподнес Поликрату большую рыбу. Когда слуги Поликрата разрезали эту рыбу, они нашли в ней брошенный в море перстень.

Полуторговый, полупиратский флот Поликрата господствовал на Эгейском море вплоть до Сицилии и Эпира. Возраставшее могущество Поликрата начинало пугать его восточных соседей — персов. Желая положить конец гегемонии Самоса, персидский наместник Оройт заманил Поликрата в Азию, казнил его и приказал распять его труп. После смерти Поликрата Самос попал в зависимость от персов. Тирания Поликрата, как и вообще все тирании в Малой Азии, была блестящим, но эфемерным созданием, не оставившим глубоких следов, что объясняется слабостью ее социальной опоры.

Значительно более прочной и организованной была тирания в материковой Греции — Коринфе, Сикионе и Мегарах. В Коринфе в середине VII в. утвердился тирания *Кипсела*. Кипсел изгнал из Коринфа господствовавший там влиятельный аристократический род Бахиадов.

Сын и преемник Кипсела *Периандр* (627—585 гг.) — один из самых значительных тиранов Греции. С его именем связано много реформ, направленных на развитие коринфской торговли и ремесла и превративших Коринф в одно из первых государств эллинского мира. Старые родовые филы, в которых господствовали аристократы, были заменены новыми территориальными; в них аристократия не пользовалась преобладающим политическим влиянием. В интересах средних и мелких демократических прослоек было ограничено число рабов, выведены новые колонии и поднят престиж Коринфа в старых колониях, например на острове Керкире. Старая денежная система заменена новой, увеличено число судов военного и торгового флота, прорыты каналы, улучшены пути сообщения и т. д.

При Периандре Коринф достиг не виданного до тех пор экономического благосостояния и упрочил свое положение среди других государств Греции. Периандр находился в дружеских и родственных отношениях с влиятельными родами Афин, с Фрасибулом, тираном Милета, и даже с самим египетским фараоном. Периандр вошел в историю не только как искусный политик, но и как покровитель наук и искусства. Многочисленные *коринфские вазы*, хранящиеся во многих музеях мира, воскрешают в памяти былое величие Коринфа. Немало выдающихся людей Греции посетило Коринф при Периандре.

В соседнем с Коринфом городе Мегарах противником аристократии во второй половине VII в. выступал тиран *Феаген*. Однако господство демократии было кратковременным. После изгнания Феагена в Мегарах восторжествовала олигархия.

В Сикионе в первой половине VII в. власть аристократии была свергнута *Орфагором*, человеком низкого происхождения (по преданию, он был поваром). Династия Орфагоридов существовала в Сикионе более ста лет. Особенно известен последний представитель Орфагоридов *Клисфен*, правивший в первой половине VI в. Про него известно, что он унизил господствовавшие до того аристократические филы дорийских завоевателей, назвав их «гниатами», «онеатами» и «хойреатами», т. е. «свинятниками», «ослятниками» и «поросятниками», а приморскую филу назвал «архелайи» — «владыки народа». О событиях в Сикионе после смерти Клисфена мы знаем мало. Известно, что одно время у власти была антидорическая демократия; затем в Сикионе утвердился тиран *Эсхин*, которого изгнали спартанцы; они установили олигархию, существовавшую до конца V в.

Таким образом, историческое значение тирании в том, что она была одним из путей создания греческих государств. Тираны сломали силу родовых учреждений, обычаев и культов, способствовали дальнейшему росту производительных сил и тем самым подняли социально-экономическое значение сельской и городской демократии.

ДРЕВНЯЯ СПАРТА, КРИТ, ФЕССАЛИЯ И БЕОТИЯ

В следующий период эллинской истории, за которым утвердилось наименование *классического*, главными ведущими центрами греческого мира становятся области Балканской Греции — *Спарта* и *Афины*. Спарта и Афины представляют два своеобразных типа греческих государств, во многом противоположных друг другу и в то же время отличных и от колониально-островной Греции. В истории классической Греции оба эти государства играли ведущую роль, что нашло отражение в источниках: в дошедшей до нас традиции этим полисам принадлежит первое место. И в общих курсах истории древней Греции Спарте и Афинам уделяется больше внимания, чем другим государствам эллинского мира.

Первое из этих государств, Спарта, расположено в Лаконике. Лаконикой в древности называлась область в южной части Пелопоннеса. Она представляла собой плодородную, спускающуюся к морскому побережью долину, которую прорезала река Эврот. Побережье Лаконики лишено удобных гаваней и вообще малоблагоприятно для мореплавания по сравнению с другими побережьями Балканского полуострова. С запада от соседней Мессении Лаконика отделена высоким горным хребтом Тайгетом, достигающим трех тысяч метров высоты, с севера она замыкается высокими нагорьями Центрального Пелопоннеса. Проникнуть отсюда в Аркадию можно только по узкой дороге вдоль берега Эвроты. Наконец, с восточной стороны Лаконская долина отделена от плодородной области Кинурии (узкой полосы восточного побережья Пелопоннеса на юг от Арголиды) горным хребтом Парнона, на юге переходящим в низкую каменистую гряду. Таким образом, со стороны суши Лаконика со всех сторон была окружена труднопроходимыми возвышенностями. Из природных богатств Лаконики следует отметить железные руды в районе мыса Малей, которые еще в древности начали разрабатываться.

Во втором тысячелетии до новой эры, в микенскую эпоху, Лаконика, как и смежные ей Арголида, Мессения и вообще большая часть Пелопоннеса, была заселена ахейскими племенами. Памятниками микенской эпохи на лаконской территории являются погребения близ древних *Амикл* (современный Вафио), где был, в частности, найден стяжавший себе широкую известность кубок с изображением укрощаемых быков. Другой микенский памятник, обнаруженный в Лаконике, — так называемый *Менелайон* — остатки большого, сложенного из тесаных, массивных камней здания, восходящего к XIV в. до н. э.

В «Илиаде» повествуется о том, что в Лаконике существовало 12 отдельных городов, подчиненных мифическому царю Менелаю, в том числе Амиклы и древняя Спарта. В XII—XI вв. Лаконика подверглась дорийскому вторжению. В позднейших преданиях это событие отражено в легендах о борьбе потомков Геракла — Гераклидов — за обладание Пелопоннесом.

Дорийцы, по всей вероятности, проникли в Лаконику с севера, по дороге вдоль Эвроты, и первоначально смогли подчинить себе лишь часть страны. Так, хорошо укрепленные Амиклы, по видимому, были ими завоеваны не ранее конца IX в. Упоминаемая же в гомеровском эпосе микенская Спарта, вероятно, была разрушена дорийцами. Одноименный город, возникший, видимо, на новом месте первоначально как поселение дорийских завоевателей, появился, судя по раскопкам городища Спарты, только в IX в.

В результате дорийского вторжения прежнее ахейское население Пелопоннеса, как уже упоминалось, или было поработено победителями, или уничтожено, или бежало: кто в горы, где еще долго сохранялся древний ахейский язык, а кто и в далекие страны. Некоторая часть коренного населения ассимилировалась с дорийцами. То же, очевидно, произошло и в Лаконике.

Геродот, хорошо знакомый с историческими преданиями, рассказывает, что спарганский царь Клеомен I на вопрос: «Кто он родом?» — ответил, что считает себя не дорийцем, а ахейцем. Видимо, прежняя ахейская племенная знать частично вошла в состав вновь образовавшегося господствующего класса дорийских завоевателей. Большинство ахейцев в дальнейшем превратилось в бесправную эксплуатируемую массу.

Завоевание обширной, сравнительно густонаселенной территории поставило дорийскую знать перед необходимостью постоянно держать в повиновении покоренное население. Поэтому в Спарте рано возникает государство. Однако именно этим можно объяснить сохранение в государственном строе Спарты ряда пережитков первобытнообщинных отношений.

Многие спартанские учреждения и обычаи связываются с именем легендарного спартанского законодателя — мудреца *Ликурга*, в чьем образе слились черты человека и бога света Ликурга, культ его отправлялся в Спарте и в исторические времена. Лишь в V в. Ликург, деятельность которого обычно относят приблизительно к VIII в., стал считаться создателем спартанского государственного строя. Плутарх оставил нам жизнеописание этого законодателя. Согласно ему, Ликург был дядей и воспитателем молодого спартанского царя, фактически управлявшим всем государством. По совету дельфийского оракула Ликург обнародовал *ретру*, выполняя божественную волю. Ретрами назывались устные изречения, обычно приписывавшиеся

божеству и заключавшие в себе какие-либо важные постановления и законы.

Так называемая *ликургова ретра* известна нам из плутарховой биографии Ликурга. Эта ретра, написанная архаическим языком, легла в основу спартанского государственного устройства. Независимо от решения вопроса об историчности Ликурга большинство современных исследователей считает ретру подлинным древним документом. Если Ликург — не историческое лицо, вполне вероятно, что связываемые с его именем мероприятия (установление коллективного владения рабами и земель, наделение граждан равными наделами земли — клерами, реорганизация совета старейшин, установление эфората) были проведены каким-то одним крупным государственным деятелем, который был обожествлен. Впоследствии имя Ликурга стало для спартанцев символом идеального вождя, поборника справедливости, любящего народ и родину.

На протяжении всей своей истории Спарта оставалась земледельческой страной. Захват соседних земель являлся движущей силой спартанской политики. Во второй половине VIII в. это привело к длительной войне с Мессенией (Первая мессенская война), окончившейся покорением Мессении и порабощением ее населения. К VII в. относится Вторая мессенская война, вызванная тяжелым положением покоренного населения. Своей победой в этой войне спартанцы были обязаны новому государственному строю, сложившемуся в период мессенских войн.

К этому времени окончательно оформился социально-экономический и политический строй древней Спарты. Почти вся завоеванная земля считалась принадлежащей господствующей спартанской общине — так называемой *общине равных*. Индивидуальной собственности на землю в Спарте не было. Каждая семья полноправного члена спартанской общины — спартиата — получала равные участки земли — клеры, поэтому сами спартиаты и называли свою общину «общиной равных». Число полноправных спартиатов в разное время было различным: в V в. их оставалось не более шести тысяч. Полученные спартанскими семьями участки нельзя было ни отчуждать, ни дробить; ими можно было только пользоваться.

Сами спартиаты, всецело занятые военным делом, хозяйственной деятельностью не занимались и жили в самом городе Спарте. На спартанских клерах работало прикрепленное к ним сельское население — *илоты*.

К эксплуатиремому господствующей общиной илотам в основном, очевидно, относились потомки завоеванных ахейцев и жители Мессении. По данным, сохранившимся у античных писателей, илоты появились не сразу после вторжения дорийцев в Лаконику, а лишь через некоторое время, исчисляемое продолжительностью жизни трех-пяти поколений. Имеются некоторые

основания думать, что известную роль в этом сыграли общие процессы социально-имущественного расслоения, связанные с долговой кабалой и порабощением богатыми землевладельцами своих бедных соседей. По-видимому, эти процессы начали развиваться в Лаконике еще до вторжения на ее территорию дорийцев и, очевидно, подготовили почву для последующего порабощения победителями — дорийцами населения завоеванной ими территории. Решающим этапом на этом пути явилась утрата Мессений независимости и превращение почти всего ее населения в илотов. С этого времени эксплуатация илотов безусловно становится *основой экономической жизни Спарты*.

Происхождение термина «илот» неясно. По мнению одних ученых, илот означает «покоренный», «захваченный в плен», а по мнению других, этот термин происходит от названия города Гелос, жители которого находились со Спартой в неравных, но союзных отношениях, обязывающих их к уплате дани. Но каково бы ни было происхождение термина «илот» и к какой бы формально категории их ни относить, источники не оставляют сомнения, что фактическое положение илотов было близко к положению рабов.

Прикрепленные к клерам спартиатов, илоты со своими семьями жили отдельно от них, по деревням. Они были обязаны выплачивать владельцам клеров строго определенный государством оброк (*апофора*), составлявший, как предполагают, до половины урожая. Оброк выплачивался натурой. В него входило известное количество зерна, масла, мяса, вина и других сельскохозяйственных продуктов. Спартиат не мог требовать от илота больше того, что было предусмотрено нормой.

Сдав требуемые продукты, илоты могли свободно распоряжаться оставшимися излишками. Эта известная самостоятельность в хозяйственной деятельности приводила к тому, что среди илотов встречались иногда зажиточные люди.

Так же как и земля, илоты считались собственностью государства. Спартиат не мог продавать прикрепленного к его участку илота. Так же как и земля, илот был дан ему только в пользование, но никак не в собственность. Однако, несмотря на некоторую хозяйственную самостоятельность, положение илотов было крайне тяжелым, в известной степени даже хуже, чем положение рабов в других греческих государствах, например в Афинах. Илот был обязан под угрозой тяжкого избиения беспрекословно повиноваться не только хозяину клера, к которому он был прикреплен, но и любому спартиату. Илотов заставляли выполнять самые грязные и позорные работы, носить особую одежду. Они одевались в шкуры зверей и покрывали головы шапками из собачьего меха. «Все,— замечает Плутарх,— кто считает, что в Спарте свободный пользуется высшей свободой,

а рабы суть рабы в полном смысле этого слова, совершенно правильно определяют положение»¹.

Этим объясняется вошедшая в поговорку консервативность спартанских порядков и жестокое отношение господствующего класса к бесправному населению. Между прочим, илотов заставляли напиваться допьяна и демонстрировали их спартанской молодежи, чтобы показать, до какого омерзения может довести пьянство. Вполне понятно, что угнетение вызывало ненависть илотов к спартиатам. Ни в одном греческом полисе антагонизм между зависимым населением и господствующим классом не проявлялся так резко, как в Спарте. Илоты пользовались относительной свободой и хозяйственной самостоятельностью, жили целыми поселениями, и им было легче, чем разбросанным и разноплеменным рабам других греческих государств, оказывать сопротивление угнетателям. Поэтому вся история Спарты насыщена восстаниями илотов. Не будет преувеличением сказать, что внутренняя жизнь спартанского государства, а в значительной мере и его внешняя политика определялись постоянным страхом спартиатов перед восстаниями илотов.

Афинский политический деятель V в. до н. э. Критий рассказывает, что «большая часть всей деятельности лакедемонян направлена к тому, чтобы обезопасить себя от илотов»². Илотам было запрещено носить оружие, когда они находились в пределах Пелопоннеса. Страх перед илотами заставлял спартиатов особенно заботиться о безопасности своих жилищ; древние авторы рассказывают, что нигде в Греции не запирали так крепко на ночь домов, как в Спарте, несмотря на то что жизнь там была столь скудной и суровой, что украсть было нечего.

Чтобы предупредить илотские восстания, спартанцы время от времени предпринимали *криптии*, т. е. карательные экспедиции против илотов. Сущность криптой состояла в следующем. Официально объявлялась «священная война» против илотов, во время которой отряды спартанской молодежи, вооруженные короткими мечами, отправлялись за город. Днем эти отряды скрывались в глухих местах, ночью же выходили из засады, внезапно нападали на поселения илотов и убивали наиболее сильных и опасных. Криптии проводились не только для того, чтобы уменьшить численность илотов, но и для того чтобы приучить спартанских юношей к войне. С илотами расправлялись и по-другому. Фукидид рассказывает, что во время Пелопоннесской войны спартиаты собрали илотов, которым была обещана свобода за их военные заслуги, надели им на головы венки в знак скорого освобождения, привели к храму и затем эти илоты

¹ Плутарх, *Ликург*, 28.

² Либаний, *Речи* 25, 63.— См. речи Либания, пер. с греческого С. Шестакова, т. II, Казань, 1916.

неизвестно куда исчезли. Таким образом спартиаты сразу избавились от двух тысяч илотов.

Только ценой постоянного военного напряжения и военной готовности всех полноправных граждан Спарты и приспособления всего ее государственного аппарата к быстрому и энергичному подавлению и предупреждению восстаний илотов община спартиатов могла осуществлять классовое господство над подавляющим большинством населения Лаконики.

Под властью спартанского государства, кроме илотов, находились и *периэки*. Так в Спарте называли жителей особых, расположенных у границ, районов Лаконики. Одни периэки, по-видимому, жили на этих территориях в то время, когда они были завоеваны спартамцами, другие были специально туда переселены. Периэки считались свободными, владели имуществом, в частности землей, которая принадлежала им на началах индивидуальной собственности и, таким образом, в отличие от земельных участков спартиатов могла отчуждаться. Многие из них занимались ремеслами. Периэки пользовались также известным самоуправлением, контролируемым спартанским правительством. Однако политическими правами они не обладали и поэтому должны быть отнесены к неполноправному населению Лаконики.

Полноправными гражданами Спарты считались только спартиаты — члены общины разных. В общине продолжало существовать старое деление на три родовые дорийские филы: «памфилов», «гиллеев» и «диманов». Одновременно в источниках встречаются названия фил, относившиеся, вероятно, к различным местностям. «питоны», «мессои», «киносур», «лимны» и «амиклы». По-видимому, эти названия были тесно связаны, а может быть, и совпадали с территориальным делением Лаконики на *обы*, о характере и организации которых мы плохо осведомлены. Древнейшее политическое устройство Спарты нашло отражение, как уже указывалось, в ликурговой ретре, содержание которой передает Плутарх. Ретра эта гласила: «Соорудив святилище Зевса Силлания и Афины Силланий, сохранив филы и разделив на *обы*, учредив совет старейшин из 30 человек, включая архажетов, собираться на народное собрание между Бабином и Кнакионом. Так вносить предложения и так отклонять их. Власть же пусть принадлежит народу»¹.

В исторически известное нам время упоминаемые в ретре культы Зевса и Афины Силланийских давно уже исчезли; также никто не мог сказать, где находились Бабик и Кнакион.

Но перечисленные в ретре основные органы спартанского управления продолжали существовать, конечно с видоизме-

¹ Плутарх, *Ликург*, VI.

ненными функциями, и в ту пору, когда в Спарте окончательно сформировалось государство. И в дальнейшем во главе спартанского государства стояли два царя — *архагета*, принадлежавшие к двум правящим спартанским династиям — Эврипонтидов и Агиадов. Считалось, что власть царей — божественного происхождения: цари воплощали на земле богов-близнецов, Кастора и Полидевка, и в отправлении культа им принадлежала ведущая роль. Главная функция царей, однако, была военная: они возглавляли гражданское ополчение и предводительствовали им на войне, причем в поход отправлялся всегда один из царей. В обязанность царей входило также наблюдение за распределением и использованием земельных наделов и выполнение некоторых других, второстепенных функций. Если между архагетами царило единодушие, то власть их считалась неограниченной, однако это было далеко не часто. Правящая спартанская аристократия делала все, чтобы разъединить царей.

Кроме того, власть спартанских царей была фактически ограничена тем, что оба они являлись членами *совета старейшин* — спартанской *герусии*. В состав герусии, помимо царей, входило еще 28 членов, обычно избираемых пожизненно из достигших 60-летнего возраста представителей самых влиятельных спартанских родов. При этом выборы в герусию носили чрезвычайно примитивный характер: народное собрание криками выражало свое одобрение выдвигаемым на выборах кандидатам; запертые в особом помещении эксперты решали, чья кандидатура вызвала наиболее шумное одобрение; этот кандидат и считался избранным. Разумеется, при таком способе избрания были возможны самые разнообразные злоупотребления.

По характеру своих функций герусия была и верховным судом и военным советом и вообще ведала вместе с царями внутренними и военными делами спартанской общины. Впрочем, в делах военных она была лишь совещательным органом.

Народное собрание — *апелла* — состояло из всех полноправных, достигших совершеннолетия спартиатов. Формально апелла считалась верховным органом спартанского государства. На самом же деле народное собрание в государственной жизни Спарты играло незначительную роль, ибо оно было лишено всякой инициативы. Созывалось народное собрание царями и *геронтами* — членами герусии. Рядовые участники собрания не имели права выступать на нем с какими-либо предложениями или речами. Лишь криками они могли одобрить или отклонить предложения и речи должностных лиц и царей. Только в особо ответственных случаях, когда отношение граждан к тому или иному предложению было неясно, в апелле проводили голосование: граждане, выступавшие за и против решения, расступались в разные стороны, и на глазок определялось большин-

ство. В тех случаях, когда герусия считала решение народного собрания вредным для государства, она могла его отменить.

Кроме перечисленных, в Спарте существовал еще один не упоминаемый в ретре орган — *эфорат*, состоявший из пяти избираемых народным собранием эфоров. Эфор буквально означает «смотрящий вверх», «наблюдатель за звездами». Раз в восемь лет эфоры собирались ночью и следили за падающими звездами. Считалось, что если эфоры увидят звезду, падающую на определенном участке неба и в определенном направлении, то одного из царей необходимо сменить. Таким образом, эфоры могли всегда добиться отстранения неугодного им царя. Эфорат был контрольным органом, располагавшим большим влиянием и властью. Эфоры имели право требовать объяснения от царей и в известных случаях могли отменять их решения. Эфоры созывали герусию и народное собрание и председательствовали на них, ведали внешнеполитическими делами спартанского государства и его финансами; кроме того, они осуществляли судебные и полицейские функции — наблюдение за поведением спартанских граждан. Столкновения эфоров с царями и борьба между ними красной нитью проходят через всю историю Спарты.

Наиболее существенной особенностью государства спартиатов был его ярко выраженный *военный характер*. Полноправные спартиаты составляли ничтожное меньшинство населения Лаконики. Чтобы это меньшинство могло господствовать над неполноправными перизками и бесправными илотами, спартанская община должна была напрягать все свои силы и находиться в состоянии постоянной военной готовности. Это наложило отпечаток на все стороны жизни спартиатов и способствовало тому, что древние, восходящие к первобытнообщинному строю установления продолжали существовать в Спарте и были приспособлены к целям классового господства.

Большое внимание уделяли спартанцы *воспитанию детей*. Обучение их было подчинено одной задаче — подготовить крепкого и выносливого воина, в любую минуту готового выступить против илотов. Согласно законам Ликурга, новорожденные подвергались специальному осмотру. Если у ребенка были какие-либо физические недостатки и он впоследствии не мог стать полноценным воином, его убивали, бросая в *Анофеты* — расщелину в горах Тайгета.

Спартанские дети воспитывались в родительском доме только до семи лет. После этого начиналось их общественное воспитание — *агоге*. Система общественного воспитания восходит к глубокой древности, к первобытнообщинному строю. В Спарте она сохранилась потому, что как нельзя более отвечала целям подготовки боеспособных пополнений для спартанского войска. Воспитывали и обучали детей *педономы* — государственные воспитатели. Воспитание отличалось крайней суровостью: дети

Игра в мяч. Роспись древнегреческой вазы

жили в казармах, где были объединены в особые группы — *аге-лы*, или отряды; спали на жестком ложе из тростника, ходили босиком и в одной и той же легкой одежде во всякое время года. Чтобы воспитать в них выносливость, их подвергали лишениям и жестоко наказывали за нарушение дисциплины. При переходе из одного возрастного класса в другой подросткам устраивали испытания на выносливость — подвергали порке на алтаре богини Артемиды Ортии. Обучение сводилось прежде всего к военно-гимнастической тренировке.

Даже речь спартанцев должна была напоминать своей краткостью слова военной команды. Отсюда и происходит выражение «лаконизм». Голос мальчиков в Спарте услышишь реже, чем голос каменных статуй. Можно подумать, что они скромнее даже девушек, — так характеризует спартанское юношество афинский историк Ксенофонт, большой почитатель спартанских порядков.

На юношей смотрели как на главную опору спартанского строя в настоящем и в будущем. Следить за поведением юношей вменялось в обязанность не только властям, но и частным лицам под угрозой штрафа и бесчестия за нерадивость. Прохождение суровой школы спартанского воспитания было необходимым условием получения гражданских прав.

Принятый в число граждан 20-летний юноша должен был сразу же вступить в *сисситию* (фидитию) — обеденное товарищество, являвшееся одновременно и боевым подразделением. Новый член мог быть принят в подобное товарищество только при единодушном согласии всех его членов, называвшихся также *сиоскенами* — «сопалаточниками». Сиссития включала обычно около 15 мужчин разного возраста, которые ежедневно собирались на совместные трапезы, также носившие название сисситий, или фидитий. Каждый участник трапезы обязан был еже-

месячно вносить свою долю продуктами, получаемыми с закрепленного за ним клера. Этот взнос состоял из определенного количества муки, вина, мяса, сыра и фруктов. Участие в фидитиях было неразрывно связано с политическими правами. Спартиат, который не мог вносить свою долю продуктов, переставал быть полноправным гражданином Спарты. Государство строго следило за тем, чтобы все мужчины участвовали в этих объединениях.

Всю жизнь до старости полноправные граждане обязаны были быть в состоянии полной боевой готовности, и взрослый спартиат не мог, например, покинуть город без особого разрешения своего военного начальства. Законами Ликурга спартиатам запрещалось заниматься каким-либо иным делом, кроме военного, так что торговля и ремесла находились в руках периеков.

Важнейшей государственной задачей считалось *воспитание спартианок*, так как спартанская община была заинтересована в том, чтобы дети рождались здоровыми и сильными и могли стать полноценными воинами. Молодые спартанки до замужества выполняли те же физические упражнения, что и юноши. Как сообщает Плутарх, «девушки-спартанки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки гелом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко, благодаря крепости своего тела»¹.

Выйдя замуж, спартанка всецело отдавалась семейным обязанностям — рождению и воспитанию детей. Формой брака в Спарте была моногамная семья. Но в то же время, как отмечал Энгельс, в Спарте сохранялось немало пережитков группового брака: «В Спарте существует парный брак, видоизмененный в соответствии с принятыми там воззрениями на государство и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 560 лет до н. э.), имевший бездетную жену, взял вторую и вел два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним... Действительное нарушение супружеской верности — измена жены за спиной мужа — было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашнего рабства, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женами. Естественно, что в силу всех

---

¹ Плутарх, *Ликург*. 14.

Победительница в бере.
V в. до н. э.

этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков»¹.

Военная организация спартанцев считалась в Греции образцовой. Спарта имела самое сильное сухопутное войско среди греческих государств. Основное его ядро составляла тяжеловооруженная пехота — *гоплиты*. Спартанский пехотинец имел наступательное и оборонительное оружие. Наступательным оружием служили копье и короткий меч, оборонительным — круглый щит, шлем, панцирь, покрывавший грудь и спину, и поножи. Первоначально спартанское войско делилось на пять *лохов*. Каждый лох включал до тысячи воинов. Геродот упоминает и о более мелких подразделениях спартанской армии — *эномотиях* и *триакадах*. Однако численный состав этих подразделений в VI в. до н. э. и их отношения друг с другом остаются невыясненными.

Спартанские граждане были обязаны нести военную службу с 20 до 60 лет. В случае объявления войны эфоры определяли, какие группы населения должны были принять участие в походе. Со времени мессенских и греко-персидских войн в спартанское войско включались и периеки. Они служили гоплитами, но строились отдельно от спартанцев. Илоты сопровождали спартанцев и периеков в качестве слуг. Согласно Геродоту, в битве при Платеях при каждом спартанце находилась семья, а при каждом периеке — один илот. Их обязанностью было уносить с поля боя павших и добывать раненых врагов.

После греко-персидских войн, а особенно после большого восстания илотов в середине V в. (Третьей мессенской войны) спартанская военная организация претерпела значительные

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 66—67.

изменения. Войско стало делиться на шесть *мор*, причем каждая мора состояла из четырех лохов. Предполагают, что лох включал теперь 500 человек, благодаря тому что в состав войска были введены и перизки.

В бою спартанцы строились фалангой. Фаланга представляла собой линейное построение, состоявшее из нескольких плотно сомкнутых шеренг. При нападении фаланга двигалась на врага мерным шагом, не разрывая строя. При этом воины обычно запевали под аккомпанемент флейт военную песню *пеан*. Нарушение строя, даже если воин бросался вперед на неприятеля, каралось смертью. Такой порядок был необходим, чтобы фаланга не утратила своего преимущества — неразрывности.

Известная нам история древней Спарты, как уже указывалось, протекала под знаком постоянных волнений и восстаний илотов. Иногда эти восстания вспыхивали с такой силой, что положение господствующей общины спартиатов оказывалось близким к катастрофическому. Община равных жила на вулканическом кратере которого постоянно грозил взверзнуться и поглотить всех на нем живущих. Одно из крупных восстаний илотов произошло во второй половине VII в. в Мессении; оно вошло в историю под названием Второй мессенской войны.

Вторая мессенская война оказалась особенно опасной для Спарты еще и потому, что одновременно с мессенскими илотами против нее выступили Аргос и аркадяне. Только после упорной, многолетней борьбы, в ходе которой спартиаты не раз терпели поражения, Спарте в конце концов удалось восстановить власть над Мессенией и подчинить себе всю ее территорию. После этого мессенская земля вновь была поделена на клеры, а уцелевшее население обращено в илотов.

По преданию, во Второй мессенской войне воинов-спартиатов воодушевляли песни участника войны хромого поэта *Тиртея*, переселившегося в Спарту из Аттики. Образцом творчества Тиртея может служить следующее его стихотворение, которое исполнялось, вероятно, под аккомпанемент флейт.

Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха.
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных предвестников смерти
Столько же милыми, сколь милы нам солнца лучи...
Сладко ведь жизнь потерять, среди воинов доблестных павши,
Хаброму мужу в бою ради отчины своей...
Юноши, бейтесь же, стоя рядами, не будьте примером
Бегства постыдного иль трусости жалкой другим...
Не покидайте старейших, у коих уж слабы колена,
И не бегите, предав старцев на жертву врагам:
Страшный позор вам, когда среди воинов первый упавший
Старец лежит впереди юных летам бойцов...
Пусть же, широко шагнув и ногами упершись в землю,
Каждый на месте стоит, губы зубами прижав.
Бедра и голени снизу и грудь свою вместе с плечами

Выпуклым кругом щита, крепкого медью, прикрыв;
Правой рукой пусть он потрясает могучую пику...
Ногу с ногою поставив и щит свой о щит опирая,
Грозный султан — о султан, шлем — о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется с
врагами,
Стиснув рукою копье или меча рукоять¹.

Внешняя политика спартанского государства также была подчинена основной задаче общины спартиатов — подчинению илотов и господству над ними. Если с одними из своих пелопоннесских соседей, как, например, с Аргосом, Спарта вела упорную борьбу, с рядом других она сравнительно рано заключает союз. Так, известно, что после длительной и безрезультатной борьбы Спарты с аркадским городом *Тегеей* спартанцы заключили с тегейцами мир и вступили в союз. По условиям этого союза тегейцы обещали оказывать спартанцам помощь в случае восстания илотов или нападения на Спарту каких-либо других государств. К концу VI в. Спарта вступила в союз на приемлемых для нее условиях еще с рядом пелопоннесских государств. Это положило начало существованию *Пелопоннесского союза*, в дальнейшем сыгравшего существенную роль в истории Греции.

Пелопоннесский союз первое время был выгоден всем его участникам. Спартанцы могли рассчитывать на помощь своих союзников при подавлении крупных восстаний илотов, союзники видели в Спарте самое сильное в военном отношении государство Греции, способное оказать им военную поддержку в борьбе с другими греческими городами. Причем в первый период существования этого объединения Спарта, довольствуясь ролью официального главы Пелопоннесского союза, почти не вмешивалась во внутреннюю жизнь своих союзников. В дальнейшем это положение меняется, и отсталая Спарта становится оплотом всех консервативных, олигархических течений Греции.

Для наиболее реакционно настроенных представителей современной буржуазной историографии характерна тенденция идеализировать Спарту. Зверские расправы с илотами и казарменный строй жизни членов господствующей общины вызывают их восхищение. Не останавливаясь перед фальсификацией источников, эти «историки» пытаются доказать преимущества Спарты перед другими греческими полисами и в первую очередь перед Афинами, вступившими на путь демократических преобразований.

Оценивая общественное устройство Спарты, следует подчеркнуть, что своеобразие его заключалось прежде всего в том, что здесь дольше, чем в других эллинских полисах, продолжали со-

¹ Тиртей, *Увещание*, пер. В. В. Латышева; см. В. О. Нилендер, *Греческая литература в избранных переводах*, М., 1939, стр. 85.

храняться установления, восходящие еще к первобытнообщинному строю. И община спартиатов-завоевателей приспособила их к целям своего классового господства над большинством подвластного ей, неполноправного и бесправного населения Лаконики. Это оказалось возможным потому, что плодородная, способная прокормить себя собственным хлебом Лаконика долгое время жила замкнутой жизнью, находясь в стороне от главных центров экономической жизни древней Греции и торгового оборота. Спартанское государство искусственно поддерживало эту замкнутость. Так, по законам, приписываемым Ликургу, спартиатам не только было запрещено заниматься каким-либо иным делом, кроме военного, но и выезжать за пределы своей области и тем более приобретать за границей имущество; приезжавшие же в Лаконику жители других греческих городов периодически из нее изгонялись. По законам Ликурга граждане Спарты даже по внешнему своему виду должны были резко отличаться от остальных греков; они, например, продолжали носить давно вышедшие из моды старинные простые одежды, жить в домах, построенных при помощи самых примитивных инструментов (пилы и топора), пользоваться железными деньгами и т. д.

Таким путем правящая община спартиатов надеялась обеспечить сплоченность своих граждан внутри общины и прочность господства над остальным населением Лаконики и Мессении.

Черты известного сходства с социальным строем древней Спарты наблюдаются и в некоторых других, преимущественно земледельческих областях Греции, в частности на острове *Крите*. Этот остров также был завоеван дорийцами. Потомки дорийцев-завоевателей в дальнейшем составили на Крите господствующий класс, эксплуатировавший покоренное население: ахейцев и так называемых *этеокритян* — потомков исконных обитателей Крита.

Хотя в исторически известное нам время Крит не представлял собой единого политического целого и на его территории находилось 46 отдельных полисов, их социально-политическое устройство имело много общего. Повсюду население делилось на привилегированных граждан — полноправное меньшинство и неполноправное или почти совершенно бесправное, угнетаемое большинство. Неполноправные — их называли на Крите «подданными» — подобно спартанским *перизкам*, пользовались личной свободой, правом личной собственности, но политическими правами они не обладали.

Эксплуатируемая масса сельского населения подразделялась на *мноштов*, которые обрабатывали государственные земли и были обременены рядом тяжелых повинностей, и *кларотов*. Положение последних во многом напоминало положение спартанских илотов: они также были прикреплены к земельным участкам — клерам своих господ и должны были отдавать им зна-

чительную часть урожая. Клароты пользовались известной хозяйственной самостоятельностью, могли иметь свой скот и домашний инвентарь, жили со своими семьями в поселениях и иногда даже вступали в брак со свободными. В критских городах существовало также и рабство обычного в Греции типа; рабы являлись полной и безраздельной собственностью своих хозяев-рабовладельцев.

Полноправные граждане критских городов, подобно всем дорийцам, подразделялись на три филы: «гиллеев», «памфилов» и «диманов». Кроме того, граждане Крита объединялись в *гетерии* — «товарищества», которые лежали в основе политической структуры критских общин. Гетерии возглавлялись выборными архонтами. Быт этих общин не носил столь ярко выраженного военного характера, как быт спартанских общин. Тем не менее в критских городах также существовала организация общественных обедов и система общественного воспитания юношества; с 17 лет юноши проходили усиленную военную подготовку.

Известным сходством с социальным строем Спарты и Крита обладал и социальный строй плодородной земледельческой *Фессалии*. Дорийцы-завоеватели также захватили здесь лучшие земли. В дальнейшем в Фессалии утверждается господство земледельческой аристократии. От нее фактически зависели средние и мелкие свободные земледельцы, получавшие от крупных землевладельцев участки земли для обработки. Они служили в войске и участвовали в народном собрании. Под угрозой лишения гражданских прав им было запрещено заниматься ремеслами и торговлей.

Ремесла и торговля в Фессалии находились в руках особой группы населения, состоявшей, как и в Спарте, из людей, лично свободных, но лишенных политических прав.

Основную массу трудового и эксплуатируемого населения Фессалии составляли *пенесты*. Они работали на специально выделенных для них участках земли, принадлежавших богатым землевладельцам. Пенесты могли иметь свои дома и владеть движимостью, но покинуть свои участки они не имели права и были обязаны отдавать собственнику земли определенную часть урожая. Сходство положения пенестов с положением спартанских илотов дополнялось еще тем, что фессалийские землевладельцы не могли убивать своих пенестов или продавать их. Тем не менее положение пенестов было крайне тяжелым, и, подобно спартанским илотам, они часто выступали против своих угнетателей.

В политическом отношении Фессалия была расчленена на отдельные области, управляемые царями-аристократами, так называемыми *тагами*. Постоянная боязнь восстаний пенестов и борьба с соседями заставляли, однако, аристократию объединять свои силы. В случае военной опасности создавалось обще-

фессалийское войско, включавшее отряды отдельных тагов, и общесфессалийское народное собрание, избиравшее одного из тагов главнокомандующим. В VI в. до н. э. фессалийское войско считалось одним из наиболее боеспособных.

По несколько иному пути пошло историческое развитие *Беотии*. Беотия также принадлежит к наиболее плодородным областям Балканской Греции. Земледелие, в частности хлебопашество, составляло главную основу ее экономической жизни на всем протяжении классического периода греческой истории. Во II тысячелетии до н. э. она была одной из передовых областей Греции — на ее территории, например в Фивах и Орхомене, были обнаружены интереснейшие памятники микенской культуры.

В VIII—VI вв., в период решительной ломки во всех передовых общинах Греции старых производственных отношений, Беотия не остается в стороне от этого движения. Интенсивное развитие процессов социально-имущественного расслоения приводит к существенным переменам. Со старой родовой, землевладельческой аристократией сосуществует зажиточное крестьянство, часть же крестьянства разоряется и попадает в долговую зависимость. Известное развитие получает рабство. Все это нашло отражение в упоминавшейся поэме беотийского поэта VII в. Гесиода «Труды и дни». Произведение Гесиода и другие источники свидетельствуют о том, что в Беотии в отличие от более передовых общин новые социальные силы оказались не в состоянии ниспровергнуть власть старой родовой аристократии. Она продолжала удерживать за собой ведущую роль в экономической и политической жизни Беотии до греко-персидских войн.

Важным событием в истории беотийских городов было их объединение в союз, возглавлявшийся одним из самых больших беотийских городов — *Фивами*. Это объединение, вероятно, было связано с постоянными нападениями на беотийскую территорию ее воинственных соседей. Долгое время Беотийский союз вел тяжелую борьбу с другим большим беотийским городом — Орхоменом, пока тот в начале VI в. до н. э. не был вынужден сложить оружие и присоединиться к союзникам. В VI в. Беотийский союз представлял собой известного рода федерацию, объединенную общими органами управления и военной организацией.

Структура этой древнейшей в Греции федерации полисов стала нам известна из найденного в начале XX в. и опубликованного в V томе «Оксиринхских папирусов» сочинения неизвестного историка. Правда, в этом сочинении речь идет о структуре союза, существовавшего в Беотии с 446 г. до н. э. Однако имеются достаточно веские основания предполагать, что упоминаемые в сочинении органы союзного управления сформировались значительно раньше и функционировали еще до греко-персидских войн.

По данным «Оксиринхских папирусов», Беотийский союз возглавлялся общим правительством, состоявшим из 11 выборных лиц — *беотархов*. Беотархи выбирались раз в три года от наиболее значительных городов союза. Параллельно с правительством существовал союзный совет, состоявший из выборных представителей всех союзных городов, и союзный суд, организованный по тому же принципу. Объединенное войско союза включало отряды, формируемые по определенной норме всеми участниками союза. Само собой разумеется, что это объединение не только не исключало, но, напротив, предполагало сохранение во всех участвовавших в нем городах полисной структуры.

Фактически союзные города в большей или меньшей мере находились под контролем Фив. Злоупотребляя своим положением в союзе, фиванская правящая аристократия притесняла другие беотийские полисы, что повлекло за собой отпадение *Элевтер* и *Платей* и переход их на сторону Афин. Политика Фив вызывала острое недовольство и в других беотийских городах, угрожавшее союзу распадом. Для того чтобы предотвратить эту опасность и заставить союзников повиноваться, фиванская аристократия пыталась найти поддержку у персов, что сыграло определенную роль в ходе греко-персидских войн.

ГЛАВА VII

ОБРАЗОВАНИЕ АФИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Древняя Аттика

Политическая история Аттики представляет классический образец возникновения государства. Энгельс пишет:

«Как развилось государство, частью преобразуя органы родового строя, частью вытесняя их путем внедрения новых органов и, в конце концов, полностью заменив их настоящими органами государственной власти; как место подлинного „вооруженного народа“, защищавшего себя собственными силами в своих родах, фратриях и племенах, заняла вооруженная „публичная власть“, которая была подчинена этим государственным органам, а следовательно, могла быть применена и против народа, — все это, по крайней мере в начальной стадии, мы нигде не можем проследить лучше, чем в Древних Афинах»¹.

Аттика — одна из областей Средней Греции — представляет собой полуостров, треугольником выступающий в Эгейское море и омываемый с запада Сароническим заливом; пролив Эврип от-

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 109.

деляет Аттику от острова Эвбеи. Центральная область Аттики окружена горными хребтами. Река Кефис разрезает долину на две части и соединяет равнину с морем.

Почва Аттики малоплодородна. Поэтому своего хлеба не хватало, и его приходилось ввозить. Наиболее пригодными для земледелия были равнины: Педион, расположенная вокруг города Афин; Месогея, находящаяся к северо-западу от Афин; Элевсинская — к северо-востоку от Афин и Марафонская — на берегу Эврипа. На равнинах сеяли главным образом пшеницу. Однако наиболее распространенной хлебной культурой был ячмень, который мог расти и на горных склонах. Приблизительно с VI в. до н. э. основными сельскохозяйственными культурами становятся виноград и оливки.

Аттика богата полезными ископаемыми — ценными сортами мрамора, пластическими глинами, годными для гончарного производства; здесь находились богатейшие серебряные рудники Греции. В Лаврийских горах, на юге Аттики, наряду с серебром добывалось и железо.

На западном берегу Аттики несколько естественных гаваней. Среди них наиболее удобными были *Фалер* и *Пирей*.

О ранней истории Аттики и ее главного города Афин известно немного. Раскопки показали, что еще в микенский период на территории Аттики существовали укрепленные поселения. В более поздний, гомеровский, период Аттика была разделена на несколько независимых общин, постоянно враждовавших между собой. Впоследствии все общины объединились вокруг Афин. Такое объединение получило в Греции название *синойкизма*. В преданиях рассказывается, что, после того как царем стал *Тесей*, он упразднил советы и должностных лиц разных городов и объединил путем синойкизма всех жителей вокруг одного города, учредив один совет и один *пританей*.

В действительности объединение Аттики было постепенным и длительным процессом, продолжавшимся с конца II тысячелетия до н. э.

Археологическое исследование территории Аттики дает возможность установить последовательность присоединения отдельных общин к Афинам. В древности каждая община, каждый полис имели своего собственного бога-покровителя. Война между общинами в представлении древних была в то же время борьбой между их богами. Бог — покровитель покоренной общины — становился также богом общины-победительницы, но ему отводилось в пантеоне второстепенное место. Таким образом, по мере того как отдельные области Аттики присоединялись к Афинам, на Афинском акрополе рядом со святилищем богини Афины появлялись храмы или алтари божеств — покровителей покоренных областей. Последовательность в расположении святилищ на Афинском акрополе позволяет с известной долей вероятия

судить о времени присоединения различных частей Аттики к Афинам.

Раньше других была подчинена приморская область *Паралия*, богом-покровителем которой был Посейдон. С этого времени на акрополе рядом с храмом Афины появилось святилище Посейдона. После Паралии к Афинам присоединяется *Диакрия*, гористая область в северной части Аттики; ее покровитель Тесей прочно вошел в аттическую мифологию. Позже других областей был присоединен *Элевсин*, расположенный в западной части Аттики, на границе с Мегаридой, и на этом объединение Аттики было завершено. Это произошло, по видимому, в VII в. до н. э., так как археологи обнаружили относящиеся к VII в. остатки стены, защищавшей Элевсин со стороны Афин. Афинский пантеон пополнился богиней — покровительницей Элевсина, Деметрой. Если до синойкизма в каждой области существовали только свои, местные религиозные праздники, то теперь появляются новые, общеаттические. Один из таких праздников в честь Афины, богини — покровительницы города, получил название *Панафиней*. В историческую эпоху Панафиней были общенародным праздником, сопровождавшимся торжественными процессиями и играми.

Синойкизм не только усилил Афины, но и способствовал разложению родовых отношений, которое началось еще в гомеровский период. Энгельс писал о синойкизме следующее: «Перемена состояла прежде всего в том, что в Афинах было учреждено центральное управление, то есть часть дел, до того находившихся в самостоятельном ведении племен, была объявлена имеющей общее значение и передана в ведение пребывавшего в Афинах общего совета. Благодаря этому нововведению афиняне продвинулись в своем развитии дальше, чем какой-либо из коренных народов Америки: вместо простого союза живущих по соседству племен произошло их слияние в единый народ. В связи с этим возникло общее афинское народное право, возвышавшееся над правовыми обычаями отдельных племен и родов; афинский гражданин, как таковой, получил определенные права и новую правовую защиту также и на той территории, где он был иноплеменником. Но этим был сделан первый шаг к разрушению родового строя, ибо это был первый шаг к осуществленному позднее допуску в состав граждан и тех лиц, которые являлись иноплеменниками во всей Аттике и полностью находились и продолжали оставаться вне афинского родового устройства»¹.

Однако и после синойкизма в Аттике продолжали сохраняться древнеродовые деления на четыре обычные у ионийских гре-

---

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 110.

ков фило, в свою очередь подразделявшиеся на фратрии, каждая из которых представляла собой объединение нескольких родов. Кроме того, легендарному Тесею афиняне приписывали разделение населения по характеру занятий на *геоморов* — земледельцев и *демиургов* — ремесленников.

Дальнейшее социально-имущественное расслоение в VIII—VII вв. протекало в Аттике очень интенсивно. Родовая знать, окончательно закрепившая за собой свои привилегии, создала особую группу, носившую название *эвпатридов*, т. е. «имеющих благородных отцов».

Экономическую основу могущества эвпатридов составляли плодородные земли, расположенные вблизи Афин на Педионе. Пережитки родового строя в Афинах были еще очень сильны: земля не могла отчуждаться, и все имущество оставалось во владении рода. Однако давали себя знать и новые отношения. Некоторые эвпатриды занимались ростовщичеством и торговлей. Число богатых и влиятельных аристократических родов в Аттике, как и вообще во всей Греции, с каждым поколением уменьшалось. Денежное хозяйство способствовало разложению родовых отношений не только в низших слоях населения Аттики, но и в верхнем слое «благородных». Меньшая часть эвпатридов богатели, и влияние ее возрастало, большая же часть беднела и опускалась в разряд худородных. Чем дальше, тем все более богатство становилось неотъемлемым признаком родовитости. Число влиятельных эвпатридских родов и семей в Афинах в VIII—VII вв. было невелико, но в их руках сосредоточивались богатство, сила и власть.

Замкнутой господствующей верхушке эвпатридов противостояла остальная масса аттического свободного населения — демос. Демос не был однороден. В состав его входили мелкие и средние крестьяне, работавшие на своих участках, уже лишившиеся земли феты, мелкие ремесленники, представители состоятельных торгово-ремесленных слоев — купцы, хозяева ремесленных предприятий, судовладельцы, — стремившиеся занять в формирующемся государстве такое же место, какое занимали в нем эвпатриды.

В Аттике и Афинах в дальнейшем проживало немало выходцев из других общин. Они не могли войти в состав фил, фратрий и родов, принадлежность к которым определялась кровнородственными связями коренного аттического населения. Оставаясь за пределами родовой организации, эти жители считались людьми «не чистого происхождения» и составляли особую группу *метеков*. Будучи лично свободными, метеки не пользовались политическими правами и были ограничены в экономических правах. Им запрещалось например, владеть землей на территории Аттики и иметь собственные дома. Они должны были выплачивать также особый налог — *метекейон*.

Северо-восточная стена акрополя. Видны барабаны колонн храма Афины, построенного при Фемистокле

Низший слой аттического общества составляли лишенные каких бы то ни было прав рабы, число которых с каждым столетием возрастало.

Старые родовые учреждения не соответствовали новым отношениям, развивавшимся в афинской общине. Поэтому организация управления в Афинах претерпевает существенные изменения.

Верховная власть в Аттике в древности принадлежала ба-силеям. Около VIII в. до н. э. царская власть в Афинах исче-

зает. По преданию, последним афинским царем был Кодр, павший смертью героя в борьбе с дорийцами. После отмены царской власти Афинами стали управлять избранные из эвпатридов правители — *архонты*. Сначала должность эта была пожизненной, затем архонты стали избираться на 10 лет и, наконец, на один год. Первоначально избирался только один архонт. Позже образовалась *коллегия из девяти архонтов*: 1) первый архонт — архонт-эпоним (эпоним означает «дающий имя году»; по именам этих архонтов велось летосчисление); 2) архонт-басилей — выполнял главным образом жреческие функции, а также судебные функции по делам, связанным с культом; 3) архонт-полемарх — был предводителем афинского ополчения и 4) шесть архонтов-фесмофетов являлись хранителями закона, председателями различных судебных коллегий. Архонты отправляли общественные должности безвозмездно. Архонтство считалось высшим почетом и честью не только для самого архонта, но и для всего его рода, фратрии и филы, к которым он принадлежал.

По окончании срока полномочий архонты вступали в *ареопак* — высший государственный совет, заменивший совет старейшин гомеровской эпохи. Ареопак был хранителем традиций, высшим судебным и контролирующим органом. Заседал ареопак на холме, посвященном богу войны Арею. Отсюда происходит и название «ареопак» — «холм Арея».

Архонтами и членами ареопага могли быть только эвпатриды, представители самых влиятельных афинских родов. В Аттике VIII—VI вв. продолжало созываться народное собрание — *экклесия*. Однако оно во многом отличалось от народного собрания гомеровского времени. Если в прежнем народном собрании участвовали все взрослые мужчины-общинники, то в экклесии («собрании вызванных лиц»), по-видимому, могли принимать участие только те граждане, которых приглашали на него архонты. Поэтому народное собрание Афин в тот период было послушным орудием в руках родовой знати, которая могла не допускать к участию в нем неугодных ей общинников. Таким образом, власть в Аттике в этот период безраздельно принадлежала родовой аристократии.

С развитием товарно-денежных отношений активизировалась внешняя политика Афин. Появилась необходимость в создании флота. Для сбора денежных средств на постройку судов вся территория Аттики была разделена на 48 округов — *навкратий*. Следовательно, параллельно делению на четыре племени по родовому признаку возникает новое, теперь уже территориальное деление. По этому поводу Энгельс пишет: «Были учреждены, неизвестно за сколько времени до Солона, навкратии, небольшие территориальные округа, по двенадцати в каждом племени; каждая навкратия должна была поставить, вооружить

и снабдить экипажем одно военное судно и, кроме того, выстав ляла еще двух всадников. Это учреждение подрывало родовое устройство двояким образом: во-первых, оно создавало публичную власть, которая уже не совпадала просто-напросто с совокупностью вооруженного народа; во-вторых, оно впервые разделяло народ для общественных целей не по родственным группам, а по *проживанию на одной территории*¹.

В это время Афины вели длительную и упорную борьбу с Мегарами за остров Саламин, закрывавший афинскому флоту выход в море.

Внутриполитическая жизнь Аттики в этот период проходила под знаком борьбы демоса и эвпатридов. Долго накапливавшееся недовольство существующим строем наконец прорвалось: в 30-х годах VII в. вспыхнула Килонова смута. Килон, аристократ по происхождению, одержавший победу на олимпийских играх, зять мегарского тирана Феагена, приобрел большую популярность в Афинах. Воспользовавшись скоплением народа во время праздника в честь Зевса, Килон с группой приверженцев решил осуществить государственный переворот. Сторонникам Килона удалось захватить акрополь, но удержаться в нем они не могли: народ не поддержал их.

Эвпатриды сумели быстро организовать и осадили акрополь. Самому Килону удалось бежать, а его приверженцам, искавшим убежища у жертвенника Афины, была обещана жизнь, если они оставят храм. Однако обещание это не было выполнено. При выходе из храма сообщники Килона были убиты, некоторые даже у алтаря Эвменид.

Осаждавших возглавляли представители рода *Алкмеонидов*. «Килонова скверна» наложила неизгладимое пятно на род Алкмеонидов. Они стали как бы проклятым родом, не сдержавшим обещания освободить осажденных и пролившим кровь у алтаря богини — покровительницы города. В течение всей афинской истории этим при всяком удобном случае пользовались в своих интересах их политические враги.

Попытка государственного переворота Килона не удалась, но все же толчок был дан. Классовые противоречия углублялись, а вместе с ними обострялась и классовая борьба. Начатая Килоном «смута» продолжалась и после его изгнания. Все это указывало на то, что общественное недовольство и брожение в середине VII в. были очень сильны.

Первой серьезной уступкой эвпатридов демосу было издание писаных законов — *законов Дράконта*.

До этого времени писаных законов не существовало. Судили согласно обычаям предков, устно передававшимся из поколения

---

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 114.

в поколение. Отсутствие писаных законов позволяло судьям-аристократам произвольно толковать обычаи и выносить несправедливые решения. Такое положение побуждало широкие слои демоса требовать записи существующих обычаев.

В 621 г. до н. э. одному из архонтов, Драконту, было поручено пересмотреть и записать действующее обычное право, что он и выполнил. Так возникли Драконтовы законы.

Законы Драконта, согласно преданию, отличались необыкновенной суровостью. Смертная казнь полагалась даже за такое незначительное преступление, как кража овощей и плодов. «Законы Драконта написаны кровью» — так характеризовали их сами греки. Рассказывали, что на вопрос, почему он почти за все преступления приговаривал к смертной казни, Драконт будто бы ответил, что незначительные проступки заслуживают этого наказания, для серьезных же он не мог придумать большего.

Отсутствие других мер наказания, кроме смертной казни, свидетельствует о примитивности этого первого афинского законодательства. Драконт лишь записал существовавшие устные законы, восходившие, видимо, к глубокой древности.

Тем не менее при всей своей примитивности законы Драконта имели большое историческое значение. Это была одна из первых побед складывавшегося рабовладельческого демократического полиса над элементами родового строя, хотя бы потому, что некоторые статьи законов были определенно направлены против кровной мести. Писаное право вносило известный порядок в имущественные и деловые отношения и ограничивало произвол суда, находившегося в руках эвпатридов.

2. Солон и его законодательство

Запись законов не могла вполне удовлетворить афинское крестьянство и торгово-ремесленные слои демоса.

Положение сельского населения в Аттике в VII—VI вв. было в высшей степени тяжелым как в материальном, так и в правовом отношении. Об этом свидетельствуют наши главные источники — «Афинская полития» Аристотеля и «Биография Солона» Плутарха. Несмотря на известный схематизм и односторонность в освещении событий, самый факт разорения аттического крестьянства не вызывает сомнений. Главным бичом деревни было ростовщичество, усиливавшее обезземеливание крестьян.

Земля в то время была неотчуждаемой родовой собственностью. Ее нельзя было ни продать, ни завещать по желанию, ни отдать за долги. Однако эвпатриды, занимавшиеся ростовщичеством, нашли способ обходить эти древние установления. Они давали общинникам ссуды под залог земли и на заложенных участках ставили долговые столбы с именем займодавца. Если общинник не выплачивал свой долг в срок, земля фактически переходила во владение кредитора, хотя продолжала формально

считаться собственностью того рода, к которому принадлежал должник. Общинник работал по-прежнему на своей земле, но значительную часть урожая он отдавал кредитору — фактическому хозяину земли. Такие крестьяне-должники назывались *пелатами*, или *шестидольниками*, так как они, по-видимому, должны были отдавать хозяину-эвпатриду пять шестых снятого урожая.

Аристотель сообщает, что в Аттике накануне солоновых реформ (начало VI в. до н. э.) масса мелких землевладельцев оказалась в долгу у богатых эвпатридов. Должники обрабатывали землю богачей или же брали деньги под залог личной свободы. Заимодавцы, согласно суровым обычаям долговой кабалы, имели право обратить неисправного должника и членов его семьи в рабство и продать за пределы Аттики.

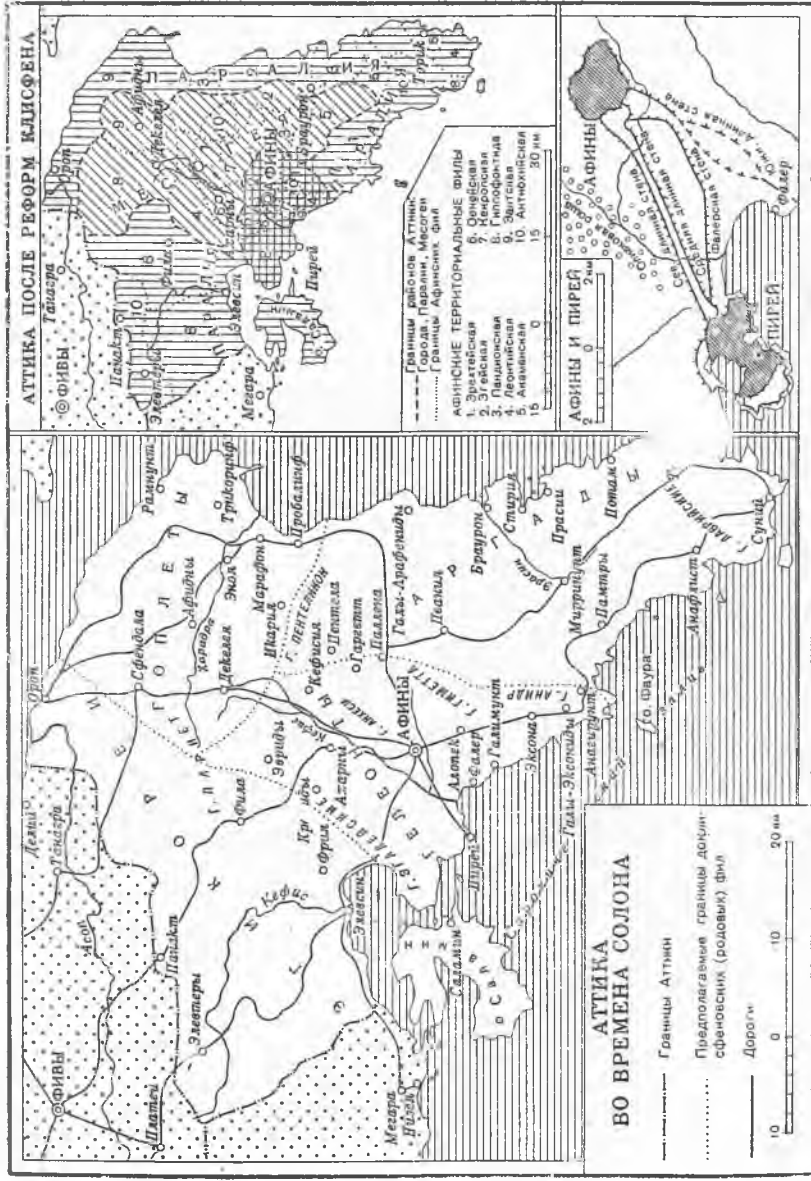
«Надо иметь в виду, — говорит Аристотель в „Афинской политике“, — что вообще государственный строй (в Афинах, — *Ред.*) был олигархический, но главное было то, что бедные находились в порабощении не только сами, но также дети и жены. Назывались они пелатами и гектоморами (шестидольниками), потому что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей. Вся же вообще земля находилась в руках немногих. При этом, если эти бедняки не отдавали арендной платы, можно было увести в кабалу и их самих и детей»¹.

Против эвпатридов, сосредоточивших в своих руках политическую власть и не желавших расставаться с родовыми порядками, выступали не только порабощенные шестидольники. Политическим господством аристократии тяготились и торгово-ремесленные слои населения. Наметился раскол и в среде самих эвпатридов. Главным источником обогащения некоторых аристократов становится морская торговля, а не землевладение, и они охотно блокируются с торгово-ремесленными кругами, так как имеют с ними общие интересы. Таким образом, господство эвпатридов вызывает недовольство всех элементов складывавшегося рабовладельческого полиса, среди них и части «благородных», по каким-либо причинам оторвавшихся от своего класса. В таких условиях наиболее дальновидной группе эвпатридов стало ясно, что удержать власть в своих руках можно только ценой некоторых уступок.

Приблизительно через 25 лет после Драконта, в 594 г., на политической арене появился Солон. Солон принадлежал к числу деятелей, стяжавших себе известность не только в Аттике, но и во всей Греции. Не случайно его причисляли к семи греческим мудрецам. Потомок царской фамилии Медонтидов, Солон много путешествовал, побывал во всех интереснейших местах Греции и Малой Азии. Он обладал философским складом ума и

---

¹ Аристотель, *Афинская политика*, II, 2.

Аттика во времена Солонa

поэтическим дарованием. Дошедшие до нас образцы его стихотворений (элегий) обнаруживают в их творце незаурядный поэтический талант. Чтобы поправить расстроенное состояние, Солон, как это нередко делали эваптриды, занимался торговлей. По словам Плутарха, он стремился разбогатеть. «Мне очень хочется быть богатым, но мне не хочется толстеть от нечестно нажитого».

Возвышение Солона традиция связывает с войной Афин против Мегар из-за Саламина. Афиняне настолько были утомлены долгой и неудачной войной с Мегарами, что даже издали закон, запрещающий под страхом смертной казни поднимать вопрос о возобновлении войны за Саламин.

Учитывая воинственные и патриотические настроения афинского общества и особенно молодежи, не мирившейся с потерей Саламина и жаждавшей только предлога для возобновления военных действий, Солон пошел на хитрость: прикинувшись помешанным, он вышел на площадь и, став на камень, продекламировал заранее сочиненную им элегию «Саламин». В ней он призывал афинян к войне за Саламин.

Агитация Солона возымела действие: закон был отменен, и снова началась война с Мегарами. Военными действиями было поручено руководить самому Солону, и они принесли победу Афинам. После этого Солон стал самым популярным человеком в Аттике. Широкие слои населения видели в Солоне человека, способного освободить афинское общество от тяготевших над ним бед и примирить интересы враждовавших групп.

В 594 г. Солон был избран первым архонтом, наделенным широкими полномочиями отменять или сохранять существующий порядок или вводить новый, быть «посредником», «законодателем» и «примирителем».

Главную свою задачу Солон видел в том, чтобы успокоить крестьянство, сохранив по возможности политическое и экономическое господство эваптридов. Если некоторые мероприятия Солона шли вразрез с интересами аристократии, то это было лишь следствием настоящей необходимости, а не его желанием, как о том свидетельствуют его собственные элегии. В одном из стихотворений он так излагает конечные цели своей реформаторской деятельности:

Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен,—
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился,— чтоб никаких им не чинилось обид¹.

Первой и самой крупной реформой Солона была *сисахфия*, в буквальном переводе «стряхивание бремени», т. е. снятие долговых камней, стоявших на участках должников. Сисахфия еди-

¹ Аристотель, *Афинская политика*, 12, (1).

ным актом освобождала массу должников, которыми была наводнена Аттика. Кроме уничтожения долгов, впредь запрещалась личная кабала, продажа несостоятельных должников за долги в рабство. Отныне должник расплачивался за долг своим имуществом, но не личной свободой и не свободой членов своей семьи.

В одном из стихотворений Солон, намекая на сисахфию, пишет, что лучше всего о его делах могла бы поведать:

Мать черная Земля, с которой снял тогда
Столбов поставленных я много долговых,
Рабьяя прежде, ныне же свободная¹.

Должники, проданные в рабство за пределы Аттики, должны были быть выкуплены за общественный счет и возвращены на родину. Солон пишет:

На родину. в Афины, в богозданный град
Вернул я многих в рабство проданных...².

Историческое значение отмены долговой кабалы как в Аттике, так и в других греческих полисах, где проводились аналогичные реформы, заключалось в том, что дальнейшее развитие рабства происходило уже не за счет сокращения числа свободных членов общины, что подрывало основы ее социальной и экономической жизни, а за счет ввоза рабов-иностранцев.

В дополнение к сисахфии, по свидетельству «Политии» Аристотеля, Солон издал закон, ограничивавший землевладение. Было бы, однако, неправильно думать, что Солон в своем законодательстве стремился подорвать экономическое могущество эвпатридов. Именно этот законодатель первый разрешил в Афинах отчуждение земли. Плутарх в «Биографии Солона» пишет: «Солон прославился также и законом о завещаниях. Прежде это было невозможно, но имущество и домашнее хозяйство должны были оставаться в роду умершего; он же предоставил право всякому отдать свое имущество, кому хочет, если только у него нет законных детей, он... сделал имущество достоянием собственников...»³.

Теперь землю можно было закладывать и отчуждать на законном основании под видом завещания. Таким образом, родовая собственность на землю была заменена частной. Разрешение отчуждать землю не только фактически, но и формально открывало путь для концентрации земли и прежде всего приносило выгоду крупным землевладельцам-эвпатридам. Этим Солон дал возможность аристократии вознаградить себя за те потери,

¹ Там же, 12, (4).

² Там же.

³ Плутарх, *Биография Солона*, 21.

которые она на первых порах должна была понести в связи с его аграрными реформами.

Чтобы поощрить разведение садово-огородных культур и одновременно понизить цены на хлеб, Солон разрешил вывозить за границу оливковое масло и запретил вывоз зерна. Это нанесло удар спекуляции хлебом в Афинах и улучшало материальное положение городского населения.

Солону приписывают также ряд мероприятий, направленных на поощрение и расширение ремесла. «Видя, что почва Аттики не в состоянии прокормить все возрастающее население,— пишет Плутарх,— и что земля не может доставить средств к жизни праздно́й, ничем не занятой массе людей, Солон обратил особое внимание на ремесла. Одновременно с этим он поручил ареопагу наблюдать за средствами жизни каждого и строго наказывать праздных»¹. Другой установленный Солоном закон гласил, что сын имеет право отказать престарелому отцу в поддержке, если тот не обучил его в юности какому-либо ремеслу.

Помимо ремесленников-афинян, в Афинах проживало много пришлых ремесленников-метеков, не пользовавшихся правами гражданства. Чтобы придать больший политический вес ремесленному слою, Солон наделил многих метеков правами афинского гражданства.

Поощряя развитие торговых отношений с ионийскими городами Малой Азии и Эвбеей, Солон заменил эгинскую монетную систему распространенной в этих областях эвбейской. Денежная реформа увеличила число находящихся в обращении монет, так как 70—73 старые эгинские драхмы были равны 100 эвбейским, введенным Солоном. Это способствовало дальнейшему развитию денежного обращения.

Логическим завершением всех мероприятий Солона были его политические реформы, которые нанесли еще один удар родовому строю. До Солона полнотой политических прав пользовались, как уже указывалось, только люди знатного происхождения — эвпатриды. Солон проводит так называемую *тимократическую реформу* (*тимэ* — «имущество», «ценз») и устанавливает имущественный ценз, который теперь стал определять политические права граждан.

По имущественному цензу все гражданское население Аттики было разделено на четыре класса, или разряда. За основу ценза был принят доход, выраженный в медимнах — единице измерения сыпучих и жидких тел (в переводе на наши меры равный 52,5 литра). Первый разряд составляли *пентакосиомедимны*, т. е. получавшие со своих полей, садов и огородов доход в 500 медимнов. Ко второму разряду, *всадников*, принадлежали граждане, имевшие 300 медимнов дохода, т. е. способные

¹ Там же, 22.

содержать боевого коня. Третий и самый многочисленный разряд составляли *зевгиты* — собственники — крестьяне средней руки, имевшие 200 медимнов дохода. Все прочие граждане, получавшие доход меньше 200 медимнов или вообще дохода не имевшие, зачислялись в четвертый разряд — *фетов*.

«...Таким образом,— замечает Энгельс,— в организацию управления вводится совсем новый элемент — частная собственность. Права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и в той же мере, в какой стали приобретать влияние имущие классы, начали вытесняться старые кровнородственные объединения; родовой строй потерпел новое поражение»¹.

Деление на имущественные разряды преследовало не только политические, но и *военные цели*. На гражданах каждого разряда лежала обязанность несения военной службы и снаряжения на собственные средства. Первые два класса составляли кавалерию (всадничество), выезжавшую в поход на лошадях, зевгиты входили в состав тяжеловооруженной пехоты (гоплитов), феты служили в легковооруженной пехоте, составляли экипаж военных судов и несли нестроевую службу в войске. Сверх того, на первые два класса налагались еще и другие общественные повинности (литургии): устройство общественных праздников, поставка государству оснащенных кораблей (навкрии) и т. д.

Одновременно при Солоне возрастает роль народного собрания, в котором теперь могли участвовать все без исключения взрослые афинские граждане. Экклесия выбирала всех должностных лиц, но избранными на высшие государственные должности архонтов могли быть только граждане первых классов.

Таким образом, цензовая реформа предоставила возможность активного участия в управлении государством богатым и состоятельным гражданам вне зависимости от их происхождения. Власть перестала быть монополией одних эвпатридов. Однако практически наиболее состоятельной частью населения Атики продолжали оставаться эвпатриды; по величине получаемого со своих земель дохода они были зачислены в высшие имущественные разряды. Афинские надписи показывают, что и после реформы Солона ведущие государственные должности преимущественно находились в руках лиц аристократического происхождения.

Фетам фактически предоставлялось только право принимать участие в народном собрании. Кроме того, они могли быть избраны судьями в созданный Солоном суд присяжных — *гелиею*. Этот суд был высшим судебным органом Афин. Передача

---

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2. стр. 116.

судебных функций гелиее, в значительной мере состоявшей из неимущих, была, по мнению Аристотеля, одним из самых демократических мероприятий Солона.

Для предварительного рассмотрения дел, поступавших на обсуждение народного собрания, Солон учредил *совет четырехсот*; в него выбиралось по 100 человек от каждой из четырех фил, на которые делилось население Аттики. Аристотель пишет по этому поводу: «Далее он учредил совет четырехсот по сто от каждой филы, а совету ареопагитов назначил охранять законы; как и прежде, он (Ареопаг) имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить за большинством самых важных государственных дел, но, между прочим, и привлекать к ответственности виновных...»¹. Таким образом, власть ареопага — оплота господства аристократии — не была поколеблена.

Нужно отметить, что, по мнению современников, реформы Солона носили *половинчатый, компромиссный* характер. Ни демос, ни эвпатриды не были ими удовлетворены. Народные массы требовали передела земель. Солон в одном из своих стихотворений отвечает недовольному демосу:

Кто пришел за тем, чтоб грабить, полон был надежд больших
И рассчитывал богатство тут великое найти,
Ждал, что я, лаская мягко, нрав суровый проявлю.
Но тогда они ошиблись, а теперь, сердясь за то,
На меня косые взгляды мечут все как на врага.
Нужды нет: что обещал я, сделал с помощью богов
И трудился я не даром. Мне равно не по душе —
Силой править тирании, как и в пажитях родных
Дать худым и благородным долю равную иметь².

Претензии Солону предъявляют и «благородные» — аристократы, земли которых он спас от конфискации и раздела. Они считали, что законодательство Солона — чрезмерная уступка демосу. Именно этих, не склонных ни к каким уступкам эвпатридов, не желавших понять, что только благодаря его реформам господствующее положение знати может быть сохранено еще на некоторый период, Солон убеждает в одной из своих элегий:

А кто знатней и с большей силой должен бы
Меня хвалить и другом сделать бы своим³.

По-видимому, недовольство различных слоев афинского общества деятельностью Солона привело к тому, что в конце концов он должен был сложить полномочия и уехать из Афин. «Я точно волк вертелся среди стаи псов»⁴, — так он сам харак-

¹ Аристотель, *Афинская полития*, 8, (4).

² Там же, 12, (3).

³ Там же.

⁴ Там же, 12, (4).

теризует свое положение среди враждующих в Афинах группировок.

Однако, несмотря на половинчатый характер реформ, независимо от субъективной позиции Солона, объективно его реформы были направлены на ломку существовавших общественных отношений. «Солон... — пишет Ф. Энгельс, — открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности»¹.

После отъезда Солона классовая борьба в Афинах разгорелась с новой силой. В ней участвовали следующие группы: жители равнины — *педиш*, представители крупного землевладения (эвпатриды), стремившиеся к возврату досолоновских порядков; *паралиш* — жители приморской полосы, где преобладали торговцы и ремесленники, боровшиеся за сохранение солоновских реформ, и *диакриш* — крестьяне гористой области Аттики, которые были недовольны реформами Солона и стремились к переделу земли. Вождем педиев был *Ликург*, паралиев — *Алкмеонид Мегакл*, диакриев — *Писистрат*.

3. Тирания Писистрата

Писистрат происходил из древнего знатного афинского рода. Он был богатым человеком, владевшим золотыми рудниками во Фракии. Возвышение Писистрата началось со времени войны за Саламин, где он отличился и показал себя храбрецом. Испуганные ростом влияния Писистрата эвпатриды попытались организовать покушение на его жизнь, но оно не удалось. После этого по требованию диакриев народное собрание выделило Писистрату охрану. Эту охрану составляли крестьяне-диакрии, вооруженные дубинами. Опираясь на поддержку крестьянства и используя своих дубинщиков, Писистрат в 560 г. до н. э. захватил власть в Афинах. Однако его положение на первых порах не было прочным. Политика Писистрата, проводимая в интересах аттического крестьянства, вызвала недовольство и эвпатридов-педиеев и паралиев. Аристотель в «Афинской политике» пишет: «Но так как власть его (Писистрата) еще не укрепилась, то приверженцы Мегакла и Ликурга, придя между собой к соглашению, изгнали его...»².

Союз паралиев и педиеев, однако, просуществовал недолго. Вскоре после изгнания Писистрата между обеими группировками разгорелась борьба. Теснимый эвпатридами вождь паралиев Алкмеонид Мегакл вступил в союз с Писистратом.

¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 114—115.

² Аристотель, *Афинская политика*, 14, (3).

Аристотель сообщает: «Сам Мегакл, поставленный в безвыходное положение своими противниками, начал переговоры с Писистратом и, условившись, что тот возьмет замуж его дочь, устроил его возвращение...»¹.

Вскоре между диакриями и паралиями произошел новый разрыв. Результатом его было еще одно и на этот раз более длительное изгнание Писистрата из Афин. По-видимому, вместе с ним из города ушло много его сторонников. Располагая большими средствами, которые давали принадлежавшие ему Пангейские рудники во Фракии, Писистрат через некоторое время набрал наемное войско и, заручившись союзом с городом Эретрией на Эвбее, фессалийцами и фиванцами, высадился на побережье Аттики у Марафона. Опираясь на военные силы и поддержку диакриев, Писистрат обратил в бегство выступившее ему навстречу афинское ополчение и вступил в Афины. На этот раз он пробыл у власти до конца жизни (527 г.).

Таким образом, правление Писистрата длилось, если не считать перерывов, 33 года (560—527). Некоторыми учеными нашего времени высказывалось предположение, что второе изгнание Писистрата является позднейшим вымыслом. Однако нет достаточных оснований не считаться с категорическим утверждением нашего главного источника — «Афинской политики» Аристотеля.

Социальную основу власти Писистрата составляли диакрии, при поддержке которых он пришел к власти. Их интересы в первую очередь и стремился удовлетворить Писистрат. Возможно, что Писистрат частично удовлетворил потребность афинских крестьян в земле за счет земель, конфискованных им у его политических противников. Кроме того, Писистрат ввел *государственный кредит* для нуждавшихся землевладельцев, установил льготы в отношении налогов и принял ряд мер, улучшавших положение аттического крестьянства.

«Бедных он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием»², — пишет Аристотель.

Таковы главные мероприятия Писистрата, проведенные им в интересах диакриев. Кроме того, он ввел разъездных судей, разбиравших судебные процессы на местах и избавлявших сельских жителей от напрасной потери времени на поездки в города.

Возраставшая сила государства и авторитет его главы нашли блестящее выражение в благоустройстве Афин и территориальном росте города. Афины стали благоустраиваться, превращаясь в большой и цветущий город. Средства, получаемые от торговли и налогов, расходовались на постройку обществен-

¹ Там же, 14, (4).

² Там же, 16, (2).

Рельеф, найденный в Афинах около Олимпейона.
Раскопки 1959 г.

ных зданий. Благодаря оживлению строительной деятельности беднейшее городское население получило работу. В этом отношении Писистрат — предшественник Перикла. При нем в Афинах был построен водопровод, воздвигнут храм Афины Паллады на месте будущего Парфенона, заложен храм Зевса Олимпийского, построен храм Деметры в Элевсине и др. Государственная централизация при Писистрате проявляется гораздо резче, чем при Солоне. Об этом свидетельствуют два факта: 1) введение общегосударственного подоходного налога (десятины) и 2) содержание постоянного наемного войска.

Идее государственной централизации была подчинена и *религиозная политика* Писистрата. При нем вошли в обычай и наряду с Панафинейскими приобрели значение всенародных Дионисии. До этого культ Диониса был только крестьянским праздником. Из олимпийских божеств по-прежнему особым почетом пользовалась Афина как символ объединенного Афинского государства.

Главной задачей Писистрата было усиление экономической мощи Афин. Афины поглощали много сельскохозяйственных

продуктов — хлеба, масла, вина, овощей, фруктов, дичи и т. д. Городское население возрастало, увеличивалось число ремесленных мастерских, в которых наряду с рабами трудились свободные рабочие и безземельные крестьяне. Много людей было занято в порту, торговом и военном флотах.

Однако для растущей афинской торговли и ремесел одного внутреннего рынка было уже недостаточно. Писистрат стремился создать новые — внутренние и внешние — рынки для сбыта продуктов сельского хозяйства Аттики (главным образом оливкового масла). Афинских купцов и ремесленников привлекал *черноморский рынок*, откуда Греция с ранних времен в большом количестве импортировала хлеб и куда экспортировала некоторые продукты сельского хозяйства и ремесленную продукцию. К черноморскому рынку и протянул руку афинский тиран, стремясь овладеть входом и выходом в Черное море, берегами Геллеспонта, с одной стороны, и Боспора — с другой. Усилия Писистрата не пропали даром. При нем Афины захватили опорный, ключевой пункт при входе в Геллеспонт — *Сигей* (в Трояде), открывший путь к Черноморью. В то же время Сигей представлял собой плодороднейшую и удобную для поселения местность. На противоположном берегу, в Херсонесе Фракийском, утвердился афинянин Мильтиад. Это был представитель аристократического рода крупных афинских землевладельцев Филаидов, который, вероятно, потерял свои земли в Аттике и переселился на Геллеспонт. Мильтиад пользовался поддержкой Писистрата и зависел от него.

Таким образом, в руках Писистрата оказались ключевые позиции на проливах. О торговых связях Афин с Северным Причерноморьем во времена Писистрата свидетельствуют довольно многочисленные находки аттической керамики на черноморских побережьях.

В этот же период афиняне овладели островами Лемносом и Имбросом, распространили свое влияние на Наксос, где утвердился союзник Писистрата Лигдамид. Писистрат сумел также установить дружественные отношения с островом Делосом, занимавшим центральное положение в Кикладах, фессалийцами, Аргосом и Коринфом.

Широкое развитие внешней торговли предполагало существование значительного флота, экипаж которого составляли феты, оплачиваемые государством.

Государственный строй Афин при Писистрате формально не претерпел никаких изменений. Созданные Солоном учреждения сохранялись, но рядом с ними и над ними стоял тиран, Писистрат, права которого не были ни предусмотрены, ни ограничены действующей конституцией. Все должностные лица выбирались из его сторонников, поддержка народного собрания, большинство которого составляли крестьяне-диакрии, была ему обеспе-

чена. Благодаря этому фактически власть сосредоточивалась в руках Писистрата. Острые диктатуры Писистрата, опиравшегося прежде всего на аттическое крестьянство, было направлено против старой родовой аристократии, тормозившей дальнейшее поступательное развитие производительных сил афинского общества. В этом состоит прогрессивное значение периода афинской истории, связанного с его именем. В своей политике Писистрат опирался также на торгово-ремесленные слои, в интересах которых он и стремился овладеть подступами к проливам. В позднейшей традиции о правлении Писистрата сохранились воспоминания, как о «золотом веке» Кроноса. «Афиняне, — говорит Аристотель, — жили тогда как бы в царствование Кроноса». Самого Писистрата Аристотель изображает как популярного политика, умевшего действовать одновременно в интересах всех классов и притом избегавшего крутых мер.

Однако афиняне мирились с тираническим режимом до тех пор, пока этот режим оправдывал себя блестящими внешнеполитическими успехами и бывшее политическое могущество родовой аристократии не было окончательно сломлено. Между тем внешнеполитическая обстановка и положение внутри Афин к концу правления Писистрата существенно изменились. Поэтому положение сыновей Писистрата, унаследовавших его власть, оказалось менее прочным.

После смерти Писистрата в 527 г. власть перешла к двум его сыновьям, *Гиппию* и *Гиппарху*. Фактически государственными делами занимался Гиппий, Гиппарх же посвятил себя литературе и искусству. У нас нет сведений о том, что правление сыновей Писистрата — Писистратидов сильно отличалось от правления их отца. Однако постепенно внутривнутриполитическое и международное положение Афин стало ухудшаться. В 514 г. в среде афинских аристократов возник заговор, целью которого было низвержение тирании. Двое заговорщиков — Гармодий и Аристогитон — предприняли попытку убить Гиппия и Гиппарха во время Панафинейского праздника. Покушение это удалось лишь отчасти: убит был один Гиппарх. Гармодий на месте покушения погиб от рук копьеносцев, Аристогитона схватили, подвергли пыткам и казнили. Память о Гармодии и Аристогитоне как борцах против тирании потом долго чтилась афинскими демократами.

Оставшийся в живых Гиппий обрушил жестокие репрессии на головы своих противников, стал на путь проведения террористической политики, вызывавшей острое недовольство даже среди прежних сторонников Писистрата. В этот период очень многие афиняне покинули родину.

Положение Гиппия осложняется также внешнеполитическими затруднениями. В 519 г. Афины присоединили к своим владениям пограничный беотийский город Платеи. Это привело

к разрыву с фиванцами. В это же время происходит ослабление Аргоса, старого союзника Писистрата, и усиливается враждебная тирании аристократическая Спарта. В довершение всего Афины теряют контроль над проливами, который переходит в руки персидской державы Ахеменидов. В связи с этим против Гиппия начинают активно выступать не только афинская аристократия, но и паралии, возглавляемые Алкмеонидами. Возникает союз земледельческой и торговой знати. Алкмеониды призвали на помощь спартанцев, которые послали свои войска, чтобы свергнуть тиранию. Однако первая попытка спартанской интервенции окончилась неудачей. Только в 510 г. афинские эмигранты при активной поддержке Спарты сумели нанести поражение Гиппию и запереть его в Афинском акрополе. В конце концов Гиппий вынужден был капитулировать и удалиться из Афин в Сигей, находившийся в это время под властью Персии.

4. Законы Клисфена

Во главе движения против Писистратидов стоял *Клисфен*, принадлежавший к роду Алкмеонидов. С именем Клисфена связана дальнейшая демократизация афинского политического строя. Клисфену пришлось выдерживать напряженную борьбу с реакционной группировкой землевладельческой знати, возглавляемой *Исагором*, сыном Тисандра.

Опираясь на широкие слои, Клисфен предложил реформы, которые должны были окончательно подорвать господство родовой знати. Исагор не пользовался достаточной поддержкой среди населения и обратился за помощью к Спарте. Спартанцы потребовали удаления из Афин Клисфена под тем предлогом, что он принадлежал к «проклятому» роду Алкмеонидов, предки которых, святотатственно нарушив клятву, расправились со сторонниками Килона. Это требование было подкреплено посылкой в Аттику спартанского военного отряда, возглавляемого царем Клеоменом. Клисфен и 700 семейств его сторонников вынуждены были уйти в изгнание. «...А Клеомен, придя с небольшим отрядом,— пишет Аристотель в „Афинской политике“,— начал гнать из города под видом очищения семьсот афинских семейств. Приведя это в исполнение, он пытался низложить совет и отдать город под власть Исагора и трехсот его приверженцев. Однако совет оказал сопротивление и собрался народ. Тогда сторонники Исагора и Клеомена убежали на акрополь, а народ, обложив их там, осаждал в течение двух дней; на третий день отпустили Клеомена и всех бывших с ним, обеспечив им свободный выход, а Клисфена и остальных изгнанников призвали обратно»¹.

¹ Аристотель, *Афинская политика*, 20, (3).

Попытка возродить в Афинах аристократический строй при помощи спартанцев, таким образом, привела к восстанию народа. Родовая аристократия потерпела поражение, и Клисфен встал во главе государства.

Придя к власти, он приступил к проведению реформ, которые должны были закрепить победу демоса и навсегда покончить с опасностью возрождения власти родовой аристократии. Важнейшей реформой Клисфена было введение нового административного деления Аттики, построенного на чисто территориальном принципе, которое было призвано заменить древние родовые деления. Разделение это состояло в следующем: Аттика расчленялась на три территориальных округа: 1) город Афины с пригородами, 2) внутренняя центральная полоса и 3) береговая полоса. Каждый округ состоял из десяти равных частей — *триттий*. Три триттии, по одной из каждого округа, объединялись в филу, и, таким образом, составлялось десять территориальных фил. Следовательно, клисфеновские филы представляли собой объединение локально разделенных гражданских групп, соединявшихся во время голосования. Целью реформы было смешать население, разъединить роды и тем самым ослабить силу влиятельных их членов, т. е. эвпатридов. Старые филы с их филобасилеями оставались, но низводились до простых культовых объединений. Новые филы также приобретали сакральную санкцию и были названы по именам древних аттических героев.

Триттии распадались на мелкие сельские единицы — *демы*; в Аттике при Клисфене насчитывалось 100 демов; с течением времени их стало больше. Дем представлял собой одновременно хозяйственную, административную, культовую, военную и политическую единицу. С демом каждый афинянин был связан со дня рождения. Когда ему исполнялось 18 лет, выборный демарх (староста) заносил его в гражданские и военные списки, и после произнесения клятвы верности афинскому государству молодой афинянин зачислялся в эфебы для прохождения военной службы, а также получал право выступать на суде. С 20 лет он приобретал все гражданские права. По конституции Клисфена права гражданства определялись принадлежностью к тому или иному дему, а не роду. «Оставь в покое филы и роды», — гласила афинская поговорка, рожденная во времена Клисфена. При составлении списков *демотов* (гражданских списков) в них было включено много метеков и вольноотпущенников, благодаря чему число афинских граждан увеличилось.

В демах же происходил набор гоплитов и избирались по жребию члены суда присяжных. Кроме того, каждый из граждан мог быть выбран в члены вновь созданного *совета пятисот (буле)*, заменившего прежний *совет четырехсот*. Новый совет состоял из 500 человек, выбираемых по 50 от каждой филы. Вну-

три же филы голоса распределялись соответственно величине демов. Таким образом, основной ячейкой и в этом случае оставался дем.

Наконец, Клисфен создал коллегию из десяти стратегов — предводителей афинского ополчения, которые в дальнейшем по очереди выполняли функции главнокомандующих.

Чтобы предохранить государство от возможных политических потрясений и захвата власти тираном, Клисфен установил экстраординарный «суд черепков» — *остракизм*. Каждый год весной созывалось экстренное народное собрание, определявшее голосованием, нужно ли прибегнуть к остракизму, т. е. нет ли среди граждан кого-либо, опасного для гражданской свободы. Если таковые оказывались, то собрание созывалось вторично, и тогда каждый гражданин писал на глиняном черепке (остракон) имя того, кто, по его мнению, угрожал гражданской свободе. Осужденный большинством голосов удалялся за пределы Аттики на десять лет (без конфискации имущества), по истечении которых он возвращался в Афины и получал все свои гражданские права.

Демократизация политического строя Афин вызывала недовольство в тех греческих государствах, где у власти еще стояла родовая аристократия. Против Афин выступила коалиция, в которую входили Спарта, Фивы, Халкида и Эгина. В поисках союзников афинское правительство обратилось к Персии. Персы согласились поддержать афинян при условии, если Афины признают верховную власть персидского царя. Афинское посольство, возглавленное Алкмеонидами, согласилось на это требование. Но договор с персами не был утвержден народным собранием. Таким образом, афинянам пришлось в одиночку бороться с силами коалиции. В 506 г. войска союзников вторглись в Аттику. Однако афиняне сумели нанести сокрушительное поражение халкидянам и фиванцам. Вслед за этим афинское войско переправилось на Эвбею и овладело Халкидой. На территории, отнятой у халкидян, было поселено четыре тысячи афинских *клерухов*. Таким образом, поход спартанцев в Аттику не увенчался успехом: афиняне не только отразили все попытки союзников вторгнуться на территорию Аттики, но укрепили и расширили свои владения. Афинское правительство отклонило также требование персов восстановить в Афинах власть Гиппия. Упрочение внутривнутриполитического и международного положения Афин в значительной мере объясняется успехами реформаторской деятельности Клисфена.

Законодательство Клисфена сыграло очень большую роль в истории афинского полиса как заключительный этап реформ, начатых Солоном. Сами греки считали Клисфена родоначальником греческой демократии. «После Клисфена,— читаем в „Афинской политике“ Аристотеля,— Афинское государство сделалось

значительно демократичнее, чем оно было, например, при Солоне»¹. Энгельс, оценивая клисфеновскую конституцию, называет ее революцией, низвергнувшей «последние остатки родового строя»².

«В какой степени сложившееся в главных своих чертах государство соответствовало новому общественному положению афинян, свидетельствует быстрый расцвет богатства, торговли и промышленности. Классовый антагонизм, на котором покоились теперь общественные и политические учреждения, был уже не антагонизмом между знатью и простым народом, а антагонизмом между рабами и свободными, между находившимися под покровительством и полноправными гражданами»³.

ГЛАВА VIII

РАННЕГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА VIII—VI вв.

Наиболее древней формой греческой идеологии были *мифы*. Мифом называется своеобразный вид устного народного творчества — повествование о далеком прошлом, в котором действительность и вымысел сливаются в одно целое. Из отдельных мифов составлялись сказания (мифология) о возникновении мира и человеческого рода, о деяниях богов и героев и т. д.

Маркс считает, что в основе мифов лежит «...природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией»⁴. Древний грек населял природу множеством существ, наделенных сверхъестественной силой, и сам вел от них свое происхождение. Все явления природы и общественной жизни казались ему результатом таинственного действия этих существ. Подобное одухотворение сил и явлений природы называется *анимизмом* (от латинского слова *анимус* — «душа»).

Мифы были первой попыткой осмыслить окружающую действительность, расширить свой жизненный опыт и дать выход творческой фантазии. Некоторые мифы восходят к глубокой древности, другие были сложены в более поздний период расселения греков в бассейне Эгейского моря.

Непреходящее значение греческой мифологии объясняется необычайным богатством и разнообразием ее содержания и

¹ Аристотель, *Афинская полития*, 22, (1).

² Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 117.

³ Там же, стр. 119.

⁴ К. Маркс, *Введение к «Критике политической экономии»*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, изд. 2, стр. 737.

тем, что греческие мифы дошли до нас не в форме сказок, а в своеобразном художественно-философском оформлении. То, что принято называть греческой мифологией, представляет собой собрание рассказов, извлеченных из эпических и лирических произведений поэтов, философов и историков. Из мифов они заимствовали сюжеты и черпали образы для своих произведений, нередко вкладывая в них новое, созвучное своему времени, содержание. Поэтому ядро мифа обрастало многими наслоениями, иногда совершенно затушевывающими первоначальный его смысл.

В мифах находили воплощение религиозные воззрения древних греков. Мифы — главный и часто единственный источник, помогающий нам воссоздать одну из древнейших форм греческой идеологии — *религию*. Однако греческую религию не следует отождествлять с мифологией. Многие стороны религии недостаточно или даже совсем не отражены в мифах, и о них можно узнать только на основании памятников материальной культуры, изобразительного искусства и обрядов, упоминаемых у античных авторов. Наука черпает материал о религии древних греков также и из данных этнографии и фольклора.

Нет никаких сомнений в том, что греческая религия прошла те же ступени развития, что и религии других древних народов. Даже в более позднюю, богатую письменными памятниками эпоху в Греции сохранялись следы фетишизма, например поклонение священным камням (в беотийском Орхомене), деревьям (пальма на острове Делосе, дуб в Додоне, олива на Афинском акрополе) и т. д. Отзвуком тотемизма является также представление греческих божеств в образах животных. Так, например, богиня Гера почиталась в образе коровы. Названия небесных светил (созвездие Пса, Большая и Малая Медведица и др.) также происходят от названий животных. Впоследствии божества имели своих животных-спутников. Афина изображалась со змеей или с совой, Артемида — с ланью, Афродита — с лебедем и голубем. В Аттике жриц Артемиды называли «медведицами». Спутники Диониса одевались в козлиные шкуры и назывались «козлами». Отпечаток тотемизма носят и эпитеты многих божеств. Говоря о Зевсе, а иногда и Аполлоне, добавляли «Ликийский», т. е. «волчий». Аполлону также часто давали имя «Дельфиний», т. е. «дельфин», и т. д.

В период, когда основным занятием греков стало земледелие, появляются культы так называемых *хтонических божеств* (по-гречески *хтон* — «земля»). Древние считали плодородие земли подобным женскому плодородию и верили, что оно зависит от милости «богини-матери». В Аттике, например, в честь богини плодородия Деметры справлялись таинства (мистерии), участвовать в которых имели право только замужние женщины. В то же время складываются представления об умирающем и

воскресающем божестве, символизирующем осеннее увядание и весеннее пробуждение природы. В Аттике таким воскресающим божеством считалась дочь Деметры Кора (Персефона).

Переход к патриархату сопровождался у греков развитием культа предков. Каждый дом имел свои святыни. Священным местом считался очаг; дом находился под покровительством особых богов. В установленные дни совершались обряды; обряды сопутствовали всякому важному семейному событию (брак, рождение, смерть). Одной из религиозных обязанностей семьи считалось почитание усопших предков. Могила умершего превращалась в объект культа: на ней совершали возлияния — лили молоко, мед и т. п. Вымирание семьи и отсутствие потомства воспринималось как несчастье, ибо некому было заботиться об умерших, духи которых могли беспокоить всех сограждан. Недопустимым считалось оставлять тело без погребения, так как это навлекало «скверну» на весь город. Если человек погибая насильственной смертью, обязанностью его семьи была кровная месть, замененная впоследствии судебным преследованием убийцы. Культ предков нашел отражение в греческом обычном праве, оказывавшем свое влияние и в историческую эпоху.

В период разложения родового строя на территории Греции появляются храмы — жилища богов и начинают выделяться специальные должностные лица — жрецы, которые должны бы-

Дельфы. Сокровищница афинян

ли охранять храмовое имущество и наблюдать за ним. Однако в отличие от государств древнего Востока греческое жречество не превратилось в замкнутую привилегированную касту. Среди жрецов особое место отводилось предсказателям и врачевателям. Остальные жрецы были просто должностными лицами, и каждый свободный гражданин мог быть жрецом.

Некоторые из местных святилищ приобретали общегреческое национальное значение: святилища Зевса в Додоне (в Эпире), святилища Аполлона в Дельфах (в Фокиде), на острове Делосе и пр. Святилища в Додоне и Дельфах славились своими оракулами. Сюда приходили верующие, чтобы узнать у божества свою судьбу, и им давались предсказания, облеченные в нарочито туманную форму, допускающую самые противоречивые толкования. Так, например, лидийскому царю Крезу, желавшему узнать, каков будет исход войны, которую он собирался вести против персов, оракул ответил: «Крез, Галис перейдя, великое царство разрушит». Когда же Крез потерпел в этой войне поражение, жрецы заявили, что под «великим царством» божество подразумевало его собственное государство, а не персидское. В Додоне веления божества узнавались по шелесту листьев священного дуба и журчанию ручья. В Дельфах существовала особая жрица — пифия. Она садилась у расщелины скалы, вдыхала ядовитые испарения и, впадая в экзальтированное состояние, выкрикивала бессвязные фразы.

Дельфийский оракул Аполлона приобрел большое влияние в период расселения греческих племен и колонизации. Культ Аполлона в Дельфах являлся организующим и объединяющим центром. Для защиты святилища образовался союз (*амфикистия*), куда входили представители различных городов. Дельфийская амфикистия с течением времени приобретала все большее значение и авторитет, превратившись из религиозного объединения в политический и межплеменной союз. Входившие в состав амфикистии племена посылали своих делегатов на общие собрания, где устанавливались нормы, регулировавшие межплеменные отношения, правила ведения войны и третейские суды.

При наиболее популярных храмах в определенное время устраивались празднества, на которые стекались люди со всех концов эллинского мира. В Дельфах происходили Пифийские празднества в честь Аполлона, победившего дракона Пифона. Пифийские празднества состояли из музыкальных состязаний, которые впоследствии дополнялись гимнастическими и атлетическими. Наибольшей известностью пользовался Олимпийский праздник, устраиваемый в Олимпии в честь Зевса Олимпийского.

Расположенная в северо-западной части Пелопоннеса, в Элиде на реке Алфей, Олимпия считалась священным городом.

Никто не смел переступить ее границу с оружием в руках. Главным святилищем Олимпии был храм Зевса Олимпийского.

Общегреческое значение имели олимпийские состязания — *олимпиады*, учредителем которых, по преданию, был Геракл. В VIII в. до н. э. олимпийские игры приобрели общеэллинский характер, а с VII в. в них стали принимать участие и жители колоний. Счет олимпийских игр велся с 776 г., когда их начали устраивать регулярно, раз в четыре года. Впоследствии историк Тимей предложил счет времени по олимпиадам как общегреческое летосчисление. Каждые четыре года составляли одну олимпиаду (поэтому, например, 626 г. до н. э. будет соответствовать третьему году 38-й олимпиады). В программу олимпийских состязаний входило пятиборье (кулачный бой, метание диска, борьба, бег и прыжки), бег на длинные дистанции, бег в полном вооружении, состязания колесниц, скачки и т. п. Олимпийские игры происходили в летнее время и продолжались пять дней. К празднествам приурочивалась ярмарка. На победителя

Зевс (Посейдон?). Бронза

возлагали лавровый венок, ему воздвигали статую, которой гордился не только сам победитель и его родственники, но и весь город или племя, к которым он принадлежал.

В период господства родовой аристократии окончательно сформировалась так называемая *олимпийская религия*. Она получила это название потому, что, по представлениям древних греков, местопребыванием богов была вершина горы Олимпа в Фессалии. Наиболее характерной особенностью этой религии был *антропоморфизм*, т. е. представление богов по образу и подобию людей.

Взаимоотношения олимпийских богов являются проекцией на небо общественных отношений, сложившихся в эпоху военной демократии. Внешний вид богов, их одежда, прически, нравы и обычаи типичны для людей этой эпохи.

Олимпийские боги составляли единую божественную семью. Главой ее считался Зевс, победивший своего отца Кроноса и захвативший его власть. С тех пор Зевс стал отцом богов и людей. Все вопросы он решал сам, хотя иногда и собирал на совет остальных олимпийцев. Жена Зевса, его сестра Гера, была, очевидно, первоначально богиней плодородия. Теперь она становится покровительницей брака и семьи. Большую роль в олимпийском пантеоне играют братья Зевса — владыка морей Посейдон и владыка подземного царства Аид (или Плутон). В дальнейшем к олимпийским богам были причислены многие местные боги, которые считались детьми Зевса. Афина — покровительница ремесел — была дочерью Зевса, родившейся из его головы; бог света Аполлон — сын Зевса, предводитель Муз — богинь искусства; его сестра Артемида — лесная богиня-охотница. Покровитель кузнечного ремесла, Гефест, особенно популярный на острове Лемносе, и Арес — бог войны — тоже считались сыновьями Зевса и Геры. Богиня любви и красоты Афродита Киприда, почитавшаяся на острове Кипре (ее культ, возможно, пришел в Грецию с Востока), и вестник богов Гермес, так же как дети Зевса, были причислены к олимпийским богам.

Древние, восходящие к тотемизму и анимизму представления о нимфах, сатирах, силенах, дриадах сочетались с олимпийской религией: их часто относили к младшим божествам, подчиненным олимпийским богам. «Эллада — страна пантеизма. Все ее ландшафты оправлены... в рамки гармонии ...всякая особенность притягивает в своей прекрасной округлости на отдельного бога, всякая река требует своих нимф, всякая роща — своих дриад, и так вот образовалась религия эллинов»¹.

В гомеровском и особенно гесиодовском эпосе заметно стремление привести антропоморфный мир богов в известную систе-

¹ Ф. Энгельс, *Письма из Вупперталя*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 11, изд. 1, стр. 55.

Бронзовая Афина. Раскопки в Пирее. 1959 г.

му. Каждому божеству отводится определенная сфера деятельности, дальше которой его компетенция не распространяется. Чтобы объяснить вновь возникшие культы и связать их с сохранившимися от древности религиозными представлениями, создаются особые мифы. В них содержится попытка выяснить, почему некоторые олимпийские божества чтятся в виде животных. Существуют также особые мифы для объяснения имен божеств, ставших для современников уже непонятными. Подобные имена обычно появляются в результате своего рода религиозного компромисса: новое божество, поглотив более древнее, берет себе имя этого божества в качестве *эпиклесиса* — прозвища. Так, например, имя *Афины Паллады*, часто встречающееся уже в гомеровском эпосе, образовалось из соединения имен титана Паласа и дочери Зевса Афины. Иногда старое и новое божества почитаются раздельно, но в общем храме, как было, например, с *Эрефеем* и *Посейдоном* в Аттике. Однако полного слияния религий олимпийских богов со старинными религиозными верованиями так и не произошло. Наряду с олимпийской, ставшей религией по преимуществу господствующих классов, в народе продолжала жить старинная догомеровская религия. В официальной религии тоже не было достигнуто полного единообразия. К 12 главным олимпийцам в разных полисах причисляли различные божества. Зевс не везде считался главным богом, и одни и те же божества назывались по-разному.

В гомеровскую и послегомеровскую эпоху большую роль в греческой религии начинает играть культ героев. Считалось, что герои происходят от союза богов со смертными женщинами, но иногда к героям-полубогам причисляли людей и за их собственные заслуги. Часто в качестве героев почитались старинные, утратившие свое бывшее значение божества. В ряде городов бытовали свои сказания о героях, переходившие из поколения в поколение. Отдельные мифы объединялись в сложные мифологические повествования, а те в свою очередь — в циклы мифов, тяготеющие к какому-либо географическому центру, например Фивам (фиванские сказания), Аргосу (аргосские сказания), Аттике (аттические сказания) и т. д. Самым известным и нашедшим особенно полное отражение в искусстве был троянский цикл мифов.

Развитие религии не заканчивается в гомеровскую эпоху. В период VIII—VI вв., когда родовая знать утрачивает свое влияние, возникают тирании и возрастает роль крестьянства, религия земледельческих божеств выступает на первый план, подчас даже оттесняя религию олимпийских богов. В этот период в Афинах ведущую роль начинает играть культ Диониса — Вакха — бога виноделия. Еще недавно многие ученые считали, что культ этого божества был заимствован греками у фракийцев в VIII в. до н. э. Однако имя Диониса упоминается в

«Илиаде», и — главное — оно было обнаружено на одной из недавно расшифрованных микенских табличек (Ха 102), что заставляет признать Диониса древним, может быть, даже догреческим божеством, культ которого существовал на Балканском полуострове испокон веков. В годы правления Писистрата культ Диониса, как уже указывалось, становится в Афинах официальным, государственным культом.

Важнейшим этапом развития греческой культуры было *появление письменности*. Пока еще точно не установлено, когда греки познакомились с письменностью. В гомеровскую эпоху старая микенская письменность, по-видимому, была почти совершенно забыта. В «Илиаде» есть лишь одно упоминание¹ о начертанных на табличке «зловещих знаках», которые тогда считались непонятными и колдовскими. Рост товарного производства и торговли обусловил настоятельную потребность в письменности. Судя по преданиям, греческий алфавит изобрели мифические персонажи: Паламед, племянник Агамемнона, или же брат Европы Кадм, по мифу, переселившийся из Финикии в Беотию. Последнее предание, по-видимому, отражает историческую истину, поскольку, по всем данным, греки заимствовали алфавит у финикиян. Об этом свидетельствуют прежде всего сами названия греческих букв — «альфа», «бета», «гамма», «дельта», — не имеющие в греческом языке никакого предметного значения. В семитских же языках они обладают совершенно определенным смысловым содержанием: *алеф* — «скот», *бет* — «дом», *гимель* — «верблюды», *далет* — «дверь» и т. д. Отличие греческой письменности от финикийской заключалось в том, что у греков были специальные знаки для обозначения гласных.

Историю *греческой литературы* принято начинать с *Гомера и Гесиода*. Независимо от решения вопроса об авторстве «Илиады» и «Одиссеи» (см. выше, гл. IV, стр. 100—103) анализ поэтических особенностей обеих поэм приводит к заключению, что искусство их создателей — большое достижение художественного творчества греков. Единство формы и содержания, цельность и законченность характеров, чеканность и отшлифованность ритма, обилие метафор, сравнений, постоянных эпитетов — все говорит о том, что гомеровский эпос — итог длительного развития эпической поэзии.

«Илиада» и «Одиссея» не были единственными поэмами этого жанра. В первую половину I тысячелетия были сложены также и другие произведения греческого эпоса. Об этом мы узнаем из произведений грамматиков и схоластов более позднего времени. Афинские трагики V в. заимствовали из этих эпических поэм сюжеты для своих трагедий. Однако постепенно

---

¹ Фукидид. VI, 168.

эпические поэмы выходят из моды. К началу новой эры списки этих поэм становятся редкостью. В сокровищницу мировой литературы вошли только «Илиада» и «Одиссея» — жемчужины греческого эпоса.

В последний период существования Западной Римской империи пользуются популярностью краткие пересказы содержания эпических поэм. Появление их объясняется потребностями филологической науки, а главное — требованиями школьного обучения. Мифологическими сюжетами этих поэм служили рассказы о древних героях, связанные между собой и образующие как бы замкнутый круг (круг по-гречески *киклос*). Неизвестные авторы этих поэм назывались *кикликами*, а сами поэмы составляли *киклический эпос*. Сюжеты многих киклических поэм отражали события Троянской войны. Так, например, «Киприи» рассказывали о похищении Елены сыном троянского царя Парисом и о начале похода греков на Трою, «Эфиопида» — о поддержке троянцев эфиопским царем Мемноном, сыном богини Эос. Сюжетом «Малой Илиады» был спор Одиссея с Аянтом из-за доспехов Ахилла. В этой же поэме рассказывалось о смерти Париса, умерщвленного стрелой Филоктета, и о хитрости с деревянным конем, погубившей Трою. В поэме «Разрушение Илиона» была изложена история разрушения Трои. «Возвращения» содержали сказания о прибытии из-под Трои ахейских героев. Большой цикл легенд был связан с мифической историей города Фив. В «Эдиподии» описывалась история фиванского царя Эдипа, неоднократно использованная аттическими трагиками V в. до н. э. Сюжетом «Фиванды» была легенда о походе семи вождей на Фивы и о поединке между двумя братьями — сыновьями Эдипа — Этеоклом и Полиником. В поэме «Эпигоны» повествовалось о взятии Фив сыновьями семи вождей, участвовавших в походе против Фив вместе с Полиником.

В другой группе небольших поэм содержались мифы о богах. Одной из них была не дошедшая до нас «Титаномахия», где говорилось о борьбе олимпийских богов с титанами. Сохранился сборник поэм о богах под названием «Гомеровские гимны». Это название неоправданно, так как сборник состоит не из гимнов, а из небольших эпических произведений. Поэмы, вошедшие в состав сборника, несомненно, были написаны в разные периоды и различными авторами, хотя в позднейшее время сложилась легенда, что их творцом был автор «Илиады» и «Одиссея». В поэмах излагаются мифы о греческих богах и богинях. Хотя поэмы объединены в один сборник, они отличаются тематически и композиционно и принадлежат по существу к различным жанрам. Особняком стоит шуточная поэма «Маргит», которая дошла до нашего времени лишь в отрывках. В ней рассказывалось о приключениях деревенского дурака Маргита, «знавшего много работ, но знавшего все их скверно».

Первым греческим автором, индивидуальность которого с исчерпывающей ясностью отразилась в его поэзии, был Гесиод. Творчество этого поэта обычно относят к концу VIII в. до н. э. Поэма Гесиода «Труды и дни», рисующая быт и занятия беотийского крестьянина, анализировалась выше (гл. V, стр. 140—141).

Для «Трудов и дней», как и для других приписываемых Гесиоду произведений, характерен эпический размер — гекзаметр и архаический даже для конца VIII в. язык. В отличие от гомеровских поэм в «Трудах и днях» отчетливо звучит биографический элемент, кроме того, в поэму введены многочисленные изречения — *гномы*, содержащие наставления читателю. Это придает произведению дидактический характер, и поэтому творчество Гесиода называют иногда дидактическим эпосом. Название поэмы — «Труды и дни» обусловлено тем, что в ней не только описывается жизнь земледельца, но и приложен список дней, считавшихся, по деревенским представлениям того времени, наиболее счастливыми для начала тех или иных сельских работ.

Известна и вторая поэма Гесиода — «Теогония». В этой поэме наряду с изложением мифов о происхождении богов содержатся попытки рационалистического объяснения окружающего мира. В связи с этим заслуживает внимания гесиодовская *космогония* — теория происхождения мира. Значение *теогонии* — теории о происхождении богов — состоит в ее общегреческом универсальном характере. Поэма Гесиода включает основные общеэллинские мифы, поэтому она представляет собой важный этап на пути создания общегреческой мифологии. Недаром впоследствии произведения Гесиода, как и Гомера, вошли в программу обязательного обучения в школах всего греческого мира.

В истории *греческой поэзии* за эпосом следовала лирика. Так называли песни, исполнявшиеся обычно под аккомпанемент лиры — семиструнного музыкального инструмента. Различные формы песен рождаются у греков еще задолго до появления письменности. В послегомеровскую эпоху лирическая поэзия стала господствующим жанром, отражавшим в яркой высокохудожественной форме происходившие в греческом обществе перемены.

Разложение родовой общины, колонизация, возникновение полисов сопровождалась острыми социальными конфликтами, в которых роль личности, сбросившей с себя путы прежних родовых отношений, становилась особенно значительной. Отсюда и субъективный характер лирики как литературного жанра. Греческая лирика VII—VI вв. чрезвычайно богата, разнообразна и многогранна, но, к сожалению, известна нам лишь по небольшим отрывкам. Наиболее полно сохранились лирические жанры, называемые *элегией* и *ямбом*. Эти жанры зародились, по видимому, в Малой Азии. Элегический размер представляет

собой двустушие, состоящее из сочетания гекзаметра с пентаметром. По форме элегия еще очень близка к жанру эпоса. Тематика элегий весьма разнообразна: дидактическая, любовная, политическая, военная и философская.

Младшим современником Гесиода был ионийский поэт *Каллин* из Эфеса. Его элегии посвящены главным образом военной патриотической теме. Каллин призывает своих соотечественников выступить против вторгшихся в Малую Азию киммерийцев:

Верьте, завидная доля и славная
— мужу сражаться
Ради земли и детей, ради
любимой жены
В битве с врагами¹.

На ионийском диалекте написаны и элегии спартанского поэта *Тиртея*, жившего в конце VII в. до н. э. Поэт обращается к молодым спартамцам, вдохновляя их на борьбу с восставшими мессенцами:

Славное дело — в передних рядах
с врагами сражаясь,
Храброму мужу в бою смерть
за отчизну принять².

Кроме отрывочных элегий, сохранились также фрагменты военных маршей Тиртея — *эмбатериев*. Если Тиртей выступает в основном еще как выразитель интересов всего спартанского полиса, то живший в середине VII в. *Архилох* с острова Пароса является представителем индивидуализма в поэзии. Архилох резко порывает с приемами эпического творчества и открывает новую страницу эллинской литературы — *субъективной поэзии*. Характер и содержание творчества Архилоха определялись его судьбой и бурным темпераментом. Гонимый бедностью, он оставил свой Парос и отправился с паросскими колонистами на Фасос, но и здесь не обрел желанного счастья. Архилох сражался вместе с фасосцами за обладание фракийским берегом, побывал в «прекрасной и счастливой» Италии, но это не принесло ему богатства. К пережитым им неудачам прибавилась еще и неудачная любовь к девушке Необуле, дочери богатого паросского гражданина Ликамба. Влюбленный Архилох, надеясь на взаимность, посвятил Необуле стихи, проникнутые нежностью и глубоким теплым чувством. Но, получив отказ, он разразился потоком злобных и ядовитых ямбов, обличительная си-

¹ Каллин, стр. 7—9, пер. Ф. Ф. Зелинского; см. Ф. Ф. Зелинский, *Древнегреческая литература эпохи независимости*, ч. II, Образцы, Пг., 1920, стр. 78.

² Тиртей, *Воинственная элегия*, пер. Ф. Ф. Зелинского; см. Н. Ф. Дератани и Н. А. Тимофеева, *Хрестоматия по античной литературе*, т. I, изд. 6, М., 1958, стр. 89.

ла которых была так велика, что существует предание, будто Ликамб и Необула повесились, не выдержав насмешек.

В элегиях Архилоха иногда еще чувствуется влияние эпоса, но, являясь человеком уже нового склада, поэт решительно порывает с традиционными аристократическими воззрениями прошлого. Так, например, в стычке с фракийским племенем *саий* Архилох потерял свой щит, что, по традиционным представлениям греческой аристократии, считалось величайшим бесчестием. Но Архилоха ничуть не смутила эта потеря. С подчеркнутой, циничной откровенностью он пишет:

Носит теперь горделиво саяец мой щит безупречный;
Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.
Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает
Щит мой! Не хуже ничуть новый могу я добыть¹.

В древности было широко распространено мнение, что Архилох первый использовал в своем творчестве метрическую форму ямба. Вероятно, истоки ямба значительно древнее: они восходят, по-видимому, к народным песням, но Архилох действительно был непревзойденным мастером ямба.

К VII в. относится также творчество элегических поэтов-ионийцев *Семонида* и *Мимнерма*. Семонид из Аморга, оставивший нам элегию, высмеивающую различные типы женщин, примыкает к сатирическому направлению, основанному Архилохом. Мимнерм из Колофана воспевает любовь, которую он считает высшим благом жизни. Представителем политической лирики был уже упоминавшийся (гл. VII, стр. 174) афинянин Солон. Сохранились не только его элегии, но и ямбы. Из элегических поэтов более позднего периода заслуживает внимания мегарский аристократ Феогнид (вторая половина VI в.).

Наряду с элегией и ямбом в античной поэзии развиваются и другие жанры, например, *вокальная лирика*. Она могла быть хоровой и монодийной. Хоровая возникла из народных хоровых песен. Автор таких песен был одновременно и композитором и руководителем хора. Содержание песен обычно сводилось к воспеванию города или происходящего в нем празднества. Для вокальной лирики характерно соединение различных метрических форм, так что стихи, как правило, имели неодинаковую длину. Объединенная одной мелодией группа стихов называлась *строфой*. Эта мелодия затем полностью повторялась в антистрофе, обладающей точно такой же метрической формой. Древнейшим представителем хоровой лирики VII в. был *Алкман*. Он происходил из Малой Азии, но деятельность его протекала в Спарте. Алкман, очевидно, руководил хором спартанских девушек. Для них он составлял *парфении* — хоры девушек. Папирус, содержащий большой отрывок парфения Алкмана, был найден в конце прошлого века в одной из египетских гробниц.

¹ В. В. Вересаев, *Эллинские поэты*, — Собр. соч., т. X, стр. 138.

В VI в. жили еще несколько талантливых авторов хоровых песен. Имена некоторых из них пользовались такой популярностью, что о них, как, например, о сицилийце Ивике и лесбосском поэте Арионе, были сложены широко известные легенды, которые нашли отражение в мировой, в частности в русской, литературе (напомним стихотворение Пушкина «Арион» и перевод Жуковского баллады Шиллера «Ивиковы журавли»).

В отличие от хоровых произведения монодийной лирики исполнялись не хором, а отдельными певцами. Наиболее яркие образцы этого жанра содержатся в творчестве поэтов с острова Лесбоса — *Алкея* и *Сапфо* (вторая половина VII в. до н. э.). Стихи этих поэтов, написанные на эолийском диалекте, свидетельствуют о необычайном поэтическом мастерстве их создателей. В то же время в стихах Алкея содержатся ценные сведения по истории политической борьбы в Митилене — главном городе острова Лесбоса. Алкей был аристократом и в своих «Песнях мятежа» призывал к свержению демократии, злобно понося ее вождей. Разоренный демократическим переворотом Алкей долгое время провел в изгнании, служа наемником в Египте. В своих стихотворениях он никогда не жалуется на судьбу, но всегда остро откликается на политические события в родном городе. Так, он сравнивает Митилену, охваченную народным восстанием, с разбитым бурей кораблем:

Пойми, кто может, яростный бунт ветров!
Валы катятся — этот отсюда, тот
Оттуда... В их мятежной свалке
Носимся мы с кораблем смоленным,
Едва противясь натиску злобных волн.
Уж захлестнула палубу сплошь вода;
Уже просвечивает парус,
Весь продырявлен. Ослабли скрепы...¹.

Своеобразный размер, которым написано это стихотворение, называется по имени лесбосского поэта *алкеевой строфой*. Большую славу принесли Алкею также его застольные песни, часть которых сохранилась.

Сапфо — младшая современница Алкея. Биография ее мало известна. По-видимому, Сапфо также принадлежала к кругу аристократии и возглавляла в Митилене (или лесбосском городе Эресе) объединение девушек. Такие объединения встречались во многих архаических общинах дорийцев и эолийцев. Обычно из девушек — членов таких кружков составлялся хор, выступавший на празднествах. Подобным хором руководила и Сапфо. Цель и интересы кружка Сапфо в значительной мере предопределили тематику и содержание ее поэтического творчества.

¹ Алкей, *Буря*, пер. В. Иванова; см. Н. Ф. Дератани и Н. А. Тимофеева, *Хрестоматия по античной литературе*, стр. 95.

Большинство дошедших до нас стихов Сапфо посвящено любви. В одних изображается бурная страсть, в других — любовное томление или ревность. Широкой известностью пользовались также песни Сапфо, посвященные свадебному обряду, так называемые *гименеи* или *эпиталями*.

По своим ритмическим и мелодическим особенностям поэзия Сапфо весьма близка к поэзии Алкея. Она так же музыкальна и славится разнообразием поэтических размеров. Особенно запоминаются поэтические образы и сравнения. Молодая женщина сравнивается с цветком, распустившимся в саду, с полевой былинкой, небрежно примятой сохой, с румяным яблоком, висящим на сочной яблоне, и т. п.

В поэтическом творчестве Сапфо преобладают грустные мотивы, придающие ее поэзии своеобразный меланхолически-пессимистический оттенок. В оде, посвященной богине любви Афродите, Сапфо просит богиню не терзать ее сердце любовными муками, а сойти к ней на своей колеснице и исцелить ее истерзанную душу:

К АФРОДИТЕ

О Афродита, Зевса порождение,
Коварная, молю тебя с тоской:
Избавь меня от скорби и томленья,
Владычица, и сердце успокой.
Приди, приди. Когда к тебе зывала
Я в дни любви несчастной и тревог,
Ты, на мольбу склонившись, покидала
Отца богов блистающий чертог,
Над черною землею в колеснице
Ты направляла быстрый свой полет,
И голуби крылатой вереницей
Ее влекли с заоблачных высот
И вдруг спускались; ты же, о святая,
С улыбкою бессмертной на устах
Так говорила мне: зачем грустна я,
Зачем к тебе зываю я в слезах,
Что за безумье мной овладевает.
«Скажи,— ты вопрошала,— не тая,
К кому стремишься, кто же огорчает
Тебя, Сапфо, любимица моя?
Он холоден? Так страстью загорится!
Отверг дары? Так принесет их сам!
Не целовал? Он скоро возвратится
И с силою прильнет к твоим устам».
Явись же вновь, явись мне, богиня,
И тяжесть мук сними с души скорей,
И, что свершить пылает сердце ныне,
Будь в том сама союзницей моей!¹

Лирическая поэзия VII—VI вв. была рассчитана на очень ограниченный круг людей, свободных от материальных забот и погруженных в свои личные переживания.

¹ Сапфо, *Оды*, 1.

Анакреонт (?). Мрамор

В борьбе с демосом греческая аристократия, представителями которой были Алкей и Сапфо, терпит поражение, и поэты-лирики более позднего периода перестают интересоваться политическими темами. Характерным выразителем этой тенденции был Анакреонт из города Теоса в Малой Азии, живший во второй половине VI в. Вместе со своими соотечественниками он бежал от персов, вторгшихся в Малую Азию. Позднее он жил при дворе самосского тирана Поликрата, а после его гибели переехал в Афины, где был радушно принят Гиппархом. Потом Анакреонт жил при дворе Алевадов в Фессалии, наконец, вернулся в родной город и там умер в возрасте 85 лет. Его легкие, изящные, поэтически отточенные стихи в основном посвящены любов-

ным или застольным темам. Чувства его неглубоки и поверхностны. Беззаботность, радостное упоение жизнью, несмотря на преклонный возраст, характерны для многих его стихов:

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.
Но, смеясь презрительно
Над седой головой моей,
Лесбиянка прекрасная
На другого глядеет¹.

Язык Анакреонта (он, как и большинство лириков, писал на ионийском диалекте) чрезвычайно прост и безыскусствен. До нас дошли лишь немногие его стихи. Особенно известно переведенное Пушкиным стихотворение, в котором Анакреонт жалуется на быстротечность жизни и неизбежность смерти:

---

¹ В. В. Вересаев, *Эллинские поэты, Собр. соч.*, М., т. X, стр. 256.

Поредели, побелели
Кудри — честь главы моей;
Зубы в деснах ослабели
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Страшен хлад подземна свода:
Вход в него для всех открыт,
Из него же нет исхода,—
Всяк навеки там забыт¹.

Изящная и понятная каждому поэзия Анакреонта нашла в древности много подражателей. Сохранился большой сборник стихов подражателей Анакреонта, относящийся к эллинистической эпохе и долгое время приписывавшийся самому Анакреонту. Теперь эти стихи называются *анакреонтическими*.

С конца VI и в V в. наблюдается упадок лирической поэзии, которая уже не могла удовлетворить требований нового, демократического общества. Последним лириком Греции был фиванский поэт *Пиндар* (518—422 гг.), «лебедь с белыми крыльями». Пиндар стоит на грани двух эпох и литературных стилей — лирики, с одной стороны, драмы и комедии — с другой. Славу Пиндар завоевал своими песнями в честь победителей на Олимпийских, Пифийских и Немейских состязаниях.

По мере возрастания удельного веса ремесла и торговли в хозяйственной жизни Греции развивается городская культура. К этому времени зарождается новый литературный жанр — *литературная проза*, ведущая свое начало от устной ионийской повести. Такие повести, часто посвященные описанию исторических событий, назывались *логой* — повествованием, а их составители — логографами (см. выше, гл. I, стр. 19).

Одновременно с логой в середине VI в. в греческой литературе появляется и *басня*. Возникновение греческой басни связывают с именем Эзопа, по преданию, горбатого раба, принадлежавшего некоему самосскому гражданину. Вся жизнь находясь в зависимом положении, Эзоп вынужден был маскировать свои мысли. Приписываемые Эзопу басни повествуют преимущественно о животных, но в образах животных мы узнаем черты людей. Этот литературный прием получил название *эзоповского языка*. Биография Эзопа, по общепризнанному в настоящее время мнению, была вымышленной. Сборник его басен, оказавший огромное влияние на всю мировую литературу, дошел до нас не в первоначальном виде, а в более поздней византийской переработке. Однако сюжеты эзоповских басен несомненно восходят к глубокой древности.

¹ Анакреонт, *Старость*, пер. А. С. Пушкина; см. В. О. Нилендер, *Греческая литература в избранных периодах*, М., 1939, стр. 114—115.

К концу VI в. до н. э. сформировались основы греческого изобразительного искусства. От первых примитивных образцов до совершенных творений зрелой архаики — таков путь греческой архитектуры VIII—VI вв. Уже архитектурные сооружения конца VII — начала VI в. отличались благородными, хотя и несколько тяжелыми пропорциями и красотой. В VII в. в общих чертах сложился тип храма, получившего затем широкое распространение. Он представлял собой удлиненное, прямоугольное в плане сооружение, с колоннадой, перекрытое двухскатной крышей. Развитие архитектуры сопровождалось постепенным отходом от массивных тяжеловесных форм к более легким и стройным. Среди наиболее интересных произведений греческой архитектуры VII—VI вв. нужно отметить храм Геры в Олимпии (VII в.) и храм Аполлона в Коринфе (вторая половина VI в.). Последний был уже предтечей зодчества греческой классики.

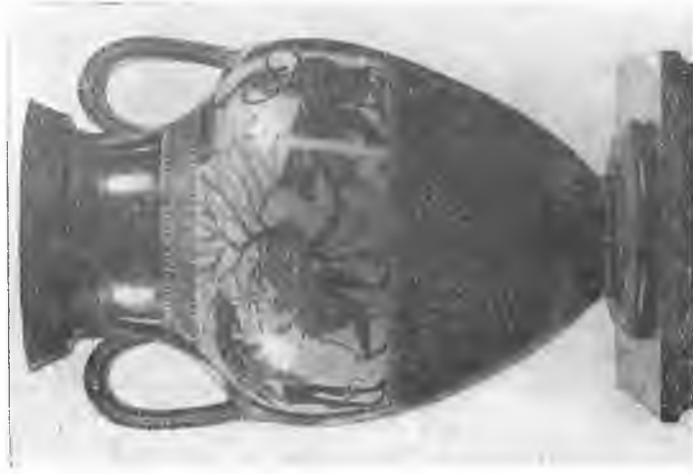
Архитектурные детали храмов частично раскрашивались в яркие тона — чаще всего красный и синий — и обильно декорировались скульптурными украшениями.

Скульптура развивалась в тесной связи с зодчеством, составляя часть декоративного убранства зданий. Большие скульптурные композиции помещались на фронтонах (пространствах под скатами крыши на торцовых стенах).

Создавались также статуи, не предназначенные для украшения зданий, в том числе культовые статуи и даже жанровые статуэтки. В VII и особенно в VI в. все большее распространение получают статуи героев, а затем воинов и атлетов — типы идеально развитых людей. Греческое искусство прославляло сильного, здорового, гармоничного человека. Однако скульптура архаики была еще очень условна, плоскостна, статична. Скульпторы того времени не умели придавать лицам статуй выразительность; они оживляли их схематической, так называемой архаической улыбкой, независимо от того, какие чувства они хотели изобразить. Статуи ярко раскрашивались.

В VII в. появляется живопись. До нас она не дошла. Частично о ней можно судить по вазовым росписям. Так, один из первых известных нам греческих художников, *Тимонид* (начало VI в.), работавший в Коринфе, расписывал вазы и делал картины на глиняных досках (*пинакс*). В VII—VI вв. греческие вазы расписывались черным лаком по светлому фону. Такая техника называлась *чернофигурной*. Исключительной тонкостью и строгим вкусом отличались вазы мастера *Эксекия* (вторая половина VI в.). В конце VI в. появляются *краснофигурные* вазы, фон которых был покрыт черным лаком, а фигуры были цвета глины и расписывались красками. Эта техника получила широкое распространение в V и IV вв.

Искусство архаического периода подготовило почву для расцвета греческого искусства в классическое время.

Ваза Андокида с изображением Геркулеса с Кербером. VI в. до н. э.

Раннеаттические вазы конца VII — начала VI в. до н. э.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

РАСЦВЕТ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ

ГЛАВА IX

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

В конце VI в. до н. э. в Афинах были ликвидированы пережитки родового строя и ниспровергнута власть родовой аристократии. Следующий, V век, открылся греко-персидскими войнами (500—449 гг.), имевшими огромное историческое значение. Греческая политическая система и греческое войско в этих войнах блестяще оправдали себя. Противником греков в этой войне было персидское государство.

1. Персия при Ахеменидах

Персидская держава Ахеменидов образовалась в VI в. до н. э. Основателем ее считается *Кир Старший*. Возглавив большое объединение воинственных персидских племен, Кир около 550 г. завоевал Мидию, которая перестала существовать как независимое государство и вошла в состав государства персов. С покорения Мидии начинается быстрый рост персидской державы. Персы подчиняют Армению, Каппадокию, завоевывают всю Малую Азию, в том числе лидийское государство.

Расширяя границы своей державы дальше на восток, Кир в 538 г. вступил в Вавилон и был объявлен царем Вавилонии. Финикийские города на средиземноморском побережье Передней Азии покорились ему без борьбы. Огромная территория от побережий Средиземного моря до берегов Инда, населенная различными племенами и народностями, оказалась под властью персов. Кир готовился предпринять поход на Египет, но в борьбе на северных границах своего царства с племенами саков и массагетов, населявших прилегающую с востока к Каспийскому морю область Средней Азии, потерпел поражение и был убит.

Завоевал Египет преемник Кира — *Камбиз* (529—522 гг.). В битве при *Пелузии* (525 г.) он наголову разбил войска по-

следнего египетского фараона Псамметиха III и осадил Мемфис. После падения Мемфиса Египет вошел в состав персидской державы. Дальнейшее сопротивление египетского населения было подавлено силой оружия.

После смерти Камбиза в Персии началась острая династическая борьба, сопровождавшаяся восстаниями в ряде подвластных персам областей. Победителем в этой борьбе вышел *Дарий I*, сын Гистаспа (521—485 гг.). Дарию удалось подавить восстание, упрочить свою власть и еще больше расширить персидские владения. В годы его правления завершается формирование структуры персидской державы.

Верховная, неограниченная власть принадлежала в персидском государстве царю. Он считался сыном Ормузда — главного божества персов. Царский дворец, наводненный придворными и слугами царя, был центром управления государством. Чтобы придать царской власти внешний блеск и величие, при дворе персидских царей был установлен пышный этикет. Персидские цари носили роскошные пурпурные одежды, головы их украшали золотые тиары. Цари редко показывались своим подданным, и в таких случаях те должны были приветствовать их земными поклонами. Только шесть знатнейших персов обладали правом входить к царю без доклада. Десятитысячный отряд отборных персидских воинов, называвшийся отрядом «бессмертных», охранял царя и сопровождал его во время походов. «Бессмертными» они назывались потому, что, если один из воинов этого отряда погибал, на его место сразу же становился другой, так что численность отряда «бессмертных» всегда оставалась неизменной. Из среды окружавшей их придворной знати персидские цари выбирали своих советников, назначали наместников, полководцев и чиновников.

При Дарии I была проведена крупная административная реформа, призванная упорядочить систему государственного управления, контроля и сбора налогов. Вся территория персидской державы была разделена на 20 отдельных областей — сатрапий. Во главе каждой из них был поставлен царский наместник — сатрап. Он должен был держать в повиновении население вверенной ему области, вершить суд, следить за раскладкой и сбором налогов, выполнением натуральных повинностей. В обязанности сатрапов входило также наблюдение за торговлей, состоянием дорог, каналов, плотин и т. д. Чтобы усилить контроль над наместниками и поставить их в большую зависимость от центрального правительства, военная власть в сатрапиях была отделена от административной и передана особым военачальникам. Для надзора и за сатрапом и за военачальником в каждую область назначался «царский писец». Он получал приказы непосредственно от царя и передавал их военачальнику и сатрапу. «Царский писец» обязан был также

доносить царю обо всем, что происходило в области и при дворе наместника. Для тайного наблюдения за сатрапами, военачальниками и «царскими писцами» существовал целый штат шпионов, называвшихся «ушами царя».

Центрами, куда сходились все нити этой сложной системы государственного управления, были *Персеполь* и *Сузы* — столицы государства и резиденции персидского царя.

Сеть дорог связывала отдельные части персидского государства друг с другом, что облегчало быструю переброску войск из центров на периферию и передачу донесений. Наибольшее значение имела «царская дорога», соединявшая Сузы, Сарды и Эфес. Через каждые 20—30 километров на этой дороге находились особые станции — там всегда были наготове курьеры и свежие лошади. Важные донесения передавались эстафетой от станции к станции. По словам Геродота, донесение из Сард в Сузы доставлялось за шесть дней.

Хорошие дороги и безопасность передвижения способствовали развитию торговли. Для облегчения обмена Дарий I ввел золотую монету, так называемый *дарик*. Чеканка золотой монеты была исключительной привилегией царя. Серебряную монету выпускали сатрапы. Медную монету имели право чеканить даже отдельные города.

При Дарии I окончательно оформилась и персидская военная организация. Ядром армии были персы, мидияне и другие народности Иранского плоскогорья. Большое значение имел отряд царских телохранителей. Остальное войско формировалось из набранных в сатрапиях отрядов, состоявших из жителей покоренных персами областей. В этих отрядах воины различных племен и народностей сохраняли привычное для них вооружение и применяли свои специфические приемы боя. Таким образом, по своему составу и вооружению персидская армия была весьма неоднородна. Подавляющую часть пехоты составляли легковооруженные стрелки из луков. Персидская конница также была вооружена луками, короткими мечами и копьями. Тела персидских воинов были защищены чешуйчатыми панцирями и небольшими щитами. Сражение обычно начиналось с атаки пехоты, засыпавшей врага градом стрел, и завершалось выступлением персидской конницы против уже деморализованного противника.

В персидских войсках применялись и боевые колесницы, снабженные особыми серпами, приводимыми в движение вращением колес. Такими серпами можно было перерубить пополам воина в тяжелом вооружении.

Флот персидского царя состоял из кораблей, поставлявшихся финикийцами и подвластными персам малоазийскими греками.

В экономическом отношении Персия также представляла чрезвычайно пеструю картину. На необъятных пространствах персидской державы существовали разнообразные отрасли сельского хозяйства: садово-огородная (Вавилония, Северная Сирия, Палестина), зерновая (Египет) и скотоводство, в особенности коневодство в горных и степных частях (Туркестан и Аравия). В большей части персидского царства преобладало мелкое хозяйство. Наряду с полусвободными и свободными земледельцами в Персии, как и вообще на Востоке, было много рабов — пастухов, рабочих на садово-огородных плантациях и ремесленников. Земледельцы платили натуральный оброк, работали на постройке дорог, мостов, крепостей, рыли каналы и отправляли транспортную повинность по перевозке войск, всякого рода грузов и т. д. Тяжесть повинностей возрастала по мере активизации и усложнения внешней политики государства.

Особенно разорительна для подвластных персам областей была *откупная система*, т. е. отдача сбора налогов на откуп объединениям откупщиков.

В царских канцеляриях было точно вычислено, что, в каком размере и когда следует брать с каждой сатрапии. Подати уплачивались натурой и деньгами. Золото и серебро хранилось в царских дворцах, в сокровищницах. Металл расплавляли, вливали в глиняные сосуды, где он застывал, а потом снимали глиняную оболочку. Всякий раз, когда требовались средства на покрытие государственных расходов, царь приказывал отрубать необходимое количество золота или серебра. Натуральные подати были чрезвычайно разнообразны: от хлеба, фруктов и прекрасных белых коней до золотых и серебряных сосудов. Так, например, Каппадокия, кроме уплаты денежного налога, поставляла 1500 лошадей, две тысячи мулов, 50 тысяч овец, Лидия — вдвое больше и т. д. Тяжелые повинности и налоги вызывали недовольство населения.

В целом персидская держава Ахеменидов представляла собой типичное для той эпохи древневосточное государство. Отдельные части этого огромного государства, населенные племенами и народностями, говорившими на различных языках и находившимися на разных уровнях исторического развития, были весьма мало связаны друг с другом. При таких условиях государственная централизация, осуществляемая при помощи оружия и мер административного воздействия, не находила себе экономического оправдания и была скорее кажущейся, чем действительной. Население подвластных персам областей постоянно восставало, отдельные же сатрапы, несмотря на принимаемые центральным правительством меры, чувствовали себя достаточно самостоятельными и не всегда выполняли волю персидского царя и его советников.

2. Начало греко-персидских войн

До завоевания персами Малой Азии греческие города на западном ее побережье находились в зависимости от лидийского царства. Зависимость эта была для них не слишком обременительной. Лидия не имела своего морского флота, и вся лидийская морская торговля сосредоточилась в руках малоазийских греков. Умеренная дань, выплачиваемая греческими городами лидийскому царю, с лихвой окупалась теми выгодами, какие греки получали от посреднической торговли.

Положение греческих городов существенно изменилось после завоевания персами Малой Азии. Разгромив Лидию, Кир двинулся к побережью. Сопротивление ионийских городов, действовавших разобщенно, было быстро подавлено. Спарта, к которой они обратились за помощью, не решилась оказать им военную поддержку. В результате греческие города малоазийского побережья один за другим были вынуждены покориться персам и признать верховную власть персидского царя. Вскоре персы захватили и Самос (правитель которого, Поликрат, был казнен ими и распят на кресте), распространили свою власть на некоторые другие близлежащие острова и утвердились на берегах Геллеспонта. Жизненно важная для греков морская торговля с причерноморскими странами оказалась, таким образом, под постоянным контролем персов. К тому же персидские цари проводили политику поощрения торговой деятельности финикийцев — злейших торговых соперников греков.

Чтобы упрочить свое господство в греческих городах малоазийского побережья, персы стали вмешиваться во внутренние дела этих городов, навязывать им своих ставленников из среды местной аристократии. Эти правители жестоко подавляли в подвластных им городах демократическое движение. Они были не за страх, а за совесть преданы персидскому царю, так как без его поддержки не смогли бы удержаться у власти. По свидетельству Геродота, *Гистией*, поставленный Дарием I правитель одного из самых крупных малоазийских городов, Милета, открыто говорил, что «в случае падения могущества Дария, как ни он сам не будет в состоянии сохранить власть над милегтянами, так и никто другой ни над кем, так как каждый город предпочтет господству тирана власть демократии»¹.

Для дальнейшего развития событий существенное значение имел поход, предпринятый Дарием I в 514—513 гг. через Фракию в Западное и Северное Причерноморье, — скифский поход Дария. Персидский царь стремился овладеть Фракией и богатыми хлебом черноморскими побережьями. Это укрепило бы господство персов над берегами Геллеспонта и малоазийскими го-

¹ Геродот, IV, 137.

родами и усилило их влияние на города материковой Греции. Кроме того, воинственные скифские племена, по свидетельству Геродота¹, с давних пор совершали опустошительные набеги на Мидию, и, следовательно, Дарию необходимо было обезопасить от них северные границы своего царства.

В походе приняли участие разноплеменные сухопутные войска и сопровождавший их флот. Самосский грек, архитектор *Мандрокл*, построил мост через Боспор, по которому войска Дария перешли на европейскую сторону. Персы, несмотря на сопротивление фракийских племен, пересекли Фракию. Для переправы через Дунай был сооружен еще один мост. Охрану моста Дарий поручил участвовавшим в походе грекам.

Вторгнувшиеся в пределы Скифии персидские войска не были подготовлены к длительному походу; между тем скифская конница не давала им покоя, завлекая их в глубь степей. Армия персов двигалась по ненаселенной местности, опустошенной отступавшими скифами, не встречая главных сил врага. По Геродоту, поход продолжался два месяца. Ктесий говорит о 15-дневном походе. В результате скифской тактики войска Дария оказались в тяжелом положении: начались перебои в снабжении войск продовольствием и голод. Бессмысленно было продвигаться дальше в поисках неуловимого противника по опустошенной стране, и Дарию пришлось повернуть обратно, бросив раненых, больных и истощенных.

Таким образом, скифский поход Дария закончился полной неудачей. Военный престиж персидской державы оказался подорванным в глазах ее многочисленных подданных, что создавало угрозу серьезных осложнений в различных частях царства. Правда, вернувшись со своими главными силами в Азию, Дарий оставил в Европе полководца *Мегабаза*, который должен был завершить покорение фракийских племен, населявших прилегающие к Геллеспонту территории. После долгой борьбы эти племена были вынуждены подчиниться персам. Признал власть персидского царя и царь соседней с Фракией Македонии, Аминта. Путь для дальнейших завоеваний в Балканской Греции для персов был открыт.

Постоянные раздоры между греческими городами облегчали решение этой задачи, давая персам повод для вмешательства во внутренние дела греков. Так, когда против Афин выступила Спарта, Клизфен обратился к персам. За военную помощь он был готов признать власть персидского царя над Афинами и дать ему в знак покорности «землю и воду». Однако, как мы знаем, афинское народное собрание не утвердило этот договор. Большая часть полноправного населения греческих городов дорожила своей независимостью и свободой и готова была с

¹ Там же, I, 103—106.

оружием в руках защищаться от угрозы персидского порабощения.

Подобная позиция греков объяснялась и экономическими причинами. Захват персами побережья Фракии и Геллеспонта оказал губительное влияние на греческую торговлю не только на Черном, но и на Эгейском море. Острое недовольство вызывала проводимая Дарием политика покровительства финикийским торговцам, вытеснявшим греческих со средиземноморского рынка. Кроме того, после завоевания персами Египта (525 г.) греки не могли развивать торговлю и в этой стране.

Властью персов особенно тяготились жители ионийских городов на побережье Малой Азии. Здесь недовольство усугублялось налоговой политикой Дария — увеличением налогов, взимаемых при помощи откупщиков, обременительными повинностями, самовластием посаженных Дарием правителей-тиранов. Еще во время скифского похода некоторые предводители ионийских отрядов, входивших в состав войск Дария, готовы были открыто выступить против него. После военных неудач Дария они собирались разрушить мост через Дунай, чтобы затруднить ему отступление. В последующие после похода годы обстановка еще более накалилась. При таких обстоятельствах в 500 г. на побережье Малой Азии вспыхнуло восстание ионийских греков. Восстание началось в Милете и сразу же было поддержано всеми другими ионийскими городами. Тираны — персидские ставленники — повсеместно были свергнуты восставшим демосом, повсюду пришли к власти демократические правительства.

В предвидении неравной борьбы с персидской державой, военные силы которой во много раз превышали силы восставших, они обратились с призывом о помощи к европейским грекам. Но на этот призыв откликнулись лишь Афины, пославшие в Ионию двадцать своих кораблей, и Эретрия на Эвбее, направившая пять кораблей.

Сначала восставшие имели успех; им удалось даже опустошить и разрушить резиденцию персидского сатрапа в Малой Азии — Сарды. Но в битве под Эфесом греки потерпели поражение, а в 494 г. в результате измены самосцев были наголову разбиты в морском сражении у острова Лады, близ города Милета. Это решило участь Милета, который в том же году был взят штурмом и полностью разрушен. Большая часть его жителей была перебита или продана в рабство. Падение Милета, знаменовавшее конец восстания, произвело сильнейшее впечатление на всех греков. Афинский поэт *Фриних* посвятил этому событию трагедию «Взятие Милета». Когда она шла в афинском театре, зрители рыдали, потрясенные судьбой Милета. Участь Милета вскоре в той или иной мере разделили и другие греческие города. К лету 493 г. восстание было окончательно подавлено. Неудачу этого восстания можно объяснить не только воен-

ным перевесом персов, но и предательским поведением ионийской аристократии, часть которой была заинтересована в сохранении персидского владычества.

Ионийское восстание показало персидскому правительству, что оно лишь тогда может быть спокойным за свои малоазийские владения, если и европейские греки ему покорятся. Как ни мала была помощь, оказанная Афинами и Эретрией восставшим ионянам, персы использовали ее как предлог для войны против материковой Греции. Летом 492 г. полководец и зять Дария I, Мардоний, с многочисленным войском, усиленным флотом, предпринял поход на Балканскую Грецию вдоль фракийского побережья. Когда сухопутные силы Мардония приближались к Халкидскому полуострову и его флот стал огибать Афонский мыс, корабли попали в сильный шторм. Около 300 кораблей и экипажи погибли в море. После этого Мардоний решил повернуть назад. Неудачный поход Мардония вошел в историю греко-персидских войн под названием *первого похода персов на Грецию*.

На следующий год Дарий направил своих послов в различные города европейских греков с требованием «земли и воды» — знаков признания верховной власти персидского царя. Многие греческие города удовлетворили это требование. В памяти греков еще была свежа расправа персов на ионийском побережье. Кроме того, в некоторых городах, например Фессалии и Беотии, большим политическим влиянием пользовалась аристократия, настроенная в пользу персов; с помощью и при поддержке персидского царя она рассчитывала сохранить свою власть над демосом. Только в Афинах и Спарте дипломатический ход Дария не увенчался успехом. В этих городах царские послы были убиты; спартанцы бросили их в колодезь, чтобы они могли взять столько земли и воды, сколько им нужно.

В 490 г. персы предприняли свой второй поход на Европейскую Грецию, который носил характер большой десантной операции. Сосредоточенные на побережье Киликии персидские войска под командованием *Датиса* и племянника Дария — *Артаферна* были посажены на корабли. По пути персы опустошили Наксос и высадились на острове Эвбее, где овладели городами Каристом и Эретрией. Большая часть жителей Эретрии была перебита или обращена в рабство, а город разрушен. После этого персы переправились через пролив, отделяющий Эвбею от побережья Аттики, и по совету участвовавшего в этом походе бывшего афинского тирана Гиппия высадились близ Марафона, расположенного в 40 километрах от Афин.

Над афинянами нависла смертельная опасность. Они обратились за помощью к спартанцам, но безрезультатно — те предпочли занять выжидательную позицию. Афиняне смогли выставить 10 тысяч тяжеловооруженных воинов и еще тысячу воинов,

высланных им на помощь Платеями, небольшим беотийским городом, расположенным у самой границы Аттики. Точными данными о численности высадившихся у Марафона персидских сил мы не располагаем, ибо Геродот приводит явно преувеличенные данные; следует все же думать, что персов было не меньше, а, видимо, больше, чем греков. При таких условиях, казалось бы, афинянам было выгоднее остаться в городе под защитой его стен. Тем не менее на совете афинских стратегов было принято решение выйти навстречу врагу и дать ему сражение в Марафонской долине. Это решение было обусловлено не столько военными, сколько политическими соображениями. В Афинах находилось немало аристократов и бывших сторонников Писистрата, недовольных существующим строем. Если бы эти люди перешли на сторону врага во время осады, это могло бы привести к очень опасным для защитников города последствиям.

Сражение при Марафоне произошло 13 сентября 490 г. Геродот пишет, что афиняне и персы несколько дней стояли друг против друга, прежде чем началась битва. Афинское ополчение возглавляли десять стратегов, среди которых были будущий основатель Афинского морского союза *Аристид* и бежавший в Афины от персов бывший афинский правитель Херсонеса Фракийского *Мильтиад*.

Обычно афинские стратеги командовали войском по очереди, каждый по одному дню. Но под Марафоном все они согласились передать командование Мильтиаду, лучше всех знакомому с военными приемами и тактикой персов. Накануне битвы греки занимали хорошо укрепленную позицию, на возвышенности, фланги которой были защищены от нападения конницы поваленными деревьями.

Персы были заинтересованы в решающем сражении, чтобы разбить греков и открыть себе путь на Афины. Однако они опасались первыми атаковать позицию, занятую афинянами на возвышенности, так как не смогли бы использовать свою конницу, и, следовательно, лишились бы важного для них военного преимущества. Афинские же стратеги не хотели вывести свои войска на равнину, где вражеская конница могла нанести им сокрушительный удар. И все же первыми начали сражение греки. К этому побудили их опасения за свой тыл. Геродот вкладывает в уста Мильтиада следующую речь на военном совете: «Если мы не дадим сражения, то я уверен, что сильная смута постигнет умы афинян и склонит их на сторону персов; если же мы вступим в бой, прежде чем обнаружится раскол в среде афинян, то с помощью справедливых богов мы можем выйти из сражения победоносно»¹. Таким образом, греки оставили

¹ Геродот. VI, 109.

свои укрепленные позиции на возвышенности и, спустившись на равнину, атаковали персов.

По рассказу Геродота, Мильтиад, опасаясь охвата с флангов, растянул свой боевой строй, стремясь к тому, чтобы его длина равнялась длине боевой линии персов. Поэтому греческий строй, и особенно его центр, был ослаблен и не имел достаточной плотности и глубины. Построенное таким образом греческое войско двинулось навстречу персам. Основная масса персидской пехоты состояла из лучников, стрелы которых особенно эффективно пора-

жали на расстоянии приблизительно 100 метров. Поэтому Мильтиад приказал своим воинам последние 100 метров, отделяющие греков от персов, пробежать бегом, чтобы сократить время, которое они должны были находиться под обстрелом.

Геродот рассказывает, что персы построили специальные корабли для перевозки лошадей и выбрали для высадки десанта Марафонскую равнину именно потому, что это было удобное место для конной атаки. Однако Геродот ничего не сообщает о действиях персидской конницы во время Марафонского сражения. Почему же персидские всадники не напали на греков с флангов? Источники не упоминают и о захвате греками персидских коней, хотя военная добыча греков перечисляется в них довольно подробно. Некоторыми учеными нашего времени было высказано предположение, что персы еще до начала битвы погрузили своих лошадей на корабли и поэтому их конница не могла принять участие в сражении. Более вероятной представляется другая точка зрения. По-видимому, персидские всадники находились не на флангах боевой линии, а в центре и поэтому не могли охватить наступающую греческую фалангу с боков. Именно в центре атака греков захлебнулась, а персы, перейдя в контрнаступление, прорвали середину афинской боевой линии. Однако на флангах, где афинские тяжеловооруженные гоплиты сражались с персидскими легковооруженными стрелками, греки одержали полную победу. И персы, уже одолевавшие врага в центре, были вынуждены поспешно отступить. Греки энергично преследовали их до самых кораблей и семь из

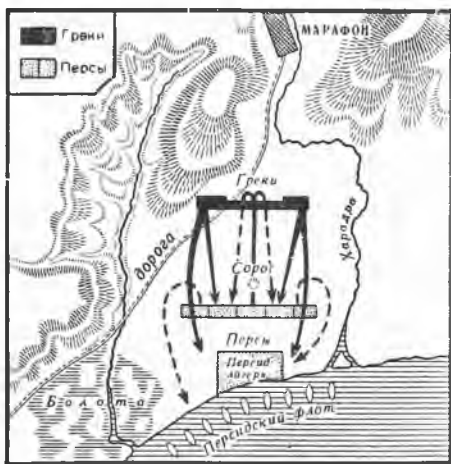

Схема сражения при Марафоне
(490 г. до н. э.)

них захватили. По данным Геродота, видимо, несколько преувеличенным, персы оставили на поле боя 6400 человек, тогда как потери афинян и их союзников-платейцев исчисляются всего 192 воинами.

После того как корабли персов отошли от марафонского берега, они, по рассказу Геродота, обогнули мыс Суний и направились в Саронический залив, чтобы высадиться на побережье Аттики и врасплох овладеть Афинами. Однако афинские стратеги разгадали намерения врага. Форсированным маршем они перебросили свои войска из Марафонской долины к Афинам. Когда персы приблизились к берегу, они увидели, что греки готовы вступить с ними в новое сражение. Тогда персы предпочли уйти в море. Победа афинян, сражавшихся за свободу и независимость своей родины, и их союзников-платейцев была полной. Считавшиеся непобедимыми персидские войска были разбиты и обращены в бегство. Эта победа продемонстрировала превосходство греческого вооружения и тактики над тактикой и вооружением персов.

Моральное значение марафонской победы очень велико. Она произвела огромное впечатление на всех греков, вернула им веру в свои силы.

Грекам не приходилось сомневаться в том, что им предстоит гораздо более серьезные военные испытания, ибо трудно было себе представить, что персы под влиянием неудачи в Марафонской битве отказались от своего плана подчинить Европейскую Грецию. Новый поход на Грецию они, однако, оказались в состоянии осуществить только через десять лет. В персидском тылу было неспокойно: большое восстание вспыхнуло в Египте, и серьезные волнения начались в Вавилонии. Сыну и наследнику умершего в 486 г. Дария, *Ксерксу*, пришлось потратить немало времени, пока в его государстве не водворилось относительное спокойствие. Только после этого он возобновил приготовления к большому походу против греков, закончившиеся лишь к весне 480 г.

Греки почти не использовали десятилетнего перерыва в военных действиях. Между греческими государствами продолжались нескончаемые раздоры, внутри городов — ожесточенные столкновения между различными политическими группировками. Только когда военные приготовления Ксеркса были почти закончены и даже наведены мосты для переправы персидской армии через Геллеспонт, греки начали спешно готовиться к отражению нашествия. Спарта заключила с Афинами договор о совместных действиях против персов. В 481 г. к этому союзу примкнули некоторые другие полисы. Таким образом, в состав оборонительного союза вошло 31 греческое государство. Однако значительная часть греческих городов по-прежнему признавала верховную власть персидского царя.

Так как Спарта, стоявшая во главе объединения пелопоннесских городов, была самым сильным на суше и влиятельным членом нового союза, то верховное командование союзными войсками было предоставлено спартанцам. Даже во главе флота антиперсидской коалиции был поставлен спартанец, хотя наиболее многочисленную и лучшую часть союзной эскадры составляли афинские корабли.

Могущество Афин на море особенно возросло после проведения в жизнь так называемой *морской программы*. Вождем группировки, выдвинувшей эту программу, был *Фемистокл* — архонт 493—492 гг. Фемистокл решил усилить морскую мощь Афин, построив флот из новых боевых трехпалубных кораблей — триер. Для этого он предложил использовать получаемые от Лаврийских серебряных рудников доходы, которые ранее делились между гражданами.

Осуществление этой программы сопровождалось обострением политической борьбы. Дело в том, что ядро афинского сухопутного ополчения состояло из граждан, принадлежавших в соответствии с делением Солона к трем первым имущественным разрядам. В афинском же флоте служили преимущественно малосостоятельные граждане — городская беднота, относящаяся к четвертому имущественному разряду — фетам. Превращение флота в основную военную силу государства при таких условиях неизбежно должно было усилить влияние неимущих и малоимущих слоев афинского гражданства в политической жизни, что ущемляло интересы крупных афинских рабовладельцев и землевладельцев.

Главой враждебной Фемистоклу группировки становится Аристид. Аристиду поддерживали не только наиболее богатые афинские рабовладельцы и землевладельцы, но и значительная часть аттического крестьянства, боявшаяся вторжения врага с суши и поэтому разделявшая выдвинутую Аристидом программу сухопутной обороны. Между обеими группировками разгорелась борьба. Победителями из нее вышли Фемистокл и его единомышленники, добившиеся в 483 г. изгнания Аристиды при помощи остракизма.

После этого афиняне, реализуя морскую программу Фемистокла, в течение двух с небольшим лет построили 180 триер и стали располагать самым многочисленным и сильным флотом в Греции.

Создание такого флота превращало Афины в могущественную морскую державу на Эгейском море, способную поспорить даже с «господами морей» — финикийцами. «Фемистокл, — пишет Плутарх, — начал постепенно приохотивать сограждан к занятию мореплаванием, внушать им любовь к морю. По его мнению, они не имели основания рассчитывать на успех в сухопутной войне даже с соседями, между тем как при помощи

флота они могли не только защищаться от нападения персов, но и сделаться владыками всей Греции»¹. В конце концов Фемистокл, обладавший незаурядной энергией, достиг поставленной цели. Ему удалось превратить своих сограждан из стойких гоппитов в моряков. Враги Фемистокла потом обвиняли его в том, что он «отнял у своих сограждан копье и щит и приковал афинян к скамьям и веслам».

При Фемистокле же начала отстраиваться новая *военная и торговая гавань Пирей* с примыкавшими к ней верфями.

Победу политики Фемистокла можно рассматривать как победу четвертого имущественного класса Афин, т. е. наименее обеспеченных афинских граждан — фетов, из которых преимущественно состоял экипаж афинского военного и торгового флота. Предшествующий ход экономического и политического развития Афин предрешал превращение их в морское государство. При этих условиях афинский флот стал играть большую роль, чем гопплитская сухопутная фаланга.

События ближайших лет доказали правильность политики Фемистокла. «Он после самого краткого размышления был вернейшим судьей данного положения дел и лучше всех угадывал события самого отдаленного будущего»², — так характеризует Фемистокла Фукидид.

3. Поход Ксеркса

В 480 г. до н. э. персы предприняли новый поход на Грецию. Преемник Дария I, его сын *Ксеркс* (485—465 гг.), готовился к этому походу в течение нескольких лет и собрал огромную армию, с которой он двинулся к Геллеспонту; перейдя Геллеспонт, Ксеркс направился к реке *Гебр* (Марица). Здесь был проведен смотр и подсчет армии. Геродот сообщает, что в армии Ксеркса одной только пехоты насчитывалось 1700 тысяч человек. Вместе же с конницей, морским экипажем, греческими наемниками и обозом персидское войско состояло, по Геродоту, из 5 283 220 человек. Флот, по словам Геродота, состоял из 1207 судов. Хотя многие историки, в особенности школа Дельбрюка, значительно уменьшают приводимые Геродотом цифры, все же большой численный перевес персидской армии над греческой не подлежит никакому сомнению. Армия Ксеркса состояла из представителей самых различных племен и народностей, говоривших на разных языках и наречиях. В состав ее входили и персы, и ассирийцы, и арабы, и фракийцы, и инды, и другие подвластные персидскому царю народности. В армии Ксеркса они продолжали сохранять свое вооружение, свою

¹ Плутарх, *Биография Фемистокла*, 4.

² Фукидид, I, 138.

одежду и свой военный строй. Чтобы облегчить этой огромной армии продвижение вдоль побережья Фракии и снабжать войско всем необходимым, на его пути были созданы укрепленные базы. В самом узком месте далеко выступающего в море мыса Акте прорыли канал для того, чтобы сопровождавший сухопутные войска Ксеркса флот мог благополучно пройти опасное место у Афона, где в 492 г. во время шторма погибла большая часть кораблей Мардония.

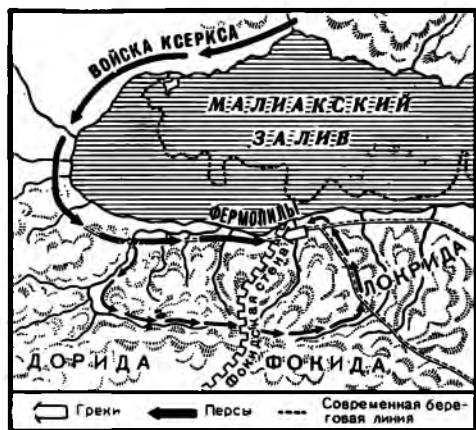
В Греции Ксеркс вместо раздробленных сил отдельных городов, как это было во время похода Датиса и Артаферна, нашел большую союзную армию и сильный флот, хотя далеко не все греческие государства стояли за решительную борьбу с персами. Фессалия и Беотия, например, выступали на стороне персов, а Аргос сохранял нейтралитет.

Греческое командование первоначально предполагало встретить персов в *Темпейской долине*, на северной границе Фессалии. Однако от этого плана пришлось отказаться, так как нельзя было надеяться на верность фессалийской аристократии. После этого решено было дать персам бой одновременно на суше и море у входа в Среднюю Грецию. Сухопутная армия должна была быть сконцентрирована у *Фермопильского ущелья*, открывавшего единственный путь в Среднюю Грецию, а флот должен был стоять у мыса *Артемисия*, на северной оконечности острова Эвбеи. Но и этот план не удался. Афинский флот выполнил свою задачу, но спартанцы прислали всего несколько сот человек во главе с царем *Леонидом*, который командовал союзным войском греков. Отряды Ксеркса неоднократно атаковали защитников Фермопил, тщетно пытаясь прорваться в Среднюю Грецию. После нескольких безуспешных попыток персы нашли грека-изменника, который показал им обходную горную тропу, и персидский отряд вышел в тыл за-

Леонид. Мрамор (около 480 г. до н. э.)

щитникам Фермопильского прохода. Когда царь Леонид узнал об этом, он понял, что дальнейшее пребывание греческих войск у Фермопил бессмысленно, и приказал им отступить; сам же с

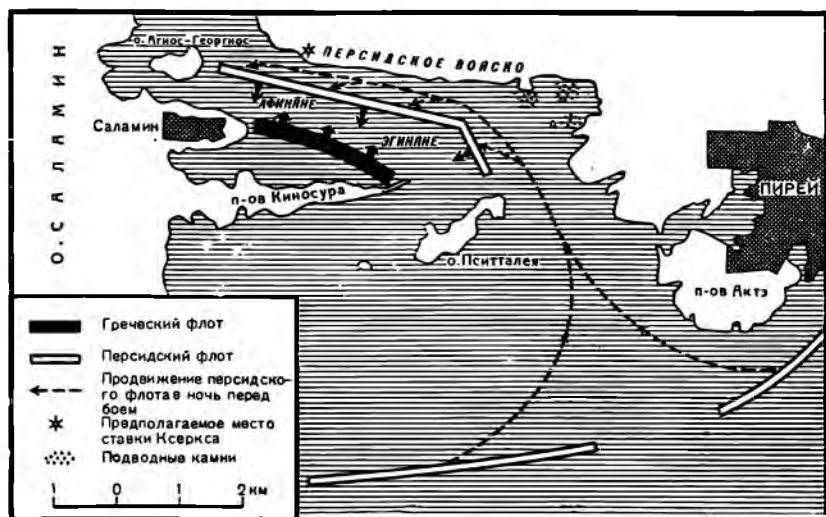
План битвы при Фермопилах
(480 г. до н. э.)

300 спартанскими воинами (к которым добровольно примкнул еще небольшой отряд воинов из Феспии) остался в Фермопилах, прикрывая отход основных сил. Окруженные со всех сторон врагами, спартанцы мужественно сражались и пали вместе с Леонидом на поле битвы. На месте сражения в Фермопилах был воздвигнут памятник—каменный лев—с многозначительной надписью: «Странник, весть отнеси всем гражданам Лакедемона: честно исполнив закон, здесь мы в могиле лежим».

Одновременно с Фермопильской битвой происходила морская битва при Артемисии. Бой с переменным успехом продолжался два дня, но, когда стало известно о падении Фермопил и судьбе Леонида, греческий флот отплыл в Саронический залив, к острову Саламину.

Прорвавшись через Фермопилы, персидская армия хлынула в Среднюю Грецию. Атика была опустошена, Афины разгромлены, разграблены и сожжены. Жители Атики и Афин заранее переселились на острова, частью на Саламин, частью на Эгину и побережье Пелопоннеса. Беотия и другие области Средней Греции подчинились персам.

После этого оставалась единственная надежда на флот. Но здесь мнения спартанцев и афинян радикально расходились. Спартанцы настаивали на защите берегов Пелопоннеса, а Фемистокл требовал сосредоточить все морские силы около острова Саламина, мотивируя свой план тем, что персы не могли развернуть флот в узком проливе. История и на этот раз подтвердила правильность точки зрения Фемистокла. В 480 г. произошел морской бой между греками и морскими силами Ксеркса в проливе между островом Саламином и побережьем Атики. Сражение началось наступлением персидского флота. Разделив свой флот на две части, Ксеркс двинул их на противника с двух концов Саламинского пролива, в котором стоял флот греков. На сравнительно узком морском пространстве, ме-

Саламинская битва (480 г. до н. э.)

жду берегом и островом Саламином, разыгралось ожесточенное сражение. Из-за узости пролива и незнания фарватера персы не смогли использовать численный перевес своего флота. При этом их корабли были больше греческих и менее способны к маневрированию. В результате стремительного натиска греков боевой порядок персидских кораблей был нарушен. В тесном пространстве залива персидские корабли насккивали друг на друга. К наступлению ночи персидский флот был разгромлен и большая часть кораблей уничтожена.

Для персов разгром у Саламина был тяжелым ударом. Правда, у Ксеркса оставалось еще большое и вполне боееспособное сухопутное войско, но возникала опасность того, что связь его с тылом прервется. Кроме того, весть о крупном поражении персидского флота легко могла вызвать волнения внутри персидского государства. Руководствуясь этими соображениями, Ксеркс решил вернуться в Азию. Лишь часть своего войска под начальством Мардония он оставил в Фессалии, чтобы на следующий год возобновить военные действия против греков.

На современников саламинская победа произвела не меньшее впечатление, чем марафонская. Это была первая крупная победа греков на море. Драматург Эсхил, современник и участник Саламинской битвы, прославил ее в своей драме «Персы».

Вперед, сыны Эллады!
Спасайте родину, спасайте жен,
Детей своих, богов отцовских храмы,
Гробницы предков: бой теперь идет за все!¹

¹ Эсхил, *Персы*, 402—405.

...Всюду бой кипел.
Сперва стояло твердо войско персов,
Когда же сгучились суда в проливе,
Дать помощи друг другу не могли
И медными носами поражали
Своих же,— все тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругом их... И тонули корабли.
И под обломками судов разбитых,
Под кровью мертвых — скрылась гладь морская.
Покрылись трупам убитых скалы
И берега, и варварское войско
В нестройном бегстве все отплыть спешило ¹.

Перезимовав в Фессалии и получив новые подкрепления, Мардоний в 479 г. двинулся в Аттику, опустошил ее и вновь занял Афины. Войска греческих союзников, возглавляемые опекуном малолетнего спартанского царя *Павсанием*, в это время находились на *Истмийском перешейке*. Чтобы закрыть путь врагу в Пелопоннес, греки заняли этот перешеек сразу же после прорыва Фермопил и самое узкое его место перегородили оборонительной стеной. Спарта и ее пелопоннесские союзники были прежде всего заинтересованы в том, чтобы защитить собственную территорию от вторжения персов. Поэтому Павсаний не был склонен покидать свой хорошо укрепленный оборонительный рубеж и переходить в наступление. Только после настоятельных требований афинян и долгих переговоров, опасаясь перехода Афин на сторону врага, в чем очень был заинтересован Мардоний, Павсаний вступил со своими войсками в Среднюю Грецию. В составе этих войск был и большой отряд афинян под командованием Аристиды.

Под давлением греков Мардоний должен был уйти из Аттики в Беотию, где были более благоприятные условия для действий его конницы. Здесь в 479 г. близ *Платей* произошло решительное сражение. При описании этой битвы Геродот по обыкновению сильно преувеличивает численность персидского войска. Более достоверными представляются сообщаемые им сведения о численности греков. По данным Геродота, в греческом войске было 38 700 тяжеловооруженных и 34 500 легковооруженных воинов; кроме того, еще 35 тысяч обслуживавших войско спартанских илотов. По-видимому, персов было столько же или немногим больше.

Опасаясь персидской конницы, греки расположились на склонах Киферона, персы — на прилегающей к Киферону равнине. Конница Мардония атаковала позиции греков, но греки отразили эту атаку с большими для персов потерями. После этого оба противника долго стояли друг против друга, не принимая решительных действий. Мардоний убедился в том,

¹ Там же, 411—418.

Поле битвы при Платеях

что его конница бессильна добиться успеха в условиях горной местности. Греки это тоже хорошо понимали и не хотели спускаться на равнину.

Тогда Мардоний вступил в тайные переговоры с греческими аристократами, готовыми перейти на его сторону, но замыслы аристократов были раскрыты и заговорщики казнены. Чтобы побудить Мардония двинуться в горы и первому начать сражение в неблагоприятных для него условиях, греческое командование направило свой флот, находившийся у острова Делоса, к берегам Малой Азии. Греки рассчитывали таким путем поднять восстание в тылу врага в ионийских городах.

Вскоре решающее сражение у Платей произошло. Персы засыпали единственный источник, снабжавший водой все греческое войско. Оставшись без воды, греки должны были на виду у персов перейти ближе к Платеям, где были источники. Понимая всю опасность этого перехода, Павсаний решил осуществить его ночью. Персы этого и ждали и напали на греков, когда те были на марше. Осыпаемые градом персидских стрел, спартанцы несли тяжелые потери, но продолжали сохранять свой боевой строй. Когда персы подошли к ним на близкое расстояние, спартанцы устремились в контратаку. В последовавшей затем рукопашной схватке пал Мардоний. Боевые

ряды персов были нарушены, и они стали поспешно отступать к своему укрепленному лагерю. Но это не спасло их от поражения. Лагерь был взят подоспевшими афинянами. Остатки разбитого персидского войска в беспорядке бежали в Азию.

После сражения у Платей на территории Балканской Греции не осталось ни одного неприятельского воина. Победителям досталась богатая добыча. Десятая часть этой добычи была передана храмам, а все остальное поделено между воинами, принимавшими участие в сражении.

4. Делосский морской союз

После победы при Платеях было решено справлять общесоюзный праздник освобождения (*элефтерии*) и клятвенно был подтвержден общегреческий союз для продолжения борьбы с персами до полной победы.

В том же 479 году, когда решалась судьба Балканской Греции, произошла морская битва в Малой Азии у *мыса Микале*. Греческий флот, которым командовали спартанский царь *Леотихид* и афинянин *Ксантипп*, отец выдающегося афинского политического деятеля Перикла, напал на остатки персидского флота, сгруппировавшегося у *Микале*, и сжег их. В следующем году греческий флот, возглавляемый Павсанием, выступил против острова Кипра, Византия и других городов, расположенных в районе проливов и остававшихся еще в руках персов. Большинство кораблей принадлежало Афинам и ионийским городам. Заносчивость Павсания и его подозрительные сношения с персидским царем вызвали общее возмущение. Командиры союзного флота даже организовали заговор против него. Дело кончилось тем, что спартанскому правительству пришлось отозвать Павсания. Однако и после этого раздоры между спартанским командованием и союзниками продолжались. В конце концов в 478 г. Спарта вместе со всеми пелопоннесцами вышла из союза. Естественно, что командование флотом оставшихся в союзе греческих городов перешло к самым сильным на море афинянам. После ухода спартанцев большое число греческих городов, связанных с морской торговлей или недавно освобожденных из-под власти персов, продолжали быть жизненно заинтересованными в ведении войны с персидской державой, чтобы закрепить уже достигнутые в борьбе с ней успехи и полностью вытеснить персов из бассейна Эгейского моря. По инициативе этих городов в 478 г. был учрежден новый союз, центром которого был избран остров Делос, поэтому и сам союз получил название *Делосского морского союза*, или Делосской симмахии. Делосский союз представлял собой федерацию независимых греческих государств, объединивших свои

силы для совместной борьбы против Персии. Союзники обязывались поставлять определенное количество людей и материалов для снаряжения общесоюзного флота и содержания войска. Конференции союзников (*синоды*) должны были происходить на острове Де-

Остракон Фемистокла

лосе в храме Аполлона, где находилась и общесоюзная казна, пополнявшаяся регулярными взносами всех членов союза. Формально все члены союза считались равными, однако фактически с самого начала первенство в союзе принадлежало Афинам, флот которых, состоявший из 300 триер, превосходил флот всех остальных союзников вместе взятых.

Для небольших городов непосредственное участие в затянувшейся войне было крайне обременительным. Поэтому они охотно согласились с предложением афинян заменить им непосредственное участие в военных действиях уплатой денежных взносов. Общая сумма взносов союзников в делосскую казну — так называемый *форос* — с самого начала была установлена Аристидом в 460 аттических талантов. На деньги союзников афиняне строили все новые и новые корабли, увеличивая свой и без того сильный флот. В конце концов они достигли безусловного преобладания на Эгейском море. Афиняне начали властно диктовать свою волю союзникам, вмешиваться в их внутренние дела, а при малейшем сопротивлении не останавливались и перед применением военной силы.

В первые годы после изгнания персов из Греции руководящее положение в Афинах по-прежнему занимал Фемистокл. Не рассчитывая на прочность союза Афин со Спартой, Фемистокл отстраивает гавань Пирей и, несмотря на протесты Спарты, возводит вокруг Афин оборонительные стены. Однако деятельность Фемистокла вызвала недовольство враждебной ему олигархической группировки, в которой ведущую роль играли крупные землевладельцы, пользовавшиеся поддержкой Спарты. Кампания против Фемистокла окончилась его остракизмом (471 г.).

Среди афинских вождей в эти годы выдвинулся *Кимон*, сын Мильтиада, победителя при Марафоне. Усовершенствование военной техники и незаурядные способности помогли ему одержать ряд побед как над персами, так и над греческими полисами, не желавшими подчиняться афинской гегемонии.

Кимон начал наступление на персидские владения на фракийском побережье, захватив важный пункт Эйон на реке

Стримоне, служивший ключом ко всему фракийскому побережью. В устье Стримона впоследствии был основан город *Амфиполь*, опорный пункт позднейших афинских поселений на фракийском берегу. Около 469 г. Кимон одержал большую победу над персами у южного берега Малой Азии, у реки Эвримедонта в Памфилии.

Успехи в войне с персами привели к тому, что афиняне начинают все меньше и меньше считаться с интересами своих союзников. Самовластие афинян, естественно, не могло не вызвать недовольства среди остальных членов Делосской симмахии и «варварских» племен, страдавших от афинских захватов и насилий. Не прошло и десяти лет после образования Делосского союза, как недовольство участников этого объединения стало выливаться в открытые восстания. Причиной этих восстаний послужил наплыв во Фракию афинских колонистов, которые захватили все лучшие места по течению реки Стримона, завладели Пангейскими рудниками и грозили перехватить торговлю с севером. В конце концов Кимону удалось подавить восстание на Наксосе и Фасосе, более других ущемленных действиями афинян.

Все это чрезвычайно подняло политический престиж Кимона, из года в год избиравшегося на должность первого стратега.

Политика Кимона в отношении союзников весьма типична для правителей античных рабовладельческих государств. Он был предупредителен к ним, говорит Плутарх, если они занимались своими мирными делами и земледелием и не вмешивались в политику. Он очень охотно освобождал их от военной службы, разрешал оставаться дома «и превращаться благодаря своей роскошной жизни и глупости из солдат в мирных земледельцев и купцов». Афиняне же Кимон всячески принуждал к военной службе и связанным с ней лишениям, делая из земледельцев и ремесленников солдат. «Находясь постоянно в плавании, всегда с оружием в руках, афиняне получали в своих походах военное воспитание и подготовку вследствие нежелания союзников служить; поэтому те, приучившись бояться афинян и льстить им, незаметно превратились из союзников в данников и рабов»¹.

Так закладывались основы великодержавной политики Афин и протекал процесс постепенного превращения Делосского союза из объединения равноправных и независимых государств в морскую державу афинян.

Война с Персией продолжалась еще много лет после образования Делосского союза. Она носила характер отдельных морских походов и сражений, предпринимаемых главным об-

---

¹ Плутарх, *Биография Кимона*, 11.

разом по инициативе греков и часто отделенных друг от друга большими промежутками времени. То затихая, то вновь возобновляясь, военные действия продолжались вплоть до 449 г. В этом году греки одержали над персами еще одну крупную победу в сражении у города Саламина на острове Кипре. Вскоре после этого сражения, в том же 449 году, был заключен *Каллиев мир*, названный так по имени участвовавшего в мирных переговорах афинского уполномоченного *Каллия*. Переговоры эти происходили в столице персидского царя, в Сузах, куда прибыло греческое посольство. По условиям мирного договора персидский царь должен был отказаться от попыток утвердить свою гегемонию на Эгейском море, в Геллеспонте и Боспоре и признать независимость греческих городов на побережье Малой Азии.

Так закончилось одно из самых значительных в истории древнего мира военных столкновений между эллинами и гигантской по масштабам той эпохи восточной рабовладельческой деспотией. Конечную победу греков в этом столкновении можно объяснить рядом исторических причин. Прежде всего на стороне греков было огромное моральное преимущество: они сражались за свободу и независимость своей родины, тогда как войска персидской державы состояли из принудительно набранных воинов, совершенно безразличных к исходу войны, в которой они были вынуждены участвовать. Не меньшую роль сыграла военная техника и военная тактика греков.

На стороне греков были и социально-экономические преимущества: ко времени греко-персидских войн уровень социально-экономической жизни греческих городов был значительно выше уровня жизни большей части населения персидской державы. Для подавляющего большинства ее подданных власть персидских царей была тяжелым бременем, тормозившим нормальное развитие производительных сил.

Греко-персидские войны оказали влияние не только на собственно Грецию, но и на Великую Грецию, и на Сицилию, где в это же время сложилась *Сицилийская держава* с центром в городе Сиракузах.

Держава эта возглавлялась единоличными правителями-тиранами. Сицилийские тираны опирались на крестьян, выступавших против *гаморов* (крупных собственников), и с их помощью достигали власти.

Из всех сицилийских тиранов наибольшей популярностью в V в. пользовались сиракузские тираны *Гелон* и его брат *Гиерон*. Гелон и его тесть Ферон, тиран Акраганта, распространили свою власть на большую часть греческих колоний Сицилии. Изгнанный Фероном тиран города Гимеры обратился за помощью к карфагенянам. Это послужило поводом для вторжения карфагенских войск.

В 480 г., т. е. в год Саламина, Гелон одержал крупную победу при Гимере над карфагенянами, стремившимися к гегемонии в водах западной части Средиземного моря. Победа над Карфагеном принесла сицилийскому тирану огромную контрибуцию в две тысячи талантов, массу рабов и другой добычи.

Военная добыча и последовательно проводимая фискальная политика давали сиракузским тиранам средства для великолепных построек, расточительных празднеств и содержания блестящего двора. Гиерон приглашал в Сиракузы лучших писателей, поэтов и художников из всех городов Греции. В прославлении правящего дома соперничали все тогдашние знаменитости — поэты Симонид, Пиндар, Эсхил и др. Всех осмеливавшихся противоречить «первым архонтам», как скромно называли себя тираны, немедленно изгоняли из Сиракуз, продавали в рабство или же отправляли на принудительные работы в каменоломни.

Приданию внешнего блеска сицилийской тирании способствовали удачные войны, являвшиеся стержнем сицилийской политики. Успешная война приносила добычу, рабов и новые территории, необходимые для наделения воинов землей и выведения колоний. Наоборот, неудачная влекла за собой государственные перевороты — реставрацию демократического строя.

В V в. сиракузским тиранам удалось подчинить своему влиянию города Великой Греции и нанести решительный удар этрусскому флоту близ Кум (474 г.).

ГЛАВА X

ПЕРИКЛ И АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

1. Борьба партий и внешняя политика Афин в первой половине V в. до н. э.

И в годы греко-персидских войн и после заключения мира с Персией в Греции не прекращались борьба и соперничество между отдельными греческими городами-государствами и группировками этих государств, возглавляемыми Афинами и Спартой. При этом внешнеполитические отношения между греческими государствами переплетались и были тесно связаны с происходившей внутри этих государств напряженной борьбой между различными политическими группировками. Во всех греческих государствах того времени существовали сторонники демократического строя, требовавшие сосредоточения верховной государственной власти в руках большинства граждан, организованных в народное собрание, и сторонники олигархии (буквально «власти немногих»), отстаивавшие такой порядок, при котором властью и политическим влиянием в государстве

мог пользоваться только узкий круг состоятельных или родовитых граждан.

Само собой разумеется, что в обоих случаях в принципе речь может идти лишь о двух типах *рабовладельческого государства*. В рабовладельческую эпоху правами граждан в греческих государствах пользовалось лишь привилегированное меньшинство населения. Ни женщины, ни проживавшие в пределах полисной территории выходцы из других греческих общин (в Афинах, как мы знаем, они назывались метеками) никакими гражданскими правами не обладали, не говоря уже о совершенно бесправных рабах. «Рабовладельческие республики,— указывает В. И. Ленин,— различались по своей внутренней организации: были республики аристократические и демократические. В аристократической республике небольшое число привилегированных принимало участие в выборах, в демократической — участвовали все, но опять-таки все рабовладельцы, все, кроме рабов»¹.

По своим историческим последствиям исключительно большое значение в истории древней Греции имело утверждение в Афинах в середине V в. до н. э. государственного строя *античной рабовладельческой демократии*. В самом конце VI в., как мы уже знаем, афинский демос в результате длительной и упорной борьбы навсегда уничтожил власть родовой аристократии и ликвидировал пережитки родового строя, тормозившие поступательное развитие производительных сил афинского общества. Однако новый государственный порядок, закрепленный реформами Клисфена, хотя и представлял собой крупную победу афинского демоса, далеко еще не означал утверждения в Афинах демократической (в античном смысле этого слова) формы государственного устройства. Ведущие должности в Афинском государстве и после реформ Клисфена могли занимать только наиболее состоятельные граждане, причисленные к высшим имущественным разрядам в соответствии с классификацией Солона. Из той же среды выбирался ареопаг, продолжавший сохранять свое политическое влияние, и совет пентисот. Очень показательно, что в последовавшие за реформами Клисфена годы и десятилетия в Афинах не было проведено ни одной более или менее радикальной реформы, направленной на повышение жизненного уровня рядовых афинских граждан. Таким образом, реформы Клисфена были лишь первым шагом на пути формирования демократического строя в Афинах. Для его окончательного утверждения потребовались еще десятилетия напряженной борьбы афинского демоса за свои права.

В период греко-персидских войн признанным вождем афинского демоса был Фемистокл. Его «морская программа» явля-

---

¹ В. И. Ленин, *О государстве*, — Сочинения, т. 29, изд. 4, стр. 443.

Общий вид Афинского акрополя

лась по существу политической программой афинской демократии. С увеличением роли флота повышался удельный вес в общественной жизни Афин и тех, кто был с ним непосредственно связан, — афинских моряков, которые относились к наименее обеспеченным гражданам, причислявшимся к четвертому, самому низкому цензовому разряду фетов. Эти же граждане составляли обычное большинство в афинском народном собрании, политическое значение которого при Фемистокле заметно возрастает.

Усиление демократии в таком влиятельном государстве, как Афины, привело к установлению демократических порядков и в ряде других городов Греции. Не без участия афинян утвердился демократический строй в Милете вскоре после его освобождения из-под власти персов. Демократические порядки утвердились также в городах Элиды и Фокиды, в Фивах, Аргосе и Мантинее. В некоторых полисах прежнее родовое деление заменяется территориальным, явно созданным по афинскому образцу. Так, например, в Милете после победы демократии были приняты введенные Клисфеном афинские названия фил.

Однако господство демократов в Афинах продолжалось недолго. После похода Ксеркса усиливается влияние ареопага — оплота афинских олигархов. Опираясь на активную поддержку Спарты, игравшей ведущую роль в антиперсидской коалиции, к власти в Афинах приходит олигархическая группировка. Политический противник Фемистокла — Аристид был возвращен из изгнания. Соединенные усилия афинских сторонников олигархического строя и Спарты привели к тому, что в 471 г. Фемистокл был изгнан из Афин остракизмом. Но и после изгнания Фемистокл не считал свое поражение окончательным. Он знал и видел, что в большинстве полисов Пелопоннеса демократические слои стремятся изменить существующий государственный строй в своих интересах и избавиться от спартанского господства. Для успешной борьбы необходимо было объединить все демократические силы. Поселившись в Аргосе, Фемистокл устанавливает контакты с демократами Пелопоннеса. Даже в самой Спарте нашлись люди, готовые действовать в союзе с Фемистоклом. Источники сообщают, что представитель царского рода Агиадов, Павсаний, герой битвы при Платеях, готовил политический переворот в Спарте. Он стремился свергнуть власть эфоров, привлекая для этого даже илотов. В поисках союзников для борьбы с устоявшимися и обладавшими большой прочностью спартанскими порядками Павсаний вступил в переговоры с персидским царем, возможно, обещав ему ряд уступок за помощь в борьбе. Когда случайно об этом стало известно, эфоры приняли решение об аресте Павсания. Он нашел убежище в храме Афины Меднодомной. Не смея нарушить

освященное религиозией право убежища, спартанцы по приказу эфоров замуrowали вход в храм, и Павсаний погиб от голода.

Одновременно спартанское правительство воспользовалось этим, чтобы избавиться и от Фемистокла, находившегося в соседнем Аргосе. Эфоры обвинили Фемистокла в том, что он принимал участие в сношениях Павсания с персами. Олигархическое правительство в Афинах потребовало вызова Фемистокла на суд в Афины. Однако у него было достаточно оснований быть уверенным в том, что суд этот превратится в расправу над ним. Поэтому в Афины он не явился и ограничился высылкой туда письменных объяснений. Тогда афинский суд заочно приговорил Фемистокла к конфискации имущества и смертной казни. После этого афинское правительство совместно со Спартой потребовало от Аргоса выдачи Фемистокла. Ему пришлось покинуть Аргос. После долгих скитаний Фемистокл, повсюду преследуемый политическими врагами, вынужден был бежать в Персию и обратиться с просьбой об убежище к персидскому царю. Тот принял его очень радушно и дал ему в управление город Магнесию в Малой Азии. Так закончилась политическая карьера Фемистокла, одного из наиболее выдающихся афинских деятелей того времени.

С 471 г. в Афинах прочно утвердилось правительство олигархов. После смерти Аристиды, последовавшей три года спустя после изгнания Фемистокла, признанным вождем олигархической группировки стал Кимон. Он был ярким поклонником спартанского государственного строя и подражал спартанцам во всем, вплоть до одежды и образа жизни. Даже собственного сына в честь Спарты он назвал Лакедемонием. Как уже говорилось, Кимон был популярен в Афинах благодаря своим выдающимся военным успехам. Чтобы завоевать еще большую популярность, Кимон щедрой рукой раздавал деньги, устраивал праздники и игры, на собственные средства возводил общественные здания, украшал город портиками, городскую площадь обсадил платанами, пригородный парк (*Академию*) превратил в великолепную рощу с тенистыми аллеями и т. д. Он открыл двери своего сада и разрешил всем нуждающимся гражданам и метекам рвать плоды и овощи, «а дома у себя приказывал ежедневно готовить обед, хотя и скромный, но достаточный для пропитания многих»¹.

Во внешней политике Кимон стремился к теснейшим контактам со Спартой. Однако сближению Афин и олигархической Спарты препятствовало то, что спартанское правительство с тревогой наблюдало за неуклонным ростом афинского влияния и считало для себя крайне опасным дальнейшее усиление Афин. Поэтому, где только возможно, Спарта старалась осла-

¹ Плутарх, *Биография Кимона*, 10.

бить и подорвать влияние афинян. Так, спартанцы вступили в тесные сношения с Македонией, настроенной в то время враждебно к Афинам. Спартанское правительство спровоцировало в 465 г. восстание против афинян на острове Фасосе. Однако использовать его в своих целях спартамцам не удалось. В 464 г. в Лаконике произошло очень сильное землетрясение. Спартанские илоты воспользовались общим замешательством и подняли восстание против ненавистной им Спарты. Восстание это, известное под названием *Третьей мессенской войны*, быстро охватило всю Лаконику и Мессению. Предпринятая восставшими попытка овладеть городом Спартой, правда, не удалась, но спартанцы не смогли нанести илотам решительное поражение. Восставшие прочно утвердились в Мессении, сделав своим опорным пунктом гору Итому. Спартанцы осадили Итому, но взять ее они не смогли и были вынуждены обратиться за помощью к соседним государствам. Спартанские послы были направлены и в Афины.

Обращение спартамцев вызвало бурные споры в афинском народном собрании. Демократы были решительно настроены против посылки афинских войск в Мессению; лишь с большим трудом Кимону все же удалось убедить афинян послать отряд на помощь спартамцам. Однако появление у Итомы четырех тысяч афинских гоплитов не изменило положения. Более того, спартанское правительство заподозрило афинян в тайных сношениях с восставшими илотами и потребовало отзыва афинского отряда. Таким образом, проводимая Кимоном и его единомышленниками политика сближения со Спартой закончилась полным провалом.

Политические противники Кимона немедленно же воспользовались этим для того, чтобы перейти в решительное наступление. Вождем сторонников демократического преобразования государства в это время был *Эфиальт*. Кимону пришлось выдержать с ним тяжелую борьбу в народном собрании перед высылкой афинского отряда на помощь Спарте. Теперь последовал ответный удар Эфиальта по ареопагу. Против многих членов ареопага были возбуждены судебные процессы по обвинению их во взяточничестве, злоупотреблениях доверием сограждан и т. д. Эти процессы вскрыли перед всеми афинскими гражданами продажность и развращенность представителей этого прежде столь глубоко чтимого всеми афинянами учреждения. Удар по ареопагу оказался смертельным. В 462 г. афинское народное собрание приняло закон, по которому ареопаг лишился всех своих прежних функций и из авторитетнейшего органа государства превращался в простой суд по разбору уголовных преступлений. С политической его ролью было навсегда покончено. Практически это означало, что функции ареопага в политической жизни Афин теперь перейдут к народному

собранию, которое превратится в подлинного носителя верховной государственной власти.

Во время проведения реформы ареопага Кимона в Афинах не было. Возвратившись из похода, он попытался вернуть потерянное, но безрезультатно. В 461 г. Кимона подвергли ostracism. Тогда его единомышленники пошли на крайнее средство: на Эфиальта было организовано покушение, и он был коварно убит из-за угла. Убийцы Эфиальта так и не были найдены и наказаны, хотя, по данным Аристотеля и Плутарха, имя одного из них было известно. Эфиальт был убит потому, что он был «страшен для олигархов и безжалостен к людям, совершавшим преступления против народа»¹.

Убийство Эфиальта не обезглавило движения афинского демоса. Место Эфиальта сразу же занял его единомышленник и соратник *Перикл* — один из самых ярких и одаренных государственных деятелей античной эпохи. Перикл был сыном Ксантиппа, победителя персов в сражении у мыса Микале. По материнской линии он принадлежал к роду Алкмеонидов и был связан родственными узами со знаменитым реформатором Клисфеном.

Новое демократическое правительство Афин во главе с Периклом сразу же и резко изменило курс афинской внешней политики и действовало весьма энергично. Пользуясь тем, что Спарта все еще была занята борьбой с восставшими илотами, укрепившимися на горе Итоме в Мессении, Афины всячески стремятся усилить свое влияние в Греции. Так, они заключили союз с Аргосом, старым соперником Спарты в Пелопоннесе, и стали его активно поддерживать. В войне, вспыхнувшей между Аргосом и Спартой из-за Микен, афинские добровольцы сражались на стороне аргосцев. Война кончилась победой аргосцев, овладевших Микенами. После этого Афины и Аргос помогли древнему аркадскому поселению Мантинее возвести укрепления вокруг города и объединить население окрестных деревень. С этого времени Мантиней становится одним из опорных пунктов афинян в Пелопоннесе.

В 460 г. афиняне снова вмешались в дела Пелопоннеса, оказав военную помощь Мегарам, боровшимся с Коринфом. В Мегарскую область был введен афинский гарнизон. Проникновение туда афинян открывало перед ними торговые пути на Запад. Это не могло не вызвать сопротивления Коринфа, державшего под контролем торговые связи с Сицилией и Италией. К выступившему против афинян Коринфу присоединилась и Эгина, издавна конкурировавшая с Афинами на море. Остров Эгина вел торговлю в основном с Египтом, но усиление

---

¹ Плутарх, *Перикл*, 10.

Афин создавало реальную угрозу того, что и здесь эгинцы будут оттеснены на второй план.

После проникновения афинян в Мегарскую область начались решительные военные действия между Коринфом и Эгиной с одной стороны и Афинами — с другой. Афинский флот, базой которого стали теперь мегарские гавани, нанес союзникам сокрушительное поражение. Афиняне осадили Эгину. Одновременно с этим афинское правительство, понимавшее неизбежность военного столкновения со Спартой, начало постройку так называемых *Длинных стен*, которые должны были соединить Афины с Пиреем. Благодаря постройке этих укреплений Афины становились неприступными с суши, на море же господствовал афинский флот.

Военные и дипломатические успехи, в короткий срок достигнутые Афинами, создавали прямую угрозу спартанской гегемонии в возглавляемом Спартой Пелопоннесском союзе. Хотя сопротивление засевших на Итоме илотов все еще не было сломлено, правительство Спарты принимает решение первым начать военные действия против афинян. Воспользовавшись вспыхнувшей в 457 г. войной между Фокидой и Доридой, спартанцы посылают в Среднюю Грецию почти 20-тысячное войско. Формальным поводом для этого похода было оказание помощи Дориде, считавшейся древней родиной всех дорийцев. Истинная цель появления спартанских войск в Средней Греции состояла в том, чтобы подорвать здесь афинское влияние и оказать военную поддержку Фивам, готовым открыто выступить против Афин. Стоявшая в Фивах у власти аристократия давно уже с неослабевающей тревогой наблюдала за растущей мощью своего ближайшего соседа. С помощью Спарты фиванская олигархия мечтала возродить свою былую гегемонию

Перикл. Герма

над другими беотийскими городами. Но и тут на их пути стояли афиняне, поскольку на них ориентировались те из беотийских городов, в которых была сильна демократия.

Когда в Афинах стало известно о походе спартанцев в Среднюю Грецию, афинское правительство в свою очередь направило в Беотию 14-тысячное войско, в состав которого наряду с афинянами входили их союзники: аргосцы и фессалийцы. Так началась война, длившаяся с перерывами с 457 по 445 г., которую иногда называют *Первой Пелопоннесской войной*.

Первое крупное сражение при *Танагре* закончилось победой спартанцев и полным поражением афинян, которым изменила фессалийская конница: в разгар боя она предательски перешла на сторону врага. Однако афиняне сумели быстро оправиться от нанесенного поражения. Через два месяца после битвы при Танагре афинская армия под руководством *Миронида* вторглась в Беотию и в битве при *Энофитах* разгромила союзников Спарты фиванцев. Вскоре после этого афиняне овладели Эгиной.

К внешнеполитическим успехам Афин в середине 50-х годов V в. до н. э. следует отнести и создание опорного пункта в борьбе против Спарты на северном побережье Коринфского залива, в *Навпакте*. Илоты, осажденные на горе Итоме, вынуждены были сдаться на 10-й год после начала восстания. Однако осажденные выговорили себе право свободного ухода из Пелопоннеса. Афиняне взяли покинувших Пелопоннес илотов под свое покровительство и поселили их на недавно завоеванной ими территории Навпакта, где илоты образовали свое государство. Для оставшихся в Спарте илотов это новое государство было постоянной приманкой, побуждая их к возобновлению борьбы за свое освобождение.

Таким образом, несмотря на победу при Танагре, внешнеполитическое положение Спарты продолжало ухудшаться. Казалось, настал конец почти столетней гегемонии Спарты в Пелопоннесе.

Во внутренней жизни Афин в эти же годы произошли некоторые демократические преобразования. Афиняне, по словам Аристотеля¹, изменили в 457—456 гг. порядок избрания архонтов. Раньше в архонты избирали только представителей высших имущественных разрядов. Теперь эта высокая должность была доступна и зевгитам — третьему и, вероятно, по ценовой разбивке самому многочисленному слою граждан. Как указывает Аристотель², фактически высшие должности могли в этот же период занимать также и беднейшие граждане из разряда фетов. Несколько позже были восстановлены суды по

¹ Аристотель, *Афинская политика*, 26, (1).

² Там же, 7, (4).

лемам, которые были учреждены в интересах крестьян еще Писистратом.

Однако господство сторонников демократического строя в Афинах продолжалось недолго. Серьезные неудачи афинской политики в Египте ослабили Афины и свели на нет достигнутые успехи в борьбе со Спартой. В Египте за несколько лет до описываемых событий началось восстание против персидского владычества. Вождь восставших, ливийский правитель *Инар*, обратился за помощью к Афинам. Афиняне, соблазненные возможностью беспрепятственно получать египетский хлеб, решили поддержать восстание. В Египет было послано 200 афинских боевых кораблей. Афинское войско, соединившись с египетскими повстанцами, нанесло персам сокрушительный удар. Остатки персидской армии укрепились в Мемфисе. Осада этой твердыни, предпринятая совместно афинянами и египтянами, велась очень вяло. Между тем персидский царь собрал новое войско и направил его в Египет. Афиняне и их союзники, осаждавшие Мемфис, потерпели тяжелое поражение. Большая часть афинского войска и значительная часть кораблей были уничтожены. «Великий поход», как его называет Фукидид, закончился катастрофой. Снова над Грецией нависла угроза персидского нашествия. Опасность была настолько реальной, что казна Афинского морского союза в том же году была перевезена с Делоса в Афины (454 г.).

Военные неудачи подорвали авторитет демократических деятелей. Существуют веские основания думать, что на некоторое время демократы утратили руководящее положение в Афинах. Во всяком случае мы знаем, что вернувшийся по истечении срока остракизма вождь афинских олигархов Кимон вновь был избран стратегом. Он и его единомышленники считали, что перед лицом «варваров» два сильнейших государства Греции должны забыть свои распри. Противникам демократии это было выгодно и потому, что они всегда могли рассчитывать на поддержку спартанцев в борьбе с демократическим строем в Афинах. Именно деятелям этого направления удалось добиться заключения пятилетнего перемирия между Афинами и Спартой. Спартанское правительство признало оккупацию Афинами Мегариды, а афиняне обязались не поддерживать в дальнейшем демократическое движение в Пелопоннесе. Отказ от борьбы со Спартой привел к тому, что Афины потеряли своего важнейшего союзника в Пелопоннесе — Аргос. Аргосцы не могли продолжать борьбу со Спартой в одиночку и заключили мир со спартанцами на 30 лет.

Для афинской внешней политики это был серьезный удар. Борьба со Спартой диктовалась жизненными интересами Афинской державы, к которой тяготели демократические элементы всей Греции. Прекращение этой борьбы не могло не отразиться

на политическом престиже афинян и не привести к утрате ими союзников в Пелопоннесе и других частях Греции. Ущерб, понесенный Афинами, не мог быть возмещен активизацией войны с Персией, проводившейся под популярным лозунгом «защиты Греции от варваров». Хотя персы, продолжавшие борьбу в Египте, вряд ли намеревались воевать с греками, сторонники Кимона провели в афинском народном собрании решение о посылке нового флота к острову Кипру и в Египет. Кимон во время этого похода умер. Несмотря на одержанную при Саламине на Кипре победу над персами (449 г.), смерть популярного вождя ослабила позиции его единомышленников. Политические противники Кимона, воспользовавшись настроением демоса, добились посылки одного из свойственников Перикла — Каллия для переговоров с персами. Каллиев мир (449 г.) рассматривался сторонниками олигархического строя как измена общегреческому делу. По возвращении на родину Каллий был оштрафован на огромную сумму — 50 талантов.

Это свидетельствует о том, что у власти в Афинах в тот период все еще стояло олигархическое правительство. Вождем олигархов после смерти Кимона стал его зять *Фукидид*, сын Мелесия из дема Алопеки. Однако положение противников демократического строя было крайне неустойчиво. Народное собрание колебалось, кому отдать предпочтение, — каждый день можно было ожидать, что большинство в народном собрании снова окажется на стороне вождей демократии. В Спарте это очень хорошо понимали и с тревогой думали о том, что Афины могут возобновить свою активную внешнюю политику и, стремясь наверстать упущенное, будут пытаться подчинить своему влиянию полисы, еще не вошедшие в Афинский морской союз. О существовании подобных намерений у афинян свидетельствовал намечавшийся вождем демократии Периклом созыв общегреческого конгресса в Афинах. Формально этот конгресс должен был обеспечить свободу мореплавания и восстановить святыни, разрушенные персами, но на самом деле Перикл стремился к превращению Афинского союза в общегреческий. Спартанцы разгадали эти планы и воспротивились созыву конгресса. В результате представители всех греческих городов-государств так и не смогли собраться в Афинах.

Но срывом конгресса антиафинская деятельность спартанцев не ограничилась. Они были убеждены, что только активными действиями можно предотвратить дальнейший рост афинского могущества, и поэтому в 449—448 гг. предприняли новый поход в Среднюю Грецию. Здесь они нанесли удар по союзной с Афинами Фокиде. Это выступление спартанцев, вдобавок еще поддерживавших все антиафински настроенные слои населения Беотии, окончательно открыло глаза афинскому народному собранию. Для подавляющего большинства афинских

граждан стало совершенно очевидным, что проспартанская политика несовместима с интересами Афин. С этого времени власть и руководство внешней политикой Афин на долгое время переходят к Периклу и его единомышленникам.

Хотя вскоре после вторжения спартанцев в Среднюю Грецию афинянам удалось восстановить власть Фокиды над Дельфами, обстановка в Беотии оставалась напряженной. В этой, по преимуществу земледельческой, области Греции поддерживаемые Афинами сторонники демократического строя не имели твердой почвы под ногами. Теперь, когда после похода спартанцев бывшие в изгнании аристократы вернулись в Беотию, афинское влияние стало падать, и большинство беотийских городов отошло от Афин. Как сообщает Плутарх, Перикл считал в этот момент вторжение в Беотию слишком рискованным, но в народном собрании одержало верх мнение другого стратега, *Толмида*. По его настоянию в Беотию против отпавших от афинян городов была отправлена тысяча афинских гоплитов и отряд союзников. Толмид сам возглавил эти силы. Предпринятый им поход, однако, закончился очень неудачно для афинян. В битве при *Коронее* Толмид потерпел тяжелое поражение: часть его отряда была уничтожена, другая часть попала в плен, сам он был убит. После этого Афины были вынуждены в обмен на попавших в плен воинов полностью очистить Беотию. Беотийские города (кроме Платей) вошли в созданный под гегемонией Фив Беогийский союз, настроенный резко враждебно по отношению к Афинам.

Последствия поражения афинян в Беотии не замедлили сказаться. От афинян отпала Эвбея, а в Мегарах произошел олигархический переворот, причем восставшие почти полностью вырезали афинский гарнизон. Афины были поставлены перед необходимостью направить свои войска и на Эвбею и в Мегариду. Тяжелым положением афинян немедленно воспользовались спартанцы, войска которых вступили в Мегариду, чтобы поддержать восставших. Во главе спартанской армии стояли малолетний царь *Плистоанакт* и эфор *Клеандрид*, который фактически и руководил походом. Из Мегариды спартанцы вторглись в Аттику и дошли до Элевсина. Навстречу им афиняне направили спешно вызванные с Эвбеи войска под командованием Перикла. Однако сражения не произошло. Неожиданно для всех спартанцы повернули назад.

Когда спартанское войско вернулось в Спарту, царь и Клеандрид были привлечены к суду, обвинены в получении взятки от афинян и вынуждены были бежать из Лакедемона. Это обвинение вскоре было официально подтверждено. Когда Перикл в афинском народном собрании отчитывался о своей деятельности за истекший год (как это обычно делали афинские стратеги), он сказал, что истратил значительную сумму

государственных денег (10 талантов) «на нужное дело». Присутствующим нетрудно было догадаться, что это за «нужное дело», и понять, что эти 10 талантов спасли афинян от тяжелых военных потрясений.

После ухода спартанских войск из Аттики афиняне довольно легко восстановили свою власть над отпавшей Эвбеей. Часть жителей этого острова была выселена за его пределы, а на принадлежавших им ранее землях поселены афинские граждане — колонисты. Для взаимоотношений, существовавших в то время между Афинами и их союзниками, очень характерен договор афинян с эвбейским городом Халкидой, текст которого в виде надписи дошел до нашего времени. Согласно этому договору, халкидяне должны были поклясться в том, что они «ни делом, ни помыслом, ни словом» не восстанут против Афин, не будут повиноваться тому, кто восстанет, сообщат афинянам, если узнают о готовящемся восстании и будут беспрекословно выплачивать установленный им форос и «защищать афинский народ, если кто-либо нанесет ему обиду». Бросаются в глаза властный тон этого договора и его вопиющее неравноправие.

Описанными выше событиями заканчивается Первая Пелопоннесская война. Афинам удалось сохранить целостность возглавляемого ими Афинского морского союза, а Спарта в конце концов вынуждена была примириться с существованием афинской гегемонии над многими греческими городами. В 445 г. между Афинами и Спартой был заключен договор о тридцатилетнем мире на том условии, что Афины возвратят захваченную ими Мегариду и другие опорные пункты в Пелопоннесе. Из территорий, завоеванных афинянами, за ними оставались только остров Эгина и Навпакт.

Тридцатилетний мир, однако, не мог быть прочным. Вся Эллада распалась на два враждебных друг другу лагеря: возглавляемый Спартой Пелопоннесский союз и Афинский морской союз, фактически представлявший собой морскую державу афинян. Глубокие противоречия разделяли оба эти объединения. В союзных Афинам городах преобладала демократия, в городах Пелопоннесского союза — олигархия. В каждом греческом городе этого времени постоянно происходили острые столкновения между демократическими и олигархическими группировками, вызываемые непримиримыми противоречиями между бедностью и богатством, порожденными рабовладельческим обществом. И в каждом городе, вне зависимости от того, к какому из двух объединений он принадлежал, демократические слои ориентировались на афинян, а сторонники олигархического строя искали поддержки у консервативной Спарты — оплота реакционных течений во всей Греции. При всех этих условиях острое столкновение между объединением греческих

полисов, возглавляемым Афинами, и Пелопоннесским союзом становилось исторически неизбежным. Перикл это прекрасно понимал: чуть ли не сразу же после заключения тридцатилетнего мира со Спартой он стал готовить Афины к продолжению борьбы.

Длительные военные действия против Спарты и продолжавшаяся демократизация афинского государственного строя все больше ослабляли позиции афинских сторонников олигархии. На третий год после заключения мира со Спартой олигархическая группировка утратила всякое влияние в Афинах, а ее вождь, Фукидид из Алопеки, был изгнан из Афин остракизмом (443 г.). После изгнания Фукидида фактическим руководителем афинской политики становится Перикл. В звании первого стратега он почти бессменно в течение 15 лет возглавляет Афинское государство (444—429). Этот период принято называть «золотым веком Перикла».

2. Афинская конституция при Перикле

В годы, связанные с именем Перикла, окончательно сложилась *демократическая конституция* Афин в ее классической форме. Процесс формирования этого государственного строя был длительным — начало его восходит к реформам Солона и Клисфена. Последующие изменения отдельных характеризующих афинский государственный порядок установлений происходили лишь постепенно. Так, цензовый порядок, созданный Солоном, формально продолжал сохраняться и после перехода политической власти к демократам и никогда официально не изменялся. Однако фактически все афинские граждане получили возможность занимать высшие должности. Исключение составляли должности *эллиноتامиев* — казначеев Афинской державы. Для занятия этой должности требовался ценз, так как казначеи должны были отвечать своим имуществом за вверенную им казну.

Свидетельством демократизации государственного строя явился также прочно установившийся порядок избрания должностных лиц не голосованием, а по жребию. Обычай жеребьевки не распространялся лишь на те должности, которые требовали специальных знаний или особых талантов. Например, стратеги всегда выбирались голосованием. Таким образом, предполагалось, что каждый афинский гражданин имеет право занимать любую должность, и жребий должен был решить, будет ли он ее занимать в данном году. Кроме того, жеребьевка исключала возможность предварительного воздействия на избирателей.

Чтобы практически дать возможность любому гражданину пользоваться во всей полноте предоставленными ему политиче-

скими правами, было установлено вознаграждение должностным лицам за выполнение ими государственных обязанностей. При Перикле членам афинского суда начали выплачивать жалование в размере двух оболов, что составляло средний прожиточный минимум афинского ремесленника. Позже было введено жалование членам совета пятисот, архонтам и лицам, занимавшим другие государственные должности. Вознаграждение за несение общественных обязанностей было началом широко распространившейся впоследствии системы раздач. Возможно, что уже при Перикле беднейшим гражданам стали выдавать *теорикон* — театральные деньги. Раздача этих денег из афинской государственной казны предоставляла нищему афинянину возможность регулярно посещать театральные представления. Дело в том, что демократическое правительство придавало театральным представлениям большое воспитательное значение. Театр играл очень важную роль в общественной жизни древних афинян.

Следует, однако, помнить, что афинская демократия была *демократией рабовладельческой*. Те средства, которые демократическое правительство щедрой рукой раздавало афинскому демосу, добывались ценой жестокой эксплуатации рабов и беспощадного угнетения населения городов, попавших в зависимость от Афин. При этом характерной исторической особенностью афинской демократии, как и других античных демократий, было то, что полноправные граждане отнюдь не представляли большинства населения. Выше уже указывалось, что ни женщины, ни метеки правами граждан в античных государствах не пользовались, не говоря уже о бесправной массе рабов. Хотя у древних греков не было статистики, но на основании всякого рода косвенных данных можно с полной уверенностью считать, что в самые лучшие времена истории Афин численность полноправных граждан составляла 20—30 процентов общего числа жителей Афин и Аттики. Это гражданское полноправное меньшинство отнюдь не было расположено делиться своими привилегиями с остальной частью неполноправного населения. Увеличение численности граждан в глазах полноправных афинян угрожало сокращением тех благ, которыми они как граждане пользовались. Весьма показательно, что не кто иной, как вождь афинской демократии Перикл в 451—450 гг. провел через народное собрание закон, согласно которому только тот мог обладать полными гражданскими правами, у кого и отец и мать были коренными афинянами. Число людей, которые могли пользоваться благами демократического строя, тем самым было сокращено и ограничено.

Государственное устройство Афин после всех происшедших в нем изменений в годы пребывания Перикла у власти было следующим. Верховным органом государства признавалось

народное собрание, или *экклесия*. При Перикле *эκκλῆσια* превратилась в регулярно действующий высший государственный орган. Она собиралась от двух до четырех раз в месяц в Афинах, на холме *Пниксе*. *Эκκλῆσια* обсуждала и принимала законы, решала все важнейшие дела общины, вопросы войны и мира, продовольственного снабжения города, принимала отчеты должностных лиц, осуществляла высший государственный контроль, рассматривала судебные дела в последней инстанции и т. д. Аристотель, наш главный авторитет в области политико-правовых учреждений древней Греции, так описывает функции и порядок работы *эκκλῆσια*.

Из народных собраний — «одно главное, в котором полагается производить проверку избранных властей — находит ли народ их распоряжения правильными, — затем обсуждать вопросы относительно продовольствия и защиты страны; далее в этот день все желающие могут делать чрезвычайные заявления; наконец, полагается читать описи конфискуемых имуществ и заявления об утверждении в правах наследства и о наследниках, чтобы все были осведомлены о каждом открывшемся наследстве»¹.

Активными правами в *эκκλῆσια* пользовались все афинские граждане, достигшие 20-летнего возраста, без ограничения имущественным или каким-либо иным цензом.

Превращение *эκκλῆσια* в постоянный, регулярно действующий орган отразилось на положении и функциях другого важного политического органа Афинского государства — совета пятисот. Этот совет состоял из десяти избравшихся по филам *пританей* по 50 человек в каждой. Каждая из *пританей* по очереди в строго определенное время года (в соответствии с этим год в Афинах был разделен на десять частей) осуществляла свои функции. Совет пятисот оставался высшим правительственным органом. Он стоял во главе государства, ведал делами войны и мира, на нем лежали различные административные функции: управление афинскими финансами, надзор за арсеналами, доками, флотом, контроль над торговлей и ее регулирование, контроль над должностными лицами. Но одной из главных функций совета было предварительное обсуждение дел, поступающих на рассмотрение народного собрания. Он был прежде всего совещательным органом, «советом предварительных обсуждений».

Некогда всемогущая коллегия архонтов почти утратила свое бывшее значение, поскольку должностных лиц назначала и контролировала *эκκλῆσια*. Избирались архонты по жребию, как и все прочие должностные лица, за исключением стратегов, которые выбирались в *эκκλῆσια* открытым голосованием (*хиротония*).

¹ Аристотель, *Афинская политика*, 43, (4).

Высшей судебной инстанцией и органом государственного контроля оставался суд присяжных — *гелиея*. После реформы ареопага, проведенной Эфиальтом, гелиеи были возвращены многие прежние ее права. Афинская гелиея состояла из шести тысяч человек, выбираемых по жребию по 600 человек от каждой филы. Из присяжных составлялись специальные судебные комиссии обычно по 500 человек. Ни особых государственных обвинителей, ни защитников-профессионалов в афинском суде не существовало. Гражданский долг обязывал каждого полноправного афинянина, если он замечал какие-либо правонарушения, привлекать виновного к суду и выступать против него с обвинением. Каждый гражданин, привлеченный в суд в качестве обвиняемого, должен был сам себя защищать, хотя в большинстве случаев защитительные речи для обвиняемых составлялись, нередко за большую плату, лицами, знакомыми с ведением судебных дел. Во время судебного заседания в присутствии судей-присяжных происходили прения сторон и опрашивались свидетели. При этом, если по ходу дела в качестве свидетеля должен был выступать раб, его показания считались действительными лишь в том случае, если он давал их под пыткой. В этом, в частности, проявлялась рабовладельческая сущность суда в демократических Афинах.

Судебные решения выносились судьями-присяжными путем голосования. Если при вынесении приговора голоса судей делились поровну и за оправдание обвиняемого подавалось столько же голосов, сколько и за осуждение, обвиняемый оправдывался. В этих случаях считалось, что сама богиня Афина, покровительница города, незримо присутствовала в афинском суде и каждый раз подавала свой голос за оправдание обвиняемого. Длительность судопроизводства приводила к тому, что в гелиеи накапливалось много дел, и они подолгу залеживались. В круг полномочий гелиеи входили не только судебные дела самой Аттики и Афин, но и всего Афинского государства. При Перикле судебные процессы, состав судей и их функции были упорядочены. Число гелиастов (присяжных) для каждой коллегии было точно определено.

Следующим государственным органом Афин была *коллегия десяти стратегов*, значение которой сильно возросло со времени греко-персидских войн. Афинские стратеги командовали флотом и войсками, ведали всеми внешнеполитическими делами Афинского государства и представляли его во время дипломатических переговоров, занимались финансовыми делами и т. д. Коллегия десяти стратегов была единственным в Афинском государстве учреждением, где переизбрание допускалось неограниченное число раз. Если стратеги не оправдывали доверия, оказанного им при избрании, злоупотребляли своей властью или по их вине Афины терпели поражения, стратегов можно было до

срока отстранить от должности и предать суду. Известны случаи, когда не оправдавшие доверия стратеги присуждались к штрафам, конфискации имущества, изгнанию, а иногда и смертной казни. Даже Перикл, который оставался первым стратегом 15 лет, при первой же крупной военной неудаче был смещен и приговорен к штрафу. За отправление должности стратега в годы Перикла никакого вознаграждения из государственной казны не выплачивалось, поэтому на эту должность могли претендовать только вполне обеспеченные люди.

Помимо стратегов и архонтов, в Афинах ежегодно избирались большое число самых разнообразных должностных лиц, ведавших различными отраслями государственного управления: наблюдением за порядком на рынке и в городе, сбором пошлин, выпуском монеты и т. д.

Все афинские граждане пользовались полной свободой слова и свободой законодательной инициативы. Всякий гражданин имел право предложить народному собранию вынести какое-либо постановление, поставить на обсуждение проект нового закона или возбудить вопрос об отмене существующего. Однако процедура прохождения и утверждения нового закона или отмена старого сопровождалась соблюдением сложных формальностей, при помощи которых законодатели стремились оградить афинский рабовладельческий строй от случайностей и потрясений. Кроме того, в течение года можно было подать в специальную судебную коллегию жалобу о том, что вынесенное народным собранием постановление или утвержденный закон противоречит основным афинским установлениям и приносит вред, а не пользу. Жалоба эта в афинском государственном праве называлась *графэ параномон*. Если основательность жалобы подтверждалась, гражданин, предложивший признанный вредным закон, привлекался к судебной ответственности. Его могли присудить к штрафу, а иногда и к смертной казни.

Таков был в общих чертах установившийся в середине V в. государственный строй Афин. Это был период относительно высокого развития демократии, ограниченной, однако, как уже указывалось, ее рабовладельческой основой. К тому же надо подчеркнуть, что, несмотря на установившуюся практику оплаты должностей, не все граждане располагали реальными возможностями использования своих политических прав. В годы Перикла участие в народном собрании, например, не оплачивалось. Поэтому граждане, жившие трудом своих рук, не могли позволить себе каждый десятый день проводить в народном собрании. И крестьянам из поселений, расположенных далеко от Афин, не по силам было тратить два-три дня на посещение народного собрания, особенно в сезон сельских работ. Поэтому число присутствовавших в народном собрании обычно не превышало двух-трех тысяч, преимущественно жителей Афин.

3. Афинская держава (архе)

Делосская симмахия в силу объективных факторов превращалась в Афинскую державу (архе). Постепенно руководство делами Делосской симмахии переходило к Афинам, из первого союзника превращавшимся в гегемона, диктовавшего свою волю союзу. По словам Фукидида, афиняне в своих распоряжениях и приказах уже не думали, как прежде, о том, нравится это союзникам или нет, и не считали себя в походе равными с остальными. В случае же отказа союзников выполнять директивы Афин, афиняне без труда заставляли членов союза повиноваться¹.

О превращении Делосской симмахии в Афинскую архе свидетельствовало перенесение союзной казны с острова Делоса в Афины (454 г.) и передача наиболее важных дел союзников на разбор и решение афинской гелиее. Большинство союзников не участвовало в поставке оснащенных кораблей с экипажами. Этим занимались Афины. Союзники же должны были лишь уплачивать определенные взносы — форос, — на которые афиняне строили все новые и новые корабли.

Первоначальная сумма фороса была установлена афинянами сразу же после основания Делосского союза. По рассказу Плутарха², после организации Делосской симмахии союзники просили афинян прислать к ним Аристиду, слывшего добрым и честным человеком, для установления «умеренного взноса» сообразно с силами каждого города. Афиняне удовлетворили просьбу союзников и поручили Аристиду по справедливости установить норму взноса. Аристид определил общую сумму фороса в 460 талантов. Эта сумма сама по себе и в особенности по сравнению с форосом более позднего времени казалась весьма умеренной.

Для уплаты фороса все члены Делосского союза были распределены по географическому принципу сначала на три, а затем на пять округов. Каждый из этих округов возглавлялся афинскими уполномоченными, наблюдавшими за своевременностью выплаты фороса. Сумма фороса все время повышалась. Через несколько десятилетий после основания союза она достигла 600 талантов, а во время Пелопоннесской войны (425 г.) доходила до 1300 талантов. Кроме фороса, союзники платили всевозможные пошлины, несли судебные расходы, содержали афинские гарнизоны, оплачивали присылаемых из Афин чиновников — следователей, надзирателей (епископов) и многих других.

Вторую статью афинских поступлений составляли торговые пошлины, сдаваемые обычно на откуп частным лицам или от-

¹ Фукидид, I, 99.

² Плутарх, *Аристид*, 24.

Общий вид Афинского акрополя с запада

купным компаниям (*телонай*). Афины при Перикле превратились в торговый центр мирового значения. Через главный афинский порт Пирей шли торговые пути во всех направлениях, в частности транспортный путь с востока и северо-востока на запад и юго-запад — с Черного моря в Адриатическое. Пошлины в Пирее взимались в размере 2 процентов с облагаемого груза.

Немалый доход государственному казначейству приносили отдаваемые на откуп государственные владения — Пангейские и Лаврийские рудники, а также каменоломни, солончаки и т. д. К разряду государственных доходов надо причислить и займы, получаемые в критические моменты у частных лиц и учреждений, особенно у храмов. Так, например, в 422 г. был произведен колоссальный заем у храма богини Афины, в сокровищнице которого накануне Пелопоннесской войны хранилось около 10 тысяч талантов.

Казначейство афинского державного полиса помещалось в храме Афины (Парфеноне), покровительницы города, на акрополе. Казной заведовали особые казначеи.

Афинская архе, в состав которой входило около 200 государств неодинаковой величины и значения, при Перикле достигла высшего могущества. Число жителей на всей территории, подвластной Афинам, достигало 10—15 миллионов. Число жителей Аттики равнялось приблизительно 410—420 тысячам. Из них меньшую часть составляли полноправные граждане (их насчи-

тывалось около 42 тысяч), остальные были женщины и несовершеннолетние (около 96 тысяч), метеки и рабы. Последних было не менее половины всего населения.

Вооруженные силы Афин состояли из союзного флота, который во время Пелопоннесской войны насчитывал до 400 триер, и сухопутной армии, состоявшей из 27 тысяч человек. Для античного мира это была внушительная сила. Военская повинность в Афинах соблюдалась очень строго. Все граждане — мужчины от 18 до 60 лет — обязаны были нести военную службу. Граждане первых трех классов служили в регулярном ополчении, пешком и конном, феты служили легковооруженными стрелками, пращниками и гребцами на судах. Молодежь от 18 до 20 лет (эфебы) несла гарнизонную службу внутри страны и на границах государства. Как указывает Аристотель, Афинская архе прежде всего была военной организацией, «политией воинов».

Военное превосходство обеспечивало Афинам гегемонию над союзниками и торговую монополию в Эгейском море.

Афиняне считали, что они могут распоряжаться союзными общинами по своему усмотрению как своими подданными. На той же точке зрения стоял и Перикл, признанный глава Афинской архе.

Во время греко-персидских войн Аристид увещевал афинян собрать силы, разгромить неприятеля и утвердить свою гегемонию в Эгейском море. Тогда, говорил он, доходы будут у всех афинских граждан. Одних обеспечит служба в войсках и участие в походах, других — гарнизонная служба, третьих — общественные должности и т. д. Как для Аристида, так и для Перикла было само собой очевидно, что средства на содержание афинских граждан должны доставлять союзники и рабы. Согласившись с этим, прибавляет Аристотель, афиняне начали «чрезмерно деспотично относиться к союзникам»¹.

Мало-помалу город Афины превратился в гегемона Афинской архе. На взносы союзников и пошлины содержалось более 20 тысяч афинских граждан. Сюда входили *булевты* (члены совета пятисот), гелиасты, всадники, стрелки, базарная полиция, иноземная стража и многие другие мелкие должностные лица.

Усиление фискального (податного) нажима Афин было одной из главных причин недовольства союзников афинской гегемонией. Эти причины, говорит Фукидид, различные, но самая важная из них — непосильные взносы (форос), поставка кораблей и их экипировка².

Восстания союзников нередко приводили к отпадению союзных городов и к выходу из архе. Наиболее крупным из всех

¹ Аристотель, *Афинская политика*, 24, (2).

² Фукидид, I, 99.

известных нам восстаний было восстание на острове Самосе в 440 г.

Восстание на Самосе и одновременно с ним восстание в Византии приняли очень широкие размеры, угрожая вылиться в настоящую войну. Афинский флот под Самосом потерпел поражение. После этого против непокорного союзника выступил сам Перикл, считавшийся незаурядным стратегом. Но и ему потребовалось около года, чтобы подавить сопротивление восставших. Лишь после долгих усилий город был взят с боем. После восьмимесячной осады самосцы сдались на милость победителей, расправившихся с ними крайне жестоко: Самос должен был выдать свой флот, срыть стены и заплатить большую контрибуцию.

Расправа с Самосом — лишь один пример политики великодержавных Афин, беспощадно подавлявших любую попытку союзников освободиться от их тяжелой опеки. Афины смотрели на себя как на спасителей Греции от варваров, и на этом основании распоряжались материальными ресурсами архе по собственному усмотрению. Перикл в этом случае лишь отражал общее настроение и выступал исполнителем воли державного афинского демоса.

«Афиняне, — говорит комик Телеклид, — дали Периклу право брать дань с городов и присоединять города, одних лишать свободы, а других по произволу награждать, позволять возводить им каменные стены, чтобы потом их разрушать, право нарушать мирные договоры, увеличивать государственную казну и обогащать граждан»¹.

Чтобы привести союзников к повиновению и продемонстрировать врагам Афин, грекам и варварам, силу афинского флота, Перикл в 437 г. организовал экспедицию на побережье Черного моря. Целью экспедиции Перикла, согласно официальной декларации, являлась демонстрация мощи Афинской державы, «смелости и бесстрашия афинян, когда они свободно плавают по всем морям, считая себя владыками моря». Афинская флотилия под начальством самого Перикла через Эгейское море направилась в Геллеспонт и Пропонтиду, а оттуда в Понт.

Образование Афинской морской державы, сопровождавшееся фактическим переходом под власть афинян проливов и важных торговых пунктов, сыграло, несомненно, большую роль и в истории Причерноморья. Ряд городов Северного и Южного Причерноморья оказался в прямой или косвенной зависимости от Афин.

Существуют основания предполагать, что такие северочерноморские города, как *Нимфей* на побережье нынешнего Керченского пролива — древнего Боспора Киммерийского — и *Ольвия* в устье Буго-Днепровского лимана, вошли в состав

---

¹ Плутарх, *Перикл*, 16.

Афинского союза. О зависимости от Афин *Пантикапея* — боспорской столицы — никаких сведений нет. В 438—437 гг. на Боспоре у власти утвердилась новая династия Спартокидов. Имя *Спарток* — фракийское, но ряд исследователей считает, что Спарток был одним из представителей местной эллинизированной знати. Под властью этой династии Боспор превращается в крупное по масштабам того времени и сильное государство. Поэтому маловероятно, чтобы Боспор попал в зависимость от Афин.

Утвердить свое влияние в этих областях для Афин было чрезвычайно важно, ибо с давних пор Аттика жила привозным хлебом. Вследствие конкуренции городов, входивших в Пелопоннесский союз, ввоз хлеба из итальянских греческих городов и Сицилии был затруднен, и причерноморские области оставались главной житницей как Афин, так и их союзников. В отдельные пункты черноморских побережий направляются афинские колонисты.

Афинские колонии — *клерухии* служили проводниками афинской политики и влияния в союзных полисах и общинах. Клерухии, наполовину земледельческие, наполовину военные поселения, избавляли город от бедных и недовольных элементов. В то же время они составляли опору афинской державы в союзных областях, представляя собой постоянные гарнизоны.

Афинские клерухии имелись на островах Лемносе, Имбросе, Эвбее, Наксосе, Андросе, в Херсонесе Фракийском, на полуострове Халкидике, во Фракии (Брея) и т. д. В общей сложности на земли союзников было выведено около 10 тысяч афинских поселенцев. По плану Перикла в 443 г. в Южной Италии на месте Сибариса был основан город *Фурии*, в числе жителей которого было много афинян. Фурии были независимы, но состояли в союзе с Афинами.

В социально-политической жизни Афин V в. клерухии играли очень большую роль. В известной мере правильно утверждение, что одной из главных причин упадка афинской демократии в послеперикловское время было прекращение вывода колоний, вызванное тем, что сократилась зависимая от Афин территория.

ГЛАВА XI

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРЕЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

1. Рабовладельческий характер античного общества

Победы, одержанные греками в борьбе за свою независимость с персидской державой, знаменовали собой наступление нового периода и в области экономической жизни. Эллинский

мир вступает в эпоху своего наивысшего экономического расцвета. Угроза военного вмешательства извне была ликвидирована. Развитие производительных сил греческого общества могло осуществляться в значительно более широких по сравнению с предшествующим временем масштабах.

Греки получили возможность упрочить свое влияние не только на Эгейском море, но и на побережье Черного моря, так как Пропонтида и Боспор были для них теперь открыты. На западе в сражении при Гимере сицилийские греки также одержали решительную победу над карфагенянами, действовавшими заодно с персами.

В греческих городах расцветает ремесленная промышленность и торговля, интенсивно развивается сельское хозяйство, растут и крепнут торговые связи. Правда, экономический подъем коснулся не всех районов Греции. Уровень хозяйственной жизни Этолии и Акарнании — в западной части Балканского полуострова; Ахайи, Аркадии, Лаконики. Мессении и Элиды — в Пелопоннесе; Беотии, Локриды и Фокиды — в Средней Греции, Фессалии — на севере — продолжал оставаться еще относительно низким.

В то же время греческие города на побережье Малой Азии так и не смогли полностью оправиться после жестокого подавления персами ионийского восстания. Руководящую роль в экономической и культурной жизни эллинского мира они уступили новым центрам, сформировавшимся в Балканской Греции и на греческом Западе — в Сицилии и Южной Италии.

Особенно оживились города сицилийских греков. Беспрепятственное использование природных ресурсов плодородного острова открыло перед ними широкие экономические перспективы. Гела, Акрагант и Сиракузы превращаются в крупные ремесленно-торговые центры. То же переживает и ряд греческих городов Южной Италии.

Поэтому торговые связи с греческим Западом приобретают первостепенное значение для Балканской Греции. Благодаря торговле с Западом, а также удобному географическому положению разбогател Коринф. Расположенный на побережье Коринфского залива — главной морской магистрали между Балканским полуостровом, Южной Италией и Сицилией — Коринф в то же время был тесно связан с Сароническим заливом, через который шла торговля с островами и побережьем Эгейского моря. Энергичную торговую деятельность в это время развила также Эгина. Но вскоре у Коринфа и Эгины появился опасный соперник — Афины. Одновременно с ростом политического влияния растет и экономическое могущество Афин.

Историческое значение рассматриваемого периода заключалось в том, что экономический подъем был подъемом рабовладельческого хозяйства. В ходе экономического развития

греческих городов окончательно сформировался *рабовладельческий способ производства*.

Рабовладение и использование рабского труда восходят к самым ранним векам средиземноморской культуры, но *ведущим* рабовладельческий способ производства становится в Греции лишь в классический период.

Никогда не следует забывать, что античное общество, античная демократия и культура носили ярко выраженный *рабовладельческий характер*. Рабовладение наложило отпечаток на весь строй античной жизни и на мировоззрение даже таких выдающихся представителей древности, как Аристотель, который оправдывал рабство.

Следует, однако, учесть, что удельный вес рабского труда в общественном производстве определялся уровнем экономического развития того или иного района Греции. Развитые рабовладельческие отношения сочетались с развитым ремесленным производством и товарно-денежными отношениями, как, например, в Милете, Коринфе, Афинах. В экономически отсталых районах рабство продолжало сохранять в значительной мере еще патриархальный характер, в частности в Фессалии и Македонии.

2. Рабство и его источники

Вопрос о числе рабов в греческих государствах — один из наиболее спорных в античной историографии. Прямых сведений о численности рабов в различных полисах очень мало, к тому же цифры, приводимые авторами III—II вв. (Аристотель — 470 тысяч рабов в Эгине, Тимей — 640 тысяч в Коринфе, Ктесий — 400 тысяч в Аттике), вряд ли достоверны. При подсчетах необходимо принимать во внимание различные косвенные данные, которые можно почерпнуть из произведений древних писателей и материала археологических исследований. Ученые, оперирующие этими данными, однако, существенно расходятся в определении числа рабов и свободных. Большая часть буржуазных историков нашего времени сильно преуменьшает численность рабского населения античных полисов. Из немецких историков особенно заниженные данные приводит в своей монографии «Население греко-римского мира» Юлиус Белох. По его мнению, рабское население в Эгине достигало 70 тысяч, в Коринфе — 80 тысяч, а в Афинах — 100, при 100 тысячах свободного населения и 30 тысячах метеков. С некоторыми изменениями расчеты Белоха принимают Георг Бузольт — автор капитальной «Истории Греции», Эдуард Мейер — автор «Истории древности», французский ученый Глотц, русские ученые Р. Ю. Виппер и М. М. Хвостов.

Основную массу рабов в греческих полисах составляли рабы негреческого происхождения. В большинстве греческих государств было уничтожено долговое рабство. Очень редко греки непосредственно использовали в своих собственных городах рабов-единоплеменников, захваченных в войнах с другими греческими государствами. Во время Пелопоннесской войны такие случаи участились, но и тогда использование труда рабов-греков в самой Греции не получило широкого распространения.

Главным источником рабства на протяжении всей античной истории служила *война с негреческими государствами и племенами (варварами)*. Сохранилось предание, что Кимон после поражения персов при Эвримедонте вывез на рынок 20 тысяч рабов. Захваченных в плен государство продавало работоторговцам, доставлявшим рабов на специальные *рабские рынки*, существовавшие в разных частях Греции. Крупнейшим рынком рабов был остров Хиос. Рабами торговали также в Эфесе, на Самосе, Делосе и Кипре. В V в. до н. э., когда Афины

стали важным торговым центром, здесь также появился крупнейший рынок рабов. На рынках рабов продавали и рекламировали так же, как и всякий другой товар, расхваливали силу, красоту, молодость, покорность и другие положительные качества живого товара. По желанию покупателей рабов раздевали, осматривали зубы, заставляли бегать, ходить и т. д.

Источником рабства служил также естественный прирост несвободного населения: дети рабов становились рабами того рабовладельца, которому принадлежала их мать. Даже дети свободного и рабыни относились, за редким исключением, к категории рабов. Впрочем, этот источник не был значительным.

Раб. Статуэтка. IV в. до н. э.

Рабы в рудниках

Аристотель, выражая точку зрения своих современников, называет раба *одушевленным орудием*, или говорящей машиной. Человек, полагает Аристотель, не может обойтись без орудия, хотя бы только для того, чтобы обеспечить себе все необходимое для жизни. Одни орудия являются одушевленными, другие — неодушевленными. Раб есть одушевленная собственность и наиболее совершенное орудие труда. Без рабов можно было бы обойтись лишь в том случае, если бы каждый инструмент мог выполнять свойственную ему работу сам по данному ему приказанию, или даже предвосхищая его. Если бы, например, ткацкие челноки сами ткали, а плектры¹ сами играли, тогда и господам не нужны были бы рабы.

Отличительным признаком рабского состояния с юридической точки зрения было абсолютное *бесправие раба*. В принципе раб рассматривался не как личность, а как вещь. Поэтому рабовладелец мог как угодно по собственному произволу распорядиться принадлежащим ему рабом. Единственным ограничением произвола рабовладельца, да и то не везде и не всегда, было запрещение убивать раба. По афинским законам господин не мог самовольно лишить жизни своего раба.

---

¹ Тонкая пластинка, согнутая в виде незамкнутого кольца, свободным суживающимся концом которого приводят в колебание струны щипковых музыкальных инструментов.

Классики марксизма следующим образом определяют особенности рабства: «Чем отличается пролетарий от раба? Раб продан раз и навсегда, пролетарий должен сам продавать себя ежедневно и ежечасно. Каждый отдельный раб является собственностью *определенного* господина...»¹. «Купля и продажа рабов по своей форме представляет тоже куплю и продажу товаров»².

Раб, не признаваемый юридически правоспособной личностью, не имел даже собственного имени. У рабов было не имя, а кличка. Часто рабы назывались по имени той страны, в которой они родились: скиф, сириец, араб, фракиец и т. д. Иногда рабу давали кличку в зависимости от его физических или психических качеств, достоинств или недостатков. Не имел раб также и семьи; рабы могли только находиться в сожительстве с рабынями.

Рожденные от такого сожительства дети рассматривались как приплод, принадлежавший хозяину раба. По желанию господина раб мог работать без присмотра или под наблюдением надсмотрщика, закованным в кандалы. В случае неповиновения, лени, дерзости или попытки к бегству раба подвергали жестоким наказаниям: били, истязали, вытягивали на блоках, отправляли на тяжелые работы — на мельницы или в рудники, выжигали на лбу и на руках клейма и т. д. Если раба привлекали к суду в качестве свидетеля, его показания приобретали законную силу лишь тогда, когда он давал их под пыткой, так как считалось, что по своей природе раб не может без принуждения дать правдивые показания.

Отпуск рабов на волю в период расцвета рабовладельческого строя в греческих полисах был редким явлением. Раб, отпущенный на волю, мог быть захвачен другим рабовладельцем как «ничья вещь». Поэтому при отпуске раба на волю его обычно посвящали (дарили) богу. Однако и в таком случае раб еще не становился свободным (в античном смысле этого слова) человеком, а всего лишь *вольнотпущенником*, сохранявшим известную зависимость от своего бывшего хозяина и лишенным обычных гражданских прав.

Положение рабов не всегда и не везде было одинаковым. В отдельных случаях рабы могли, завоевав доверие и расположение хозяина, находиться в сносных или даже относительно хороших условиях. Так, например, раб Перикла, Эвангел, пользовался полным доверием своего господина, заведовал его хозяйством, распоряжался другими рабами, исполнявшими различные работы в богатом доме первого гражданина Афин.

---

¹ Ф. Энгельс, *Принципы коммунизма*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, изд. 2, стр. 325.

² К. Маркс, *Капитал*, т. II, М., 1955, стр. 28.

Чтобы поднять трудоспособность и увеличить прибавочный продукт труда рабов, хозяева изобретали всевозможные меры поощрения. Усердным, прилежным и послушным рабам и рабыням давали лучшую пищу, одежду и обувь, всячески их поощряли. «Я сам, — говорится в одном трактате Ксенофонта, — никогда не допускаю, чтобы у меня лучшие получали одинаковую часть с худшими. Со своими управляющими я поступаю так, что, когда они достойнейшим отдают лучшее, хвалю их, но если замечаю поблажку за лесть или иную бесполезную уступчивость управляющего, то не оставляю этого без внимания и делаю выговор, стараясь доказать, что он действует даже во вред самому себе»¹.

Жизнь и быт рабов греческих полисов наглядно изображены в греческих комедиях, особенно комедиях *Аристофана*, относящихся к более позднему периоду его творчества. В «Осах», «Мире», «Лягушках» и «Плутосе» рабы принимают участие во всех диалогах, завязке и развязке пьесы. Обычно это сметливые и даже беззастенчивые люди. Таков, например, раб Карион в «Плутосе»: он участвует во всех делах своего недалекого хозяина и презирает его за глупость. Таков же и Ксанфий в «Лягушках» и т. д.

Положение рабов в Афинах было легче, чем во многих других греческих государствах. Здесь рабам, занятым, например, в торговле, предоставляли гораздо большую самостоятельность. За убийство раба его хозяин привлекался к ответственности, как за непредумышленное убийство.

И в Афинах и во многих греческих городах особую группу составляли *государственные рабы*, которые находились в значительно лучшем положении, чем рабы, принадлежавшие отдельным гражданам.

Труд рабов, принадлежавших государству, применялся на строительстве общественных сооружений. Большое число государственных рабов находилось при должностных лицах в качестве писцов, глашатаев и т. д. В Афинах рабы-скифы, принадлежавшие государству, использовались и для несения полицейской службы.

По этому поводу Ф. Энгельс замечает, что афиняне одновременно с государством учредили и «настоящую жандармерию из пеших и конных лучников... Но эта жандармерия формировалась из *рабов*. Эта полицейская служба представлялась свободному афинянину столь униженной, что он предпочитал давать себя арестовать вооруженному рабу, лишь бы самому не заниматься таким позорным делом»².

---

¹ Ксенофонт, *Домострой*, XIII, 12.

² Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 118.

Государственные рабы выполняли также обязанности тюремщиков, действуя по приказанию *коллегии одиннадцати*, исполнявшей приговоры афинского суда.

В эпоху расцвета рабовладельческих полисов рабский труд внедряется во все отрасли хозяйственной жизни. Как и при патриархальном рабстве, рабы использовались в домашнем хозяйстве. Число рабов среднего небогатого рабовладельца в Греции, включая сельских рабов, ремесленников и прислугу, обычно не превышало полутора-двух десятков. Известно, что Аристотель имел тринадцать рабов, его ученик Феофраст — девять, Стратон — шесть, у оратора Лисия было двенадцать рабов и т. д. Все они относились к рабовладельцам среднего и выше среднего достатка. В богатых афинских домах штат рабов доходил до 50 человек. Часть рабов, живших в доме, нередко была обучена тому или иному ремеслу. Продукты их труда использовались хозяином и его семьей или продавались на рынке.

Наиболее типичной формой применения труда рабов в ремесленном производстве был труд рабов в *эргастериях* — ремесленных мастерских. Наши источники содержат очень мало сведений об этих мастерских до Пелопоннесской войны. Большая часть известного нам исторического материала относится уже к эпохе этой войны или же к последующему времени.

Косвенное заключение о численности рабов-ремесленников и об их важной роли в экономике Афин можно сделать из сообщения Фукидида о том, что во время Пелопоннесской войны к спартанцам из Афин перебежало в числе 20 тысяч рабов много ремесленников. Это причинило непоправимый ущерб афинскому ремесленному производству и хозяевам эргастериев.

Доходность эргастериев была очень велика. По расчету Белоха, авторитетного в вопросах античной статистики, квалифицированный раб в V—IV вв. оценивался в 150 драмах. Ежедневный же доход, приносимый рабом, равнялся одному оболу, следовательно, годовой доход в среднем, из расчета 300 рабочих дней в году, составлял 30—50 процентов покупной цены раба. 32 раба, работавших в оружейной мастерской отца афинского оратора и общественного деятеля Демосфена (IV в.), приносили в год каждый 30 мин., т. е. около 100 драмах на раба.

Таким образом, доход ремесленных мастерских был весьма значителен, с излишком покрывал как стоимость рабочей силы, так и все расходы, связанные с организацией эргастерия. Источники указывают, что эргастерии приносили не меньший доход, чем морская торговля, т. е. самая прибыльная статья античной коммерции.

Крупные ремесленные мастерские достигали (особенно в IV в.) значительных размеров: в них работало 100 и больше рабов. Однако в ремесленном производстве греков преобладали небольшие эргастерии. К таким эргастериям, например, прина-

длежали две мастерские отца Демосфена в Афинах, в которых было занято по 20—30 рабов. В более мелких мастерских работал сам хозяин с помощью одного-двух рабов.

В таких городах, как Афины и Коринф, в V в. развитие отдельных видов ремесла достигает высокого уровня. Особенно больших успехов добилось керамическое производство. Благодаря изобретению ножного гончарного круга качество отделки сосудов в V в. неизмеримо возросло. Особенно высококачественной была керамика, предназначенная на вывоз. В керамических мастерских широко использовался труд рабов.

В V в. для ремесленного производства характерно значительное разделение труда. В литературных и эпиграфических памятниках упоминаются оружейные, металлургические, кроватные, портняжные, музыкальных инструментов и другие мастерские. Иногда рабы становились искусными мастерами своего дела.

Об устройстве и техническом оснащении эргастерия можно судить по вазовой живописи. Оборудование эргастерия было весьма примитивно, пользовались в нем самыми простыми инструментами, да это и понятно: рабу, работавшему по принуждению, из-под палки надсмотрщика и не заинтересованному в повышении производительности своего труда, нельзя было доверить какой-нибудь сложный и дорогостоящий инструмент. Это ограничивало развитие технического прогресса на протяжении всей античной эпохи и исключало всякую возможность применения машинной техники. Столь же примитивна была и организация эргастериев. По существу рабы были связаны друг с другом не производственным процессом, а тем, что все они принадлежали одному и тому же рабовладельцу и работали под одной крышей. Таким образом, рабовладельческая мастерская представляла собой простую кооперацию индивидуальных производителей.

Самым сложным и трудным в античности было *горное дело* — добыча руды. Горные работы велись очень простыми орудиями; молот, клин, кайло и лопата исчерпывали весь арсенал горных инструментов. Переноска и подъем руды на поверхность осуществлялись в основном вручную. Для добычи руды прорубались штольни, узкие и низкие, высотой немногим более метра. Вентиляция в шахтах почти отсутствовала. Для освещения служили глиняные светильники. Условия труда горнорабочих в древнем мире считались самыми тяжелыми и невыносимыми. По словам Диодора, «те люди, которые занимаются работой в рудниках и которые приносят господам невероятные по своим размерам доходы, изнывают от своей работы в подземных шахтах и денно и нощно, и многие из них умирают от чрезмерного труда. Нет у них ни освобождения от работы, ни перерыва в ней...»¹.

---

¹ Диодор, V, 38.

Помимо применения труда рабов в эргастериях и рудниках, очень распространенной формой эксплуатации была *отдача рабов в аренду* особым подрядчикам, использовавшим их в рудниках, каменоломнях, на плантациях, при постройке общественных зданий и пр. Так поступал, например, известный афинский политический деятель второй половины V в. Никий, один из крупнейших греческих рабовладельцев, имевший, по преданию, около тысячи рабов. У другого афинского богача, Гиппоника, было 700 рабов, сдаваемых им в аренду, что приносило ему 10 процентов чистого дохода. Ежедневная рента Филонида, у которого было 300 рабов, составляла полмины и т. д. Подобных примеров можно привести много. Подрядчики или откупщики контрактовали у государства горные территории, территории для постройки общественных зданий и другие участки и с помощью наемных рабов (отчасти и свободных наемных рабочих) обрабатывали арендованные ими земли, выплачивая аренду государству и рабовладельцам. В наем подрядчикам отдавали не только частных, но и государственных рабов.

Пошлины, получаемые с рабов, отдаваемых в аренду, составляли один из важнейших источников государственного дохода. «А что в действительности доход государства от этого предприятия, т. е. от отдачи рабов в аренду, — читаем в трактате IV в., приписываемом Ксенофону, — будет превышать указанную сумму, об этом могут засвидетельствовать, если только они еще живы, те, кто помнит, какая сумма налогов взималась с рабов перед Декелейской войной, когда из Аттики к неприятелю (спартамцам) перебежало 20 тысяч рабов»¹.

Одним из способов эксплуатации рабов был *отпуск раба на оброк*. Рабу, жившему отдельно, разрешалось вести самостоятельное хозяйство. Лисий сообщает о рабыне, живущей отдельно от хозяина и торгующей на рынке изготовленной ею пряжей. Раб выплачивал хозяину определенную сумму. Если дела его шли успешно, он мог с течением времени купить себе свободу и стать вольноотпущенником.

В *сельском хозяйстве* рабский труд использовался еще в гомеровскую эпоху, но более широкое применение его начинается позже — со времени перехода к садово-огородным культурам, т. е. в VI в. Преимущество рабского труда заключалось в его дешевизне. Однако следует подчеркнуть, что в сельском хозяйстве рабы были заняты главным образом на тяжелых и грязных работах, например на мельнице, где раб, заменяя осла или лошадь, вращал тяжелый мельничный жернов. У Лисия мы читаем о том, как хозяин грозит рабыне отправить ее за неповиновение на мельницу. Главная роль в сельском хозяйстве в очень многих полисах долгое время принадлежала свободным земледельцам — крестьянам.

¹ Ксенофонт, *О доходах*, IV.

Таким образом, рабский труд широко использовался во всех отраслях хозяйственной жизни греческих государств. Рабство до такой степени проникло в поры античных полисов и вошло в сознание людей того времени, что даже такие выдающиеся личности, как философ Аристотель, не могли представить себе общества, в котором отсутствовало бы рабство. Аристотель в одной из книг своей «Политики» трактует науку о рабстве как специальную дисциплину об организации власти и подчинения.

3. Свободный труд в Греции

Основной способ производства — рабовладельческий — накладывал отпечаток на все остальные способы производства в античном обществе. Использование рабского труда, однако, не исключало применения свободного труда ни в ремесле, ни тем более в сельском хозяйстве греческих полисов. История античного общества насыщена постоянной борьбой рабского и свободного труда. И, как указывает Маркс, расцвет античных культур падает на тот период, когда свободный труд еще не утратил своего значения. Так, например, было в Афинах в «золотой век» Перикла.

«Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. Во то же время они образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»¹. В другом месте Маркс замечает: «Необходимо... принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов не насчитывалось и 5000 афинян без земельной собственности»².

Структура античного общества была гораздо сложнее, чем это может показаться на первый взгляд. Аристотель различает пять основных групп населения полиса: 1) большинство жителей полиса составляют *земледельцы*, производящие продукты питания; 2) вторая составная часть государства — *ремесленники*, занимающиеся изготовлением ремесленных изделий, без которых невозможно существование государства; 3) третье место в социальной иерархии принадлежит *торговцам*, «которые занимаются куплей и продажей, оптовой и розничной торговлей»;

¹ К. Маркс, *Капитал*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, изд. 2, стр. 346, прим. 24.

² Там же, стр. 378, прим. 79.

4) четвертую категорию составляют *феты*, выполняющие сезонные работы или работающие по найму в качестве поденщиков; 5) к пятой категории относятся *военные*, «существование которых столь же необходимо, как и всех других, упомянутых выше сословий, если только государство не желает подпасть во время войны под чужеземное иго»¹. Рабы выделены в особую категорию, поскольку они не принадлежат к гражданской общине.

Свободные земледельцы и ремесленники — плотники, оружейники, сапожники, кузнецы, ткачи, медники, кирпичники, скульпторы и т. д. — по самым различным поводам постоянно упоминаются в литературных источниках и надписях. Ремесленники и крестьяне постоянно фигурируют в комедиях Аристофана.

...По пегушечей утренней песне

Поднимаются все на работу: ткачи, печники, скорняки, мукомолы, Гончары, маляры, столяры, мастера по слесарно-кузнечному делу. Обуваются наспех, впотьмах и бегут².

Большую часть афинской экклесии в V—IV вв., как видно из «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта, составляли свободные ремесленники — кожевники, горшечники, сапожники и т. д. Ремесленные мастерские чаще всего были одновременно мастерскими и лавками, в которых торговал и работал хозяин-мастер с несколькими подмастерьями — рабами и свободными. Хозяевами ремесленных мастерских в Афинах, как и в других греческих торговых центрах, часто бывали метеки. Значительная роль метеков в хозяйственной жизни греческих городов несомненна.

Труд ремесленника не считался почетным для свободного гражданина. Однако еще со времени Солона многие афинские граждане обращались к занятиям ремеслами. В V в. афинское демократическое правительство покровительствовало свободному труду, привлекало афинских граждан к работе по найму на строительстве общественных сооружений. Так, при Перикле число рабов, работавших на крупных общественных постройках, было сокращено до четверти общего числа работников; при постройке храма Эрехфейона рабы также составляли не более четверти всех работников.

В сельском хозяйстве преобладал труд свободных производителей, а труд рабов внедрялся значительно медленнее, чем в ремесленном производстве. Объясняется это тем, что обработка земли, особенно в таких областях с каменистой малоплодородной почвой, как Аттика, требовала большой тщательности и большого внимания при уходе за посевами. Использование малопроизводительного подневольного труда рабов в таких условиях было нерентабельным. Поэтому свободный труд в

¹ Аристотель, *Политика*, IV, 3, 11.

² Аристофан, *Птицы*, 489—492.

сельском хозяйстве продолжал оставаться основным во многих областях Греции в течение всего классического периода. Мелкое и среднее крестьянство, обрабатывавшее свои наделы личным трудом или с помощью одного-двух рабов, в классическое время составляло большую часть населения значительного числа греческих полисов. При этом следует подчеркнуть, что независимо от хлебного импорта роль сельского хозяйства в древней Греции была очень велика. В ряде областей земледелие составляло основу хозяйства. В Беотии, Спарте, Арголиде, Фессалии, где почвы характеризовались относительным плодородием, ведущим было производство зерновых культур. В Аттике и других малоплодородных греческих областях в VI—V вв. внедряется и широко практикуется разведение таких культур, как виноград и оливы.

В ряде областей Греции развивалось скотоводство. Там, где были хорошие пастбища — в Фессалии, Эпире, — разводили крупный рогатый скот и лошадей, в горных районах — ослов и мулов, коз и овец.

4. Греческая торговля и финансы

Поворотным пунктом в развитии средиземноморской экономики и, в частности, внешней торговли были греко-персидские войны и образование Делосской симмахии. С этого времени главные рынки Греции перемещаются на северо-восток (Черное море), на запад и отчасти на юг — Сицилия, Италия, Испания и Северная Африка (Кирена). Фактическим гегемоном на Эгейском море становятся Афины, а на Западе — Коринф и отчасти Мегары.

Рост могущества Афин как главы большого объединения греческих городов привел к сосредоточению посреднической торговли в руках афинских купцов. Этому способствовало и географическое положение Афин как естественного торгового посредника между Востоком и Западом.

Афинский порт Пирей стал усиленно застраиваться и расширяться еще со времени Фемистокла. К середине V в. до н. э. он превратился в транзитный пункт, через который проходило множество всевозможных товаров из самых различных стран древнего мира. Используя свое господствующее положение в Афинской архе и могущество на море, афиняне заставляли многие торговые корабли везти товары в Пирей, откуда они при посредничестве афинян перепродавались и распределялись по другим городам. Это давало немалый доход афинским купцам-посредникам и афинской казне, взимавшей со всех привозимых в Пирей товаров торговые пошлины. Ежегодный товарооборот Пирея достигал колоссальной суммы — двух тысяч талантов. Самой

крупной статьей афинской импортной торговли во все эпохи был хлеб. Вывозили Афины предметы афинского производства — металлические изделия, керамику, предметы роскоши, оружие и т. д.

На берегу Канфара (одной из гаваней Пирея) находились портики, служившие складскими помещениями для привезенных товаров. Один из этих портиков был выстроен Периклом и отведен для хранения зерна. Около портиков находился рынок, где приезжие купцы выставляли на продажу свои товары. Здесь же располагались менялы и ростовщики.

В Пирее, кроме складских помещений и рынка, имелись корабельные верфи, мастерские, гостиницы и постоянные дворы для купцов и судовладельцев. Пирей в то время был самым многолюдным и оживленным местом Афин, где звучала разноречья речь.

«Из эллинов и варваров одни только афиняне могут иметь богатства. Ведь если какой-нибудь город богат кораблестроительным лесом, куда будет он сбывать его, если не убедит господ моря купить его? Если же какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет сбывать все это, помимо владыки моря (т. е. афинян)? По этой же причине мы имеем от одного полиса дерево, от другого — железо, от третьего — медь, от четвертого — льняные материи, от пятого — воск и т. д.»¹.

Автор цитированного сочинения подчеркивает удобство географического положения Афин, находившихся в центре торговых дорог, что благоприятствовало их экономическому росту и торговому посредничеству.

«Афины,— читаем и в известном сочинении «О доходах» IV в.,— с точки зрения морской торговли и судоходства — самый желательный и прибыльный город. Прежде всего он имеет превосходные безопасные гавани, где можно останавливаться во время бурь. Затем в большей части других городов всякий раз приходится набирать новую кладь, потому что монета этих городов совершенно бесполезна вне своих пределов, в Афинах же не только множество предметов для загрузки корабля, но если торговец не пожелает нагружать корабли новым товаром вместо своего, то он может везти самый чистый товар (деньги), так как, где бы он ни продал афинское серебро, он везде получит больше»².

Черты натурального хозяйства, присущие экономической жизни античного мира в целом, не исключали широкого денежного обращения. Торговые сделки сопровождались денежными расчетами. Быстрый рост торгового капитала и переход на денежный расчет привели к развитию ростовщичества, которое

¹ «Псевдоксенофонта афинская политика», II, 11.

² Ксенофонт, *О доходах*, III.

приняло очень широкие размеры. Ростовщики давали ссуды под залог земель (земельный кредит), городских домов (городской кредит) и под залог кораблей и привозимых на них товаров (морской кредит). Ростовщицеством занимались главным образом держатели *меняльных лавок* (трапедз), так называемые *трапедзиты*.

Деятельность эллинских трапедзитов активизировалась в конце V и особенно в IV в. и распространилась на широкие слои населения во всех эллинских городах. Основной экономической функцией трапедзитов был *размен денег*, так как в каждом греческом городе-государстве выпускалась своя монета. На основе размена и хранения денег с течением времени возник перевод денег со счета одного вкладчика на счет другого.

Переводы денег, говорится в речи Исократ «О трапедзитах», следует делать через трапедзитов во избежание опасности, которой могут подвергнуться деньги при перевозке на корабле.

Операции, совершаемые греческими трапедзитами, были многочисленны, разнообразны и по масштабам Греции значительны. Наиболее распространенной финансово-ростовщической операцией в приморских городах Греции являлись *морские ссуды*, т. е. выдача денег под залог товаров или корабля.

Морские ссуды выдавались иногда на очень долгий срок, необходимый для плавания в отдаленные страны, где продажа товаров была наиболее выгодна. Так как путешествие по морю, особенно во время войны, было связано с большим риском, трапедзиты требовали очень высоких процентов. Нам известны сделки, по которым должник обязуется выплатить кредитору 30 процентов, а 10 процентов считались довольно низкими. Дошедшие до нас многочисленные речи греческих адвокатов, правительственные распоряжения и декреты, относящиеся главным образом к IV в., знакомят нас с судебными процессами в связи с договорами о морских ссудах. Обманы, подлоги, клевета, всевозможные кляузы и доносы отражены в бесконечных мелких и крупных судебных тяжбах, сведения о которых не сходили со страниц греческой литературы IV в. до н. э.

Постепенно меняльные лавки превращались в своеобразные банкирские конторы. О большой роли греческих трапедз и социальном весе трапедзитов свидетельствует история афинского банкира *Пасиона*. Пасион имел несколько трапедз-банков. В 371 г. его «банк» в Афинах оперировал 60 золотыми талантами, что составляло около 100 тысяч золотых рублей. Суммы, хранившиеся в банках, не лежали мертвым капиталом. Часть их он отдавал взаймы, часть вкладывал в торговые предприятия. Став богачом благодаря денежным операциям, метек Пасион получил звание афинского гражданина. В благодарность за дарование прав гражданства Пасион на свои средства оснастил пять триер,

поставил государству тысячу щитов и сделал ряд других пожертвований.

В таких торговых городах, как Афины и Коринф, в торговлю были втянуты различные слои населения. Имелись разные типы купцов. Одни были судовладельцами и переправляли свои товары на принадлежавших им судах, другие перевозили товары на чужих кораблях.

Крупная посредническая торговля далеко не исчерпывала коммерческой деятельности древних греков. Важное место в жизни греческих городов занимала мелкая розничная торговля на рынках. В Афинах нам известны по крайней мере два крупных рынка: один — в Пирее, другой — в самом городе Афинах, к северо-западу от ареопага. Торговля велась преимущественно под открытым небом или в легких палатках (скене) из тростника и прутьев. Главным центром торговли служили *торговые ряды*, называемые *киклой* (круги). *Гарпократион* (греческий ритор и филолог из Александрии, II—III вв. н. э.) объясняет это название тем, что торгующие становились в круг. Каждый ряд был отведен под торговлю одним определенным товаром. Существовал особый ряд для торговли рабами. У нас есть сведения о том, что рабов продавали в определенное время — в начале каждого месяца. В источниках упоминаются также рыбные, масляные, винные, горшечные, бобовые и другие ряды. Повсюду с лотков продавали редьку, бобы, сушеные сливы, смоквы. Звонкие голоса торговцев и торговков предлагали купить масло, вино, уксус и пр. На рынке всегда толпилось множество торговцев, торговок, флейтистов, фокусников, солдат и матросов.

Живо и ярко обрисован афинский рынок в комедии Аристофана «Лисистрата». Главная героиня этой комедии Лисистрата считает необходимым первым делом навести порядок на рынке. Прежде всего, заявляет она, надо запретить солдатам с оружием в руках, как дуракам, шататься по базару. Ведь они постоянно толпятся в горшечном и зеленном рядах. Лисистрата рассказывает, что собственными глазами видела на рынке командира верхом на лошади, накладывавшего в свой медный шлем яйца¹.

Афинское демократическое правительство в V и особенно в IV в. уделяло торговле очень большое внимание. Аристотель сообщает², что вопрос о хлебоснабжении ежегодно обсуждался народным собранием наряду с вопросом о защите страны. Аристотель перечисляет и должностных лиц, в обязанности которых входило наблюдение за торговлей. «Избираются по жребию также десять агораномов (рыночных надзирателей. — *Ред.*) — пять для Пирея, пять для города. На них возлагается законами обязанность наблюдать за всеми товарами, чтобы их продавали без

¹ Аристофан, *Лисистрата*, 576—585.

² Аристотель, *Афинская политика*, 43, (4).

примеси и подделки. Еще избираются по жребию десять метрономов. Они наблюдают за всеми мерами и весами, чтобы торговцы употребляли правильные. Далее — ситофилаки (хлебные надзиратели.— *Ред.*), избирающиеся по жребию, раньше их было десять — пять для Пирея и пять для города, теперь же (т. е. в IV в. до н. э.— *Ред.*) их двадцать для города и пятнадцать для Пирея. Они наблюдают прежде всего за тем, чтобы на рынке зерновой хлеб продавался справедливо, далее, чтобы мельники продавали ячменную муку в соответствии с ценой ячменя, а булочники — пшеничный хлеб в соответствии с ценой пшеницы, и, притом, чтобы булки имели такой вес, какой они им укажут. Закон велит надзирателям устанавливать это. Далее избирают по жребию десять портовых эпимелетов (попечителей.— *Ред.*). Им вменяется в обязанность наблюдать за торговыми пристанями, и из прибывающего в хлебную пристань хлеба они должны заставлять торговцев две трети доставлять в город»¹.

В течение всей истории древней Греции важную роль в торговле и коммерческой деятельности играли *греческие храмы*, в частности храм Аполлона на Делосе, о чем свидетельствует обширная надпись середины IV в. Из нее мы узнаем, что храмы кредитовали не только частных лиц, но целые города и государства.

Судя по той же надписи, греческие храмы располагали крупной земельной собственностью, вели большое хозяйство, имели свои дома, мастерские, своих рабов и арендаторов.

В условиях разобщенности эллинских общин, постоянных войн и ссор храмы выполняли роль международных (междоуобщинных) посредников и займодавцев и обеспечивали возможность обмена на *храмовых ярмарках*.

Помимо доходов от всевозможных спекуляций, торговли и мастерских, храмы собирали «священные налоги». В греческих полисах не существовало ни одного вида собственности или отрасли труда, с которых бы не взимались священные налоги в пользу того или другого святилища. При основании городов и разделе земель всегда выделялся «священный участок». Сбор плодов, приплод животных, получение наследства, замужество, удачная игра, отпуск рабов — все эти случаи были поводом отчисления известной части доходов в пользу храма.

Оживленная торговля шла во время общегреческих религиозных праздников, например Олимпийского праздника в честь Зевса, устраивавшегося раз в четыре года в июле. Со всех концов эллинского мира стекались на него толпы народа. Дни олимпийских торжеств были днями всеобщего мира во всей Греции. Прибывавшие на праздник располагались в деревянных бараках, более состоятельные останавливались в храмовых гостиницах. Нигде социальное неравенство так не бросалось в

¹ Там же, 51, (1—4).

глаза, как на этих всенародных праздниках. Несмотря на внешнюю демократичность, хозяевами положения на них были богатые граждане, которые содержали большие конюшни, имели свободное время для тренировок, участвовали в конных состязаниях и одерживали на них победы. В дни праздников устраивались обширные ярмарки. Они приносили много доходов храмам от сбора всевозможных пошлин, взимавшихся с торговых сделок.

Развитие торговли способствовало установлению тесных экономических контактов между многими греческими городами, порождало потребность в постоянном деловом общении граждан этих городов. Однако подобному общению препятствовала характерная для политической жизни древних греков обособленность, присущая в большей или меньшей мере всем эллинским полисам. В греческих государствах полноправные граждане пользовались привилегиями и правами только внутри своей общины, а за пределами своего полиса превращались в бесправных иностранцев, фактически теряли права гражданства. Весьма показательно, что в словаре *Гезихия* (филолога из Александрии, жившего в V или VI в. н. э.) слово *хелос*, означающее «иностранец», имело также значение «враг». Иностранец в любом греческом государстве не имел гражданских прав и не мог приобрести их путем натурализации, что присуще современному праву европейских народов. Он не мог заключить законного брака с женщиной из другого полиса. От Ксенофонта мы узнаем о законе, запрещавшем иностранцу владеть в Афинах землей, даже если он давно жил в городе и играл не последнюю роль в его экономике. Иностранцы не могли завещать собственность и получать по завещанию, свидетельствовать на суде и т. п. Однако подобные ограничения не всегда соблюдались.

Развитие связей и общение между городами требовало если не полной отмены, то во всяком случае смягчения законов, охранявших обособленность греческих полисов. Уже в ранние периоды греческой истории возникают обычаи и установления, регулирующие отношения между гражданами различных городов-государств. К ним прежде всего относится *проксения*, восходящая к древнему обычаю гостеприимства, когда кто-либо из граждан одного полиса на началах взаимности оказывал помощь и покровительство гражданину другого полиса. Первоначально такое гостеприимство было делом частной инициативы, но в дальнейшем в эти отношения начинают вмешиваться органы государства, заинтересованного в поддержании дружественных связей с тем или иным полисом. Правительство полиса поручает заботу об иностранцах особым уполномоченным — *проксенам*. Проксены были гражданами того полиса, в котором они осуществляли проксению по отношению к иностранцам. Проксены были их защитниками и посредниками перед прави-

тельством. Через проксенов велись и дипломатические переговоры: приезжавшие в город посольства прежде всего обращались к своему проксену.

Так постепенно из обычая частного гостеприимства вырос институт, весьма близкий по своим функциям к современным посольствам и консульствам. Однако характер частного гостеприимства проксения сохраняла всегда. От современных посольств и консульств проксения отличается еще и тем, что она осуществлялась гражданином своего города и в своем городе по отношению к иностранцам — гражданам чужого города, тогда как послы и консулы в современной дипломатической практике берут на себя защиту не чужих, а своих граждан и не в своем государстве, а в чужом.

Практически система гостеприимства лишь отчасти защищала иностранцев и тем самым не снимала всех преград, порожденных обособленностью греческих государств, делением на граждан и иностранцев. По этой системе иностранец еще не мог пользоваться правами гражданина в городе, куда он прибыл.

Следующим шагом в упрочении связей между греческими государствами было соглашение об *исополитии*. По такому соглашению гражданам одного государства предоставлялись в другом государстве те же государственные и частные права, какими пользовались местные граждане. Исополития была двух видов: в первом случае обе договаривающиеся стороны устанавливали для своих граждан одни и те же права в соответствии с заключаемым договором; во втором предусматривалось не взаимное, а одностороннее предоставление прав гражданства иностранцам, главным образом за различные заслуги и помощь. Например, платейцы пользовались исополитией в Афинах; ограниченная исополития распространялась в Афинах на эвбейцев; наконец, за особые заслуги перед государством исополитию получали отдельные частные лица; к ним относится упоминавшийся выше трапедзит Пасион в Афинах.

Не менее важную роль во взаимоотношениях греческих государств играли так называемые *симболы*, т. е. договоры о правовых нормах различных судебных процессов, возникавших между гражданами разных городов в связи с торговлей, кредитными операциями и разного рода сделками.

Симболы разрешали спорные вопросы и регулировали отношения между гражданами главным образом союзных или по крайней мере дружественно настроенных друг к другу городов. К подобным договорам следует отнести и монетные соглашения, например между Митиленой и Фокеей и др.

С практикой исополитий и симбол связана и идея арбитража, воплощением которой являются третейские суды. В ряде сохранившихся надписей содержатся сведения о таких судах и выносимых ими решениях.

5. Особенности рабовладельческой экономики

Многие буржуазные ученые сближают античный и капиталистический строй и пишут об античном капитализме, античном пролетариате и т. д. Модернизация социальных и экономических отношений античной эпохи — один из главных и типичных пороков буржуазной историографии.

Основное историческое различие между системой хозяйства древней Греции и системой капиталистического хозяйства заключается в том, что в основе экономической жизни древних греков лежала собственность господствующего класса рабовладельцев не только на средства производства, но и на труд основных производителей — рабов.

Рабочая сила в античную эпоху не была товаром, как в капиталистическом обществе, а присваивалась классом эксплуататоров методами самого грубого внеэкономического принуждения.

Из этого главного отличия рабовладельческого строя от строя капиталистического вытекают и остальные. При рабовладельческом строе дольше, чем при капитализме, сохраняются *элементы натурального хозяйства*. «Но и система рабства, — пишет К. Маркс, — поскольку она представляет собой господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т. д., как это было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара-рабочей силы — посредством войн, морского разбоя и т. д. А весь этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя собой натуральное присвоение чужой рабочей силы путем прямого физического принуждения»¹.

Натуральным характером античного хозяйства объясняются многие особенности быта и культуры древних народов.

«Но древние и не думали о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления.) Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроизводительные затраты — на художественные произведения, религиозные сооружения, общественные работы. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и развертывании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и

---

¹ К. Маркс, *Капитал*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 24, изд. 2, стр. 544.

науки в частном производстве»¹. Натуральностью античного хозяйства можно объяснить и политическое своеобразие полиса — непосредственное участие граждан в управлении, раздачах, лигтургиях и т. д.

Другой особенностью рабовладельческих обществ является *замедленное развитие производительных сил*. Маркс со всей полнотой показывает, почему рабовладельческое производство не способствует техническому прогрессу. Раб не заинтересован в работе и поэтому, несмотря на все меры принуждения, небрежно относится к орудиям труда, плохо обращается с животными, при первой возможности оставляет мастерскую, с презрением относится к своей (рабской) работе.

Рабовладельческая система оправдывает себя только до известного предела — до определенного технического и культурного уровня. За этим пределом рабство перестает экономически себя оправдывать и становится помехой дальнейшего прогресса. Тогда неизбежно наступает кризис рабовладельческого производства и покоящегося на его основе рабовладельческого общества. Для поддержания рентабельности рабовладельческого производства прибегают к различным *внеэкономическим мерам* — военным захватам, установлению политической гегемонии, торговой монополии, концентрации производства в немногих главных центрах и т. д. Этим объясняется первостепенное значение войн в рабовладельческих обществах и постоянные передвижения центров производственной и культурной жизни (Милет, Афины, Коринф, Александрия и пр.).

Маркс также отмечает, что в античных обществах *торговый капитал* играл иную роль, чем в капиталистических, что объяснялось специфическими особенностями рабовладельческого способа производства. Торговый капитал, как известно, сам по себе еще не создает формации и с логической необходимостью не приводит непременно к образованию индустриального капитализма, т. е. капитализма в собственном смысле.

Ремесленные мастерские, представлявшие собой основную производственную единицу в период расцвета античного мира, не могли создать ни соответствующих технических условий, ни социальных предпосылок капитализма.

«В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу

¹ К. Маркс, *Теории прибавочной стоимости* (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 533.

производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами»¹.

О категориях капитала в античной экономике Маркс оставил нам ряд интересных замечаний. Функции основного капитала при рабовладении выполняет раб — начальный и конечный пункт производственного процесса. «При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, в течение активного периода жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получал непосредственно, путем промышленного использования своего раба, или косвенно, отдавая его в наем другим лицам, применявшим труд рабов в промышленности (например, в горном деле), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал,— точно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс износ основного капитала промышленный капиталист считает процентом и возмещением его основного капитала, что является правилом у капиталистов, сдающих в аренду свой основной капитал (дома, машины и т. д.). Простые домашние рабы, служат ли они для оказания необходимых услуг или только для показной роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги»².

Рента и прибыль в античной экономике не дифференцированы. В античном мире «земельный собственник есть в то же время и капиталист...»³.

Прибавочная стоимость в рабовладельческом хозяйстве сводится к стоимости раба, которую он должен окупить своим трудом.

«Возьмем, напр., рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выколочена из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд»⁴.

Таким образом, принципиальная разница между рабовладельческой и капиталистической системой хозяйства очевидна.

Однако, подчеркивая принципиальные отличия античной (рабовладельческой) формации от капиталистической, не следует

¹ К. Маркс, *Капитал*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 25, ч. 1, изд. 2, стр. 364—365.

² К. Маркс, *Капитал*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 24, изд. 2, стр. 544.

³ К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 800, прим. 42а.

⁴ Там же, стр. 822.

недооценивать роль рабства как исторически необходимого фактора в истории средиземноморской культуры. На известной ступени исторического развития рабство не регрессивное, а прогрессивное явление, разложившее родовую общину и подготовившее почву для перехода к высшей, феодальной формации.

«Нет ничего легче, как разражаться целым потоком общих фраз по поводу рабства и т. п., изливая свой высоко нравственный гнев на такие позорные явления... введение рабства при тогдашних условиях было большим шагом вперед»¹.

ГЛАВА XII

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

1. Причины и начало войны

Афины и Спарта в V в. до н. э. были двумя центрами, вокруг которых сложились два самых крупных политических объединения Греции — Афинская морская держава и Пелопоннесский союз. Соперничество между ними росло с каждым годом и, наконец, во второй половине V в. вылилось в панэллинскую междоусобную войну, известную в истории под названием *Пелопоннесской* (431—404 гг.).

По мнению Фукидида, нашего главного источника по всем вопросам, связанным с Пелопоннесской войной, истинная причина войны состояла в том, что богатство и влияние афинян стали внушать опасения спартанцам, и это вынудило их начать войну. Фукидид исходил из той политической ситуации, которая возникла в Элладе после греко-персидских войн. Война между Афинами и Пелопоннесским союзом подготовлялась давно и была следствием ряда причин как экономических, так и политических. Центральным экономическим вопросом в период после греко-персидских войн был вопрос о *западном рынке*. До этих войн главным рынком сбыта продуктов греческого ремесла и поставщиком сырья служил Восток. Посредническая торговля с Востоком явилась основой расцвета малоазийских городов. После разгрома персов в связи с общим подъемом экономической жизни у греков появилась настоящая потребность в дальнейшем расширении сферы своей торговой деятельности. Помимо восточных рынков, греки владели рынками на севере — в Македонии и во Фракии, затем на западе — в Сицилии и Италии. В V в. западный рынок становится главным рынком Средиземного моря.

---

¹ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 186.

Торговые успехи Афин на Западе создавали угрозу жизненным интересам Коринфа — влиятельнейшего члена Пелопоннесского союза. У коринфян были все основания опасаться, что Афины вытеснят их с западного рынка и весь итало-сицилийский экспорт пойдет через Пирей. Первостепенное значение для соперничавших сторон имело также обладание гаванями острова Керкиры и Эпидамна, расположенными на пути между Грецией и Италией. Интересы Афин и торговых городов Пелопоннесского союза сталкивались также на севере — во Фракии и Македонии.

Таким образом, торговое соперничество между Афинами, Коринфом, а также Мегарами не могло не привести к столкновению двух объединений полисов, тем более, что их разделяли глубокие политические противоречия. Политика Спарты, повсеместно поддерживавшей олигархические элементы, и политика Афин, опиравшихся во всех союзных ей городах на демократию, борьба Афин за расширение сферы политического влияния создавали напряженную обстановку во всем эллинском мире. Война становилась неизбежной.

Между тем во всех греческих городах, независимо от их принадлежности к Афинской державе или Пелопоннесскому союзу, имелись боровшиеся друг с другом сторонники олигархического и демократического строя. Поэтому назревавшая война между двумя объединениями греческих государств не могла не приобрести черты войны гражданской.

К середине V в. все эти противоречия достигли такой остроты, что обе стороны вступили на путь активных военных приготовлений.

Определенную роль в обострении отношений сыграли также эмигранты. В Афинах обосновались все элементы, враждебные Спарте; в городах Пелопоннесского союза находили приют противники демократии, агитировавшие против афинской конституции и ее вождей.

Демократия Афин верила в свои силы и была убеждена в том, что она одержит победу в предстоящей войне. Это особенно отчетливо звучит в приводимой Фукидидом речи Перикла, произнесенной им накануне Пелопоннесской войны¹. Перикл говорил, что афиняне во всех отношениях сильнее и богаче пелопоннессцев. У последних нет денег — ни у государства, ни у частных лиц. Поэтому они могут вести только кратковременные небольшие войны, а продолжительной войны или блокады не выдержат. Афиняне же имеют богатую казну и сильный флот. Спартанцы не рискнут напасть на афинскую эскадру, ибо у них нет опыта в морском деле, научиться же морскому делу значи-

---

¹ Фукидид, I, 140—144.

тельно труднее, чем сухопутному. Опаснее всего, если пелопоннесцы, захватив сокровища Дельфийского и Олимпийского храмов, переманят у афинян иноземных матросов, но и тогда Афины не погибнут, так как у них много собственных граждан и метеков, знающих море и всегда готовых постоять за свое отечество.

Из содержания речи Перикла в передаче Фукидида вытекает, что афиняне прежде всего возлагали надежды на свой флот. На суше они, безусловно, чувствовали себя слабее своего противника. К этому нужно добавить, что большинство аттического крестьянства, опасаясь вторжения врага в Аттику, было настроено отнюдь не воинственно. Перикл это хорошо понимал. По его расчетам, афиняне должны были, используя мощь своего флота, повести решительные военные действия на море, на суше же придерживаться оборонительной тактики.

Поводом к войне послужил демократический переворот в городе *Эпидамне*, важном в торговом отношении. Эпидамн — греческая колония, основанная Керкирой, но в числе первых колонистов там были и коринфяне. В результате демократического переворота из Эпидамна были изгнаны олигархи, которые, объединившись с варварами, стали нападать на город с суши и с моря. Эпидамнские демократы обратились тогда к своей метрополии — Керкире, но, не получив помощи, заручились поддержкой Коринфа, соперничавшего с Керкирой.

В 435 г. из Коринфа был выслан гарнизон. Тогда керкиряне приняли сторону изгнанных олигархов и вступили в войну с коринфянами. В морской битве керкиряне одержали победу, но, не надеясь на собственные силы, в 433 г. заключили оборонительный союз с Афинами. Последние направили к Керкире эскадру с намерением вступить в борьбу лишь в том случае, если коринфяне попытаются высадиться на территорию, принадлежащую Керкире. В 433 г. при *Сиботских островах* началась битва, в которой керкиряне терпели поражение. Тогда афиняне вступили в бой, что заставило коринфян отступить. Вмешательство афинян было истолковано как нарушение тридцатилетнего мира между Афинами и Пелопоннесским союзом.

К эпидамнскому конфликту присоединился конфликт между афинянами и коринфянами из-за коринфской колонии Потидея на Халкидике, очень важном пункте в торговле Коринфа с Македонией.

Потидея была колонией Коринфа, и оттуда в Потидею ежегодно посылались управители (эпидамиурги). В то же время Потидея, подобно другим городам Халкидики, входила в состав Афинского морского союза. После столкновения с Афинами у Сиботских островов коринфяне стали подбивать Потидею выйти из союза. Тогда афиняне потребовали, чтобы эпи-

дамиурги были изгнаны из Потидеи, стены срыты и выданы заложники. В ответ на это Потидея и соседние с ней города официально вышли из союза. После этого афиняне направили к Потидее свои военные силы. Несмотря на помощь коринфян, потидейцы потерпели поражение и укрылись в городе, который афиняне обложили со всех сторон. Тогда коринфяне с большой настойчивостью стали побуждать Спарту вступить с Афинами в войну. Коринфян поддерживали мегаряне, старые враги Афин. Афиняне закрыли для их торгового флота свои гавани и гавани союзных городов (*мегарская псефисма*, 432 г.) под предлогом, что мегаряне распахали священную землю и приняли беглых афинских рабов.

Вначале военные планы не находили большой поддержки у пелопоннесцев: слишком велик был страх перед военной мощью Афин и сильны внутренние противоречия в государствах самого Пелопоннесского союза.

Осенью 432 г. в Спарте собрались *делегаты* от государств, входивших в Пелопоннесский союз. Коринфяне на этом конгрессе выступили с резкими обвинениями против афинян. Однако, несмотря на настойчивость коринфян, большинство союзников не желало вступать в войну из-за интересов Коринфа, полагая, что возникший конфликт касается только приморских городов. В ответ на это послы Коринфа указывали на опасность роста Афинской архе, угрожавшей свободе и независимости всех греческих городов.

«Поймите же, союзники,— передает Фукидид приблизительно-ный смысл речей коринфских послов,— что настала крайняя нужда и мы даем наилучший совет: голосуйте за войну, не страшась опасностей настоящей минуты, в интересах более продолжительного мира, который последует за войной. Кроме того, небезопасно воздерживаться от войны ради минутного покоя. Будьте уверены, что образовавшееся в Элладе тираническое государство угрожает нам всем одинаково. Над одним оно уже властвует, над другими замышляет властвовать. Поэтому пойдем и укротим его; тогда в будущем мы и сами будем жить, не подвергаясь опасности, и поработенным теперь эллинам даруем свободу»¹.

В конце концов Спарта отправила в Афины посольство, предъявившее афинскому правительству ультимативные и явно неприемлемые для афинян требования. Рассчитывая на сочувствие своих сторонников в Афинах из враждебного демократии и спартанофильски настроенного лагеря олигархии, спартанцы потребовали немедленного изгнания за пределы Аттики Алкмеонидов, в том числе, следовательно, и Перикла, поскольку его мать происходила из этого рода. Алкмеониды обвинялись в том,

¹ Фукидид, I, 124.

что они до сих пор не смыли с себя тяготевшее над ними проклятье «килонова убийства». Вместе с тем спартанские делегаты требовали автономии для всех членов Афинской архе, что практически означало бы роспуск морского союза.

Афинская эkkлeсия под влиянием Перикла категорически отвергла ультимативные требования Спарты. Тогда недовольные этим решением политические и личные враги Перикла начали против него и его друзей открытую клеветническую кампанию.

После отказа Перикла принять спартанские условия война началась. Противники обладали приблизительно равными силами. Если афиняне были слабее на суше, то спартанцы — на море. Афинский флот к началу военных действий насчитывал свыше 300 боевых триер, флот же пелопоннесцев был ничтожен. Кроме того, афиняне были несравненно лучше подготовлены к войне и в финансовом отношении. В афинской казне в это время хранилось шесть тысяч талантов наличными; к тому же афиняне ежегодно получали до 600 талантов фороса; пелопоннесцы же вообще не располагали большими денежными средствами.

Первое десятилетие войны (431—421 гг.) получило название *Архидамового*, по имени спартанского царя Архидам. Он возглавил военные силы Спарты и Пелопоннесского союза и осуществил ряд вторжений в Аттику. Военные действия открыли союзники спартанцев — фиванцы — ночным налетом на союзный с Афинами беотийский город Платей (431 г.). Нападение не удалось. Фиванцы были частью перебиты, частью захвачены в плен и потом казнены. Афиняне для защиты Платей отправили туда гарнизон.

Спустя два месяца спартанский царь Архидам с войском, состоявшим из спартанцев и их союзников, вторгся в Аттику и, уничтожая оливковые и виноградные насаждения, подверг ее опустошению. Он стремился к тому, чтобы спровоцировать афинян на сухопутное сражение, в котором перевес оказался бы на его стороне. Но этот план был разгадан Периклом. Сельское население с территории, подвергшейся нападению, было эвакуировано в Афины под защиту городских стен и башен. Хотя город был переполнен, господство на море позволило афинянам обеспечить бесперебойное снабжение его продовольствием.

На вторжение в Аттику Афины ответили посылкой своего флота к берегам Пелопоннеса. В нескольких пунктах афиняне высадили десанты и произвели ответные опустошения. В то же время Афинам, наконец, удалось привлечь на свою сторону Македонию, оказавшую им помощь в военных действиях на территории Халкидики.

Через месяц Архидам очистил Аттику и вернулся в Спарту. Этим воспользовались афиняне и жестоко расправились с Эги-

ной и Мегарами — спартанскими союзниками и торговыми соперниками Афин.

Первый год войны не оправдал расчетов Спарты и ее союзников. Вторжение пелопоннесцев не заставило афинян пойти на переговоры о мире. Между тем пелопоннесское войско не было способно на продолжительную оккупацию Аттики. Войско это представляло собой гражданское ополчение, т. е. состояло не из профессиональных воинов, а из людей, которые, уйдя в поход, были оторваны от своих обычных мирных занятий и, естественно, стремились вернуться к ним как можно скорее. Кроме того, у спартанцев были все основания опасаться, что более или менее продолжительное отсутствие большого числа боеспособных граждан может быть использовано илотами для восстания в тылу. Не оправдались расчеты спартанцев и на серьезные осложнения внутри Афинского союза, в общем выдержавшего испытания первого года войны.

В 430 году пелопоннесцы опять вторглись в Аттику. На этот раз их вторжение было еще опустошительнее. Спасаясь от врага, толпы деревенского люда снова хлынули в город, осев на небольшом пространстве, совершенно не приспособленном для такой массы людей. Люди жили в ужасных условиях, ночевали на улицах и в башнях, валялись на ступеньках храмов и портиков, на крышах домов. Страшная теснота, невозможность соблюдать элементарные правила санитарии способствовали распространению эпидемии занесенной откуда-то чумы, уносившей множество человеческих жизней.

Классическое по правдивости, глубине и художественному мастерству описание чумы дано Фукидидом¹. Столь свирепой чумы и такой большой смертности в памяти людей не было еще нигде и никогда. Врачи чувствовали себя бессильными. Первое время они пытались лечить больных и, не зная характера болезни, умирали сами; в дальнейшем же убедились, что всякое человеческое искусство против этой болезни бессильно.

Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и прорицателям, все было бесполезно. Наконец, одолеваемые бедствиями, они отказались от этого. Полагали, что болезнь была занесена из Египта, куда она проникла из Эфиопии. Эпидемия прежде всего обрушилась на жителей Пирея, поэтому афиняне утверждали, будто бы пелопоннесцы отравили там цистерны с водой.

Умиравшие лежали один на другом, как трупы, или ползали по улицам, около источников, мучимые жаждой. Храмы и алтари, где пришельцы жили в палатках, были полны трупов. «Ввиду того что болезнь слишком свирепствовала, люди, не зная, что с ними будет, переставали уважать божеские и челове-

¹ Фукидид, II, 47—54.

ческие установления. Все обряды, какие соблюдались раньше при погребении, были попорчены, и каждый совершал похороны, как мог».

Эпидемия выбила афинян из колеи и расшатала основы государственности и порядка.

«Теперь,— пишет Фукидид, заканчивая свой рассказ об эпидемии,— каждый легче отваживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнузданности; люди видели, с какой быстротой происходила перемена судьбы, как внезапно умирали богатые и как люди, ничего прежде не имевшие, тотчас завладевали достоянием покойников... Людей несколько не удерживали ни страх перед богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково, и потому считали безразличным, будут ли они чтить богов или не будут; с другой стороны, никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет по суду наказание за свои преступления»¹.

2. Падение Перикла. Клеон. Никиев мир

Афинский флот блокировал пелопоннесские берега, разрушил несколько городов и захватил пленных. Еще одна афинская флотилия успешно вела осаду Потидеи на Халкидике. Осада уже подходила к концу, когда в афинском флоте открылась эпидемия. Эпидемия быстро распространялась, люди умирали сотнями. Афинской эскадре пришлось вернуться обратно, и под Потидеей остались только сухопутные войска. Лишь зимой 430—429 гг. Потидея вынуждена была капитулировать.

Тяжелые последствия эпидемии и затянувшейся войны не замедлили сказаться и в сфере политической. Афинское крестьянство, разоренное вторжениями врага, выражало острое недовольство. Вызванный войной застой в ремесленном производстве и торговле пагубным образом отразился на жизненном уровне широких слоев городского населения. Активизировались олигархи и ранее враждебно настроенные по отношению к существовавшему в Афинах политическому строю.

Всю вину за военные неудачи и бедствия недовольные сваливали на Перикла. Оппозиция против Перикла усиливалась. Противники войны настаивали на отправке посольства в Спарту для заключения мира. Однако это предложение было отклонено, и война продолжалась. Афинян преследовали несчастья: простой народ страдал потому, что лишился самого необходимого, состоятельные же люди были недовольны потому, что потеряли свои богатства — дома, расположенные на территории Аттики, и утварь, но те и другие выражали недовольство прежде всего потому, что продолжалась война.

¹ Фукидид. II, 53.

Чем больше бедствий обрушивалось на афинян, тем больше падал авторитет Перикла. Враги поднимали голову со всех сторон. Одни упрекали его и угрожали ему, требуя от него отчета во всех поступках, другие сочиняли про него песни и сатиры, называя его трусом и изменником, продавшимся врагам. Особенно возмущались войной и вызванным ею разорением массы бесприютного населения, скопившегося в городе.

Недовольство Периклом было так велико, что в 430 г. его даже не избрали стратегом. Мало того, он был обвинен в неправильном расходовании государственных средств и приговорен к уплате высокого штрафа. Однако ему удалось восстановить свой авторитет: в 429 г. он был снова избран первым стратегом, но в этом же году стал жертвой эпидемии.

После смерти Перикла положение афинян продолжало ухудшаться. В Аттику снова вторглись вражеские войска. На четвертый год войны, в 428 г., от Афин отложился важный союзник — *Митилена* — крупнейший город на острове Лесбосе. Восстание организовали митиленские аристократы, тяготившиеся афинской опекой и уже давно подготавлившие переворот. В 427 г. афинский стратег Пахет с помощью митиленских демократов захватил мятежный город, а пленных аристократов отправил в Афины, запросив, как ему поступить с остальными жителями.

В афинской экклесии по этому поводу развернулись страстные дебаты. Демократическая группировка, на которую опирался Перикл, к этому времени раскололась на две части. Одни из его прежних сторонников, сблизившись с аристократией, утратили интерес к продолжению военных действий, другие, образовавшие новую, более радикальную демократическую группу, настаивали на продолжении войны до полной победы. Вождем первой группы был богатый *Никий*, сын Никерата, человек способный, но излишне осторожный и суеверный. До нас дошла его биография, написанная Плутархом. В демократических кругах Никий не пользовался симпатией.

Демократическую группу возглавлял *Клеон*, сын афинского кожевника. Клеон открывает галерею общественных деятелей Афин, за которыми утвердилось название *демагогов*. Демагог — в буквальном смысле «вождь народа». Первоначально это слово не имело того отрицательного, одиозного значения, какое оно приобрело впоследствии с легкой руки историков из лагеря противников демократии, ненавидевших Клеона и его последователей и изображавших вождей радикальной демократии корыстными честолюбцами, обманывавшими народ.

Клеон, «наглейший из всех граждан, в то время пользовался величайшим доверием народа»¹, — так характеризует Клеона Фукидид, враждебно к нему настроенный. Не лучшего мнения о

¹ Фукидид, III, 36, 5.

Клеоне и Аристотель. Но ни Фукидид, ни Аристотель в данном случае не могут служить авторитетами, так как они выражают точку зрения политических противников Клеона.

Однако в исторической действительности, по всем признакам, дело обстояло иначе. Популярность Клеона возрастала уже давно по мере того, как падала популярность Перикла.

В одной из комедий афинского писателя *Гермиппа*, написанной в самом начале Пелопоннесской войны, к Периклу обращены следующие слова:

О владыка сатиров, скажи, почему
Взять не хочешь ты в руки копье, лишь из уст
Ты воинственный пыл изрыгаешь, душа же,
Как у Телета, спряталась в пятки?
Стоит только тебе увидеть, как кинжал
На наждачном бруске начинают точить,
Как блестит лезвие, ты визжишь, убоясь
Молниеносного гнева Клеона¹.

Следует думать, что такое мнение о Перикле разделялось довольно широким кругом афинских граждан. Многие из них обвиняли Перикла в недостаточно энергичном ведении войны, нерешительности и т. д. Поэтому Клеон в противовес Периклу выдвинул программу решительных военных действий и твердой политики по отношению к союзникам.

Клеон полагал, что для успешного окончания войны и сохранения Афинской архе необходимо напряжение всех сил и использование всех государственных средств, беспощадная расправа с непокорными союзниками и пацифистски настроенными гражданами.

Вторжение спартанцев в Аттику и отложение Митилены дали Клеону повод для выступления в эkkлeсии с обвинением афинского демоса в нерешительности и слабости.

Фукидид так передает его речь: «Много раз уже я приходил к убеждению, что демократическое государство неспособно властвовать над другими... Впадая в ошибки под влиянием или речей их, или же из сострадания к ним, вы не думаете о том, что слабость ваша не безопасна для вас, союзникам же она не внушает признательности к вам. Вы не считаетесь с тем, что ваше владычество есть тирания и что союзники ваши питают враждебные замыслы к вам и лишь против воли терпят вашу власть. Они слушаются вас не потому, что вы делаете им добро и тем вредите себе, но скорее потому, что вы превосходите их могуществом, и никакой роли не играет тут их расположение к вам»².

---

¹ Плутарх, *Перикл*, 33.

² Фукидид, III, 37.

Афинский демос, указывал далее Клеон, привык слушать и обсуждать, а не действовать. Афинская экклесия больше походит на театр, где слушают все приятное для слуха, а не действуют, когда надо действовать. Из этого проистекают тяжелые последствия, угрожающие разрушением самого государства. На этом основании Клеон требовал беспощадной расправы с дерзнувшими не подчиниться державной воле Афин жителями Митилены. Расправа с митиленянами, казнь и продажа в рабство всего населения, говорил Клеон, должны будут послужить хорошим уроком и для других союзников, тоже всегда готовых отложиться от Афин.

Ослабление военных усилий и отделение союзников грозили смертельной опасностью Афинской архе. Все государственные запасы, которыми еще недавно так гордился Перикл, были истощены. Казна опустела, а число претендентов на государственное вспомоществование в обстановке военных бедствий возросло. Вследствие этого афиняне были вынуждены увеличить обложение союзных городов форосом, что усилило недовольство союзников, и без того тяготившихся произволом Афин и с большой неохотой выплачивавших взносы в афинскую казну.

С приходом к власти Клеона отношения между союзниками и Афинами обострились. Это особенно ярко проявилось во время митиленского процесса. Правда, предложение Клеона о поголовном истреблении всех митиленян не было проведено в жизнь, но все же с мятежным городом расправились чрезвычайно жестоко. Тысяча арестованных Пахетом митиленян была казнена, и часть городской территории конфискована. На конфискованной земле было поселено около трех тысяч афинских клерухов. Стены Митилены были срыты, а флот выдан Афинам.

Тем временем военные действия продолжались. Началась новая, более решительная фаза войны. Еще в 429 г. пелопоннесцы осадили Платей. После их капитуляции в 427 г. спартанцы разрушили город до основания и убили 200 платейцев и 25 афинян.

В 425 г. афинский стратег *Демосфен* неожиданно для спартанцев захватил с моря гавань Пилос на побережье Мессении. Эта гавань, расположенная в удобном для стоянки судов месте, представляла собой естественную крепость, находившуюся на расстоянии всего около 80 километров от Спарты. Демосфен укрепился в Пилосе и намеревался поднять массовое восстание мессенских илотов против Спарты. Над Спартой нависла угроза серьезных осложнений в ее собственном тылу, тем более опасная, что в это время большая часть спартиатов принимала участие в очередном походе в Аттику.

Спартанцы предприняли отчаянную попытку вернуть Пилос, но она не увенчалась успехом. Чтобы запереть Демосфена в пилосской гавани, отряд спартанцев и их союзников, состоявший из 420 гоплитов, занял остров *Сфактерию*, лежавший против

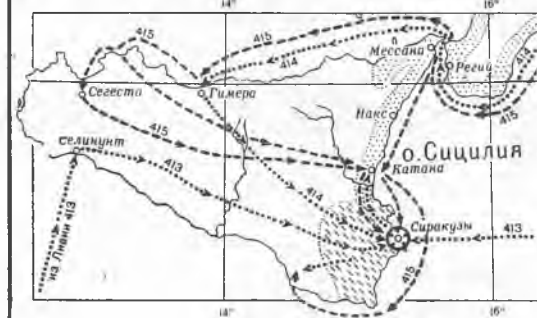
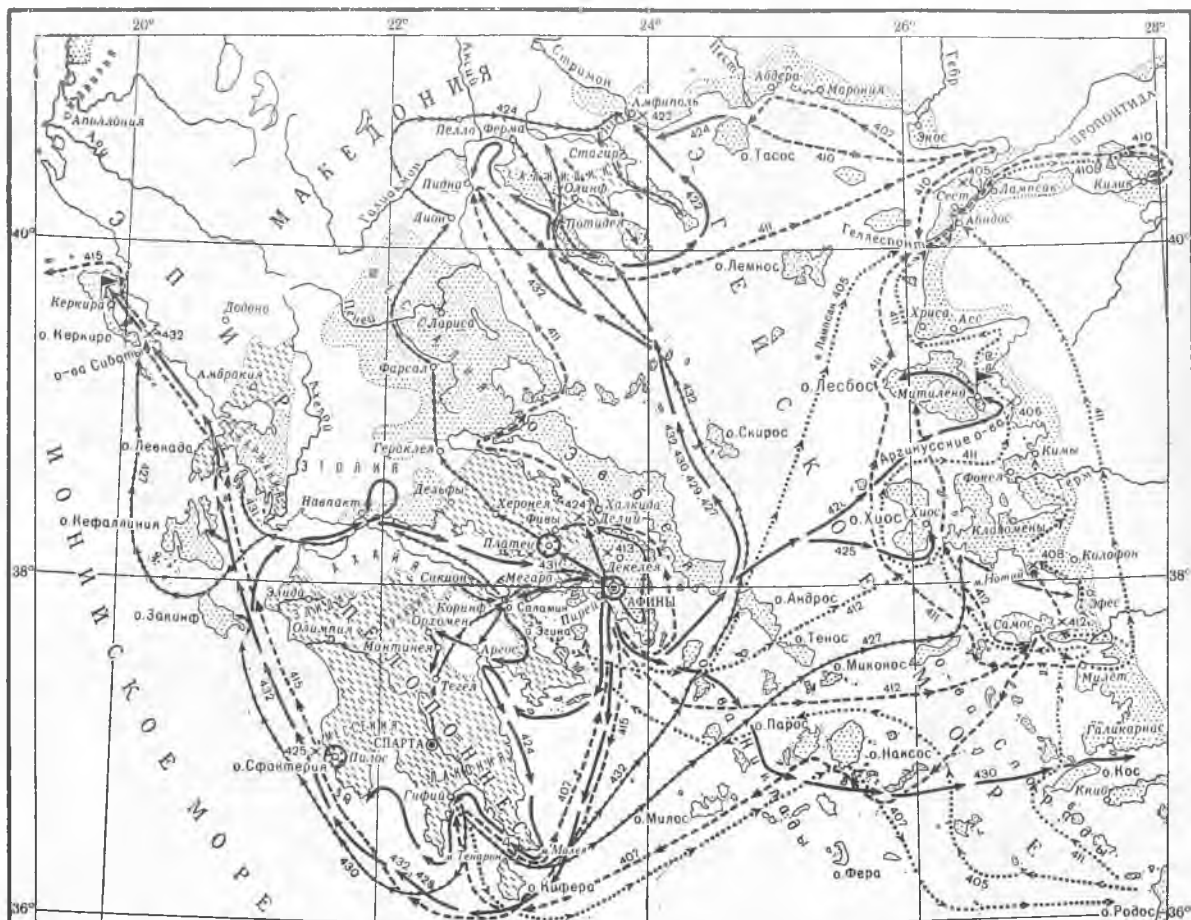
Пилоса. Однако Демосфену удалось продержаться до тех пор, пока не пришло подкрепление. В сражении у Пилоса афинский флот уничтожил пелопоннесские корабли, и остров Сфактерия со спартанскими гоплитами оказался отрезанным. Афиняне приступили к осаде Сфактерии, но она затянулась. Спартамцам удалось организовать подвоз продовольствия осажденным, а на штурм Сфактерии Демосфен долгое время не решался.

Между тем спартанцы заключили с афинянами перемирие и отправили в Афины посольство с предложением мира на выгодных для афинян условиях. Но афинское народное собрание отвергло предложенные спартамцами мирные условия.

Непримиримая позиция, занятая афинянами в переговорах со Спартой, во многом объясняется усилением влияния радикальной демократии, возглавленной Клеоном. Как рассказывает Фукидид в IV книге, в народном собрании происходили ожесточенные дебаты между сторонниками решительной войны до победного конца и более умеренными слоями граждан, настроенными в пользу заключения мира, во главе которых стоял Никий. Клеон выступал с яростными обвинениями против Демосфена и вообще афинских военных руководителей, в частности Никия. В пылу полемики Клеон заявил, что, командуй он афинскими силами у Пилоса, он овладел бы Сфактерией в течение 20 дней. Воспользовавшись этой неосторожной фразой, Никий перешел в контрнаступление и внес предложение наделить Клеона соответствующими военными полномочиями и предоставить ему возможность не на словах, а на деле овладеть Сфактерией в обещанный им срок. Это было явно провокационное предложение, так как Никий знал, что Клеон не обладает военным опытом и, следовательно, военное предприятие Клеона может закончиться полным провалом.

При создавшемся положении Клеон не мог уклониться от выполнения своего обещания и, возглавив вспомогательную эскадру афинских военных кораблей, отплыл к Пилосу. Вопреки расчетам политических противников, Клеону совместно с Демосфеном в течение 20 дней действительно удалось подавить сопротивление гарнизона Сфактерии и овладеть этим островом. При этом афиняне захватили в плен 292 неприятельских воина, в том числе 120 спартиатов.

Пленников сразу же доставили в Афины, и спартанское правительство было предупреждено, что они будут казнены, если спартанские вторжения в Аттику возобновятся. Хотя пленников было немного, они принадлежали к наиболее знатным и влиятельным спартанским семьям. К тому же после занятия афинянами Пилоса подвластные Спарте илоты заволновались и стали перебегать на сторону афинян. При таких условиях спартанцы опасались отправлять свое войско для вторжения в Аттику.

ПЕЛОПОННЕСКАЯ ВОЙНА (431-404 гг. до н.э.)

50 0 50 100 км

- Афинский морской союз
- Пелопоннесский союз
- Основные направления военных действий в первый период войны (431-421 гг.)
- Афинского союза
- Пелопоннесского союза
- Основные направления военных действий во второй период войны (415-404 гг.)
- Афинского союза
- Пелопоннесского союза
- Места и годы важнейших сражений
- Осада городов
- Гражданская война на о. Керкира в 427 г. и восстание в городе Митилене в 428 г.
- Цифрой 1 на карте обозначена река Эгоспотамос

На следующий год афиняне предприняли новый морской поход, увенчавшийся захватом мегарской гавани *Нисеи* в Сароническом заливе и острова *Киферы* у южного побережья Лаконики. Теперь Пелопоннес с трех сторон был окружен опорными пунктами афинян.

Естественно, что достигнутые афинянами военные успехи подняли авторитет Клеона. Противники его на время должны были ступать, и он теперь руководил и внешней и внутренней политикой Афин.

Вскоре, однако, афиняне постигли две серьезные неудачи. Афинская радикальная демократия уже давно лелеяла мечту подчинить себе Сицилию и благодаря этому достигнуть такого экономического и военного преобладания над пелопоннесцами, которое принесло бы Афинам окончательную победу. Однако представители различных принимавших участие в войне сицилийских городов собрались в *Геле* и заключили между собой мир, что нанесло сокрушительный удар планам афинян.

Поражением окончилась и попытка афинян подчинить своему влиянию Беотию. Здесь, в сражении у беотийского города *Делии* (424 г.) они были наголову разбиты и потеряли до тысячи человек убитыми.

Враждебная Клеону политическая группировка не замедлила воспользоваться этими неудачами и перешла в наступление. О нападениях на Клеона можно судить по *комедиям Аристофана*. В 424 г. Аристофан поставил на афинской сцене, пользовавшейся тогда почти полной свободой слова, комедию «Всадники», в которой он изобразил демагога Клеона в виде кожевника-пафлагонца, «мерзавца подлого, клеветника», а афинский демос — в виде дряхлого, выжившего из ума старика.

За глупым и очень капризным стариком, Демосом, ухаживают два демагога: пафлагонец (Клеон) и колбасник — другой демагог того же типа.

Аристофан. Мрамор

Хор всадников так характеризует Клеона:

О презренный крикун! Вопит вся страна
О нахальстве твоём несказанном.
И собранье народа, и суд, и казна,
И архивы полны им до края...
И в грязи копошась, ты весь город смешал,
Оглушил громким криком Афины.
И за взносами дани следишь ты со скал,
Как в морях рыбаки за тунцами.

В заключение дается характеристика самого Демоса, верховного правителя Афин:

Дивна власть твоя, о Демос!
Ты всем людям, как тиран,
Страх ужаснейший внушаешь,
Но ввести тебя в обман
Так легко. До лести падкий,
Сам же лезешь ты в капкан.
И на речи чьи угодно
Ты готов разинуть рот.
А рассудок своевольный
Все в отсутствии живет¹.

В этой комедии ярко отражена обстановка в Афинах седьмого года войны. Многие афиняне и прежде всего аттическое крестьянство, настроения которого выражал Аристофан, устали от войны и не верили в победу. Лозунги продолжения войны до победы, постоянно выдвигаемые в народном собрании Клеоном и его единомышленниками, многим представлялись вредной и гибельной для Афин демагогией.

Как уже было отмечено, положение Спарты в это время было не лучше. Спартанцы были вынуждены отказаться от вторжений в Аттику. Среди илотов продолжались волнения. В это критическое время в Спарте выдвинулся замечательный полководец *Брасид*. Добившись некоторых успехов в военных действиях против афинян, он на свой страх и риск предложил смелую идею похода с небольшим набранным им войском через Среднюю Грецию и Фессалию на полуостров Халкидику.

Появление Брасида на Халкидике привело к существенному изменению в соотношении борющихся сил. При поддержке македонского царя Пердикки Брасиду удалось захватить силой, а иногда и дипломатическими приемами ряд союзных Афинам городов, в том числе и важнейший из них *Амфиполь*.

Встревоженные афиняне направили к Амфиполю эскадру во главе с историком Фукидидом. Фукидид, однако, не смог отстоять Амфиполь. Падение Амфиполя Клеон поставил в вину

---

¹ Аристофан. *Всадники*, 304—313; 1111—1120.

Фукидиду, который был осужден и вынужден уйти в изгнание. Именно во время изгнания Фукидид и собрал материал для «Истории Пелопоннесской войны», самого замечательного исторического труда древнего мира.

Отпадение халкидских городов было для афинян не менее тяжелым ударом, чем потеря Пилоса для спартанцев. Это сделало их более сговорчивыми. В результате состоявшихся переговоров в 423 г. между Афинами и Спартой было заключено перемирие сроком на один год. По окончании перемирия в 422 г. на Халкидику с большим войском двинулся Клеон.

В том же году под Амфиополем между войсками Клеона и Брасида произошла жестокая битва, окончившаяся разгромом афинян и гибелью обоих вождей. Амфипольским сражением завершается первый период Пелопоннесской войны. И в Спарте и в Афинах одержали верх сторонники мира, и в 421 г. был заключен мир на 50 лет, восстанавливавший довоенный status quo¹. Афиняне обязывались оказывать помощь спартанцам в случае восстания илотов. Был произведен обмен пленными, но вопреки мирному договору Амфиполь остался в руках Спарты, а Афины не освободили Пилоса. По имени главы партии мира в Афинах мир 421 г. называется *Никиевым*.

Прекращение войны вызвало горячее одобрение землевладельцев и земледельцев Аттики, больше всего страдавших от спартанских набегов и разорения. Настроение аттической деревни того времени прекрасно передано в комедии Аристофана «Мир», поставленной на афинской сцене в год заключения Никиева мира.

«О блаженный мир и упряжка волов,— поет хор крестьян в комедии „Мир“,— если бы я мог, отделавшись от всей этой войны, окапывать и обрезать виноградную лозу и после освежительного купания попивать молодое вино, закусывая хлебом и редькой»².

3. Классовая борьба в период Пелопоннесской войны

Жажда мира в обоих враждующих лагерях вызывалась не только усталостью, но и главным образом обострением классовой борьбы, которая вспыхивала то там, то тут. Во время войны классовый антагонизм достиг высшего накала. Пелопоннесская война усилила классовые противоречия между рабами и рабочими и обнажила противоречия в среде свободных граждан. Война расстроила быт, лишила людей всех жизненных

---

¹ Мир был заключен на условиях, при которых сохранялось положение, существовавшее до войны.

² Аристофан, *Мир*, 581—599.

удобств и сделалась, по выражению Фукидида, «учительницей насилия».

В «Истории» Фукидида имеются блестящие страницы, посвященные описанию жизни греческого общества в период войны. Война, рассуждает Фукидид, отняла у людей все удобства повседневной жизни и вызвала на поверхность то, что уже давно клочкотало внутри. В городах началась анархия, и люди под влиянием известий о военной катастрофе превосходили друг друга в коварстве и мщении. «Извращено было общепринятое значение слов в применении их к поступкам. Безрассудная дерзость стала считаться мужеством; предусмотрительная медлительность — благовидной трусостью; рассудительность — обличьем труса; внимательность ко всему — полной неспособностью к делу; осторожное обдумывание — приличным предлогом уклониться»¹.

В дерзком стремлении уничтожить друг друга борющиеся стороны решались на самое ужасное, пускали в ход все средства, «не ограничиваясь пределами справедливости и государственной пользы, но соображаясь только с тем, что в данную минуту доставляло удовлетворение той или другой партии». «Приобретая власть путем несправедливого голосования или насилия, они готовы были насыщать свою минутную страсть»².

Наглядным примером гражданской войны в Греции V в. могут служить события на острове Керкире в 427 г. Как уже говорилось, в 434 г. афиняне оказали поддержку олигархам в Эпидамне, боровшимся против Коринфа. После того как Афины упрочили свое положение в Эпидамне и на Керкире, афинское правительство стало насаждать там демократические порядки. Недовольные этим керкирские олигархи установили контакт со Спартой и Коринфом и, составив заговор, убили 60 демократов, членов совета, видных граждан, и захватили власть. Однако не все демократы сдались, часть их укрылась в акрополе. Борьба продолжалась, причем обе группировки посылали на поля вестников и призывали на свою сторону рабов обещанием свободы. «Большинство рабов, — пишет Фукидид, — примкнуло к демократам, а к противникам их явилось на помощь восемьсот человек с материка»³. Демократы, которым отважно помогали женщины, боролись упорно и добились победы. Олигархи были вынуждены укрыться в храме Геры как молящиеся. На помощь им прибыли пелопоннесские корабли, которые одержали победу над керкирским флотом, но помочь олигархам они не успели: приближение афинской эскадры заставило пелопоннесский флот повернуть обратно. Тогда керкирские демократы

---

¹ Фукидид, III, 82.

² Там же

³ Там же, 73.

вошли в святилище Геры. Они убедили часть укрывшихся в храме предстать перед судом и приговорили их к смертной казни. Остальные, узнав об этом и не надеясь на спасение, стали убивать друг друга тут же в храме.

В течение недели, пока у острова стояла афинская эскадра, керкирские демократы уничтожали всех казавшихся им подозрительными. Пострадали не только олигархи, но и видные богачи-кредиторы, с которыми расправились их должники.

«Смерть предстала тогда во всех видах, происходило все то, что обыкновенно происходит в подобные времена»¹.

Фукидид возводит события на Керкире в непреложный закон общественной жизни, корнящийся в человеческой природе. «И вследствие междоусобия,— говорит он,— множество тяжких бед обрушилось на государства, бед, какие бывают и будут всегда, пока человеческая природа будет оставаться той же. Беды эти бывают то сильнее, то слабее, и различаются они в своих проявлениях, в зависимости от того, при каких обстоятельствах наступает превратность судьбы в каждом отдельном случае»².

Предлагаемое Фукидидом объяснение революционных переворотов показывает, что даже такой глубокий ум древности не мог подняться до правильного понимания движущих сил социальных переворотов и удовлетворился ссылкой на человеческую природу.

4. Выступление Алкивиада и сицилийская экспедиция

Компромиссный Никиев мир не мог быть прочным, так как по существу он не решил ни одного спорного вопроса. Поэтому в Афинах несколько лет спустя после заключения мира снова активизировались сторонники войны, настаивавшие на возобновлении военных действий против Пелопоннесского союза.

Момент для возобновления войны казался тем более удачным, что между Спартой, Аргосом и другими участниками Пелопоннесского союза начались распри, грозившие привести к военным столкновениям.

В Афинах в эти годы большой популярностью пользовался *Алкивиад*, сын знатного и богатого афинского гражданина Клияния. Алкивиад — типичный представитель высших кругов афинского общества в период начинавшегося кризиса полисной системы. Алкивиад был современником софистов — Протагора, Горгия, Гиппия, Продика и, наконец, афинского философа-идеалиста Сократа. По матери Алкивиад принадлежал к роду

¹ Там же, 81.

² Там же, 82.

Алкивиад. Мрамор

Алкмеонидов и был родственником (племянником) Перикла. Он отличался большими способностями, образованностью и красотой. «Никого судьба не наделила так щедро в отношении внешности, никого не окружила такой высокой стеной так называемых „благ“, как Алкивиад»¹, — говорит Плутарх в биографии, посвященной этому деятелю.

Неизгладимое влияние на Алкивиада оказал Сократ, которого он считал своим учителем. Алкивиад высоко ценил Сократа, беседовавшего со своими последователями на самые разнообразные темы. Плутарх пишет, что Алкивиад до такой степени привязался к Сократу, что не мог долго

оставаться без своего друга и учителя: «Все удивлялись, видя, как Алкивиад ужинает с Сократом, занимается с ним гимнастикой в палестрах, живет в одной палатке»².

Среди своих современников Алкивиад славился как блестящий оратор, умевший увлекать и очаровывать экклесию. К тому же Алкивиад был еще и богат. Особенной славой пользовались конские заводы Алкивиада. Не один раз он одерживал победу в конских состязаниях.

Алкивиад был деятелем иного типа, чем Перикл и Клеон. Он часто менял политическую ориентацию; личные свои интересы ставил выше общих. Все писавшие об Алкивиаде подчеркивают его аморальность и психическую неустойчивость. Однако неустойчивость политических взглядов и тактики Алкивиада нельзя считать только его личными качествами. Некоторые современные ученые не без основания подчеркивают, что характерное для Алкивиада маневрирование в области внутренней и внешней политики в дальнейшем становится типичным для деятелей эллинистической эпохи. Таким образом, Алкивиад как политический деятель был их предшественником.

¹ Плутарх, *Алкивиад*, 4.

² Там же.

С самого начала Алкивиад повел страстную агитацию за возобновление военных действий со Спартой. Агитация Алкивиада наталкивалась, однако, на серьезное сопротивление Никия, человека влиятельного, сторонника мирной политики и союза со Спартой. Поэтому Алкивиад повел против Никия решительную борьбу, не щадя ни слов, ни средств. Во время избирательной кампании 420 г. Алкивиад был избран стратегом, а сторонник партии мира, Никий, был забаллотирован.

В качестве представителя Афин Алкивиад заключил союз с *Аргосом*, поддерживая Аргос во время войны со Спартой.

Вскоре после заключения Никиева мира демократический Аргос, Элида и Мантинея, готовясь открыто выступить против Спарты, обратились к афинянам за поддержкой. Алкивиад стал настаивать на оказании им военной помощи, хотя это могло привести к возобновлению войны. Не веря в прочность мира со Спартой, Алкивиад считал выгодным активно поддерживать ее врагов на территории Пелопоннеса. В данном случае расчеты Алкивиада, впрочем, не оправдались. В сражении 418 г. близ Мантинеи Спарта наголову разбила войско Аргоса, в состав которого входило много афинян. Положение Аргоса оказалось настолько серьезным, что там произошел политический переворот и к власти пришли олигархи. Спарта заключила с Аргосом договор, и Афины оказались в политическом отношении изолированными. Виновником этой неудачи считали Никия, который не оказал Аргосу необходимой поддержки. По предложению вождя афинского демоса *Гипербола* было решено прибегнуть к ostracism. Гипербол рассчитывал на изгнание Никия, но оказался изгнанным сам. Дело в том, что Алкивиад, опасаясь усилившейся популярности Гипербола, неожиданно поддержал Никия и выступил против вождя афинского демоса. Алкивиад и Никий были избраны в коллегия стратегов на 416—415 гг.

Алкивиад повел энергичную агитацию за безотлагательный поход в *Сицилию*. Он воспользовался пребыванием в Афинах послов города Сегесты в Сицилии, пришедших с жалобой на соседний город Селинунт. Завоевание Сицилии, по мнению Алкивиада, должно было открыть Афинам путь во все страны мира. В этих планах Алкивиада отражена суть державной политики Афин, нуждавшихся в новых захватах и расширении союза для пополнения рынка рабов, удержания торговой монополии, бюджетного равновесия и вывода клерухий. Заманчивые планы и рассказы о Сицилии и западных странах привлекли к Алкивиаду многих сторонников, главным образом жителей Пирея. Молодежь, сообщает Плутарх, с жадностью слушала речи Алкивиада и горела жаждой войны, сулившей славу и богатство. Множество людей, вступавших в войско, рассчитывали получить плату за время похода и расширить Афинскую архе так, чтобы источники жалованья никогда не иссякали.

Всюду в палестрах и в общественных местах были начертаны на песке карты Сицилии, берегов Африки и Карфагена. Все были увлечены походом.

Его поддержали те, кто так или иначе был связан с войной и морем: владельцы оружейных мастерских, судовладельцы, рядовые граждане, готовые пойти на риск ради военной добычи. Напротив, крупные рабовладельцы типа Никия, сдававшие рабов в аренду и боявшиеся непредвиденных осложнений, а также, надо думать, часть крестьянства выступали против новой войны.

В конце концов эkkлeсия приняла, хотя и не без колебаний и сомнений, проект Алкивиада о походе в Сицилию, который должен был нанести решительный удар Пелопоннесскому союзу, и главнокомандующими эскадрой были назначены *Алкивиад*, *Никий* и *Ламах*.

Когда эскадра была уже готова к отплытию, в городе распространился сенсационный слух, оказавший существенное влияние на последующее развитие событий. В ночь перед отплытием эскадры в Афинах неизвестными лицами были изуродованы гермы — изображения бога Гермеса, стоявшие на улицах города. Враги Алкивиада сумели внушить суеверным людям, что к этому кощунственному делу причастны как сам Алкивиад, так и его приверженцы. Весьма правдоподобно, что истинными виновниками осквернения герм были коринфяне, надеявшиеся таким путем расстроить план Алкивиада и возбудить ненависть к нему самому.

Алкивиад потребовал немедленного разбора дела, но получил отказ, и ему было приказано отправиться в поход.

В мае 415 г. из Афин отплыла эскадра более чем в 100 триер, на которой находился цвет афинской молодежи. Эскадра взяла курс на Керкиру, где и соединилась с союзным флотом. У берегов Италии афинскую эскадру постигло первое разочарование. Ворота греческих полисов Южной Италии оказались для афинян закрытыми, а старый союзник Афин Регий объявил себя нейтральным. В Сицилии Мессана тоже недружелюбно встретила прибывших. В город Катану удалось проникнуть, лишь взломав ворота. Наконец, после захвата Катаны афиняне приступили к блокаде самих Сиракуз. Между тем соотношение сил в афинской эkkлeсии после ухода многих афинских граждан в сицилийский поход изменилось, и противники Алкивиада добились постановления о привлечении его к суду. Из Афин прибыл государственный корабль «Саламиния», на котором Алкивиаду с несколькими приближенными предписано было немедленно вернуться в Афины на суд по обвинению в религиозном кощунстве. Алкивиад должен был повиноваться, но по дороге бежал в Пелопоннес, а затем в Спарту. В Спарте Алкивиад представил дело так, будто он бежал туда искать справедливости от преследовавших его бесчестных демократов. Эфоры стали на сторону

Алкивиада и убедили народ принять перебежчика и воспользоваться его талантами стратега и дипломата.

После отъезда Алкивиада положение в Сицилии складывалось явно не в пользу афинян. Никий действовал медленно, нерешительно и неохотно. Между тем из Спарты прибыл полководец *Гилипп* с трехтысячным войском. Высадившись в Гимерах, Гилипп за несколько переходов достиг Сиракуз. Он сумел вселить мужество в ослабевших сиракузян и повел энергичное наступление на афинян, которые осаждали город. Положение афинян становилось катастрофическим. Прибытие из Афин новой эскадры в 65 триер под начальством Демосфена не спасло положения.

Для теснимых врагами со всех сторон и потерявших много судов афинян после поражения на море не оставалось иного выхода, кроме отступления в глубь страны. Наконец, преследуемые врагом, осенью 413 г. афиняне сдались на милость победителя. Демосфен и Никий попали в плен и были казнены (Ламах до этого пал в битве), а воины были отправлены на тяжелые работы в каменоломни и проданы в рабство.

Одновременно с неудачной войной в Сицилии непоправимый урон афинянам наносили вторжения спартанских отрядов в самой Аттике. По совету Алкивиада спартанцы в 413 г. не ограничились отдельными опустошительными набегами в Аттику, а укрепились лагерем в Декелее, которая находилась километрах в двадцати от Афин, и начали блокаду города. *Декелейская война* причинила большой ущерб экономике Аттики и довершила сицилийскую катастрофу. В отличие от прежних лет вторжения спартанцев носили теперь уже не временный характер, а вылились в форму оккупации территории афинян. Спартанцы грабили и опустошали Аттику, захватывали скот и уводили в плен людей. В результате этого, по авторитетному свидетельству Фукидида, сельскохозяйственная жизнь Аттики пришла в полный упадок¹.

Опаснее всего было то, что война расшатала рабовладельческий строй, основу аттической экономики. Как уже упоминалось выше, во время Декелейской войны из Аттики к спартанцам перебежало 20 тысяч рабов, главным образом ремесленников. Это был очень тяжелый удар, поразивший афинское ремесленное производство.

Вторым, еще более сильным ударом, нанесенным Афинам сицилийской катастрофой, был начавшийся распад Афинской архе. Многие города, входившие в Афинский морской союз и тяготевшие гегемонией афинян, теперь были готовы воспользоваться вызванным сицилийской катастрофой военным ослаблением Афин и отложиться от них. Особенно напряженное поло-

¹ Фукидид, VII, 27.

жение создалось на западном побережье Малой Азии. Во многих союзных Афинам ионийских городах подняли голову враждебно настроенные к афинянам олигархические слои граждан, мечтавших о возрождении независимости своих полисов. Но и теперь эти города не могли рассчитывать на то, чтобы в одиночку одержать победу в борьбе с афинским флотом. Естественно, что взоры их обращались к Спарте и Пелопоннесскому союзу. Однако спартанцы не располагали достаточно сильным флотом и у них не было средств, чтобы его увеличить. И вот тут на выручку Спарте пришли персы. Сатрапы персидского царя в Малой Азии *Фарнабаз* и *Тиссаферн* предложили спартанцам щедрую денежную помощь на постройку новых боевых кораблей. Персидская держава была заинтересована в тяжелой войне между греками, ослаблявшей силы обеих борющихся сторон. И так как наиболее опасным для персов всегда было объединение греческих городов вокруг Афин, они охотно стали помогать Спарте и Пелопоннесскому союзу.

В течение 412—411 гг. между Спартой и Персией были заключены один за другим три договора. В обмен на персидскую помощь против Афин спартанцы обещали признать власть Персии над греческими городами Малой Азии и островами Эгейского моря. Все переговоры спартанцев с персами велись через Алкивиада, отправившегося в Малую Азию. Слишком самостоятельная политика, которую Алкивиад вел в Ионии, привела его к столкновению со спартанским правительством. Появление снаряженного на персидские средства спартанского флота у берегов Малой Азии послужило сигналом для восстания ионийских городов. Антиафинские восстания произошли на Хиосе, в Милете и других ионийских городах. Но Самос остался верным Афинам, и там, наоборот, были изгнаны настроенные в пользу Спарты аристократы. Именно к этому острову направили афиняне свою эскадру, чтобы, опираясь на Самос, удержать в повиновении еще не отпавшие от союза города. Пелопоннесский и афинский флоты, состоявшие из небольших эскадр, стояли друг против друга: пелопоннесцы — у побережья вблизи Милета, афиняне — у Самоса. Среди афинских воинов и моряков афинского флота, стоявшего у Самоса, а также в Афинах было много сторонников возвращения Алкивиада.

5. Олигархический переворот в Афинах

Постигшая афинян военная катастрофа отразилась и на их политической жизни. Положение в Афинах оставалось исключительно напряженным, в связи с чем осенью 412 г. там была учреждена особая комиссия *десяти пробулов*, наделенная весьма широкими полномочиями: они получили право предварительно

рассматривать все предложения, вносимые в совет и народное собрание.

Катастрофическим положением государства воспользовались враги демократии, которые предприняли попытку государственного переворота с целью низвержения существующего строя.

Против демократии выступили различные социальные группы и прежде всего олигархи. Всех их объединяло одно — ненависть к демократическому строю, они требовали ограничения числа полноправных граждан, введения имущественного ценза, уничтожения оплаты государственных должностей и передачи управления в руки немногих богатых людей.

Ядро олигархов составляли представители старых родов, которые еще сохранились в греческих полисах. К аристократическому ядру «благородных» примыкали все недовольные демократическим строем, независимо от их происхождения, звания и положения. Среди афинских олигархов наибольшим влиянием пользовался софист *Антифонт*, первый оратор своего времени, никогда не скрывавший своих антидемократических убеждений. Большую роль играл также олигарх *Ферамен*, в свое время связанный дружбой с Периклом, и другие.

Многие из олигархов были софистами, подтачивавшими существующий строй критикой демократии и проповедью индивидуализма.

Организационной ячейкой олигархов являлись товарищества, или *гетерии*. Гетерии были очень распространенной формой общения в античной Греции. Они представляли собой объединения, целью которых была взаимоподдержка, культовое общение и просто дружеские встречи. В противовес олигархическим гетериям создавались демократические. Гетерии клятвой обязывали своих членов защищать олигархический или демократический строй. Олигархи вербовали своих сторонников путем устной и письменной пропаганды (выступления и памфлеты). Образцом олигархических памфлетов может служить упоминавшийся ранее трактат неизвестного автора об афинском государственном строе. Автор этого трактата высмеивает афинские демократические порядки, которые, с точки зрения олигарха, несовместимы ни с чем возвышенным, справедливым и честным. «Во всякой земле лучшие люди являются противниками демократии, потому что они редко допускают бесчинство и низость... Между тем как у простого народа только необразованность, недисциплинированность и низость»¹.

Фукидид приводит беседы демократа Афинагора с одним из молодых приверженцев олигархии о лучшей форме правления. Эта беседа раскрывает истинные замыслы и стремления олигархов, сочинявших памфлеты против демократии. «А что касается

---

¹ «Псевдоксенофонта афинская полития», 1, 5.

олигархии,— замечает Афинагор,— то она, по моему мнению, предоставляет массе народа участие лишь в опасностях, в выгодах же она присваивает себе лучшую долю, больше того, она берет все и ничего не уступает другим. Вот к чему стремятся ваши вожди и вы, олигархически настроенная молодежь. Все же я думаю, что в большом городе подобное положение вещей не может удержаться»¹.

Первый серьезный удар афинской демократии был нанесен *государственным переворотом 411 г.*, осуществленным олигархическими гетериями. Сицилийская катастрофа развязала руки всем врагам демоса. В июне 411 г. им удалось протащить через чародное собрание новую конституцию. Комиссия пробулов была расширена до 30 человек, образовавших временное олигархическое правительство. Одновременно вместо прежнего совета пятисот был учрежден совет четырехсот, составленный олигархами путем кооптации. Состав народного собрания был ограничен пятью тысячами человек; к ним относились наиболее обеспеченные граждане, способные приобрести вооружение гоплита. Однако и это народное собрание существовало лишь формально, так как неизвестно ни одного случая его созыва. Кроме того, были отменены раздачи и оплата государственных должностей.

Государственное переустройство афинские олигархи приурочили к моменту, когда афинский флот, в котором находилось наибольшее число приверженцев демократического строя, был далеко от берегов Аттики и стоял у острова Самоса. Афинские моряки, узнав о перевороте, не захотели признать новые порядки и были охвачены негодованием. В это время Алкивиад, отношения которого со спартанцами успели испортиться, находился на побережье Малой Азии и вел переговоры с сатрапом персидского царя Тиссаферном. Существуют основания думать, что Алкивиад знал о готовившемся в Афинах олигархическом перевороте и поддерживал тайные сношения с афинскими олигархами. Теперь, узнав о мятежных настроениях в афинском флоте, он снова совершил крутой поворот и вступил в переговоры с афинскими моряками, выдав себя за сторонника демократического строя. Переговоры закончились тем, что Алкивиад был провозглашен командующим флотом. Свою роль в этом сыграло и то, что Алкивиаду удалось уговорить Тиссаферна дать крупные денежные субсидии афинянам. С точки зрения внешней политики персов, в субсидировании и афинян и спартанцев ничего противоречивого не было: война между эллинами, ослаблявшая Грецию в целом, конечно, отвечала интересам Персии.

Между тем в Афинах правительство четырехсот начало переговоры со Спартой. Олигархи предлагали Спарте прекратить

¹ Фукидид, VI, 39.

войну при условии сохранения за обеими сторонами того, чем они в то время владели. Но спартанцы не приняли предложенных условий, настаивая на полном отказе Афин от владычества на море. Это было серьезным ударом для нового и малоавторитетного правительства. Обстановка в Афинах продолжала обостряться. Возникали новые тяжелые осложнения. После поражения при *Эретрии* от Афин отпала Эвбея, дававшая государственной казне Афин больше доходов, чем вся Аттика. Спартанцы с помощью своего обновленного флота овладели Византием и Халкедоном, через которые шло снабжение Афин черноморским хлебом.

Все это привело к тому, что в среде самих сторонников олигархического строя начался раскол. Крайние олигархи, вождями которых были *Фриних* и *Антифонт*, настаивали на немедленном заключении мира со Спартой на любых условиях, вплоть до капитуляции. Более умеренная олигархическая группировка, возглавленная *Фераменом*, решительно возражала против этого. Политические конфликты сопровождались убийствами, конфискациями имущества, террором. Вскоре *Фриних* был убит. Олигархическая конституция и совет четырехсот, просуществовав около четырех месяцев, были упразднены. Перевес оказался на стороне умеренной группировки *Ферамена*, к которой на короткое время и перешло управление государством. Это было правление пяти тысяч, господство умеренной олигархии, снискавшее похвалу *Аристотеля* и *Фукидида*. «В то время Афины, по-видимому, действительно имели хорошее правление. Была война, и руководство государством принадлежало тем, кто обладал тяжелым оружием (т. е. состоятельным людям.— *Ред.*)»¹,— так характеризует конституцию *Ферамена* *Аристотель*.

6. Конец Афинской архе. Тирания «тридцати»

Во главе афинского флота вновь оказался *Алкивиад*, талантливый полководец, к тому же пользовавшийся расположением и поддержкой персидского царя. *Алкивиаду* удалось одержать несколько побед над пелопоннесским флотом (при *Кизике* и *Абидосе*) и возобновить подвоз хлеба из Понта.

Успехи *Алкивиада* придали силы демократии, и в Афинах в 410 г. произошел новый переворот, свергнувший олигархию *Ферамена* и восстановивший демократическую конституцию, опалы и раздачи. Кроме того, по инициативе демократического вождя *Клеофонта* была введена *диобелия*, т. е. выплата небольшого пособия в два обола бедным гражданам, и возобновились строительные работы (храм *Эреффейон*).

¹ *Аристотель, Афинская полития*, 33, (2).

Увенчанный лаврами побед Алкивиад в 407 г. вернулся в Афины в сопровождении 200 триер, с множеством пленных и богатой добычей. Ему была устроена торжественная встреча.

Алкивиад явился в экклесию и произнес речь, в которой он жаловался на свою судьбу, волю богов и происки врагов. Возбужденное собрание провозгласило Алкивиада полномочным стратегом с неограниченной властью (стратегом-автократором). Конфискованное во время изгнания имущество Алкивиада было ему полностью возвращено, а тяготевшее над ним проклятие снято.

Торжество Алкивиада продолжалось, однако, недолго. На театре военных действий дела снова приняли неблагоприятный для Афин оборот. Как уже отмечалось, еще в 413—412 гг. между Персией и Спартой велись переговоры. В результате этих переговоров Спарта признала за персидским царем права на малоазийские города, а Персия предоставила Спарте деньги для постройки флота. Спартанский флот потерпел вначале два поражения (в 411 г. — при Абидосе и в 410 г. — при Кизике). Тогда Персия, обеспокоенная успехами Афин, решила оказать Спарте более эффективную поддержку. В то же время во главе спартанского флота был поставлен талантливый и энергичный *наварх* (начальник флота) *Лисандр*, который вскоре нанес поражение афинскому флоту у мыса *Нотия* (406 г.). Хотя Алкивиад непосредственно не руководил действиями афинских кораблей, его заподозрили в новой измене и стремлении к тиранической власти. Афинское народное собрание отрешило Алкивиада от должности стратега-автократора, и он должен был уже навсегда покинуть Афины.

После этого произошло еще несколько морских сражений, в одном из которых афинский флот одержал блестящую победу над пелопоннесским флотом при *Аргинусских островах* (406 г.). В этом сражении афиняне потопили много вражеских кораблей, причем погиб и сменивший Лисандра новый командующий спартанским флотом *Калликратид*. Буря помешала афинянам подобрать трупы афинских граждан, погибших во время битвы, и предать их погребению, так же как и спасти моряков с нескольких потопленных афинских кораблей. Этим, по-видимому, воспользовались олигархи. Так или иначе, но когда стратеги-победители вернулись в Афины, они были привлечены к суду по обвинению в том, что не смогли подобрать упавших в море и похоронить убитых, и приговорены к смертной казни. Так афиняне сами обезглавили свой флот.

Трагическая для афинян развязка была уже близка. Заключительным аккордом долголетней изнурительной войны была битва при *Геллеспонте* в 405 г. Афинский флот избрал местом своей стоянки устье небольшой речки *Эгоспотамы*, впадающей в Геллеспонт с европейской стороны пролива. Военная дисцип-

лина в афинском флоте была так расштатана, что большая часть гребцов и воинов рассеялась по берегу, а корабли стояли без охраны. Воспользовавшись этим, пелопоннесцы напали на афинский флот. Афиняне потерпели полный разгром: почти все их корабли попали в руки врагов или были потоплены, три тысячи афинян сдались в плен и были потом казнены. *Эгоспотамская битва* знаменовала не только поражение афинского флота, но и поражение афинской демократии.

Алкивиад, живший в своих владениях на Херсонесе Фракийском, после разгрома афинян бежал в Персию, где был убит. Спартанский полководец Лисандр со всеми своими войсками направился к Афинам. Захватывая по пути города, он низвергал там демократию и передавал власть *комитета*м десяти (декархиям), которые состояли из его приверженцев-олигархов и поддерживались спартанскими гарнизонами. Через несколько месяцев Лисандр был уже под стенами Афин. Он закрыл вход в Пирей, а спартанский царь Павсаний обложил Афины с суши.

В осажденном городе разгорелась борьба между демократами и олигархами по вопросу о мире. Олигархи стояли за немедленное заключение мира, а демократы категорически отказывались от срытия Длинных стен и заключения мира со Спартой. В конце концов партия мира взяла верх. В качестве посредника для ведения мирных переговоров был избран Ферамен. В апреле 404 г. под влиянием голода решено было заключить мир на любых условиях, предложенных Спартой. Афиняне обязывались распустить морской союз, передать спартанцам весь свой флот, за исключением 12 судов, несших сторожевую службу, срыть до основания все укрепления (Длинные стены), вступить со Спартой в союз, признав ее гегемонию и над собою и над всем греческим миром, вернуть изгнанников. Коринф, Фивы и другие наиболее враждебно настроенные по отношению к Афинам города требовали разрушения Афин и поголовной продажи их населения в рабство. Спарта, однако, не была заинтересована в чрезмерном усилении своих союзников и настояла на сохранении Афин как противовеса Коринфу и Фивам.

Заклучив в 404 г. мир и пользуясь поддержкой Лисандра, афинские олигархи укрепили свое положение и произвели новый переворот. На народном собрании в Колоне, предместье Афин, выступил Ферамен; он предложил отменить демократическую конституцию и вернуться к «дедовским порядкам». Присутствовавший на собрании Лисандр заявил, что отказ отменить демократические формы правления будет рассматриваться как нарушение договора. Для составления новой конституции была избрана специальная комиссия из 30 человек, названная впоследствии *правительством тридцати тиранов*. Комиссия «тридцати» была избрана для составления проекта новой кон-

ституции, но ее члены, воспользовавшись общей растерянностью и поддержкой Лисандра, превратили себя в правительство.

Во главе «тридцати» стоял *Критий*, рьяный олигарх, ученик Сократа и софистов, блестящий публицист и оратор. Государство Критий рассматривал как учреждение, созданное для сдерживания эгоистических и своекорыстных стремлений людей, религию — как изобретение умных людей для обуздания темных масс и руководства ими, а террор — как средство управления, без которого не может обойтись ни одно правительство.

Новое правительство полностью отменило прежние афинские демократические порядки, прекратило оплату государственных должностей и выплату пособий малоимущим. Число полноправных граждан было ограничено тремя тысячами наиболее состоятельных. Это правительство, фактически посаженное в Афинах спартанцами, не располагало сколько-нибудь прочной опорой; подавляющее большинство афинян люто ненавидело его. Политическая неустойчивость толкнула «правительство тридцати» на путь открытого террора. Малейшее проявление недовольства жестоко подавлялось. Казни, сопровождаемые конфискациями имущества, следовали за казнями. В то же время в полной мере сказались тяжелые последствия 27-летней опустошительной войны и поражения. Аттика была разорена вторжениями врага, афинское ремесло и торговля замерли, государственная казна опустела. Жертвами репрессий поэтому становились часто не только политические противники «тридцати», но и просто богатые и состоятельные люди. Конфискуя их имущество, правящая олигархия стремилась к выходу из финансового кризиса и к личному обогащению. Тысячи афинских граждан в это время поплатились жизнью, многие бежали за пределы Аттики.

Не было согласия и в «правительстве тридцати». Среди них начались трения и раздоры. Против вождя крайних олигархов Крития выступил представитель умеренного крыла Ферамен. Жестокая борьба между вождями обеих группировок окончилась поражением и смертью Ферамена, арестованного и казненного по приказанию Крития. Расколом в среде «тридцати» воспользовались эмигранты-демократы, укрывавшиеся в пограничной крепости Филе и поддерживаемые фиванскими демократами, которые боялись окончательного утверждения олигархии в Афинах. Во главе афинских демократов-эмигрантов стоял *Фрасибул*, в свое время командовавший флотом, горячий сторонник демократических порядков. Фрасибул разгромил войско афинских олигархов, занял Пирей и крепость Мунихию.

Критий, глава «тридцати», был убит в одном из сражений, остальные олигархи погибли или бежали в Элевсин. В Афинах власть временно перешла к *комитету десяти*, также вскоре свергнутому и уступившему место восстановленному демократическому строю (403 г.).

Вместе с восстановлением демократической конституции возобновлялись оплаты должностей и раздачи, но число афинских граждан строго ограничивалось законом. Предложение включить в гражданские списки метеков и рабов было отвергнуто. Конституция 403 г. просуществовала до самого конца афинской демократии, но сами Афины после всех потрясений и разгромов уже не играли первостепенной роли в системе эллинских государств. Таков был конец Пелопоннесской войны и афинской великодержавности.

Главную причину гибели Афинской морской державы следует видеть в том, что она не могла быть достаточно прочным объединением, поскольку в основе его лежала эксплуатация многих греческих городов. Небольшое число афинских граждан пользовалось рядом привилегий за счет угнетения многочисленных афинских союзников. Не только экономическое и политическое благополучие этого незначительного привилегированного меньшинства, но и военные силы Афинского государства всецело зависели от прочности возглавляемого им объединения. Между тем политика безудержной экспансии, вызванной стремлением еще больше расширить границы Афинского союза, при любом осложнении неизбежно порождала стремление союзников восстановить свою независимость. Наглядным примером этого явилась постигшая афинян военная катастрофа в Сицилии, в известной мере предreshившая их конечное поражение. Пелопоннесский союз поддерживали города Великой Греции, спровоцированные на это сицилийским походом. Определенную роль в поражении Афин сыграла и позиция Персии, видевшей в Афинском союзе наиболее опасного противника.

В целом Пелопоннесская война явилась следствием ряда глубоких противоречий, в конечном счете коренившихся в самой природе рабовладельческого строя.

ГЛАВА XIII

ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

1. Всенародные празднества

Расцвет греческой культуры классического периода тесно связан с развитием рабовладельческой демократии.

Господствовавшая в VIII—VI вв. аристократическая идеология в V—IV вв. уступила место демократической. Демократия несла с собой новые чувства, мысли и идеи. Крупнейшим центром культуры в это время стали демократические Афины. Наиболее отчетливо борьба форм идеологии и победа демократических идей проявились в культурной жизни Афин V—IV вв.

В идеологии аристократии отразилось мироощущение и миропонимание небольшого круга людей, смотревших на себя как на избранников и как на высшую человеческую породу. Мысли и чувства аристократии устремлялись к далекому прошлому, к героическим векам гомеровской эпохи или же концентрировались вокруг интимных переживаний.

Демократия привлекла к участию в общественной жизни широкие массы свободных граждан, повысила значение и права отдельного гражданина. Это, в частности, нашло выражение во всенародных празднествах в честь наиболее популярных греческих богов — Афины, Деметры и Диониса.

В честь Афины Паллады — покровительницы города — справлялся праздник Панафиней (Всеафинские празднества), в котором участвовало все афинское население. По преданию, учредителями этого праздника были легендарные афинские цари — Эрихтоний и Тесей, объединивший Аттику. Программа ежегодного праздника состояла из конных ристалищ, к которым потом были добавлены гимнастические, а при Перикле — и музыкальные состязания. Для последних Перикл выстроил специальное здание — Одеон (от слова *οδῆ* — «песня»). Важнейшей составной частью музыкальных состязаний было исполнение гомеровских песен (*рапсодий*) певцами-рапсодами. Во время Панафинейского праздника все жители Афин торжественно шествовали к статуе богини Афины. Участники шествия несли богине подарки — сотканный из шафрана пеплос, ветви оливы и др. Классовое неравенство сказывалось и здесь: дочери вольноотпущенников и метеков, например, несли зонты и кресла для знатных афинских граждан.

Всенародное значение приобрели также празднества в честь Деметры (элеusinские мистерии) и цикл празднеств, посвященных богу Дионису (Дионисий); как уже отмечалось, первоначально они были земледельческими праздниками одних крестьян.

2. Греческий театр

Из хоровых песен, прославлявших Диониса (*дифирамбов*), возникла, как сообщает Аристотель, греческая трагедия. Слово «трагедия» в буквальном переводе означает «песнь козлов». Одетые в козлиные шкуры участники празднества изображали спутников Диониса — сатиров, которые не только пели, но и «действовали» («драма» означает «действие»). В культе сохранилось много пережитков глубокой старины: оргиастических плясок под резкие звуки флейт, бубнов и тимпанов, экстатического опьянения, заклания животных и т. д. Культ Диониса распространяется с VII в. во многих городах. В Афинах со времени Писистрата устройством малых (сельских) и больших

Театр Диониса в Афинах

(городских) Дионисий стало заниматься государство, и культ Диониса, вопреки религиозным традициям аристократии, превратился в общегосударственный, что свидетельствует о демократизации афинской общественной жизни.

Первоначально дифирамбы в честь Диониса исполнялись хором на народных празднествах. Большим шагом вперед было появление *актера*. Он пояснял зрителям происходящее на сцене и за сценой, по ходу своего повествования обращаясь к хору. Вот этот разговор — *диалог* — между актером и хором и послужил основой для последующего развития театральных представлений.

Первые трагедии были созданы в Афинах еще в VI в. Согласно античной традиции, первым афинским трагическим поэтом был *Феспид*. В годы ионийского восстания *Фриних* поставил трагедию «Взятие Милета», которая заставила зрителей плакать. По преданию, власти наложили на автора большой штраф за то, что он напомнил о близких всем несчастьях.

Подлинным основоположником греческой трагедии по праву должен быть признан *Эсхил*, произведения которого частично дошли до нашего времени. Введением второго действующего лица Эсхил еще более оживил театральное представление, сделал его более динамичным и тем самым приблизил его к зри-

Бронзовая маска. Раскопки в
Пирее. 1959 г.

телям. Кроме того, Эсхилу приписывают усовершенствование сценической техники — введение декораций, масок, котурн, летательных, громоносных и других машин. Собственно, с Эсхила и начинается история греческого театра.

Вначале театральные представления происходили где угодно. Затем стали строить сооружения, называвшиеся по-гречески *театрон* (от глагола *теаомай* — «смотрю»). Такой театр устраивался под открытым небом, без крыши и занавеса. Места для зрителей были расположены полукругом, уступами и разделены проходами, как на современных стадионах. Впоследствии эти места получили название

амфитеатра. Актеры и хор выступали на ровной, утрамбованной площадке у подножия амфитеатра. Эта площадка называлась *орхестра*. Для переодевания актеров позади орхестры ставилась *скенэ* — «палатка». Впоследствии вместо палатки стали строить постоянное сооружение, на стене которого, обращенной к зрителям, рисовали декорацию, обычно изображавшую фасад дворца.

Расположенные под открытым небом, греческие театры могли быть очень большими и вмещали много зрителей. Так, например, театр Диониса в Афинах вмещал до 17 тысяч зрителей, но это далеко не самый большой из известных нам театров древней Греции. Впоследствии, в эллинистическую эпоху, были созданы театры, рассчитанные на 50 тысяч зрителей и более.

Первоначально театральные представления давались только во время праздников Диониса и были составной частью этого культа. Лишь постепенно театр стал приобретать самостоятельное значение в общественной жизни и превратился в политическую трибуну, место отдыха и развлечений. Высокий культурный уровень древних греков в значительной степени следует приписать театру, который организовывал, воспитывал и просвещал народные массы. Наряду с театральными регулярно происходили музыкальные, литературные и спортивные состязания, устраивавшиеся государством. «Организуя из года в

год игры и жертвоприношения,— говорил Перикл в одном из своих передаваемых Фукидидом выступлений,— мы доставляли нашей душе возможность получить многообразное отдохновение от трудов, равно как и благопристойностью домашней обстановки — повседневное наслаждение, которое прогоняет уныние и тоску»¹. Неизвестный автор дошедшего до нас олигархического трактата о конституции Афин считает любовь афинян к театральным представлениям и празднествам одним из естественных следствий демократического строя. Он говорит об этом, конечно, с иронией и злобой, но увлечение афинян театром и празднествами, как и органическая связь театра с демократическим строем не подлежат сомнению.

В V в. установился определенный порядок проведения театральных состязаний. В них принимали участие три автора. Каждый из них предлагал зрителям три трагедии, связанные сюжетным единством (трилогию). Условия античного театра вызвали необходимость соблюдения трех единств (места, времени и действия), которые впоследствии были теоретически обоснованы Аристотелем. К трагической трилогии присоединяли еще *драму* (действие сатиров).

Содержание и мотивы греческих трагедий в высшей степени разнообразны. В их основу обычно положен какой-либо миф о богах и героях, чаще всего из так называемого кикла, т. е. цикла сказаний о Троянской войне, фиванского цикла мифов и т. д. Реже пользовались каким-либо историческим фактом.

Расцвет греческой трагедии совпадает с «золотым веком» Перикла, с расцветом афинской демократии и продолжается до конца Пелопоннесской войны. Война не только не ослабила, но даже усилила страсть к театру. Философ Платон говорит о «театрокрации» как своего рода повальной болезни, охватившей афинское общество. Расходы на театральные представления, организацию празднеств и жертвоприношений достигли очень большой суммы и были обременительны для государственного бюджета. В самый разгар Пелопоннесской войны, после сицилийской катастрофы и олигархического переворота четырехсот в 410—409 гг., афиняне истратили на устройство Панафинейских празднеств колоссальную сумму в пять талантов и тысячу драхм. Расходы на театральные представления и празднества в основном в виде литургий распределялись между богатыми гражданами (*хорегия*) и отчасти возмещались из средств полиса.

Мировую славу приобрели три корифея античной драмы: *Эсхил*, *Софокл* и *Эврипид*. Старший из них, Эсхил (525—456 гг.), родом из Элевсина, главного центра таинственных и мрачных элевсинских мистерий, был современником и непосредственным участником греко-персидских войн. Эсхил в

¹ Фукидид, II, 38.

своим творчестве соединил чувства и идеи двух поколений — демократического и аристократического. Многие в демократическом строе Афин были чужды Эсхилу, что и заставило его последние годы жизни прожить вне Афин, в Сицилии. Античные ученые утверждали, что Эсхилом было написано 90 трагедий и драм сатиров. Нам известны названия 72 пьес. Полностью до нас дошли семь трагедий — «Персы», «Семеро против Фив», «Скованный Прометей», «Просительницы» и одна трилогия «Орестейя», состоящая из трех трагедий: «Агамемнон», «Хоэфоры» и «Эвмениды».

Ранние трагедии Эсхила были близки к первоначальному источнику трагедии — дионисовым дифирамбам. В этих трагедиях главная роль принадлежит хору, а роль актера еще относительно невелика. В поздних его произведениях актер принимает более живое участие в действии и вводится второй актер, благодаря чему усложняется композиция и усиливается драматизм действия.

Используя для своих трагедий мифологические и исторические сюжеты, Эсхил наполнял их глубоким философским и политическим содержанием. Язык трагедий Эсхила — смелый, насыщенный метафорами и оригинальными образами.

Одна из важнейших проблем в трагедии Эсхила — проблема судьбы, рока. Столкновение свободной воли и непреодолимой судьбы, не зависящей ни от богов, ни от людей, составляет лейтмотив трагедий Эсхила. В этом есть известная доля мистики, таинственности и суеверия, присущих Эсхилу и легко объясняемых исторически.

Эсхил жил в период великих событий греко-персидских войн и смены аристократического строя демократическим. Мысли и чувства человека были возбуждены всем происходившим, но его ум не был достаточно вооружен научными знаниями, чтобы решить вставшие перед ним вопросы и проблемы. В этом причина мистицизма как трагедий Эсхила, так и вообще греческой трагедии.

С идеей судьбы переплеталась идея возмездия: всякое преступление, совершенное сознательно или бессознательно, неизбежно влечет за собой возмездие. Отчетливее всего эта идея проведена в трилогии «Орестейя». В мифе, который был положен в основу трилогии, рассказывалось о чудовищном преступлении отца Агамемнона и Менелая, аргосского царя Атрея, накормившего своего брата Фиеста мясом его собственных детей. Род Атрея был проклят богами — и вот за преступление предков должны были расплачиваться потомки. В первой части трилогии — «Агамемнон» — показана судьба вождя ахейского войска. Победоносный царь Агамемнон, счастливо избежавший гибели под стенами Трои, падает жертвой мести своей супруги Клитемнестры, которой помогает ее любовник, сын

Фиеста, Эгисф. Но за гибель отца мстит своей матери сын Агамемнона, Орест (вторая часть трилогии «Хозфоры»). Матерью-убийцу за пролитую родственную кровь преследуют богини мести Эриннии (заключительная часть «Эвмениды»). Спасаясь от них, Орест бежит в Афины, где богиня Афина учреждает особый суд ареопага. Последний выносит Оресту оправдательный приговор. Эриннии, успокоенные Афиной, превращаются в Эвменид, благодетельных богинь-покровительниц. Использованный Эсхилом мифологический сюжет об оправдании Ореста отражает борьбу между отживающим материнским и идущим ему на смену отцовским правом.

«Эвмениды» были поставлены в 458 г., в пору небывалого обострения политической борьбы между афинской демократией и сторонниками олигархического строя, когда вождь демократов Эфиальт повел атаку на ареопаг — оплот афинских олигархов. В этой борьбе Эсхил поддержал олигархов, выступив в «Эвменидах» в защиту ареопага как древнейшего афинского учреждения, основанного самой богиней Афиной, покровительницей города.

Из всех трагедий, созданных Эсхилом, наибольшей известностью пользуется «Прикованный Прометей». Это единственная дошедшая до нашего времени часть из утраченной трилогии Эсхила, написанной на сюжеты популярных в древности мифических сказаний о титане Прометее, смело вступившем в борьбу с богами за благо человечества. Прометей похитил с небесного алтаря огонь и передал его людям. Он также научил людей письму, счислению и ремеслам. Разгневанный Зевс жестоко наказал Прометея, действовавшего против его воли. Он велел приковать Прометея тяжелыми цепями к скалам Кавказа и послал орла, терзавшего его тело когтями и выклевывавшего ему печень, которая за ночь вновь вырастала. Орел снова и снова прилетал за своей кровавой пищей, и мучения Прометея не было конца. Но физические страдания не сломили гордого духа Прометея, и он наотрез отказался пойти на какой бы то ни было компромисс с Зевсом и примириться с ним.

Образ Прометея на протяжении многих веков воодушевлял смелых поборников прогресса. Прометей — символ борца против всего пошлого, ограниченного, самодовольного и неразумного был высоко оценен Карлом Марксом. «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах. Философия этого не скрывает. Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу

есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческого самосознания высшим божеством... Проме-

Софокл. Мрамор

тей,— пишет Маркс,— самый благородный святой и мученик в философском календаре»¹.

Идея судьбы и возмездия, характерная для произведений Эсхила, еще более отчетливо звучит в произведениях другого греческого трагика — *Софокла*. Софокл (497—406 гг.) происходил из афинского предместья Колона, был современником и горячим почитателем Перикла. Софокла называют Гомером греческой драматургии: он отразил в своих трагедиях «золотой век» Перикла так же полно и ярко, как Гомер в своем эпосе жизнь, нравы и представления эпической Греции. Все произведения Софокла пронизаны сознанием величия и силы человеческого разума. Идея судьбы у Софокла сочетается с прославлением человеческого гения, творца и создателя материальных и духовных ценностей.

По преданию, Софокл написал 123 трагедии, из которых сохранилось семь: «Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона», «Филоклет», «Аякс», «Трахинянки» и «Электра».

Основная идея — идея неотвратимости судьбы — полнее всего выражена в лучшей трагедии Софокла «Царь Эдип». В основу трагедии положено сказание, или миф, об Эдипе, сыне фиванского царя Лая и его жены Иокасты. Лаю было предсказано, что он погибнет от руки собственного сына, который вступит в брак со своей матерью. После того как у Лая и Иокасты родился сын Эдип, Лай вспомнил предсказание и, проколов младенцу ножки, приказал своему рабу-пастуху бросить его в горах на верную смерть. Случайно пастух коринфского царя Полиба нашел подброшенного ребенка, сжалился над ним и

¹ К. Маркс, *Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. I, изд. 1, стр. 26.

принес его своему господину. Полиб оставил Эдипа у себя и усыновил его.

Однажды Эдип посетил дельфийского оракула и узнал, что ему предопределено судьбой убить своего отца и жениться на своей матери. Думая, что речь идет о коринфском царе, которого он считал отцом, Эдип поспешил оставить своих мнимых родителей и отправился странствовать. По дороге он встретил незнакомого ему человека, вступил с ним в ссору и случайно убил его. Этот неизвестный был его родным отцом Лаем.

Придя в Фивы, Эдип избавил город от страшного чудовища Сфинкса и за это благодарными гражданами был провозглашен царем, занял дворец прежнего царя, убитого им Лая, и женился на его жене, своей матери, Иокасте. Предрешение судьбы и предсказание оракула сбылись.

Обо всем этом зритель узнает по ходу действия трагедии. Софокл начинает своего «Царя Эдипа» с момента, отделенного от рассказанных выше событий большим промежутком времени.

Эдип долгое время счастливо правит в Фивах, но вот город поражает страшное бедствие — чума. По представлениям греков, эпидемии насылались разгневанным богом Аполлоном. Эдип, узнав, что гнев Аполлона вызван присутствием в Фивах убийцы царя Лая, начинает его разыскивать, не зная, что убийца — он сам. Ряд ужасных совпадений — и чудовищная истина обнаруживается. Потрясенный Эдип выкалывает себе глаза (его жена и мать Иокаста еще до этого кончает самоубийством), считая себя недостойным видеть свет солнца.

Продолжением «Царя Эдипа» являются трагедии «Эдип в Колоне» и «Антигона». Содержание «Антигоны» в нескольких словах таково. После смерти Эдипа началась борьба за фиванский престол между его сыновьями Этеоклом и Полиником, окончившаяся гибелью обоих соперников. Новый царь Фив Креонт, зять Эдипа, приказал Этеокла похоронить с надлежащими почестями, а труп Полиника, поднявшего оружие против отечества (трагедия Эсхила «Семеро против Фив»), выбросить собакам и птицам. Несмотря на приказ царя, Антигона, сестра погибших, похоронила труп Полиника и тем самым навлекла на себя гнев Креонта. Креонт приказал заточить Антигону в подземелье, где она должна была погибнуть от голода. Но возлюбленный Антигоны, сын Креонта, Гемон, пробрался в подземелье, чтобы освободить свою невесту; однако было уже поздно: Антигона лишила себя жизни. В отчаянии Гемон тоже убивает себя; наконец, мать Гемона также умирает, не пережив гибели своего любимого сына.

Несомненно, сам Софокл — на стороне Антигоны, выполняющей «закон богов», который, по мнению поэта, выше законов, установленных людьми, — в данном случае закона Креонта.

Эврипид. Мрамор

данных заслуживает внимания упоминание о том, что у Эврипида было значительное книжное собрание. Трагедии Эврипида несомненно свидетельствуют о том, что он был очень образованным человеком, учеником софистов и сторонником демократии.

Эврипид проводил в своих произведениях идеи софистов, делая их понятными и доступными широкой публике. В его произведениях нашли отражение все великие проблемы, которые волновали умы и чувства его современников. Природа богов и людей, значение культа, естественное право, права женщин, семья и т. д.—все эти вопросы прямо или косвенно ставились в трагедиях Эврипида.

Судьба и возмездие в трагедиях Софокла выступают совершенно отчетливо, однако они не сковывают свободную человеческую волю. Софокл изображает человека как сознательное существо, несущее ответственность за совершаемые им проступки. Именно сознанием собственной ответственности можно объяснить то, что герои Софокла довольно непринужденно ведут себя с богами.

У Эсхила судьба близка к божеству, у Софокла она — отвлеченное понятие, находящееся вне человека, а у Эврипида (Еврипида), третьего великого трагика Афин, судьба заключена в самом человеке. Эврипид отождествляет судьбу с доминирующей страстью человека. Эврипид был творцом реальной психологической драмы.

Биография Эврипида мало известна. По одним сведениям, Эврипид (480—406 гг.) был сыном торговца и торговли зеленью. Но данные эти вряд ли достоверны: они исходят от авторов комедий, которые были настроены против Эврипида. Из других биографических

В противоположность Софоклу, героями которого были не реальные, а идеальные люди, такие, как Эдип и Антигона, Эврипид изображал человеческие страсти, высокие и низменные. В этом отношении его можно считать предшественником и учителем Шекспира. Влияние Эврипида на мировую литературу и театр очень велико.

Самой совершенной трагедией Эврипида является «Медее».

Оскорбленная Медее, брошенная на произвол судьбы мужем, который предпочел ей дочь коринфского царя, восстает против унижения своего человеческого достоинства и клянется отомстить Ясону. Месть ее страшна: она убивает не только возлюбленную Ясона и ее отца, но и своих собственных детей. Борьба противоположных чувств отчаявшейся, охваченной безумной жадной мести женщины, с одной стороны, и нежно любящей матери — с другой, составляет психологический фон «Медее».

«Ваша мать, лишенная своих детей, должна влечить печальное существование. Вам самим уже не суждено ее видеть. Вам предстоит перейти в иную жизнь... О горе, горе! О мои дети! Зачем этот ласковый взгляд? Зачем эта улыбка, последняя улыбка? О горе! Что делать мне, несчастной? Бодрость оставляет меня, о женщины, когда встречаю ясный взор моих детей. Нет, не могу: прочь от меня, злодейский замысел. Я увезу их отсюда. Если мне нужно наказать их отца, то зачем карать его несчастных детей и моим собственным двойным несчастьем? Нет, нет, прочь от меня, мой замысел!» Однако неудержимое чувство ревности и мщения побеждает:

«Умрите вы,—воскликает Медее, убивая детей.—Я не потерплю, чтобы мои дети подвергались оскорблениям и насилию. Их гибель все равно неизбежна. Я, давшая им жизнь, лучше убью их сама. Их судьба решена, ничто не может избавить их... Будьте счастливы, только не здесь. Отец отнял у вас счастье на земле. Страсть, толкающая человека на величайшие преступления, сильнее внутреннего рассудка»¹.

Невыносимые страдания и безудержный гнев против несправедливости толкают героиню Эврипида на этот кровавый шаг.

Трагедия заканчивается пением хора, напоминающего зрителям о всемогущей слепой судьбе, пути которой непреложны и непостижимы.

Кроме «Медее», Эврипиду принадлежит «Электра», «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде», «Гекаба», «Ипполит», «Молящие о защите», «Орест» и др. Полностью сохранилось 18 трагедий Эврипида и одна драма сатиров («Киклоп»), не считая большого числа отрывков из разных не дошедших до нас трагедий. Всего им было написано 92 пьесы.

¹ Эврипид, *Медее*, 1036—1048.

Общественные мотивы, которые звучат в греческих трагедиях, нашли яркое выражение и в *комедии*.

Аристотель сообщает, что комедия родилась из так называемых *фаллических* (полных обрядовой разнузданности) песен, исполнявшихся подвыпившей толпой поселян во время сельских Дионисий. Шествие этой толпы называлось *комос*. Слово «комедия» буквально означало «песни во время комоса». Впоследствии комические песни были объединены с народной драмой, и таким образом возник новый литературный жанр — *комедия*. Сюжетом древней комедии служила прежде всего политическая и идеологическая борьба; комедии в древнейший период были очень злободневны. Греческие комедии отличались большей вольностью в подборе слов, выражений и сцен, чем трагедия и драма, которые создавались по более строгим правилам. Особенно вольными были комедийные пляски. Женщины и дети на представлениях комедии не присутствовали.

Более свободное содержание комедий обусловило и более развитую сценическую технику. Это открывало широкие возможности для обращения автора к зрителям по ходу сценического действия от имени героев и от имени хора. Действующих лиц в комедиях было значительно больше, чем в трагедиях; костюмы и декорации ярче и пестрее, а маски разнообразнее.

В демократических Афинах богатейший материал для комедий давала сама политическая жизнь. Афинская комедия классической эпохи была по преимуществу комедией политической. Непревзойденным мастером политической комедии считался *Аристофан* (450—388 гг.), уроженец Афин. До нас дошло 11 его пьес.

Главной мишенью аристофановского сарказма служили вожди афинского демоса. В двух комедиях — «Вавилоняне» (сохранились только отрывки) и «Всадники» (о которой упоминалось выше, стр. 285—286) — был выведен Клеон — лидер радикальных демократов. Само собой разумеется, образ Клеона в изображении Аристофана далек от исторической действительности.

Аристофан жил в сложный и бурный период афинской истории — в период Пелопоннесской войны. В его комедиях нашли отражение все крупные события этой эпохи мировой истории. Так, в комедии «Мир» (421 г.) жесточайшим образом осмеяна военная партия, вовлекшая Афины в Пелопоннесскую войну и разрушившая их благосостояние. Главное действующее лицо комедии, Тригей, на навозном жуке поднимается на небо и узнает, что причина всех бедствий афинян в том, что богиня мира заперта в пещере и не может рассыпать свои блага на афинский полис, на виноградники, оливковые рощи, реки и моря. Виноградарь Тригей освобождает богиню мира, и тогда все

входит в нормальную, мирную колею. Люди живут, радуются, пьют, едят и любят. Все веселятся, за исключением одних оружейников, главных виновников войны, погруженных в глубокую печаль.

Идея мира проводится также в комедии «Лисистрата», поставленной на афинской сцене в 411 г. На этот раз мира требуют женщины и для достижения этой цели расстаются со своими мужьями. Заговором женщин руководит Лисистрата, по имени которой и названа комедия. В «Женской экклесии», поставленной в 392 г., Аристофан вводит нас в обстановку напряженной политической борьбы между существовавшими в Афинах группировками, знакомит с политическими лозунгами и программами того периода. В комедии «Плутос» («Богатство», 388 г.) изображается всепоглощающая страсть афинян к приобретению богатств какими угодно средствами.

Ядовитые стрелы Аристофана были направлены не только против политических деятелей, но и против писателей и философов. В «Лягушках» (405 г.) Аристофан выводит знаменитых афинских трагиков Эсхила и Эврипида, которые интригуют друг против друга. Историческая ценность этой комедии состоит в том, что вне зависимости от присущей ей пародийной формы она знакомит нас с литературными спорами того времени и дает глубокую и меткую характеристику творчества двух великих трагиков.

Присутствующий при споре Эсхила с Эврипидом бог Дионис в конце концов останавливает спорящих:

Не дело ведь, чтоб трагики бранились, как разносчики.

Симпатии самого Аристофана определенно на стороне консерватора Эсхила, а не новатора Эврипида.

«Но разве,—вмешивается в разговор Гера,—нет в Афинах массы иного рода юнцов, плодящих тысячами трагедии и в тысячу раз более бездарных и болтливых, чем Эврипид?» На это Дионис, выстуپающий от лица Аристофана, отвечает: «Да, но ведь это мелкие, сухие ветки, болтуны, щебечущие, как ласточки-перебойщики, творческая сила которых истощается одной пьесой, которые сразу выплевывают свое дарование трагической музе»¹.

«Облака» (423 г.) представляют собой сатиру на софистов, к которым Аристофан причисляет также Сократа, и на новые принципы воспитания. В «Осах» (422 г.) Аристофан осмеивает манию сутяжничества, присущую его согражданам, в «Птицах» (413 г.) — демагогов, увлекающих афинян во всякого рода рискованные предприятия. Последняя комедия написана Аристофаном под явным впечатлением сицилийской экспеди-

---

¹ Аристофан, *Лягушки*, 851 и сл.

ции, принесшей афинянам столько несчастий. Влияние Аристофана на современников было очень велико. Его злободневные комедии, написанные простым и доступным языком,— действенная форма политической агитации, находившая широкий отклик среди современников.

Лирика во второй половине V в. до н. э. несколько отошла на задний план. Расцвет ее связан с более ранним, предшествующим победе демократического строя, периодом. Из прозаических произведений V в. особенное значение приобрели исторические труды Геродота и Фукидида. Труды эти не только содержат ценнейшие для нас исторические сведения, но и как особый литературный жанр занимают очень важное место в развитии греческой литературы.

3. Искусство

Наряду с театром и всенародными празднествами в греческих полисах и особенно в демократических Афинах велика была роль архитектуры, живописи и скульптуры. Эти виды искусства оказывали непосредственное каждодневное влияние на эмоции и умы современников, воспитывали в них чувство прекрасного, гармонического и возвышенного.

Как и у других народов, искусство у греков родилось на основе практической деятельности, вышло из ремесла, и на известной ступени развития обособилось в самостоятельную отрасль творчества. Выделение искусства из ремесла предполагало не только высокий уровень культуры, но и соответствующую высокую степень технического мастерства, совершенства инструментов и умения пользоваться материалом.

К V в. относится расцвет греческой архитектуры, прошедшей длительный путь развития. К этому времени окончательно сформировались два главных архитектурных стиля: *дорический* — величественный и строгий и *ионический* — более легкий и изящный. В этот же период начинает складываться *коринфский* стиль — пышный и изысканный, получивший наибольшее распространение в следующем веке. Каждому из этих стилей были свойственны не только те или иные формы архитектурных деталей, но и определенная система пропорций всего сооружения. Стройность и величественность греческих построек достигалась благодаря гармоничному сочетанию отдельных частей зданий, каждая из которых несла определенные конструктивные функции.

Греческие храмы чаще всего представляли собой прямоугольные здания, поставленные на ступенчатые возвышения — *стилобаты*. Фасады храмов обычно украшались колоннами. В V в. окончательно сложился так называемый *периптер*. Хра-

Парфенон. Храм дорического ордера

Антаблемент ионического ордера

мы этого типа были окружены колоннадой не только по фасадам, но и со всех четырех сторон, в отличие от *простиля*, обрамленного колоннадой только по сторонам фасада.

По своей внутренней планировке греческие храмы, как правило, делились на три примыкающих друг к другу помещения. Через главный вход посетители храма попадали в вестибюль (*пронаос*). За вестибюлем следовало основное помещение храма (*наос*), украшавшееся колоннами. Здесь перед статуей божества, которому был посвящен храм, происходили главные культовые священнодействия. За этим помещением часто находилось

еще одно (*эпистод*), приспособленное для хранения предметов культа, сокровищ и ценностей, принадлежащих как храму, так и, очень часто, государству.

Независимо от того, в каком стиле строился храм, он состоял почти из одних и тех же архитектурных элементов, которые делились на несущие конструкции, т. е. колонны, и несомые — перекрытия. Так называемый *ордер*, т. е. строго определенная система расположения колонн и находящихся на них горизонтальных перекрытий, и лежит в основе упоминавшихся выше трех главных архитектурных стилей — дорического, ионического и коринфского.

Колонна состояла из самого ствола, слегка сужающегося кверху, и венчающей части — *капители* — подушки, принимавшей на себя тяжесть перекрытия. Ствол колонны покрывался желобками — *каннелюрами*. Ионические и коринфские колонны ставились на невысокий пьедестал.

На капителях колонн располагался *архитрав*, или *эпистиль*, — гладкая балка. Над архитравом помещался *фриз*. В сооружениях дорического стиля он состоял из чередующихся *триглифов* и *метоп*. Триглиф — украшенный тремя вертикальными врезами прямоугольник — некогда, в эпоху деревянной архитектуры, был торцом балки перекрытия. Метоп — плоская плита, закрывающая пространства между триглифами, — обрам-

лялся живописью или скульптурой. Ионический фриз представлял собой непрерывную ленту скульптурных украшений. Над фризом находился карниз. Архитрав, фриз и карниз составляли вместе так называемый *антаблемент*.

Треугольное пространство под скатами крыши на фасадных (торцовых) сторонах называлось *фронтоном*. Фронтоны украшались скульптурами. Скульптурные украшения по углам фронтонов назывались *акротериями*.

Храмы разных стилей отличались друг от друга формами капителей, оформлением фриза, архитектурными деталями и, самое главное, различными пропорциями — соотношениями частей.

Широкой известностью пользовались храм *Афины Ахайи* на острове Эгине, фронтоны которого были увенчаны скульптурными композициями, изображавшими битву греков с троянцами, — аллегорическое напоминание о греко-персидских войнах, и храм *Зевса в Олимпии*, также украшенный великолепной скульптурой.

Однако в классический период строительная деятельность шире всего развернулась в Афинах. Со времени Писистрата, Кимона и в особенности Перикла в Афинах появляется ряд замечательных построек — храмов, портиков, зданий для гимнастических и музыкальных состязаний и т. д. Все это — здания общественного характера; интересных в архитектурном отношении частных построек в период расцвета демократии Афины, как и Греция вообще, не знали.

Великолепным памятником строительного искусства классической эпохи был *Парфенон* — храм Афины-девы — покровительницы города. Это замечательное сооружение даже теперь, в полуразрушенном состоянии, восхищает гармонией пропорций, строгой простотой и ощущением монументальности, которое тем удивительнее, что Парфенон в сущности не был особенно велик (общая площадь его всего около двух тысяч квадратных метров — 30×70). Строителями Парфенона были зодчие *Иктим* и *Калликрат*. Парфенон стоял на акрополе, где находились и другие всемирно-известные сооружения: *Эрехфейон* — необычайно изящный храм, построенный в ионическом стиле, и маленький храм *Ники Аптерос* (бескрылой). На акрополь можно было попасть через роскошный, украшенный колоннами вход — *Пропилеи*. Акрополь был центром общественной и религиозной жизни Афин.

Метопы и фронтоны Парфенона были украшены скульптурными изображениями, воспроизводящими героические рассказы и легенды, а на фризе, расположенном не над колоннами, а несколько позади них, на самой стене здания, была изображена процессия Панафинейского праздника в Афинах. В самом храме находилась статуя Афины.

Эрехфейон. Портик Кариатид

До XVII в. древний Парфенон сохранился в относительно хорошем состоянии, но в конце XVII в., во время войны турок с венецианцами, здание Парфенона сильно пострадало. Многие уцелевшие скульптуры Парфенона собрал англичанин Эльджин, перевез их в Англию и подарил Британскому музею.

Большая часть скульптурных украшений Парфенона и стоявшие на акрополе статуи были выполнены под руководством и при непосредственном участии величайшего скульптора древней Греции, друга и советника Перикла — *Фидия*. Видимо, общая перепланировка акрополя была тоже намечена им. Из работ Фидия, выполненных в Афинах, особую славу завоевали бронзовые статуи *Афины Промахос* (предводительницы в битве), воздвигнутой на акрополе, и *Афины Парфенос* (девы). Последняя находилась в самом Парфеноне и была исполнена в так называемой *хрисоэлефантинной* технике (золото и слоновая кость на деревянной основе). Высота ее достигала 12 метров. Афина стояла, опираясь на копье, и ее золотые одежды ниспадали до земли. В правой руке она держала небольшую статую Победы (*Ники*). На щите была изображена борьба греков с амазонками, на бортах сандалий в рельефе — битва кентавров с лапидами.

Храм Ники Аптерос (бескрылой)

Вид из Пропилей на Эрехфейон

Всадники с фриза Парфенона

Не меньше удивления и восторга у современников и последующих поколений вызывала величественная статуя *Зевса в Олимпии*, исполненная также в хрисозлефантинной технике. Эти и другие произведения Фидия до нас непосредственно не дошли и известны либо по литературным их описаниям, либо по плохим и поздним копиям.

Исключение составляют скульптуры, украшавшие Парфенон снаружи, в особенности его фриз, в создании которого Фидий принимал, по-видимому, непосредственное участие. Во всяком случае общая композиция скульптурного убранства Парфенона безусловно принадлежит ему.

В Афинах работал и другой известный скульптор V в. — *Мирон*. До нас дошла в мраморных копиях его скульптура «Дискобол», отлитая из бронзы, в которой художнику великолепно удалось передать динамичную напряженную позу атлета перед броском диска.

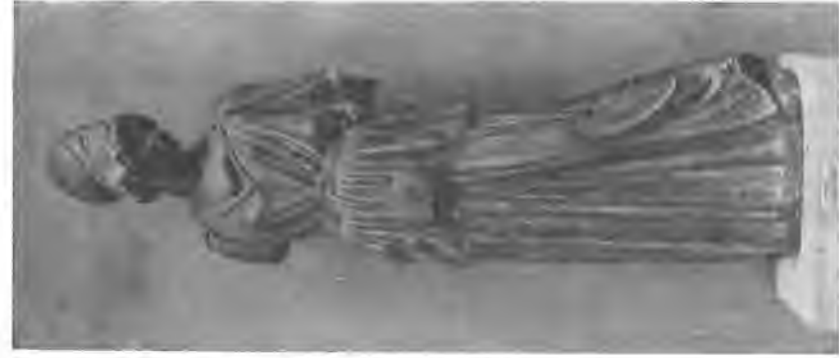
Современником Фидия был *Поликлет из Аргоса*, глава аргосской школы скульпторов. Талант Поликлета нашел наивысшее выражение в исключительно тонком и правдивом изображении человеческого тела. К лучшим произведениям Поликлета

Геракл с луком с восточного фронтона храма
Афины на острове Эгине. V в. до н. э.

Дискобол Мирона

Афина Мирона (из группы
Афина и Марсий)

Афина Варвакион. Римская
копия Афины Парфенос Фидия.
V в. до н. э.

Надгробие Гегесо. Афины.
Конец V в. до н. э.

Дорифор Поликлета

принадлежали «Дорифор» (копье-носец) — юноша идеального сложения, несущий копье; «Раненая амазонка»; «Диадумен» — юноша-атлет, надевающий повязку победителя, и особенно монументальная статуя Геры из золота и слоновой кости в храме Геры в Арголиде. Поликлет известен не только как первоклассный мастер-практик, но и как геометр искусства, стремившийся установить и обосновать законы пропорциональности частей и гармонии человеческого тела.

Кроме архитектуры и скульптуры, больших успехов в Греции достигла также живопись. Она опережала пластику и скульптуру, которые постоянно заимствовали у нее свои сюжеты. Однако картины греческих мастеров до нас не дошли и известны лишь по описаниям и копиям.

Крупнейшим представителем греческой живописи был *Полигнот*, уроженец Фасоса (V в.), живший и творивший в Афинах; он прославился своими картинами, помещенными на стенах «Пестрого портика» в Афинах и лесхи (беседки) книдийцев в Дельфах.

Представление о сюжетах и характере произведений Полигнота дают описания его картин у Павсания, а о стиле и манере живописи Полигнота можно судить по образцам вазовой живописи. Мастера-ремесленники, расписывавшие вазы, находились под сильным влиянием Полигнота и часто использовали его композиции. В настоящее время устанавливают влияние творчества Полигнота даже на самого Фидия. Новое направление в живописи было представлено *Аполлодором* (вторая половина V в.). Плиний говорит, что Аполлодор прославился своей кистью по всей Греции. Аполлодору приписывают умение размещать свет и тень и передавать перспективу на своих многокрасочных картинах.

Искусство IV в. до н. э. продолжает и развивает традиции высокой классики. Оно характеризуется, с одной стороны, некоторым спадом героического пафоса и гражданственности, что было

Краснофигурная ваза начала V в.

Аттические лекифы с чернофигурной росписью по белому фону. Начало V в

Галикарнасский мавзолей. Около 350 г. до н. э.
Реконструкция.

связано с кризисом рабовладельческих полисов, и, с другой — усилением интереса к духовной жизни и индивидуальности человека.

Пелопоннесская война, естественно, вызвала некоторый упадок строительства, особенно в побежденных Афинах. Однако в Пелопоннесе строительство продолжалось. Особенно характерен для поздней классики дорический храм *Афины Алеи* в Тегее. По словам Павсания, он считался самым красивым в Пелопоннесе.

В дорической архитектуре мы встречаем теперь стремление к изяществу и изысканности. Орнаментальные части зданий стали нередко украшать элементами коринфского стиля, например коринфскими капителями.

Архитектура малоазийских греков существенно отличалась от архитектуры Европейской Греции. В Малой Азии появились совершенно новые тенденции, сказавшиеся в постройке пышных, огромных сооружений. Особенной грандиозностью и великолепием отличалась гигантская гробница правителя *Карии Мавсо-*

ла — *Мавсолей* (середина IV в.), построенный в Галикарнасе *Пифеем* и *Сатиром*.

Живопись IV в., как и живопись V в., известна лишь по копиям и описаниям. Она добилась больших успехов в овладении цветом и перспективой. Художник *Никий* ввел в живопись блик. Живописец *Апеллес*, придворный мастер Александра Македонского, создал прославленную картину «Афродита Анадиомена», находившуюся на острове Косе в святилище Асклепия. Апеллес же написал портрет Александра, отличавшийся правдивостью и жизненностью изображения. Слава его была столь велика, что его имя в последующие века стало нарицательным.

Гораздо лучше живописи сохранилась скульптура IV в. Одним из величайших мастеров Греции был *Скопас*, творивший в первой половине IV в. В образах Скопаса уже нет ясного спокойствия произведений высокой классики, они полны необычайного внутреннего напряжения и противоречивых страстей. Скопасу принадлежит скульптурная декорация (и постройка) храма Афины Алеи, часть скульптур Галикарнасского мавзолея и множество других произведений, большая часть которых до нас не дошла.

Младшим современником Скопаса был *Пракситель*, создавший возвышенно-прекрасные образы, в которых тонко передан внутренний мир человека. До нас дошла в подлиннике статуя Праксителя, изображающая Гермеса с младенцем Дионисом. Эту вещь роднит с классикой V в. стремление художника создать образ идеально-прекрасного человека. Однако лицо Гермеса выражает сосредоточенное раздумье, придающее этому произведению несвойственный высокой классике оттенок скрытого и напряженного драматизма. Широким признанием пользовалась и статуя Афродиты, находившаяся на полуострове Книде и дошедшая до нас лишь в копиях.

Лисипп жил позже Скопаса и Праксителя, он был современником Александра Македонского и его любимым мастером. Лисипп работал только в бронзе. Его статуи отличались выразительностью и относительной индивидуализацией. Он отлично умел передать движение, мимолетные оттенки чувств человека.

Необычайной привлекательностью обладает его «Отдыхающий Гермес», в фигуре которого передано и ощущение легкой усталости и намерение юного бога продолжать путь. Лисипп был и выдающимся портретистом; созданный им портрет Александра отличался тонкостью психологической характеристики и подчеркнутой экспрессией.

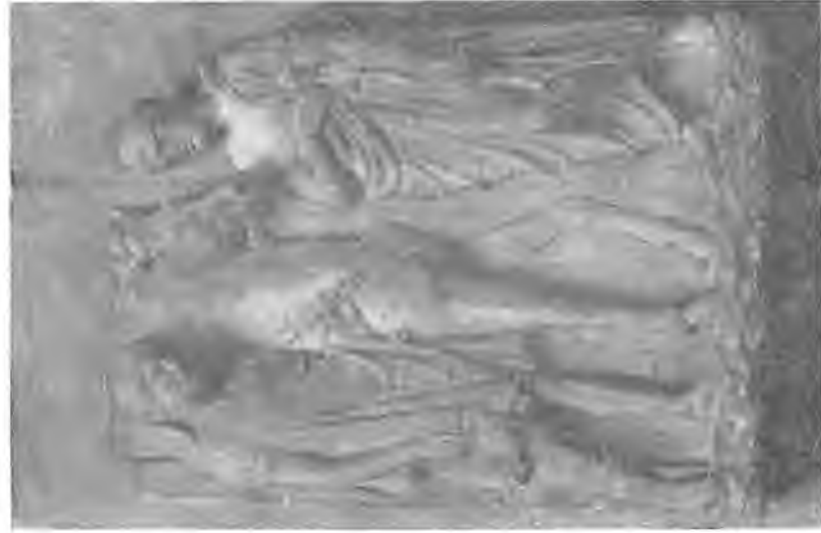
Искусство классического периода проникнуто высоким гражданским пафосом, носит ярко выраженный общественный характер. Здоровый, сильный, отважный человек, наделенный прекрасными моральными качествами, привлекал внимание художников. В этом смысле искусство Греции было демократическим, но

Аполлоном Лисиппа

Сатир с Дионисием. Малая Азия

Аттическое надгробие всадника. Мрамор.
Начало IV в. до н. э.

эту демократичность надо понимать в античном значении слова. Мужественная красота, строгое величие, глубокая человечность, простота и благородство — эти черты искусства классической Греции объясняют непреходящее значение его в мировой культуре. Классическим периодом развитие греческой истории и культуры, однако, еще далеко не заканчивается. За классическим последовал эллинистический период, вписавший новую яркую страницу в историю античного искусства.

Несмотря на непрерывные войны и кризис материковой Греции, литературная и художественная деятельность эллинов не прекращается, но культурные центры передвигаются на восток. С конца IV в. центрами греческой культуры становятся Македония, Египет, малоазийские города и резиденции эллинистических царей.

4. Ионийская натурфилософия и начало науки

История греческой философии начинается со времени появления на исторической арене ионийских натурфилософов. Иония — страна первых греческих мудрецов и поэтов. Больше, чем другие области греческого мира, Иония была связана с культурными странами древнего Востока. Многовековой опыт и многовековые наблюдения, накопленные в Вавилоне, Египте и других восточных странах, были использованы греческими мыслителями, которые или непосредственно знакомились с достижениями восточной науки, или воспринимали ее через посредство других народов (лидийцев, финикийцев). Несколько позже, чем в Ионии, возникли философские учения в эллинских городах-государствах Сицилии, Южной Италии, островов Эгейского моря и Балканского полуострова. Различные сведения, заимствованные у народов древнего Востока, были греками критически переработаны. Политическая и идеологическая борьба внутри полисов, стимулировавшая их развитие, способствовала освобождению от традиционных верований. В Греции жречество не представляло собой особого сословия или касты и отсутствовала обязательная религиозная догматика, грекам была доступна в известной степени свобода мысли, и это привело к отделению науки и философии от религии, чего не знала древневосточная культура.

Дальнейшие пути развития греческой философии определила борьба между двумя главными ее направлениями — *материализмом* и *идеализмом*.

На ранней стадии своего развития философия не была отделена от естественно-научных и математических знаний. Первыми греческими философами были *натурфилософы* — астрономы и математики, изучавшие природу, происхождение мира и его

развитие. Среди ионийских философов широкую известность приобрел *Фалес* из Милета (ок. 624—547 гг.). Основатель *ионийской философии*, Фалес замечателен тем, что он сделал смелую для своего времени попытку создать монистическую философию природы. Он может быть с полным правом назван *первым греческим философом-материалистом*. Выросший в условиях неустойчивой социальной жизни малоазийских городов и много путешествовавший, Фалес всюду наблюдал жизнь и движение. Может быть, именно поэтому основным элементом мира Фалес считал *воду* как вечно движущийся и в то же время неизменный элемент природы. Вода, соединяющая вечное движение с вечным покоем и растворяющая в себе все вещества, признавалась им источником жизни всего мира, в том числе, следовательно, и человека. Землю Фалес представлял плавающей в этой первоначальной воде, которая наполняет весь мир. Небесное полушарие образует свод над земной поверхностью. Фалес известен не только как физик, но и как математик. Он зная, как измерить высоту египетских пирамид на основании отбрасываемой ими тени, определил значение для мореплавания Малой Медведицы, предсказал солнечное затмение (585 г. до н. э.) и т. д. Фалес считался основоположником древнегреческой астрономии. Греки причисляли Фалеса к семи мудрецам.

Философ *Анаксимандр*, современник Фалеса (ок. 610—546 гг.), в своем сочинении «О природе» объявляет началом мира *апейрон* — бесконечную, бессмертную, находящуюся в вечном движении *первостихию* — *материю*. Из этой первостихии выделяются два противоположных начала — твердое и жидкое, тепло и холод, из которых путем различных комбинаций образуются все видимое нами: земля, вода, воздух и огонь. Таким образом, Анаксимандр считал, что в материальном мире, образованном из единой первостихии, присутствуют противоположные начала, из которых и формируются вещи. В центре философской системы Анаксимандра — вопрос о происхождении и развитии органического мира. Мир (*космос*) представлялся Анаксимандру началом, вечно порождающим новые жизни. Животный мир эволюционирует: все животные первоначально обитали в воде, затем часть их приспособилась к жизни на суше. От рыбы происходил, по мнению Анаксимандра, и человек. В области математики Анаксимандру приписывают составление курса по геометрии, в географии — составление географических карт, изготовление модели небесной сферы, постановку вопроса о шарообразности земли, изобретение солнечных часов.

Третий представитель ионийской философии, *Анаксимен* (585—525 гг.), вместо неопределенной первостихии Анаксимандра избрал совершенно определенный элемент природы — *воздух*, как все содержащее и объединяющее начало. Из воздуха путем разрежения и сгущения образуется видимый мир. Из воз-

духа все рождается, и в него снова возвращается. Люди, животные и растения вдыхают частицы воздушного начала дающего им жизнь и движение.

Таким образом, ионийские материалисты считали, что в основе всех жизненных явлений лежит единое начало. «...здесь,— пишет Ф. Энгельс, характеризуя этих философов,— перед нами уже полностью вырисовывается первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде»¹.

В учении Анаксимандра и Анаксимена можно отметить и некоторые атеистические тенденции. Согласно Анаксимандру, миры бесконечной и единой вселенной создаются, развиваются и уничтожаются помимо воли богов. Кроме того, он считал, что боги тоже возникли из воздуха, т. е. материального начала.

Крупнейшим греческим материалистом и диалектиком был Гераклит из Эфеса (ок. 530—470 гг.). К сожалению, наши сведения о Гераклите отрывочны и противоречивы. По преданию, Гераклит вел аскетический образ жизни и уединялся в горы, уходя в свои мысли. Жил Гераклит в бурную эпоху греческой истории, в период постоянных войн и переворотов, обостренной социальной борьбы и частой смены правительств. Все это не могло не отразиться на его взглядах. Источником всего существующего Гераклит считал борьбу (войну). «Война — отец всех вещей» (*πολεμος πατερ παντων*). *Борьба противоположностей* — основа всякого бытия и мысли.

Гераклит (?)

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 502.

В природе и в социальной жизни происходит вечное движение, все течет и изменяется. Непостоянна даже река, в которую дваждыходишь. Бытия и небытия как самостоятельных категорий не существует. В процессе вечного движения и перемен бытие незаметно переходит в небытие, и наоборот. Гераклит подчеркивает тем самым, что все окружающие нас явления переходят в свою противоположность. «В одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, мы существуем и не существуем».

В своих объяснениях вселенной Гераклит, таким образом, подходит к диалектическому пониманию природы, и в этом его огромная заслуга с точки зрения науки. «Мир,—учил Гераклит,—единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим». Ленин оценил это положение как «очень хорошее изложение начал диалектического материализма»¹.

В достаточной мере отчетливые представления Гераклита о взаимосвязях между противоположными явлениями, конкретности всякой истины и в то же время зависимости ее от определенных условий запечатлены в следующих его высказываниях: «бессмертные смертны, смертные бессмертны, смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»; «морская вода — чистейшая и грязнейшая; рыбам она пригодна для питья и целительна, людям же для питья непригодна и вредна».

Причина наших заблуждений, по Гераклиту, коренится не в несовершенстве наших чувств, а в ограниченности нашего разума. Истинное познание возможно только при постижении процесса бытия. Орудием познания служит разум, содержащий часть «божественного эфира». Основной функцией разума является синтез, т. е. обобщение в одной мысли разрозненных эмпирических наблюдений. В способности к синтезу Гераклит усматривал различие между умными и глупыми. Умный от глупого отличается тем, что он стремится познать общее, а глупый удовлетворяется деталями. Признание чувства первоначальным источником познания и субъективности познания сближает Гераклита с софистами. Гераклит материалистически подходил к объяснению психической жизни, считая, что душа материальна и представляет собой одно из состояний *огня* — материальной первоосновы природы.

Свои мысли Гераклит изложил в трактате «О природе». От трудов Гераклита, как и от сочинений других греческих философов, до нас дошли лишь короткие отрывки и отдельные изречения, сохранившиеся в виде цитат в трудах более поздних авторов. Писал Гераклит изысканным стилем, в его сочинениях очень много афоризмов, не всегда понятных. Отсюда его прозвище «Гераклит темный».

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, Сочинения, т. 38, изд. 4, стр. 347.

Синтезирующую функцию разума признавал также Анаксагор (ок. 500—428 гг.) из города Клазомен в Малой Азии, современник, учитель и друг Перикла. В противоположность ионийцам, считавшим основой мира какую-либо одну стихию, Анаксагор в трактате «О природе» выдвигал бесконечное множество стихий-элементов, или семян (*гомойемериев*). Из множества стихий, постоянно расщепляющихся на качественно новые элементы, образуется вселенная. Создание и упорядочение вселенной есть результат действия мирового разума, «чистейшего и тончайшего из всех веществ». Однако в отличие от Гераклита Анаксагор был близок к механистическому пониманию развития, утверждая, что изменения явлений сводятся к соединению и разъединению однородных частиц, тогда как Гераклит учил, что явления переходят в свою противоположность.

Подобно многим своим современникам, Анаксагор занимался математикой и астрономией. Он считал, что звезды суть раскаленные массы, что луна получает свой свет от солнца и т. д. Сама луна представлялась Анаксагору подобной земле и населенной живыми существами.

Согласно античной традиции, Анаксагор был сыном богатого клазоменского гражданина, но пренебрег богатством и почетом в родном городе, всецело отдавшись науке. Став нищим, Анаксагор гордился тем, что своим разорением обязан науке, освободившей его от житейской суеты. Достигнув славы и влияния при Перikle, в конце своей жизни Анаксагор, обвиненный в безбожии, вынужден был удалиться из Афин и глубоким стариком умер в изгнании в городе Лампсаке. «В этой могиле,— гласила надпись на его могиле,— лежит великий Анаксагор, дух которого поднимался до высочайших истин».

Материалистическая философия развивалась в борьбе с идеалистическими философскими учениями. Два основных направления идеалистической философии представлены школой Пифагора и Элеатской школой.

Пифагор (ок. 580—500 гг.), уроженец острова Самоса, был ученым человеком своего времени. Верховным началом всего сущего Пифагор считал *число*. Вся природа, по теории Пифагора, есть не что иное, как комбинация чисел и величин. Все в природе живет и изменяется, лишь одно число остается вечно неизменным. Следовательно, число есть основа всех вещей, первоисточник мира. Каждое явление может видоизменяться до бесконечности, но численный его атрибут остается постоянным.

«Гегель,— говорит Энгельс,— правильно обращает внимание на „смелость подобного утверждения, которое сразу устраняет все то, что представление считает сущим или сущностным (истинным), и истребляет чувственную сущность“, полагая сущность в логической категории, хотя бы очень ограниченной и односторонней. Подобно тому как число подчинено определенным

законам, так подчинена им и вселенная; этим впервые высказывается мысль о закономерности вселенной»¹.

Занятия математикой и философией Пифагор считал высшей самоцелью человеческой жизни. Жизнь, говорил он, подобна олимпийским играм, где одни ищут славы и венков, другие — выгод, а третьи, настоящие философы, или друзья мудрости, приходят наслаждаться самым дивным зрелищем: картиной мира. Наблюдение и познание мира, доступное друзьям мудрости, есть самое высшее из всех наслаждений и наград.

Из обширной системы Пифагора и пифагорейцев сохранились лишь отдельные положения о математических рядах, пропорциях, и широко известная теорема Пифагора о соотношении квадратов сторон треугольника. Эта теорема была, вероятно, заимствована им у древневосточных народов, которым она была известна задолго до рождения Пифагора.

Пифагором было выдвинуто учение о «порядке», согласно которому демократия является нарушением порядка, в то время как власть аристократов — олицетворением и подобием «небесного порядка». Пифагорейцы — ученики и последователи Пифагора были идеологами аристократии. В противоположность ионическим материалистам они считали вслед за своим учителем, что основой мира являются числа, а не материальная первостихия. Мир, с их точки зрения, познается через управляющие им числа. Эти числа обожествлялись и абсолютизировались пифагорейцами. Они объединялись в особые религиозно-мистические союзы (гетерии), куда принимались только избранные, прошедшие определенный искуc и принадлежавшие преимущественно к олигархическим фамилиям. Пифагорейские гетерии действовали главным образом в Великой Греции, пифагорейцы активно участвовали в политической жизни южноиталийских городов, в особенности города Кротона, где проживал одно время и сам Пифагор. Сторонники Пифагора были убежденными защитниками аристократии и во время демократических переворотов подвергались гонениям.

Элеатская школа, получившая свое название от города Элеи в Южной Италии, где она возникла, возглавлялась *Парменидом*.

В противоположность Гераклиту, рассматривавшему мир как вечное движение, Парменид (середина V в.) утверждал неизменность и вечность мира, тождество мира (бытия) и мышления. Без бытия нет и мышления. «Без бытия не будет и мышления, ибо мышление не что иное, как бытие». В мире не существует ни прошлого, ни будущего, есть только одно настоящее — мысль. Наряду с действительным миром, постигаемым разумом, существует и другой мир — мир явлений, воспринимаемый нашими

---

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 503.

чувствами. Мир явлений — несовершенный мир. В преодолении чувственного мира и погружении в сверхчувственный мир разума и заключается, по Пармениду, задача, ценность и цель философии. Роль чувств в познании мира отрицается.

Свое учение Парменид изложил в поэме «О природе», насыщенной афоризмами и аллегориями, понять которые очень трудно. Парменид оказал большое влияние на Платона. Он положил начало аллегорическому толкованию мифов.

Греческую философию нельзя считать самостоятельной областью знания. Как уже было отмечено, наука и философия в древней Греции составляли единое целое. Уже в Ионийской Греции физико-математические знания греков достигали высокого уровня. Среди математиков V в. большим авторитетом пользовались *Энопид*, уроженец Хиоса, и афинянин *Метон*. Энопид определил длину солнечного года в 365 дней, 8 часов и 57 минут. Метон еще более уточнил эту цифру и составил солнечный календарь.

Наряду с математикой греки занимались медициной, биологией, ботаникой, географией и историей. Каждую отрасль знаний изучали несколько школ, соперничавших друг с другом. Так, из всех медицинских школ наибольшим авторитетом пользовалась *кносская школа*, представителем которой был *Гиппократ* (середина V в.), основатель научной медицины. Гиппократ написал массу сочинений по разным разделам и отраслям медицины — патологии, хирургии и т. д. Основным принцип Гиппократа в лечении — следовать природе (органический принцип) и лишь в случае, если сама природа не дает исцеления, прибегать к более решительным методам воздействия на организм — хирургии. Гиппократ и его ученики и последователи занимались не только вопросами практической медицины, их интересовали также и более широкие проблемы. В особом трактате «О воздухе, водах и суше» (в древности он приписывался самому Гиппократу, но в действительности, по-видимому, вышел из-под пера одного из его учеников) излагается теория о роли географического, точнее климатического, фактора в развитии человеческого организма. Особенности климата — соотношение воды и суши — объясняют и особенности организма и заболеваний. Эта теория иллюстрируется рядом этнографических примеров.

Первыми картографами считались уже упомянутые *Анаксимандр* (VI в.) и *Гекатей Милетский* (V в.), давший описание земли. Населенная часть земли (*ойкумена*) представлялась круглым островом, со всех сторон окруженным океаном. Средиземное море разделяло ойкумену на две части: северную и южную. Южная часть в свою очередь расчленялась Нилом и Аравийским заливом на четыре части.

Об уровне биологических знаний древних греков можно судить на основании учения *Эмпедокла* (490—430 гг.) о

Демокрит (?)

происхождении органической природы. Эмпедокл пытался дать историю возникновения и эволюции организмов. Согласно Эмпедоклу, на земле раньше всего появились растения, потом животные и затем люди. В процессе органического развития выживали лишь виды, наиболее приспособленные к данным условиям, все другие погибали. В теории Эмпедокла, как и в теориях всех его современников, диалектические объяснения переплетаются с метафизическими. Признавая закономерность эволюции органического мира, Эмпедокл в то же самое время утверждает существование души, присущей как растениям и животным, так и людям.

Высшим достижением древнегреческой материалистической философии было учение Демокрита.

Демокрит из Абдер (конец 460—370 гг.) был образованнейшим человеком своего вре-

мени. Он имел основательные познания во всех отраслях тогдашней науки: математике, физике, медицине, астрономии, филологии, технике и т. д. Маркс и Энгельс называют Демокрита «эмпирическим естествоиспытателем и первым энциклопедическим умом среди греков»¹. Основное сочинение Демокрита «Великий диакосмос».

Признавая мир материальным, Демокрит развивает так называемую атомистическую теорию, которая, как предполагают, впервые была выдвинута еще до Демокрита его учителем *Левкиппом*. Согласно этой теории, мир состоит из атомов — мельчайших незримых частиц материи, находящихся в вечном, непрекращающемся движении. Это движение не имеет начала во времени. Атомы неизменны, вечны. Они различаются по форме, величине и весу. Вне атомов (бытия) и пустоты (небытия) (ибо без нее Демокрит не представлял себе их движения) в мире

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*. — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 3, изд. 2, стр. 126.

нет ничего. В силу своей весомости, подчиняясь законам механического движения, атомы движутся в пустом пространстве, наталкиваются друг на друга и отталкиваются, соединяются и разъединяются, образуя всевозможные комбинации и сочетания. «Начало вселенной — атомы и пустота».

Таким образом, вселенная, по Демокриту, есть не что иное, как комбинация атомов, постоянно меняющаяся в трех направлениях — формы, сочетания и положения. Эти комбинации и дают великое множество существующих в природе вещей. Возникающие из соединений атомов тела постоянно изменяются. Вселенная вечна и бесконечна, миры бесчисленны, они вечно возникают, развиваются и погибают. Тем самым Демокриту принадлежит догадка о неразрывности материи и движения. Демокрит считал, что и душа материальна, но она состоит из круглых, более подвижных атомов.

В то же время Демокрит видел в явлениях природы закономерность и причинную обусловленность. Решительно все происходит по необходимости. Случайность он считал понятием субъективным.

Демокритом была разработана и своя теория познания. Он справедливо полагал, что начальной ступенью познания являются ощущения. Однако это лишь «темное» познание. Для правильного представления о мире необходимо вмешательство разума — «истинного» познания.

Для философии Демокрита характерны и атеистические тенденции. По его учению, не бог, а природа определяет развитие вселенной. Продолжателем и популяризатором взглядов Демокрита был Эпикур (IV в.).

По своим политическим взглядам Демокрит, как это видно из сохранившихся фрагментов его высказываний, был сторонником демократии и сильного демократического государства — полиса. Демокрит говорил: «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия (граждан) при царях, насколько свобода лучше рабства».

Анаксагором и Демокритом заканчивается первый период греческой философии, сущность и значение которой очень точно оценил Энгельс.

В греческой философии, говорит Энгельс, «диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте именно потому, что они (греки.— В. С.) еще не дошли до расчленения, до анализа природы,— природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывалась в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же заключается и ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими про-

тивниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то в целом греки правы по отношению к метафизике»¹.

5. Софисты и Сократ

Софистика как направление в философии была значительным фактором культурной и социальной жизни классической Греции.

По профессии софисты были странствующими учителями мудрости и красноречия, переезжавшими из одного города в другой. Они выступали на общественных праздниках и торжествах с панегириками городу, надгробными речами, восхвалениями какого-либо лица, общественного деятеля, полководца, поэта или писателя.

Кроме демонстрации образцов красноречия и блестящего стиля, софисты преподавали риторику, логику, грамматику и т. д. Чтобы развить логические и словесные способности учеников, им предлагались самые разнообразные темы: панегирики павлинам, мышам, горшкам, соли и пр. Отрицательной стороной софистики был доведенный до крайних пределов формализм, нередко переходивший в игру словами и понятиями, в схоластику. Этим объясняется современное нарицательное значение слова «софистика» — умственная эквилибристика, внешне эффективные, но лишённые подлинной логики умозаключения. Философский скепсис и субъективизм не помешали, однако, некоторым софистам заниматься науками и искусствами.

Софистов делят на старших и младших. Из старших наиболее известны *Протагор* и *Горгий*. К младшим софистам принадлежат *Антифонт*, *Алкидамант* и *Критий*.

Расцвет софистики относится ко второй половине V в., ко времени процветания Афин. В этот период старая система знаний, покоившаяся на ионийской натурфилософии и наивном реализме, уже не могла удовлетворить запросы человеческого ума, особенно в области общественных наук. Противоречия социальной жизни, накопленный опыт и культурно-философские проблемы этого времени не уместались в рамках старых теорий и философских систем.

Впервые в истории человеческой мысли вставал вопрос о *природе самого знания*. Что такое знание? Как оно возникает? Что является критерием объективной истины и, наконец, вообще существует ли объективная истина?

На последний вопрос софисты давали отрицательный ответ. Наиболее последовательно точка зрения научного субъективиз-

---

¹ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 369.

ма или релятивизма (относительности) проведена в сочинениях *Протагора*, современника Перикла и Сократа, одного из самых известных греческих софистов. В познании, согласно теории Протагора, главное — ощущение. Поскольку ощущение субъективно, субъективно и всякое познание, и поэтому оно имеет значение только для познающего. Никакого сверхчеловеческого знания и сверхчеловеческих истин, в том числе и религиозных, не существует. Каждый о вещах судит в меру своего разума и считает это суждение правильным до тех пор, пока его противник логическими аргументами не докажет ему противного. Что кажется человеку правильным, то и на самом деле правильно. «Человек — мера всех вещей». Каждая вещь имеет две стороны и может быть рассматриваема с двух точек зрения. Так, например, болезнь для больного — зло, для врача — добро, и оба суждения одинаково правильны. Добродетель же, о которой так много спорят философы, рассматривается Протагором как наилучшее (нравственное) состояние, приводящее человека к деятельности.

Отрицая существование общеобязательных истин, софисты придавали гораздо большее значение методу отбора и группировки материала, чем их предшественники, что в то время было большим научным прогрессом. Только овладев философским методом, учили софисты, можно охватить все разнообразие естественных и социальных явлений. Знание организует природные способности человека, помогая ему ориентироваться в сложных условиях окружающей жизни. Образованный человек — в то же время и добродетельный, так как образование, т. е. знание действительности, помогает ему установить правильные отношения с окружающей его общественной средой.

Таковы основные положения софистики, в большей или меньшей степени отраженные в высказываниях всех софистов. Вообще же учения софистов трудно унифицировать. Философы, которых мы объединяем под общим названием софистов, высказывали весьма различные взгляды, и между ними существовали расхождения по самым существенным вопросам.

Некоторые из них доходили до отрицания традиционной веры в богов. Другие с поражающей нас смелостью высказывались о рабстве, которое трактовалось ими не как обусловленное самой природой людей, а как явление историческое и, следовательно, отнюдь не вечное.

Софист *Алкидамант*, например, утверждал, что «бог создал всех равными, природа никого не сделала рабом». Некоторые софисты выдвигали идею исторического происхождения государства и естественного права. Государство и законы рассматривались как результат договора, а демократия — как организованная защита бедных и слабых против покушений на их права со стороны сильных и богатых. Некоторые же софисты,

например Критий, проповедовали право сильного и оправдывали олигархические перевороты.

Не было ни одной жизненной сферы, которой не коснулись бы софисты. В экономике, политике, математике, естествознании и социологии — во всех областях человеческого знания — софисты поставили ряд вопросов и предложили много новых точек зрения. Однако разрешению этих вопросов мешала идеалистическая основа философии софистов, присущий им скепсис и субъективизм.

К софистам непосредственно примыкал и Сократ (469—399 гг.), сын афинского скульптора Софрониска и сам скульптор.

Сократ получил разностороннее философское образование, проявив редкие способности. Учителями Сократа были софисты. Во время Пелопоннесской войны он участвовал в трех сражениях, и при Потидее даже спас жизнь Алкивиаду. В качестве притана участвовал в процессе стратегов, командовавших флотом в сражении при Аргинусских островах. На процессе Сократ выступил против мнения большинства собрания, приговорившего стратегов к смерти.

В 399 г. афинский суд обвинил Сократа в безбожии, и ему был вынесен смертный приговор. Ему было поставлено в вину, что проповедуемое им учение подрывает основы государственности и демократии.

Рассуждения Сократа о том, что управлять государством должны не все, а люди «знающие», «умелые», «лучшие», т. е. аристократы, были явно направлены против основных принципов афинской рабовладельческой демократии. Среди друзей и последователей Сократа было много сторонников олигархии.

Согласно преданию, Сократ умер, сохраняя полное спокойствие, так как он считал себя абсолютно невиновным в предъявленных ему обвинениях. На предложение одного из своих учеников и друзей, Критона, бежать в Фессалию, Сократ ответил отказом, считая такой совет недостойным и противным законам страны. Когда друзья спросили Сократа, как бы он хотел быть погребенным, Сократ ответил, что это для него совершенно безразлично. «После его смерти не будет того Сократа, который вот теперь говорит со своими друзьями, но вместо живого человека останется его холодный, бездыханный труп». Закончив беседу с друзьями, Сократ принял принесенную ему чашу с цикутой (ядом) и умер. Художественное описание последних минут жизни Сократа дано его учеником, философом Платоном, в «Апологии Сократа» и в диалоге «Федон».

Сократ был *рационалистом* и считал разум основой человеческого существа, а знание — высшей добродетелью. Методом научного познания он, так же, как софисты, признавал систему вопросов и ответов; в споре можно было, по Сократу, устано-

вить истину. Сократ отвергал познавательный нигилизм софистов. Внутренний голос, который Сократ называл *даймонион*, подсказывал ему, что существуют абсолютные этические ценности. Разум эти ценности не может постигнуть; это сверхразумные, или сверхрациональные, истины. Абсолютным, действительным знанием владеет только бог, знания же человека ограничены. В отличие от философов раннего времени Сократ не проявлял интереса к познанию внешнего мира. Интересы его были преимущественно сосредоточены на внутреннем мире человека, проблемах человеческого познания, проблемах этики. Эти мысли отражены в популярном афоризме Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Свою задачу по отношению к многочисленным ученикам Сократ видел прежде всего в том, чтобы, по образному его выражению, выступать в роли акушера, помогать рождению их собственных мыслей; главная его цель — найти не самое знание (софия), а разжечь любовь к знанию, в особенности высшему из всех знаний — философии.

Познавательный процесс, по мнению Сократа, должен начинаться с познания самого человека. «Познай самого себя» — таков лозунг сократовской философии и теории познания.

Сократ стремился, таким образом, преодолеть гносеологический и этический скепсис софистов и утверждал, что существует объективная истина. Но при этом он руководствовался идеалистическими предпосылками. Учение Сократа поэтому подготовило почву для платоновского идеализма.

Подобно софистам, Сократ имел свой круг сторонников или друзей, с которыми он вел беседы по различным вопросам. Занятия сократовского кружка происходили в гимназиях, на площадях и в частных домах.

Среди учеников Сократа были многие известные деятели того времени, отличавшиеся по взглядам, настроениям и социальной принадлежности.

6. Платон

Заключительным звеном научно-философских достижений классической Греции были две грандиозные системы — Платона и Аристотеля. Их культурно-историческое значение неравноценно. Значение Аристотеля для развития философской мысли последующих веков гораздо больше, чем Платона. С одной стороны, Аристотель подвел итог всем предшествующим знаниям, а с другой — положил начало новым философским системам, пережившим античный мир и оказавшим воздействие на основы современного знания.

Платон (427—347 гг.) происходил из старинного рода Кодридов и находился в родстве с видными олигархами. Его дядей был Критий, глава «тридцати тиранов». Платон получил пре-

красное образование, обладал незаурядным литературным и поэтическим талантом. Знакомство с Сократом направило его на путь серьезного изучения философии. После смерти Сократа (399 г.) Платон уехал из Афин, посетил Кирену и Египет. Через несколько лет после этого путешествия Платон отправился в Южную Италию, где познакомился с некоторыми пифагорейцами. Когда Платону было 40 лет, его пригласили в Сицилию ко двору сиракузского тирана Дионисия Старшего. По возвращении в Афины (388 г.) Платон в 387 г. основал Академию — философскую школу, названную так по имени афинского героя Академа. Академия была не столько школой в нашем понимании этого слова, сколько объединением учеников-единомышленников Платона. В 60-х годах IV в. Платон еще раз ездил в Сицилию, где тираном был тогда сын Дионисия Старшего, Дионисий Младший. В 347 г. Платон умер в Афинах.

Платон написал много сочинений на разные, преимущественно философско-этические темы. В большей части платоновских произведений (диалогов) главным действующим лицом является Сократ. Из платоновских диалогов известны «Апология Сократа», «Критон» (о повиновении законам), «Протагор» (о добродетели), «Горгий» (о красноречии), «Пир» (о любви), «Федон» (о бессмертии), «Тимей» (о мироздании) и т. д. Исследованию природы идеального государства посвящены специальные трактаты «Полития» и «Законы».

Изложить философию Платона очень нелегко. Платоновская система в высшей степени сложна и противоречива. Сам Платон несколько раз пересматривал, дополнял и изменял свои взгляды.

Учение Платона вкратце сводится к следующему. Окружающий нас реальный мир не есть истинный мир. Это лишь бледное отражение действительного, сверхопытного мира идей, интуитивно постигаемых нашим интеллектом. Идеи или понятия присущи нашему сознанию как таковому. Опыт же только делает их прозрачными, обнаруживающимися в логических суждениях и представлениях. *Действительные истины — только одни идеи* — «эти неподвижные полюсы в вечно меняющемся потоке явлений».

Опыт лишь несовершенно отражает в себе высшие неизменные образы (идеи), стоящие вне времени и пространства, недоступные восприятию, но созерцаемые чистым разумом (мышлением). Отсюда высокая оценка Платоном разума (*нус*), связывающего опытный мир разрозненных явлений (*апейрон*) с потусторонним миром идей, бледной копией которого является окружающий нас реальный мир. Сам по себе реальный мир как бы не существует, он получает свое оформление лишь через посредство разума, превращающего материальный хаос (*апейрон*) в стройную систему (*космос*).

Однако самое понятие интеллекта, или разума, у Платона очерчено туманно, неотчетливо и противоречиво. Иногда интеллект отождествляется с душой, связывающей мир идей с материальным миром. Душа, заключенная в смертное тело человека, вспоминает остающийся вечно неизменным мир идей, в котором она когда-то пребывала. Душа стремится вырваться из тела и подняться в идеальный мир. Поэтому высшей целью познания признается не исправление, а преодоление мира, не активная деятельность, а пассивное созерцание. Это, полагает Платон, достигается углубленным познанием реального мира.

За отправную точку познания Платон принимает чувственное восприятие, переходящее в первую ступень познания — в чувственные представления, или мышление. Из чувственных представлений возникает рассудочное познание (рефлексия), называемое научной *гипотезой*. Научные гипотезы, в особенности гипотезы самой абстрактной и точной из всех наук — пространственной геометрии, служат отправной точкой настоящего мышления, раскрывающегося в *диалектике*, высшей из всех наук. Значение диалектики, по Платону, состоит в обнаружении несостоятельности чувственного мира перед идеальным (умозрительным), получаемым путем непосредственного созерцания или интуиции.

Ахиллесова пята идеалистической философии Платона — метафизическое и вместе с тем противоречивое даже с внешней стороны определение материи, разума (души) и природы того идеального мира, бледным отражением которого является реальный мир чувств и рефлексов. С одной стороны, идеальный мир рассматривается как продукт творческой фантазии и разума, а с другой — как нечто извне данное и совершенно не зависящее от человеческой психики. В своей философии Платон возвращается к донаучному, теологическому мышлению и приходит к мистике. По своему содержанию философия Платона идеалистическая и глубоко реакционная.

Философская концепция Платона, последовательного противника демократии, неотделима от его социально-политических идеалов. Платон жил в период начинающегося кризиса полиса, острой классовой борьбы и напряженного искания новых форм общественной жизни.

Классический полис с его небольшим коллективом полноправных граждан изживал себя. Историческая обстановка требовала создания более широких государственных объединений. Кризис полиса вылился в формы небывалого обострения политической борьбы между различными группировками, постоянных потрясений. Современники Платона мучительно искали выхода из кризиса. Одни видели выход в дальнейшей демократизации государственного строя, другие, напротив, в возврате к политическим «порядкам отцов». Сократ, учитель Платона, утверждал,

что управление государством принадлежит к разряду «царственных искусств» и, следовательно, должно находиться в руках людей, обладающих «царственными добродетелями» — мудростью, высокой нравственностью и справедливостью.

Логическим выводом из этого было ограничение числа полноправных граждан, обладающих не только пассивным, но и активным правом, т. е. правом не только выбирать, но и быть избранными. Ученик Сократа и современник Платона, Ксенофонт, идеализировал спартанские порядки и превозносил персидскую монархию. В трактате «О доходах» Ксенофонт доводами экономического порядка доказывал необходимость расширения прав государства в экономической сфере. Все это говорит о том, что эпоха Платона была временем напряженных исканий новых форм общественно-политического устройства.

Отличие «Политии» Платона от других подобного рода известных нам трактатов Греции V в. заключается в том, что Платон первый дал законченный образец (утопию) «идеального», по его мнению, государства.

Главное зло современного ему общества Платон видит в *эгоизме*, разделяющем общество на два полюса — полюс богатства и полюс бедности. Причина же эгоизма заключается в непонимании истинного смысла *аретэ* — добродетельной жизни. Утрата *аретэ* порождает сребролюбие, жадность, своеволие, дерзость и тем самым разрушает общественный порядок. В афинском строе Платона более всего возмущала «неумеренная свобода демоса». В Афинском государстве, сетует Платон, нет различия между свободными и рабами, гражданами и иностранцами, учениками и учителями, старыми и молодыми. Состояние Афинского государства таково, что оно нуждается в немедленном «оздоровлении», — таков конечный вывод Платона. Полное же оздоровление возможно лишь в идеальном обществе, построенном на добродетели, т. е. *справедливости*. Справедливость же Платон трактовал с типично рабовладельческой классовой точки зрения, выдавая ее за объективно-истинную.

Анализу справедливости, в понимании Платона, посвящена значительная часть «Политии». Справедливое у Платона совпадает с понятием разумного, а разумное приобретает от рождения и совершенствуется в процессе занятия философией и наукой. Справедливое, говорит Платон, лучше, чем несправедливое, потому что оно обеспечивает человеку и обществу возможный максимум счастья. Поэтому во главе «идеального государства» (политии) должны стоять справедливые и разумные люди, которых Платон называет *философами*.

Философы должны вести созерцательный образ жизни и заботиться о проведении в жизнь справедливого и разумного. Они не должны иметь ни собственности, ни семьи, которые, по мнению Платона, порождают алчность, эгоизм, ослабляют

государство. Философы, правители государства, живут вместе и избавлены от всяких забот и тревог материальной жизни.

Второй слой политики составляют *воины*, охраняющие государство от покушений извне. Подобно философам, воины тоже не имеют собственности и семьи. Деторождение регулируется государством. «Дети у всех общие, ни родители не знают детей, ни дети родителей»¹. Слабые дети уничтожаются при рождении, а здоровые передаются на воспитание в воспитательные дома.

К третьему слою политики относится остальная масса граждан — земледельцы, купцы, ремесленники, называемые общим термином *ремесленники* (демиурги). Ремесленники имеют частную собственность и семью, и их образ жизни также регулируется государством. Демиурги принадлежат государству и распределяются по 13 производственным округам. Своим трудом они доставляют государству необходимые материальные блага. «Попечение» над «ремесленным классом» вверено специальным чиновникам (*агораномам*), которые также регулируют и рыночные отношения. Денежное обращение и богатство в политике Платона ограничены определенными узкими рамками. Политика Платона не исключает и рабства в собственном смысле. В этом сказалась рабовладельческая сущность социальной философии Платона.

И в «Политии» и в «Законах» идеальное государство Платона является аграрным. Основной хозяйственной отраслью признается земледелие и натуральное хозяйство, торговля и денежное обращение почти сведены на нет.

7. Аристотель

Философская концепция Аристотеля складывалась в иных социально-политических условиях и выражала взгляды других социальных групп. Аристотель, вначале находившийся под сильным влиянием Платона, впоследствии отошел от своего учителя и пошел собственным путем.

Аристотель (384—322 гг.) происходил из города Стагира (Стагирит), колонии Андроса на Халкидском полуострове, по соседству с Македонией. Отец его, Никомах, был придворным врачом македонского царя Аминты III, отца Филиппа II. Семнадцати лет Аристотель прибыл в Афины и вступил в Академию Платона. В 343 г. он был приглашен воспитателем к молодому наследнику македонского престола Александру и пробыл в Македонии около восьми лет. По возвращении в Афины Аристотель занялся преподаванием и научными исследованиями. Он преподавал в афинской гимнасии, Ликее, посвященной Аполлону Ликейскому.

---

¹ Платон, *Государство*, V, 457д.

После смерти Александра Македонского, когда Афины стали центром антимакедонского движения, Аристотелю пришлось бежать в город Халкиду на Эвбее, где он вскоре и умер.

Аристотель обладал исключительно широкими и разносторонними познаниями. Его с полным правом можно назвать энциклопедистом, так как он был одинаково сведущ в философии, математике, истории и в особенности в естественных науках: физике, зоологии, физиологии, ботанике и медицине. Философия Аристотеля — прежде всего натурфилософия. Наибольшее влияние на мировоззрение Аристотеля оказали Демокрит и Платон.

Аристотелевская натурфилософия представляет собой стройную систему, хорошо продуманную в целом и частях, связанную одной мыслью. Исходной точкой естественнонаучных взглядов Аристотеля была медицина или, вернее, физиология, трактующая о рождении, развитии и смерти организма. Усиленные занятия физиологией приучили Аристотеля смотреть на все явления природы, социальной и индивидуальной жизни как на органический процесс, на процесс становления.

Жизнь, по Аристотелю, есть стремление материи к *оформлению*, т. е. к выявлению заложенной в ней идеи движения и силы (*дюпамис*). Форма является общим началом, организующим и одухотворяющим мертвую материю, рассеянную в природе. Сама же форма в своем бытии предопределяется заложенной в каждом существе *целью* (*телос*), раскрывающейся в движении. Так, в семени растения уже предопределено все последующее его развитие, его будущая форма. С точки зрения Аристотеля, форма и материя неотделимы друг от друга, и это не абстрактные понятия, а две различные стороны единого жизненного процесса. В этом состоит коренное различие между идеалистической философией Платона и реалистической концепцией Аристотеля. Следовательно, нет никакого мира идей, существующих сами по себе, вне реальной материи. Это сближает точку зрения Аристотеля с материалистической.

Жизнь вселенной есть стремление принять известную заложенную в ней форму. Так, цветок стремится обрести максимально совершенную форму цветка, дерево — форму дерева, человек — форму человека и т. д. Стремление к чему-либо, однако, не означает еще достижение этого стремления. Идеальное сочетание формы и содержания представляет скорее исключение, чем правило, воплощаясь лишь в произведениях искусства, **истинный** смысл которых как раз и состоит в дополнении, расширении и углублении действительного мира, а не в голом его копировании.

Начальным моментом всякого жизненного процесса является толчок (импульс), получаемый вещью извне, приводящий в движение силы, заложенные в данной вещи. Первоначальный же импульс, который привел в движение весь мир, исходил от творческого разума, определяемого Аристотелем в разных его сочине-

Аристотель. Мрамор

ниях различно: «мышление мышления», «чистое мышление», «актуальность», «принцип всякого движения», «божество». Весь миропорядок представляет собой, с точки зрения Аристотеля, закономерную цепь причин и следствий.

Без движения не существует ни времени, ни пространства, ни материи, как и вообще не существует мира и жизни. Жизнь и мир — это движение. *Учение о движении* составляет самую сильную и интересную часть натурфилософии Аристотеля, хотя и содержащую немало противоречий, парадоксов и ошибок.

Завершением натурфилософской системы Аристотеля является его учение о *методах мышления*, или логика. Исходной точкой логики, по Аристотелю, служит опыт, из которого путем индукции выводятся общие принципы, а на основе принципов путем логи-

ческих операций нашего ума — умозаключений (силлогизмов) — делаются частные выводы. Учение о силлогизмах составляет основное содержание «Органона», специального исследования в четырех книгах, посвященного вопросам логики и методологии. В последующее время, особенно в средневековой Европе, «Органон» (*органон* — инструмент, в данной связи инструмент логического мышления) был самой популярной, читаемой и изучаемой книгой Аристотеля. На нем покоилась вся средневековая схоластика.

Социальным вопросам Аристотель посвятил специальный трактат «Политика» (326 г.). Этот трактат был написан на основе монографических исследований конституций отдельных греческих полисов в их историческом развитии. Самим Аристотелем и его учениками было составлено 158 таких исследований (политий). Образцом этого рода произведений является «Афинская полития» самого Аристотеля, ставшая известной только в 1891 г.

В то время как Платон занимался конструированием идеальной политики, пригодной для всех времен и народов, внимание Аристотеля было направлено на исследование социальных условий, при которых возникает и исчезает тот или иной политический строй. Платон, писавший об идеальном государстве вообще, как полагает Аристотель, допускал большую ошибку, не учитывая конкретных исторических условий, при которых существует данное общество. Одна и та же форма правления может быть и хорошей и плохой в зависимости от обстоятельств и людей, которые стоят во главе государства. Абсолютно наилучшего государства не существует. Речь может идти только о более или менее совершенном строе, что опять-таки зависит от конкретных условий, при которых возникают и исчезают различные политические формы.

Число же политических форм Аристотель считает величиной данной и неизменной. Он различает формы *правильные* и *неправильные*. К правильным формам относятся: 1) *монархия*, 2) *аристократия* и 3) *полития*. Каждой из них соответствует неправильная форма как следствие нарушения необходимых условий. Монархия вырождается в *деспотию* или *тиранию*, аристократия — в *олигархию*, а полития — в *демократию* (господство черни). Критерием отличия правильных форм от неправильных выступает общее благо. Одной из самых интересных глав «Политики», вообще очень богатой мыслями, является глава о государственных переворотах и революциях, где Аристотель высказывает много глубоких и тонких суждений.

Исходя из своей социально-философской концепции, Аристотель наилучшим строем для Афин считал политию, т. е. умеренную демократию.

Сила и значение Аристотеля как мыслителя заключаются не

в его политических идеалах и симпатиях, а в его *историческом и диалектическом* методе. «Древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления»¹, — так характеризует Аристотеля Энгельс. «Что же касается диалектики, то до сих пор она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем»².

Ленин считал заслугой Аристотеля две вещи: 1) способность мыслить диалектически и 2) беспредельную веру в силу разума и мысли. «Прехарактерно вообще везде, *rassim* (повсюду), живые зачатки и *запросы* диалектики... Нет сомнения в объективности познания. Наивная вера в силу разума, в силу, мощь, объективную истинность познания»³.

Ленин указывал на слабые стороны Аристотеля: наивность некоторых его положений, противоречия в определениях, социальные предрассудки, богословские уклоны и пр. Вместе с тем Ленин отмечал большие искажения, допущенные комментаторами Аристотеля, стремившимися превратить Аристотеля-реалиста в схоласта и идеалиста. «Логика Аристотеля — говорит он, — есть запрос, искание, подход к логике Гегеля, — а из нее, из логики Аристотеля (который *всюду*, на каждом шагу ставит вопрос именно о диалектике), сделали мертвую схоластику, выбросив все поиски, колебания, приемы постановки вопросов»⁴.

После Аристотеля осталась школа его учеников, так называемых *перипатетиков*. Это название школа получила, видимо, оттого, что Аристотель во время чтения лекций обыкновенно не сидел, а ходил взад и вперед (*перипатейн* означает «ходить кругом», «прогуливаться»). Перипатетики были представлены двумя направлениями — естественнонаучным и философским. Во главе одного стояли ученики и продолжатели Аристотеля — *Феофраст* и *Дикеарх*. Помимо специальных работ, Феофраст и Дикеарх занимались составлением проектов «наилучших государственных порядков». Наиболее совершенной политической формой, по их мнению, являлась смешанная политика, сочетающая элементы монархии, аристократии и демократии. Естественнонаучная школа Аристотеля выдвинула ряд блестящих ученых — физиков, естественников и математиков.

Другая ветвь перипатетиков отклонилась в сторону идеализма и мистицизма, подготавливая тем самым почву для христианства.

¹ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 19.

² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 367.

³ В. И. Ленин, *Философские тетради*, — Сочинения, т. 38, изд. 4, стр. 366.

⁴ Там же.

Значение Аристотеля в дальнейшем развитии философии весьма велико. Особенно большой интерес проявляли к Аристотелю в средние века, его труды переводили на латинский язык и создали настоящий культ Аристотеля, совершенно исказив, однако, истинный смысл его учения, восстановленный только классиками марксизма-ленинизма.

ГЛАВА XIV

ГРЕЦИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV в.

1. Рост имущественного неравенства. Классовая борьба

Пелопоннесская война значительно изменила политическую обстановку в греческих городах и соотношение борющихся сил. Последующий период характеризуется ростом имущественного неравенства и обострением социальной борьбы, которая в некоторых городах перерастала иногда в ожесточенную гражданскую войну.

В IV в. до н. э. все греческие государства — и победители и побежденные — вступили в полосу политического и социального кризиса. Причиной, ускорившей этот кризис, были тяжелые последствия Пелопоннесской войны. По словам Фукидида, «эта война затянулась надолго, и за время ее Эллада испытала столько бедствий, сколько не испытывала раньше никогда в равный промежуток времени»¹.

Полностью оправиться от последствий войны греческие полисы так и не смогли: кризис IV в. был кризисом полиса как формы государственного объединения.

Город-государство (полис) возник в период разложения родового строя и формирования рабовладельческого общества. С переходом рабовладельческого общества на более высокую ступень развития полис — замкнутый коллектив граждан — стал препятствовать дальнейшему росту частной собственности, тормозить развитие производства и торговли. Появилась необходимость в ином, более крупном политическом и экономическом объединении, в иной форме государства.

Для IV в. характерно появление *крупной собственности* как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве. Концентрации собственности в сельском хозяйстве способствовала Пелопоннесская война. Территории, ставшие ареной военных действий, опустошались, деревни разорялись, поля оставались незасеянными, оливковые рощи и виноградники уничтожались. Больше всего пострадали землевладельцы и земледельцы Аттики, жестоко опустошенной спартанцами.

¹ Фукидид, I, 23, 1.

Многие крестьяне, не имея средств для восстановления хозяйства, покидали свои участки. Земли поступали в продажу и скупались нередко за бесценок, как это видно из рассказа Ксенофонта о некоем Исхомахе, одном из главных действующих лиц его сочинения «Экономика». В том же сочинении Исхомах дает советы, как обрабатывать почву, как производить посев, убирать хлеб и очищать зерно. Рациональное ведение сельского хозяйства, по Ксенофону, повышает его доходность и увеличивает его цену. «Нет ничего более способного к улучшению,— говорит в „Экономике“ Исхомах,— как земля, которая из запущенной становится в высшей степени плодородной». «Благодаря нашим стараниям,— продолжает Исхомах,— стоимость многих участков земли стала во много раз больше первоначальной»¹. Таким образом, состоятельные люди, скупавшие землю, располагали реальными возможностями поднять ее доходность. Вряд ли это могли сделать собственники-крестьяне, продолжавшие продавать свои разоренные войной участки.

Расслоение сельского населения и обнищание крестьян ускорились также развитием денежных отношений в деревне. Разорались прежде всего владельцы мелких земельных участков. Надписи этого времени на закладных камнях, так называемые *horoi*, и записи полетов, регистрировавших куплю-продажу земельных участков, свидетельствуют о широком распространении заклада и продажи земли.

Однако концентрация собственности в сельском хозяйстве не была повсеместным явлением. Эти процессы особенно интенсивно протекали на территории ведущих греческих государств, наиболее пострадавших от войны. В Беотии и Фессалии, позже вступивших в полосу кризиса, где земледелие было и оставалось основой хозяйства, к началу IV в. зажиточные крестьяне составляли еще значительную часть населения.

Об организации промышленности IV в. у нас сравнительно мало сведений. Мы не знаем, возросло ли в это время абсолютное число рабов, но, хотя число полноправных граждан в связи с войнами и разорением мелких производителей уменьшалось, приток рабов не иссяк. Если до Пелопоннесской войны рабы, как правило, были негреческого (варварского) происхождения, то во время войны стали обращать в рабство и захваченных в плен греков. Так, были проданы афиняне, потерпевшие поражение при Сиракузах. Превращали в рабов и жителей покоренных городов Платей, Делоса, Потидеи.

В IV в. рабский труд стал еще шире применяться в ремесленном производстве, особенно в таких торгово-ремесленных центрах, как Афины, Мегары, Коринф. Значительно увеличилось число рабов в отдельных эргастериях.

¹ Ксенофонт, *Экономика (Домострой)*, XX, 23, 24.

Из речей Лисия мы узнаем о существовании в Афинах мастерской, в которой работало 120 рабов. Показательно, что это была мастерская шитов. По-видимому, предприятия, которые изготовляли оружие, расширялись во время войны, и число рабочих-рабов в них возрастало. Так, в двух эргастериях отца оратора Демосфена работало 65 рабов.

Несмотря на распространение рабства и укрупнение ремесленных мастерских, господствующим оставалось мелкое производство, и мастерская, где работало 20 или 30 человек, считалась большим предприятием.

Хозяева крупных эргастерий богатели, эксплуатируя рабов. Масса же свободных мелких ремесленников разорялась, не выдерживая конкуренции дешевого рабского труда.

Во время войны резко упала покупательная способность населения и сократилась внешняя торговля, так как передвижение вдоль вражеских берегов было опасным. Это также способствовало разорению мелких ремесленников. После войны торговые связи возобновились, но не в прежних размерах.

В Причерноморье и в Италии, откуда греки в обмен на ремесленные изделия вывозили сырье и продукты питания, возникло самостоятельное производство, и спрос на предметы греческого ремесла сократился.

Кроме того, изменилось направление важнейших торговых путей. В V в. афиняне, господствуя на Эгейском море, контролировали морскую торговлю: все товары, особенно хлеб, сначала привозили в Пирей, а оттуда, по усмотрению афинян, их могли продавать в другие города Греции. После Пелопоннесской войны Афинам не удалось восстановить свое морское господство. Ведущую роль в торговле греческого мира в этот период стали играть малоазийские города. Торговые суда все чаще направлялись к Родосу, минуя Балканский полуостров.

Разоренные мелкие собственники скоплялись в городах в поисках работы и пропитания. Многие из них превращались в городскую чернь — *охлос* — античный люмпен-пролетариат. В таких городах, как Афины, Коринф, Мегары, *охлос* составлял значительную часть населения. В Афинах число люмпен-пролетариев пополнилось за счет клеруков, изгнанных спартамцами с их наделов. Многие свободные вынуждены были продавать свою рабочую силу. По свидетельству Демосфена, «вследствие несчастья, постигшего тогда наше государство, многие гражданки стали кормилицами, поденщицами и помощницами при сборе винограда»¹. Но найти работу было нелегко, так как рабов было много и рабский труд дешев. Широкое распространение рабского труда ухудшало положение свободных наемных работников. Труд считался недостойным свободного человека.

---

¹ Демосфен, *Речь*, LVII, 31.

В одной из речей Демосфена истец, мать которого вынуждена была продавать изготовленные ею ленты, говорит: «Бедность заставляет и свободных выполнять много рабских и недостойных обязанностей, за что справедливо пожалеть их, афиняне, а не наказывать»¹.

«Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей»².

Наряду с обнищанием широких слоев свободного населения в руках немногих после Пелопоннесской войны сосредоточились огромные богатства.

Значительные прибыли принесла война владельцам оружейных мастерских, а также различным поставщикам и подрядчикам. Полководцы, главным образом спартанские, разбогатели за счет военной добычи. Немалые состояния приобретали ростовщики-трапедзиты. Они ссужали деньги купцам, принимали на хранение вклады, производили безналичные расчеты. Состояние одного из таких афинских трапедзитов, Пасиона, достигало 60 талантов.

Многие дельцы наживали деньги всевозможными спекуляциями. Спекулировали землей, скупая за бесценок опустошенные войной участки. Нам известны крупные земельные собственники. Аристофан, сын Никофея, приобрел участок в 30 гектаров. Имение некоего Фениппа, упомянутого у Демосфена, составляло около 360 гектаров.

Особенно выгодны были спекуляции хлебом. Они издавна привлекали афинских купцов, но в период войны и после нее, когда в снабжении населения привозным хлебом бывали перебои, эти спекуляции обрели невиданный размах. О размерах хлебных спекуляций можно судить на основании частых судебных процессов, известных нам из речей афинских адвокатов IV в. Характер хлебных махинаций и психология спекулянтов превосходно переданы в «Речи против хлебных торговцев» афинского адвоката Лисия (первая половина IV в.). «Эти люди, — говорит Лисий, — извлекают больше всего прибыли в то время, когда приходят вести о несчастьях, постигающих наше государство, и тогда они продают хлеб по дорогой цене. Они радостно глядят на наши страдания и стараются раньше других получить известие о постигающих наше государство бедствиях, а иногда и сами распускают ложные слухи: будто наши корабли погибли на Понте, или спартанцы захватили транспорт, отправленный в Афины, или заперли гавани, как будто перемирию угрожает разрыв. Они дошли до такой дерзости, что злоумышляют против нас, как враги, и, когда мы особенно нуждаемся в хлебе, они

¹ Демосфен, *Речь*, VII, 31.

² Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 20, изд. 2, стр. 643.

захватывают его в свои руки и не хотят продавать, чтобы не спорили из-за цены, а соглашались платить, сколько бы они ни потребовали. Вот почему иногда во время мира мы переживаем по их вине осадное положение»¹.

В «Экономике» Ксенофонт один из собеседников иронически замечает: «И купцы по своей чрезвычайной любви к хлебу, как прослышат, что где-нибудь его очень много, так и едут туда за ним, переплывают и Эгейское, и Евксинское, и Сицилийское моря. Потом наберут его как можно больше и везут по морю, да еще на том судне, на котором сами едут. Когда им понадобятся деньги, они не выбрасывают хлеб зря, по дешевым ценам, куда попало, а, напротив, где, по слухам, цены на хлеб всего выше и где больше всего им дорожат, к тем и везут его на продажу»².

Предприимчивые дельцы спекулировали не только хлебом, но и многим другим, например железом. В «Политике» Аристотеля упоминается один сицилийский гражданин, купивший все железо, добытое в рудниках, продававший его купцам по дорогой цене и таким образом наживший колоссальное состояние в 50 талантов.

Приобретенные в результате спекуляции деньги отчасти пускались в оборот — на них приобретались земли, рабы, корабли и т. д., отчасти же растрачивались на предметы роскоши. Богачи строили роскошные дома-дворцы, украшенные фресками, мозаикой и колоннадами. Внутренняя отделка изумляла изяществом и великолепием. Стены украшались картинами и статуями первоклассных художников. Богачи содержали дорогих поваров, большой штат домашней прислуги из рабов.

Мы располагаем разнообразными свидетельствами все возрастающего влияния богатства и роста имущественного неравенства в Греции IV в. Богачи новой формации обычно не были связаны с какой-либо определенной страной или родом. Эти люди считали своим отечеством всякую страну, в которой они находили экономические выгоды.

Новые богачи (плутократы) стали составлять теперь верхний слой общества и затмили старую аристократию. Это было время, когда общественное положение человека зависело исключительно от его богатства.

Философ Платон изображает современное ему Афинское государство расколовшимся на две неравные части: бедных и богатых. Эти два слоя хотя и живут в одном и том же месте, но постоянно злоумышляют друг против друга и готовы пожать один другого.

Рост имущественного неравенства во всех греческих городах приводил к обострению социальной борьбы, что нашло отражение во многих литературных произведениях.

¹ Лисий, *Речи*, XXII, 14, 15.

² Ксенофонт, *Экономика (Домострой)*, XX, 27, 28.

С настроениями афинской свободной бедноты нас знакомят уже известные нам комедии Аристофана. Сюжет одной из них — «Женщины в народном собрании» — имеет много общего с сюжетом «Лисистраты». И здесь женщины, утратившие веру в политические способности своих мужей, решили взять управление государством в свои руки. В ранний утренний час, когда их мужья еще спали, они созвали народное собрание, на котором выступила главная героиня этой комедии Праксагора. В своей речи она выдвигает радикальную программу.

«Я полагаю,— говорит Праксагора,— отныне все должно стать общим. Прочь порядок, при котором один владеет обширными поместьями и деньгами, а у другого нет даже места для могилы. У одних целая армия рабов, а у других нет и одной прислуги»¹.

Из рассуждений Праксагоры видно, что стремления малообеспеченных граждан античного полиса не шли далее перемещения имущества из одних рук в другие.

Комедия Аристофана — карикатура на современные ему социальные утопии. Аристотель упоминает об утопической «Политии» Фалея Калхедонского, по мнению которого государство призвано осуществить справедливое перераспределение имущества и организовать систему общественного воспитания детей.

Одновременно с проповедью уравнительного передела всех имуществ в Греции IV в. наблюдается стремление к *идеализации* старины, отцовских или дедовских порядков. Дедовские порядки представлялись «золотым веком», когда не существовало ни имущественного, ни социального неравенства, ни классовой вражды и жизнь текла мирно и спокойно.

В связи с резким ухудшением жизненного уровня беднейшие граждане требовали помощи от государства. В речах Исократы говорится о том, как выросло после войны число нищих, стремящихся жить за счет государства. «В старину не было нищих и никто не позорил государства, выпрашивая подавание. А теперь число нуждающихся превосходит число лиц, имеющих какой-нибудь достаток. Они только и думают, как бы раздобыть себе дневное пропитание: толпятся перед судами, в надежде вынуть жребий, нанимаются в театральные статисты, готовы идти на самые темные дела»².

В эпоху могущества Афин государство выплачивало значительные суммы бедным свободным гражданам за отправление различных общественных обязанностей. Между тем афинские граждане требовали от государства выдачи им пособия на бедность вне зависимости от выполнения ими общественных

¹ Аристофан, *Женщины в народном собрании*, 590—595 и сл.

² Исократ, VII, 83.

обязанностей. При таких условиях сумма выплачиваемых государством пособий должна была значительно увеличиться по сравнению с той, которая выплачивалась при Перикле. Однако афинская казна не могла выделить такую сумму, так как она лишилась взносов союзников, а поступления от торговых пошлин значительно уменьшились в связи с сокращением торгового оборота. Поэтому вполне понятно, почему в Афинах IV в. вокруг вопроса о выдаче пособий шла острая борьба. Не менее ожесточенная борьба развернулась и по вопросу о *литургиях*.

Состоятельные граждане стремились к тому, чтобы те или иные повинности раскладывались на возможно большее число лиц. Прибегали они также к утаиванию размеров состояний. Для предупреждения этих злоупотреблений демократические деятели добились проведения закона об обмене имуществом, так называемом *антидосисе*. По этому закону всякий, кто был внесен в число лиц, выполнявших ту или иную литургию, мог предложить любому гражданину, не состоявшему в списках, но имевшему большее состояние, или взять на себя выполнение литургии или обменяться с ним имуществом. Появилось много лиц, которые выискивали поводы для привлечения состоятельных людей к суду по делам, связанным с конфискацией имущества. Так как доносчик, *сикофант*, получал определенную часть имущества осужденного, то для некоторых людей в Афинах доносы превратились в источник дохода.

Ксенофонт в произведении «Пир» вывел некоего Хармида, ученика Сократа, лишившегося большого состояния. Хармид рассказывает о себе: «Когда я был богат в Афинах, я боялся, чтобы кто-нибудь не подкопал стены в моем доме и не забрал деньги, а мне самому не сделал какого-нибудь вреда; кроме того, я ухаживал за сикофантами, так как знал, что скорее я могу через них впасть в беду, чем они через меня. Наконец, я всегда получал известные требования сделать то или иное для города, а выехать из Афин мне не позволяли. Но теперь, когда у меня отняты поместья вне Афин, когда от здешних я ничего не получаю, а домашнее имущество все распродано, теперь я сплю, спокойно растянувшись, пользуясь доверием города, и никто мне более не угрожает; напротив, я угрожаю другим. Я свободен, я могу выехать и возвратиться, богатые встают передо мной со своих мест и уступают дорогу на улице. Теперь я настоящий царь, а прежде был рабом, тогда я платил налоги в пользу города, а теперь город платит мне жалование и содержит меня»¹. Это парадоксальное утверждение в известной мере отражало действительное положение вещей. Полисная система не могла уже гарантировать полную безопасность имуществу богатых граждан.

¹ Ксенофонт, *Пир*, 4.

По словам Исократы, в современном ему греческом мире врага бояться меньше, чем собственных сограждан. Богатые скорее готовы бросить свое имущество, чем отдать его бедным, а для бедных нет ничего более желанного, чем ограбить богатых.

Во всех греческих городах IV в. борьба бедных и богатых в сфере политической облекалась в форму ожесточенных столкновений олигархических и демократических группировок. Если к власти приходили демократы, конфисковалось имущество богатых. Побеждали олигархи — сокращались раздачи беднейшему населению, преследовали демократов. В тех городах, где помощь беднейшим гражданам была особенно скудной, классовая борьба нередко выливалась в жестокие расправы на улицах. В 392 г. в Коринфе вспыхнуло восстание бедняков, сопровождавшееся резней богачей. В 370 г. в Аргосе произошло событие, известное под названием аргосского *скитализма* (*ски-тале* по-гречески означает «палка»). В течение нескольких дней около 1500 богачей было перебито палками.

Острая классовая борьба вынуждала многих покидать родные города. К политическим эмигрантам присоединялись и те, кто не мог найти у себя на родине средств к существованию. Много греческих переселенцев направлялось в колонии — Италию, Сицилию, Причерноморье. Те, кто не желал уезжать так далеко, становились наемниками. *Наемничество* — очень характерное явление для Греции IV в. Оно связано прежде всего с обнищанием большого числа свободных граждан. Раньше войска полисов формировались на основе имущественного ценза. Феты служили в легковооруженных войсках и составляли экипажи военных кораблей. Гоплиты, которые должны были вооружаться за свой счет, вербовались из зажиточных слоев. С обнищанием мелких собственников число гоплитов уменьшалось. Обедневшие граждане не могли снаряжаться за собственный счет. Греческие города-государства постепенно переходили к использованию наемных войск, которые преимущественно формировались из людей, свободных от всяких занятий.

Наемничество — переломный момент в истории военной организации античного мира. Наемная армия у греков была первой армией, в которой были созданы условия для совершенствования военной техники, введения строгой дисциплины и проведения далеких походов. Переход к наемной армии совпал с переходом к новому военному строю — от тяжеловооруженной фаланги гоплитов к легковооруженным *пелтастам*. Тяжелый металлический панцирь был заменен холщовым и тяжелый щит, обитый медью, кожаным (пелта), но зато меч и копье стали длиннее. Это во много раз удешевляло экипировку войска и делало его более подвижным, способным к маневриро-

ванию и далеким походам. Введение пелтастов приписывали афинскому стратегу *Ификрату*.

Наемничество обусловило совершенно иные взаимоотношения между войском и полководцем. Связь между рядовыми воинами и вождем становилась более тесной и непосредственной. Войско знало только своего начальника, от которого оно получало плату и по приказу которого совершало многочисленные походы.

Появился ряд талантливых полководцев, готовых служить кому угодно за хорошую плату. Такие афинские полководцы, как *Хабрий*, *Ификрат*, *Харес*, *Тимофей*, набрав большие отряды наемников, вмешивались в политические дела других государств. Стратег Хабрий без разрешения афинского народного собрания поддержал фараона Таха, восставшего против персидского царя. Иногда предводители наемнических дружин свержали законные правительства и провозглашали себя верховными правителями. Из наемничества выросла диктатура наемнических вождей — *позднegrеческая тирания*. Тиранов поддерживали и люмпен-пролетарии, приветствовавшие всякую власть, которая выступала против богатых и знатных. Однако тирания, опиравшаяся на деклассированные элементы, как правило, существовала недолго.

Все изложенное выше свидетельствует о глубоком *кризисе* полиса как социально-политической организации, сложившейся в иных исторических условиях и не отвечавшей требованиям времени. Для IV в. характерно равнодушие граждан к судьбам государства — политическая апатия. Беднейшим гражданам полис не мог обеспечить прожиточный минимум. Богатые все больше тяготились государством, плохо защищавшим их имущественные интересы. Неустойчивость и непрочность полиса внушали страх еще и потому, что только сильное и здоровое государство, как об этом пишет Платон, могло защитить рабовладельца, имевшего много рабов. Борьба с рабами причиняла рабовладельцам немалое беспокойство и держала их в постоянном напряжении. Принимались самые различные меры для предупреждения восстаний. Платон советует в «Законах» по возможности не иметь рабов одной и той же национальности, а покупать рабов, говорящих на разных языках, чтобы они не могли сговориться между собой и поднять восстание. Но ничто не могло задержать развития классовой борьбы, постоянных выступлений рабов, ненавидевших угнетателей и готовых, как говорит Ксенофонт в отношении илотов, «с радостью пожрать спартиатов даже живыми», если бы только для этого представился случай.

Страх перед восстаниями рабов, ненависть к беднякам заставляли богатых стремиться к установлению сильной и прочной власти, способной оградить их от любых случайностей.

2. Спарта в IV в. до н. э. Война с Персией. Анталкидов мир

История Греции после Пелопоннесской войны на протяжении первой половины IV в. представляет собой бесконечную цепь войн, столкновений и мирных договоров между отдельными полисами и коалициями полисов. Не успевала закончиться одна война, как начиналась другая, третья и т. д. Гегемония над греческим миром перешла к *Спарте*, которая в военном отношении была в то время самым сильным из всех греческих государств.

Положение в самой Спарте к этому времени резко изменилось. Община равных уже давно разложилась. Социально-экономическое развитие Спарты протекало в том же направлении, что и в других полисах, но более медленными темпами. В натуральное хозяйство Спарты проникали торговые и ростовщические отношения. В Спарте все большую роль начинает играть частная собственность. Концентрация собственности и дифференциация в среде господствующего класса равноправных спартиатов особенно усилились после *закона эфора Эпитадея* (начало IV в.). Закон Эпитадея разрешил передачу имущества, в том числе и земли, по свободному выбору в виде подарка или по завещанию.

Таким образом, неотчуждаемость клеров была уничтожена. Это неизбежно приводило к уменьшению числа граждан-землевладельцев и к сосредоточению земли в руках немногих. О быстром расслоении в среде спартиатов убедительно свидетельствует сокращение числа владельцев клеров. В VI в. в Спарте было более девяти тысяч граждан, имевших полные клеры, а в 371 г. Спарта могла выставить только 2500 гоплитов.

Во время Пелопоннесской войны началось обогащение правящей верхушки спартанского общества. Одним из важных источников обогащения были субсидии, предоставленные персами лакедемонским полководцам.

Все греческие города повиновались приказаниям любого лакедемонянина. Спартанцы, безраздельно хозяйничая в греческих полисах, могли взыскивать с населения любые суммы. Особенно обогатились спартанские военачальники. Первым богачом Спарты был наварх, начальник морских сил, Лисандр. За время верховного командования состояние Лисандра достигло внушительных размеров. Когда он возвращался в Спарту, за ним следовал обоз с золотыми венками, поднесенными ему бывшими союзниками Афин «в благодарность за освобождение». Платон утверждает, что во всей Греции нельзя было найти столько серебра, сколько его стало теперь в одном Лакедемоне.

В то же время среди спартанцев появилось много неиму-

ших. Значительная часть граждан оказалась не в состоянии приобретать тяжелое вооружение и участвовать в фидитиях. Это означало потерю политических прав. Таким образом, число полноправных спартанцев непрерывно сокращалось.

Обедневшие граждане (*гипомейоны*), лишенные политических прав перизки, вольноотпущенники (*неодамоды*) и илоты выступали против существующих порядков. В 399 г. спартанский гражданин *Кинадон* призвал всех недовольных к восстанию и низвержению существующего строя. Восстание, однако, не удалось. Заговор был раскрыт, и все заговорщики казнены.

После разгрома Афинской архе Спарта превратилась в самый влиятельный полис Греции, распространивший свою власть не только на материковую Грецию, но и на побережье Малой Азии. Уже в первые годы спартанского господства союзные города убедились, что спартанская гегемония во многих отношениях хуже афинской. Спартанцы, уничтожая демократические порядки во всех подвластных им городах, насаждали так называемые *декархии*, т. е. комитеты десяти (олигархов), действовавшие под руководством спартанских уполномоченных-*гармостов*, облеченных чрезвычайной властью. Гармосты и декархии не пользовались поддержкой населения. Они вели себя крайне беззастенчиво, грабили население подвластных им городов, и потому, естественно, против них росло озлобление. Любое противодействие жестоко подавлялось.

Спарта оказала помощь брату персидского царя Киру, претендовавшему на персидский престол. После гибели Кира войска, набранные из местных жителей, перешли на сторону его противника царя Артаксеркса II. Предводители греческого отряда были приглашены для переговоров в лагерь Артаксеркса и здесь перебиты. Однако оставшиеся в живых 10 тысяч греческих наемников Кира не растерялись. Они выбрали новых предводителей и совершили беспримерный и связанный с огромными трудностями поход через всю неприятельскую страну. Пройдя Малую Азию, они вышли на побережье Черного моря, достигли Византии и отсюда разошлись по домам. История этого похода подробно описана в «Анабасисе» Ксенофонта — активного участника этой экспедиции, который был одним из предводителей греческих наемников после убийства стратегов.

Поддержка, оказанная Спартой Киру, вызвала недовольство Артаксеркса II. По указанию Артаксеркса его наместник Тиссаферн потребовал от Спарты санкционировать возврат Персии греческих городов на побережье Малой Азии. Если бы Спарта согласилась, это полностью уронило бы ее авторитет в глазах всего греческого мира. При таких условиях Спарте оставался единственный выход: пойти на риск войны с Персией. Война началась в 399 г. Спартанские войска под командованием царя *Агесилая*, талантливого полководца, перепра-

вились в Малую Азию. Здесь Агесилай нанес тяжелое поражение персам при *Сардах*, но закрепить этот успех он не смог. На персидские деньги в самой Греции была создана сильная антиспартанская коалиция. Началась так называемая *Коринфская* война (395—387 гг.). В связи с началом этой войны спартанское правительство оказалось вынужденным спешно отозвать Агесилая с его войском. Достигнутые в Малой Азии успехи были сведены на нет. В самой Греции военные действия начались на территории Беотии. Посланный в Беотию спартанский полководец Лисандр пал в бою. Спарте приходилось бороться и с Персией и с коалицией греческих государств — сначала Афинами, затем Коринфом, Мегарами, Аргосом и другими городами Средней и Южной Греции. В 394 г. персидский флот под командой бывшего афинского стратега Конона, состоявшего в тот период на службе у персидского царя, одержал победу при *Книде*, на юго-западе Малой Азии. Спартанские военные силы на море были уничтожены. Поражение при Книде обесценило и успехи спартанцев на греческом театре войны. В 390 г. афинскому стратегу Ификрату, который использовал в бою пелтастов, удалось одержать победу над спартанским отрядом недалеко от Коринфа.

Однако в решительный момент персы, напуганные успехами антиспартанской коалиции, снова изменили тактику и сблизились со Спартой. В 387 г. под давлением Персии в столице персидского царя Сузах был заключен *Анталкидов*, или так называемый царский, мир. Анталкид был спартанским уполномоченным, участвовавшим в переговорах. По Анталкидову миру греческие города на побережье Малой Азии переходили под власть персидского царя. Все остальные греческие города объявлялись свободными и независимыми, и все греческие союзы (кроме Пелопоннесского) распускались. С согласия персидского царя гегемония сохранялась лишь за Спартой, которая теперь была покорна его воле. Весьма показательно, что договор о прекращении войны между греческими городами был заключен не в Греции, а в резиденции персидского царя. Не менее показателен и текст договора, составленный от имени персидского царя и заканчивающийся словами: «Той из воюющих сторон, которая не примет этих (т. е. перечисленных выше.— *Ред.*) условий, я, вместе с принявшими мир, объявлю войну на суше и на море и воюющим с ним окажу поддержку кораблями и деньгами»¹.

Провозглашение персидским царем свободы и независимости греческих городов означало полное запрещение союзов и объединений между ними. Персы получили возможность беспрепятственно вмешиваться в греческие дела. Никогда рань-

¹ Ксенофонт, *Греческая история*, V, 31.

ше греческий мир не был таким раздробленным и разобшенным перед лицом персидской державы.

Наблюдение за выполнением условий Анталкидова мира было возложено персидским царем на Спарту, которая не замедлила воспользоваться своим привилегированным положением. Она распустила даже такое небольшое объединение, как союз халкидских городов под главенством города Олинфа. Спартанские гармоны повсеместно насаждали олигархии. В Беотии также взяла верх олигархическая партия, опиравшаяся на поддержку спартанского гарнизона, коварно захватившего фиванскую крепость Кадмею. Результатом такой политики было еще большее ослабление Эллады.

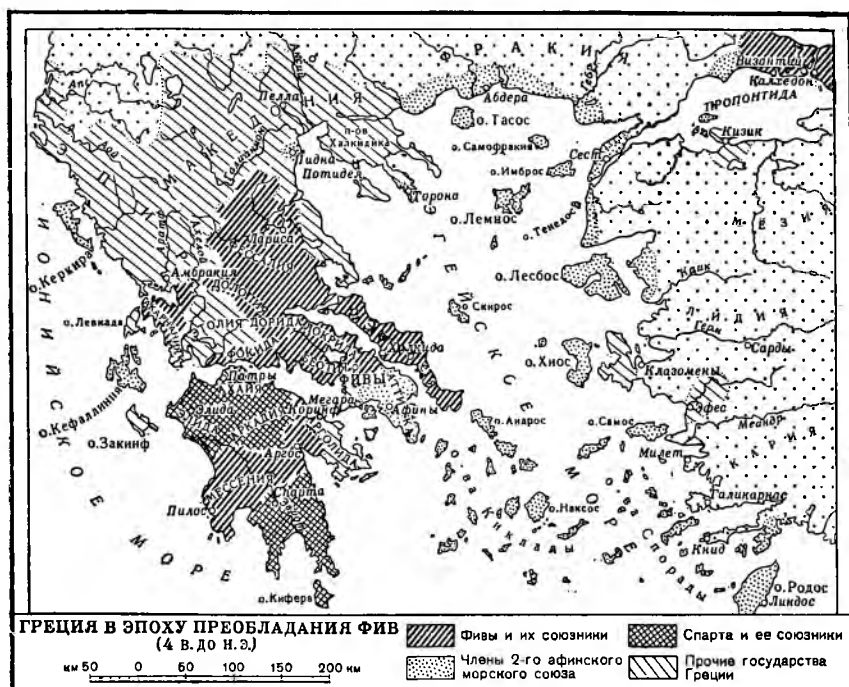
Но влияние Персии на греческие дела продолжалось недолго. Внутреннее ее положение все более ухудшалось. Великая держава Ахеменидов разваливалась. Войны между сатрапиями не прекращались. Каждая сатрапия стремилась превратиться в самостоятельное государство, независимое от великого царя. В то же время и положение Спарты как гегемона Греции становилось все более непрочным.

3. Возвышение Фив. Второй Афинский союз

Объединительные тенденции в Греции неизбежно должны были привести к попыткам создания новых союзов. В этой связи наибольшее значение приобрели события 379 г. в Фивах. В этом городе у власти находились олигархи, которые пользовались поддержкой полуторатысячного спартанского гарнизона, оставленного в фиванской крепости Кадмее. Многие фиванские демократы эмигрировали в Афины; другие остались в Фивах и ушли в подполье. Все они ждали удобного случая для выступления против фиванской олигархии и восстановления демократии.

Такой случай представился в 379 г. В Фивы тайно вернулись переодетые крестьянами семь эмигрантов во главе с Пелопидом. Они соединились со своими фиванскими единомышленниками. По преданию, в ночь, намеченную демократами для выступления, вожди олигархов находились на пиру, устроенном одним из тайных приверженцев демократов. Заговорщики, закутанные в плащи танцовщиц, проникли в дом, где пировали олигархи, и перебили их.

Восстание было поддержано населением города, олигархические порядки были отменены, спартанцы изгнаны из Фив и всей Беотии. После этого был восстановлен Беотийский союз, верховная власть передана *народному собранию*, состоявшему из всех беотян, возглавленному *советом семи беотархов*, предводителей беотийского ополчения.

Греция в эпоху преобладания Фив (IV в. до н. э.)

Вождями фиванской демократии были *Пелопид* и *Эпаминонд*. Эпаминонд — одна из самых замечательных и ярких личностей греческой истории. По происхождению Эпаминонд принадлежал к фиванской знати, но по политическим убеждениям был горячим сторонником демократии.

Непосредственного участия в подготовке заговора Эпаминонд не принимал, хотя в годы господства олигархов проживал в Фивах. Сразу же после переворота он примкнул к демократам. С Пелопидом Эпаминонд с ранней юности находился в дружеских отношениях.

Демократический переворот в Фивах и изгнание спартанского гарнизона из Кадмеи не могли не вызвать ответных действий со стороны Спарты. Спартанское правительство направило в Беотию отряд, чтобы расправиться с фиванскими демократами. По пути в Беотию командующий спартанским отрядом Сфодрий предпринял неудачную попытку захватить афинский порт Пирей. Афиняне, возмущенные нападением спартанцев без объявления войны, начали военные действия против Спарты, оказав тем самым поддержку фиванцам.

В дальнейшем Афины воспользовались благоприятно сложившейся обстановкой и в 378 г. создали *Второй Афинский морской союз*. Этот союз был значительно меньше и слабее первого и организован на других началах — принципе федеративности и автономии. В состав союза вошло до 70 городов и островов. Греческие города на малоазийском побережье, уже перешедшем под власть Персии, не могли в нем участвовать. Акт об основании Второго Афинского морского союза гласил: «Если кто-либо из эллинов или из варваров, проживающих на материке, или из жителей островов, поскольку они не находятся под властью персидского царя, пожелает быть союзником афинян и их союзников, то дозволяется тому вступить в союз при сохранении им свободы и автономии, пользуясь тем государственным строем, каким он пожелает, не принимая к себе ни (афинского) гарнизона, ни (афинского) правителя, не платя дани. Заключившим союз с афинянами и их союзниками (афинский) народ предоставляет пользоваться теми владениями афинян, частными или общественными, которые окажутся на территории заключивших союз, и им афиняне должны дать в этом ручательство... Не дозволяется никому из афинян ни для себя лично, ни для государства приобретать владений на территории союзников, ни иметь ни дома, ни земельного участка путем покупки или аренды, или как-либо иначе. Если же кто-либо купит или приобретет, или возьмет в аренду каким бы то ни было образом, желающий из союзников может заявить об этом на общественном собрании, а члены его, продав имущество, половину его отдадут сделавшему заявление, а другая половина пусть составит общее владение союзников. Если кто-либо пойдет войной, на суше или на море, на вступивших в союз, афиняне и союзники должны оказать помощь подвергшимся агрессии изо всех сил по мере возможности. Если кто-либо — будь это должностное лицо или частный человек — внесет предложение или поставит на голосование что-либо против издаваемого акта, как, например, нарушит какой-либо из пунктов его, то лишается гражданских прав, имущество его конфискуется. И суд над ним произойдет в Афинах и в союзных городах, как над человеком, расторгающим союз. Согласно решению афинян и союзников, такой человек может быть приговорен к смерти или изгнанию. Если он будет приговорен к смерти, труп его не должен быть погребаем ни в Аттике, ни на территории союзников... На той плите, на которой вырезан этот акт, написать имена союзных городов и имена тех городов, которые позднее присоединятся к союзу»¹. Второй морской союз просуществовал 23 года (378—355 гг.).

В первый период существования Афинского союза между

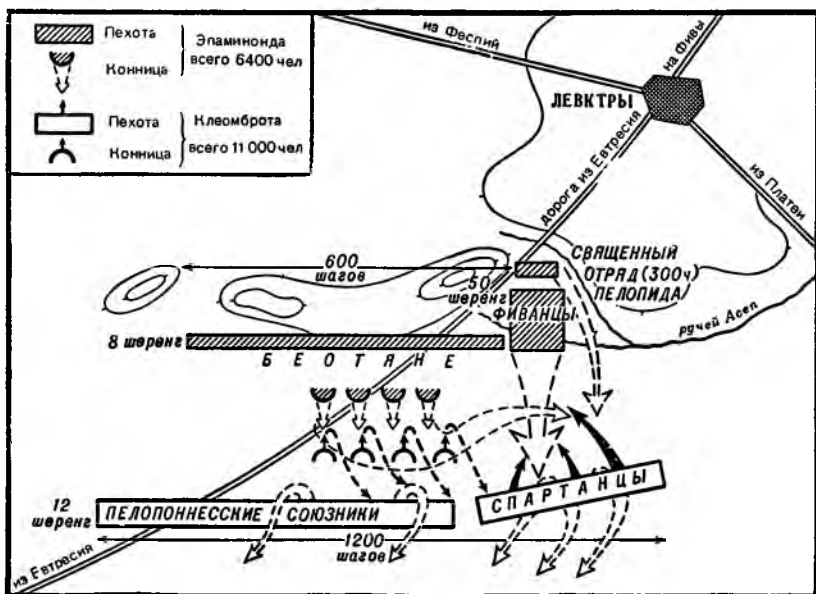
¹ Перевод С. А. Жебелева.

ним и демократическими Фивами установились дружественные отношения. Спарте пришлось отказаться от очередного вторжения в Беотию и перенести войну на море. Однако спартанский флот потерпел ряд поражений в борьбе с Афинским союзом. В связи с этим спартанское правительство решило начать мирные переговоры. При посредничестве персидского царя летом 371 г. в Спарте собрались представители греческих государств. На этом конгрессе в ответ на требование спартанцев распустить Беотийский союз Эпаминонд заявил, что Фивы откажутся от гегемонии над беотийскими городами лишь в том случае, если спартанцы откажутся от гегемонии над пелопоннесскими городами. Война между Спартой и Фивами возобновилась. Остальные государства заключили со Спартой договор на условиях, подтверждающих Анталкидов мир. Конгрессом были признаны и Пелопоннесский и Афинский морской союзы.

Кроме Фив, договор со Спартой не заключила также Фессалия — одно из сильнейших греческих государств этого периода. С конца V в. в Фессалии быстрыми темпами стали развиваться ремесла и торговля. Усилившиеся в связи с этим демократические элементы начали борьбу против родовой землевладельческой аристократии. Особенно активно участвовало в этой борьбе зависимое сельское население — пенесты. В фессалийском городе Ферах во главе недовольных встал некий *Ликофрон*. Ему удалось свергнуть господство аристократов и стать тираном. Однако Ликофрон не смог сломить сопротивление враждебных ему фессалийских городов и объединить Фессалию. Замыслы Ликофрона осуществил его преемник, ферский тиран *Ясон*, объединивший под своей властью всю Фессалию, Эпир и некоторые племена Этолии. Он был главой фессалийского ополчения. Ясон готовился к завоеванию Македонии, Греции и даже к походу на Персию. Для осуществления своих планов он создал одну из лучших в то время наемных армий, конницу и флот. Установив союзные отношения с Афинами и Беотией, Ясон выступил против Спарты.

Между тем в 371 г. в Беотии, в долине около города *Левктры*, произошла ожесточенная битва между спартанцами и фиванцами, окончившаяся поражением спартанцев. Ясон не поддерживал фиванцев и даже воспрепятствовал преследованию остатков спартанского войска, опасаясь излишнего усиления Беотии. Битва при Левктрах была выиграна благодаря тому, что Эпаминонд применил новый военный строй, так называемый *косой клин*. До того времени главное внимание обращалось на правое крыло и центр фаланги, Эпаминонд же, наоборот, уплотнил левое крыло в глубину на 50 щитов, соответственно ослабив правое и центр. Кроме того, фиванские воины были лучше вооружены. В результате спартанцы были разбиты наголову.

План битвы при Левктрах

Фиванская военная организация послужила основой знаменитой македонской фаланги. Будущий македонский царь Филипп II, находившийся тогда в Фивах, заимствовал фиванские нововведения и потом использовал их в Македонии.

Поражение при Левктрах доказало военную отсталость и внутреннюю неустойчивость Спарты. Вся Греция пришла в движение. Союзные со Спартой города отпадали от нее, и в них устанавливались демократические порядки. Многие города Средней Греции примкнули к Беотийскому союзу.

Пелопоннесский союз начал распадаться. По всему Пелопоннесу прокатились восстания илотов, перизков, свободной бедноты, наемников и т. д. Каждый город, каждое государство разделились на две партии — демократов и олигархов, готовых стереть друг друга с лица земли. Именно на эти годы и приходится скитализм в Аргосе, когда аргосский демос перебил дубинами 1500 олигархов.

Аркадские города также объявили себя автономными и образовали союз. Аркадяне отстроили разрушенную спартацами Мантинейю. По совету Эпаминонда они приступили к постройке новой столицы — Мегалополя («Великого города»). Когда Спарта, не желая мириться с потерей своего влияния в Пелопоннесе, выступила против Аркадского союза, аркадяне обратились за помощью к Афинам. Однако афиняне, опасаясь

усиления Аркадского союза и Фив, не поддержали аркадян. Тревожили афинян и действия Ясона, завладевшего проходами в Среднюю Грецию. Ясон явно готовился к захвату Дельф с их сокровищами. Планам Ясона не суждено было осуществиться. Во время подготовки похода на Дельфы он был убит заговорщиками-аристократами. После смерти Ясона в Фессалии началась борьба между его преемниками и аристократией, ослабившая фессалийское государство.

В то время как афиняне отказались помочь аркадским городам, Беотийский союз в 370 г. направил на помощь Аркадии большое войско под командованием Пелопида и Эпаминонда. Спартанцы с большим трудом предотвратили вторжение на свою территорию объединенных сил Беотийского союза и аркадян. Воспользовавшись тяжелым положением Спарты, от нее отделилась Мессения. Политическим ее центром стал древний город Мессения, возле горы Итомы. Тогда же было завершено демократическое переустройство Аркадии. Верховным учреждением Аркадского союза стал *союзный совет и народное собрание*.

Опасаясь полного разгрома, спартанцы были вынуждены просить помощи у Афин. Афиняне очень боялись усиления своего ближайшего соседа — Фив, что побудило их перейти на сторону спартанцев. Это предредило исход войны и дальнейшую судьбу Фиванского союза. Эпаминонд несколько раз совершал победоносные походы в Пелопоннес, чтобы поддержать возникшие там демократические государства, но он был не в состоянии ни уладить внутренние раздоры союзных с Фивами пелопоннесских городов, ни предупредить образование антифиванской коалиции. Аркадские города, объединившиеся вокруг Мантиней, присоединились к союзу Спарты и Афин. При таких обстоятельствах Эпаминонд двинулся с большим войском в Пелопоннес. В 362 г. при *Мантинее* произошло генеральное сражение между обеими коалициями. Победа осталась за Фивами, но она была куплена очень дорогой ценой. Множество фиванцев, в том числе и сам Эпаминонд, пали на поле сражения. «Умирая, я оставляю двух бессмертных дочерей — Левктры и Мантиней», — были последние слова Эпаминонда. После смерти Эпаминонда фиванская демократия лишилась вождя (Пелопид незадолго до этого погиб в одном из походов в Фессалию). После битвы при Мантинее Фивы постепенно утрачивают свое влияние.

Таким образом, в короткий срок два сильнейших греческих государства — Спарта и Фивы — перестали играть ведущую роль на арене борьбы за гегемонию. Этим немедленно воспользовались Афины, предпринявшие попытку возродить Афинскую морскую державу. С этой целью они развили энергичную деятельность на полуострове Халкидике. Однако здесь афинянам

пришлось столкнуться с решительным противодействием халкидских городов, дороживших своей независимостью. Великодержавная политика афинян и ущемление ими прав союзников (выведение клерухий, повышение взносов, ограничение прав союзного совета) привели к тому, что в 357 г. против Афин восстала большая часть союзных городов. Началась так называемая Союзническая война (357—355 гг.), которая привела к распаду Второго морского союза.

С распадением Пелопоннесского, Беотийского и Афинского морского союзов Греция снова оказалась полностью раздробленной. По свидетельству Ксенофонта, после битвы при Мантинее в Греции не осталось ни одного государства, способного подчинить своей гегемонии другие. Ни одному греческому государству было не по силам осуществить общегреческое объединение. Тем временем на севере усилилось новое государство — Македония.

4. Сицилийская держава Дионисия

Обстановка, сложившаяся в Балканской Греции в IV в., в общем и целом была сходна с тем, что в это время происходило на греческом западе — в Сицилии и Южной Италии. Разница состояла только в том, что на западе диктатура полководцев, опиравшихся на наемные войска (тирания), была значительно прочнее.

В Великой Греции в больших масштабах, чем где-либо, в пастбищном и зерновом хозяйстве применялся рабский труд. Разорение крестьянства сопровождалось обострением классовой борьбы. Перевороты под лозунгом передела земли и освобождения от долговых обязательств постоянно происходили в городах греческого запада.

В V в. сицилийские полисы вели долголетнюю упорную войну с Карфагенской республикой — гегемоном западной части Средиземноморья, претендовавшей на территорию Сицилии. Сицилия подвергалась постоянным нашествиям карфагенян, опустошению и разорению. Главную роль в это время играли *Сиракузы*. После смерти Гиерона (467 г.) там была уничтожена тирания и восстановлена демократия. Как и в городах Греции, в Сиракузах кипела борьба между демократией и олигархией. Во время неудачной войны с Карфагеном большое значение приобрели полководцы. Разорившиеся крестьяне, ремесленники и бежавшие от своих господ рабы составляли тот резерв, из которого они формировали свои отряды. Помимо выплаты регулярного жалованья, полководцы в случае успеха гарантировали своим войнам часть военной добычи, освобождение от долгов и земельные наделы.

В конце V в. одному из популярных сицилийских предводителей наемнических отрядов, Дионисию, удалось захватить власть в Сиракузах. Народное собрание приняло предложение Дионисия об аресте олигархов и конфискации их имущества.

В 405 г. Дионисий был провозглашен единоличным правителем, «стратегом-автократором». Конфискованные земли были розданы в качестве пожизненных наделов наемникам или расхвачаны приближенными тирана. Старая аристократия была истреблена или ушла в изгнание.

Социальной опорой Дионисия, как и вообще всех позднегреческих тиранов, были наемные войска и новая чиновная знать, щедро одаряемая землями и рабами. Дионисия поддерживали также торгово-ремесленные слои. Автономия полисов, вошедших в Сицилийский союз, была существенно урезана. Управление перешло в руки государственных чиновников. При этом особое внимание было обращено на финансовое ведомство, игравшее первостепенную роль в военном государстве с наемнической армией. В основу финансового управления была положена заимствованная на Востоке и у Карфагена откупная система, упрощавшая и облегчавшая сбор податей. Большое внимание уделялось также военному делу, постройке крепостей, усовершенствованию боевой техники, оружия и транспорта.

Дионисий I (406—367 гг.) проводил смелую и успешную военную политику. Вступив в войну с Карфагеном за обладание Сицилией, Дионисий не смог полностью вытеснить карфагенян с этого острова, но большая часть их прежних владений перешла к нему. Около двух третей территории Сицилии оказалось под его властью. Сицилийское государство Дионисия превратилось в сильную морскую державу. Нанеся большой урон Карфагену, Дионисий приступил к завоеванию некоторых городов Южной Италии. Сиракузы установили свое господство в Адриатическом море и превратились в порт мирового значения,

Сосуд для вина. Южная Италия. IV в. до н. э.

Краснофигурный кратер. Сцена из комедии.
Южная Италия. IV в. до н. э.

через который шла вся торговля Западного Средиземноморья.

Образование Сицилийской державы вызвало усиленный поток переселенцев из восточных частей Греции. Масса греческих колонистов осела на вновь завоеванных землях и эллинизировала местное население. Благодаря приобретению плодородных земель, притоку колонистов, оживлению торговли и ремесел, богатой военной добыче государство Дионисия в первой половине IV в. достигло значительного благосостояния, превратившись в крупную внешнеполитическую силу. Кроме большей части

острова, в состав Сицилийской державы входила часть территории греческих городов Южной Италии, колонии, основанные на обоих берегах Адриатического моря, владения на Корсике и некоторых других островах.

Чтобы придать внешний блеск своей власти, Дионисий завел роскошный двор, приглашал наиболее знаменитых поэтов, художников, писателей, философов и ученых. При Дионисии возводились многочисленные постройки, украшавшие его столицу. Представители Сиракуз участвовали во всех спортивных состязаниях — конных, музыкальных и драматических.

Однако экономический расцвет и внутреннее спокойствие Сицилийской державы были непрочными. Социальные слои, на которые опиралась тирания, — наемники, чиновничий аппарат — еще не успели достаточно укрепнуть и оформиться. Крупные землевладельцы-олигархи, деклассированные элементы, не получившие земли и не служившие в армии, и колонисты, обремененные налогами, — все были настроены против Дионисия.

Диодор Сицилийский в XIV книге приводит любопытные факты, свидетельствующие о недовольстве властью Дионисия. Часть греков уходила от Дионисия к карфагенянам, забирая свое имущество. На народном собрании Дионисия обвиняли в незаконных конфискациях, грабеже храмов, разрушении и разграблении городов. Власть Дионисия многими воспринималась

как жестокая диктатура, направленная прежде всего против народных движений. Хотя в демагогических целях Дионисий разделил между бедняками часть конфискованного у его политических врагов имущества и наделял правами гражданства даже поддерживавших его рабов, Платон не случайно поехал в Сиракузы, надеясь создать здесь с помощью Дионисия идеальное аристократическое государство. Несмотря на то что Дионисий формально сохранил старое демократическое устройство, народное собрание утратило при нем всякое значение. Он боялся народа, жестоко расправлялся с его вождями и отгородил свою резиденцию, остров Ортигию, высокой стеной от города.

После смерти Дионисия I (367 г.) претенденты на верховную власть начали междоусобную войну. Этим воспользовались карфагеняне и возобновили нападения на сицилийские города. На помощь сицилийцам пришли коринфяне. Во главе Коринфа стоял тогда *Тимолеонт*, сторонник демократии по убеждениям и опытный полководец. Под его давлением Дионисий II был вынужден отказаться от власти, после чего Тимолеонт провозгласил демократическую конституцию. Карфагеняне были отброшены. Но демократическая конституция просуществовала недолго. Социальная ее опора была очень шаткой. Чтобы удерживать в подчинении рабов и народные массы, было недостаточно уже старого полисного органа управления. Стал необходим более сильный и централизованный аппарат власти.

5. Греческие города Северного Причерноморья. Боспорское царство.

Ольвия

В результате колонизации в Северном Причерноморье сложились три главных эллинских центра: Ольвия, Херсонес и боспорские города. История Ольвии, основанной в середине или даже первой половине VI в. до н. э. выходцами из ионийского Милета, известна нам лишь в самых общих чертах. Основываясь на всех имеющихся данных, можно утверждать, что в V в. Ольвия была уже большим городом. Часть ее жителей занималась земледелием на прилегающей к городу территории, но особенного развития достигла ольвийская торговля. Керамика Ольвии раскрывает постоянные и прочные ее связи с греческими причерноморскими городами и центрами средиземноморской Греции. Среди предметов ольвийского импорта V—IV вв. встречаются превосходные изделия греческих мастеров. Значительная часть ввозившихся в Ольвию товаров перепродавалась местному населению или выменивалась на зерно и другие продукты. Изделия собственного ремесленного производства также предназначались на вывоз. Но главным предметом ольвийского экспорта был скупаемый у местных племен

Ольвия. Ваза

хлеб, местное сырье и, надо думать, рабы. Ольвийская нумизматика запечатлела эту энергичную деятельность города. Ольвия приступает к регулярным выпускам своих денежных знаков со второй половины VI в., т. е. раньше многих других греческих городов-колоний. Свидетельством развития денежного обращения в Ольвии в первой половине IV в. служит относящийся к этому времени декрет, целью

которого было установить определенные правила обмена монет других греческих городов на ольвийские деньги и обеспечить ольвийской валюте привилегированное положение.

Постоянная потребность Ольвии в зерне и местном сырье для сбыта создала экономические предпосылки для широкого и мирного общения населения Ольвии с окружающими ее местными племенами. На этой почве получает развитие процесс ассимиляции греческих колонистов с местным населением. Геродот, побывавший в Ольвии, называет ближайшее к городу племя каллипидов «эллиноскифами». Позднейшая эпиграфика, дает, по-видимому, той же группе населения еще более характерное название «миксэллинов», «смешанных эллинов». При раскопках Ольвийского некрополя VI и V вв. на его территории наряду с типичными погребениями греков было обнаружено значительное число местных погребений или могил с греческими и местными вещами в погребальном инвентаре. Яркий образ эллинизовавшегося «варвара» из среды племенной знати мы находим в рассказе Геродота о скифском царе Скиле, который женился на гречанке, усвоил греческие обычаи и религию и помногу месяцев проживал в Ольвии в своем доме, выстроенном на греческий лад. За эту приверженность ко всему греческому он поплатился жизнью.

Ольвия была типичным греческим полисом: в ней существовало народное собрание, совет и выборные должностные лица. Как и во всех рабовладельческих полисах, полноправные граждане составляли в Ольвии привилегированное меньшинство, так как ни проживавшие в Ольвии иностранцы — выходцы из других греческих городов, ни миксэллины политическими правами не обладали. Исключение составляли лишь граждане ольвийской метрополии Милета, которые на основании особого

договора пользовались полным равноправием с ольвиополи-
тами.

О событиях внутренней и внешней истории Ольвии до второй половины IV в. в источниках отсутствуют какие бы то ни было сведения. Только писатели римского времени сообщают, что во второй половине IV в., по-видимому, в последние годы жизни Александра Македонского, Ольвия была осаждена его полководцем Зопирионом. Очевидно, поход Зопириона был предпринят с целью включить в империю Александра все западное и часть северного побережья Черного моря. Осажденный город оказался в очень тяжелом положении. Ольвийское правительство было вынуждено пойти на крайние меры: была освобождена некоторая часть рабов, которые пополнили ряды защитников города, предоставлены гражданские права иностранцам и аннулированы долги. Только такой ценой город смог отстоять свою независимость и принудить Зопириона снять осаду.

Херсонес

По несколько иному пути пошло развитие Херсонеса — единственной в Северном Причерноморье дорийской колонии. Территория вокруг города отличалась плодородием, но ближайшими соседями херсонесцев были полудикие и воинственные тавры, беспокоившие их своими набегами; завязать с ними мирные торговые связи было невозможно. Поэтому даже в лучшие времена херсонесская торговля значительно уступала торговле Ольвии и боспорских городов.

Основу херсонесской экономики составляло сельское хозяйство. Владения херсонесцев на Гераклейском полуострове до сих пор сохранили следы их энергичной хозяйственной деятельности. Система укреплений защищала эту территорию от таврских набегов. Многие укрепления имели одновременно хозяйственное и жилое назначение, представляли собой своеобразный тип усадеб-крепостей. Под их прикрытием херсонесцы обрабатывали с помощью рабов свои поля и виноградники.

В состав владений Херсонеса вошла также и часть западного побережья Крыма в районе современной Евпатории, где находились подвластные херсонесцам Керкинитида и Прекрасная гавань. Земля являлась собственностью либо отдельных граждан, либо государства; в этом случае она сдавалась в аренду или на откуп отдельным предпринимателям. Земельные угодья использовались под хлебные посевы, но главным образом под виноградники. Подсобную роль играло животноводство, а в прибрежной полосе также рыболовство и соляной промысел. Вся эта хозяйственная деятельность в известной мере носила характер товарного производства, поскольку часть своей продукции Херсонес экспортировал. Предметами херсонес-

Сосуд из Воронежа с изображением скифов. IV в. до н. э.

ского вывоза были прежде всего вино, рыба, соль и, может быть, частично хлеб. Ввозились в Херсонес преимущественно предметы роскоши: украшения, оружие, художественная посуда, ткани и т. д. Представление о торговых связях херсонесских купцов дают многочисленные находки при раскопках Херсонеса импортной, в том числе афинской, керамики, керамической тары и черепиц с клеймами Синопы, Гераклеи, Родоса, Фасоса и других греческих городов. Среди херсонесских надписей встречаются почетные декреты в честь граждан-иностранцев, связанных с городом торговлей.

Наряду с сельским хозяйством в Херсонесе получило известное развитие и ремесло. Раскопками установлено существование на территории города керамической, металлообрабатывающей и других отраслей ремесленного производства. Многочисленные находки прясел для веретена, грузил для ткацких станков, бронзовых и костяных иголок и даже остатков полотна свидетельствуют о том, что в городе было развито прядильно-ткацкое дело.

О политической структуре Херсонеса мы узнаем из ряда надписей. Херсонес представлял собой античную рабовладельческую республику с обычными органами управления: народным собранием, советом, выборными должностными лицами — демиургами, архонтами и др. К сожалению, история этой республики V—III вв. почти не нашла никакого отражения в античной литературной традиции, хотя нам известно, что в городе проживал местный историк *Сириск*, в трудах которого отразились взаимоотношения Херсонеса с Боспором.

Мощные оборонительные стены самого города и укрепления на Гераклейском полуострове красноречиво говорят о постоянной военной опасности, угрожавшей городу, по-видимому, не только со стороны тавров, но и со стороны воинственных скифских племен степного Крыма. Взаимоотношения Херсонеса с

Монеты Херсонеса

местным населением, судя по всему, носили здесь иной характер, чем, например, в Ольвии V и IV вв. Между тем на боеспособности Херсонеса не меньше, чем других греческих полисов, отражалась борьба между бедными и богатыми, полноправными и неполноправными, рабами и рабовладельцами. Об этом с исключительной яркостью говорит дошедший до нас текст присяги херсонесцев, датируемый самым концом IV или началом III в. Может считаться доказанным, что это не обычная присяга, которую давали юноши во всех греческих городах при вступлении в ряды граждан, а чрезвычайная клятва, вызванная какими-то особыми обстоятельствами, очень опасными для Херсонеса и существовавшего в нем государственного строя. Произносивший эту присягу клялся в том, что он не предаст Херсонес и другие его владения «ни эллину, ни варвару», не замыслит ниспровержения демократического строя, не примет

участия в заговоре и т. д. Перечень всех этих негативных обязательств настолько конкретен, что, несомненно, почерпнут из реальной жизни, полной тревог и внутренних и внешних опасностей. Это был канун того еще более бурного периода северо-черноморской истории, который связан с ростом враждебной греческим городам активности местных племен и образованием в Крыму скифского государства, когда не только Херсонес, но и другие греческие города теряют большую часть своих прежних владений и фактически утрачивают независимость.

Боспорское царство

В отличие от Ольвии и Херсонеса, от начала и до конца своей исторической жизни сохранявших структуру полисов, города-колонии, расположенные по обоим берегам Керченского пролива — древнего Боспора Киммерийского, в 80-х годах V в. до н. э. объединились под властью общего правительства, возглавленного *Археанактидами*. Тем самым было положено начало Боспорскому государству, которое по своим размерам значительно превысило владения даже самых крупных греческих полисов. В период расцвета — в IV и первой половине III в. — Боспорское государство владело всей территорией Керченского полуострова до Феодосии включительно и всем Таманским полуостровом с прилегающей к нему береговой полосой вплоть до нынешнего Новороссийска. На северо-востоке сфера боспорского государственного влияния распространялась до устья Дона, где находился подвластный Боспору Танаис. Таким образом, в состав Боспорского государства вошли не только греческие города-колонии с окружающими их землями, но и территории, населенные местными племенами, которые вынуждены были признать власть центрального боспорского правительства.

Скудость источников препятствует выяснению конкретных причин, побудивших боспорские полисы поступиться своей независимостью в пользу общего правительства. Мы не знаем также, какие именно из боспорских городов, помимо двух самых крупных из них — *Пантикапеи* и *Фанагории*, — с самого начала вошли в состав нового государственного объединения и какие присоединились к нему впоследствии. Следует думать, что в образовании этого объединения сыграл свою роль ряд факторов. Объединение, несомненно, открывало перед его участниками значительные *экономические выгоды*. Страна была плодородной, а воды Азовского моря и Керченского пролива изобиловали рыбой. Господство над обоими берегами пролива облегчало освоение природных богатств этого края и обеспечи-

вало широкие возможности для развития экспорта зерна, рыбы и местных рабов в центральные районы Греции. Данные археологических исследований боспорских городов свидетельствуют о том, что они с раннего времени начали сочетать сельскохозяйственную деятельность на принадлежавших им землях с посреднической торговлей. В этом отношении весьма показательно, что Пантикапей, как и Ольвия, с середины или второй половины VI в. до н. э. начинает регулярно выпускать свою монету. Объединение боспорских городов должно было отвечать и интересам *военно-стратегического характера*: если с одними из многочисленных меотийских и скифских племен у греческих колонистов установились мирные отношения, основанные на обоюдных выгодах экономического общения, то с другими, напротив, происходили военные столкновения.

По-видимому, первоначально территория Археанактидовского Боспора была невелика. Расширение ее начинается в IV в., после перехода власти к новой династии *Спартокидов*. Не располагая сведениями о конкретных обстоятельствах, сопутствовавших этой политической перемене на Боспоре, мы, однако, знаем, что родоначальник новой династии Спарток не был греком, он был связан своим происхождением, судя по его имени, с Фракией. Переход власти к негреческой, хотя и в значительной степени эллинизированной, династии Спартокидов показывает, что к этому времени процессы ассимиляции пришлого населения с местным достигли на Боспоре значительного развития. Это наложило отпечаток на все стороны исторической жизни Боспора и, в частности, на его культуру. В состав господствующего на Боспоре класса теперь наряду с верхним слоем населения городов вошли и представители местной племенной знати. Их объединили интересы совместной эксплуатации более широких слоев и греческого и местного населения и интересы все расширявшейся экспортной торговли. В результате Боспор стал представлять собой уже не греческое государство, а государство, смешанное по своему этническому составу, что наложило отпечаток на его экономическую, социальную и культурную жизнь. Поэтому Боспор имеет много общего с государствами, сформировавшимися в древнем мире уже в эллинистическую эпоху.

Территориальная экспансия Боспора стимулировалась стремлением крупных греческих и негреческих рабовладельцев расширить базу для экспорта боспорского хлеба и сырья. По-видимому, эта экспансия развивалась постепенно и первых заметных результатов достигла только в годы правления боспорского правителя из дома Спартокидов *Сатира* (407—388 гг.), когда было начато завоевание оставшейся еще независимой Феодосии. Военные действия, открытые Боспорским царством против этого города, осложнились вмешательством метрополии

Херсонеса — Гераклеи Понтийской. Опасаясь, что чрезмерное усиление Боспора будет угрожать Херсонесу, Гераклея оказала военную помощь осажденной Феодосии. В результате военные действия затянулись. Феодосия капитулировала и вошла в состав Боспорского государства, признав верховную власть боспорских правителей, уже после смерти Сатира, при его сыне и преемнике *Левконе*. После присоединения к Боспору Феодосия становится одним из важнейших центров боспорского хлебного экспорта.

В годы правления Левкона I (389—349 гг.) Боспору удалось подчинить местные меотийские племена на таманской стороне пролива. Располагая значительными военными силами, в состав которых входили и наемники, Левкон I мог достигнуть этого силой оружия, но не исключена возможность, что некоторые из племен, например синды, вовлеченные в боспорскую хлебную торговлю, могли присоединиться к Боспору без особого военного нажима. Судя по надписям с титулатурой Спартокидов, в которых перечислялись племена, признавшие их верховную власть, границы боспорских владений на Таманском полуострове не отличались устойчивостью. Отдельные племена то присоединялись к Боспору, то отпадали от него, но в целом боспорская территориальная экспансия, безусловно, имела экономические причины. Объединив значительную территорию, Боспорское государство в правление Левкона I и его преемника *Перисада* (349—309 гг.) завязало оживленные торговые сношения со всем эллинским миром и прежде всего с Афинами. Ежегодный экспорт боспорского хлеба в Афины в середине IV в. достиг 400 тысяч медимнов (около миллиона пудов). В свою очередь из Афин, Коринфа, Родоса, Фасоса, Хиоса, Коса и других районов на Боспор импортировались ткани, вино, оливковое масло, металлические и ювелирные изделия и т. д.

Одновременно с развитием торговли росло и собственное боспорское хозяйство, основу которого составляло земледелие. Наряду с земледелием на Боспоре существовало скотоводство и рыбный промысел, а в городах ремесленная промышленность. Монументальные боспорские погребения, поражающие нас роскошью погребального инвентаря, дают наглядное представление о богатствах, сосредоточенных в руках господствующего на Боспоре класса. Спартокиды, которые возглавляли этот класс, сами были крупнейшими землевладельцами, рабовладельцами и экспортерами боспорского хлеба и сырья. Можно с уверенностью считать, что на территории Боспора формировались крупные землевладельческие хозяйства, основанные на эксплуатации рабов. Рабы также широко применялись и в ремесленном производстве, например в производстве кровельной черепицы, которое принадлежало самим Спартокидам. Однако на территориях, населенных местными племенами, безусловно,

продолжало жить много мелких свободных производителей, продававших боспорским экспортерам излишки своего хлеба.

По своей форме власть Спартокидов, располагавших наемными войсками и управлявших отдельными частями своего государства при посредстве наместников, носила монархический характер. Но спартокидовский Боспор не представлял собой централизованного государства в позднейшем смысле этого слова. Центральная власть — хотела она того или не хотела — не могла лишить население подвластной ей территории относительной автономии. Боспорской центральной власти приходилось считаться в одинаковой мере и с греческими и с местными племенными традициями, что наложило на государство Спартокидов своеобразный отпечаток политической двойственности. Спартокиды в официальной своей титулатуре именовались архонтами по отношению к боспорским городам и царями по отношению к племенам, признававшим их власть. Это своеобразие государственной структуры Боспора особенно отчетливо проявилось в междоусобной борьбе, охватившей большую часть боспорской территории в 309 г., после смерти Перисада. История этой борьбы известна из единственного, дошедшего до нашего времени через Диодора, отрывка связанного исторического повествования о Боспоре. В борьбу сыновей Перисада за власть, помимо граждан боспорских городов и наемных войск, были втянуты местные племена как зависимые, так и независимые от Боспора. И все-таки попытку связать эти разнородные по своим этническим и социальным признакам силы в рамках единого большого государства в IV и первой половине III в. следует считать удавшейся. В годы правления *Евмела* (310—304 гг.), вышедшего победителем из междоусобной войны, Боспор был мощным рабовладельческим государством, претендовавшим на объединение всего Северного и даже части Западного Причерноморья.

ГЛАВА XV

ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ

1. Фракия

Древняя Фракия представляла собой обширную страну, простиравшуюся от реки Стримона на север вплоть до берегов Дуная. Южная часть Фракии — холмистая равнина, выходящая к средиземноморскому побережью, была очень плодородна и богата лесом, в древности покрывавшим склоны холмов. Малый Балканский хребет отделяет эту часть страны от северной ее части — современной Добруджи, бедной водой и значительно менее плодородной.

История древней Фракии известна сравнительно мало. Древнейшее население ее состояло из ряда воинственных племен, о языке которых мы можем судить по очень скудным данным. Основой экономической жизни этих племен было земледелие, в меньшей мере скотоводство, в частности коневодство.

В начале I тысячелетия до новой эры население Фракии было уже знакомо с железом, и ремесло было относительно развитым. В это время греки уже хорошо знали фракийцев. Упоминания о них часто встречаются в гомеровском эпосе. В VIII—VII вв. побережье Южной Фракии заселяется греческими колонистами. В одних случаях фракийские племена оказывали греческим колонистам ожесточенное сопротивление и нередко разрушали греческие поселения; в других — взаимоотношения греков с фракийцами носили более мирный характер.

В VIII—VII вв. фракийские племена еще не изжили первобытнообщинного строя, хотя к этому времени во Фракии из племенной среды уже выделилась родовая знать и существовало патриархальное рабство. Археологические находки свидетельствуют о том, что в руках фракийской знати порой сосредоточивались значительные богатства. Дальнейший процесс классового разложения во фракийском обществе привел в начале V в. к образованию государства.

Основателем этого государства было племя *одрисов* — одно из самых многочисленных, сильных и воинственных племен Фракии. Одрисы силой оружия подчинили большую часть других фракийских племен, сохранявших еще первобытнообщинный строй. Фракийское государство было возглавлено царем *Тересом*. В зависимость от Тереса попали также города-колонии западнопонтийских греков, вынужденных выплачивать ему дань.

При преемнике и сыне Тереса, царе *Ситалке*, государство одрисов достигло еще большей силы и влияния. Афины приложили много усилий к тому, чтобы привлечь Ситалку на свою сторону, и, в частности, даровали права гражданства его сыновьям. Однако союз с фракийским царем не оправдал надежд, которые афиняне возлагали на него во время Пелопоннесской войны.

Наивысшего подъема одрисское царство достигло к концу V в., в годы правления *Севта I*. В это время государство одрисов уже чеканило свою серебряную монету. Дань, поступавшая в казну Севта от зависимых греческих городов, по свидетельству Фукидида, достигала 400 талантов.

Постоянное и тесное общение фракийцев с греками отразилось на культуре Фракии. Особенно велико было воздействие греческой культуры на высшие слои фракийского общества, в значительной степени подвергшиеся эллинизации. Культура Фракии в целом, однако, продолжала сохранять свою самобытность.

В начале IV в. фракийское государство было ослаблено борьбой за власть, которая началась среди правящей верхушки после

смерти Севта I. Государство одрисов распалось на две части: южное побережье Фракии оказалось под властью *Севта II*, внутренними же частями страны стал управлять *Медок*. Афины, стремясь упрочить положение на фракийском побережье, в 390 г. заключили союз с Медоком и Севтом, примирив их между собой¹. О вмешательстве Афин во фракийские дела говорит также известная афинская надпись 386—385 гг. в честь царя одрисов. Свое влияние во Фракии Афины сохранили и в первый период правления царя *Котиса* (383—359 гг.). Союз с Котисом был закреплен браком одной из его дочерей с афинским стратегом Ификратом. Котис объединил значительную часть фракийских племен. Когда Афины после заключения Второго морского союза попытались утвердиться на фракийском побережье, Котис активно им противодействовал. Попытка афинян захватить Амфиполь, права на который были закреплены за ними конгрессом греческих государств 371 г., вызвала войну с Котисом. Военные действия Котиса были успешны. В 360 г. он захватил Сест, незадолго до того перешедший к Афинам, и начал осаду опорных пунктов афинян на Ферсонесе Фракийском. Осада была прервана внезапной смертью Котиса в 359 г. Царство Котиса перешло в руки трех царей: *Керсоблепта* — старшего сына Котиса — и его двух братьев, которые принадлежали, по-видимому, к ветви царской семьи, лишенной Котисом власти.

Подобное расчленение Фракии было чрезвычайно выгодно для Афин, стремившихся восстановить здесь утраченное влияние. Поэтому афиняне выслали войска, чтобы помешать попыткам воссоединения Фракии, предпринятым Керсоблептом. После неудачных действий афинских полководцев — *Кефисодота*, *Хабрия* и *Харидема* — Афины были вынуждены послать во Фракию сильную армию наемников во главе с *Харесом*. Неожиданным нападением на фракийцев Харес в 357 г. добился заключения договора между Афинами и тремя фракийскими царями. Высказывают предположения, что по этому договору Афинам был передан Херсонес Фракийский и закреплено разделение Фракии. Однако фактически афиняне извлекли из договора мало пользы. Союзническая война отвлекла их силы и дала возможность Керсоблепту начать войну за власть. Но в 60-х годах IV в. фракийцы возобновили союзные отношения с Афинами. В этот период независимости Фракии угрожал гораздо более опасный противник — Македония.

2. Возвышение Македонии

Македония расположена на севере Балканского полуострова, в северо-западной части Эгейского бассейна. Нижняя Македония примыкает к морю и представляет собой плодородную

¹ Ксенофонт, *Греческая история*, IV, 826.

равнину, Верхняя — горная страна, состоящая из нескольких областей. Почва Македонии благоприятствовала сельскому хозяйству, но главное богатство этой страны составлял лес. В то время когда в Греции леса были уже почти истреблены, в Македонии они покрывали большие пространства.

Ранняя история Македонии имеет черты общности с историей других более известных нам античных обществ. В этническом отношении македоняне по господствующему в науке мнению близки к грекам. Ассимиляция с фессалийскими и северными иллирийско-фракийскими племенами наложила отпечаток на этнический состав населения. Некоторые античные авторы утверждали, что македонский диалект близок к фессалийскому. Вплоть до V в. в Македонии сохранялись примитивные общественные отношения. Рабовладение было развито слабо. Основную массу македонского населения составляли пастухи и хлебопашцы, частью свободные, частью зависимые.

В социально-политическом строе Македонии конца V и IV в. бытовали многие черты гомеровского времени. Македонские цари были одновременно верховными жрецами, судьями и военачальниками. Большим влиянием пользовалась родовая знать, так называемые *товарищи (гетейры)* царя. В руках родовой знати были сосредоточены крупные земельные владения. По сообщению Феопомпа, 800 гетейров царя имели земли больше, чем 10 тысяч эллинов, относившихся к наиболее состоятельным землевладельцам. Все важнейшие дела решались царями совместно с советом знати.

В политическом отношении Македония долгое время не представляла собой единого политического целого. В V в. в Македонии начинается распад родовых отношений. Этот процесс интенсивнее проходил в Нижней Македонии благодаря соседству с греческими городами Халкидики, с которыми завязались торговые отношения. Основными предметами македонского вывоза стали лес и продукты лесной промышленности: деготь и смола.

В V в. начинается объединение отдельных областей под властью царей Нижней Македонии. Начало объединению было положено в годы правления македонского царя Александра I (498—454 гг.), которого греческие писатели называли другом эллинов — «Филэллином» за то, что он способствовал распространению в Македонии греческой культуры. В это время начались войны с правителями Верхней Македонии за объединение страны. Одновременно, чтобы пробиться к морю, Македония вступила в борьбу с прибрежными греческими городами Халкидики, союзниками афинян. Таким образом, здесь интересы Македонии столкнулись с интересами Афин.

Бурные события греческой истории V в. затронули и Македонию. Македонский царь *Пердикка*, продолжавший политику объ-

единения Македонии, был втянут в политические взаимоотношения греков. В годы Пелопоннесской войны он вступал в союзы то с одной, то с другой из воюющих сторон, извлекая из этого выгоды для себя.

Преемником Пердикки стал его сын, родившийся от рабыни, *Архелай* (419—399 гг.). Устранив своих соперников и придя к власти, он проявил способности выдающегося политического деятеля. По замечанию Фукидида, «Архелай сделал больше, чем восемь предшествовавших ему царей вместе»¹. Архелай энергично строил крепости и дороги. При нем было начато осуществление военной реформы, которую впоследствии закончил Филипп II. Для облегчения денежного обмена внутри государства Архелай провел реформу монетного дела. Был уменьшен вес серебряной монеты, увеличено общее количество монет, впервые, по-видимому, введены медные монеты. При Архелее Македония стала одним из ведущих государств на Балканском полуострове. Чтобы повысить авторитет своей власти и подчеркнуть близость к грекам, македонские цари, начиная с Архелая, стали возводить свою генеалогию к Гераклу. Одновременно Архелая удалось привлечь к своему двору македонскую знать. Это имело большое политическое значение: прежде независимая, эта знать теперь превратилась в знать придворную. После смерти Архелая, убитого заговорщиками в 399 г., Македония вступила в полосу острых политических потрясений. Разгоревшаяся борьба сопровождалась политическими переворотами и сменой царей.

Междоусобной борьбой в Македонии воспользовались ее греческие и негреческие соседи. Сепаратистские тенденции македонской знати поддерживали Афины, заинтересованные в еще большем ослаблении македонского государства. Однако основная масса македонского населения — свободное крестьянство — поддерживала власть царя, способного обуздать родовую аристократию и гарантировать страну от вторжений воинственных фракийцев и иллирийцев.

Окончание этого тяжелого для македонского государства периода совпало с воцарением *Филиппа II* (359—336 гг.) — одного из самых выдающихся политических и военных деятелей того времени.

Еще мальчиком Филипп попал в Грецию. После неудачной войны с Фивами Македония должна была выдать в качестве заложников детей самых знатных македонских семей. В их числе был и Филипп. Пребывание в Греции позволило ему приобщиться к греческой культуре, познакомиться с жизнью греков и греческим военным делом, реформированным тогда выдающимся фиванским полководцем Эпаминондом.

¹ Фукидид, II, 100.

Вернувшись на родину, Филипп принял активное участие в борьбе претендентов на престол. Вначале Филипп правил как опекун своего племянника Аминты. Но затем, опираясь на войско, совершил переворот и был провозглашен царем. При Филиппе территориальное объединение Македонии и формирование македонской монархии окончательно завершилось. В централизованном македонском государстве продолжали, однако, существовать так называемый *совет гетейров* и *народное собрание*.

В первые же годы правления Филипп II, отразив нападение иллирийских и фракийских племен, расправился со своими соперниками, претендовавшими на царский престол. С именем Филиппа связан ряд реформ, из которых важнейшей была *военная*. Он завершил создание регулярной македонской армии, начатое еще Архелаем. При Филиппе получила окончательную организацию тяжеловооруженная пехота, ядро македонской армии, и была создана знаменитая *македонская фаланга*. Эта фаланга отличалась от греческой большей компактностью и глубиной построения, достигавшей 16 рядов и более. При Филиппе было введено копье, так называемая *сарисса*, длина которого достигала четырех-пяти метров. По мере удаления от первого ряда длина копий увеличивалась, и воины могли поражать противника из-за спины товарищей. Когда войска были на марше, такие длинные копья покоились на плечах нескольких идущих друг за другом воинов.

В бою перед строем тяжеловооруженной фаланги и по ее флангам обычно располагались отряды легковооруженных воинов, которые начинали сражение и защищали фалангу от возможных ударов сбоку.

В армии Филиппа впервые в военной истории античных государств самостоятельное тактическое значение приобретает конница. В отличие от пехоты, формировавшейся из македонских крестьян, единообразно вооруженных за счет государства, ядро конницы состояло из македонских аристократов, вооруженных за собственный счет. Явиться в войско на собственном прекрасном коне было делом чести македонского аристократа. В боевой обстановке конница, опираясь на фалангу и широко маневрируя, выполняла свои особые тактические задания, согласованные с общим планом боя.

Македонское войско также было оснащено осадной техникой: катапультами, таранами, передвигающимися осадными башнями и т. д. При Филиппе был создан македонский флот, который, впрочем, никогда не был сильным. Сочетание различных видов вооружения, постоянная служба и военные упражнения сделали македонскую армию непобедимой. Высокие боевые качества армии македонян определялись тем, что это была армия свободных крестьян, народное ополчение, которое к IV в. почти со-

вершенно исчезло в Греции. В то время как греческие государства использовали армии наемников, дорогостоящих и легко переходивших на сторону противника, македонская армия отличалась сплоченностью и дисциплинированностью. Македонские крестьяне и аристократы знали, за что они сражаются, и были заинтересованы в победе.

Опираясь на свою сильную армию, Филипп довел до конца политическую централизацию государства. Он приглашал аристократическую молодежь ко двору, где она начинала свою службу в качестве «пажей». Из придворной знати составлялся отряд для личной охраны царя, назначался командный состав армии и различные должностные лица. Следует подчеркнуть, что в число гетейров царя при Филиппе и позднее при Александре входило много новых, незнатных людей и выходцев из греческих городов. Эта новая знать была главной опорой Филиппа.

Филипп провел также *денежную реформу*, успех которой был обеспечен захватом Пангейских рудников на Стримоне и увеличением добычи золота. Это дало возможность Филиппу впервые в мировой истории ввести систему *биметаллизма*. Выпускались одновременно и серебряные и золотые монеты, соотношение которых было раз и навсегда строго установлено. Золотые монеты назывались «филиппиками». На одной стороне их была изображена голова Аполлона, на другой — несущаяся колесница. Новые полноценные золотые и серебряные монеты благодаря своей портативности скоро получили самое широкое распространение, вытеснив афинские серебряные статеры и персидские золотые монеты.

Опираясь на успехи, достигнутые в области политического объединения Македонии, реформированную армию и располагая значительными материальными ресурсами, Филипп проводил активную внешнюю политику. Перед Македонией стояли две основные внешнеполитические задачи. Одна из них заключалась в том, чтобы пробиться к морю. Усилия предшественников Филиппа в этом направлении не привели к цели. Ближайшие к Македонии прибрежные районы по-прежнему были заняты воинственными независимыми племенами или находились в руках греческих полисов. Вторая задача состояла в том, чтобы гарантировать безопасность границ со стороны Фракии и Иллирии.

Большинство приморских греческих государств, граничивших с Македонией (имеются в виду прежде всего города Халкидики), в рассматриваемое время входили в состав Второго Афинского союза. Это означало, что любые действия против них привели бы к столкновению с Афинами и Афинским союзом. После сложной дипломатической подготовки Филиппу в 357 г. удалось захватить Амфиполь. В 356 г. Филипп приступил к завоеванию

фракийского побережья. Афиняне, занятые Союзнической войной, не смогли оказать Филиппу серьезного сопротивления. Правда, для противодействия македонскому царю ими был создан союз, в который вошли фракийские правители, а также цари Пеонии и Иллирии. Но реальной поддержки этому союзу Афины не оказали, и Филипп подчинил подвластные союзу области. Действия афинского стратега Хареса, захватившего Сест на Херсонесе Фракийском (353 г.), лишь на время приостановили продвижение Филиппа. В 352 г. он предпринял второй поход во Фракию, во время которого фракийские цари временно перешли на его сторону.

Таким образом, к середине IV в. Македония из второстепенного полуварварского государства превратилась в сильнейшую державу, заявлявшую права на гегемонию на Балканском полуострове и в конце концов добившуюся этой цели.

Быстрому росту Македонии способствовали близость греческих колоний Халкидского полуострова и внутренняя слабость самой Греции. Македония втягивалась в дела греческих государств, становилась торговой и рабовладельческой страной и продвигалась к морю. В то же время усиливалась власть царя и слабела родовая аристократия. Наряду со старой резиденцией македонских царей, *Эгами*, возникает новая столица Македонии *Пелла*, расположенная неподалеку от моря.

Политическая обстановка на Балканах как нельзя более благоприятствовала Македонии. Как известно, в этот период старые греческие полисы изживали себя, между ними и внутри них кипела ожесточенная борьба. В Афинах, Спарте, Фивах и других греческих полисах имелось немало сторонников македонского царя, который, по их мнению, был призван избавить Элладу от внутренней анархии и политической слабости. «Если сам не можешь владеть оружием, то надо дружить с тем, кто умеет им владеть» — таков был лозунг сторонников сильной власти.

Из всех греческих государств наиболее опасным соперником Македонии были Афины. Однако и в Афинах имелось немало приверженцев Македонии, принадлежавших преимущественно к богатым классам: рабовладельческой знати, землевладельцам, судовладельцам и т. д. Симпатии афинских олигархов к македонскому царю вызывались в первую очередь боязнью революционных взрывов внутри самих Афин.

Яркую характеристику внутреннего положения греческих полисов в изучаемую эпоху дает Платон, современник всех этих событий.

«В наше время, — пишет Платон в „Государстве“, — каждое из эллинских государств представляет собой множество государств, а не одно государство, подобно тому как при игре в городки. Какое из них ни возьми, в нем всегда найдешь два

враждебных друг другу государства: одно бедняков, другое богатых. И каждое из них в свою очередь распадается на отдельные государства»¹.

3. Македонская и антимакедонская группировки в Афинах

Выразителем промакедонских настроений и проводником македонской политики в Афинах был знаменитый афинский писатель *Исократ* (436—337 гг.). Исократ прожил долгую жизнь и был очевидцем и современником важнейших событий греческой истории. От Исократы сохранилось много сочинений, на основании которых можно воссоздать греческую историю и историю эллинской мысли первой половины IV в. Для характеристики его промакедонских взглядов наибольшее значение имеет «Панегрик», «Ареопагитик» и памфлет «Филипп». Идейным вождем сторонников македонской ориентации Исократ стал не сразу. К этому он пришел сложным путем.

Многие греки восприняли Анталкидов мир как глубокое национальное унижение и позор. Эгейское море оказалось во власти персидского царя и покровительствуемых им финикийских городов, старых конкурентов Греции.

Исократ полагал, что единственным выходом из положения может быть новая общегреческая (панэллинская) война с Персией. Эта война, по мысли Исократы, должна была сплотить враждующие эллинские полисы. В то же время война с Персией, по его мнению, была призвана открыть простор духу предпринимательства, избавить Грецию от бездомного люда и дать работу «бродячим элементам», угрожающим существованию эллинского государства и культуры. Восток, утверждал Исократ, обладает несметными и неисчерпаемыми богатствами, которые в случае победы греческой коалиции перейдут к эллинскому народу.

«Греция может сохранить состояние мира только в том случае, если величайшие государства (Греции), примирившись между собой, решат перенести войну в Азию и те выгоды и преимущества, которые они сейчас стремятся получить от эллинов, захватят у варваров»².

Кто же возьмет на себя инициативу организации и ведения войны — таков был далеко не праздный вопрос при тогдашнем состоянии эллинского мира. Вначале Исократ, как и другие афинские деятели, возлагал надежды на собственную мощь Афин или на коалицию Афин, Спарты и Фив. Однако война Фив

¹ Платон, *Государство*, VIII, 10.

² Исократ, *Филипп*, 9.

Эсхин. IV в. до н. э.

со Спартой и неудачная попытка создания панэллинской федерации убедили их в невозможности собственными силами возродить Грецию и организовать войну с Персией.

С точки зрения Исократ и его единомышленников, единственной реальной силой, способной сплотить греков, была Македония. К ней теперь и устремились их взоры.

«Если ты сделаешь это,— пишет Исократ Филиппу,— все будут тебе благодарны— эллины за благодеяния, македоняне— за то, что ты с ними будешь обходиться как царь, а не как тиран, остальной человеческий род— за то, что, будучи освобожден от господства варваров, он окажется под заботливым управлением эллинов»¹.

В случае отказа Филиппа выполнить свое великое историческое призвание Греции, по мнению Исократ, неизбежно грозила внутренняя катастрофа. Она погибнет от бродячих элементов, сикофантов (доносчиков) и от дурных ораторов и демагогов. Таким образом, Исократ был готов для «спасения Греции от бродячих элементов» поступиться традици-

онной для всех греков независимостью и свободой. Исократ был идеологом сторонников олигархического строя. Кроме Исократ, за союз с Македонией выступали такие видные афинские деятели, как *Эсхин*— известный афинский адвокат, общественный деятель и оратор, *Фокион*— афинский стратег и общественный деятель, и другие. К сочувствовавшим македонской ориентации с известным основанием относят и Аристотеля.

Македонская группировка в Афинах поддерживала оживленные отношения с македонским царем и получала от него денежную помощь. Филипп в таких случаях денег не жалел, следуя

¹ Исократ, *Филипп*, 154.

своему же изречению: «Нагруженный золотом осел возьмет самую неприступную крепость».

Группировке сторонников Филиппа противостояла другая группировка — *антимакедонская*. К ней тяготели все, чьи интересы расходились с великодержавной политикой македонских царей: торговые элементы, связанные с Черным морем и не желавшие выпускать из своих рук проливы и северо-восточный (черноморский) рынок, афинские оружейники и, наконец, масса средних и мелких собственников, боявшихся северного «варвара», угрожавшего демократическим порядкам. С точки зрения сторонников демократии, победа Македонии означала бы конец афинской демократической конституции с ее раздачами, народными судами, зрелищными деньгами и общим голосованием.

Во главе антимакедонской партии стоял знаменитый афинский оратор *Демосфен* (384—322 гг.). Демосфен был горячим приверженцем афинских демократических учреждений и к тому же владельцем большого оружейного эргастерия. Кроме Демосфена, к антимакедонской партии принадлежали известный афинский финансист *Ликург*, соперник Эвбула, судебный оратор *Гиперид* и некоторые другие. Основным требованием антимакедонской партии было сохранение демократической конституции. Вождь партии Демосфен, один из величайших греческих ораторов, в своих речах и выступлениях постоянно напоминал о великом прошлом Афин, о силе и величии политической свободы. Демосфен также был сторонником объединения греческих государств, но считал, что это объединение может быть достигнуто не вокруг Македонии под эгидой Филиппа, а в борьбе с Македонией под лозунгом сохранения греческой свободы.

В своих выступлениях против Филиппа, так называемых *филиппиках*, Демосфен, сравнивая демократию прошлого с современными ему политическими порядками, приходил к печальным

Демосфен

выводам. Прежнее свободолюбие греков растаяло, как дым. Исчезли чувства национальной гордости и воинственности, отличавшие эллинов от варваров.

«А теперь все это распродано, — говорил Демосфен, — словно на рынке, а в обмен привезены вместо этого такие вещи, от которых смертельно больна вся Греция. Что же это за вещи? Зависть к тому, кто получил взятку, смех, когда он сознается, снисходительность к тем, кого уличают, ненависть, когда кто-нибудь за это станет порицать, — словом все то, что связано с подкупом. Ведь что касается триер, численности войска и денежных запасов, изобилия всяких средств и вообще всего, по чему можно судить о силе государства, то теперь у всех это есть в гораздо большем количестве и в больших размерах, чем у людей того времени. Но только все это становится ненужным, бесполезным и бесплодным по вине этих продажных людей»¹.

В своей критике македонской партии и Филиппа Демосфен был беспощаден. В глазах Демосфена Филипп был варвар, тиран, покушавшийся на свободу греков. Поэтому в сторонниках Филиппа он видел изменников, готовых «осквернить себя убийством сородичей и сограждан лишь бы властвовать и выслуживаться перед Филиппом»².

Демосфен и его единомышленники призывали к созданию союза независимых греческих полисов и общегреческой войне с Македонией. Бесспорно, говорил Демосфен, положение сейчас в высшей степени критическое, но все же есть еще возможность остановить македонян. Пока афинские корабли целы, все от мала до велика должны взяться за дело. Когда же волны начнут хлестать через борты корабля, будет потеряно все, и все усилия окажутся тщетными.

4. Священная война. Битва при Херонее. Коринфский конгресс

Поводом к вмешательству Филиппа в греческие дела послужила *Священная война* (355—346 гг.). «Священными» древние греки называли войны, связанные с защитой общегреческих святилищ. На этот раз священная война вспыхнула из-за фокидян, которые захватили часть территории, принадлежавшей Дельфийскому храму. Были созваны члены амфикитии — особого объединения государств, принявших на себя почетную обязанность охранять Дельфийское святилище. В дельфийской амфикитии в это время наибольшим весом пользовались Фивы. По настоянию фиванского представителя на фокидян был наложен большой штраф. Когда фокидяне отказались подчиниться этому постановлению, Фокиде была объявлена священная война.

¹ Демосфен, *Третья речь против Филиппа*, 39.

² Демосфен, *О преступном посольстве*, 260.

В ходе военных действий фокидяне в 356 г. захватили Дельфийский храм и его казну и на эти средства создали большую наемную армию (около 20 тысяч человек). Тогда вмешались другие греческие государства. На стороне Фив выступил фессалийский город Лариса. Афиняне и спартанцы, враждебно настроенные по отношению к Фивам, поддержали Фокиду. В результате военный перевес оказался на стороне фокидян, что побудило членов дельфийской амфикистии обратиться к Филиппу. Но и после вмешательства македонян талантливому фокидскому полководцу *Ономарху* с помощью наемной армии удалось одержать две крупные победы над объединенными силами противника. Только в третьем сражении, которое произошло в 352 г., Филипп, наконец, одержал верх и разбил войска Ономарха. Используя этот успех, Филипп попытался вторгнуться в Среднюю Грецию. Но афиняне заняли Фермопильский проход и преградили путь македонянам. Филиппу пришлось отказаться от своего намерения и отступить. Однако Фессалия признала власть македонского царя, в фессалийских городах были созданы македонские гарнизоны.

Оставив на время греческие дела, Филипп сосредоточил все внимание на Фракии. В 349 г. он приступил к завоеванию греческих городов Халкидики. Олинф, стоявший во главе союза халкидских городов, обратился за помощью к Афинам. Но несмотря на то что Демосфен горячо убеждал афинян помочь олинфянам, в Халкидику были посланы только небольшие отряды наемников. Когда же Афины наконец отправили туда 17 кораблей, 300 всадников и четыре тысячи гоплитов, было уже поздно. В 348 г. после упорного сопротивления Олинф был взят македонским царем, разрушен до основания, а жители уведены в плен и проданы в рабство. Все фракийское побережье от Пидны до Геллеспонта попало теперь под власть Македонии.

Это событие произвело в Афинах сильное впечатление. Дальнейшая борьба с Филиппом многим представлялась заранее обреченной на неудачу. Промакедонская группировка Филиппа получила явный перевес и стала требовать заключения мира с Филиппом. Демосфен тоже не возражал против этого. Он даже вошел в состав посольства, направленного к Филиппу. Входил в посольство и Эсхин — признанный глава промакедонской группировки. Во главе посольства стоял Филократ, по имени которого мир 346 г. назван *Филократовым*. Филипп согласился на мир, так как он не располагал еще достаточно большим флотом, а афинский флот, насчитывавший 350 триер, по-прежнему считался самым сильным в Греции. Для афинян условия мира были невыгодны. Они должны были примириться с потерей всех своих владений на фракийском побережье (в том числе и тех, которые Филипп захватил во время переговоров о мире), а также с утратой снабжавшей их хлебом Эвбеи, еще в начале Олинф-

ской войны отложившейся от Афин. В районе Геллеспонта афиняне сохранили только Херсонес Фракийский.

Заклучив мир с Афинами, Филипп по просьбе фиванцев обрушился на Фокиду. Стены городов в Фокиде были разрушены, жителям, расселенным по деревням, было запрещено жить в городах. Фокидян обязали вернуть захваченную храмовую казну ежегодными взносами по 60 талантов. Три тысячи «святоотцев» было сброшено со скалы в море. В благодарность за расправу с фокидянами, исключенными из дельфийской амфикистии, Филипп был принят на их место в число амфикистов. Тем самым он получил официальную возможность вмешиваться в дела греков.

В 344 г. некоторые государства Пелопоннеса обратились к Филиппу за помощью против Спарты. Демосфен безуспешно пытался уговорить их отказаться от помощи македонского царя. Филипп приобрел влияние в Эпире, Этолии, на Эвбее. Фессалия за попытку антимакедонского выступления попала в зависимость от Македонии. Успехи Филиппа заставили греков прислушаться к словам Демосфена, который в этот период развил необычайную энергию, сплотивая против Филиппа силы Греции. Ему удалось пробудить любовь к свободе и демократическим традициям великого прошлого. На призыв Демосфена откликнулись Керкира, эвбейские города, Коринф и его колонии, а также ряд других городов. Финансовую помощь должны были оказать персы, поддерживавшие антимакедонскую партию. На эту помощь Демосфен и другие вожди демократической партии возлагали большие надежды. Война началась на Херсонесе Фракийском. Один из посланных туда афинских стратегов открыл военные действия против фракийских городов, принадлежавших Филиппу. Филипп заявил протест, но Афины не обратили на него внимания. Тогда Филипп осадил Перинф и Византий, находящиеся на самом берегу Геллеспонта. Если бы Филипп одержал победу, контроль над проливами, через которые в Грецию шел черноморский хлеб, полностью перешел бы в его руки. Это угрожало жизненным интересам многих греческих городов, заставило их забыть свои разногласия и спешно объединиться. Против Филиппа была создана сильная коалиция греческих государств.

Объединенный флот греческих союзников, в состав которого вошли корабли Афин, Хиоса, Родоса и других островов, направился к Геллеспонту. Перевес на море был целиком на стороне греков. В морском сражении у Византия Филипп был разбит, что вынудило его прекратить осаду. Неудачны были также попытки Филиппа завершить завоевание Фракии, где он потерпел поражение от воинственного фракийского племени — *трибаллов*.

Естественно, что после этих событий антимакедонская партия в Афинах и других греческих городах усилилась. Появилась надежда, что военная неудача Филиппа, обнаружившая перед

Херонейский лев. Памятник на могиле воинов, павших в битве при Херонее всем греческим миром его слабость на море, приостановит дальнейшее развитие македонской экспансии. Расчеты эти, однако, не оправдались.

Вскоре у Филиппа опять появился повод для вмешательства в греческие дела, и он им воспользовался. Началась новая священная война, и на этот раз с Озольскими Локрами, запахавшими преданную проклятию землю, что считалось религиозным преступлением. Амфикионы объявили локрийскому городу Амфиссе священную войну. С неожиданной для всех быстротой Филипп, вернувшийся из похода на север, провел свои войска через Фермопильский проход и появился в Средней Греции якобы для того, чтобы оказать помощь в благочестивом деле расправы с Амфиссой. Понять его истинные намерения не представляло труда. Вся Греция была охвачена тревогой. Всем было ясно, что решается вопрос о независимости и свободе греков. Филиппу противостояла коалиция греческих государств, в которую вошли даже такие постоянно враждовавшие друг с другом государства, как Афины и Фивы. Объединенные силы союзников выступили против Филиппа.

Решающее сражение произошло в 338 г. у беотийского города *Херонеи*. Левым крылом войск Филиппа командовал его 18-летний сын Александр. Действия на этом фланге и решили исход Херонейской битвы. Победа Филиппа была полной. Две тысячи греков были взяты в плен, тысяча воинов пала в бою, остальные были рассеяны. Филипп тут же на поле боя пышно отпраздновал свою победу.

О каких-либо дальнейших попытках противостоять Филиппу после херонейского разгрома не могло быть и речи. Не помогла

даже и крайняя мера, к которой прибегали греки в критические периоды своей истории,— отпуск на волю рабов для использования их в войсках.

Во всех греческих городах подняли голову сторонники Филиппа. Политическое преобладание повсеместно перешло на их сторону. Демосфен вынужден был бежать из Афин.

Справедливость требует отдать должное дипломатическому такту Филиппа. В переговорах с Афинами и другими греческими городами требования его отличались умеренностью. Он добивался лишь признания греческими городами верховной гегемонии македонского царя. Филипп сохранил за Афинами все их прежние владения, кроме Херсонеса, взамен которого он отдал Орел в Беотии. Сурово Филипп обошелся лишь с Фивами. Здесь было посажено олигархическое правительство и введен постоянный гарнизон.

В 337 г. в Коринфе был созван *общегреческий конгресс*, на котором торжественно провозглашался всеобщий мир и независимость греческих городов и запрещались войны между ними. Конгресс декларировал свободу мореплавания и принял решение общими силами ликвидировать пиратство. На конгрессе было решено строжайше запретить конфискации имущества, переделы земли, отмены долгов и освобождение рабов в целях использования их для политических переворотов. Иными словами, были приняты меры для укрепления власти олигархических промакедонских правительств, утвердившихся после Херонейского сражения во всех городах Греции.

Наконец, конгресс принял постановление о войне с Персией и создании для ведения этой войны общегреческого союза. Официальной причиной войны была объявлена месть персам за поругание греческих святынь во время греко-персидских войн. Хотя Македония формально и не вошла в панэллинский союз, Филипп был избран главнокомандующим силами союзников.

Решение о войне с Персией по существу было реализацией программы Исократа, отвечавшей интересам наиболее состоятельных и олигархически настроенных слоев населения Греции.

Коринфским конгрессом заканчивается история классической Греции. Вершителем судеб эллинского мира с этого времени становится Македония. Успех Македонии, прочно утвердившей свою гегемонию над греческими городами, объясняется рядом причин. Силы сопротивления греков были подорваны глубоким кризисом полисной системы, длившимся многие десятилетия. Непрерывные войны между греческими городами взаимно ослабляли их, и ни одно из греческих государств не смогло стать центром объединения. Исторические преимущества были на стороне Македонии, позже вступившей на путь рабовладельческого развития и значительно меньше подточенной противоречиями, ослаблявшими эллинский мир.

РАЗДЕЛ ПЯТЫЙ

ЭЛЛИНИЗМ

ГЛАВА XVI

МОНАРХИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

1. Смерть Филиппа. Выступление Александра

Коринфский конгресс положил начало новому этапу в истории эллинизации (подчинения греческому влиянию) Востока. Неорганизованный колонизационный поток с этого времени превратился в организованное движение с захватническими целями, возглавляемое македонским царем. Инициаторами похода за богатствами Востока выступили военные и торговые элементы Македонии и Греции.

Энергичные приготовления к походу были прерваны неожиданной смертью Филиппа, который был убит на свадьбе своей дочери. В убийстве Филиппа, возможно, определенную роль сыграли мотивы личного характера — месть разведенной жены Филиппа Олимпиады (матери Александра), но оно прежде всего было политическим актом, заговором македонской аристократии, недовольной абсолютистской политикой Филиппа. Не лишена правдоподобия и версия о том, что в заговоре принимали участие персы и что персидский царь подослал убийцу, сразившего организатора предполагаемого похода на Персию.

Внезапная смерть Филиппа произвела ошеломляющее впечатление на современников. Многие представители старой македонской знати были против передачи престола сыну Филиппа Александру. Однако победила другая придворная группировка, добившаяся поддержки Александра большей частью войск. В 336 г. он был провозглашен царем.

Александру в то время было 20 лет. Наделенный от природы незаурядными способностями, он получил разностороннее образование под руководством Аристотеля. Любимым писателем Александра был Гомер, любимым героем — Ахилл. Бесспорно, Александр был одним из самых крупных и талантливых полководцев античной эпохи. Еще в древности личность Александра была крайне идеализирована. Идеализируется она и сейчас

буржуазной историографией, особенно в трудах ее наиболее реакционных представителей.

Александр вступил на престол в очень напряженное время. В подвластных Македонии областях начались волнения, одна область отпадала за другой.

Во многих городах активизировались противники Македонии. В Афинах снова приобрел влияние Демосфен, который в праздничном платье и с венком на голове принес богам благодарственную жертву за избавление греков от тирании Филиппа. Но до того как оппозиция успела организовать сопротивление, Александр появился в Греции, восстановил союз с Фессалией, предложил амфикионам утвердить себя в качестве командующего войском в войне с персами и возобновил в Коринфе договор, заключенный Филиппом. После этого он направился на север македонского государства и вступил в борьбу с фракийцами, угрожавшими македонским границам. В его отсутствие в Греции снова приобрели влияние противники македонского владычества. Материальную поддержку им оказывала персидская дипломатия. Прошел слух о гибели Александра, что содействовало ускорению восстания. Против Македонии поднялись Фивы, восстали некоторые пелопоннесские города; в Афинах шла подготовка к войне.

Когда Александру стало известно о событиях в Греции, он (уже закончив войну во Фракии) быстрым маршем направился туда и, вопреки ожиданиям, дошел до Фив в течение 14 дней. Город был взят приступом и разрушен. Александр пощадил лишь храмы и дом поэта Пиндара, поклонником которого он был. Афинянам было предъявлено требование о выдаче Демосфена и других видных представителей антимакедонской партии. Лишь посредничество афинских сторонников Александра побудило последнее отказаться от этого требования.

Осенью 335 г. и зимой 335/334 г. Александр спешно готовился к походу на Персию, надеясь захватить персидского царя врасплох и опасаясь блокады берегов Греции и Македонии персидским флотом, господствовавшим в Эгейском море.

По преданию, перед началом похода Александр раздал друзьям все свои поместья, рабов и скот. На вопрос одного из своих спутников, что же остается теперь у него самого, Александр ответил: «Надежда». В казне Александра к моменту отправления в поход было только 70 талантов, в то время как для содержания армии, по самым скромным подсчетам, требовалось не менее 300 талантов в месяц. Основное ядро армии Александра составляла тяжелая и легкая пехота македонян. Пехота координировалась с кавалерией, состоящей из македонян и фессалийцев. К этому основному ядру примыкали контингенты союзников из греческих городов и ополчения из подвластных Македонии племен — одрисов, иллирийцев, трибаллов и других.

Флот в походе Александра вначале существенной роли не играл.

Момент для начала войны был выбран как нельзя более подходящий. В Персии тогда правил *Дарий III Кодоман* (336—330 гг.), человек мало-инициативный. Держава Ахеменидов переживала в это время глубокий внутренний кризис и находилась накануне распада. Западные области — Малая Азия, Финикия и Египет, втянутые в средиземноморскую торговлю и связанные с греческими городами, тяготились зависимостью от Персии и готовы были примкнуть к грекам. На македонян они смотрели как на избавителей от персидского гнета. В восточных же провинциях положение было более устойчивым, что и обнаружилось во время войны. В техническом оснащении персидские войска уступали войску Александра.

Персидские воины-крестьяне, набранные принудительно, воевали неохотно, убегали с поля сражения, военная дисциплина была расшатана. Каждый сатрап действовал на свой риск и страх. Наиболее сильной частью персидской армии были греческие наемники, которыми командовал грек Мемнон.

Напротив, македонская армия была тщательно подготовлена к войне с Персией. Таким образом, хотя численность войск Александра была значительно меньше, боеспособность их была несравненно выше.

Александр Македонский по Лисиппу.
Римская копия греческого оригинала.
Мрамор

2. Походы Александра. Образование мировой державы

Итак, весной 334 г. Александр, оставив часть своих войск в Македонии под командой испытанного в боях Антипатра, чтобы предотвратить возможные восстания в тылу, двинулся в Азию. У него было около 30 тысяч пеших воинов и около 4500 всадни-

ков. Переправа через Геллеспонт прошла без осложнений, так как македоняне заблаговременно создали себе плацдарм на азиатском берегу. В Малой Азии в это время находились только войска сатрапов Лидии, Каппадокии и Фригии. Вместе с греческими наемниками персидские силы, находившиеся в Малой Азии и двинувшиеся навстречу Александру, не превышали 40 тысяч. Несумев помешать переправе македонян в Азию, персы заняли выгодную позицию на высоком берегу впадающей в Пропонтиду реки *Граник*. Здесь в 334 г. и произошло первое сражение между македонянами и персами. Войска Александра форсировали реку, атаковали и по частям разбили растянутые вдоль берега силы персов. Наиболее упорное сопротивление оказали войскам Александра греческие наемники, но они были окружены его войсками, частью перебиты, а частью (около двух тысяч человек) взяты в плен, превращены в рабов и отправлены в Македонию на тяжелые работы как изменники общегреческому делу — борьбе против Персии. После битвы при Гранике Александр двинулся к Сардам, которые сдались без боя. Персидские сатрапии Фригия и Лидия были теперь в руках Александра. Большинство греческих городов не оказало Александру сопротивления. Лишь в Милете и Галикарнасе Александру пришлось вступить в сражение с греческими наемниками.

Греческие города объявлялись свободными и независимыми. Благодаря этому большинство эллинского населения, тяготившегося персидским владычеством, переходило на сторону Александра. Все это не могло не встревожить персидское правительство. Дарий III, набрав большую армию, включавшую и «бессмертных» — гвардию персидского царя, возглавил ее и повел навстречу Александру. По сведениям греческих историков, эта армия превышала 600 тысяч человек, но данные эти, несомненно, преувеличены.

После взятия Галикарнаса Александр покорил внутренние области Малой Азии, перевалил через горный хребет Тавр и занял *Тарс*, где ему пришлось задержаться из-за болезни. Из Тарса Александр двинулся со своим войском вдоль берега по направлению к Сирии. Осенью 339 г. Дарий с его огромным войском расположился в устье реки Пинара у города Исса. Узнав об этом, находившиеся южнее Иссы войска Александра вынуждены были вернуться назад, чтобы не оставлять в своем тылу большие силы противника. Вскоре произошла битва. Стремительная атака македонян во главе с Александром заставила дрогнуть левый фланг и центр персидской армии, где сражался Дарий. Ему пришлось спасаться бегством, и это повлияло на исход сражения. На другом фланге македонян в начале сражения теснили греческие наемники Дария и персидская конница. Подкрепление, посланное туда Александром, и слух о том, что персидский царь бежал, решили исход боя. Персидское войско по-

спешно отступило. В руки Александра попала огромная добыча и лагерь Дария; в плену оказались мать, жена и дети персидского царя.

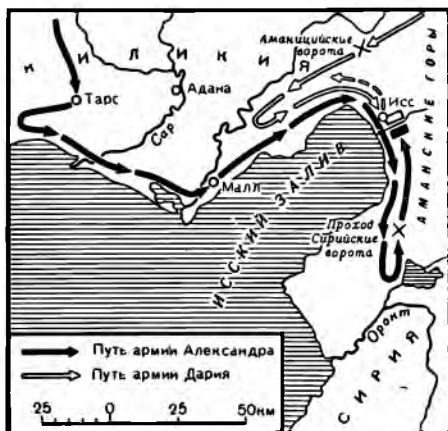
Дарий отступил за Евфрат, а Александр двинулся в Финикию и занял города финикийского побережья (Арад, Библ, Сидон). Большая часть прибрежных городов, к тому времени уже сильно эллинизированных, перешла на сторону Александра.

Единственным из финикийских городов, оказавших сопротивление Александру, был город Тир, задержавший движение македонской армии и флота на долгое время. Лишь после семимесячной осады, в 332 г., город был взят с суши и с моря и жестоко разгромлен; восемь тысяч тирийцев погибло при взятии города и многие были проданы в рабство. После падения Тира Дарий III пытался вступить в переговоры с Александром о мире, предлагая ему всю уже занятую Александром территорию. Однако мирные предложения персов были отвергнуты Александром, и он продолжал поход. После захвата Тира Александр направился к Египту, который подчинился ему без всякого сопротивления. Влиятельное египетское жречество и широкие слои населения давно уже тяготились властью персов и неоднократно восставали против них. В Египте Александр посетил оазис Сива, в котором находился храм Амона. Александр принес жертвы богу Амону и этим расположил к себе жрецов храма. Тут же жрецы провозгласили его сыном бога Амона и законным наследником древних фараонов.

Одним из важнейших мероприятий Александра в Египте было основание города *Александрии* (332 г.), ставшей в дальнейшем крупнейшим экономическим и культурным центром.

Весной 331 г. македонская армия вышла из Египта и через Палестину и Сирию направилась в Месопотамию и Вавилон.

1 октября 331 г. вблизи развалин столицы Ассирии Ниневии у деревни *Гавгамелы* произошло сражение, решившее судьбу персидской державы. Численное превосходство в этой битве также было на стороне персов. За полтора года Дарий, располагая огромными людскими резервами, сумел набрать еще одну большую армию. Но и армия Александра за время пребывания в Египте получила подкрепление. Однако численность его войск

Битва при Иссе (333 г. до н. э.)

продолжала значительно уступать численности персидской армии.

Битва при Гавгамелах была одним из самых крупных сражений древности. Многочисленная конница Дария успешно атаковала и потеснила левый фланг македонских войск. Но ответным ударом по центру боевой линии врага Александр быстро исправил положение. Персы не выдержали атаки гетайров и македонской фаланги, боевые порядки их были расстроены, и они обратились в бегство. Преследуя врага, войска Александра овладели огромным обозом и лагерем персов. В биографии Александра Плутарх так описывает заключительный этап этой битвы: «Александр погнал разбитые войска к центру, где стоял Дарий. Он увидел его издали, в глубине выстроившихся впереди царских эскадронов. То был красивый и рослый мужчина, стоявший на высокой колеснице, его окружало множество всадников в блестящем вооружении, плотными рядами выстроившихся вокруг колесницы и готовых дать отпор неприятелю. Напад на них вблизи, Александр вызвал ужас. Он опрокинул беглецов на тех, которые оставались еще в рядах. В испуге большинство обратилось в бегство. Но самые храбрые и знатные из них, убиваемые на глазах царя и падавшие друг на друга, мешали преследованию»¹.

После поражения персов при Гавгамелах сопротивление их было окончательно сломлено. Дарий уже не смог набрать новые силы для продолжения борьбы и бежал. Войска Александра продолжали продвижение на восток и, не встречая сопротивления, вступили в главные центры державы Ахеменидов — Вавилон и Сузы. Наконец был захвачен Персеполь. Здесь в руки победителей попала казна персидских царей, насчитывавшая 120 тысяч талантов. Для вывоза такого количества сокровищ потребовалась тысяча пар мулов и три тысячи верблюдов. В 330 г. македонские войска, разграбив и предав пламени царский дворец, покинули Персеполь и направились на северо-запад, в Экбатану в Мидии. Из Экбатаны, преследуя Дария, Александр форсированным маршем через Каспийские ворота прошел в Парфию и Бактрию, преодолев труднопроходимые горные районы и безводные пустыни. Несмотря на все усилия, Александру не удалось захватить в плен Дария. Дарий оказался в руках заговорщиков во главе с бактрийским сатрапом *Бессом*. Когда Александр почти настиг Дария, заговорщики убили его, провозгласив царем Персии Бесса под именем Артаксеркса IV. Александр упорно преследовал Бесса. Бесс был захвачен телохранителем Александра *Птолемеем Лагом*. На съезде видных бактрийских аристократов Александр сам выступил с обвинением против Бесса, поднявшего руку на Дария,

¹ Плутарх, *Александр Великий*, 23.

своего государя и повелителя, родственника и благодетеля. Съезд приговорил Бесса к мучительной казни, которая и была приведена в исполнение в Экбатане.

Со смертью Дария прекращалась династия Ахеменидов. Фактическим наследником персидского престола становился македонский царь, женившийся на дочери Дария. Македония и Персия сливались в единое царство, и Александр был провозглашен «великим царем», законным наследником Ахеменидов. Это прежде всего почувствовали македонские гетейры, из царских друзей и спутников низводившиеся до положения слуг царя. Одновременно в царской свите усиливалось влияние персидских сатрапов, перешедших на сторону Александра и насаждавших при македонском дворе восточные обычаи, унижительные для свободолюбивой македонской знати.

Этим можно объяснить начавшиеся между Александром и его гетейрами разногласия, выливавшиеся в форму заговоров. В то время как царь настаивал на продолжении похода на Восток, старая македонская знать выступала против этого, а также требовала удаления персов из царской свиты. Александр на это не соглашался. Первым проявлением греко-македонской оппозиции был заговор 330 г., стоивший жизни *Пармениону* и его сыну *Филоте*. В 328 г. на одной царской пирушке Александр в гневе убил своего ближайшего друга *Клита*, спасшего ему жизнь при Гранике. Клит порицал царя за его дружбу с персами.

Между тем завоевание восточных областей продолжалось. Из Бактрии Александр двинулся в *Согдиану*, перешел *Окс* (Аму-Дарья) и через *Мараканду* (на месте современного Самарканда) взял курс на северо-восток в направлении реки *Яксарт* (Сыр-Дарья). По Яксарту на огромных пространствах жили племена, по-видимому, скифского происхождения, постоянно тревожившие персидские границы. Александру удалось достигнуть северо-восточной области персидского царства, где на реке Яксарт он основал самую северную из своих крепостей *Александрию Крайнюю* (на месте нынешнего Ленинабада). В это время в тылу у македонян в покоренных уже областях Согдианы началось большое восстание, в котором приняли участие местные племена массагетов, согдийцев, саков и другие. Одним из главных вождей движения против македонских завоевателей был согдиец *Спитамен*, помогавший до того Бессу. Гарнизоны, оставленные Александром в небольших крепостях и городах, были перебиты восставшими.

Спитамен проявил исключительную энергию и храбрость. Он осадил значительный гарнизон Александра в Мараканде. При приближении отряда, посланного Александром на помощь осажденным, он сделал вид, что вынужден отступить, устроил засаду и уничтожил весь преследовавший его македонский отряд. После этого Спитамен снова осадил Мараканду и продолжал

осаду вплоть до прибытия туда самого Александра, а затем удалился в пустынные районы страны, где был поддержан массагетами. Александр сурово расправился с восставшими согдийцами, несколько тысяч которых было предано смертной казни.

Зиму 329/328 г. Александр провел в Бактрии. В это время согдийцы начали собираться в горных аулах и готовиться к новому восстанию. Весной 328 г. Александр снова появился в Мараканде и повел наступление на отпавшие районы, покорил их, а затем отправил специальный отряд под командованием правителя Согдианы против Спитамена. Спитамен потерпел поражение, согдийцы и бактры оставили его, а вожди массагетов отрубили ему голову и послали ее Александру.

Сопrotивление местного населения задержало Александра в Средней Азии на два года. Он создал в Согдиане зависимое от него царство и, обезопасив другие области завоеванного им царства от нападений кочевников, мог продолжать свои завоевания. От походов на север Александр отказался, а западные (европейские) скифы сами прислали к Александру послов, чтобы заключить с ним союз и дружбу.

Таким образом, в течение трех лет (330—327) македоняне завоевали восточные области бывшего персидского царства и подошли к границам Индии. Завоевание восточных сатрапий (Арианы, Дрангианы, Арахозии, Бактрии и Согдианы) потребовало больших усилий и стоило Александру чрезвычайно дорого. Положение в восточных сатрапиях было совершенно иное, чем в западных. В Малой Азии, Финикии и Египте на македонян смотрели как на избавителей от персидского гнета, а на Востоке их ненавидели как грабителей и мародеров. Этим объясняются частые восстания покоренных племен (массагетов, саков и других), жестоко подавлявшиеся Александром. Для борьбы с восставшими племенами и охраны завоеванных областей возводились крепости (Александрия Ариана, Александрия Кавказская, Александрия Крайняя и другие).

Самой восточной границей персидской монархии была река Инд. Здесь начиналась уже собственно Индия, владения индийских царей (раджей), постоянно враждовавших друг с другом. Этим и воспользовался Александр, предприняв поход на Индию.

Весной 327 г. македонская армия, пополненная местными жителями, вступила на территорию Инда, достигнув владений царя Пора, расположенных по реке *Гидаспу*, притоку Инда. Посланцы Александра передали Пору требование македонского царя прибыть к нему с выражением покорности. Пор ответил отказом. После этого македонская армия, предводительствуемая царем и его полководцами, двинулась к Гидаспу. В ожесточенной битве Пор был разбит, потерял много людей, слонов и боевого снаряжения. По преданию, македоняне захватили в этой битве 70 тысяч пленных.

В своем движении на Восток македоняне дошли до реки *Гифасиса*. Продолжать дальнейшее движение в глубь Индии было невозможно: наступал сезон тропических ливней, разлились реки, и местность, по которой следовала армия, кишела ядовитыми змеями. Армия начала разлагаться, ее численность сильно сократилась. В войске свирепствовали заразные болезни. «Завоеватели вселенной» были одеты в лохмотья, разуты и, главное, переутомлены до предела. Античные историки, описывавшие индийский поход Александра (Арриан, Курций Руф, Диодор и другие), донесли до нас яркие описания похода и состояния македонской армии. «Лишь немного македонян,— читаем, например, у одного из них,— осталось в живых, и все еще не видно было конца войны. Копыта лошадей стерлись от далеких переходов, бесчисленные сражения притупили оружие воинов. Греческое платье ни у кого не сохранилось; лохмотья варварской и индийской одежды, кое-как скрепленные друг с другом, прикрывали покрытые шрамами тела завоевателей. Уже 70 дней с неба лили страшнейшие дожди, сопровождаемые вихрями и бурями»¹.

Александр прилагал все усилия, чтобы убедить солдат продолжать поход, обещая после покорения всего мира привести их обратно в Македонию. Однако, несмотря ни на какие обещания, войско требовало прекратить поход. Александр лишь добился того, что возвращаться в Вавилон армия должна была новым путем по южным областям персидской державы. Войско было посажено на корабли и отправлено вниз по течению Инда. Поход возглавлял *Неарх*, отважный человек, по складу характера похожий на Александра.

После девятимесячного путешествия войско, наконец, прибыло в устье Инда. Здесь после торжественного жертвоприношения и пира армия разделилась. Одна часть под начальством Неарха отправилась морем в устье Евфрата, а другая во главе с Александром — через пустыню Гедрозию (современный Белуджистан), Карманию и Персиду в Вавилон. Путь через пустынную и дикую Гедрозию был обусловлен необходимостью поддерживать связь с флотилией Неарха и обеспечивать ее пищей и водой.

Переход по пустыне был очень трудным. Македонская армия к тому времени окончательно разложилась. Воины страдали от недостатка воды, голода, непривычного климата, всевозможных болезней, укусов змей, нападений врагов и диких зверей и т. п. Лошади и вьючные животные падали от жары и переутомления. Из-за жары идти приходилось ночью. Горы помешали армии Александра продвигаться вдоль берега моря. Связь с флотом была потеряна. Проводники сбились с пути, и одно время каза-

¹ Диодор, XVII, 94; Курций, IX.

лось, что Александру и его армии угрожает гибель в песках пустыни. Но в конце концов на третий месяц пути македонское войско дошло до Персидского залива. Здесь к Александру присоединился флот, который после 80 дней изнурительного морского похода, потеряв четыре корабля, также прибыл в Персидский залив. По случаю благополучного воссоединения армии с флотом, чтобы поднять дух воинов, были устроены торжественные празднества. Плутарх так описывает возвращение объединившегося македонского войска через Карманию: «Здесь нельзя было увидеть ни щита, ни шлема, ни сариссы (копья). Всю дорогу солдаты черпали вино из больших бочек бокалами и коринфскими кубками и пили один за здоровье другого. Одни продолжали идти вперед, другие падали наземь. Везде раздавались звуки дудок и флейт, пение и игра на арфе и виднелись пьяные женщины. В этой бесшабашной странствующей процессии можно было встретить все вольности вакханалий.

Казалось, что сам Дионис участвует в этой процессии и сопровождает ее»¹.

В 325 г. десятилетний поход был окончен. Александр прибыл в Вавилон. Теперь перед ним стояла гигантская задача приведения в порядок и организации находившихся под его властью земель, стран и народов.

По своим размерам царство Александра было гораздо больше персидской державы, поскольку в него входили Греция и вновь покоренные восточные области, включая часть Индии. Столицей нового царства стал один из древнейших городов античного мира — Вавилон, находившийся в центре новой державы. Политическая организация империи Александра внешне была такой же, как и при Ахеменидах. Сохранено было не только деление на сатрапии, но даже и старые чиновники, управлявшие сатрапиями.

Характер производственных отношений в целом мало изменился, но производительные силы стали развиваться более быстрыми темпами. В македонский, а особенно послемакедонский (эллинистический) период торговый капитал и рабовладение проникли в страны, где до тех пор господствовало натуральное хозяйство. По пути следования македонских войск, в узловых пунктах караванных дорог возникали новые города — Александрии; некоторые из них существуют и до нашего времени. Население вновь основанных городов составляли не только военные гарнизоны, но и купцы, и ремесленники; кроме греков, в них жили представители других народностей. Торговля и ремесла получили новый толчок для своего развития. Количество находившихся в обращении денег значительно увеличилось, так как в обращение было введено золото и серебро, долгое время мертвым гру-

---

¹ Плутарх, *Александр Великий*, 67.

зом лежавшее в царских сокровищницах. Колонисты из старых греческих полисов устремились в новые центры торговли и ремесла. Походы Александра в известной степени способствовали преодолению того кризиса, который переживали греческие города в IV в.

Важную роль сыграли походы Александра также в развитии культуры. Они расширили горизонты старых полисов и обогатили науку и искусство новым материалом.

Поход Александра был не только военным походом, но и хорошо организованной научной экспедицией. Находившиеся там ученые, да и некоторые сподвижники царя (Птолемей и другие) вели записи происходивших событий, исследовали новые местности, собирали экземпляры редких растений, животных и т. д. Особенно много было собрано материала, способствовавшего развитию географии, ботаники и зоологии.

Держава Александра была грандиозна. Такого крупного объединения земель древний мир до тех пор еще не видел. Поэтому совершенно понятно то не поддающееся описанию впечатление, которое произвело на умы современников возникновение македонского царства.

«Мы, — говорил в афинской экклесии в речи „Против Ктесифонта“ Эсхин, — переживаем исключительный период мировой истории. История наших дней должна показаться сказкой грядущим поколениям. Персидский царь так еще недавно требовал от эллинов „земли и воды“ и осмеливался называть себя в своих письмах владыкою всех людей от восхода до заката солнца, теперь тот же самый царь борется уже не за владычество над другими, а за собственную жизнь. Фивы, соседние нам Фивы, в один день были исторгнуты из сердца Эллады. Пусть они заслужили эту кару своей неразумной политикой, но ведь слепыми и безумными они стали не по собственной вине, а по вине богов. Несчастные лакедемоняне, которые некогда заявляли претензии на верховенство над эллинами, теперь в знак своего поражения будут посланы к Александру как заложники на полную волю победителя, перед которым они так тяжело провинились, и их участь будет зависеть от его милосердия. А наш город, убежище всех эллинов, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у нас помощи, каждое для своего города, он борется теперь уже не за гегемонию Эллады, а за собственный клочок земли»¹.

Ту же мысль о грандиозности дела Александра и о непрочности человеческих учреждений высказал и философ (впоследствии глава Афинского государства) Деметрий Фалерский.

«Если бы пятьдесят лет назад, — писал Деметрий, — какой-нибудь бог предсказал будущее персам, или персидскому царю,

---

¹ Эсхин, 132—134.

или македонянам, или царю македонян, разве они поверили бы, что ныне от персов, которым был подвластен почти весь мир, останется одно имя и что македоняне, которых раньше едва ли кто знал даже имя, будут теперь владычествовать над миром. Поистине непостоянна наша судьба. Все устраивает она вопреки ожиданию человека и являет свое могущество в чудесном. И теперь, как мне кажется, она лишь затем передала македонянам счастье персов, чтобы показать, что и последним она дала все эти блага лишь во временное пользование, пока пожелает распорядиться ими иначе»¹.

Слова Деметрия о непрочности македонского царства оправдались. Государство Александра было громадно, но чрезвычайно пестро. Его можно рассматривать как соединение самых различных стран и народов, достигнутое военным путем и державшееся силой оружия. Связующим звеном служила только личность самого Александра как законного преемника персидских царей и египетских фараонов, с одной стороны, и сына Филиппа — с другой. Этим объясняется внутренняя неизбежность распада державы Александра.

Объединенных сил греков и македонян вполне хватило лишь для того, чтобы завоевать ослабленное внутренними противоречиями персидское государство. Значительно труднее было закрепить это завоевание. Прежде всего Александр должен был ликвидировать или хотя бы ослабить вражду между греко-македонской и персидской знатью. Чтобы решить эту задачу, Александр провел ряд мероприятий. В первую очередь царь старался привлечь персидскую аристократию в армию и в государственный аппарат. 30 тысяч персов пополнили пехоту Александра, а согдийцы, бактры и персы составили особые подразделения конницы. Кроме того, Александр предпринял наивную попытку сблизить персов и македонян, устроив грандиозное бракосочетание десяти тысяч македонских солдат с персиянками. В этом коллективном бракосочетании приняли участие 80 ближайших сподвижников Александра, вступив в брак с девушками из знатных персидских семей. Сам Александр, хотя и был уже женат на дочери бактрийского правителя Роксане, взял себе по восточному обычаю в жены еще дочь Дария III. Старые соратники Александра были недовольны сближением царя с персами. Это недовольство вылилось в открытый военный бунт, который царю лишь с трудом удалось подавить.

В центре внимания македонского царя находились теперь не Греция и Македония, ставшие окраинами его владений, а вся огромная держава, простиравшаяся от Дуная до Инда. Прежние идеи и методы управления изжили себя. Из верховного вождя панэллинского союза, царя-басилея македонян, власть которого

---

¹ Полибий, 29,6.

была ограничена народным собранием и советом знати, Александр превратился теперь во властелина огромной державы, власть которого опиралась на традиционную на Востоке теорию о его божественном происхождении. Само собой разумеется, что царь мог править только располагая соответствующим государственным аппаратом.

Ближайшим помощником царя был *хилиарх*, соответствующий восточному визирю, должность которого занимал ближайший друг Александра *Гефестион*.

Финансовое ведомство было выделено в особую отрасль управления. Значительную роль играла царская канцелярия, ведавшая всей корреспонденцией царя. Во главе канцелярии стоял секретарь Александра грек *Эвмен*. Александр сохранил прежнее деление государства на сатрапии и оставил даже некоторых старых сатрапов. В сатрапиях сохранилось существовавшее при персах разделение гражданской и военной власти. В целом империя Александра принадлежала к числу тех держав, которые не имели единой экономической базы и поэтому не отличались прочностью. Она включала высокоразвитые полисы и отсталую Македонию, обладавший древней культурой Египет и жившие в условиях первобытнообщинного строя кочевые племена восточной части Иранского нагорья. Распад такого государства был неизбежен, и смерть Александра только ускорила его.

Смерть настигла Александра в Вавилоне в 323 г., во время подготовки к новым великим завоеваниям. Несмотря на болезни, неисчерпаемая фантазия и неукротимая энергия Александра побуждали его к дальним походам. В голове его рождались новые планы: обследование берегов Аравии, расширение водных сооружений Евфрата, орошение пустынь, постройка грандиозных храмов в Вавилоне, Делосе, Дельфах и многое другое, что должно было прославить «всемогущего устроителя и примирителя».

В Вавилоне, на острове Делосе, в Дельфах и других местах происходила закладка грандиозных храмов в честь бога Диониса; полагали, что великий завоеватель пользуется его особым покровительством. В июне 323 г., когда с утра до вечера кипели работы в вавилонском порту, а флот Неарха уже готов был отправиться в далекую экспедицию на запад, разнеслась весть о смерти царя. Александр умер от злокачественной лихорадки на тридцать третьем году жизни.

О личности Александра сложено множество самых разнообразных повествований, романов и легенд. Многие из них пережили античный мир, шагнули в средние века и новое время. Такова, например, легенда о блестящем Искандере (Александр), до сих пор бытующая среди иранских народностей. Первоисточником, из которого черпалась большая часть рассказов об Александре, служило описание жизни и деятельности македонского царя, составленное его полководцами Птолемеем и Ари-

стобулом. На основании произведений Птолемея, Аристобула, а также Клитарха составлены сочинения Арриана (II в. н. э.) и Курция Руфа (I в. н. э.). Материал для многочисленных романов и легенд об Александре давала также история Александра, созданная при его жизни придворным историографом *Каллисфеном*.

3. Распад монархии Александра

Внезапная смерть Александра ошеломила всех его современников. После смерти Александра единственной организованной силой оставалось войско, но и в нем не было согласия. Более демократически настроенная пехота ненавидела привилегированную часть македонского войска — олигархическую конницу и царскую гвардию, вербовавшуюся преимущественно из персидских аристократов. Армия состояла из нескольких самостоятельных частей, которыми командовали враждовавшие друг с другом полководцы.

Среди оставшихся в живых сподвижников Александра наибольшим влиянием пользовались Пердикка, Антипатр, Птолемей, сын Лага, Эвмен, Антигон и другие. Это были сильные, отважные и честолюбивые люди, не желавшие никому уступать первенства в государстве. Каждый из них считал себя тем «сильнейшим», которому, по преданию, Александр на смертном одре завещал свой перстень и свое царство. В тронном зале дворца, где лежало одетое в пурпур тело Александра, между его полководцами шел ожесточенный спор о преемнике умершего царя. В конце концов после долгих и бурных прений выбор остановился на Пердикке, старом и храбром сподвижнике Александра, который был объявлен регентом государства.

Царем был провозглашен побочный сын Филиппа II — слабоумный Арридей, названный Филиппом; царский титул предназначался также ожидавшемуся от Роксаны ребенку, если он будет мужского пола. Затем великое наследство было фактически разделено между полководцами Александра — его «преемниками», по-гречески *диадохами*. После долгих пререканий тело Александра захватил Птолемей и торжественно перевез его в египетскую Александрию, где оно было похоронено в роскошном саркофаге.

Уже ближайшие события показали, что соглашение между диадохами не отличалось прочностью. Царственные соправители были во власти диахов. И слабоумный Филипп и малолетний сын Роксаны Александр вместе с матерью погибли насильственной смертью. Владения диахов представляли собой случайное объединение земель и племен, ничем, кроме силы оружия, не связанных между собой. Поэтому не удивительно, что очень скоро мирные отношения были нарушены и снова началась война,

продолжавшаяся до 301 г. до н. э. Война носила ожесточенный характер и причинила неисчислимый вред тем областям, где происходили военные действия. Особенно пострадала Греция, несколько раз переходившая от одного властителя к другому. Больше всего шансов на победу и восстановление единства монархии имели *Антигон Одноглазый* и его сын *Деметрий Полиоркет*.

Но усиление Антигона и его сына заставило остальных диахов — Птолемея, Селевка, Кассандра и Лисимаха — прекратить распри и образовать коалицию против Антигона. В 301 г. при *Ипсе*, в Великой Фригии, произошла одна из самых кровопролитных битв античной истории. Войско Антигона было разбито, и он сам пал на поле сражения, а Деметрий спасся бегством.

Битвой при Ипсе заканчивается самый острый период междоусобной войны диахов после смерти Александра. Антигон Одноглазый был одним из последних носителей идеи восстановления монархии Александра Македонского. Противники его стремились прочно закрепить за собой те области, в которых они утвердились. Распадение монархии было уже совершившимся фактом. Диадохи, современники Александра, постепенно сходят с исторической сцены, уступая место более молодому поколению *эпигонов*, наследников диахов. В результате бесчисленных войн и переделов территорий в III в. до н. э. из державы Александра выделились три крупных государства: *Египет* с территорией в 150 тысяч квадратных километров, где утвердилась династия *Птолемеев* (потомков Птолемея Лага); *Сирия* с территорией в три миллиона квадратных километров, отданная *Селевку*, и собственно *Македония* с территорией в 75 тысяч квадратных километров, доставшаяся потомкам *Антигона Одноглазого*.

ГЛАВА XVII

СУЩНОСТЬ ЭЛЛИНИЗМА. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ЕГИПЕТ

На развалинах державы Александра Македонского возникли государства, которые со времени выхода в свет «Истории эллинизма» (1833—1843 гг.) И. Г. Дройзена принято называть *эллинистическими*. К эллинистическим государствам относят страны, занимавшие опростую территорию от Египта до греко-бактрийского царства, от Нубии до Боспора. Хронологически эллинизм определяется различно. Большинство исследователей приурочивают начало эллинистической эпохи к году смерти Александра Македонского (323 г.). Другие началом эллинизма считают Херонейскую битву (338 г.), третьи — битву при Ипсе (301 г.). История эллинистических государств была прервана завоеваниями римлян II—I вв. до н. э., подчинивших восточную половину Средиземноморья.

В истории средиземноморских народов эллинистические государства отражают определенный этап общественного развития. Рабовладельческая основа хозяйства в этих государствах сохранялась, но большое значение в сельском хозяйстве и ремесле приобретал труд полусвободных зависимых производителей. Для политического строя эллинистических обществ характерно соединение черт классического полиса с особенностями древневосточной монархии. Господствующим классом становится военно-землевладельческая аристократия, «родственники» и «друзья» царя, занимавшие высшие военные и гражданские посты в государстве. Большинство представителей эллинистической аристократии были иноземцами, что накладывало на классовую борьбу этой эпохи своеобразный отпечаток народно-освободительной борьбы против иноземных угнетателей.

Большинство буржуазных историков, начиная с Дройзена, при характеристике эллинизма основное внимание уделяют развитию культуры. Конечно, развитие культуры имело большое значение в жизни эллинистических государств. В эллинистический период возник общегреческий язык — *койнэ*, значительных успехов достигли наука и техника. Однако неправы те буржуазные ученые, которые сводят все особенности этой эпохи к особенностям культуры. Эллинистический период по существу представляет собой новый закономерный этап в развитии античной эпохи, характеризующийся новым типом производственных отношений, в большей мере соответствующих развитию производительных сил древнего общества. В то же время нельзя видеть в эллинизме только распространение греческой культуры среди народов Востока и игнорировать не менее сильное влияние восточных культур на греческую. В культурном отношении эллинизм представлял собой синтез греческой и восточных культур. В области религии в эллинистический период наблюдается синкретизм греческих и восточных элементов. Так, например, в Египте возникает культ эллинизированного египетского божества Сераписа. Любопытно, что один из царей греко-бактрийского царства, Менандр (165—130 гг.), грек по происхождению, принял буддизм и стал его ревностным проповедником. Следует также подчеркнуть, что греческая культура в основном распространялась среди представителей знати восточных стран, а широкие слои населения оставались верными своим старым культурным и религиозным традициям.

Завоевания Александра Македонского и последовавшие затем войны диадохов способствовали распространению в восточных странах античных форм рабства, так как огромные массы пленных обращались в рабов. Рабы особенно широко использовались в горной промышленности, в каменоломнях и рудниках, где условия труда были чрезвычайно тяжелы, а также в сельском хозяйстве, в ремесленных мастерских и т. д. Однако наряду

с античными формами рабства в восточных странах сохранялись и древние примитивные формы рабства, в частности долговое рабство. Огромное большинство сельского населения, живущее общинами, по существу находилось в рабском состоянии, так как не имело права уйти из общины и должно было обрабатывать храмовые и царские земли.

Эллинистические цари заимствовали многие установления, характерные для древневосточных деспотий. Они являлись верховными собственниками земли. В царских хозяйствах работало множество рабов. Цари были окружены служилой знатью, к которой в основном относились греческие и македонские завоеватели, а также представители местной знати, подвергшейся эллинизации. Теперь эллином стали называть всякого образованного человека, говорившего на греческом языке, независимо от его принадлежности к тому или иному народу. Служилая знать, состоявшая из «эллинов», сосредоточила в своих руках большие земельные площади и множество рабов.

В эллинистический период колонизационное движение греков в страны Востока достигло исключительного размаха. В это время на Востоке было основано более 170 городов по типу греческих полисов. Правда, теперь полисы меняют свой характер. Чтобы держать в повиновении рабов и другие эксплуатируемые слои населения, им необходима была сильная централизованная власть. Поэтому полисы утрачивают свою независимость и подчиняются власти царей, хотя и сохраняют некоторую автономию и другие черты полисной структуры. Особенно много полисов такого типа существовало в III—I вв. в Малой Азии и Сирии, где еще до завоевания их Александром Македонским товарные отношения достигли довольно высокого уровня развития. Состоятельные слои в различных странах эллинистического Востока были заинтересованы в сохранении полисной организации уже потому, что граждане полисов в отличие от сельских жителей обладали правом частной собственности на землю. Остальная территория в эллинистических государствах называлась *хора*. Население хоры, состоявшее в основном из местных жителей, было обременено тяжелыми налогами и находилось в гораздо худшем положении, чем граждане полисов.

Следует отметить также, что, несмотря на некоторые общие особенности в развитии эллинистических стран, каждая из них сохраняла своеобразные, только ей присущие черты, обусловленные ходом ее исторического развития.

Создание больших по территории государств, громадный приток рабов, дальнейшее развитие товарных отношений, внедрение трехпольной системы обработки земли, развитие горной промышленности, рост разделения труда, внутренней и внешней торговли, возникновение новых городов, технические и научные достижения — вот черты, характерные для эллинистического периода,

которые позволяют считать *эллинизм прогрессивным этапом в развитии рабовладельческого способа производства*. Но вместе с тем нельзя забывать, что безжалостная эксплуатация рабов и всех слоев зависимого населения, ростовщичество, откупная система и бесконечные войны между отдельными государствами отрицательно сказывались на дальнейшем экономическом развитии эллинистических стран.

1. Политический строй Египта

Из всех эллинистических государств самым прочным до конца III в. до н. э. было *Египетское царство*, где утвердились потомки Птолемея Лага — *Птолемеи*, или *Лагиды*. Египет был типичным эллинистическим государством, в котором очень ярко проявились черты эллинистического строя, политики, культуры, религии и быта.

Окруженный пустынями и морем, Египет развивался относительно более планомерно и органически, чем все остальные эллинистические государства.

О Египте мы знаем больше, чем о какой-либо другой стране эллинистического мира, благодаря *папирусам*. Открытие папирусов знаменует целую эпоху в изучении античной истории.

Папирусы сохранились главным образом в Египте. Наши представления о других странах античного мира, помимо литературных источников, основываются прежде всего на надписях, монетах и материалах археологических изысканий. Но по богатству и разнообразию содержания ни то ни другое нельзя даже и сравнить с папирусами. Папирусы помогли нам познакомиться с такими сторонами жизни античного общества, о существовании которых раньше даже и не подозревали.

Основателем птолемеевской династии в Египте был *Птолемей I Сотер* (305—283 гг.). При его преемниках — *Птолемеях II Филадельфе* (285—246 гг.) и *Птолемеях III Эвергете* (246—221 гг.) Египет достиг высшего могущества. Кроме долины Нила, Египту тогда принадлежали Киренаика, Эфиопия, Финикия, Палестина, остров Кипр, южный берег Малой Азии и некоторые города Геллеспонта. В середине III в. Египет был первой державой средиземноморского бассейна, не без основания претендовавшей на мировое господство.

В конце III в., с *Птолемея IV Филопатора* (221—203 гг.), начинается упадок, завершившийся завоеванием Египта Римом.

Политический строй Египта по своей форме близок к древней деспотии. Все, что можно было приспособить к новым условиям из старого аппарата фараонов, Птолемеи сохранили, а все, что уже не соответствовало им, они изменили, дополнили и расширили. Например, местный исторически сложившийся бюро-

кратический аппарат Птолемией сочетали с греческими формами городского самоуправления. Таким путем Птолемеям удалось создать мощную военно-бюрократическую систему, которая просуществовала более 200 лет и имела большое всемирно-историческое значение. Царь персонифицировал в своем лице государство и государственное хозяйство и мог самовластно распоряжаться имуществом, трудом и жизнью своих подданных. Он был сувереном страны и единственным источником права и закона. Чиновники, ведавшие различными отраслями государственного управления, считались проводниками царской воли. Государственным языком птолемеевского Египта был греческий.

Прежнее деление Египта на *Верхний Египет* (Фиваида), с центром в городе Фивах, и *Нижний Египет* (Дельта), с центром в Александрии, удержалось и при Птолемах. Сохранилось также и деление на *номы* — военно-податные округа. Число номов в разное время колебалось от 40 до 45.

Во главе нома стоял *стратег*. Вначале стратег имел только военно-политическую власть, но уже в III в. в его руках сосредоточиваются широкие административно-судебные функции и он оттесняет *номарха*, который раньше правил номом. Ближайшим помощником стратега был *царский грамматей*. Кроме того, важную роль в хозяйственно-административной жизни нома играли *эконом*, *агораном* и другие чиновники. Номы делились на *топы* (округа), состоявшие из нескольких *комов* (поселений). Топы и комы управлялись чиновниками, назначавшимися центральной администрацией. Непосредственными начальниками в сельских местностях были *комархи* и *комограмматеи*, сельские писари.

Финансы выделялись в самостоятельную отрасль, которой управляли особые чиновники — *казначей* разных рангов и наименований. Главная государственная казна находилась в Александрии. Во главе финансового ведомства стоял главный казначей — *диоикет*. Как высшие, так и низшие чины египетской администрации должны были неукоснительно во всем следовать букве царских указов. Чиновники птолемеевского Египта распределялись по рангам. К первому, высшему, рангу принадлежали «родственники» царя, за ними следовали «главные друзья», потом просто «друзья» и т. д. Административные посты при первых Птолемах составляли монополию македонян и греков, впоследствии же встречается много чиновников и из египтян. Проводимая правительством политика слияния всех народностей, оседавших на египетской территории, в одну народность имела лишь частичный успех. Деление на местных жителей и иноземцев сохранилось до самого конца эллинистического Египта.

Местопребыванием царя и центром управления был царский дворец, наводненный царскими «родственниками», «друзьями» и придворной челядью — камерариями, виночерпиями, повара-

ми, егерями, шутами и т. д. При дворе эллинистических царей сосуществовали древнеегипетские, персидские и македонские традиции.

Царская власть считалась *божественного происхождения*, и уже Птолемей I и его жена Арсиноя были обожествлены. Идея обожествления исходила от жрецов.

К ним присоединялись поэты и писатели (Феокрит, Каллимах), отождествлявшие Александра с Гераклом и Дионисом, и греческие философы — стоики и циники. По учению стоиков, которое отчетливо оформилось в последние века эллинизма, царь воплощает в себе идею социального порядка. Земные порядки лишь копируют небесные. В монархической власти Зевса, представляющего воплощение мирового закона, находит отражение единство мира. Зевс — добродетельный, человеколюбивый, всем миром управляющий бог. Отсюда следует, что лучшей и совершеннейшей земной властью является монархия — земное отображение небесного государства Зевса. Эпоха эллинизма была эпохой широкого распространения мистики и суеверий, благоприятствовавших идее обожествления.

К имени царя в Египте всегда прибавлялся какой-либо приятный для слуха эпитет — Сотер (Спаситель), Эвергет (Благотель), Эпифан (Явленный), Филометор (Любящий мать), Филадельф (Любящий сестру) и т. д. Политический смысл обожествления (апофеоза) ясен. Обожествлением стремились поднять авторитет царя и предотвратить узурпации и дворцовые перевороты.

2. Царские земли и уступленные земли

Все первые Птолемеи стремились развить оросительную сеть страны, чтобы поднять доходность сельского хозяйства. Для этого в Фаюмском оазисе были проведены новые каналы и высушены болота. Земли, принадлежавшие Египту, считались царскими, но в зависимости от характера использования делились на две категории: 1) царские земли в собственном смысле и 2) уступленные земли. Уступленные земли в свою очередь подразделялись на: 1) дарственные земли, уступленные царем своим фаворитам — придворным, полководцам, высшим чиновникам гражданского ведомства, 2) храмовые земли и 3) земли клерухов, т. е. военных поселенцев.

Царская земля составляла большую часть обрабатываемой земли и находилась непосредственно в ведении администрации царя. Из 1230 гектаров (4700 арур¹) территории Керкеозириса 700 гектаров (2430 арур) принадлежало царю.

Подробными сведениями об этом мы обязаны «Тebtюнисским

---

¹ Арура равна 0,27 га.

папирусам», которые составляют часть архива канцелярии комограмматея одного из номов, содержащей деловые бумаги, официальные и частные письма, податные ведомости, сообщения о состоянии различных земель и т. д.

При Птолемах, как и при фараонах, большая часть царских земель сдавалась в аренду мелким арендаторам или царским земледельцам. Крупные землевладельцы и храмы также сдавали землю мелкими участками в аренду земледельцам, которые являлись наследственными арендаторами. Царские земледельцы составляли основную массу египетского населения. Они жили небольшими поселками. Каждый поселок представлял собой самостоятельную замкнутую общину. Члены этой общины были связаны друг с другом производственным процессом, который осуществлялся на определенной небольшой территории, орошаемой каналами.

Члены общины были прочно с ней связаны. Принадлежность к данной общине влекла за собой утрату права выхода из нее. Чтобы предотвратить перебои в обработке земли и обеспечить общины рабочей силой, государственная власть закрепила существующее положение законом. Община отвечала за исправное несение государственных повинностей всеми ее членами. Общинники должны были бесплатно ремонтировать каналы, снабжать царя и его многочисленную свиту всем необходимым во время поездок по стране. Земледельцы не имели права обращаться в гражданский суд. Дела их разбирались в административном порядке.

Царские земледельцы не были собственниками обрабатываемых ими участков. Верховное право на землю в Египте всегда оставалось за царем. Царские земледельцы не только не могли продать арендованные участки, но даже не имели права оставить их или использовать по собственному желанию. Виды культур, время посева, сбора и доставки собранных продуктов к месту назначения определялись по инструкциям и под контролем чиновников и откупщиков. Семена, инвентарь и рабочий скот арендатору выдавали местные власти. За право пользования землей земледельцы платили царю арендную плату зерном, фруктами, плодами, скотом и пр. Арендную плату необходимо было платить сразу после сбора урожая. Земледельцы работали под бдительным контролем местной и центральной администрации. Местные чиновники, грамматеи различных рангов получали инструкции от высших чиновников царских канцелярий в Александрии. По этим инструкциям они руководили производственным процессом, наблюдали за состоянием каналов, устанавливали количество орошенной и неорошенной земли, определяли норму выработки для каждого округа и работника, контролировали работу ремесленников, вели учет скота, составляли «посевные ведомости» и т. д.

Кроме царских земледельцев, в Египте были люди, не имевшие земельных участков и работавшие поденщиками.

При первых Птолемах большая часть земель оставалась у царя и эксплуатировалась царской бюрократией. Права владельцев дарственных земель были различны — иногда очень ограничены, а иногда, напротив, чрезвычайно широки. Юридически дарственные земли всегда рассматривались как подарок царя и по закону не могли быть отчуждаемы. Даже в использовании их владельцы не были свободны. Они должны были неукоснительно следовать установленным царем для всего государства хозяйственным нормам и разводить лишь определенные культуры и в определенных размерах.

Богатейший конкретный материал для изучения аграрного строя птолемеевского Египта содержит *серия папирусов Зенона*, представляющая переписку египетского землевладельца Аполлония с управляющим его поместьями Зеноном. Переписка относится ко времени расцвета Египта при Птолемеи II Филадельфе (283—246 гг.).

Из переписки мы прежде всего узнаем, что грек Аполлоний, занимавший видный пост в царской администрации, получил от царя в качестве подарка за службу несколько поместий, общая площадь которых составляла около 30 тысяч арур. Земли эти были расположены около Мемфиса, в Палестине и других местах. Далее из переписки вытекает, что дарственные земли эксплуатировались так же, как и царские. Часть этих земель Аполлоний от себя сдавал в аренду, а оставшуюся лучшую часть использовал с помощью своих управляющих. В аренду обычно сдавали земли, отведенные под зерновые культуры, а оставляли земли, предназначенные для садово-огородных культур — винограда, маслин, фиников, тыквы, чечевицы, миндаля — и технических растений — льна, конопли, хлопковых пород. Аполлоний через своих агентов вел торговые операции, давал деньги под проценты. Он владел также ремесленными мастерскими.

Таким образом, существование частновладельческих поместий в эллинистическом Египте не подлежит сомнению, но эллинистический, как и древневосточный, землевладелец всегда оставался зависимым от царя и его милостей. Даже такая важная персона, как Аполлоний, не мог не считаться с царскими директивами. «Царь приказал нам, — пишет Аполлоний своему управляющему, — дважды засеять поля. Посему, как только будет собран урожай, немедленно же орошай землю или ручным способом, или же при помощи водоподъемной машины. Ни в коем случае не держи воду на полях более шести дней. После орошения поле засевай трехмесячной пшеницей» и т. д.

Заключение договоров с отдельными арендаторами и разрешение возникавших на этой почве конфликтов контролировались царской администрацией.

Особую категорию уступленных земель составляли земли клерухов. Рядовые воины получали во временное пользование от 5 до 100 арур земли. Военачальникам выделялись крупные земельные участки. Клерухам обычно давали худшие — малопродуктивные, запущенные земли, но на льготных условиях. Держатель земли на несколько лет освобождался от поземельного налога при условии, если он приводил полученный им участок (клер) в хорошее состояние. В этом случае клеры сохранялись за держателем участка и его потомством в течение многих лет, и, таким образом, клерухи, подобно римским ветеранам, превращались в бессрочных арендаторов (эмфитевтов).

Воины в эллинистическом Египте в основном были греками и македонянами. Но, кроме того, в армии служило много персов, фракийцев, галлов и представителей других племен. Сплошь и рядом, если не было свободных земель, клерухи обеспечивались участками за счет местного населения, у которого отбиралась часть земель. Система клерухий, с одной стороны, восходит к классическому полису, а с другой — имеет много общего с земельной практикой фараонов Нового царства. И тут и там войско служило главной опорой власти, что и заставляло ее представителей изыскивать средства для удовлетворения в первую очередь материальных нужд служилого сословия.

3. Ремесла, налоги, финансы

Сырые продукты перерабатывались в предметы потребления в ремесленных мастерских, находившихся в поместьях или городах. Как показывают папирусы, городская жизнь в эллинистическом Египте была также довольно развита: В Египте было два рода городов: *греческие* (т. е. полисы) и *местные*. Греческие города — Александрия, Навкратис и Птолемаида — находились на особом, привилегированном, положении, сохраняя черты старых полисов. Их жители, преимущественно греки, македоняне и евреи, обладали многими существенными привилегиями: правом приобретать частную собственность, иметь мастерские, лавки и меняльные конторы (трапедзы) и не платить многих налогов, взимавшихся с местного египетского населения. Жители местных городов имели меньше прав и привилегий. Они также занимались земледелием, торговлей и ремеслами.

В папирусах постоянно упоминаются различные лавки и ремесленные мастерские. Они находились в особых ремесленных слободах, или рядах. Чаще всего в документах говорится об изготовлении предметов роскоши, льняных, шерстяных и шелковых тканей, ювелирных изделий, стекла, папируса, изделий из дерева, бронзы, меди и железа. В городе Арсиное, например, имелись «ткацкая улица», «одежный рынок», «соляная

площадь», «чечевичная», «стручковая», «гусиная» и прочие улицы. Из ремесленников упоминаются кожевники, красильщики, парфюмеры, золотых дел мастера, живописцы. Особого совершенства в эллинистическом Египте достигло художественное ремесло. Об оживленном торговом обороте свидетельствует обилие трапедз, в которых хранились деловые документы местных ремесленников и торговцев. В Арсиное их было, например, сорок. Для Египта было характерно изготовление папирусов, керамических изделий и ткачество. Ткацкое ремесло сосредоточивалось в Александрии, Мемфисе и некоторых других городах.

В эргастериях работали рабы, вольноотпущенники и свободные. Соотношение рабского и свободного труда в Египте при Птолемах установить трудно, но существование того и другого не подлежит сомнению. Рабский труд применялся и в имениях крупных землевладельцев (например, у Аполлония). Большим числом рабов владели храмы. Наиболее состоятельные военные колонисты также имели рабов. Наряду с античными формами рабства в Египте сохранялось и долговое рабство. Вывоз рабов из Египта был запрещен законом. В юридических документах рабы рассматривались как вид имущества.

Ремесленники имели собственные мастерские и продавали свои изделия на городском рынке или же изготавливали их на дому из материалов заказчика. У ремесленников-мастеров были подмастерья и ученики. Ремесленники царских мастерских не могли оставить работу. Средства производства в таких мастерских принадлежали царю.

Жители городов, ремесленники, купцы, военные и представители интеллигентных профессий — учителя, врачи, музыканты, актеры имели особые объединения. У каждого объединения была касса, состоявшаяся из взносов ее членов, определенное место и дни собраний. В случае необходимости члены таких союзов получали из общественной кассы субсидии. Во главе объединения стояли выборные лица. У каждого объединения были свои культы, святилище и праздники. Посторонние лица на эти собрания и празднества не допускались. В общественной жизни Египта эллинистического времени эти объединения играли значительную роль.

В городах проживали также земледельцы и землевладельцы. Последние и задавали тон городской жизни. Землевладельцами были военные и чиновники, жившие в городах и имевшие поблизости от них земельные владения.

Зависимость городского торгового и ремесленного населения от царя выражалась в уплате налогов на ремесла и торговлю, взимавшихся в денежной и натуральной форме. *Фискальная система* в эллинистическом Египте достигла такого развития, какого она не достигала ни в одном из государств античного мира. Не было ни одной хозяйственной отрасли и профессии, свобод-

ной от прямых или косвенных налогов. Ввоз и вывоз товаров, переезд из одного нома в другой, продажа и покупка, аренды и договоры, квитанции и расписки, все виды коммерческих сделок облагались специальными налогами. Далее следовала серия прямых налогов: налог на землю, взимавшийся натурой, на сады и виноградники, взимавшийся деньгами, налог в пользу храмов, поголовный налог на мужчин и налоги на имущество. К этому надо добавить еще массу государственных повинностей (литургий) и монополий, налоги на скот, на постройку плотин, мостов, дорог и каналов, содержание чиновников, почтовые расходы, военные постой и т. д. При Птолемеях II Филадельфе ежегодные натуральные поступления равнялись 600 тысячам гектолитров хлеба, а денежные достигали 15 тысяч серебряных талантов наличными деньгами.

Денежная и натуральная системы хозяйства в эллинистической экономике тесно переплетались. Как поступления в казну, так и выплата государственным служащим и наемникам определялись и в деньгах, и в натуре. Представителям военной и служилой знати, помимо земель (дарственные поместья), из царской казны выдавалось содержание натурой, а также деньгами.

Сбор налогов был очень сложным и трудоемким делом, с которым птолемеевская бюрократия не могла справиться. Поэтому государство сдавало сбор налогов в сельском хозяйстве и ремесле в аренду частным лицам. Большая часть налогов сдавалась на откуп на аукционах отдельным лицам или целым товариществам, как это потом было в Риме. Откупщиками могли быть не только члены привилегированного сословия греков и македонян, но также и местные жители.

Откупщики вносили в казну определенную сумму, получали списки плательщиков и приступали к сбору. В их распоряжение государство предоставляло штат чиновников. Последние в то же время выполняли роль государственных контролеров, следивших за действиями откупщиков и охранявших государственные интересы. Царские указы предписывали откупщикам строго держаться буквы закона.

При первых Птолемеях откупные операции были весьма выгодным делом и привлекали богатых людей, наживавших на них огромные состояния. С течением времени, когда Египет стал беднеть и платежные возможности населения были исчерпаны до последней степени, откупа утратили свою былую привлекательность и превратились в тяжелую государственную повинность — литургию, разорительную для богатых людей, поскольку они должны были покрывать недоимки за свой счет. В конце концов откупщики превратились в царских чиновников.

Права и обязанности откупщиков были очень широки и не ограничивались одним только сбором арендной платы и нало-

гов. В круг обязанностей откупщиков входили также организация производства и продажа производимых продуктов.

С практикой откупного дела во всех деталях знакомит нас *Податной устав* Птолемея II Филадельфа (257 г.) Устав касается главным образом организации откупного дела в одной из важнейших отраслей египетской экономики — производстве растительного масла. Откупщики находились под контролем государственных чиновников — экономов, заместителей экономов, нескольких контролеров, секретарей, счетчиков и др. Все эти лица несли ответственность за царские маслобойни, за откупщиков и весь находившийся в их распоряжении персонал.

«Откупщик и контролер откупщика,— гласит одна из статей Податного устава,— должны распоряжаться всеми рабочими данного района (нома), всеми мастерскими и оборудованием и должны запечатывать орудия производства в периоды, когда нет работы. Они должны принуждать рабочих работать ежедневно и при работе должны присутствовать лично».

Откупщик отвечал за сохранность орудий производства и за надлежащее их использование.

Царем были монополизированы целые отрасли производства, например изготовление папирусов, добыча полезных ископаемых и другие отрасли. Птолеми, введя монополию на производство растительного масла, отобрали необходимое для его производства оборудование у всех маслоделов. Продажа масла также считалась царской монополией.

Работавшие в царских маслобойнях не могли самовольно оставить мастерскую, к которой они были приписаны. За укрывательство беглого мастера взимался штраф. Мастерам, закрепленным за определенным номом, не разрешалось переходить в другой ном.

«Если же кто из рабочих перейдет, он может быть принудительно возвращен откупщиком, экономом и контролером».

«Никто не должен укрывать рабочих (из другого нома. — *Ред.*). Если же кто укроет рабочего или, получив приказ, не выдаст его, тот должен заплатить за каждого рабочего три тысячи драм, и рабочий должен быть водворен обратно».

Продолжительность работ, количество работы и оплата труда в царских мастерских нормировались законом.

Полученное из маслобоен масло откупщики передавали на торгах крупным и мелким торговцам, предписывая продавать его по установленной законом цене.

«Торговцы, получая масло, должны продавать его по цене, обозначенной в тарифе, и не дороже».

Часть продуктов, поступавших в царские амбары и кладовые, расходовалась на войско, бюрократию и двор, остальное шло на продажу. Главной статьей египетской внешней торговли являлись продукты сельского хозяйства, в особенности пшеница.

Из предметов обрабатывающей промышленности Египет экспортировал много дорогих, вызывавших восхищение цветных стекол, папирусы, строительные материалы, добывавшиеся в египетских каменоломнях: гранит, базальт, алебастр и др. Кроме того, большой известностью пользовались узорчатые и с позолотой шерстяные и льняные ткани.

Очень важное место в экономике птолемеевского Египта занимала транзитная торговля. Через египетские гавани, расположенные на Красном море, проходило много кораблей, везущих товары из Китая, Индии и аравийских стран. К предметам восточной торговли относились различные ароматические вещества и пряности, строительные материалы, металлы, драгоценные камни, слоновая кость, страусовые перья, индийская сталь, шелк и многое другое. Сырье поступало в египетские мастерские из Малой Азии, Палестины, Сирии и других районов, а готовые изделия и предметы роскоши перепродавались в другие страны. Сфера распространения египетских товаров была значительна. Египетское торговое влияние достигало северного берега Африки, Эгейского бассейна, азиатского побережья и Черноморья. Значительная часть продукции ремесленных мастерских царя и частных лиц была рассчитана на рынок. Центральная власть регламентировала экспорт и определяла ценность товаров.

Главная торговая артерия Египта — Нил связывал при посредстве каналов и караванных дорог Эгейское море с Нубией, Ливией и египетской Александрией. Средиземное море соединялось с Красным каналом *Нехо*, восстановленным при Птолемах.

Товары перевозились на царском транспорте. К несению транспортных повинностей привлекалось все податное население, в особенности владельцы судов и верблюдов.

При расчетах по торговым операциям использовалась золотая и серебряная монета египетской чеканки с изображением царя. Доставляемые по Нилу к Красному морю товары концентрировались в Александрии — главном складочном пункте Египта. В Александрию съезжались купцы со всего мира, здесь совершались торговые сделки и производились крупные денежные расчеты, слышался говор на разных языках.

«Все это, — говорит географ Страбон, — знает всякий, кто хотя бы один раз побывал в Александрии и наблюдал торговые суда при входе и выходе из гавани. Наблюдая входящие и выходящие суда, нетрудно определить, насколько выходящие из гавани суда полнее и тяжелее входящих»¹.

При входе в гавань на острове Фаросе, соединенном с Александрией искусственной насыпью, был построен маяк высотой

---

¹ Страбон, XVIII, т. 8.

более 100 метров, который считался одним из чудес света. Этот маяк освещал путь судам, входившим в гавань.

Египетская Александрия славилась удобством своего местоположения, считалась образцовым городом, привлекавшим массу иностранцев — купцов, ремесленников и путешественников.

«Вся Александрия,— пишет Страбон,— представляет собой систему улиц, удобных для верховых лошадей и экипажей. Две самые широкие улицы, в 100 футов каждая, пересекают одна другую под прямым углом. В городе есть прекраснейшие общественные святилища и царские дворцы, покрывающие четвертую или даже третью часть всего занимаемого городом пространства. Все дворцы соединены между собой, с гаванью и со всем, что имеется замечательного за пределами последней. Часть царских зданий представляет знаменитый Александрийский мусейон, заключающий в себе место для гулянья, зал для заседаний и большое помещение, где находится столовая для ученых, состоящих при мусейоне»¹.

Одной из характерных особенностей общественного строя Египта на протяжении всей его истории являлась большая роль жречества и храмов. Эта черта сохранялась и в эллинистическом Египте, хотя права жрецов, в особенности при первых Птолемах, были значительно сужены. Считая себя наместниками богов, цари сами заботились об упрочении веры, участвовали в религиозных процессиях, строили новые и реставрировали старые храмы. При Птолемеях появились новые храмы в Фивах и других городах Египта. Однако египетское жречество, богатое и хорошо организованное, продолжало сохранять огромное влияние, с которым не могли не считаться цари. Отношения между царями и жрецами определялись реальным соотношением сил. При первых Птолемеях перевес был на стороне царя, а при последних верх взяли жрецы.

Храмовая организация действительно могла внушать серьезные опасения царской власти. Египетские храмы владели большими территориями, садами, ремесленными мастерскими, рабами, различными ценностями и перевозочными средствами. Каждый храм представлял собой автономную единицу, имел свой собственный устав, свои законы и обычаи. В целом египетские служители культа составляли влиятельную жреческую касту.

У каждого храма имелся свой *клир*, делившийся на разряды и группы в зависимости от занимаемой должности. Во главе клира стояли верховные жрецы (архиереи), пророки, гиерограмматеи (священные писцы) и другие храмовые чины. Время от времени верховные жрецы важнейших храмов собирались на особые съезды (синоды). При первых Птолемеях место и про-

¹ Страбон, XVII, 1, 8.

грамма конференций определялись царем, а сами заседания контролировались светской администрацией. Обычно заседания синодов происходили в городах Канобе и Мемфисе — старинных религиозных центрах.

4. Упадок Египта и завоевание его Римом

До конца III в. до н. э. Египет был крупнейшей средиземноморской державой. Ближайшие преемники Птолемея Сотера — Птолемей Филадельф и Птолемей Эвергет — вели широкую внешнюю политику, стремясь подчинить влиянию Египта весь бассейн Эгейского моря и его северо-восточное побережье — Фракию и Троаду, с одной стороны, и малоазийско-финикийский берег — с другой.

До конца III в. внешняя политика Египта в общем была успешной. Своими победами особенно прославился Птолемей Эвергет, доходивший до Месопотамии и даже мечтавший о завоевании Индии. С конца III в. наступает перелом в худшую для Египта сторону. Последнюю крупную победу Египту принесла битва при городе *Рафии* в Келесирии (217 г.), в которой Птолемей IV разбил сирийского царя Антиоха III Великого. Однако победа досталась дорогой ценой. Силы государства были напряжены до предела, а ресурсы истощены. Поэтому Птолемей вынужден был отказаться от дальнейшего осуществления широких внешнеполитических планов. Если в первые века своего правления они стремились удержать и расширить внеегипетские владения, то с конца III в. главное внимание их направлено на то, чтобы укрепить власть внутри Египта. Дело в том, что под гнетом дополнительных налогов и повинностей, вызванных войнами, в Египте все чаще вспыхивали восстания против центральной власти. Особенно опасными они были в тех случаях, когда к восставшим примыкали и воины. Так, например, было в годы правления Птолемея IV Филопатора (после битвы при Рафии). В этот период восстания, в которых принимали участие и воины, продолжались непрерывно в течение 20 лет, потом на некоторое время ослабели, чтобы вспыхнуть с новой силой в I в. Центром восстания во II в. был Средний Египет и дельта Нила.

При преемнике Птолемея V Эпифана — *Птолемея Филометоре VI* (181—145 гг.) в 165—164 гг. произошло серьезное восстание в Александрии, возглавленное *Дионисием Петосараписом*, влиятельным чиновником при царском дворе, египтянином по происхождению. Потерпев неудачу в самом городе, Петосарапис попытался опереться на наемные войска, состоявшие из египтян, и укрепился в одном из предместий Александрии; здесь он был разбит. Тогда Петосарапис поднял восстание в Верхнем Египте,

где создалось особенно опасное для правительства положение.

Восстание было жестоко подавлено Птолемеем Филометором. После репрессий и массового истребления местного населения правительству пришлось впоследствии ввести принудительную обработку пустующей земли.

Кроме открытых восстаний, характерной формой борьбы в птолемеевском Египте является так называемый *анахоресис*. Обремененные налогами и повинностями, жители деревень снимались с места и убегали в пустыню, оставляя невозделанными поля и нанося тем самым огромный ущерб государству.

Восстания, происходившие в последние столетия существования птолемеевского Египта, были народными восстаниями, направленными против иноземных угнетателей. Для местного населения македонская гегемония была тяжелее всех прежних — эфиопской, ассирийской и персидской. Борьба против греко-македонской династии была по существу классовой борьбой. Многочисленные налоги тяжелым бременем ложились на плечи трудового населения. Кроме прямых, существовали разнообразные косвенные налоги, сборы на ремонт оросительных сооружений, за измерение земли и т. д. Фискальная политика Птолемеев в корне подорвала и истощила производительные силы и озлобила население.

Фискальный гнет возрастал по мере расширения *торгового и ростовщического капитала*. Ростовщичество в последние века македонской династии приобрело огромный размах. Ростовщичеством занимались все — греки, македоняне, евреи, сами египтяне и римляне. Ростовщический капитал в значительной мере проложил путь римской дипломатии и римскому оружию.

Неустойчивость внутри государства, неудачи внешней политики и сокращение внешней торговли при последних Птолемеях обострили династическую борьбу, что еще более ухудшило общее положение в стране и подорвало авторитет царской власти. Потерявшие почву под ногами, цари пошли на уступки аристократии, жречеству и войску. Наделы клерухов превратились в частновладельческие земли, а храмы восстанавливали свои привилегии и расширяли домены.

Союз царей со жречеством продлил жизнь македонской династии, но не спас ее от кризиса. Царская власть слабела с каждым столетием и окончательно разложилась во второй половине I в. до н. э. при знаменитой *Клеопатре VII* (51—30 гг.) перед римским вторжением. Кровавая борьба Клеопатры со своим братом за престол подорвала силы Египта и облегчила его захват римлянами. После поражения при Акции Клеопатра лишилась трона и покончила с собой (30 г.), а Египет перестал существовать как самостоятельное государство и вошел в состав Римской империи.

МОНАРХИЯ СЕЛЕВКИДОВ. ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА

1. Монархия Селевкидов

Наряду с Египтом существовали и другие государства, вышедшие из монархии Александра, — царство Селевкидов в Азии, Македония в Европе и т. д.

Самым большим по территории и самым сложным по внутренней структуре было царство Селевкидов, основанное *Селевком Победителем* (308—280 гг.). Селевк — один из энергичных и прославленных сподвижников Александра, человек широких планов, отличившийся в сражении при Гидаспе. После смерти Александра Селевк предпринял новый поход в Индию. В Индии в то время правил *Чандрагупта* (по-гречески Сандракотта), объединивший под своей властью владения раджей и создавший огромное Индийское царство. Селевк воспользовался недовольством раджей против Чандрагупты, двинулся в Индию и одержал несколько побед над индийским царем, за что получил почетный эпитет Победителя (Никатора). Однако обстановка, сложившаяся на западе, заставила его заключить мир с индийским царем на выгодных для последнего условиях. Чандрагупта сохранил свои владения в Пенджабе и сверх того получал восточные области Гедрозии, Арахозии и Парапамисады. В благодарность за это Чандрагупта подарил Селевку 500 слонов, обещал ему дружбу и сделал его своим зятем.

Мир с Чандрагуптой (305 г.) развязывал Селевку руки на западе, где он уже в 312 г. укрепился в Вавилонской сатрапии, а после битвы при Ипсе (301 г.), в которой он сыграл решающую роль, к нему отошли Сирия, Месопотамия, Армения и южная часть Малой Азии. Таким образом, в состав царства Селевка была включена большая часть земель, входивших в державу Ахеменидов. Столицей своего царства Селевк сделал город *Антиохию* на реке Оронте, конечный пункт караванных путей, связывавших восточные страны — Индию и Китай — со средиземноморским западным миром. Портом Антиохии была Селевкия Приморская.

Владения Селевка раскинулись на обширной территории. Поэтому Селевк с большим основанием, чем какой-либо другой диадох, мог считать себя преемником Александра. Чтобы завершить объединение империи в границах, существовавших при Александре, не хватало только европейских частей — Фракии и Македонии — родины Селевка. В связи с этим Селевк в 281 г. предпринял поход в Европу, передав азиатские владения своему сыну Антиоху I (280—262/1 гг.). Однако давняя мечта Селевка

Никатора завладеть Македонией не осуществилась. Во время похода он был предательски убит на европейском берегу Птолемеем Керанном, братом египетского царя.

Со смертью Селевка вражда между эллинистическими царями обострилась. Этим воспользовались варварские народы, окружавшие эллинистический мир. С севера в это время усиливается напор галльских (галатских), или кельтских, племен, которые прорвались на Апеннинский и Балканский полуострова, опустошили Македонию, Грецию и Фракию и проникли в Малую Азию. Опасность быть уничтоженными галльскими ордами заставила малоазийские города объединиться с Антиохом I, сыном Селевка Никатора. В кровопролитном сражении у Каппадокии Антиоху удалось разгромить галлатов и оттеснить их во внутренние части малоазийского материка, в Галатию — область, названную так по их имени. Эпизоды войны с галлами послужили сюжетом для скульптурных произведений пергамской школы художников.

Несмотря на поражение галлатов, обстановка в Малой Азии продолжала оставаться тревожной, что и заставило Антиоха I отказаться от некоторых областей и городов своего царства, предоставив им самим защищать свои границы от варваров. При Антиохе II (261—247 гг.) отложились Бактрия и Парфия и велась неудачная война с Египтом. Антиох III (223—187 гг.), пытавшийся отвоевать у Птолемея Финикию и Келесирию, потерпел поражение в битве при Рафии (217 г.). Удачнее были его восточные походы, за которые он получил титул Великого. Царство Селевкидов при нем на некоторое время возродилось, и часть земель, потерянных в предшествующие царствования, была возвращена. После индийского похода, принесшего ему огромные богатства, Антиох III в союзе с македонским царем Филиппом V пытался вытеснить египтян из бассейна Эгейского моря, захватил Финикию и Палестину. Но на этом успехи Антиоха и кончились. В дело вмешались римляне, напуганные успехами Антиоха и его союзом с царем Филиппом, другом карфагенян и врагом римлян. В сражении при Магнезии (190 г.) римляне разбили Антиоха и положили предел росту его владений.

После Антиоха Великого территория царства Селевкидов сокращается. Государство слабеет, истощаемое постоянными войнами и восстаниями, и полностью утрачивает свою ведущую роль.

Неудачи последних Селевкидов в значительной мере были вызваны политикой Рима, стремившегося к расчленению царства Селевкидов и поддерживавшего все враждебные Селевкидам коалиции. Внешнеполитическая слабость и внутренняя коррупция в государстве Селевкидов достигли такой степени, что в 64 г. до н. э. оставшаяся часть этого царства теряет всякую способность к самостоятельному существованию и превращается в подвластную римлянам территорию.

Нежизнеспособность царства Селевкидов объясняется чрезмерной обширностью территории, что затрудняло управление ею из одного центра, пестротой этнического состава населения, говорившего на разных языках и находившегося на различных ступенях исторического развития, наконец, растянутостью границ, что осложняло защиту их от постоянных вторжений воинственных соседей.

Центральной частью царства Селевкидов в пору его расцвета являлись старые культурные страны — Вавилония и Ассирия. С северо-запада к ним примыкали Малая Азия, Сирия и Финикия. Малоазийское побережье было усеяно массой греческих городов, возродившихся в эпоху эллинизма. Далее на восток, по горам, речкам и долинам, жили племена, сохранявшие элементы фригийской культуры. Сирия представляла собой страну арамейских городов, зависевших от караванной торговли. Она граничила с Финикией — страной крупных торговых и ремесленных центров средиземноморского побережья. К Сирии примыкала Палестина, морской западный берег которой являлся продолжением финикийского. Восточная, собственно еврейская, часть ее была населена пастухами, земледельцами и садоводами, подчиненными иерусалимскому храму Яхве.

В восточной части обитали многочисленные кочевые, полукочевые и оседлые племена. Объединить эти разнородные племена было очень трудно. Единственной опорой власти Селевкидов, кроме военной силы, могли быть греческие города — острова эллинизма в покоренных македонянами странах. Политика основания городов в завоеванных странах начинается, как мы видели, с Александра Великого, основывавшего по пути своего следования Александрии. Селевк Никатор и его преемники также продолжают градостроительство и привлекают колонистов в новые города.

Города создавались главным образом в западной части царства Селевкидов. Обычно городские поселения располагались вдоль торговых путей. Для укрепления границ по ним селили военных колонистов. Общее число греков и македонян, живших на территории Селевкидовского царства, было довольно значительно, например, в битве при Рафии греческая фаланга состояла из 20—25 тысяч человек. При первых Селевкидах прилив населения из Греции и Македонии, страдавших от внутренних неурядиц, был очень велик. В дальнейшем же в связи с сокращением населения в самой Греции поток колонистов почти иссякает, что не замедлило отразиться на эллинистических государствах.

Кроме основания новых городов, Селевкиды предоставляли самоуправление и некоторым старым местным городам. Устройство этих городов было таким же, как и греческих полисов; в них имелись органы самоуправления, которые находились под

контролем центрального правительства и состояли из представителей имущих слоев населения.

Политическим центром царства Селевкидов, как уже отмечалось, была *Антиохия* на Оронте, торговыми портами — *Селевкия Приморская* (Пиерийская), *Лаодикея* и *Апамея*.

Второй столицей государства Селевкидов была *Селевкия* на реке Тигре. Расположенная в том месте, где Евфрат близко подходит к Тигру, Селевкия связывала восточную часть сирийской монархии с западной. Селевкия быстро расцвела и превратилась в самый большой город эллинистического мира после Александрии. Согласно Страбону, число жителей Селевкии превышало 600 тысяч. Среди них были греки, македоняне, сирийцы, персы, парфяне, армяне, индийцы и евреи. Судя по памятникам материальной культуры, Селевкия принадлежала к самым богатым и благоустроенным городам античного мира. Здания строились из вавилонского кирпича, вокруг города и через него проходили каналы, снабжавшие город водой. Город имел самоуправление. Верховными органами были городской совет, состоявший из 300 человек, избиравшихся на основе имущественного ценза, и народное собрание. Расцвет Селевкии относится к III и началу II в. В середине же II в. Селевкия была захвачена парфянским царем Митридатом I. Но и после этого градостроительство в Селевкии не прекращается.

Экономическую основу селевкидовских городов составляли земледелие и торговля. Торговля, преимущественно транзитная, в общей системе экономики играла еще большую роль, чем в Египте. Особенно важной была дорога, которая соединяла берега Эгейского моря с Селевкией на Тигре и шла на восток вплоть до Индии и Китая. О торговых связях с Дальним Востоком свидетельствуют многочисленные монеты и греческие изделия, обнаруженные в Индии, Монголии и Китае. Произведения китайского искусства периода династии Хань испытали влияние греческого искусства. В Ближнем Иране найдено множество обломков греческих, преимущественно родосских, амфор.

Наиболее развитыми в торговом отношении были города, расположенные на малоазийском и сирийском побережьях. Через них шли торговые пути как на восток, так и к европейскому побережью. Во II в. был восстановлен торговый путь через пустыню к берегам Персидского залива и Индии. Торговыми центрами были Петра, Газа и Дамаск. Караванный путь шел на Дура-Европос на Среднем Евфрате. Этот город, основанный по приказу Селевка Никатора, являлся типичным полисом эллинистического времени. Через Родос и Делос сирийские купцы поддерживали торговые отношения с европейскими странами.

Внутренняя организация империи Селевкидов имела много общего с организацией государства Птолемеев. Основное отличие состояло в том, что в державе Селевкидов города и соот-

ветственно городское население играли большую роль, чем в царстве Птолемеев. А это накладывало отпечаток на хозяйственную жизнь селевкидовской монархии. Власть Селевкидов не была такой всеобъемлющей, как Птолемеев. Помимо царских земель, в империи Селевка существовали земли аристократии и городов, обладавших правами частной собственности. Самая важная отрасль торговли — транзитная — находилась в руках купцов и купеческих объединений. Города пользовались даже правом свободной чеканки монеты, хотя выпуск монеты считался царской монополией. Сочетание древневосточной монархии и классического полиса у Селевкидов выражено более полно и отчетливо, чем у Птолемеев.

Наряду с военно-чиновничьей аристократией и городами большую роль в царстве Селевкидов играли храмы. Так же как в Египте, храмы здесь владели огромными территориями, на которых работало много рабов и арендаторов. Эти храмы имели свои уставы и твердо установленные праздники, иногда сопровождавшиеся ярмарками. Во главе храмов стояли главные жрецы, нередко царского происхождения.

Кроме того, в царстве Селевкидов существовали, видимо, военные поселения, сходные с египетскими клерухиями и поселениями ветеранов поздней Римской империи. Наконец, на колоссальной территории державы Селевкидов обитали племена, лишь номинально признававшие суверенитет сирийского царя, а управлявшиеся своими племенными вождями.

Значительную часть территории составляли царские земли, обрабатывавшиеся царскими земледельцами, юридическое и экономическое положение которых было близко к положению царских земледельцев в Египте. Земледельцы платили подати и налоги. Они не имели права покидать места своего жительства. В государстве Селевкидов очень широко применялся рабский труд в сельском хозяйстве. Такие города, как Вавилон, Сузы и Селевкия на Тигре, являлись центрами рабовладения.

Организация бюрократического аппарата, фискальной системы, армии и флота была построена на тех же началах, что и в царстве Птолемеев.

Селевк Никатор разделил свое государство на 72 области, которые назывались так же, как и в период персидского владычества, — сатрапиями. Точные границы их установить пока невозможно. Во главе каждой сатрапии стоял сатрап, или стратег, которому был подчинен гиппарх, ведавший обычно какой-либо территорией, входившей в состав сатрапии.

Армия состояла из тяжеловооруженной пехоты и конницы. Широко применялись во время войны боевые слоны. Царская администрация собирала высокие поземельные налоги и таможенные пошлины. Сбор налогов и организация производственного процесса осуществлялись царскими экономами, финансами

заведовал диоикет. Учет земельного фонда, составление кадастров и налоговую разверстку производили специальные канцеляристы, и все данные заносились в особые царские ведомости, хранившиеся в царских архивах. Но система откупов в государстве Селевкидов не применялась. Культы и религия находились в ведении жрецов. Подобно Птолемаем, Селевкиды, начиная с Антиоха II, обожествлялись, имели собственный культ и использовали религию как средство укрепления своей власти. Личные слуги царя в то же время были и государственными чинами, входившими в высший государственный совет.

2. Пергам, Родос, Боспор

Пергамское царство с главным городом Пергамом занимало северо-западный угол Малой Азии и часть европейского берега. Первоначально Пергам входил в состав владений Лисимаха, потом Селевкидов, но с III в. отделился и превратился в самостоятельное царство, просуществовавшее 150 лет (284—133). Пергамское царство включало наиболее культурные районы Малой Азии: Фригию, Мисию, Лидию, Карию, Писидию и часть Памфилии. Соседями и врагами Пергама были вифинцы, с одной стороны, и галлы (галаты) — с другой.

Основателем Пергамского царства был грек *Филетер*, которому Лисимах во время борьбы с Селевком поручил защиту города Пергама. В 284 г. Филетер завладел акрополем и казной Лисимаха, хранившейся в Пергаме. Пергам и деньги он завещал своему племяннику, сыну Аттала, *Эвмену*. С Эвмена Атталида начинается пергамская династия *Атталидов*. Эвмен I правил с 263 по 241 г. Ему наследовал Аттал I (241—197 гг.), который использовал благоприятную внешнюю ситуацию — слабость государства Селевкидов и вражду между ними и Птолемаями — и одержал близ Пергама «великую победу» над галатами. При нем Пергам освободился от власти Селевкидов и стал самостоятельным государством. После этого Аттал принял царский титул. Аттала поддерживали римляне, имевшие общих с Пергамом врагов — Антиоха III, мечтавшего о реставрации державы Селевка Никатора, и македонского царя Филиппа V, претендовавшего на берега Малой Азии. Высшего расцвета Пергамское царство достигло при преемнике Аттала I, его сыне Эвмене II (197—159 гг.), после разгрома Антиоха III римлянами при Магнесии (190 г.).

Расцвет Пергамского царства объясняется, во-первых, его исключительно благоприятным местоположением в системе тогдашних государств, во-вторых, богатыми внутренними ресурсами. После разгрома римлянами Антиоха III нити всей северо-западной торговли перешли к Пергаму. Кроме того, плодород-

ная почва Пергама давала богатые урожаи. По вывозу зерна Пергам занимал первое место после Египта. На прекрасных пастбищах на востоке Пергама паслись овцы лучших пород. В пергамских ткацких мастерских из шерсти овец вырабатывались ткани, которые отправлялись за границу. Выделываемый из кожи пергамент как материал для письма конкурировал с египетским папирусом. Наряду с ткацкими эргастериями Пергам славился своими красильными и бумажными (пергаментными) мастерскими. Красящие вещества добывались из цветов, в большом количестве произраставших на пергамской почве.

Политика Атталидов отличалась необычайной гибкостью. Они умели выходить победителями из самых рискованных положений, лавируя между могущественными государствами Селевкидов, Птолемеев, Антигонидов и римлян. Оценив силу Рима, Атталиды вовремя перешли на его сторону и искусно пользовались поддержкой римского оружия и дипломатией в борьбе с врагами, покушавшимися на их богатства. Последний из Атталидов, Аттал III, правил исключительно благодаря поддержке проримской партии. В стране нарастало движение, направленное против господствующих классов. Видимо, в целях борьбы с ним Аттал составил завещание, в котором он передавал свое царство Риму. В 133 г. Аттал умер, и Пергам перешел к Риму.

«Наследники» Аттала — римляне — захватили Пергам после упорной борьбы с побочным братом Аттала III *Аристони́ком*, считавшим себя законным наследником пергамского престола. Начатая Аристони́ком война вылилась в настоящую революцию, борьбу всех рабов и свободных против деспотического режима Атталидов. Сторонники Аристони́ка называли себя *гелиополи́тами*, т. е. гражданами Солнечного царства, которое после победы мечтал основать их вождь Аристони́к. Выиграв несколько битв, Аристони́к вскоре потерпел поражение, и Пергам окончательно отошел к Риму. События эти относятся уже к римскому периоду античной истории.

В городе Пергаме существовало народное собрание. Должностные лица избирались из граждан, которые составляли меньшинство населения. Цари обожествлялись, как и в других эллинистических государствах. Опорой царской власти являлась армия, состоявшая из греческих наемников и местных жителей.

Пергамское государство было очень богато. Казна Атталидов всегда была полна золота. Государственные доходы состояли из обложений и пошлин, взимаемых с торговли и ремесла, поземельных и уплачиваемых городами налогов и поступлений от царских хозяйств. В царских хозяйствах широко применялся рабский труд. Верховным собственником земли считался царь, а земля обрабатывалась крестьянами. За пользование землей они отдавали в казну значительную часть урожая.

Кроме того, пергамские цари извлекали большие доходы из торговли и ремесленной промышленности, в значительной мере монополизированной государством. Часть своих огромных доходов Атталиды употребляли на украшение города, организацию развлечений, постройку водопровода и т. д. Об этом свидетельствуют археологические исследования, которые в широких масштабах ведутся в настоящее время на территории Пергама и других малоазийских городов. Даже такие небольшие города, как, например, Приена, имели богатые храмы, театры, гимнасии, бассейны, залы для народных собраний, спортивные площадки и т. д.

Из уцелевших от разрушительной силы времени памятников художественной культуры Пергама особенно интересен *Пергамский алтарь*, воздвигнутый перед храмом Зевса на Пергамском акрополе. Акрополь увенчан фризом, на рельефах которого изображена Гигантомахия, борьба гигантов, сыновей земли, с богами. Гиганты символизируют галатов (кельтов), вторгшихся в Малую Азию и побежденных пергамцами при Аттале I. Поражают искусство лепки, смелость композиции и передачи динамики боя. Знаменитым культурным памятником Пергама была известная Пергамская библиотека, где хранилось более 200 тысяч рукописей.

Экономическая ситуация, сложившаяся в Средиземноморье в эллинистическую эпоху, оказалась в высшей степени благоприятной для *острова Родоса*. Благодаря удобному географическому положению Родос уже в древнейший, эгейский период средиземноморской истории играл роль торгового посредника между Западом и Востоком. Родос находился на путях, связывавших Египет, Кипр, сирийский и финикийский берега с классической Грецией. В эллинистическую эпоху расцвету Родоса способствовало также основание Александрии и разрушение Тира, старинного посреднического центра Финикии, соперничавшего с Родосом.

Родос стал одним из торговых ремесленных центров эллинистического мира. Об этом свидетельствуют древние историки (Страбон, Полибий), надписи, монеты и данные археологии.

Множество найденных родосских амфор с клеймами указывают на торговые связи Родоса с Александрией и вообще с Египтом, островами Эгейского моря, Сирией, Палестиной, Пергамом, Сузами, Сицилией, Южной Италией и Карфагеном. Кроме того, родосские амфоры с клеймами находят во всех северо- и западночерноморских городах-колониях.

Главным объектом родосской торговли был хлеб, получаемый из западных частей Средиземного моря — Великой Греции и Африки (Карфагена, Нумидии). Родосские купцы широко торговали и изделиями, а также рабами. Годовой оборот Родоса во

Фрагмент Пергамского алтаря

II в. достигал 8500 талантов, т. е. приблизительно в четыре раза превышал оборот Пирея в IV в.

В Родос притекали деньги со всех концов тогдашнего мира. Помимо чисто коммерческих расчетов, прилив денег в Родос объяснялся также и политическими причинами. В эпоху постоянных государственных переворотов и конфискаций имущества политическое положение Родоса было сравнительно устойчивым. Родосские трапедзиты (менялы и банкиры) были во всех отношениях солиднее и надежнее трапедзитов других греческих полисов. К тому же торговое право Родоса было относительно либеральным и охраняло интересы иностранных купцов и финансистов.

Политическая история Родоса известна лишь в общих чертах. Главный его город тоже назывался Родосом. Он был основан в конце V в. Первоначально независимые города в 407 г. объединились и образовали *Родосское государство*. В состав Родосского государства входил не только остров Родос, но также и некоторые другие острова Эгейского моря и земли на побережье Малой Азии. Особенностью родосской конституции, как указывают античные писатели, было своеобразное сочетание

Фрагмент Пергамского алтаря

демократических и олигархических порядков. Родосская конституция по форме была демократической, а по существу олигархической. «Родосцы,— говорит Страбон,— проявляют заботу о народе (демосе), но управляет ими не народ. Богатые люди снабжают провиантом всех нуждающихся согласно древнему обычаю. Таким образом, бедный люд получает средства к жизни, а город не имеет недостатка в людях, в особенности необходимых для мореплавания».

Верховными органами Родосского государства считались народное собрание и совет. В действительности же управление государством находилось в руках шести *пританов*, высших должностных лиц и председателей совета, избиравшихся ежегодно. От пританов зависели все остальные должностные лица. Прита-

ны выбирались из представителей небольшого круга аристократии.

Родосская аристократия была богата, малочисленна и замкнута. Аристократические фамилии объединялись в замкнутые союзы, носившие культовый характер. Аристократам противостояли родосские граждане, вольноотпущенники, рабы и проживавшие на территории Родоса иностранцы, которые тоже объединялись в союзы.

С третьей македонской войны (171—168 гг.) начинается упадок Родоса. Во время этой войны Родос заключил союз с Македонией. После победы над Македонией римляне резко изменили свое отношение к Родосскому государству. Они стали поддерживать остров Делос, объявив его порто-франко. Вследствие этого большая часть родосской торговли перешла к Делосу, а Родос начал беднеть и приходить в упадок.

В истории культуры значение Родоса не меньше, чем Пергама. Родосская скульптура, поэзия, наука и красноречие снискали себе мировую славу. Именно родосскими скульпторами была создана знаменитая мраморная группа, известная под названием «Лаокоон».

История эллинистического мира не ограничивается только старыми классическими государствами Востока и Запада. Наряду с ними и на греческой периферии существовало много стран, в большей или меньшей степени воспринявших черты эллинистической государственности и культуры. На Востоке, в Средней Азии, такими государствами были Парфия и Бактрия; в Африке — Кирена, Нубия и Карфаген; в Европе — Рим; на Балканском полуострове — ряд кельто-фракийских племенных и самостоятельных греческих городов; на южном берегу Черного моря — Понтийское, а на северном побережье Черного и Азовского морей — Боспорское царство.

При преемниках Левкона владения *Боспорского царства* расширяются по правому берегу реки Кубани. При Спартоке II (349/348—344/343 гг.) и Перисаде I (349/348—310/309 гг.) в состав Боспорского царства были включены племена, жившие к северу от Кубани. Длительное правление Перисады I можно считать эпохой расцвета Боспорского царства. Спартокиды продолжали оставаться главными экспортёрами зерна, рыбы, кожи, пушнины, а также рабов. Производителями хлеба были крупные землевладельцы — греки или эллинизированные местные жители. Хлеб для экспорта скупался также у местных племен. Большую роль в экономике Боспора играл также импорт греческих товаров (изделий из золота и серебра, керамики, оружия). Из пределов Боспорского царства эти товары распространяются по всему Северному Черноморью.

В скифских курганах находят различные предметы (оружие, предметы культа, украшения, греческую посуду, конскую сбрую

Лаокоон. Произведение родосских скульпторов Агесандра, Афинодора и Полидора. I в. до н. э.

и т. п.). Изделия, относящиеся к более раннему периоду, указывают на сильное влияние греческих образцов, особенно Ионийской Греции и Афин. В более позднюю эпоху, судя по находкам, преобладают предметы местного производства, центром которого был Пантикапей.

Многие художественные изделия Боспора отличаются высоким мастерством и оригинальностью. Боспорское искусство работало свой собственный стиль. Богатейшая коллекция памятников боспорского искусства и собрание монет хранятся в Ленинградском Эрмитаже.

Период расцвета Боспора, однако, был непродолжительным. Уже с конца IV в. и особенно в первой половине III в. намечаются признаки тяжелого кризиса. Во всем Северном Причерно-

море в это время наступают перемены, связанные с появлением новых враждебных греческим городам и Боспорскому царству племенных объединений и значительными племенными передвижениями.

Сильные и воинственные племена сарматов, во времена Геродота жившие за Доном, объединяются в несколько больших союзов и, двинувшись на запад, вытесняют скифов с большей части их прежней территории. По словам одного из античных авторов, они «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Отступая под натиском сарматов, достигших Днепра и Дуная, скифы концентрируются в степном и предгорном Крыму. Здесь во второй половине III в., в тылу у Херсонеса, возникло сильное скифское государство с центром в Неаполе (в городской черте современного Симферополя), возглавленное скифским царем *Скилуrom*. В Северном Причерноморье складывается тревожная, насыщенная военными столкновениями обстановка.

Боспор вступает в этот очень опасный для него период экономически ослабленным. На хлебном рынке у него появляется опасный соперник в лице эллинистического Египта, начавшего усиленно экспортировать свой хлеб в Грецию. Сокращение хлебного экспорта самым пагубным образом сказалось на боспорской экономике, привело к денежному кризису и отразилось на военном потенциале, поскольку в боспорской военной организации видную роль играли требовавшие больших расходов наемные войска. При таких условиях, естественно, усиливаются центробежные тенденции племен, тяготевшихся и раньше властью боспорских правителей, и всплывают на поверхность глубокие противоречия, присущие Боспору как рабовладельческому государству.

Все это в конце II в. привело к бурным событиям на Боспоре. Потеряв всякую надежду собственными силами справиться с нарастающим кризисом, боспорская правящая знать, возглавляемая царем Перисадом, последним представителем династии Спартокидов, обратилась за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору. Перисад даже отказался в его пользу от своего престола.

Широкие слои боспорского населения, значительную часть которого составляли скифы и рабы скифского происхождения, ответили на это восстанием. Перисад был убит, и власть над Боспором перешла к вождю восставших *Савмаку*, дворцовому рабу Перисада.

Восстание это было подавлено Митридатом, пославшим на Боспор своего полководца Диофанта. Боспор вошел в состав Понтийского царства Митридата и обрел независимость после разгрома Митридата римлянами.

МАКЕДОНИЯ И ГРЕЦИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

1. Македония и позднегреческие союзы

Македония и по территории, и по численности населения значительно уступала таким эллинистическим государствам, как Египет и царство Селевкидов, а по уровню развития производительных сил значительно отставала от них. Во время походов Александра Македонского и диадохов большая часть мужского населения ушла в походы или же переселилась на Восток. На территории Македонии происходили военные столкновения между диадохами, и это разоряло страну. В 70-х годах III в. до н. э. в Македонию вторглись кельты и сильно опустошили ее. Это объясняет глубокий экономический и политический упадок, который переживает Македония в III в. Тем не менее общие тенденции эллинистического времени оказывали влияние и на Македонию: войско из дружины царя превратилось в наемное, в быту и в экономике изживались патриархальные отношения.

В 277 г. Антигон II Гонат (283—239 гг.), сын Деметрия Полиоркета, первого царя новой династии Антигонидов, потомков Антигона Одноглазого, одержал при Лисимахии победу над кельтами и после этого стал царем. При нем начинается возрождение Македонии. Он подчинил Эвбею и Мегары и привлек на свою сторону Мегалополь и Аргос. Со времени Антигона Македония становится крупным эллинистическим государством, претендующим на роль мировой державы. Македонские города — Пелла, Кассандрия и в особенности Фессалоники — приобретают первостепенное значение. Македонская армия расширяется за счет наемников — фракийцев, иллирийцев и представителей других народностей. В Македонию увеличивается приток рабов. Упрочению власти македонских царей способствовало и то, что добыча железа, серебра и других металлов, а также использование лесных массивов превратились в их монополию. При Антигоне Македония контролировала выходы к Эгейскому морю, в связи с чем большие доходы стала приносить морская торговля.

При преемниках Антигона Гоната (Деметрии, Антигоне Досоне, Филиппе V — 221—179 гг. — и его сыне, последнем македонском царе Персее) Македония втягивается в длительную борьбу с Римом за господство на Эгейском море, Геллеспонте, островах и других территориях. Войны велись с переменным успехом, противники боролись не только силой оружия, но и дипломатическими средствами. Наиболее уязвимой из подвластных территорий была Греция, входившая в состав Македонского царства.

Между отдельными областями Греции в эллинистический пе-

риод наблюдались большие различия. Старые полисы — Афины, Спарта, Коринф и другие — продолжали находиться в состоянии экономического упадка. Многие даже состоятельные граждане этих полисов продавали или отпускали рабов на волю, а сами, покидая свои земли, вступали в наемнические отряды, эмигрировали на Восток или же уходили в большие города. В областях же, ранее не игравших существенной роли в истории Греции — Беотии, Фокиде, Локриде, Этолии и т. д., — происходил экономический подъем и рост рабовладения. Правда, и в старых полисах иногда бывали периоды некоторого оживления и подъема экономической и политической жизни, связанные с изменением внешнеполитической обстановки, которая в то время была очень сложной и противоречивой. Частые перевороты, смена правителей, восстания рабов, бунты наемников и т. д. — таковы характерные особенности истории Греции III—II вв. Эллада в течение многих лет была театром опустошительных войн и разорений.

Взаимоотношения Македонии и Греции определялись реальным соотношением сил. Опорой Македонии в греческих полисах служили наиболее богатые слои населения, которые боялись народных восстаний. Очагом антимакедонского движения все время оставались Афины, где прочнее всего сохранялись демократические традиции, несовместимые с македонским владычеством. Антимакедонское движение в Афинах еще более усилилось после смерти Александра. Вождем этого движения был *Гиперид*. Незадолго перед тем вернувшийся из Азии и находившийся на мысе Тенар в южной части Пелопоннеса вождь наемнических отрядов *Леосфен* на присланные из Афин деньги на вербовал отборный отряд наемников численностью в восемь тысяч человек и прибыл в Афины. Афиняне издали торжественный манифест, призывавший все греческие города к освободительной войне против Македонии.

Леосфен, заручившись поддержкой этолян, двинулся к Фермопильскому проходу и занял его, разбив беотян, союзников Македонии. Македонией управлял в то время *Антипатр*. У него было небольшое войско, и он вел военные действия против пограничных племен. Антипатр быстрым маршем двинулся в Фессалию, однако Леосфен нанес ему поражение, и тот со всей армией заперся в крепости Ламии. По имени этой крепости и война получила название *Ламийской* (323—322 гг.).

Поражение Антипатра вызвало взрыв энтузиазма по всей Греции. По постановлению народного собрания в Афины был возвращен Демосфен, живший после бегства из Афин на острове Эгине. К антимакедонскому движению присоединились также и пелопоннесцы, до тех пор державшиеся в стороне. Коринфский союз, служивший проводником македонского влияния, распался. Однако осада Ламии проходила не столь успешно, как это предполагалось. Военные действия под стенами Ламии затянулись,

пал Леосфен, пользовавшийся большой популярностью среди союзников. Между тем к Антипатру прибыли значительные подкрепления из Азии, он прорвал блокаду и, соединившись с войсками из Азии в долине *Краннона*, разбил союзную армию. После этого эллинский союз начал распадаться, отдельные государства вышли из него и заключили мир с Антипатром. Самыми последними сдались Афины и этоляне. Конституция Афин была изменена в олигархическом направлении. В аналогичном духе были изменены конституции и в других греческих городах, в которых у власти утверждались олигархи или тираны, дружественные Македонии. Так печально закончилась война за эллинскую свободу против македонского господства. В ряде греческих городов сторонники Македонии с триумфом, золотыми венками и почетными дарами приветствовали Антипатра. Гиперид и Демосфен бежали из Афин, но первый был схвачен на острове Эгине и казнен; Демосфен же покончил самоубийством на острове Калаврии.

Ламийская война нанесла тяжелый удар афинской демократии и греческой свободе. После разгрома Афинам трудно было подняться и объединиться для новой войны с Македонией. Лишь в середине следующего, III века Афины в союзе со Спартой и Египтом попытались сбросить македонское иго. Но и эта *Хремонидова война* (267—261 гг.), названная так по имени инициатора войны афинянина Хремониды, окончилась для греческих патриотов так же неудачно, как и предшествующая. После Хремонидовой войны Македония снова установила свою гегемонию над Грецией.

Греческие полисы после многочисленных войн были слишком ослаблены, чтобы противостоять натиску более сильных государств эллинистического периода. Поэтому многие из них объединяются в союзы, среди которых особенно большое значение имели *Этолийский* и *Ахейский*. В течение III в. Македония вела упорную борьбу с этими двумя союзами. Этолийский и Ахейский союзы представляли собой новый тип политических объединений, отличный от симмахий V в. Этолийский союз возник в конце IV в. Во главе союза стояли общины Этолии. В этот союз входили Мессения, Элида и другие области Средней Греции и Пелопоннеса, включавшие отсталые сельские общины. Союз имел федеративное устройство, основанное на признании равноправия и полной автономии входивших в него членов. Ни один член союза не имел гегемонии над другими. Все входившие в союз общины сохранили свой политический строй и самоуправление. В этом заключалось принципиальное отличие Этолийского союза от старых симмахий — Афинской и Спартанской. Высшая власть принадлежала общесоюзному собранию, собиравшемуся один раз в год в городе *Терме* в Этолии. В работе собрания могли принимать участие все граждане союзных общин. Военная власть

находилась в руках стратега и была ограничена специальной коллегией *апоклетов*.

Приблизительно на тех же принципах был основан и второй, Ахейский союз. Первоначально этот союз объединял несколько городов Пелопоннеса, к которым затем присоединились и другие города — Коринф, Сикион, Мегары и т. д. Города, входившие в Ахейский союз, имели единую систему веса и мер. Ахейский союз, как и Этолийский, стремился прежде всего защитить интересы имущих и подавить народные восстания. В Ахейском союзе в отличие от Этолийского преобладали аристократические элементы. В том и другом союзах высшее руководство фактически принадлежало стратегу. Среди стратегов Ахейского союза прославился *Арат* (271—213 гг.), который руководил союзом в течение 30 лет (с 245 г.). С его именем связан блестящий период в истории этого объединения. В это время был заключен союз с египетским царем Птолемеем III, что еще больше упрочило внешнеполитическое положение союза.

Однако попытки союза расширить сферу своего влияния привели к новым военным столкновениям с Македонией, Этолийским союзом и Спартой, на владения которой покушался Арат.

Внутреннее положение Спарты в III в. было еще менее устойчивым, чем в IV в. Источники сообщают о концентрации земель и богатств у небольшого числа лиц и массовом разорении свободных граждан — спартиатов. Процесс имущественного расслоения в Спарте начался гораздо позже, но протекал значительно быстрее и болезненнее, чем в какой-либо другой области греческого мира. Вся земельная собственность спартанской общины сосредоточилась в руках сотни богачей. Свои поместья спартанская знать использовала главным образом в качестве пастбищ, так как это требовало небольших затрат и приносило значительные доходы. Пастухами были илоты, жившие на землях богатых спартиатов.

Внешнеполитическое положение Спарты с середины IV в. резко ухудшилось. Финансовая помощь со стороны Персии и Сицилии прекратилась. После фиванских походов Пелопоннесский союз распался. И все же Спарта в IV—III вв. оставалась одним из самых сильных греческих государств. Наиболее дальновидные представители спартанских правящих кругов понимали необходимость реформ, направленных на восстановление могущества страны и предотвращение дальнейшего разорения спартиатов, являвшихся прежде опорой государства.

2. Реформы Агиса и Клеомена

Крупными событиями в социальной жизни Спарты в это время были реформы *Агиса* и *Клеомена*. Инициатива в проведении реформ исходила сверху, от спартанских царей, но одновремен-

но опиралась и на требования масс. Среди спартанских верхов в III в. большой популярностью пользовались сочинения философа *Сфера*, ученика основателя школы стоиков *Зенона*. В духе модной тогда стоической философии Сфер критиковал современное ему общество, упадок нравов, роскошь, богатство, корыстолюбие и в то же время превозносил старину и идеализировал древнюю спартанскую конституцию, строй Ликурга, которому он посвятил специальный трактат.

Последователем и горячим почитателем Сфера был спартанский царь Агис IV (245—241 гг.), а затем и Клеомен. Агис, говорит Плутарх в биографии этого царя, «своим умом и высокими качествами сердца»¹ превосходил не только своего соправителя царя Леонида, но и всех царей после Агесилая Великого. Став царем, Агис считал своей целью возрождение древней Спарты. Для этого он в духе учения Сфера прежде всего считал необходимым передать земли в руки государства и раздать их мелкими клерами безземельным спартиатам; кроме того, по его мнению, нужно было провести кассацию долгов. Агитацию за эти реформы молодой царь повел сначала среди правящего слоя, а потом и среди значительно более широких кругов свободного населения. Агитация Агиса имела успех. Среди аристократии нашлись люди, которые отчасти по идейным, а отчасти по корыстным соображениям примкнули к партии реформ. Агиса поддерживали его дядя Агесилай, мать Агесистрата, Лисандр, потомок прославившегося в Пелопоннесскую войну Лисандра, и некоторые другие богатые и влиятельные люди Спарты.

К сожалению, наши сведения об Агисе очень неполны и односторонни. Плутарх оценивает Агиса преимущественно с моральной точки зрения и все реформы объясняет моральными побуждениями юного идеально настроенного правителя: В действительности же дело, по-видимому, обстояло иначе. Агис, как и следовавший за ним Клеомен, стремился превратить Спарту в военно-бюрократическое государство эллинистического типа с централизованной (царской) властью и утвердить спартанскую гегемонию в Пелопоннесе. Для этого было необходимо реформировать государственный строй Спарты и увеличить число полноправных и боеспособных спартанцев, обеспечив их землей.

Первоначально Агис рассчитывал провести свою реформу через эфорат и для этого в 243 г. провел в эфоры своего сторонника Лисандра. Избранный эфором, Лисандр немедленно внес законопроект в герусию, высший государственный орган Спарты. Герусия отклонила предложение Лисандра, и он перенес законопроект в апеллу. В апелле в роли защитника законопроекта выступил сам Агис, отказавшийся в пользу государства от своих обширных поместий ценностью 600 аттических талантов. Агис

---

¹ Плутарх, *Агис*, IV.

ратовал за восстановление ликургова строя. «Я хочу,— говорил Агис,— изгнать из Спарты сребролюбие и гордость. Я боюсь, что различие в образе жизни и порча нравов внесут рознь и разложение в наше государство...» По внешнему виду и образу жизни царь Агис походил на рядового гражданина. Следуя философам кинической школы, он носил короткий плащ, длинные волосы, вел суровый образ жизни и ел простую пищу.

Выступления Агиса настроили против него олигархов, называвших царя-реформатора эгоистом, стремящимся к установлению в Спарте тирании. В следующем, 242 году положение еще более обострилось, срок полномочий Лисандра истек, и он вышел из состава эфората. В новый эфорат входили исключительно одни олигархи. После этого Агис вынужден был прибегнуть к более решительным мерам: разогнать эфорат, открыть долговые тюрьмы и кассировать долги. Долговые квитанции были собраны в одну кучу и сожжены на площади. Стремясь поднять боеспособность спартанской армии, Агис предложил дать земельные участки 19 500 спартиатам и перизкам. Одновременно Агис предлагал наделить перизков гражданскими правами. До передела же земель дело не дошло, так как царь должен был поспешно уехать на войну с этолянами, вторгшимися в Пелопоннес.

Воспользовавшись отъездом царя, противники реформ переубедили граждан, отменили реформу и предали суду самого реформатора. После возвращения с театра военных действий Агис был обвинен в стремлении к тирании и приговорен к смертной казни. Агис, а также его мать и бабка были задушены в тюрьме.

Однако смерть Агиса не обезглавила начавшегося движения. Через несколько лет продолжателем дела Агиса выступил новый царь, Клеомен III (235—221 гг.), женатый на вдове Агиса. Из опыта Агиса Клеомен извлек много для себя полезного. Было ясно, что реформу можно провести лишь насильственно, путем военного переворота, уничтожив эфорат и герусию, препятствовавших ее проведению. Война с Ахейским союзом, стремившимся утвердить свою гегемонию во всех городах Пелопоннеса, дала возможность молодому царю продемонстрировать свои незаурядные военные способности. После одной из побед над ахейцами Клеомен с отрядом наемников двинулся в Спарту и совершил государственный переворот. Воины Клеомена ворвались в сисситии, где находились эфоры, выбросили их кресла, а самих убили. 80 самых влиятельных и выступавших против реформ олигархов были изгнаны, эфорат и герусия уничтожены. «Если бы эфоры,— говорил в народном собрании Клеомен,— не так злоупотребляли своей властью, то их можно было бы еще терпеть, но теперь они превзошли всякую меру терпения. Они совершенно уничтожили царскую власть, возвысив свою собственную; по своему произволу они изгоняют одних царей,

предают суду и убивают других. Своими врагами эфоры объявляют всех, кто стремится восстановить конституцию Ликурга»¹.

В заключение Клеомен подчеркнул, что если бы он мог мирным путем вылечить Спарту от всех «занесенных извне болезней» — неги, роскоши, долгов и займов, а самое главное, от источника всех пороков — бедности и богатства, то считал бы себя самым счастливым из всех царей мира.

На следующий день после переворота Клеомен созвал народное собрание с целью объяснить совершившийся переворот и приступить к реорганизации государства на новых началах, кассации долгов и переделу имуществ. Передел имуществ значительно увеличил число граждан и боеспособных воинов, и, кроме того, в гражданские списки было занесено несколько тысяч перизков, благодаря чему спартанское ополчение стало представлять теперь внушительную силу. Экономические мероприятия Клеомена были лишь прелюдией дальнейших его политических и социальных реформ. Клеомен стремился воспитать спартанское юношество в духе стоической философии. Он мечтал переделать людей, сделать их «хорошими во всех отношениях». Поэтому Клеомен, по сообщению Плутарха, обращал особое внимание на воспитание и образование молодежи. Спартанская молодежь проводила время в учении, гимнастических и военных упражнениях. Руководил воспитанием царь, который сам был примером простоты, скромности и умеренности. Внешний успех реформ был полный. Популярность Клеомена в Спарте возросла.

«Клеомен, — пишет Плутарх, — возбудил огромное удивление своей энергией и умом. Те, которые раньше смеялись над ним, когда он говорил, что, провозглашая кассацию долгов и передел земель, он берет пример с Солона и Ликурга, теперь вполне верили, что виновником всех перемен, происшедших в спартанцах, был именно он, а не кто-либо другой»².

Проведенная Клеоменом реформа влила новые силы в спартанскую общину, подняла престиж царской власти и сделала Спарту способной на новые войны и победы. Результаты преобразований не замедлили сказаться в войне с Ахейским союзом. В этой войне Клеомен, опираясь на свои войска, добился успехов. Отряды Клеомена вызывали всеобщее удивление и восхищение. На Клеомена смотрели как на избавителя от всех бед и провозвестника новой жизни. Масса бедного люда в городах Пелопоннеса, через которые двигались спартанцы, переходила на сторону Клеомена или же выражала ему сочувствие, готовая по его первому приказу начать расправу со своими

---

¹ Плутарх, *Клеомен*, 10

² Плутарх, *Клеомен*, 7, 8, 10, 23.

олигархами-богачами. Повсюду народ требовал кассации долгов и передела земли. Аркадия, Аргос, Коринф и часть Ахайи подержали Клеомена.

Тогда глава Ахейского союза и фактический его диктатор Арат, боясь вспышки демократического движения и не видя иного выхода, вступил в переговоры с македонским царем *Антигоном Досоном*. Классовые интересы побудили Арата отказаться от всего достигнутого за предшествующие годы в борьбе с Македонией. Он и сам был богатым человеком и защищал интересы богатых.

На помощь Арату двинулся македонский царь с 40-тысячным войском. Он нанес несколько поражений спартанцам, прорвался в Пелопоннес и захватил города Орхомен, Мантиней и другие, подвергнув их жестокому разгрому. На этом Антигон, однако, не остановился. Его целью был разгром Спарты. Положение для Клеомена становилось критическим. Окруженный врагами, он прибегнул к крайнему средству: призыву в армию илотов. По одной версии, шести, а по другой — девяти тысячам илотов разрешено было откупаться за пять аттических мин, что составляло очень большую сумму. Сколько же илотов было в Спарте III в., если девять тысяч из них располагали средствами для выкупа! Но и это, однако, не спасло положения. На подступах к Лаконике, в теснинах Селласии, в 221 г. Клеомен потерпел полное поражение, потеряв большую часть своей 20-тысячной армии. Победу одержала Македония. Клеомен бежал в Египет к своему союзнику Птолемею Эвергету и там через несколько лет погиб.

3. Позднегреческая тирания

Антигон и Арат торжествовали победу. Реформы Клеомена в Спарте были отменены. Эфорат и герусия восстановлены. Законы об уничтожении долгов и переделе земли аннулированы. Эмигранты получили право возвращения на родину, царская власть была уничтожена. Спарту вынудили войти в состав Македоно-Ахейского союза, возглавляемого македонским царем. Внешне реакция торжествовала полную победу, но она не могла решить кардинальных вопросов, волновавших спартанское общество. Имущественное неравенство продолжало возрастать, а следовательно, увеличивалось число деклассированных элементов.

Классовая борьба в Спарте крайне обострилась и в условиях своеобразного и примитивного спартанского строя выливалась в форму заговоров, покушений, восстаний и т. д. Дело дошло до того, что однажды заговорщики во время праздника захватили арсенал, перерезали «старцев» и на короткое время восстановили царскую власть. Вождями всех недовольных существу-

ющим строем как свободных граждан-спартиатов, так и неодамодов и бесправных илотов, были тираны. Наиболее значительным и известным из всех спартанских тиранов эллинистической эпохи был *Набис* (207—192 гг.). В известной мере Набиса можно рассматривать как преемника и продолжателя царей-реформаторов Агиса и Клеомена. Помимо наемников, Набис опирался на поддержку и сочувствие всех деклассированных элементов, свободных и рабов.

Набис распределял конфискованные земли и богатства между своими сторонниками, набирал наемников и администраторов, не делая различия между свободными и рабами. Таким образом, политика Набиса подрывала основы рабовладельческого общества.

В течение 15 лет Набис стоял во главе Спарты и пользовался исключительной симпатией широких масс населения.

Набис вступил в борьбу с Ахейским союзом, Македонией, а затем и римлянами. Вначале римляне поддерживали Набиса, используя его как орудие в борьбе с остальной Грецией и Македонией, но потом заключили союз с его главным врагом — Ахейским союзом. В 195 г. войско Набиса было разбито и власть его ограничена территорией Спарты; через три года он потерпел поражение в борьбе с ахейцами и был предательски убит в Спарте во время военного смотра. После этого Спарта вошла в Ахейский союз.

В высшей степени интересной по сложности внутренних и внешних событий представляется в эллинистическую эпоху история *городов Великой Греции*. После ослабления Сицилийской державы при преемниках Дионисия она вновь возродилась при тиране *Агафокле*, в конце IV в.

История Агафокла, прошедшего путь от простого горшечника до «царя Запада», типична для эллинизма и позднегреческой тираннии. На примере Агафокла можно конкретно проследить процесс установления тираннии.

Агафокл родился в Сицилии, в городе Термах. Он происходил из небогатой семьи и в молодости занимался изготовлением горшков; отсюда и его прозвище «Горшечник». Переселившись в Сиракузы, Агафокл сблизился с влиятельным и богатым гражданином Дамасом. Во время войны с Акрагантом Дамас был назначен командующим сицилийскими наемниками и взял к себе в качестве помощника Агафокла. Уже в первых походах Агафокл зарекомендовал себя прекрасным полководцем, выносливым и сообразительным, пользовавшимся расположением воинов. После смерти Дамаса Агафокл женился на его вдове и стал одним из первых богачей Сиракуз.

Опасаясь тиранических наклонностей Агафокла, сиракузский совет шестисот, во главе которого стоял олигарх Сосистрат, отказал Агафоклу в награде, что сблизило его с демократами.

Обиженный Агафокл вынужден был уйти в изгнание и искать поддержки у своих наемников. К наембованному им отряду наемников, состоявшему из греков, италиков, галлов и т. д., присоединилась масса сельской и городской бедноты.

С этим отрядом Агафокл ворвался в город и потребовал двух важнейших представителей совета шестисот под предлогом совместного обсуждения государственных вопросов. Когда представители совета явились, Агафокл стал обвинять их перед войском и собравшимся народом в пренебрежении к общегосударственным и народным интересам и в стремлении низвергнуть демократию. Речь Агафокла имела успех. Солдаты и беднота, лишенные земли и обремененные долгами, бросились громить дома и избивать олигархов. «Сиракузский погром» продолжался два дня и стоил жизни тысяче граждан.

После этого Агафокл созвал экстренное народное собрание, на котором объявил народу причины избиения. Целью избиения, говорил он, было желание очистить город от людей, стремившихся к диктатуре и покушавшихся на народные права. Агафокл согласился принять на себя обязанности стратега с неограниченными полномочиями (стратег-автократор). Так, в 316 г. в Сиракузах был совершен государственный переворот и установлена тирания Агафокла.

В течение последующей 28-летней истории своего правления Агафокл вел непрерывные войны с Карфагеном, сицилийскими и южноиталийскими городами. В 310 г. он высадился на африканском побережье, захватил несколько городов и подошел к Карфагену. Но в это время в Сицилии вспыхнуло восстание городов, подчиненных Агафоклу. Он оставил свою армию на произвол судьбы в Африке, вернулся в Сицилию и подавил восстание. Однако армия Агафокла погибла, и попытка разбить карфагенян на африканской территории не увенчалась успехом. Западная часть Сицилии по-прежнему осталась за Карфагеном.

Сиракузы при Агафокле превратились в сильное государство. Однако держава Агафокла, социальную опору которой составляли наемники-иностранцы — греки, самниты, этруски, кельты и лигуры, не отличалась внутренней устойчивостью и распалась вскоре после смерти ее основателя (289 г.).

ГЛАВА XX

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

1. Техника и наука

Отличительными признаками эллинистической культуры являются синкретизм эллинских и местных элементов культуры, космополитизм, индивидуализм и преобладание естественно-математических и технических дисциплин над гуманитарными.

Всем научным дисциплинам эллинистического периода свойственно богатство фактического материала, его систематизация, большой научный аппарат и в то же время сравнительная бедность оригинальных идей. Расцвет эллинистической культуры падает на первые века эллинизма (IV—III). Упадок хозяйственной жизни, рост деспотизма и снижение общественной и личной инициативы во II в. отрицательно сказались на научной и художественной деятельности.

Среди отраслей научного знания в эллинистическую эпоху одно из первых мест занимала военная и строительная техника и связанные с нею дисциплины. Прогресс военной техники и военного искусства был обусловлен усложнившимися военными задачами и переходом к профессиональной наемной армии. Еще во время Пелопоннесской войны появились осадные орудия, тараны, черепахи-навесы, защищавшие осаждающих от копий и стрел, камней и свинца, и метательные машины — катапульты и баллисты, выбрасывавшие на большие расстояния длинные стрелы и огромные камни.

При осаде Родоса (304 г.) Деметрий Полиоркет использовал гигантскую осадную машину *гелеполу* («берущую города»). Гелепола имела девять этажей и была поставлена на колеса. 3500 человек должны были прокладывать дороги и копать рвы для передвижения этой машины. Во время осады Сиракуз римлянами (213 г.) осажденные сиракузцы пустили в ход механические приборы Архимеда, зацеплявшие крюками римские корабли и топившие их.

Осадные орудия применялись не только при осаде городов, но и во время морских боев, что привело к изменениям в конструкции судов. Старые триеры, не приспособленные для перевозки громадных боевых машин и многочисленного экипажа, вытесняются многовесельными (20-, 30- и 50-весельными), многоярусными (пяти-, восьмиярусными и более) кораблями. О характере военных кораблей-гигантов можно судить по описанию, приведенному Плутархом в биографии Деметрия Полиоркета. По приказу Птолемея Филопатора был построен огромный корабль (тессароконтера) длиной 280 футов, шириной 38 футов и высотой в носовой части 48 футов; расстояние от вымпела до подводной части составляло 53 фута. Корабль имел два носа, две кормы и семь таранов. Весла были налиты свинцом и легко скользили в уключинах. На корабле находились четыре тысячи гребцов, 400 человек прислуги, три тысячи экипажа и большой запас провианта.

Примеру Филопатора последовал его современник, сиракузский тиран *Гиерон II* (269—214 гг.). Гиерон собрал отовсюду корабельных мастеров, поставил во главе их коринфского архитектора *Архия* и приказал построить корабль по всем правилам тогдашней науки и техники. Колоссальными усилиями

многочисленных мастеров был построен 20-весельный многоярусный корабль с тремя коридорами для груза, пассажиров и военной команды. На корабле существовали каюты для мужчин и женщин, прекрасно оборудованная кухня, столовая, крытые портики, галереи, гимнастические палестры, сараи, погреба и мельницы. На борту корабля было восемь башен, а также катапульта. Все это наглядно свидетельствует о высоком уровне военной техники и науки эллинистических государств, тративших огромные средства на военное дело.

В эллинистический период прогресс наблюдался не только в военной, но и в производственной технике.

Постройка крепостей, дворцов, гигантских судов, маяков, добыча руд, изготовление машин и инструментов, приготовление красок предполагали высокую степень развития технических знаний и точных наук.

Настоящий переворот произвело изобретение *архимедова винта* для откачивания воды с кораблей и орошения, а также *водяной мельницы*. Ряд усовершенствований был достигнут в горном и мукомольном деле — двух главных отраслях античного производства. Однако эти изобретения не получили широкого распространения.

Прогресс в ткацком производстве Египта связан с переходом от вертикального станка к горизонтальному; в кузнечно-слесарном — с усовершенствованием горна и молота; в гончарном — с распространением печей для обжига. Немало открытий было сделано и в изготовлении красок, выдувании стекла и выделке кож. Изобретение *триспаста* — подъемного механизма, представляющего собой систему блоков и рычагов, — также восходит к эллинистическому Востоку.

Об интересе к механическим изобретениям дает представление театр кукол, напоминающий наши театры марионеток. В этом театре все делалось автоматически. Автоматически появлялись куклы, зажигались и гасли огни и т. д. Знаменитый математик и механик Герон для приведения кукол в движение использовал силу пара, создав первый в мире паровой двигатель.

И тем не менее столь блестящее начало не получило достойного развития. Технический прогресс в условиях античного мира носил поверхностный характер и не шел вглубь. Промышленного переворота он не произвел. Причина этого, как указывалось выше, коренилась в совокупности условий рабовладельческого способа производства.

Не случайно, что в эллинистической технике наибольшее число изобретений касалось военной и строительной техники (подъемников, передачи силы на расстояние и т. д.). Усовершенствований в области ручных (рабочих) механизмов почти не было.

От техники неотделима *наука*. В классической Греции ведущее место принадлежало философии, которая определяла все остальные науки. В эллинистическую эпоху философия дифференцируется: с одной стороны, она превращается в специальную систему знаний о мире, близкую к физике, а с другой — сливается с этикой (наукой о человеческом поведении) и религией. В связи с развитием техники больших успехов достигли естественные науки.

Основой научного знания была математика и родственные ей дисциплины — механика и естествознание (в широком смысле). Центром естественно-математических дисциплин являлась египетская *Александрия* с ее знаменитой библиотекой. Во главе александрийской школы математиков стоял *Эвклид* (III в.), стяжавший мировую славу своими «Элементами математики», отличающимися простотой и ясностью мысли. В этом произведении Эвклид обобщил научные достижения математики своего времени.

Кроме Эвклида, из александрийской школы вышел *Эратосфен* из Кирены (276—194 гг.), знаменитый математик, географ, филолог, философ и астроном, глава Александрийской библиотеки. Эратосфен считал, что земля шарообразна. Ему удалось с относительно большой точностью определить длину окружности земного шара. Современником Эратосфена был *Архимед* (285—212 гг.), основоположник теории механики и гидравлики, который установил основной закон гидростатики, определил отношение длины окружности к диаметру (число π), создал теорию рычагов. Он заложил также фундамент исчисления бесконечно малых и бесконечно больших величин.

Выдающимся математиком и астрономом эллинистической Греции является *Гиппарх* (160—125 гг.), проживавший на Родосе и в Александрии. Путем сложных математических вычислений и наблюдений Гиппарх определил величину солнца, луны и земли, установил характер их движения и расстояние от земли и положил начало гелиоцентрической системе, легшей в основу системы Коперника.

Гиппарх составил руководство по сферической, а александриец Герон — по плоскостной тригонометрии. В области физики следует отметить перипатетика *Стратона* (III в.). Он во многом освободил аристотелевскую натурфилософию от присущих ей метафизических элементов. Все явления мира Стратон выводил из внутренних (имманентных) необходимостей, объясняя мировые процессы механическими законами.

Высокого уровня развития достигла в эллинистический период медицина, пользовавшаяся особым покровительством болезненного Птолемея Филадельфа, искавшего «жизненный эликсир». Птолемея не только оказывал медицине материальную поддержку, но и разрешал анатомирование трупов преступников,

что чрезвычайно расширило сферу экспериментальной медицины. Теоретическому прогрессу медицины в немалой степени способствовало соперничество между различными медицинскими школами — косской и книдской, т. е. догматической и эмпирической. Каждая из этих школ имела достижения в области анатомии и физиологии, в исследовании функций сердца, кровообращения и деятельности мозга.

О повышении интереса к сельскому хозяйству и агрономии свидетельствует большое число агрономических трактатов, написанных в эллинистическую эпоху. На первом месте стоят сводные трактаты по ботанике, агрономии и общему естествознанию *Феофраста* (372—287 гг.), ученика Аристотеля и главы перипатетической школы. Феофраст подробнейшим образом исследует качества почвы, ее водоемкость и водопроницаемость, химический состав, качества и вес семян, различные породы растений, сорта естественных и искусственных удобрений, устройство запруд и плотин, описывает разные виды сельскохозяйственных орудий и многое другое. Феофраста с полным правом можно считать основателем науки о почвоведении и ботаники в древнем мире. Но, к сожалению, из сочинений Феофраста по ботанике, зоологии и минералогии сохранились лишь небольшие отрывки. Широкой известностью у современников и последующих поколений пользовался трактат Феофраста «Об этических характерах», в котором описываются типы характеров людей (честолюбивые, суеверные, хвастливые и т. д.).

2. Искусство и литература

Эллинистическое искусство возникает в конце IV в. в связи с широким распространением в странах Египта и Передней Азии греческой культуры, слиянием ее с местными художественными традициями и созданием новой, своеобразной культуры.

В эпоху эллинизма *архитектура* интенсивнее всего развивается на Востоке. Все большее значение приобретает светская архитектура. Города планируются правильными кварталами с прямыми улицами и прямоугольными площадями. Такая планировка не была принята в Греции предшествующей эпохи, лишь архитектор *Гипподам* из Милета (V в.) разрабатывал подобные планы городов. Расположенная в устье Нила Александрия (основана в 332—331 гг.) была спланирована архитектором *Динократом*. Ширина главных улиц города достигала 30 метров. Больше четвертой части площади города занимали царские дворцы, в состав которых входила и Александрийская библиотека (Музейон). Не менее ярким примером эллинистического города является *Приена* в Малой Азии.

В центре города на холме был воздвигнут акрополь, посередине Нижнего города располагалась площадь, окруженная колоннами. Здесь находился *храм Афины*, построенный около 334 г. Пифеем, *эκκлесиастерий* — место народных собраний, гимнасий, правительственные дома и другие сооружения.

В эпоху эллинизма возводятся очень большие частные дома и общественные здания. Храм утрачивает свое значение центра города. Строятся обширные административные сооружения, как, например, *булевертий* в Милете. Эллинистической архитектуре свойственно стремление к грандиозности, пышной отделке, что обусловило отказ от простоты и гармонии классической архитектуры.

Тяга к монументальности и внешним эффектам характеризует многие произведения эллинистической *скульптуры*. Ученик Лисиппа *Харес* отлил статую бога солнца Гелиоса высотой в 32 метра, известную под названием «Родосского колосса».

Скульптор создавал эту статую в течение 12 лет, и стояла она не менее 300 талантов. Статуя простояла около 50 лет и была разрушена во время землетрясения (227 г.).

Одно из самых чудесных произведений эллинистической скульптуры — *статуя Победы — Ники* с острова Самофракии. Несмотря на то что статуя очень плохо сохранилась, она до сих пор производит большое впечатление. Художник сумел в мраморе передать ощущение быстрого движения, бурной радости, победного порыва.

Подлинным и непревзойденным шедевром эллинистического искусства остается статуя Афродиты с острова Мелоса, так называемой *Афродиты Милосской* работы скульптора Александра. В этой великолепной статуе удивительно сочетаются идеальная

Афродита Милосская. Паросский мрамор. II в. до н. э.

Аполлон Бельведерский. IV в. до н. э.

красота и трепетная жизненность. В ней как бы сконцентрировалось все то лучшее, что дала миру античная пластика,— строгая простота, тонкое умение передать внутреннюю жизнь человека, свойственное IV в., и страстная одухотворенность эллинистической эпохи.

Напряженный драматизм отличает большинство эллинистических скульптур. Трагизм положения и беспомощность человека перед лицом смерти с поразительной силой и художественным мастерством переданы в скульптурных рельефах *Пергамского алтаря* (битва богов с гигантами). Эти рельефы образуют

громадный (180 метров длины и 2—3 высоты) фриз, опоясывающий подножие алтаря. Алтарь был сооружен около 180 г. до н. э. в честь победы пергамцев над галлами. Этой же войне, познакомившей греков с галльским народом, обязаны своим созданием (в конце III в.) статуи побежденных галлов, воздвигнутые при царе Аттале I у святилища Афины. В этих статуях искусно передан этнический тип галлов, их мужество, стойкость в борьбе. Даже побежденные, умирающие, они внушают уважение. Пергамские мастера, показывая силу и гордость врагов, подчеркивали значительность своей победы.

Особенно отчетливо трагические мотивы звучат в *искусстве родосской школы*. Предсмертные муки людей необычайно мастерски и впечатляюще переданы в прославленной группе *Лаокоона*. Известная скульптурная композиция «Фарнезский бык», также изображающая трагический эпизод — казнь Дирки, отягчена излишними подробностями, снижающими выразительность произведения.

Пышная и изысканная декоративная скульптура получила свое развитие в творчестве александрийских мастеров. Здесь же, при дворе александрийских царей, достигла высокого совершенства *глиптика* — резьба гемм — миниатюрных рельефов на самоцветных камнях. Один из таких камней, имеющих мировую известность, так называемая «Камея Гонзага» с портретами Птолемея и Арсиной находится в Ленинградском Эрмитаже.

Очень интересны *фаюмские портреты*, исполненные неизвестными художниками. Они написаны на деревянных досках и поражают разнообразием красок и мастерской передачей выражения лица.

Самостоятельную отрасль художественного творчества представляла мозаика — искусство создавать картины или орнаменты из разноцветных кусков мрамора или стекла.

Статуэтка из Танагры. Лувр

Широкое распространение в IV—III вв. и позднее получили жанровые статуэтки из обожженной глины (*терракоты*), найденные как в самой Греции, так и в других областях, подвергшихся влиянию эллинской культуры. Особенно хороши статуэтки женщин из беотийского города Танагры. Своеобразная прелесть танагрских статуэток — в пластичности их форм и изумительном сочетании тонов красок. В жанровых терракотах прекрасно отражен греческий быт.

Изобразительное искусство преследовало как художественно-эстетические, так и практические цели. Теория и практика в классической и в особенности в эллинистической Греции дополняли друг друга. Художественная промышленность на всех этапах развития греческого общества занимала одно из первых мест в производстве.

Отличительные черты эллинизма — космополитизм, синкретизм и индивидуализм — нашли свое выражение и в *литературе* эллинистического периода.

Чем дальше, тем все более уходили в область истории божественные и героические сюжеты, уступая место реалистическому жанру. На смену богам приходили люди. Отношения людей и их страсти составляют содержание нового вида литературы, возникшего с конца Пелопоннесской войны, — бытовой *комедии*. Главными действующими лицами новой (послеаристофановской) комедии являются бытовые персонажи: глупый сапожник, крестьянин, повар, врач, аптекарь, музыкант, прорицатель, особенно часто военные, гетеры, рабы и т. п. Реализм, психологизм и индивидуализм — вот черты, характеризующие новый литературный жанр. Общественные и философские мотивы заглушаются мотивами личного характера. Писателей интересуют не социальные проблемы, а сюжеты из быта, обыденной жизни. Они стремятся увести людей от наиболее животрепещущих вопросов социальной жизни. Любовные интриги, военные авантюры, сатиры на отдельных лиц и целые профессии (сапожников, солдат, гетер, рабов и пр.) — таково содержание новой комедии. Равнодушие к общественным вопросам в комедии свидетельствовало о безразличии к общественно-политическим вопросам в жизни.

Из комедийных поэтов наибольшей известностью пользовался афинянин *Менандр* (343—293 гг.). Комедии Менандра ранее были известны главным образом по переделкам римских писателей Плавта и Теренция. В конце же XIX в. были найдены папирусы, содержащие значительные отрывки из произведений самого Менандра. Благодаря этому наши сведения об афинском поэте и характере его произведений значительно расширились.

Менандр довел греческую бытовую комедию до совершенства. Увлекательные, изящно написанные, расцветенные иронией и юмором комедии Менандра пользовались шумным успехом у

Театр в Эпидавре. IV в. до н. э.

театральной публики. Напротив, классические трагедии и комедии уже не производили на зрителей такого сильного впечатления, как раньше. Из старых трагиков дольше других сохранял популярность Эврипид.

Изменилась также и театральная техника. Отпал главный элемент классической трагедии и комедии — хор, и увеличилось число действующих лиц. Была усовершенствована театральная мимика и игра актеров, введен балет. Кроме того, возросло значение декораций. Все это, конечно, предполагало иные театральные вкусы, иного зрителя и иную роль театра. По мере того как угасала политическая жизнь полисов, театр из политического и воспитательного учреждения превращался в зрелищно-увеселительное, место отдыха и забавы.

Из литературных жанров, кроме бытовой комедии, больше всего по вкусу публике приходились идиллии, сентиментальные романы, мимы, элегии, кинические диатрибы, эпиграммы и т. д. Субъективизм и реализм в этих произведениях переплетались с нравочужениями, сентиментализмом и эротикой.

Высокого совершенства в составлении *идиллий* — художественных картин из сельской жизни — достиг *Феокрит* (род. в 305 г.). Родина Феокрита — Сиракузы. Он подолгу жил при дворах сицилийского тирана Гиерона и египетского царя Птолемея Филадельфа. Феокрит вводит в свои идиллии простых деревенских людей — земледельцев, рыбаков и в особенности пастухов (буколов) и пастушек. Однако, несмотря на искреннее стремление Феокрита к простоте и непосредственности, ему все-таки не удается избежать надуманности и дидактизма, вычурности и сентиментальности.

Для поэзии Феокрита, как и для творчества многих других поэтов и писателей его времени, характерно также раболепие перед носителями верховной власти и вообще влиятельными и богатыми людьми. Ведь писатели и поэты, художники и ученые в эллинистическое время обычно жили при царских дворах. Цари, их придворные и просто богатые люди любили играть роль меценатов, покровителей наук и искусств. Поэтому пышно расцветает придворная поэзия, восхваляющая и обожествляющая царей, и вся литературная продукция эллинистической эпохи испытывает влияние придворного быта и нравов.

Большой известностью пользовался и александрийский поэт *Каллимах* (род. в конце IV в., умер между 240 и 230 гг.).

Каллимаху принадлежало много произведений; характерной чертой его творчества была нарочитая ученость, искусственность и манерность. Это направление поэзии Каллимаха носит название *александринизма*. Его поэма «Происхождения» представляла собой сборник разных преданий, объясняющих названия городов. Каллимах составлял также гимны и эпиграммы. От произведений Каллимаха сохранились лишь фрагменты и

подражания ему других поэтов. Его поэзия служила, в частности, образцом для выдающихся римских поэтов Катулла и Проперция.

Интересной формой художественной литературы являются *диатрибы*. Сам гермин «киническая диатриба» подчеркивает связь ее с кинической философией. В форме диатриб, представляющих собой смесь прозы и стихов, в которых серьезные мысли переплетаются с юмористическими и проникнутыми сарказмом сценками, киники распространяли свою философию среди народных масс. Впоследствии диатрибы превратились в один из любимых видов эллинистической поэзии. Высокого мастерства в составлении мимов и диатриб достиг *Геронд*, с произведениями которого познакомили нас папирусы. В них поэт описывал впечатления от каких-либо мимолетных жизненных эпизодов, давал остроумную характеристику лиц или событий.

Особым родом литературы были *социальные романы-утопии Эвгемера, Ямбула* и других писателей. В них описывались фантастические страны, «острова блаженных» и «солнечные царства». Романы-утопии давали выход творческой фантазии, уводили людей от утомительной городской жизни в чудесную Индию и счастливую Аравию с их сказочной, великолепной природой. Там все прочно и устойчиво: с математической точностью повторяются приливы и отливы моря, одинаковую продолжительность имеют дни и ночи, богатейшая растительность радует глаз, масла и вина хватает всем, плоды тростника сами собой превращаются в сладкий хлеб, вечно сияет солнце. Люди «солнечного царства» (гелиополиты) обладают цветущим здоровьем, правильно сложены, живут до 150 лет и, достигнув глубокой старости, сами себя лишают жизни. Больных и инвалидов в «солнечном царстве» не бывает, нет также врачей — все делает

Эрот с луком. Римская копия греческой статуи. IV в. до н. э

Статуя пожилой женщины эллинистического времени

сама природа. Гелиополиты поклоняются солнечному диску и звездам, как самым святым и чистым созданиям природы. Живут они группами по 300—400 человек в каждой. Во главе группы стоит патриарх (родовой царь, или филобасилей).

Частной собственности в гелиополисе не существует так же, как и семьи. Жители «островов блаженных» образуют общину жрецов, земледельцев и воинов. Все они обязаны трудиться, рабов нет, а собственность общая. На лоне роскошной природы гелиополиты усердно занимаются науками, в особенности астрономией, наблюдая за жизнью их главного бога — неба. Эвгемер и Ямбул, рисуя идеальную жизнь фантастических островов, критикуют современный им общественный строй. Жизнь, как уже было сказано, представляла разительный контраст тому, что изображалось в утопиях и романах. Люди, не удовлетворенные действительностью, уставшие и не видевшие выхода из своего положения, стремились хотя бы в мечтах перенестись в дальние страны и превра-

титься в граждан «солнечного царства». Во время восстания Аристоника учение о «солнечном острове» нашло отражение в лозунгах восставших.

Элемент фантастического и чудесного содержится и в *исторических произведениях эллинизма*. Военные походы и экспедиции, впечатления купцов и путешественников доставляли богатый материал историку, открывали дотоле неведомые страны, знакомили с бытом, культурой, языком и верованиями других народов. На этой почве зарождались идеи всемирной истории, этнографии и исторический роман.

Большинство эллинистических историков были придворными историографами, что, естественно, не могло не отразиться на их исторических концепциях и оценках. Наиболее известными историками эллинистической эпохи являются *Феопомп* с острова Хиоса (IV в.), *Эфор*, *Диодор Сицилийский*, *Полибий* (201—120 гг.).

Параллельно с художественной и исторической литературой существовали научная литература, языкознание и филология. В эллинистическую эпоху была проведена колоссальная работа по собиранию материалов, критической оценке и систематизации произведений старых писателей и поэтов, составлены словари и оглавления книг. Одновременно тексты освобождались от позднейших наслоений, вставок (интерполяций) и искажений.

Критика ученых-филологов часто была чрезмерно педантична и придирчива. Крупнейшими критиками того времени были *Зенодот*, *Аристофан*, *Аристарх* и другие. Кроме того, большую ценность представляют сводные работы *Дионисия Фракийского* (II в.). Дионисий умело систематизировал учения предшествовавших грамматиков.

3. Александрийский музейон. Философия

Центром научно-литературного творчества была египетская Александрия, по имени которой и весь эллинистический период греческой литературы иногда называют *александрийским*. Из различных греческих городов сюда приезжали ученые, чтобы заниматься научными исследованиями.

Средоточием научно-педагогической деятельности был *Александрийский музейон* — одновременно высшая школа, научный институт и колоссальная библиотека. В I в. до н. э. в александрийском книгохранилище насчитывалось до полумиллиона рукописей, привезенных из различных стран мира. Один только «Каталог сочинений, просиявших во всех областях образованности», включал 120 книг. К сочинениям каждого автора прилагался комментарий; из таких комментариев впоследствии была составлена особая литература (*схолии*), служащая в некоторых случаях ценным источником при изучении античной истории. Составителем «Каталога» был упомянутый выше Каллимах, поэт и филолог, хранитель царской библиотеки. Каллимах — яркий представитель александрийских ученых, обладал самыми разнообразными знаниями. Ему приписывали 800 сочинений, написанных прозой и стихами, по истории, грамматике, поэзии и т. д. Учениками Каллимаха были *Эратосфен* и *Аполлоний Родосский*, занявший после смерти Каллимаха должность царского библиотекаря.

Помимо Александрийского, музейоны имелись в Антиохии. Пергаме, Сиракузах и других крупных городах. Эллинистические правители не жалели средств на пополнение и содержание библиотек, рассматривая их как одно из средств укрепления своего авторитета в глазах общественного мнения внутри страны и за ее пределами.

Однако в литературных произведениях эллинистической эпохи чем дальше, тем все более отчетливо проступали отрицательные черты александринизма — риторика и дидактика, нарочитая ученость, сентиментализм и утрата чувства меры. Все это свидетельствовало о разрыве между литературой и жизнью, что неизбежно приводило к вырождению и оскудению научно-художественного творчества.

Как и вся эллинистическая культура, *философия* этого времени также лишена внутренней цельности. Для нее характерен эклектизм, смешение различных философских систем. Из философских систем наибольшей популярностью в эллинистическом мире пользовались три: 1) стоиков, 2) эпикурейцев и 3) киников. В фокусе внимания этих систем стоял человек и его отношение к миру, государству и другим людям.

Основоположителем *стоической философии* считают *Зенона Младшего* из города Кития на острове Кипре, ученика Кратеса Киника. Зенон жил в конце IV в. и обычно излагал свое учение в «*цветном портике*» (*стоа пойкиле*) в Афинах, откуда и пошло название «стоической философия». Идеи Зенона привел в систему и дополнил *Клеант* из города Асса в Мисии, современник Зенона, и в особенности *Хрисипп* из Сол в Киликии (282—208 гг.).

Стоики делили философию на три части: 1) логику, 2) физику и 3) этику. По мнению стоиков, этике подчиняются логика и физика. Физика показывает, что все существующее есть тело, действующее или страдающее, активное или пассивное. Логика же учит правильно мыслить и ясно выражаться, что необходимо для воздействия на окружающий мир и преодоления пассивного состояния. Цель человеческой жизни есть счастье, а счастье заключается в сознательной общественной и личной деятельности, протекающей по законам человеческого разума. Озаренная светом разума деятельность на языке стоиков называется добродетелью. Добродетель состоит из четырех составных частей: 1) справедливости, 2) проницательности, 3) мужества и 4) рассудительности. Все эти качества необходимы человеку для широкой активной деятельности в интересах всего человечества.

По сравнению со служением всему человечеству или даже миру забота о социальных группах и отдельных людях и любовь к ним в учении стоиков отходит на второй план. Человек, семья, группа, класс, государство растворяются в более высоком космическом, или вселенском, идеале. Перед этим идеалом все на-

роды, государства и люди равны. Таким путем стойки логически приходили к космополитизму и признанию равенства между свободными и рабами, греками и варварами. Космополитизм стоиков является продуктом разложения мировоззрения обособленных полисов. Согласно учению стоиков, активным началом человеческого существа является душа, а преобладающую силу души составляет разум. Через душу и разум человек связывается со всей Вселенной (космосом). Подобно человеку, космос состоит из двух начал — пассивного и активного, материи и разума. Вселенский разум есть бог, определяемый как эфир, или животворный праогонь, из которого рождается мир. Мир не вечен. Через определенный период мир погибает от огня и вновь возрождается из того же самого праогня в обновленном виде.

Стоическая философия призывала к действию, неослабной работе над собой, к серьезному изучению специальных наук и философии. В этот период стоическая философия не была оторвана от практической жизни. Стоики верили в возможность создания идеального общества, вселенского государства, построенного рациональным путем на основе разума и научных данных. Среди стоиков было немало выдающихся умов и разносторонне образованных людей.

Во II в. всеобщей известностью пользовались два философа стоика *Панеций* (180—110 гг.) и *Посидоний* из Апамеи в Сирии (135—51 гг.). Особенно интересен последний, сочетавший глубокое философское образование с широким знанием специальных дисциплин. Посидоний известен как философ, математик, естествовед и историк.

Стоики оказывали большое влияние и на политику, так как они были советниками, государственными деятелями и царями. Впоследствии, в период Римской империи, стоицизм вырожден в проповедь пассивного отношения к жизни и квиетизма. Таков был, например, стоицизм римских философов *Сенеки* и *Марка Аврелия*.

Отличную от стоиков философию развивали *эпикурейцы*. Основателем эпикурейской философии был *Эпикур* (341—270 гг.). В 306 г. Эпикур поселился в Афинах, где начал излагать слушателям основы своей философии. Эпикур написал много сочинений, из которых до нас дошли лишь несколько писем и ряд фрагментов. По этим отрывкам и восстанавливают учение Эпикура.

В противоположность стоикам, считавшим основой познания разум, Эпикур истинным источником познания признавал чувство — ощущение. Ощущение возникает чисто внешним путем в результате случайного сцепления атомов. В этом Эпикур примыкал к атомистике Демокрита. Человеческая душа, по Эпикуру, состоит из тончайших атомов, подобно эфиру разлитых по всему телу. Счастье, составляющее цель всякой философии, заклю-

Эпикур Герма

чается в устранении неприятных и создании приятных ощущений. Достигается это воздействием на чувства разума и воздержанием от всяких излишеств, т. е. умеренностью. В этом эпикурейцы соприкасались со стоиками. В создании душевного равновесия и покоя Эпикур усматривал высшее счастье человека — *атараксию*. Атараксия предполагает свободу от всякого страха, в особенности от страха смерти и богов. Эпикур не отрицал существование богов, но он полагал, что они отнюдь не заботятся о людях. Эпикур считал, что душа смертна, и боролся против суеверий. Он «был подлинным радикальным просветителем древности, он открыто нападал на античную религию, и от него ведет свое начало атеизм римлян, поскольку последний у них существовал»¹. Наиболее

полное изложение эпикуреизма дал римский поэт-философ, великий материалист *Тит Лукреций Кар*.

Основателем философии *киников* считают *Антиофена* (440—366 гг.), ученика и друга Сократа. Учение киников возникло в среде бедной интеллигенции больших городов. Киники, подобно Сократу, оставляли свои занятия и жили в страшной нужде, которую они возвели в принцип. Киники отрицали все общественные установления — собственность, семью, рабство, этические нормы и т. д. Их лозунгом был призыв к природе, к простому образу жизни, независимости. Проповедь киников находила большое число сторонников среди народных масс, свободных и рабов, недовольных существующим строем.

Самым известным философом-киником был *Диоген* из города Синопы на Черном море (404—323 гг.). Диоген был учеником Антиофена, проникся его философией и последовательно проводил ее в жизнь. Живя в крайней бедности, Диоген, обросший длинной бородой, днем ходил по улицам города без сандалий, с палкой в руке и сумой за плечами, а ночи проводил в бочке за городом. Презирая всех и все, Диоген считал своим настоя-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, изд. 2, стр. 127.

шим призванием «повелевать людьми». Существует предание, что, когда к Диогену пришел Александр Македонский и выразил желание сделать все, что захочет философ, тот попросил у него единственной милости: не заслонять ему солнца. Александр исполнил желание Диогена, сказав при этом: «Если бы я не был Александром, то желал бы быть Диогеном».

В IV—III вв. возникло философское течение *скептицизм*. Основателем его был *Пиррон* (ок. 360—270 гг.). Скептицизм отрицал возможность познаваемости мира, призывал к пассивности, квиетизму. К. Маркс писал, что в учении скептиков сказалось вырождение античной философской мысли.

4. Эллинистическая религия

Идея всемирности и всеобщности, составляющая основу мировоззрения людей эллинистической эпохи, находит выражение и в религии.

Отличительной чертой эллинистической религии является ее синкретизм, сочетание рационализма, мистики и универсализма. Эти особенности эллинистической религии проявились в трактате «Священная хроника» Эвгемера (III в.). Эвгемер пытался рационалистически объяснить происхождение богов и религии. Оказывается, во время своего пребывания на острове Панхее он открыл надпись, в которой была описана вся история человечества и перечислены деяния богов Кроноса и Зевса. На основе этого он решил, что боги и герои суть не что иное, как обоготворенные сильные люди, а мифология — облеченная в чудесное история. Обоготворение преследует цель внушить людям страх и сделать их более покорными и послушными. Учение Эвгемера (*эвгемеризм*) имело много сторонников в Греции и в Риме.

Другие шли дальше Эвгемера и вообще отрицали существование богов, а религию, подобно Эвгемеру, считали обманом. Такие взгляды разделял, например, *Феодор* из Кирены, прозванный безбожником. К сожалению, из несомненно богатой атеистической литературы до нас дошли только незначительные отрывки, по которым трудно восстановить ход мыслей их авторов.

Богаче наши сведения о философах-богословах идеалистического и мистико-религиозного направлений. К ним принадлежат два знаменитых александрийских богослова — евреи по происхождению — *Аристобул* (II в.) и *Филон* (I в.). В их системах причудливо сочетались идеи Платона и Аристотеля и учение еврейских раввинов. Бог, по их представлениям, отвлеченное начало, отделенное от мира, но воздействующее на него посредством божественной, столь же отвлеченной силы — Слова, или Логоса. Логос же отождествлялся с мировой душой и творцом мира, связующим мир с богом. Концепция Филона оказала большое влияние на христианскую религию.

Религиозный синкретизм выражался в слиянии одних божеств с другими и появлении новых универсальных божеств, в смешении самых различных и противоречивых религий, заимствованных у разных народов. Старые антропоморфные боги теряли свои реальные черты, абстрагировались и превращались в универсальные отвлеченные божества. Рядом со старыми греческими и восточными божествами существовали новые божества. Особенно распространена была во всех общественных слоях вера в Судьбу, приносящую счастье и удачу, славу и богатство. Нетрудно установить социально-психологические корни этой веры. В эпоху глубоких политических потрясений, междоусобных войн, частых перемен в жизни обществ и отдельных людей, головокружительных успехов и столь же неожиданных падений вполне закономерно появление в божественном пантеоне таких богинь, как Счастье, Судьба и Удача.

Божественное происхождение приписывали всему, что казалось непонятым, сильным и властным, в том числе и прежде всего царям. Подобно остальным божествам, цари имели свой культ и культовые прозвища: Спаситель (Сотер), Благодетель (Эвергет), Явленный (Эпифан) и т. д.

Главные философские системы эллинизма — стоицизм и киизм — содержали в себе немало мистико-религиозных положений. Связующим звеном между религией и философией был вопрос о смерти и загробной жизни. Мистическим представлениям о загробной жизни были посвящены элевсинские мистерии Деметры и культ древнефракийского героя Орфея (орфизм), которые слились в одну сложную религиозно-мистическую систему, получившую широкое распространение в странах эллинизма. Религиозный синкретизм и мистицизм выражены также и в культе Сераписа, главного божества птолемеевского Египта. В честь Сераписа в Александрии был построен великолепный храм (Серапейон), впоследствии разрушенный христианами.

Из восточных божеств больше всего почитателей имела фригийская богиня Кибела (Великая Мать). В основу культа Кибелы положен миф о несчастной любви Кибелы к пастуху, красавцу Аттису. Страстно любящая Кибела силой своего чувства воскрешает трагически погибшего Аттиса. Среди народных масс широкое распространение получили древневосточные культы Исиды, Анахиты и Митры. Исключительно широко распространились суеверия. Люди стремились уйти из реальной действительности в мир иллюзий.

Изучение эллинистических религиозных учений показывает, что, какую бы внешнюю форму религия ни принимала, в конечном итоге она всегда стремится к одной цели: отвлечь людей от суровой действительности и социальной борьбы обещанием блестящих перспектив в фантастическом мире будущей загробной жизни.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

БИБЛИОГРАФИЯ КО ВСЕМУ УЧЕБНИКУ

ТРУДЫ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, изд. 2, стр. 7—544.
- Маркс К. и Энгельс Ф., *Манифест Коммунистической партии*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, изд. 2, стр. 419—459.
- Маркс К. и Энгельс Ф., *Избранные письма*, М., 1953.
- Маркс К. и Энгельс Ф., *Об античности*, под ред. и с предисл. проф. С. И. Ковалева (6-ка ГАИМК, № 4), Л., 1932.
- Маркс К. и Энгельс Ф., *О религии*, М., 1955.
- Маркс К. и Энгельс Ф., *Об искусстве*, сб. под ред. М. Лифшица, М.—Л., 1938.
- Маркс К., *Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура*,— в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 17—98.
- Маркс К., *Из подготовительных работ по истории эпикурейской, стоической и скептической философии*,— в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 99—215.
- Маркс К., *Передовица в № 179 «Кельнской газеты»*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, изд. 2, стр. 93—113.
- Маркс К., *Вынужденная эмиграция*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 8, изд. 2, стр. 565—571.
- Маркс К., *К критике политической экономии*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 13, изд. 2, стр. 1—167.
- Маркс К., *Капитал. Критика политической экономии*, тт. I—III,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23—25, изд. 2.
- Маркс К., *Конспект к книге Л. Г. Моргана «Древнее общество»*,— Архив Маркса и Энгельса, т. IX, М., 1941, стр. 1—216.
- Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 1—52.
- Энгельс Ф., *Принципы коммунизма*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, изд. 2, стр. 322—339.

- Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*,— К Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 5—338.
- Энгельс Ф., *Диалектика природы*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, изд. 2, стр. 343—626.
- Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, изд. 2, стр. 23—178.
- Ленин В. И., *Материализм и эмпириокритицизм*,— Сочинения, т. 18, изд. 5.
- Ленин В. И., *Государство и революция*,— Сочинения, т. 25, изд. 4, стр. 353—462.
- Ленин В. И., *О государстве*. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 года,— Сочинения, т. 29, изд. 4, стр. 433—451.
- Ленин В. И., *Философские тетради*,— Сочинения, т. 38, изд. 4.
- Ленин В. И., *О культуре и искусстве*, М., 1956.

СПРАВОЧНЫЕ ПОСОБИЯ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СЛОВАРИ

- «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2, М., 1949—1956.
- «Большая Энциклопедия», изд. Библиографического Института и т-ва «Просвещение», т. I—XXII, СПб., 1900—1909.
- Бузескул В. П. *Введение в историю Греции*, изд. 3, Пгр., 1915.
- Жебелев С. А., *Древняя Греция*, ч. I, *Эллинизм*.— «Введение в науку», вып. VI, Пг., 1922.
- Жебелев С. А., *Введение в историю Греции*, ч. II, *Эллинизм*,— «Введение в науку», вып. VII, Пг., 1922.
- Любкер Фр., *Реальный словарь классических древностей*, пер. с нем. В. Моде-стова, СПб., 1884.
- «Мифологический словарь», сост. М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий, изд. 2, Л., 1961.
- «Новый энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрона, СПб., 1911—1916
- «Реальный словарь классических древностей по Любкеру», под ред. Ф. Гельке и др., СПб., 1885.
- «Советская Историческая Энциклопедия», т. 1—12, М., выходит с 1961 года.
- «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрона, СПб., 1891—1904.
- Bengtson H., *Einführung in die alte Geschichte*, München, 1949.
- Daremberg Ch., E. Saglio, *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, 1—5, 1877—1919.
- Ebert M., *Reallexikon der Vorgeschichte*, 1—15, Berlin, 1924—1932.
- Grimal P., *Dictionnaire de la Mythologie Grecque et Romaine*, ed. 2, Paris, 1958.
- Hunger H., *Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie*, Aufl. 3, Wien, 1955.
- Irmischer J., *Praktische Einführung in das Studium der Altertumswissenschaften*, Berlin, 1954.
- Lamer H., *Wörterbuch der Antike mit Berücksichtigung ihres Fortwirkens*, Aufl. 4, Stuttgart, 1950.

- «Larousse de XX siecle», 1—6, Paris, 1928—1933.
- «Lemprières Classical Dictionary of Proper Names mentioned in Ancient Authors», A New Rev. by F. A. Wright, London, 1948.
- Lübker Fr., *Reallexikon des klassischen Altertums*, Aufl. 8, hgg. von J. Geffcken und E. Ziebarth, Berlin, 1914.
- «Mala Encyclopedia Kultury świata antycznego», I—II (Enc. Maendrea), Warszawa, 1958—1961.
- «Oxford Classical Dictionary», 1950.
- «Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft», Neue Bearbeitung G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus, jetzt hgg. K. Ziegler, Stuttgart, 1894 sq.
- Roscher W. N., *Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie*, 1—6, Leipzig, 1884—1937.
- Seyfert O. A., *Dictionary of Classical Antiquities*, New York, 1957.
- Smith W., *Dictionary of Greek et Roman Antiquities*, 1—2, 1895.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

- «Древняя Греция и Древний Рим», библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.), сост. А. И. Воронков, М., 1961.
- «Книги и статьи по древней истории, опубликованные в СССР в 1956—60 гг.» — «Вестник древней истории», 1962. № 1, стр. 174—193.
- Прозоров П., *Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных с XVII столетия по 1892 г. на русском и иностранном языках, с прибавлением за 1893—1895 гг.*, СПб., 1898.
- Радциг С. И., *История древнегреческой литературы*, М., 1959. См. библиографию в конце книги, стр. 559—577.
- «Советская археологическая литература. Библиография, 1941—1957», составители Н. А. Винберг, Т. Н. Заднепровская и А. А. Любимов, М.—Л., 1959.
- «L'année philologique. Bibliographie critique et analytique de l'antiquité greco-latine», vol. I—XXX, Paris, 1924—1960.
- «Jahresberichten über die Fortschritte der klassischen Altertumswissenschaft», bear. von Conrad Bursian.
- «Lustrum Internationale Forschungsberichte aus dem Bereich des klassischen Altertums», Göttingen, 1956 sq.
- Marouzeau J., *Dix années de bibliographie classique. Bibliographie critique et analytique de l'antiquité greco-latine*, vol. I—II, Paris, 1927—1928.

АТЛАСЫ И АЛЬБОМЫ

- «Альбом картин по древней истории», под ред. Д. Н. Никифорова, М., 1948.
- Бокшанин А. Г., *Атлас по истории древнего мира для средней школы*, под общей ред. А. В. Мишулина, изд. 5, М., 1960.
- «Древний мир в иллюстрациях», пособие для учителей и студентов под ред. В. Н. Дьякова и А. Я. Абрамовича, М., 1961.

- «Das Altertum in Bildern», von H. Mode, B. Brentjes, P. Krüger, H. Wolle, Berlin, 1955.
- «Atlas Historique». I. L'antiquité par L. Delaporte, E. Drioton, A. Piganiol et R. Cohen, Paris, 1948.
- Kiepert H., *Atlas antiquus*, Aufl. 12, Berlin, 1902.
- Putzger F. W., *Historischer Schulatlas*, Aufl. 59, Leipzig, 1942.
- Vidal — Lablache, *Atlas général historique et géographique*, Paris, 1938.
- «Die Welt der Antike (Atlas Antiquus)», Taschenatlas, Aufl. 12, Gotha, 1958.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

- «Археология», Орган Археологического института Украинской Академии наук, Киев,— с 1947 г.
- «Вестник древней истории», М.,— с 1937 г.
- «Вопросы истории», М.,— с 1945 г.
- «Гермес», СПб., 1907—1917 гг.
- «Гимназия», Ежемесячный журнал филологии и педагогики, Ревель, 1888—1900 гг.
- «Журнал министерства народного просвещения», отдел классической филологии, СПб., 1834—1917 гг.
- «Записки классического отделения императорского русского классического общества», т. I—IX, СПб., 1904—1917 гг.
- «Исторический журнал», М., 1931—1945 гг.
- «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии (Института истории материальной культуры)», М.,— с 1939 г.
- «Преподавание истории в школе», М.,— с 1946 г.
- «Прописки», V сборников, СПб., 1851—1857.
- «Советская археология», М.,— с 1957 г.
- «Советская этнография», М.,— с 1938 г.
- «Филологическое обозрение», М., 1891—1902.
- «Das Altertum», Berlin.
- «American Journal of Archaeology», Baltimore.
- «Bibliotheca Classica Orientalis», Berlin.
- «Classical Philology», Chicago.
- «Classical Quarterly», Oxford.
- «Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum», Wratislaviae.
- Eranos, Acta Philologica Suecana Upsala.
- «Gnomon., Kritische Zeitschrift für die gesamte Altertumswissenschaft», München.
- «Greece and Rome», Oxford.
- «Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie», Wiesbaden.
- «Hesperia Journal of the American School of Classical Studies at Athens», Baltimore.
- «Historia Zeitschrift für alte Geschichte», Baden-Baden.
- «The Journal of Hellenic Studies», London.
- «Klio. Beiträge zur alten Geschichte», Berlin — Wiesbaden.

- «Meander. Miesięcznik poświęcony kulturze świata starożytnego», Warszawa.
 «Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava», Leiden.
 «Rheinisches Museum für Philologie», Frankfurt.
 «Revue des études anciennes», Bordeaux.
 «Revue des études Grecques», Paris.

ОБЩИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

- Аландский П. И., *История Греции*, изд. 2, Киев — СПб., 1899.
 Белох Ю., *История Греции*, т. I—II, пер. с нем. с предисл. М. Гершензона, изд. 2, М., 1905.
 Бузескул В. П., *История афинской демократии*, СПб., 1909.
 Виноградов П. Г., *История Греции*, М., 1901.
 Виппер Р. Ю., *История Греции в классическую эпоху*, М., 1916.
 Виппер Р. Ю., *Лекции по истории Греции*, ч. I, М., 1905.
 «Древняя Греция», под ред. В. В. Струве и Д. П. Каллистова, М., 1956.
 Колобова К. М., Л. М. Глускина, *Очерки истории древней Греции*, Л., 1958
 Колобова К. М., *Лекции по истории древней Греции*, Лен. Гос. Ун-тет, Л., 1955—1958.
 Курциус Э., *История Греции*, пер. с 4-го нем. издания, т. 1—3, М., 1880—1883.
 Куторга М. С., Собр. соч., т. I—II, СПб., 1894—1896.
 Лурье С. Я., *История Греции*, ч. I. С древнейших времен до образования Афинского морского союза, Л., 1940.
 Машкин Н. А., *Основные проблемы древней Греции*. Обзорная лекция изд. Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), М., 1947.
 Мишулин А. В., *История древней Греции*. Курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1947.
 Пёльман Р., *Очерк греческой истории и источниковедения*, пер. с 4-го изд., под общ. ред. проф. С. А. Жебелева, VI, 2, СПб., 1910.
 Тюменев А. И., *Очерки экономической и социальной истории древней Греции*, т. I—III, Пр., 1920—1922.
 Хвостов М. М., *История Греции*, М., 1924.
 Bengtson H., *Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit*, Aufl. 2, München, 1960.
 Beloch J., *Griechische Geschichte*, Aufl. 2, Bd I—IV, Berlin, 1924—1927.
 Busolt G., *Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia*, Aufl. 2, Bd I—III, Gotha, 1893—1904.
 Gianelli G., *Trattato di storia Greca*, ed. 2, Roma, 1951.
 Cohen R., *La Grèce et l'hellénisation du monde antique*, Paris, 1934.
 Durant W., *Das Leben Griechenlands*, Bern, 1947.
 Glotz G., *La cité grecque*, Paris, 1928.
 Hammond N. G. L., *A History of Greece to 322 B. C.*, Oxford. 1959.
 Schachermeyr Fr., *Griechische Geschichte*, Stuttgart, 1960.
 Wilcken U., *Griechische Geschichte im Rahmen der Altertumsgeschichte*, Berlin, 1958.

ОБЩИЕ ТРУДЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

- Алексишвили М., *Из глубины веков. Рабовладельческий строй и его падение*, пер. с груз., Тбилиси, 1959.
- Бернал Дж., *Наука в истории общества*, пер. с англ., под ред. Б. М. Кедрова и И. Н. Кузнецова, М., 1956.
- Бокшанин А. Г., *Древняя Греция и древний Рим*. Курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1952.
- Бузескул В. П., *Исторические этюды*, СПб., 1910.
- Бузескул В. П., *Античность и современность*, изд. 3, Л., 1924.
- «Всемирная история Академии наук СССР», т. I—II, М., 1955—1956.
- Гельвальд Ф., *История культуры*, т. II, *Античная культура*, СПб., 1898.
- Гельмгольт Г., *История человечества. Всемирная история*, т. IV. *Средиземное море и страны по его побережью*, пер. с нем. с доп. М. И. Ростовцева, СПб., 1903.
- Иегер О., *Всеобщая история в четырех томах*, изд. 5, т. I. *История древняя*, СПб., 1904.
- «История древнего мира». Учебник для пединститутов, под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалева, изд. 2, М., 1962.
- «История древнего мира», Госакадемия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, т. II, *История древней Греции*, ч. 1; т. III, *История древней Греции*, ч. 2.
- Кареев Н. И., *Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин*, изд. 3, СПб., 1910.
- Ковалев С. И., *История общества древнего мира и средних веков*, Л., 1934.
- Ковалев С. И., *История античного общества*, изд. 2, ч. I, *Греция*, Л., 1937; ч. 2, *Эллинизм. Рим*, Л., 1936.
- Мишулин А. В., *Античная история Греции и Рима*. Курс лекций, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), М., 1945.
- Петров М. Н., *Лекции по всемирной истории*, т. I, *История древнего мира*, изд. 2, СПб., 1907.
- Тюменев А. И., *История античных рабовладельческих обществ*, — Изв. ГАИМК, Л., 1935.
- «The Cambridge Ancient History», vol. I—XII, ed. 2, Cambridge, 1924—1939.
- «Histoire générale des civilisations», publ. par M. Crouzet, vol. I, «L'Orient et la Grèce antique», par A. Aymard et J. Auboyer, Paris, 1953.
- «Histoire générale», publ. sous la direction de G. Glotz, Paris, 1936—1939.
- «Historia Mundi», Ein Handbuch der Weltgeschichte in X Bd, Bd I—IV, Bern, 1952—1956.
- Meyer Ed., *Geschichte des Altertums*, Bd I—IV, Aufl. 5, Stuttgart, 1953—1954; Bd V, Aufl. 3, 1921.
- «Peuples et civilisations». Histoire générale fondée, par L. Halphen et Ph. Sagnac, vol. I—V, Paris, 1936—1953.

СБОРНИКИ ИСТОЧНИКОВ, КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ, УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

- «Античная музыкальная эстетика». Вступительный очерк и собрание текстов
А. Ф. Лосева, М., 1960.
- «Античные поэты об искусстве», сост. С. П. Кондратьев и Ф. А. Петровский,
М., 1938.
- «Античный способ производства в источниках», под ред. С. А. Жебелева и
С. И. Ковалева.— Изв. ГАИМК, № 78, Л., 1933.
- «Античные философы», сост., предисл. и общая ред. А. А. Аветисяна, Киев,
1955.
- Белов П., *Практикум по истории древней Греции и древнего Рима*. Пособие
для студентов-заочников, Горький, 1959.
- Бокшанин А. Г., *Контрольные работы по истории древнего мира*, Учпедгиз,
1955.
- Виноградов В. В., *Роль народных масс в истории древнего мира. Греция*. Посо-
бие для студентов, Горький, 1957.
- Гольденберг В. А., *История древнего мира*. Учеб.-метод. пособие для студентов-
заочников, Харьков, 1956.
- Дератани Н. Ф., Тимофеева Н. А., *Хрестоматия по античной литературе для
вузов*, под общ. ред. Н. Ф. Дератани и Н. А. Тимофеевой, т. I, *Грече-
ская литература*, изд. 6, М., 1958.
- «Древний мир в памятниках его письменности», сост. Д. А. Жаринов, Н. М. Ни-
кольский, С. И. Радциг, В. Н. Стерлигов, ч. II, «Греция», изд. 3, М.,
1921.
- «Древняя Греция», Книга для чтения, под ред. Д. П. Каллистова и С. Л. Утчен-
ко, изд. 2, Л., 1958.
- «Знаменитые греки. Жизнеописания Плутарха», обработка М. Н. Ботвинника
и Г. А. Стратановского, Л., 1961.
- Зубов В., Петровский Ф., *Архитектура античного мира* (Материалы и докумен-
ты по истории архитектуры), М., 1940.
- «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе»,
т. I, вып. 1—3; т. II, вып. 1—2, СПб., 1893—1900; см. также «Вестник
древней истории» с № 1 за 1947 г. по № 4 за 1949 г. и дополнение
в № 2, 1952 г.
- «Книга для чтения по древней истории», ч. I, «Первобытная культура. Восток.
Греция», сб. статей под ред. А. М. Васютинского, В. Н. Перцева и
К. В. Сивкова, М., 1916.
- «Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и
Эпикура», М., 1955.
- Машкин Н. А., *История древнего мира*. Учебно-методическое пособие для сту-
дентов-заочников педагогических институтов, М., 1951.
- Пикус Н. Н., *История древнего мира*. Методическое пособие для студентов-за-
очников I курса истфаков гос. ун-тов, изд. 5, М., 1960.
- Свенцицкая И. С., *Контрольные работы по истории древнего мира*, М., 1960.
- «Хрестоматия по древней истории» Пособие для преподавателей средней шко-
лы, под ред. акад. В. В. Струве, т. I, ч. 1—2, М., 1936.

- «Хрестоматия по истории древнего мира», под ред. акад. В. В. Струве, т. II, «Греция и эллинизм», сост. Н. Н. Пикус и В. С. Соколов, М., 1951.
- «Хрестоматия по истории древнего мира», Пособие для преподавателей средней школы, под ред. акад. В. В. Струве, сост. В. С. Воробьев-Десятовский, Р. Ф. Итс, Д. П. Каллистов и др., М., 1956.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

- Богаевский Б. Л., *Очерк земледелия Афин*, Пг., 1915.
- Богаевский Б. Л., Лурье И. М., Шульц П. И. и др., *Очерки истории техники докапиталистических формаций*, М.—Л., 1936.
- Бронштейн И., *Хрестоматия по истории материальной культуры*, Л., 1924.
- Бюхер К., *Возникновение народного хозяйства*, Публичные лекции и очерки, пер. с нем., под ред. И. Кулишера с прилож. статьи А. Тюменева «О книге Бюхера», изд. 4, Пг., 1923.
- Бюхер К., *Очерки экономической истории Греции*, Л., 1924.
- Вебер М., *Аграрная история древнего мира*, пер. с нем. Е. С. Петрушевской, М., 1925.
- Дильс Г., *Античная техника*, пер. с нем., под ред. С. И. Ковалева, М.—Л., 1934.
- «Из истории материального производства античного мира»,— Изв. ГАИМК, № 108, Л., 1935.
- «История экономической мысли», под ред. В. Я. Железнова, А. А. Мануйлова, т. I, вып. I, «Экономическое мировоззрение древних греков», М., 1916.
- Кеннингем, *Западные цивилизации с экономической точки зрения*, т. I, *Древний мир*, пер. с англ. П. С. Когана, М., 1932.
- Колобова К. М., *К вопросу о судовладении в древней Греции*,— Изв. ГАИМК, № 61, Л., 1933.
- Кулишер И. М., *Очерк экономической истории древней Греции*, Л., 1925.
- Ляпунова К. С., Матье М. Э., *История техники эллинистического и коптского Египта*,— в кн.: Лурье И. М., Ляпунова К. С., Матье М. Э., Флиттнер Н. Д., *Очерки по истории техники древнего Востока*, под ред. В. В. Струве, М., 1940.
- Мейер Э., *Экономическое развитие древнего мира*, изд. 3, Пг. 1923.
- Нейрат О., *История античного хозяйства*, пер. с нем. Николаев, 1924.
- Островитянов К. В., *Очерки экономики докапиталистических формаций*, М., 1944.
- «Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков»,— Статьи из «Handwörterbuch der Staatswissenschaft», пер. с нем., под ред. В. Э. Дена, СПб., 1899.
- Пёльман Р., *История античного коммунизма и социализма*, СПб., 1910.
- Тюменев А. И., *Введение в экономическую историю древней Греции*, Пг., 1923.
- Фюстель де Куланж, *Древняя гражданская община. Исследования о культуре, праве и учреждениях Греции и Рима*, пер. Н. Н. Спиридонова, изд. 2, М., 1908.
- «Эллинистическая техника»,— сб. статей под ред. акад. И. И. Толстого, М.—Л., 1948.

- Andreades A. M., *Geschichte der griechischen Staatswirtschaft*, Bd I, *Von der Heroenzeit bis zur Schlacht bei Chaeronea*, München, 1931.
- Andreades A. M., *A History of Greek Public Finances*, Cambridge, 1933.
- Beloch J., *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*, Leipzig, 1886.
- Bolkestein H., *Economic Life in Greece's Golden Age*, Leiden, 1958.
- Fine J., *Horoi* Baltimore, 1951.
- Finley M. I., *Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500—200 B. S.*, New Brunswick, 1952.
- Francotte H., *L'industrie dans la Grèce ancienne*, vol. I—II, Bruxelles, 1900—1901.
- Glotz G., *Le travail dans la Grèce ancienne. Histoire économique de la Grèce depuis la période homérique jusqu'à la conquête romaine*, Paris, 1920.
- Gomme A. W., *The population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C.*, Oxford, 1933.
- Hasebroeck J., *Staat und Handel im alten Griechenland*, Tübingen, 1928.
- Hasebroeck J., *Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit*, Tübingen, 1931.
- Heichelheim Fr., *Wirtschaftsgeschichte des Altertums*, Bd I—II, Leyden, 1938.
- Michell H., *The Economics of Ancient Greece*, New York, 1940.
- Pöhlmann R., *Geschichte der sozialen Frage und der Sozialismus in der antiken Welt*, Bd I—II, München, 1925.
- Pringsheim Fr., *The Greek Law of Sale*, Weimar, 1950.
- Wason M. O., *Class struggles in the Ancient Greece*, London, 1947.
- Wilamowitz-Moellendorf U., *Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer bis zum Ausgang des Mittelalters*, Leipzig, 1923.
- Zimmermann A., *The Greek Commonwealth. Politics and Economics in the Fifth-Century Athens*, ed. 5., London, 1961.

ИСТОРИЯ РАБСТВА

- Бюхер К., *Восстания рабов 143—129 гг. до Р. Х.*, пер. с нем., под ред. и с пред. И. С. Плотникова, Л., 1924.
- Валлон А., *История рабства в античном мире*, пер. с франц. С. П. Кондратьева с пред. и под ред. А. В. Мишулина, М., 1941.
- Ингрэм Д. К., *История рабства от древнейших времен*, пер. с англ. З. Журавской, СПб., 1896.
- Казакевич Э. Л., *Термин и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э.*,— «Вестник древней истории», 1956, № 3.
- Ленцман Я. А., *Рабы в законах Солона (к вопросу о достоверности античной традиции)*,— «Вестник древней истории», 1958, № 4.
- Крюгер О. О., *Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху*,— в кн.: «Из истории античного общества». М.— Л., 1934.
- Куторга М. С., *Общественное положение рабов и вольноотпущенников в Афинской республике*,— в кн.: «Афинская гражданская община по известиям эллинических историков»,— «Собрание сочинений М. С. Куторги», т. I, СПб., 1894.

- Lauffer S., *Die Bergwerkssklaven von Laureion*, vol. I—II, Wiesbaden, 1955—1956 (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz).
- Lotze D., *Metaxy eleutherōn kai doulōn*, Studien zur Rechtstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4 Jahrhundert, Berlin, 1959.
- Micknat G., *Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte*, I T., Homer, Wiesbaden, 1954.
- Richter W., *Die Sklaverei im griechischen Altertume. Ein Kulturbild nach den Quellen in gemeinfasslicher Darstellung*, Breslau, 1886.
- «Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies», ed. by M. I. Finley, Cambridge, 1960.
- Surgent R. L., *The Size of the Slave Population at Athens during the Fifth and Fourth Centuries B. C.*, Urbana Illinois, 1924.
- Vogt J., *Struktur der Sklavenkriege*, Wiesbaden, 1957.
- Westermann W. L., *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955.

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Боровский Я. М., *Преодоление религиозного элемента в древнегреческом праве*, — в кн.: «Религия и общество», Л., 1926.
- Бузольт Г., *Очерк государственных и правовых греческих древностей*, пер. с нем., изд. 2, Харьков, 1895.
- Гольдин Н., *Афинский Совет. История, организация, ведомство*, Харьков, 1904.
- «История политических учений», под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина, М., 1955.
- Кечекьян С. Ф., *Всеобщая история государства и права*, вып. 1, *Древний Восток и Древняя Греция*. Учебник для юридических институтов, М., 1944.
- Лурье С. Я., *Частно-правовые документы эллинистической Греции, Этюды*, Пг., 1915.
- Латышев В. В., *Очерк греческих древностей*, ч. 1. *Исторический обзор развития форм государственной жизни эллинов*, СПб., 1897.
- Новгородцев П., *Политические идеалы древнего и нового мира*, М., 1919.
- Поллок Ф., *История политических учений*, пер. с англ., СПб., 1897.
- Фюстель де Куланж, *Древняя гражданская община*, изд. 2, М., 1908.
- Шеффер В. А., *Афинское гражданство и народное собрание*, М., 1891.
- Baker E., *Greek Political theory. Platon and his Predecessors*, ed. 3, London, 1947.
- Busolt G., *Griechische Staatskunde*, Aufl. 3, Bd I, 1920; Bd II (Swoboda H.), München, 1926.
- Ehrenberg V., *Staat der Griechen*, Bd I—II, Leipzig, 1957—1958.
- Hermann C. F., *Lehrbuch der griechischen Rechtsaltertümer*, Aufl. 6, Tübingen, 1913.
- Kahrstedt U., *Griechisches Staatsrecht, I. Sparta und seine Symmachie*, Göttingen, 1922.

- Pohlenz M., *Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen*, Leipzig, 1923.
 Sinclair T. A., *A History of Greek Political Thought*, London, 1951.
 Taubenschlag R., *The Law of Greek-Roman Egypt in the Light of Papyri*, ed. 2, Warszawa, 1955.
 Vinogradoff P., *Outlines of Historical Jurisprudence*, 2, *The Jurisprudence of the Greek*, Oxford, 1922.

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Бибииков П., *Очерк международного права в Греции*, М., 1852.
 Бокшанин А. Г., *История международных отношений и дипломатии в древнем мире*, Стенограммы лекций, М., 1948.
 Бузескул В. П., *Международный третейский суд в древнегреческом мире до падения независимости Эллады*, — в кн.: В. П. Бузескул, *Античность и современность*, Л., 1924.
 «История дипломатии», под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина и В. М. Хвостова, т. I, М., 1959.
 Hampl F., *Die griechische Staatsverträge des IV Jahrhunderts*, Leipzig, 1938.
 Martin V., *La vie internationale dans la Grèce (VI—IV s. av. J.—C.)*, Paris, 1940.
 Philippon, *The International Law and Customs of Ancient Greeks and Romans*, vol. I—II, London, 1911.
 Raeder A., *L'arbitrage international chez les hellènes*, Christiania, 1912.
 Scala R., *Die Staatsverträge des Altertums*, I T., Leipzig, 1898.

ИСТОРИЯ ВОЙН И ВОЕННОГО ИСКУССТВА

- Голицин Н. С., *Всеобщая военная история с древних времен*, ч. 1—5, СПб., 1872—1876.
 Дельбрюк Г., *История военного искусства в рамках политической истории*, т. I, *Античный мир*, М., 1936.
 Меринг Ф., *Очерки по истории войны и военного искусства*, М., 1924.
 Михневич Н. П., *История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия*, СПб., 1896.
 Разин Е. А., *История военного искусства*, т. I, *Военное искусство рабовладельческого периода войны*, М., 1956.
 Строков А. А., *История военного искусства*, т. I, *Рабовладельческое и феодальное общество*, М., 1955.
 Шперк В. Ф., *История фортификации*, т. I, *Фортификация древнего мира*, М., 1948.
 Kromayer J., Veith G., *Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer*, München, 1928 (*Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, Abt. 4, T. 3).
 Kromayer J., Veith G., *Schlachtenatlas zur antiken Kriegsgeschichte*, Leipzig, 1922—1929.

ГРЕЧЕСКИЙ БЫТ

- Алабина-Сократова Т., *Картины из жизни Государства Афинского в V в. до Р. Х.*, М., 1913.
- Вейс Г., *Внешний быт народов с древнейших до наших времен*, т. I, ч. 2, *Западные народы*, пер. с нем., М., 1874.
- Велишский Ф. Ф., *Быт греков и римлян*, пер. с чешского, под ред. И. Я. Ростовцева, Прага, 1878.
- Гиро П., *Частная и общественная жизнь греков*, пер. с 5-го изд., СПб., 1913.
- Колобова К. М. и Озерецкая Е. Л., *Как жили древние греки*, Л., 1959.
- Колобова К. М. и Озерецкая Е. Л., *Олимпийские игры*. Пособие для учащихся, М., 1958.
- Страшкевич К. Ф., *Краткий очерк греческих древностей, дополненный описанием Афин с планом древнего города*, Киев, 1874.
- Цибарт Э., *Культурная жизнь древнегреческих городов*, пер. с нем. под ред. Н. А. Куна, М., 1916.
- Herrmann K. F., *Lehrbuch der griechischen Privataltertümer*, Aufl. 3, von H. Blümner, Freiburg, 1882.
- Licht H., *Sittengeschichte Griechenlands*, Aufl. 2, Stuttgart, 1960.
- Pernice E., *Griechisches und römisches Privatleben*, Aufl. 4, Berlin, 1930.
- Picard Ch., *La vie privée dans la Grèce classique*, Paris, 1930.

ГРЕЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Общие труды

- Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р., *Эллинская культура*, СПб., 1907.
- Баумгартен Ф., Поланд Ф., Вагнер Р., *Эллинистическо-римская культура*, СПб., 1914.
- Боннар А., *Греческая цивилизация*, т. I, *От Илиады до Парфенона*, М., 1958; т. II, *От Антигоны до Сократа*, М., 1959; т. III, *От Еврипида до Александрии*, М., 1962.

Греческая религия и мифология

- Абрамова М., *Из истории античного атеизма*, М., 1960.
- Альтман М. С., *Греческая мифология*, Л., 1937.
- Богаевский Б. Л., *Земля и почва в земледельческих представлениях древней Греции*, СПб., 1912.
- Богаевский Б. Л., *Земледельческая религия Афин*, т. I, Пг., 1916.
- Вересаев В. В., *Аполлон и Дионис*, М., 1924.
- Зелинский Ф. Ф., *Древнегреческая религия*, Пг., 1918.
- Зелинский Ф. Ф., *Религия эллинизма*, Пг., 1922.
- Кагаров Е. Т., *Кульť фетишей, растений и животных в древней Греции*, СПб., 1913.
- Каждан А. П., *Религия и атеизм в древнем мире*, М., 1957.
- Клингер В., *Животные в античном и современном суеверии*, Киев, 1911.

- Кулагина Г. А., *Краткий словарь греческой мифологии*. Пособие для студентов ист. фак-тов и учителей истории, Свердловск, 1958.
- Кун Н. Н., *Легенды и мифы древней Греции*, М., 1957.
- Лившиц Г. М., *Атеизм в древности и средние века*, Минск, 1959.
- Лосев А. Ф., *Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии*, М., 1953.
- Лосев А. Ф., *Античная мифология в ее историческом развитии*, М., 1958.
- Латышев В. В., *Очерк греческих древностей*, ч. 2, *Богослужбные и сценические древности*, СПб., 1889.
- Новосадский Н. И., *Елевсинские мистерии*, СПб., 1887.
- Новосадский Н. И., *Кульτ кавиров в древней Греции*, Варшава, 1891.
- Новосадский Н. И., *Орфические гимны*, Варшава, 1900.
- Петискус А. Г., *Олимп. Мифология греков и римлян*, СПб., 1913.
- Радциг С. И., *Античная мифология. Очерк античных мифов в освещении современной науки*, М.—Л., 1939.
- Рейнак С., *Орфей. Всеобщая история религии*, М., 1919.
- Тренчени-Вальдапфель И., *Мифология*, пер. с венгерск., М., 1959.
- Францев Ю. П., *У истоков религии и свободомыслия*, М.—Л., 1959.
- Шантепи-де-ля Сосэй П. Д., *Иллюстрированная история религий*, М., 1899.
- Шваб Г., *Мифы классической древности*, М., 1916.
- Штолль Г. В., *Мифы классической древности*, М., 1904.
- Deubner L., *Attische Feste*, Berlin, 1952.
- Foucart P., *Les mystères d'Eleusis*, Paris, 1914.
- Nilsson M. P., *Geschichte der griechischen Religion*, München, 1955.
- Preller L., *Griechische Mythologie*, Aufl. 4, von Carl Robert, Bd I—II, Berlin, 1894—1919.
- Rohde E., *Psyche, Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen*, Aufl. 2, Leipzig, 1925.
- Wilamowitz-Moellendorff U., *Der Glaube der Hellenen*, Bd I—II, Berlin, 1931—1932.

Греческая наука

- Александров Г. Ф., *Борьба материализма и идеализма в античной философии*, М., 1941.
- Александров Г. Ф., *Аристотель. Философские и социально-политические взгляды*, М., 1940.
- Арним Г., *История античной философии*, пер. с нем. Поварнина, СПб., 1910.
- Асмус В. Ф., *Античные мыслители об искусстве*, изд. 2, М., 1938.
- Боднарский М. С., *Античная география. Книга для чтения*, М., 1953.
- Боричевский И. А., *Древняя и современная философия науки*, М.—Л., 1925.
- Берг Л. С., *Из истории эволюционных идей*, — «Научные известия Академического центра Наркомпроса», сб. 4, М., 1922.
- Виндельбанд В., *История древней философии с приложением истории философии Средних веков и эпохи Возрождения*, пер. под ред. А. И. Введенского, изд. 4, СПб., 1908.

Виндельбанд В., *Платон*, СПб., 1900.

Вундт В., Ольдеберг Г., Гольдциер И., Грубе В., Виндельбанд В., *Общая история философии*, пер. с нем., под ред. А. И. Введенского и Э. Л. Радлова, т. I, СПб., 1910.

Выгодский М. Я., *Арифметика и алгебра в древнем мире*, М.—Л., 1941.

Гейберг И. Л., *Естествознание и математика в классической древности с приложением статей Ш. Рюелля, П. Таннери и С. Рейнака*, пер. С. П. Кондратьева, М.—Л., 1936.

Гиляров А. Н., *Греческие софисты*, М., 1888.

Гомперц Т., *Греческие мыслители*, пер. с нем., т. I—II, СПб., 1911—1913.

Дынник М. А., *Очерк истории философии классической Греции*, М., 1936.

Дынник М. А., *Диалектика Гераклита Эфесского*, М., 1929.

Жебелев С. А., *Сократ. Биографический очерк*, Берлин, 1923.

Ельницкий Л. А., *Знания древних о Северных странах*, М., 1961.

«История философии», под ред. М. А. Дынника, М. Т. Иовчука, Б. М. Кедрова, М. Б. Митина, О. В. Трахтенберга, т. I, М., 1957.

Кольман Э., *История математики в древности*, М., 1961.

Лурье С. Я., *История античной общественной мысли. Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире*, М.—Л., 1929.

Лурье С. Я., *Теория бесконечно малых у древних атомистов*, М.—Л., 1935.

Лурье С. Я., *Демокрит*, М., 1937 (серия «Жизнь замечательных людей»).

Лурье С. Я., *Архимед*, М., 1945.

Лурье С. Я., *Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета*, М.—Л., 1947.

Лурье С. Я., *Геродот*, М.—Л., 1947.

Маковельский А. О., *Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Историко-критический обзор и перевод фрагментов доксографического и биографического материала*, ч. I—III, Казань, 1914—1919.

Маковельский А. О., *Софисты*, вып. I—II, Баку, 1940—1941.

Маковельский А. О., *Древнегреческие атомисты*, Баку, 1946.

Лясковский С. А., *Наука о сельском хозяйстве в связи с общим развитием естествознания в классической Греции до Теофраста*,—сб. «Из истории материального производства античного общества», М.—Л., 1935.

Манандян А., *Стадий Эратосфена и персидский аспарез*, Эриван, 1934.

Нейгебауэр О., *Лекции по истории античных математических наук*, пер. с предисл. и прим. С. Я. Лурье, т. I, М.—Л., 1937.

Рой М., *История индийской философии. Греческая и индийская философия*, пер. с бенгальск., М., 1958.

Соколов В. В., *Античная философия*, М., 1958.

Сергеенко М. Е., *Теофраст и его ботанические сочинения*—в кн.: «Теофраст. Исследование о растениях», М.—Л., 1951.

Таннери С. П., *Первые шаги древнегреческой науки*, пер. под ред. с предисл. А. И. Введенского, СПб., 1902.

Тимошенко В. Е., *Материализм Демокрита*, М., 1953.

- Томсон Дж., *Исследования по истории древнегреческого общества*, пер. с англ., т. II, *Первые философы*, М., 1959.
- Томсон Дж. О., *История древней географии*, пер. с англ., М., 1953.
- Цейтен И. Г., *История математики в древности и в средние века*, пер. с франц. П. Юшкевича, изд. 2, М., 1938.
- Целлер Э., *Очерк истории греческой философии*, пер. с 9-го нем. изд., М., 1912.
- Шишкин А. Ф., *Из истории этических учений*, М., 1959.
- Якубанис Г. И., *Эмпедокл — философ, врач и чародей (данные для его понимания и оценки)*, Киев, 1906.
- Capelle W., *Die Vorsokratiker*, Berlin, 1961.
- Diels H., *Die Fragmente der Vorsokratiker*, Aufl. 6, hrsg. von W. Kranz, Bd I—III, Berlin, 1951—1955.
- Jaeger W., *Paideia Die Formung des griechischen Menschen*, Bd I—III, Berlin, 1936—1947.
- Nestle W., *Die griechische Philosophie in Auswahl*, 1, *Die Vorsokratiker*, Aufl. 3, Jena, 1929; 2, *Die Sokratiker*, 1922; 3/4, *Die Nachsokratiker*, 1923.
- Ueberweg F., *Grundriss der Geschichte der Philosophie des Altertums*, Aufl. 12, von Karl Praechter, Berlin, 1926.

Греческая литература и театр ¹

- «Аристофан», — «Сборник статей к 2400-летию со дня рождения Аристофана», М., 1956.
- Борухович В. Г., *История древнегреческой литературы. Классический период*. Москва, 1962.
- Варнеке Б. В., *История античного театра*, М.—Л., 1940.
- Головня В. В., *Аристофан*, М., 1955.
- Дальский А. Н., *Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах во втором тысячелетии до н. э.*, М.—Л., 1937.
- Доватур А. И., *Повествовательный и научный стиль Геродота*, Л., 1957.
- Зелинский Ф. Ф., *Древне-греческая литература эпохи независимости*, ч. I—II, СПб., 1919—1920.
- «История греческой литературы», под ред. С. И. Соболевского, Б. В. Горнунга, З. Г. Гринберга, Ф. А. Петровского и С. И. Радцига, т. I, «Эпос, лирика, драма классического периода», М., 1946; т. II, «История, философия, ораторское искусство классического периода», М., 1955; т. III, «Литература эллинистического и римского периодов», М., 1960.
- Круазе А. и М., *История греческой литературы (Руководство)*, пер. с франц., изд. 2, СПб., 1916.
- Коган П. С., *Очерки по истории древних литератур. Греческая литература*, М., 1937.

¹ Подробная библиография работ, посвященных античной литературе, содержится в книге проф. С. И. Радцига, *История древнегреческой литературы*, изд. 2, М., 1959, стр. 559—577.

- Лосев А. Ф., Сонкина Г. А., Тимофеева Н. А., Черемухина Н. М., *Греческая трагедия. Учебное пособие для педагогических институтов*, М., 1958.
- Магаффи Дж. П., *История классического периода греческой литературы*, пер с англ., т. I—II, М., 1882—1883.
- Никитин П. В., *К истории драматических состязаний в Афинах*, СПб., 1882.
- Радциг С. И., *История древнегреческой литературы*, изд. 2, М., 1959.
- Соболевский С. И., *Аристофан и его время*, М., 1957.
- Толстой И. И., *Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса*, М., 1958.
- Тренчени-Вальдапфель И., *Гомер и Гесиод*, пер. с венгерск., М., 1956.
- Тронский И. М., *История античной литературы*, изд. 3, Л., 1957.
- Фрейденберг О. М., *Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы*, Л., 1936.
- Ярхо В. Н., *Аристофан*, М., 1954.
- Ярхо В. Н., *Эсхил*, М., 1958.
- Croiset A. et M., *Histoire de la littérature grecque*, vol. I—V, Paris, 1887—1899.
- Kranz W., *Geschichte der griechischen Literatur*, Aufl. 3, Leipzig, 1958.
- Rose H. J., *A Handbook of Greek Literature from Homer to the Age of Lucian*, ed. 4, London, 1950.
- Schmid W., *Geschichte der griechischen Literatur*, Bd I—V, München, 1929—1948.
- Thomson G., *Aeschylus and Athens. A Study in the Social Origins of Drama*, ed. 2, London, 1946.

Изобразительное искусство Греции

- Алпатов М. В., *Всеобщая история искусств*, т. I, М.—Л., 1948.
- Башкиров А. С., *Антисейсмизм древней архитектуры*, ч. II, Греция, М., 1949.
- Блаватский В. Д., *Архитектура античного мира*, М., 1939.
- Блаватский В. Д., *Греческая скульптура*, М.—Л., 1939.
- Блаватский В. Д., *История античной расписной керамики*, М., 1953.
- Бритова Н., *Пракситель*, М., 1958.
- Брунов Н. И., *Очерки по истории архитектуры*, т. II, Греция, Рим, Византия, М., 1935.
- Брунов Н. И., *Греция (Архаика Классика IV в.)*, М., 1935.
- Брунов Н. И., *Пропорции античной и средневековой архитектуры*, М., 1936.
- Вазер О., *Греческая скульптура в ее главных произведениях*, М., 1914.
- Вальдгауэр О. Ф., *Пифагор Регийский. Исследования в области греческой скульптуры первой половины V в. до н. э.*, Пг., 1915.
- Вальдгауэр О. Ф., *Этюды по истории античного портрета*, ч. I, Пг., 1922; ч. II, М.—Л., 1938.
- Вальдгауэр О. Ф., *Античная скульптура*, Пг., 1923.
- Винкельман И., *История искусства древности*, Л., 1933.
- Виолле де Дюк, *Беседы об архитектуре*, т. I, М., 1937.
- «Всеобщая история искусств», т. I, «Искусство древнего мира», под общ. ред. А. Д. Чегодаева, М., 1956.
- «Всеобщая история архитектуры», т. II, кн. I. «Архитектура древней Греции», под ред. В. Д. Блаватского, В. Ф. Маркузон, В. П. Михайлова, В. Н. Сарабьянова, Е. Г. Чернова, М., 1949.

- Гартман К. О., *История архитектуры*, т. 1, пер. с нем., М., 1936.
- Гевирц Я. Г., *История античной архитектуры. Очерки*, вып. I, Л., 1935.
- Горбунова К. С. и Передольская А. А., *Мастера греческих расписных ваз*, Л., 1961.
- Горбунова К. С., *Культура и искусство древней Греции*, Л., 1959.
- Грифцов В., *Искусство Греции*, Пг., 1923.
- «История искусства зарубежных стран», под общ. ред. М. Б. Доброклонского, т. I, М., 1961.
- Кобылина М. М., *Аттическая скульптура*, М., 1953.
- Колпинский Ю. П., *Искусство Греции эпохи расцвета*, М., 1937.
- Кон Винер, *История стилей изящных искусств*, пер. с нем., М., 1913.
- Куньи Г., *Античное искусство. Греция. Рим*,— сб. статей по истории искусства, эстетики и археологии, пер. с франц., М., 1898.
- Ламер Е., *Греческий мир*, пер. с нем., М., 1914.
- Леви Э., *Греческая скульптура*, пер. с нем., Пг., 1915.
- Мальмберг В. К., *Метопы древнегреческих храмов. Исследования в области декоративной скульптуры*, Юрьев, 1892.
- Мальмберг В. К. и Фельсберг Э. Р., *Античные вазы и терракоты*, Юрьев, 1910.
- Максимова М. И., *Искусство древней Греции*,— в кн.: «Древняя Греция», М., 1955.
- Михаэлис А., *Художественно-археологические открытия за сто лет*, пер. с нем., М., 1912.
- Михаловский И. Б., *Архитектурные формы античности*, М., 1949.
- Павловский А. А., *Курс по истории древнего искусства*, Одесса, 1905.
- Парланд А. А., *Храмы древней Греции*, СПб., 1890.
- Рейнак С., *Аполлон. Общая история пластических искусств*, пер. с франц., изд. 2, М., 1924.
- Соколов Г., *Мирон. Поликлет*, М., 1961.
- Фармаковский Б. В., *Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному непосредственно после Греко-персидских войн*, СПб., 1902.
- Фармаковский Б. В., *Художественный идеал демократических Афин. Общий очерк*, Пг., 1918.
- Флетчер Б. Ф., *История архитектуры*, пер. с англ., вып. 1—3, СПб., 1911—1913.
- Чубова А. М., *Скопас*, М.—Л., 1959.
- Шуази О., *История архитектуры*, т. I, пер. с франц., под общ. ред. А. А. Сидорова, М., 1935.
- Alscher L., *Griechische Plastik*, Bd. I, Berlin, 1954.
- Frel I., *Pôčátky Řeckého socharství*, Praha, 1951.
- Frel I., *Klasické Řecké socharství*, Praha, 1952.
- Furtwängler A., Reichhold K., *Griechische Vasenmalerei*, München, 1909—1927.
- Perrot G. et Chipiez Ch., *Histoire de l'Art dans l'Antiquité*, vol. 1—VIII.
- Richter G. M. A., *The Sculpture and Sculptors of the Greeks*, ed. 3, New Haven, 1951.

Раздел I

**ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ**

Серии научных изданий греческих авторов

- «Les auteurs grecs et latins».— Collection des Universités de France (CUF),
publ. sous le patronat de l'Association Guillaume Budé, Paris.
«Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana», Leipzig.
«The Loeb Classical Library», London and New York.
«Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis», Oxford.

**Сборники переводов греческих и латинских
авторов**

- Алексеев В., *Древнегреческие поэты в биографиях и образцах*, СПб., 1895.
Артюшков А., *Котурн и маски*, М., 1912.
Асмус В. Ф., *Античные мыслители об искусстве*, изд. 2, М., 1938.
Блуменау Л. В., *Греческие эпиграммы*, ред. и доп. Ф. А. Петровского, М.—Л., 1935.
Вересаев В. В., *Эллинские поэты*,— Собр. соч., т. X, М., 1929.
Голосовкер Я. Э., *Лирика древней Эллады*, М., 1935.
Голосовкер Я. Э., *Поэты-лирики древней Эллады и Рима*, М., 1955.
«Греческая эпиграмма», пер. с древнегреческого под ред. Ф. Петровского,
сост. Ф. Петровский и Ю. Шульц, М., 1960.
«Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. Гиперид, Ликург, Ди-
нарх, Эсхин», пер. под ред. К. М. Колобовой,— «Вестник древней
истории», 1962, № 1 и сл.
«Греческая трагедия. Эсхил, Софокл, Еврипид», пер. под ред. Ф. А. Петров-
ского, М., 1950.
Дератани Н. Ф. и Тимофеева Н. А., *Хрестоматия по античной литературе*, т. I,
Греческая литература, изд. 6, М., 1958.
Кондратьев С. П., Петровский Ф. А., *Античные поэты об искусстве*, М., 1938.
Латышев В. В., *На досуге. Переводы из древних поэтов*, СПб., 1898.
Нилендер В. О., *Греческая литература в избранных переводах*, М., 1939.
«Поздняя греческая проза», пер. под ред. М. Грабарь-Пассек, сост. С. Поля-
кова, М., 1960.
Семенов А. Ф., *Избранные отрывки греческих лириков классического периода*,
Ростов-н/Д, 1916.
Троянский И. М. и Меликова-Толстая С. В., *Античные теории языка и стиля*,
под ред. О. М. Фрейденберг, Л., 1936.

Переводы греческих авторов
(в хронологическом порядке)

Гомер и его современники

- Гомер, *Илиада*, пер. Н. И. Гнедича, М., 1959.
Гомер, *Илиада*, пер. Н. М. Минского, М., 1935.
Гомер, *Илиада*, пер. В. В. Вересаева, М.—Л., 1949.
Гомер, *Одиссея*, пер. В. А. Жуковского, М., 1959.
Гомер, *Одиссея*, пер. П. Н. Шуйского, Свердловск, 1948.
Гомер, *Одиссея*, пер. В. В. Вересаева, М., 1953.
Гомер, *Гимны*, полн. пер. В. В. Вересаева, М., 1926; В. В. Вересаев, *Сочинения*, т. X, М., 1929; *Сочинения*, т. III, М., 1948.
«Гомеровские гимны», пер. Д. Шестакова, Казань, 1892.
«Война мышей и лягушек (Батрахомомахия)», пер. М. С. Альтмана, М.—Л., 1936.
Гесиод, *Работы и дни*, пер. В. В. Вересаева, М., 1927.
Гесиод, *Теогония*,— В. В. Вересаев, *Собр. соч.*, т. X, М., 1929.

Поэты-лирики

- Алкей и Сафо, *Собрание песен и лирических отрывков*, пер. размерами подлинника В. Иванова со вступительным очерком его же, М., 1914 (серия «Памятники мировой литературы»).
- Анакреонт, Первое полное собрание его сочинений в пер. русских писателей, сост. А. П. Тамбовский, СПб., 1896.
- Архилох, *Стихотворения и фрагменты*, пер. В. Вересаева, М., 1915; В. В. Вересаев, *Собр. соч.*, т. X, М., 1929.
- Пиндар, пер. А. В. Майкова,— «Журнал Министерства народного просвещения», 1892—1898.
- Феогнид из Мегар, *Элегии*, пер. и вступ. статья А. Пиотровского, Пг., 1922.

Историки и философы классического периода

- Геродот, *История* в IX книгах, пер. Ф. Г. Мищенко, изд. 2, т. I—II, М., 1888.
- Ксенофонт, *Собр. соч.*, пер. Г. Я. Янчевецкого, т. I—V, Ревель, 1887—1897.
- Ксенофонт, *Греческая история*, пер. С. Лурье, Л., 1935.
- Ксенофонт, *Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе. Защита Сократа на суде. Пир. Домострой*, пер. С. И. Соболевского, М.—Л., 1935.
- Ксенофонт, *Анабазис*, пер. М. И. Максимовой, М.—Л., 1951.
- Фукидид, *История*, пер. Ф. Мищенко, в переработке С. Жебелева, т. I—II, М., 1915.
- Гераклит Ефесский, *Фрагменты*, пер. В. Нилендера, М., 1910.
- «Гиппократ», пер. под ред. В. П. Карпова, т. I—III, М., 1936—1944.

- «Демокрит», пер. А. О. Маковельского,— в кн.: «Материалисты древней Греции», М., 1955.
- «Эмпедокл», пер. Г. И. Якубаниса,— в кн.: Лукреций, *О природе вещей*, М., 1947.
- Платон, Сочинения, пер. с греч. проф. Карпова, изд. 2, СПб., 1863—1879. т. I, *Протагор. Эвтидем. Лахес. Хармид. Иппиас. Эвтифрон. Апология Сократа*; т. II, *Критон. Федон. Менон. Горгиас. Алкивиад первый. Алкивиад второй*; т. III, *Полития или государство*; т. IV, *Федр. Пир. Лизис. Иппиас большой. Менексен. Ион. Феаг. Соперники. Иппарх. Клитофон*; т. V, *Филеб. Кратил. Теэтет. Софист*; т. VI, *Политик. Парменид. Тимей. Критиас. Минос. Эриксиас*.
- Платон, *Творения Платона*, т. I—II, пер. В. С. Соловьева, М., 1899—1903.
- Платон, Полное собрание творений Платона в XV томах, нов. пер. под ред. С. А. Жебелева, т. I, IV, V, IX, XIII, XIV, Пг., 1923—1929: т. I, *Эвтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон*; т. IV, *Парменид. Филеб*; т. V, *Пир. Федр*; т. IX, *Гиппий большой. Гиппий меньший*; т. XIII, *Законы*; т. XIV, *Законы и послесловие к законам*.
- Платон, *Теэтет*, пер. В. Сережникова, М.—Л., 1936.
- Аристотель, *Политика*, пер. С. А. Жебелева, СПб., 1911.
- Аристотель, *Афинская полития, Государственное устройство афинян*, пер. и прим. проф. С. И. Радцига, изд. 2, М., 1937.
- Аристотель, *Аналитики первая и вторая*, пер. Б. А. Фохта, М., 1952.
- Аристотель, *Категории*, пер. А. В. Кубицкого, ред., вступит. ст. и прим. Г. Ф. Александрова, М., 1939.
- Аристотель, *Метафизика*, пер. А. В. Кубицкого, М.—Л., 1934.
- Аристотель, *О душе*, пер. и прим. П. С. Попова, М., 1937.
- Аристотель, *О частях животных*, пер. с греч., вступит. ст. и прим. В. П. Карпова, М., 1937.
- Аристотель, *Поэтика (Об искусстве поэзии)*, пер. В. Г. Апфельрота, М., 1957.
- Аристотель, *Физика*, пер. В. П. Карпова, М., 1936.
- Аристотель, *Этика*, пер. Э. Радлова, СПб., 1908.
- Эпикур, *Письма и фрагменты*, пер. С. И. Соболевского,— в кн.: «Материалисты древней Греции», М., 1955.

Греческие трагики

- Эсхил, *Трагедии [Персы. Молящие. Семь против Фив. Прикованный Прометей. Орестей Освобожденный Прометей (Фрагменты)]*, пер., ст. и коммен. А. И. Пиотровского, М.—Л., 1937.
- Эсхил, *Прометей прикованный*, пер. С. Соловьева и В. Нилендера, вступит. ст. А. В. Луначарского и С. Соловьева; *Прометей освобожденный*, восст. Сергеем Соловьевым по отрывкам Эсхила, М.—Л., 1927.
- Эсхил, *Прометей Прикованный*, пер. под ред. С. Апта, М., 1956.
- Эсхил, *Орестей*, пер. с древнегреч. С. Апта, М., 1961.
- Софокл, *Драмы*, пер. с введениями и вступит. очерком Ф. Зелинского, т. I—III. Пг., 1914—1915 (серия «Памятники мировой литературы»).

- Софокл, *Трагедии*, пер. с древнегреч. С. В. Шервинского, М., 1958
- Еврипид, *Драмы. Театр Еврипида*, пер. И. Анненского, под ред. Ф. Зелинского, т. I—III, М., 1916—1921 (серия «Памятники мировой литературы»).
- Еврипид, *Пьесы (Медея. Ипполит. Геракл. Электра. Орест. Ифигения в Авлиде. Киклоп)*, пер. И. Анненского, М., 1960 (серия «Библиотека драматурга»).

Греческие комедиографы

- Аристофан, *Комедии*, пер., вступит. ст. и коммен. А. Пиотровского: т. I, *Ахарняне. Всадники. Облака. Осы. Тишина*; т. II, *Птицы. Лисистрата. Женщины на празднике. Лягушки. Законодательницы. Богатство* М.—Л., 1934.
- Аристофан, *Комедии*, пер. с древнегреч., общая ред. переводов Ф. А. Петровского и В. Н. Ярхо, вступ. ст. и коммен. В. Н. Ярхо, М., 1954.
- Менандр, *Комедии*, пер. с греч., ст. и коммен. Г. Ф. Церетели, М.—Л., 1936.

Греческие ораторы и публицисты

- Исократ, *Торжественное похвальное слово (Панегирик)*, пер. А. Замятина, Смоленск, 1883.
- Исократ, *Панегирик*, пер. Н. Коренькова, Калуга, 1891.
- Исократ, *Наставление Демонику. Речь о значении ареопага*, пер. М. Гурьева, СПб., 1883.
- Гиперид, *Речи*, пер. Л. М. Глускиной, под ред. К. М. Колобовой,— «Вестник древней истории», 1962, № 1, Приложение.
- Демосфен, *Речи*, пер. с греч., ст. и прим. С. И. Радцига, М., 1954.
- Лисий, *Речи*, пер., ст. и прим. С. И. Соболевского, М.—Л., 1933.
- Эсхин, *Речь против Ктесифонта*, пер. Н. Лисова, СПб., 1887.

Авторы эллинистической и римской эпохи

- «Античные писатели о древней Индии»,— «Вестник древней истории», 1940, № 2.
- Аполлодор, *Полиоркетика*,— «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.
- Арриан, *Анабазис Александра*, пер. с греч. Н. Коренькова, Ташкент, 1912.
- Арриан (Псевдоарриан), *Плавание вокруг Эритрейского моря*,— «Вестник древней истории», 1940, № 2.
- Герод, *Мимиямбы*, пер. с древнегреч., ред. и предисл. Д. А. Горнунга, М., 1938.
- Диодор Сицилийский, *Историческая библиотека*, пер. с греч. И. Алексеева, т. I—VI, СПб., 1774—1775.
- Павсаний, *Описание Эллады*, пер. и вводная ст. С. П. Кондратьева, т. I—II, М., 1938—1940.

- Полибий, *Всеобщая история в сорока книгах*, пер. Ф. Г. Мищенко, т. I—III, М., 1890—1899.
- Плутарх, *Избранные биографии*, под ред., с предисл. С. Я. Лурье, М.—Л., 1941.
- Плутарх, *Сравнительные жизнеописания*, изд. подготовили С. П. Маркиш и С. И. Соболевский, т. I, М., 1961.
- Страбон, *География в 17-ти книгах*, пер. с греч. с предисл. и указ. Ф. Г. Мищенко, М., 1879.
- Феокрит, *МосхБион, Идиллии и эпиграммы*, пер. и коммен. М. Е. Грабарь-Пассек, М., 1958.
- Феофраст, *Характеры*, пер. В. Алексеева, СПб., 1893.
- Филострат, *Картины. Каллистрат, Статуи*, М., 1936.
- Харитон, *Повесть о любви Херея и Каллирои*, пер. и коммен. И. И. Толстого, М., 1954.
- Эпиктет, *Афоризмы*, пер. В. Алексеева, СПб., 1891.
- Ахилл Татий, *Левкиппа и Клитофонт*, пер. А. Б. Д. Е. М., под ред. Б. Л. Богаевского, Л., 1925.
- Гелиодор, *Эфиопика*, пер. под ред. А. Егунова, М., 1932.
- Каллимах, *Избранные гимны и эпиграммы*, пер. В. В. Алексеева, СПб., 1899.
- Ксенофонт Эфесский, *Повесть об Габрокоме и Антии*, пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, М., 1956.
- Лонг, *Дафнис и Хлоя*, пер. С. П. Кондратьева, М., 1957.

Эпиграфические обзоры. Важнейшие сборники и публикации греческих надписей и папирусов

- Амусин И. Д., *Из новых работ по папирологии*,—«Вестник древней истории», 1959, № 2.
- Граков Б. Н., *Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии*,—«Вестник древней истории», 1939, № 3.
- Жебелев С. А., *Херсонесская присяга*,— в кн.: С. А. Жебелев, *Северное Причерноморье*, М., 1953, стр. 217—247.
- Латышев В. В., *Эпиграфические этюды*,— в кн.: «Pontica», СПб., 1909.
- Ленцман Я. А., *Расшифровка крито-микенских надписей* (Из работ зарубежных ученых),—«Вопросы истории», 1955, № 9.
- Лурье С. Я., *Древнейшие аттические надписи*,— в сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», М.—Л., 1937.
- Лурье С. Я., *Обзор новейшей литературы по греческим надписям микенской эпохи*,—«Вестник древней истории», 1957, № 3.
- Никитский А. В., *Дельфийские эпиграфические этюды*, I—VI, Одесса, 1894—1895.
- Новосадский Н. И., *Греческая эпиграфика*, Лекции, чит. в Московском Археологическом ин-те, изд. 2, М., 1915.
- Новосадский Н. И., *Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937)*,—«Вестник древней истории», 1938, № 4.
- Пикус Н. Н., *Краткий обзор папирологических изданий*,—«Вестник древней истории», 1947, № 1.

- Соколов Ф. Ф., *Новые амфикионовские тексты*,— в кн.: «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910.
- Соломоник Э. И., *Сарматские знаки Северного Причерноморья*, Киев, 1959.
- Толстой И. И., *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*, М.—Л., 1953.
- Церетели Г. Ф., *Папирология в СССР и обзор хранящихся в музеях Москвы, Ленинграда и Тифлиса коллекций папирусов*,— «Труды Тбилисского университета», т. V, 1936.
- Штаерман Е. М., *Античная эпиграфика в СССР*,— «Вестник древней истории», 1947, № 3.
- Buck C. D., *The Greek Dialects (Grammar, selected Inscriptions, Glossary)*, Chicago, 1955.
- Collitz H. und Bechtel, *Sammlung der griechischen Dialektinschriften*, Göttingen, 1894—1915.
- Dittenberger W., *Sylloge inscriptionum Graecarum* (сокр. SIG), vol. I—IV, ed. 3, Leipzig, 1915—1924.
- Dittenberger W., *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae* (сокр. OGIS), vol. I—II, Leipzig, 1903—1905.
- Hunt A. S. and Edgar C. C., *Select Papyri*, vol. I—II, 1932—1934.
- «Inscriptiones Graecae» начиная с 1873 г. и след.
- «Inscriptiones Graecae» (сокр. IG²), ed. Minor,— с 1924 г.
- «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae», ed. V. V. Latyshev, vol. I, ed. 2, 1916; vol. II, 1885; vol. IV, supplementa continens per annos 1885—1900 collecta, 1901, Petropolis.
- Larfeld W., *Handbuch der griechischen Epigraphik*, München, 1914.
- Michel G. H., *Recueil d'inscriptions grecques*, Paris, 1897—1899. Suppl. fasc. I. 1912; fasc. II, 1927.
- Mitteis L., Wilcken U., *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde* Bd. I—IV, Leipzig, 1912.
- «Monumenta Asiae Minoris Antiqua», (сокр. МАМА), vol. I—VI, Manchester, 1928—1939.
- Page D. L., *Greek Literary Papyri*, vol. I—II, London, 1942.
- Peek W., *Griechische Versinschriften*, Bd I, *Grabepigramme*, Berlin, 1955.
- «Supplementum Epigraphicum Graecum» (сокр. SEG), vol. I—XIV, 1923 sq.
- Schubart W., *Einführung in die Papyruskunde*, Berlin, 1918.
- Tod M. N., *Greek Historical Inscriptions*, vol. I—II, London, 1948—1950.
- Wilcken U., *Urkunden der Ptolemäerzeit*, vol. I—II, Berlin, 1922—1937.
- Zereteli G., *Papiri Russischer und Georgischer Sammlungen*, hrg., von G. Zereteli, I—VI, Tiflis, 1925—1930.

Нумизматика

- Зограф А. Н., *Краткий путеводитель по отделу нумизматики (Эрмитаж)*, Л., 1939.
- Зограф А. Н., *Античные монеты*,— «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1951.
- Ильин А. М., *Монеты древнего Танаиса*, Ростов-н/Д., 1912.

- Марков А. К., *Древняя нумизматика*, Лекции, прочит. в СПб. Археологическом ин-те. ч. 1—2, СПб., 1901—1903.
- «Нумизматический сборник», т. I—III, М., 1911—1915.
- Орешников А. В., *Описание древнегреческих монет*, М., 1891.
- Придик Е. М., *Греческие и римские монеты*. Пособие для ознакомления с главными началами нумизматики, СПб., 1908.
- Спаский В. Г. и Янин В. Л., *Советская нумизматика*, Библиографический указатель 1917—1958,— в кн.: «Нумизматика и эпиграфика», II, М., 1960, стр. 155—209.
- Цыбульский С. О., *Греческие монеты. Нумизматический атлас для школ и любителей греческих древностей*, СПб., 1894.
- Шелов Д. Б., *Монетное дело Восточной VI—II вв. до н. э.*, М., 1956.
- Babelon E., *Les monnaies grecques*. Paris, 1921.
- Gardner P., *History of Ancient Coinage 700—300 B. C.*, Oxford, 1918.
- Head B. V., *Historia Nummorum*, ed. 2, Oxford, 1911.
- Hill G. F., *Historical Greek Coins*, London, 1906.
- Hultsch F., *Griechische und Römische Metrologie*, Aufl. 2, Berlin, 1882.
- Imhoof-Blumer F., *Monnaies grecques*, Amsterdam, 1883.
- Reinach T., *L'histoire par les monnaies*, Paris, 1902.
- Robert L., *Études de numismatique grecque*, Paris, 1951.

Античная археология

- Амальрик А. С. и Монгайт А. Л., *В поисках исчезнувших цивилизаций, Очерки археологии*, М., 1959.
- Арциховский А. В., *Введение в археологию*, изд. 3, М., 1947.
- Блаватский В. Д., *Античная археология*, М., 1962.
- Бузескул В., *Открытия XIX и начала XX века в области истории Древнего мира*, ч. II, *Древнегреческий мир*, Пг., 1924.
- Диль Ш., *По берегам Средиземного моря*, М., 1915.
- Диль Ш., *По Греции, Археологические прогулки*, М., 1913.
- Жебелев С. А., *Введение в археологию*, ч. I, *История археологического знания*, Пг., 1923; ч. II, *Теория и практика археологического знания*, Пг., 1923.
- Керам К., *Боги, гробницы, ученые. Роман археологии*, М., 1960.
- Михаэлис А., *Художественно-археологические открытия за 100 лет*, пер. с нем., под ред. проф. Мальмберга, М., 1913.
- Монгайт А. Л., *Археология в СССР*, М., 1955.
- Шевченко В., *Сокровища исчезнувших городов. Записки музейного работника*, Л., 1948.
- Grawford O. G. S., *Archaeology in the Field*, ed. 2, London, 1953.
- Mousset A., *Les antiquités de la Grèce: Olympie et les jeux grecs*, Paris, 1960.
- Otto W., *Handbuch der Archäologie*, München, 1939.
- Picard Ch., *Manuel d'archéologie grecque. La sculpture*, vol. I—II, Paris, 1935—1939.
- Schefold K., *Orient, Hellas und Rom in der archäologischen Forschung seit 1939*, Bern, 1949.

Историографические работы по древней Греции

- Алпатов М. А., *Лекционные курсы П. Г. Виноградова в 80-х гг. по античной истории*,— «Вестник древней истории», 1957, № 4.
- Андреев В., *Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии*,— «Вестник древней истории», 1960, № 4.
- Бузескул В. П., *Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века (материалы)*, ч. 1—2, Л., 1929—1931.
- Бузескул В. П., *Разработка древнегреческой истории в России*,— «Анналы», т. XIV, Пг., 1924.
- Бузескул В. П., *Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира*, ч. 2, *Древнегреческий мир*, Пг., 1924.
- Доватур А. И., *Вопросы истории афинской демократии в новейшей зарубежной литературе*,— в сб.: «Критика новейшей буржуазной историографии», М.—Л., 1961.
- Жебелев С. А., *Итоги изучения античности в СССР за 20 лет*,— «Известия АН СССР», серия отд. общ. наук, 1937, № 5.
- Ирмшер И., *Издание в ГДР литературных источников по древней истории*,— «Вестник древней истории», 1955, № 3.
- Коростовцев М. А., *Изучение истории древнего мира за 25 лет*,— в сб.: «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», М., 1942.
- Мишулин А. В., *О наследстве русской науки по древней истории*,— «Вестник древней истории», 1938, № 3.
- Момиляно А., *О современном состоянии изучения древней истории*,— «Вопросы истории», 1956, № 3.
- Пикус Н. Н., *Изучение истории эллинистического Египта в XIX веке*,— в кн.: «Древний Мир. Сборник статей акад. В. В. Струве», М., 1962.
- Свенцицкая И. С., *Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе*,— «Вестник древней истории», 1960, № 2.
- Семенов-Зусер С. А., *Скифская проблема в отечественной науке*, Харьков, 1947.
- Тюменев А. И., *Изучение истории древней Греции в СССР за 40 лет (1917—1957)*,— «Вестник древней истории», 1957, № 3.

Раздел II

КРИТО-МИКЕНСКАЯ КУЛЬТУРА

- Богаевский Б., *Крит и Микены (Эгейская культура)*, Л., 1924.
- Виппер Р. Ю., *Древний Восток и эгейская культура*, изд. 2, М., 1916.
- Георгиев В., *Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей*, София, 1954.
- Захаров А. А., *Эгейский мир в свете новейших исследований*, М., 1924.
- Златковская Т. Д., *У истоков европейской культуры (Троя. Крит. Микены)*, М., 1961.

- Ленцман Я. А., *Расшифровка крито-микенских надписей (Из работ зарубежных ученых)*, — «Вопросы истории», 1955, № 9.
- Лихтенберг Р., *Доисторическая Греция*, под ред. Б. В. Фармаковского, СПб., 1913.
- Лурье С. Я., *Язык и культура микенской Греции*, М.—Л., 1957.
- Мейерович М., *Шлиман*, М., 1938 (серия «Жизнь замечательных людей»).
- Пендлберн Дж., *Археология Крита*, пер. с англ. Я. М. Боровского, М., 1950.
- Томсон Дж., *Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический и Эгейский мир*, пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой и В. С. Соколова, М., 1958.
- Bennett E. L., *The Pylos Tablets. Texts of the Inscriptions found 1939—1954*, Princeton, 1955.
- Bennett E. L., Chadwick J., Ventris M., *The Knossos Tablets. A revised Transliteration of all the Texts in the Micaenian Greek*, ed. 2, with Corrections, Additions by J. Chadwick with the Assistance of Fr. Householder, London, 1959.
- Blegen C. W. *Athens and the Early Age of Greece*, New York, 1940.
- Chadwick J., *The Decipherment of Linear B.*, Cambridge, 1958.
- Evans A., *The Palace of Minos*, vol. I—V, London, 1921—1935.
- Glötz G., *La civilisation égéenne*, ed. 3, Paris, 1952.
- Kantor H. J., *The Aegean and the Orient in the second millenium B. C.*, New York, 1947.
- Marinatos Sp., *Crete and Mycenae*, London, 1960.
- «Minoica and Homer, Eine Aufsatzsammlung», hgb. von V. Georgiev und J. Irmscher, Berlin, 1961.
- Ventris M. and Chadwick J., *Documents in the Mycaenian Greek*, Oxford, 1956.

Раздел III

ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

- Альтман М. С., *Пережитки родового строя в собственных именах у Гомера*, Л., 1936 (ГАИМК, вып. 124).
- Воеводский Л. Ф., *Введение в мифологию «Одиссеи»*, Одесса, 1881.
- Джебб Г., *Гомер, Введение к «Илиаде» и «Одиссее»*, СПб., 1892.
- Захаров А. А., *Гомер*, М., 1918.
- Кагаров Е. Г., *Общественный строй греков гомеровской эпохи*, — «Советская этнография», 1938, № 4.
- Лосев А. Ф., *Гомер*, М., 1960.
- Маркиш С., *Гомер и его поэмы*, М., 1962.
- Петрушевский Д. М., *Общество и государство у Гомера*, изд. 2, М., 1913.
- Соколов Ф. Ф., *Гомеровский вопрос*, — «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910.
- Шестаков С. П., *О происхождении поэм Гомера*, т. I—II, Казань, 1891—1899.
- Finley M. I., *The World of Odysseus*, ed. 2, London, 1956.
- Forsdyke J., *Greece before Homer, Ancient Chronology and Mythology*, London, 1956.

- Lorimer H., *Homer and Monuments*, London, 1950.
 Myres J. L., *Homer and his Critics*, London, 1958.
 Page D. L., *History and the Homeric Iliad*, London, 1959.
 Seymour T. D., *Life in the Homeric Age*, New York, 1914.
 Wilamowitz-Moellendorff U., *Ilias und Homer*, Berlin, 1916.

Раздел IV

РАННЯЯ ГРЕЦИЯ

Греция в эпоху «Великой колонизации» в VIII—VI вв. до н. э.

- Бауэр В., *Эпоха древней тирании в Греции*, СПб., 1863.
 Жебелев С. А., *Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, М.—Л., 1953.
 Колобова К. М., *Из истории раннегреческого общества (остров Родос, IX—VII вв. до н. э.)*, Л., 1951.
 Ленцман Я. А., *О возникновении товарного производства в древней Греции*,— «Вестник древней истории», 1953, № 3.
 Олива П., *К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в древней Греции*,— «Вестник древней истории», 1954, № 1.
 Свобода Г., *Колонизация в Греции*,— сб. «Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков», СПб., 1899.
 Соколов Ф. Ф., *Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии*, СПб., 1865.
 Тюменев А. И., *К вопросу об этногенезе греческого народа*,— «Вестник древней истории», 1953, № 4; 1954, № 4.
 Хилинский К. В., *Предание о начале Ионии*,— «Журнал Министерства народного просвещения», 1908, № 5.
 Хогарт Д. Г., *Иония и Восток, 6 лекций*, прочит. в Лондонском университете, СПб., 1914.
 Энман А. Ф., *Эллада и «эллины»*,— «Журнал Министерства народного просвещения», 1893, № 11.
 Andrewes A., *The Greek Tyrants*, London, 1956.
 Berard J., *L'expansion et la colonisation grecques jusqu'aux guerres médiques*, Paris, 1960.
 Diesner H. J., *Griechische Tyrannis und griechische Tyrannen*, Berlin, 1960.
 Dunbabin T. J., *The Western Greeks*, Oxford, 1948.
 Minns E. N., *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913.
 Oliva P., *Raná recká tyřannis*, Praha, 1954.

Греческие колонии Северного Причерноморья

- «Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории культуры»,— сб. статей под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой, М.—Л., 1956.

- Белов Г. Д., *Херсонес Таврический*, Л., 1948.
- Блаватская Т. В., *Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э.*, М., 1959.
- Блаватская Т. В., *Западно-понтийские города в VI—I вв. до н. э.*, М., 1952.
- Блаватский В. Д., *Искусство греческих колоний Северного Причерноморья*, М., 1948.
- Блаватский В. Д., *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*, М., 1953.
- Блаватский В. Д., *Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья*, М., 1954.
- Гайдукевич В. Ф., *Боспорское царство*, М.—Л., 1949.
- Граков Б. Н., *Скифы*, Киев, 1947.
- «Древности Боспора Киммерийского», т. I—III, СПб., 1854.
- «Древности Геродотовой Скифии», вып. 1—2, СПб., 1866—1872.
- Жебелев С. А., *Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, М.—Л., 1953.
- Иванова А. П., *Искусство античных городов Северного Причерноморья*, Л., 1953.
- Иессен А. А., *Греческая колонизация Северного Причерноморья*, Л., 1957.
- «Из истории Боспора», М.—Л., 1934 (Изв. ГАИМК, вып. 104).
- Каллистов Д. П., *Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи*, Л., 1947.
- Каллистов Д. П., *Северное Причерноморье в античную эпоху*, М., 1952.
- Книппович Т. Н., *Танаис*, М.—Л., 1949.
- Кобылина М. А., *Фанагория*, М., 1956.
- Кулаковский Ю., *Прошлое Тавриды*, Киев, 1906.
- Латышев В. В., *Pontica*,—Сборник научных и критических статей по истории археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря, СПб., 1909.
- Латышев В. В., *Исследования об истории и государственном строе города Ольвии*, СПб., 1887.
- Максимова М. И., *Античные города юго-восточного Причерноморья*, М.—Л., 1956.
- «Ольвия», сб. статей, Киев, 1940.
- «Пантикапей», сб. статей, под ред. И. Б. Зеест, М., 1957.
- «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», сб. статей под ред. А. И. Смирнова, М., 1959.
- Ростовцев М. И., *Скифия и Боспор, Критическое обозрение памятников литературных и археологических*, Л., 1925.
- Ростовцев М. И., *Античная декоративная живопись на юге России*, т. I—II, СПб., 1914.
- Славин Л. М., *Древний город Ольвия*, Киев, 1950.
- Тюменев А. И., *Херсонесские этюды*.—«Вестник древней истории», 1938, № 2; 1949, № 4; 1950, № 2; 1955, № 3.
- «Фанагория», сб. статей, под ред. А. П. Смирнова, М., 1956.
- Фармаковский Б. В., *Ольвия*, М., 1915.
- Шелов Д. Б., *Античный мир в Северном Причерноморье*, М., 1956.

Шелов Д. Б., *Монетное дело Боспора VI—II в. до н. э.*, М., 1956.
Шульц П. Н., *Мавзолей Неаполя Скифского*, М., 1953.

Древняя Спарта и Крит

- Бергер А. К., *Социальные движения в древней Спарте*, М., 1936.
Казаманова Л. Н., *Некоторые вопросы социально-экономического строя критских полисов (VI—IV вв. до н. э.)*, — «Вестник древней истории», 1957, № 3.
Колобова К. М., *Древняя Спарта (X—VI вв. до н. э.)*, Л., 1957.
Мандес М., *Мессенские войны и восстановление Мессении. История и традиция*, Одесса, 1898.
Хвостов М., *Хозяйственный переворот в древней Спарте*, Казань, 1901.
Busolt G., *Die Lakedaemonier und ihre Bundesgenossen*, Leipzig, 1878.
Cavaignac Eug., *Sparte*, Paris, 1948.
Chrimes K. M., *Ancient Sparta*, Manchester, 1952.
Meyer Ed., *Lykurgos von Sparta. Forschungen zur alten Geschichte*, Bd I, Halle, 1892.
Michell H., *Sparta*, Cambridge, 1952.

Образование Афинского государства

- Боузек Я., *К истории Аттики XI—VIII вв. до н. э.*, — «Вестник древней истории», 1962, № 1.
Гершензон М. О., *Афинская Политика Аристотеля и жизнеописание Плутарха*. Исследование, М., 1895.
Гольдин Н. С., *Афинский совет «boule». История, организация, ведомство*, Харьков, 1904.
Жебелев С. А., *К истории образования послеклисфеновских фил*, — «Сборник в честь Ф. Ф. Соколова», СПб., 1895.
Жебелев С. А., *Царь Кодр*, — «Доклады Академии наук СССР», 1929, № 11.
Колобова К. М., *Революция Солона*, — «Ученые записки Ленинградского Государственного Университета», серия ист. наук, вып. 4, № 39, Л., 1939.
Леницман Я. А., *Достоверность античной традиции о Солоне*, — в кн.: «Древний мир», акад. В. В. Струве, сб. статей, М., 1962.
Лурье С. Я., *К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI века*, — «Ученые записки Ленинградского Государственного Университета», серия ист. наук, вып. 4, № 39, Л., 1939.
Покровский А. И., *О хронологии афинской истории VI столетия до Р. Х.*, Киев, 1915.
Тюменев А. И., *Разложение родового строя и революции VII—VI вв. в Греции*, — в кн.: «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций», М.—Л., 1934.
Cornelius F., *Die Tyrannis in Athen*, München, 1929.
Freeman K., *The Work and Life of Solon*, London, 1926.
Kornemann E., *Athen und Attika — Synoikismos*, — «Forschungen und Fortschritte», Berlin, 1934.

- Linforth I. M., *Solon the Athenian*, Berkeley, 1919.
 Mac Gregor M. F., *The Pro-Persian Party at Athens*,— «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson», Harvard, 1940.
 Ure P. N., *The Origin of Tyranny*, Cambridge, 1922.
 Woodhouse W. J., *Solon the Liberator A Study of the Agrarian Problem in Attica in the Seventh Century*, London, 1938.

Раздел V

КЛАССИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ

- Бузескул В. П., *Афинская демократия*, Общий очерк, Харьков, 1920.
 Бузескул В. П., *Перикл. Личность, деятельность, значение*, Пг., 1923.
 Бузескул В. П., *Перикл. Историко-критический этюд*, Харьков, 1889.
 Бузескул В. П., *История афинской демократии*, СПб., 1909.
 Виппер Р. Ю., *История Греции в классическую эпоху*, М., 1916.
 Грант А. Дж., *Греция в век Перикла*, пер. под ред. Н. Н. Шамониной, М., 1905.
 Жебелев С. А., *Демосфен*, М., 1922.
 «История Греции со времен Пелопоннесской войны»,— Сборник статей под ред. Н. Н. Шамониной и Д. М. Петрушевского, вып. 1—2, М., 1896.
 Куторга М. С., *Афинская гражданская община по известиям эллинических историков*,— в кн.: М. С. Куторга, Собр. соч., т. I, СПб., 1894.
 Лурье С. Я., *Беотийский союз*, СПб., 1914.
 Невская В. П., *Византий в классическую и эллинистическую эпохи*, М., 1953.
 Никольская Г. Б., *К истории крестьянства Аттики в V в. до н. э. (Материалы о положении аттического крестьянства накануне Пелопоннесской войны)*,— «Труды Среднеазиатского университета», вып. 141, серия ист. наук, кн. 29, Ташкент, 1958.
 Никольская Р. А., *Социально-политическая борьба в Афинах в конце V века до н. э.*,— «Ученые записки Белорусского университета», вып. 23, Минск, 1955.
 Соколов Ф. Ф., *Pentekontaetia*,— в кн.: «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб. 1910.
 Beloch J., *Die attische Politik seit Perikles*, Leipzig, 1888.
 Cloché P., *La démocratie athénienne*, Paris, 1951.
 Cloché P., *Thèbes de Béotie des origines à la conquête romaine*, Paris, 1953.
 Cloché P., *Le siècle de Périclès*, Paris, 1949.
 Ehrenberg V., *The People of Aristophanes*, Oxford, 1943.
 Freeman K., *Greek City-States*, London, 1950.
 Glotz G., *La Grèce au IV-e siècle; la lutte pour l'hégémonie (404—336)*, Paris 1938.
 Glotz G., *La Grèce au IV-e siècle; la lutte pour l'hégémonie (404—336)*, Paris, 1936.
 Grundy C. B., *Thucydides and the History of his Age*, vol. I—II, London, 1948.
 Guillon P., *La Béotie antique*, Paris, 1948.
 Hignett C., *A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century*, Oxford, 1952.

- Homo L., *Périclès. Une expérience de démocratie dirigée*, Paris, 1954.
- Jones A. H. M., *Athenian Democracy*, Oxford, 1957.
- Meritt B. D., Wade Gery H. T., Mc Gregor M. F., *Athenian Tribute Lists*, vol. I—III, Cambridge Princeton, 1939—1950.
- Romilly J., *Thucydide et l'impérialisme athénien*, Paris, 1947.
- Sanctis de G., *Storia dei Greci delle origini allo fine del secolo V*, ed. 4. vol. I—II, Firenze, 1954.
- Wilamowitz-Moellendorff U., *Aristoteles und Athen*, Bd I—II, Berlin, 1893.

Раздел VI

ЭПОХА ЭЛЛИНИЗМА

- «Александр Македонский, знаменитый завоеватель, прозванный Великим», сост. по К. Курцию и другим источникам, М., 1904.
- Байбаков Е. И., *О происхождении культа эллинистических царей*,— «Сборник в честь В. П. Бузескула», Харьков, 1914.
- Бартольд В. В., *Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-востоке*,— «Изв. Импер. Акад. наук», серия 6, 1916.
- Бузескул В. П., *Государство эллинистической эпохи*,— сб. «Античность и современность», Л., 1924.
- Бузескул В. П., *К положению земледельческого народа при Птолемеях*,— сб. «Античность и современность», Л., 1924.
- Васильевский В. Г., *Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка*, СПб., 1869.
- Дройзен И. Г., *История эллинизма*: т. I, *История Александра Великого*, М., 1890; т. II, *История диадохов*, М., 1893; т. III, *История эпигонов*, М., 1893.
- Жебелев С. А., *Из истории Афин, 229—31 гг. до р. х.*, СПб., 1898.
- Зельин К. К., *История земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э.*, М., 1960.
- Ковалев С. И., *Александр Македонский*, Л., 1937.
- Колесников Н. В., *Александр Великий*, Казань, 1914.
- Крюгер О. О., *Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте*,— в кн.: «Из истории материального производства античного мира», М.— Л., 1935.
- Кудрявцев О. В., *К вопросу о кризисе полиса*,— в кн.: Кудрявцев О. В., *Исследования по истории балканско-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории*, М., 1957.
- Мищенко Ф. Г., *Федеративная Еллада и Полибий*,— см. «Полибий», т. I, М., 1890.
- Периханян А. Г., *Храмовые объединения Малой Азии и Армении*, М., 1959.
- Ранович А. Б., *Эллинизм и его историческая роль*, М.— Л., 1950.
- Резников И., *Александр Македонский*, М., 1940.

- Соколов Ф. Ф., *Рассказ папируса о походе Птолемея III*,— «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910.
- Соколов Ф. Ф., *Договор Евмена с наемными воинами*,— «Труды Ф. Ф. Соколова», СПб., 1910.
- Тарн В., *Эллинистическая цивилизация*, пер. с англ., предисл. С. И. Ковалева, М., 1949.
- Тюменев А. И., *Передний Восток и античность (Страны речных культур в эллинистическую и римскую эпохи)*,— «Вопросы истории», 1957, № 6 и № 9.
- Фрезе Б. Н., *Очерки греко-египетского права*, ч. I, Ярославль, 1912.
- Хвостов М. М., *История восточной торговли греко-римского Египта*, Казань, 1907.
- Хвостов М. М., *Текстильная промышленность в греко-римском Египте*, Казань, 1914.
- Хвостов М. М., *Общественные работы в эллинистическом Египте*,— в кн.: «Сборник статей в честь В. П. Бузескула», Харьков, 1914.
- Уилер В., *Александр Великий*, пер. с англ., СПб., 1901.
- Altheim F., *Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*, Bd I—II, Halle, 1947—1948.
- Aymard A., *Les assemblées de la Confédération Achaienne*, Bordeaux, 1938.
- Bell H. I., *Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquest*, Oxford, 1948.
- Bevan E. R., *Histoire des Lagides*, Paris, 1934.
- Bikerman E., *Institutions des Seleucides*, Paris, 1938.
- Biezuńska — Malowist, *Z zagadnień niewolnictwa okresu Hellenistycznego*, Wrocław, 1949.
- Bouché — Leclercq A., *Histoire des Lagides*, vol. I—IV, Paris, 1903—1907.
- Cary M., *A History of the Greek World from 323 to 146 B. C.*, London, 1932.
- Cloché P., *Histoire de la Macédoine jusqu'à l'avènement d'Alexandre le Grand (336 avant J. C.)*, Paris, 1960.
- Ehrenberg V., *Alexander and the Greeks*, Oxford, 1938.
- Holleaux M., *Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au III-e siècle avant J. C.*, Paris, 1921.
- Kaerst J., *Geschichte des Hellenismus*, Aufl. 3, Bd I—II, Leipzig, 1927.
- Niese B., *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeroneia*, Bd I—III, Gotha, 1893—1903.
- Radet A., *Alexandre le Grand*, Paris, 1931.
- Reinach Th., *Mithridate Eupator roi du Pont*, Paris, 1890.
- Rostovtzeff M., *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, vol. I—III, Oxford, 1941.
- Schachermeyr Fr., *Alexander der Grosse Ingenium und Macht*, Graz, 1949.
- Tarn W., *Alexander the Great*, vol. I—II, Cambridge, 1948—1950.
- Tarn W., *Hellenistic Civilisation*, ed. 3, London, 1952.
- Toynbee A. J., *Hellenismus. The History of a Civilisation*, Oxford, 1959.
- Wilcken U., *Alexander der Grosse*, Leipzig, 1931.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Важнейшие даты социально-экономической, политической и культурной жизни

До новой эры

VI—III тысячелетия	Неолит на Крите.
3 000—2 200 гг.	Раннеминойский период.
3 000—2 000 гг.	Раннеэлладский период.
2 200—1 600 гг.	Среднеминойский период.
2 000—1 700 гг.	Среднеэлладский период.
1 700—1 200 гг.	Позднеэлладский период.
1 600—1 200 гг.	Позднеминойский период.
XV в.	Расцвет критской культуры.
XII в.	Троянская война.
XI—IX вв.	Гомеровский период.
VIII—VI вв.	«Великая колонизация».
776 г.	Первая Олимпиада.
Вторая половина VIII в.	Первая мессенская война.
Около 700 г.	Гесиод («Труды и дни», «Теогония»).
VII в.	Начало тирании в Малой Азии.
683/82 г.	Начало списка архонтов в Аттике.
Вторая половина VII в.	Вторая мессенская война.
Вторая половина VII в.	Тиртей (поэт из Спарты, автор элегий и военных маршей)
657—627 гг.	Тирания Кипсела в Коринфе.
Около 632 г.	Килонова смута
627—585 гг.	Тирания Перикланда в Коринфе.
621 г.	Законы Драконта.
VII—VI вв.	Алкей и Сапфо (лирические поэты с о. Лесбоса).
VI в.	Ионийская школа натурфилософии (Фалес Милетский, Анаксимандр, Анаксимен).
VI в.	Феогнит из Мегар («Элегии»)
VI в.	Анакреонт из Теоса (лирический поэт).
594 г.	Законодательство Солона.
560—527 гг.	Тирания Писистрага в Афинах.
537—522 гг.	Поликрат Самосский
Ок. 530—470 гг.	Гераклит Эфесский («О природе» — изложение начал диалектики).
525—456 гг.	Эсхил (автор трагедий «Персы», «Орестейя», «Скованный Прометей» и др.).
514 г.	Убийство Гиппарха Гармодием и Аристогитоном.
513 г.	Поход Дария I на скифов.
510 г.	Изгнание Гиппия из Афин.
Около 509 г.	Законы Клисфена
500—449 гг.	Греко-персидские войны.

- 500—494 гг.
500—431 гг.
497—406 гг.
494 г.
494 г.
493—492 гг.
492 г.
490—430 гг.
490 г.
485—465 гг.
485—478 гг.
Около 484—425 гг.
483—482 гг.
482 г.
480 г.
480 г.
480 г.
480 г.
480—406 гг.
479 г.
479 г.
478—477 гг.
471—470 гг.
469—399 гг.
469—468 гг.
464—425 гг.
464 г.
Около 462 г.
461 г.
Ок 460—395 гг.
460—370 гг.
457 г.
454 г.
454 г.
451 г.
450—388 гг.
449 г.
449 г.
447 г.
447—432 гг.
Восстание малоазийских греков.
Скульптор Фидий (скульптурные украшения Парфенона, «Афина», «Зевс» и др.).
Софокл (трагедии «Царь Эдип», «Антигона» и др.).
Восстание рабов в Аргосе.
Разрушение Милета персами.
Архонтство Фемистокла
Первый поход персов на Грецию под командованием Мардония. Гибель персидского флота у мыса Афон
Философ Эмпедокл («О природе» — учение о происхождении организмов)
Морской поход персов на Грецию под командованием Датиса и Артаферна. Битва при Маратоне
Правление Ксеркса в Персии
Гелон Сиракузский.
Геродот («История в девяти книгах»)
Создание афинского морского флота
Изгнание Аристиды.
Поход Ксеркса на Грецию.
Победа персов при Фермопилах.
Победа греков при о Саламине.
Победа сиракузского тирана Гелона над карфагенянами при Гимере.
Эврипид (автор трагедий «Медия», «Ипполит» и др.)
Победа греков при Платеях.
Победа греческого флота над персидским у мыса Микале
Образование Первого Афинского морского союза (Делосского).
Изгнание Фемистокла из Афин.
Сократ (афинский философ — основоположник идеалистического направления).
Победа Кимона над персами при р. Эвримедонте в Памфилии.
Правление персидского царя Артаксеркса I
Восстание илотов (Третья мессенская война).
Реформы Эфиальта
Изгнание Кимона
Фукидид («История Пелопоннесской войны в восьми книгах»)
Демокрит из Абдер (крупнейший философ-материалист древности).
Поражение афинян при Танагре.
Уничтожение афинского флота в Египте.
Перенесение союзной казны с о. Делоса в Афины
Возвращение Кимона
Аристофан (автор комедий «Всадники», «Облака», «Мир», «Лисистрата» и др.).
Победа афинян над персами при г. Саламине на о. Кипре
Каллиев мир.
Образование аристократического Беотийского союза во главе с Фивами
Постройка Парфенона (Иктин и Калликрат).

- 445 г. Заключение тридцатилетнего мира между Спартой и Афинами.
- 444—429 гг. Перикл во главе Афинского государства
- 444—443 гг. Основание г. Фурий в Италии.
- 440 г. Восстание на о. Самосе.
- 438—109 гг. Династия Спартокидов в Боспорском царстве
- Около 437 г. Экспедиция Перикла в Понт Эвксинский
- 436—337 гг. Исократ (автор «Панегирика», «Ареопагитика», «Филиппа» и др.).
- 433—432 гг. Морской союз Афин и Керкиры. Битва при Сиботских островах.
- 432 г. Мегарская псефисма.
- 431—404 гг. Пелопоннесская война.
- 431—421 гг. Архидомова война.
- 431 г. Нападение на Платей.
- 430 г. Начало эпидемии в Афинах.
- 430—355 гг. Ксенофонт (автор «Греческой истории», «Анабасиса», «Воспоминаний о Сократе» и др.).
- 429 г. Смерть Перикла.
- 428 г. Отложение о. Лесбоса от Афин.
- 427—347 гг. Платон (автор «Государства», «Законов» и др.)
- 425 г. Захват афинянами о. Сфактерии
- 422 г. Битва под Амфилоем.
- 421 г. Никиев мир.
- 418 г. Битва при Мантинее.
- 415—413 гг. Афинская экспедиция в Сицилию.
- 413 г. Захват спартанцами аттической крепости Декелен
- 413—404 гг. Декелийская (Ионийская) война
- 412 г. Союз Спарты с Персией.
- 411 г. Олигархический переворот в Афинах.
- 410 г. Победа афинян над спартанцами при Кизике
- 408—407 гг. Возвращение Алкивиада в Афины.
- 407 г. Поражение афинского флота в битве при мысе Нотий.
- 406 г. Битва при Аргинусских островах
- 406—367 гг. Дионисий I (тиран в Сиракузах).
- 405 г. Битва при Эгоспотомах.
- 404 г. Взятие Афин спартанцами.
- 404—403 гг. «Тирания тридцати» в Афинах.
- 403 г. Восстановление демократии в Афинах
- 401—400 гг. Отступление 10 тысяч греческих наемников
- 401 г. Битва при Кунаксе.
- 400—387 гг. Война Спарты с Персией.
- Около 400 г. Закон спартанского эфора Эпитадея.
- 399 г. Восстание Кинадона в Спарте.
- 399 г. Осуждение Сократа.
- 395—387 гг. Коринфская война.
- 394 г. Победа персидского флота над спартанским при Книде.
- 390—315 гг. Эсхин (автор речей «О посольстве», «Против Ктесифонта» и др.).
- 387 г. Анталкидов (Царский) мир.
- 384—322 гг. Демосфен [Автор речей «Против Филиппа» («Филиппики» I—IV), «Олиньские речи», «О посольстве», «О венке» и др.]
- 384—322 гг. Аристотель (величайший афинский философ, автор «Политики», «Афинской политики», «Метафизики» и др.).

372 г.
379 г.
378—355 гг.
371 г.
371 г.
371—362 гг.
370—334 гг.

362 г.
359—336 гг.
357—355 гг.
355—346 гг.
Около 355—308 гг.

346 г.
343—293 гг.

341—270 гг.
338 г.

337 г.
336—323 гг.
335 г.

334 г.
333 г.
332 г.
332—331 гг.
331 г.
330—327 гг.
327—325 гг.
324—323 гг.

323 г.
323—322 гг.
305—30 гг.
316—289 гг.
Около 314 г.
301 г.

Конец IV в.—начало III в.
Конец IV в.—начало III в.
Первая половина III в.

285—212 гг.
283—168 гг.
283—133 гг.
Около 280 г.
276—194 гг.
245—213 гг.
245—241 гг.
235—221 гг.
221 г.
217 г.
207—192 гг.
201—120 гг.

190 г.
30 г.

Взятие Кадмеи спартанцами.
Демократический переворот в Фивах.
Второй Афинский морской союз.
Аргосский скитализм.
Битва при Левктрах и освобождение Мессении.
Гегемония Фив.
Скульптор Пракситель («Гермес с младенцем Дионисом», «Сатир», «Афродита Книдская»)

Битва при Мантинее.
Филипп II (македонский царь).
Союзническая война.
Священная война
Художник Апеллес (портреты Александра Македонского, «Афродита Анадиомена» и др.).
Филократов мир.
Менандр (автор комедий «Дисколос», «Братья», «Отрезанная коса» и др.).

Эпикур (философ-материалист).
Битва при Херонее Потеря греческими полисами политической независимости.
Коринфский (панэллинский) конгресс
Правление Александра Македонского.
Поход Александра на трибаллов и иллирийцев.
Разрушение Фив.

Битва при Гранике
Битва при Иссе
Завоевание Тира и Египта.
Основание Александрии в Египте.
Битва при Гавгамелах.
Пребывание Александра в Согдиане.
Поход Александра Македонского в Индию
Организация державы Александра и подготовка похода на запад.

Смерть Александра.
Ламийская война.
Династия Птолемеев в Египте.
Агафокл (тиран сиракузский).
Образование Этолийского союза.
Битва при Ипсе
Зенон (основатель философии стоиков)
Поэт Феокрит (автор идиллий).
Эвклид (систематизатор античной геометрии).
Архимед (крупнейший математик и физик).
Династия Антигонидов в Македонии.
Династия Атталидов в Пергаме.
Образование Ахейского союза.
Эратосфен (географ и математик).
Арат во главе Ахейского союза.
Реформы Агиса IV в Спарте.
Реформы Клеомена III в Спарте.
Битва при Селласии.
Битва при Рафии.
Тирания Набиса в Спарте.
Полибий (автор «Всеобщей истории в сорока книгах»).

Битва при Магнесии.
Завоевание римлянами Египта.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ДИНАСТИИ

I. ПТОЛЕМЕИ

Птолемей I Сотер	305 — 283	гг. до н. э.
Птолемей II Филадельф	285 — 246	» » » »
Птолемей III Эвергет I	246 — 221	» » » »
Птолемей IV Филопатор	221 — 203	» » » »
Птолемей V Эпифан	203 — 181/0	» » » »
Птолемей VI Филометор	181/0 — 145	» » » »
Птолемей VII Эвергет II (Фискон)	145 — 116	» » » »
Птолемей VIII Сотер II (Латир)	116 — 108/7	» » » »
	88 — 80	» » » »
Птолемей IX Александр I	108/7 — 88	» » » »
Птолемей X Александр II	80 — 80	» » » »
Птолемей XI Авлет	80 — 51	» » » »
Птолемей XII }	51 — 48	» » » »
Клеопатра VII }		
Птолемей XIII }	47 — 44	» » » »
Клеопатра VII }		
Птолемей XIV Цезарь (Цезарион)	44 — 30	» » » »

II. СЕЛЕВКИДЫ

Селевк I Никатор	308 — 280	гг. до н. э.
Антиох I Сотер	280 — 262/1	» » » »
Антиох II Теос	261 — 247	» » » »
Селевк II Каллиник	247 — 226	» » » »
Селевк III Сотер	226 — 223	» » » »
Антиох III Великий	223 — 187	» » » »
Селевк IV Филопатор	187 — 175	» » » »
Антиох IV Эпифан	175 — 163	» » » »
Антиох V Эвпатор	163 — 162	» » » »
Деметрий I Сотер	162 — 150	» » » »
Александр Балас	150 — 145	» » » »
Деметрий II Никатор	145 — 139/8	» » » »
Антиох VI	145 — 142/1	» » » »
Антиох VII (Сидет)	139/8 — 129	» » » »
Деметрий II Никатор	129 — 125	» » » »
Клеопатра Тея }		
Антиох VIII (Грип) }	125 — 121	» » » »
Антиох VIII (Грип)	121 — 96	» » » »
Антиох IX Кизикский	115 — 95	» » » »

III. АНТИГОНИДЫ

Антигон I	306	—301	гг.	до н. э.
Деметрий I Полиоркет	306	—287	»	» » »
Антигон II Гонат	283	—239	»	» » » »
Деметрий II	239	—229	»	» » » »
Антигон III Досон	229	—221	»	» » » »
Филипп V	221	—179	»	» » » »
Персей	179	—168	»	» » » »

IV. АТТАЛИДЫ

Филетер	283	—263	гг.	до н. э.
Эвмен I	263	—241	»	» » » »
Аттал I Сотер	241	—197	»	» » » »
Эвмен II Сотер	197	—160/59	»	» » » »
Аттал II	160/59	—139/8	»	» » » »
Аттал III	139/8	—133	»	» » » »

V СПАРТОКИДЫ

Спарток I	438/7—433/2	гг.	до н. э.
Сатир I	433/2—389/8	»	» » » »
Левкон I	389/8—349/8	»	» » » »
Спарток II	349/8—344/3	»	» » » »
Перисад I	349/8—310/9	»	» » » »
Сатир II	310/9—309/8	»	» » » »
Эвмел	310/9—304/3	»	» » » »
Пританис	310/9—309/8	»	» » » »
Спарток III	304/3—284/3	»	» » » »
Перисад II	284—после 250	г.	» » » »
Левкон II	данных нет		
Спарток IV			
Перисад III	» »		
Перисад IV Филометор			
Перисад V	109	г.	до н. э.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Абдеры, город во Фракии 336
 Абидос, колония на Геллеспонте 129, 297, 298
 Агна-Триада, местечко на острове Крите 86, 87
 Адриатическое море 249, 369, 370
 Азия 146, 213, 223, 226, 387, 397, 425, 440, 441
     Малая 3, 7, 14, 18, 40, 50, 57, 73, 80, 87, 95, 104, 105, 125, 126, 128, 131, 136, 139, 142, 146, 172, 176, 197—199, 202, 208, 212, 214, 225, 226, 228, 229, 234, 253, 294, 296, 326, 333, 360, 361, 397, 398, 402, 411, 412, 421, 425—427, 430, 432, 434, 452
     Передняя 3, 73, 131, 136, 208, 452
     Средняя 208, 436
 Азовское море 130—132, 133, 376, 436
 Акарнания, область Средней Греции 10, 229, 253, 447
 Акрагант, колония в Сицилии 128, 229, 253, 447
 Акий, мыс 424
 Албания 68
 Александрия, главный город в Египте 399, 408, 413, 415, 417, 418, 421—423, 428, 432, 451, 452, 461, 466
 Александрия Ариана, город в Азии 272, 402
 Александрия Кавказская, город в Средней Азии 402
 Александрия Крайняя (совр. Ленинабад), город в Средней Азии 401, 402
 Алфей, река в Элиде 10, 190
 Америка 63, 166
 Амиклы (совр. Вафио), город в Лаконике 89 148, 149
 Амис, город Юго-Восточного Причерноморья 72
 Аморг, понтийский город 199
 Амфиполь, город во Фракии 23, 27, 228, 286, 287, 381, 385
 Амфисса, город в Локрах 393
 Аму-Дарья, см. Окс
 Англия 42, 44, 64, 66, 68, 81, 103, 318
 Андрос, остров 7, 252
 Антиохия на Оронте, город в Сирии 425, 428, 462
 Апамя, город в Сирии 428, 463
 Апеннинский полуостров 128, 426
 Апофеты, расщелина в горах Тайгета 155
 Аравийский залив 335
 Аравия 211, 407, 459
 Арад, город в Финикии 399
 Арахозия, восточная сатрапия 402, 425
 Аргинусские острова (Аргинусы) 30, 298, 340
 Арголида, область Пелопоннеса 10, 40, 148, 264, 324
 Арголидский залив 81
 Аргос, город в Арголиде 10, 25, 39, 125, 159, 160, 182, 184, 194, 221, 233, 234, 236, 239, 289, 291, 321, 357, 366, 439, 446
 Ариана, восточная сатрапия 402
 Аркадия, область Пелопоннеса 10, 13, 94, 95, 125, 148, 253, 367, 446
 Армения 208, 425
 Арсиноя, город в Египте 417, 418
 Артемисий, мыс на острове Эвбее 221, 222
 Асс, город в Малой Азии 462
 Ассирия 399, 427
 Атика, восточная область Средней Греции 8, 10, 12, 20, 67, 77, 78, 99, 125, 159, 164—178, 180, 182, 185, 186, 188, 194, 215, 216, 218, 222, 224, 241—243, 246, 249, 252, 254, 261, 264, 276—280
 Афины, государство 5, 8, 14, 20, 21, 23, 24, 26, 29, 30, 32, 39, 44, 45, 48, 49, 52, 54, 56, 60, 61, 64, 66, 72, 99, 139,

¹ Указатели составлены Н. А. Долдобановой.

- 144, 147, 148, 151, 160, 164—170, 174—186, 194, 195, 202, 208, 213, 214, 215, 216, 218—220, 222, 224, 227, 228, 230, 231, 234—255, 258—260, 262—267, 269, 270, 272, 274—280, 281, 283, 284, 286, 287, 289, 291, 292, 294, 296—301, 303, 304, 306, 307, 310, 311, 313, 314, 317, 318, 321, 324, 326, 333, 338, 342, 345, 346, 348, 351, 355, 356, 359, 361, 362, 364, 366, 368, 378, 380—396, 437, 462, 463, 441, 453, 454, 440
- Афон, мыс на Халкидском полуострове 215, 221
- Африка 87, 128, 292, 421, 432, 436, 448
- Африка Северная 264
- Ахайя, область в Пелопоннесе 10, 253, 446
- Бактрия, область Персидского государства 400—402, 426, 436
- Балканский полуостров 7, 14, 15, 57, 60, 64, 72, 81, 91, 92, 98, 148, 195, 253, 329, 352, 381, 386, 426, 436
- Балканский хребет 8, 379
- Белуджистан, см. Гелрозия
- Беотия, область Средней Греции 8, 12, 125, 140, 141, 144, 148, 163, 215, 221, 222, 224, 238, 240, 241, 253, 264, 285, 351, 361—363, 365, 394, 440
- Берлин 64
- Берн, город 66
- Вибл, город в Финикии 399
- Болгария 69
- Боспор 3, 63, 74, 129, 182, 213, 229, 252, 253, 374, 376—379, 409, 430, 436, 438
- Боспор Киммерийский (совр. Керченский пролив) 51, 130, 131, 138, 251, 376
- Боспорское царство 62, 73, 437
- Брея, афинская колония во Фракии 252
- Британские острова 129
- Буг, река 132
- Нижний 132
- Южный 131
- Буго-Днепровский лиман 39, 130, 132, 251
- Вавилон, город в Месопотамии 208, 400, 404, 407, 429
- Вавилон, государство 20, 329, 399, 403
- Вавилония, сатрапия 208, 211, 218, 427
- Вафио, см. Амиклы
- Византий, город во Фракии, колония 130, 297, 392
- Византия 41, 72, 226, 251
- Воронеж 374
- Воронежская область 137
- Воронежский курган 136
- Вупперталь, город 192
- Гавгамелы (а), деревня в Ассирии 399, 400
- Газа, город в Финикии 428
- Галатия, область Малой Азии 426
- Галикарнас, город в Малой Азии 20, 125, 326, 398
- Галис, река в Малой Азии 190
- ГДР, см. Германская Демократическая Республика
- Гебр (Марица), река во Фракии 220
- Гелрозия (совр. Белуджистан), пустыня в Азии 403, 425
- Гела, город в Сицилии 253, 285
- Геллеспонт (совр. Дарданеллы), пролив 7, 126, 129, 182, 212—214, 218, 229, 251, 298, 391, 392, 398, 412, 439
- Гелос, город 151
- Гераклейский полуостров 373, 374
- Гераклея Понтийская, колония в Малой Азии 130, 374, 378
- Герее, город в Аркадии 38
- Германия 42, 44, 64, 81
- Германская Демократическая Республика 68, 69
- Гермонасса, колония на Таманском полуострове 130
- Гидасп, река в Индии 402, 425
- Гимера, город в Сицилии 229, 253
- Гиссарлык, холм в Малой Азии, местонахождение древней Трои 40, 80
- Гифасис, река в Индии 403
- Голландия 42
- Гортина, город на острове Крите 38
- Граник, река в Мисии (Битва при Гранике) 398, 401
- Греция 3, 5—8, 10, 12—15, 17, 25, 26, 28, 31, 33, 34, 36, 37, 40, 41, 45—48, 50, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 61—65, 67—92, 98, 100, 119—121, 124, 126, 128—130, 139, 140, 142, 145—148, 152, 158, 160—163, 165, 167, 172, 182, 188, 189, 192, 203, 213, 215, 218, 220, 221, 229, 230, 236, 239, 240, 245, 251—255, 259, 262, 264, 266, 268, 271, 274, 275, 288, 295, 296, 304, 308, 317, 318, 324, 327, 329, 335, 338, 341, 344, 352, 354, 355, 357, 359, 360—371, 377—396, 404, 406, 409, 426, 427, 432, 438, 439, 440, 441, 447, 451, 452, 456, 465
- Балканская 18, 40, 126, 144, 148, 163, 213, 215, 226, 253, 368

- Великая 229, 230, 301, 334, 368, 432, 447
 Европейская 215, 218, 326
 Западная 8
 Ионийская 335, 437
 Малоазийская 144
 Микенская 94
 Северная 7, 8, 12, 89
 Средняя 7, 8, 15, 18, 89, 92, 93, 98, 141, 164, 221, 222, 224, 237, 238, 240, 253, 286, 361, 366, 367, 391, 393, 441
 Южная, см Пелопоннес
- Дальний Восток 428
 Дамаск, город в Сирии 428
 Делия, город в Беотии 285
 Делос, остров 7, 39, 40, 50, 182, 188, 190, 226, 227, 239, 248, 255, 268, 428, 436
 Делос, город 351, 407
 Дельфы, город в Фокиде 8, 22, 40, 75, 190, 241, 324, 367, 407
 Диакрия, область в северной части Аттики 166
 Днепр 74, 132, 438
 Нижний 132
 Средний 133
 Днестр, см Тира
 Добруджа 379
 Додона, город в Эпире, местонахождение оракула 23, 50, 188, 190
 Дон, река 130, 132, 376, 438
 Дорида, область Средней Греции 10, 237
 Дрангиана, восточная сатрапия 402
 Дунай, река 130, 213, 379, 406, 438
 Дура-Европос, город в Месопотамии 428
- Евксинское море, см. Понт Эвксинский
 Евпатория, город 373
 Европа 133, 213, 348, 425, 436
 Европа Западная 41, 52, 63
 Евфрат, река в Месопотамии 399, 403, 428
- Египет 3, 5, 12, 20, 21, 23, 32, 39, 40, 59, 60, 61, 72, 73, 87, 90, 121, 129, 131, 200, 208, 210, 214, 218, 236, 239, 240, 279, 329, 342, 397, 399, 402, 407, 409, 410, 412—426, 428, 429, 431, 432, 438, 439, 446, 450, 452
 Верхний (Фиваида) 413, 423
 Нижний (Нильская долина) 413
 Средний 423
- Занкла, колония в Сицилии 128
 Золотой Рог, залив 130
- Иллирия 385, 386
 Имброс, остров 182, 252
 Инд, река в Индии 208, 402, 403, 406
 Индия 402, 403, 404, 421, 423, 425, 428
 Иония, область в Малой Азии 214, 294, 329
 Ипс, город во Фригии (Битва при Ипсе) 409, 425
 Иран Ближний 428
 Иранское нагорье 407
 Испания 87, 129, 264
 Иссе, город в Сирии (Битва при Иссе) 398
 Истм (совр. Коринфский перешеек), 10, 24, 224
 Истр, колония на западном берегу Черного моря 130
 Итака, остров 7, 18, 105, 114
 Италия 5, 8, 20, 41, 42, 126, 128, 139, 236, 264, 274, 275, 292, 334, 352, 357
 Италия Южная 7, 252, 253, 292, 329, 342, 368—370, 432
 Итома, гора в Мессении 235, 236, 238, 367
- Кавказ Северный 136
 Казань 72, 152
 Кадмея, фиванская крепость 362
 Кадмейская земля, см. Беотия
 Калаврия, остров в Сароническом заливе 441
 Калхедон (Халкедон), колония на берегу Боспора 129, 297
 Камарес, деревня на острове Крите 86
 Каноба, город в Египте 423
 Канфар, гавань Пирея 265
 Каппадокия, область в Малой Азии 208, 211, 398, 426
 Карантинная бухта 130
 Карист, город на острове Эвбее 215
 Кария, область в Малой Азии 326, 430
 Кармачия, область в Иране 403, 404
 Карфаген, город и колония в Африке 128, 129, 292, 368, 369, 432, 436, 448
 Каспийские ворота 400
 Каспийское море 208
 Кассандрия, город в Македонии 439
 Катана, город в Сицилии 145, 292
 Келесирия, область в Малой Азии 423, 426
 Кембридж, город 67
 Кепы, колония на Таманском полуострове 130

- Кеос, остров 7, 12
 Керкеозири, деревня в Египте 414
 Керкинигида, город на западном побережье Крыма 373
 Керкира, остров в Ионийском море (совр. Корфу) 7, 128, 147, 275, 276, 288, 289, 292
 Керченский пролив, см Боспор Киммерийский
 Керченский полуостров 376
 Керчь, см. Пантикапей
 Кефаления, остров в Ионийском море 7
 Кефис, река в Аттике 165
 Киевская область 137
 Кизик, колония на Пропонтиде 129, 297, 298
 Кикладские острова (Киклады) 7, 182
 Киликия, область в Малой Азии 215, 462
 Кимы (Кумы), колония в Италии 128, 230
 Кинурия, область в Пелопоннесе 148
 Кипр остров 10, 93, 94, 192, 226, 229, 240, 255, 412, 432, 462
 Кирена, греческая колония в Африке 21, 129, 264, 342, 436, 451, 465
 Киренаика, область в Африке 129, 412
 Кировоградская область 137
 Китай 421, 425, 428
 Китий, город на острове Кипре 462
 Кифера, остров 285
 Киферон, горы на границе Аттики и Беотии 8, 224
 Клазомены, город в Малой Азии 333
 Книд, город в Малой Азии 31, 35, 327, 361
 Кнос, город на острове Крит 40, 88, 91, 93, 97
 Колон, предместье Афин 299, 308, 309
 Колофон, город в Малой Азии 199
 Коринф, город в Пелопоннесе 10, 30, 125, 126, 129, 139, 142, 144, 146, 147, 182, 205, 236, 237, 253, 254, 260, 264, 267, 272, 275—277, 288, 299, 351, 352, 357, 361, 371, 378, 392, 394, 396, 440, 441
 Коринфский залив 238, 253
 Коринфский перешеек, см. Истм
 Короней (Битва при Коронее) 241
 Корсика, остров 370
 Корфу, см. Керкира
 Кос, остров 327, 378
 Костромской курган 135
 Краннон, город в Фессалии (Битва при Кранноне) 441
 Красное море 421
 Крит, остров 7, 38, 40, 59, 77, 78, 82, 86—92, 97, 98, 110, 125, 148, 161, 162
 Кротон, греческая колония в Италии 128, 334
 Кубань, река 130, 436
 Куль-Оба (или Кульобский), курган под Керчью 133, 134, 137
 Кумы, см. Кимы
 Кунакс, деревня в Месопотамии (Битва при Кунаксе) 31
 Курдистан, см. Парпаамисада
 Лаврийские горы на юге Аттики 165
 Лада, остров (Битва при Ладе) 214
 Лакедемон, см. Спарта
 Лаконика (Лакония), область Пелопоннеса 10, 12, 14, 89, 148—151, 153, 155, 161, 235, 253, 285
 Лаконская долина 148
 Ламия, крепость (Битва при Ламии) 440
 Лампсак, город в Малой Азии 333
 Лаодикея, город в Сирии 428
 Лариса, город в Фессалии 391
 Левкада, остров 7
 Левктры, город в Беотии (Битва при Левктрах) 365—367
 Лемнос, остров 110, 182, 192, 252
 Ленинград 71
 Лесбос, остров 7, 19, 125, 200, 202, 281
 Либлица, город в Чехословакии 69
 Ливия, греческое название Африки 21, 87, 421
 Лидия, царство в Малой Азии 139, 142, 211, 212, 398, 430
 Лисимахия, город 439
 Локрида область Средней Греции 440
 Озольская 10
 Опунтская 10
 Локры, колония в Южной Италии 145
 Локры Озольские 393
 Лондон 65
 Магнесия, город в Малой Азии (Битва при Магнесии) 234, 426, 430
 Македония 8, 12, 34, 48, 58, 72, 73, 213, 235, 254, 274—276, 278, 329, 345, 365, 366, 368, 379, 381—391, 392, 394—398, 401, 403, 406, 407, 409, 425—427, 436, 439, 440, 441, 446, 447
 Нижняя 381, 382
 Верхняя 381
 Малая Азия, см. Азия Малая
 Малейский, мыс 148
 Мантиней, город в Аркадии (Битва при Мантинее) 25, 30, 39, 233, 236, 291, 366—368, 446
 Мараканда (совр. Самарканд), город в Средней Азии 401, 402

- Марафон, город в Аттике (Марафонская битва) 180, 215—217, 227
 Марафонская равнина в Аттике 165, 216—218
 Массалия (совр. Марсель), город на юге Франции 129
 Мегалополь, город в Аркадии 35, 366, 439
 Мегарида (Мегарская область) 166, 237, 239, 241, 242
 Мегары (а), город на Коринфском перешейке 10, 19, 125, 126, 139, 144, 146, 147, 174, 236, 241, 264, 275, 279, 351, 352, 439, 442
 Мекленбург, город в Восточной Пруссии 78
 Мелос, остров 7, 87, 453
 Мемфис, город в Египте 209, 239, 416, 418, 423
 Меотида, см. Азовское море
 Месогей, центральная область Аттики 165
 Месопотамия 31, 399, 423, 425
 Мессана (совр. Мессина), город на острове Сицилии 128, 292
 Мессара, долина на острове Крите 91
 Мессена, город в Мессении 10
 Мессения, область Пелопоннеса 10, 12, 95, 111, 148, 150, 151, 159, 234, 236, 253, 367
 Мидия 208, 213, 400
 Михале, мыс в Малой Азии 21, 226, 236
 Микены, город в Арголиде 40, 50, 80, 81, 88—90, 93, 98, 142, 236
 Милет, город в Малой Азии 40, 125, 126, 130, 138, 139, 142, 144, 146, 147, 212, 214, 233, 254, 272, 294, 303, 330, 371, 372, 398, 452, 453
 Мисия, область в Малой Азии 462
 Митилена, город на острове Лесбосе 19, 200, 270, 281—283
 Молдавия 105
 Москва 71
 Мраморное море, см. Пропонтида
 Мунихия, порт Афин 300
 Мюнхен, город 64
 Наваринская бухта 89, 92, 95
 Навкратис, город в Нильской дельте, колония 129, 417
 Навпакт, город в Локриде 238, 242
 Наксос, остров 7, 125, 128, 182, 215, 228, 252
 Неаполь, колония в Италии 128
 Неаполь центр скифского государства 438
 Нил, река 129, 335, 412, 421, 423, 452
 Нимфей, город на Керченском полуострове 251
 Ниневия, столица Ассирии 399
 Нисея, мегарская гавань 285
 Новороссийск 376
 Нотий, мыс (Битва при Нотии) 298
 Нубия, государство в Африке 409, 421, 436
 Нумидия, область в Африке 432
 Одесс, колония на западном берегу Черного моря 130
 Одесса 51
 Окс (совр. Аму-Дарья), река 401
 Олимп, гора на границе Фессалии и Македонии 192
 Олимпия, город в Элиде 10, 38, 40, 50, 190, 191, 205, 317, 321
 Олинф, город на Халкидике 362, 391
 Ольвия, колония в устье Буга 39, 51, 62, 130, 132, 251, 371—373, 375, 377
 Оронт, река в Сирии 425
 Ортигия, остров 371
 Орхомен, город в Аркадии 446
 Орхомен, город в Беотии 142, 163, 188
 Палестина 211, 399, 416, 421, 426, 432
 Памфилия, область в Малой Азии 228, 430
 Пантикапей (совр. Керчь), греческая колония 51, 130, 136, 252, 376, 377, 437
 Паралия, область в Аттике 166
 Парапамисада (совр. Курдистан) 425
 Париж 65, 66
 Парнас, горы в Фокиде 8
 Парос 7, 10, 198
 Парфия, 400, 426, 436
 Педюн, равнина в Аттике 165, 167
 Пелузий, город на границе Египта (Битва при Пелузии) 208
 Пелла, столица Македонии 386, 439
 Пелопоннес (Южная Греция) 8, 10, 12, 15, 30, 89, 92—95, 98, 148, 149, 152, 190, 222, 224, 233, 236, 238—240, 242, 285, 291, 292, 326, 361, 366, 367, 392, 440—445
 Пеней, река в Фессалии 8, 10
 Пеония 386
 Пергам, город в Малой Азии 3, 39, 40, 50, 430, 431, 460, 462
 Пергам, царство в Малой Азии, см. Пергамское царство
 Пергамское царство 430—432, 436
 Перинф, город на побережье Мраморного моря 392

- Персеполь, город в Персии 210, 400
Персида, область в Иране 403
Персидский залив 404, 428
Персия 184, 186, 208—210, 227, 228, 230, 234, 240, 294, 296, 298, 299, 301, 359, 360, 362, 364, 365, 387, 388, 394—401, 442
Песочная бухта на Черном море 130
Петербург 78
Петра, город в Аравии 428
Пидна, город в Македонии 391
Пилос, город в Мессении 90, 93, 95, 97, 98, 115, 283, 284.
Пинар, река в Сирии 398
Пинд, горный хребет на границе Эпира 8
Пирей, гавань Афин 165, 193, 220, 227, 237, 249, 264, 265, 267, 268, 275, 279, 291, 299, 300, 352, 363, 434
Пиренейский полуостров 129
Писидия, область в Малой Азии 430
Платей(я), город в Беотии 21, 158, 164, 183, 216, 224, 225, 233, 241, 278, 283, 351
Пникс, холм в Афинах, место народного собрания 245
Полтавская область 137
Понт Эвксинский (совр. Черное море) 7, 31, 51, 72, 73, 126, 129, 130, 132, 139, 182, 214, 249, 251, 253, 264, 297, 353, 354, 373, 389, 436, 464
Потидея, коринфская колония на Халкидике 129, 276, 277, 280, 340, 351
Прекрасная гавань, колония Херсонеса на западном побережье Крыма 373
Приена, город в Малой Азии 432, 452
Прикубанье, область на Северном Кавказе 133
Причерноморье 72, 251, 352, 357, 421
Западное 136, 212, 379
Северное 5, 12, 20, 39, 62, 63, 73—75, 130—132, 136, 137, 182, 212, 251, 371, 373, 379, 436, 437, 438
Южное 251
Пропонтида (совр. Мраморное море) 7, 126, 129, 130, 139, 251, 253
Пруссия 48, 78
Птолеманда, город в Египте 417
Рафия, город в Палестине (Битва при Рафии) 423, 426, 427
Регий, халкидская колония в Италии 128, 292
Рим 35, 36, 41, 45, 65, 74, 271, 412, 419, 423, 426, 431, 436, 439
Римская империя 5, 73, 74, 195, 424, 429, 463
Родос, остров 3, 39, 40, 72, 352, 392, 428, 432, 434, 451
Родос, город 125, 374, 434, 436, 449
Рона, река во Франции 128, 129
Россия 50—52, 63, 78
Россия Южная 51
Румыния 68
Саламин, остров 7, 174, 178, 222, 223
Саламин, город на острове Кипре 229, 230, 240
Самарканд, см. Мараканда
Самофракия, остров 453
Самос, город 144
Самос, остров 7, 125, 146, 212, 251, 255, 294, 296, 333
Сардиния 87
Сарды, город в Малой Азии 210, 214, 398
Саронический залив в Эгейском море 164, 218, 222, 253, 285
Севастополь 51, 130
Сегеста, город в Сицилии 291
Селевкия на Тигре, столица Сирийского государства 428, 429
Селевкия Приморская (Пиерийская), порт Антиохии 425, 428
Селинунт, город в Сицилии 291
Селласия, город в Лаконике (Битва при Селласии) 446
Сест, город на Херсонесе Фракийском 381, 386
Сибарис, колония в Италии 128, 139, 252
Сиботские острова (Битва при Сиботских островах) 276
Сива, оазис в Египте 399
Сигей, город в Малой Азии 182, 184
Сидон, город в Финикии 399
Сикион, город 125, 139, 144, 146, 147, 442
Симферополь 438
Синопа, город в Малой Азии 130, 132, 374, 464
Сиракузы, город на острове Сицилии 128, 144, 229, 230, 253, 292, 293, 351, 368—371, 447, 448, 458, 462
Сирия 20, 40, 398, 399, 409, 411 421, 425, 427, 432, 463
Сирия Северная 211
Сицилийская держава (Сицилийское государство) 229, 368—370, 447
Сицилийское море 354
Сицилия 5, 7, 8, 12, 35, 37, 126, 128, 145, 146, 229, 236, 252, 253, 264, 274,

285, 291—293, 301, 306, 329, 342, 357,
368, 369, 432, 442, 447, 448
Скифия 21, 22, 63, 75, 213, 438
Советский Союз, см. СССР
Согдиана, область между Аму-Дарьей
и Сыр-Дарьей 401, 402
Соединенные Штаты, см. США
Солохский курган 137
Солы, город в Киликии 462
Спарта, или Лакедемон, государство
10, 22, 28, 29—31, 44, 45, 56, 64, 75,
99, 125, 148—160, 161, 184, 186,
199, 212, 213, 215, 218, 219, 222, 224,
226, 227, 233, 234—243, 264, 274—279,
283, 284, 287—289, 291, 293—298,
359—363, 365, 367, 386, 387, 388,
392, 440—447
Средиземное море 126, 129, 208, 230,
274, 335, 421, 432
Средиземноморье 5, 87, 370, 409, 432
Средний Евфрат, см. Евфрат
СССР 22, 71, 72
Стагир, город на Халкидике 345
Стримон, река во Фракии 228, 379,
385
Сузы, одна из столиц Персии 210,
229, 361, 400, 429, 432
Суний, мыс 218
Сфактерия, остров (Битва при Сфак-
терии) 283, 284
США 65
Сыр-Дарья, см. Яксарт
Тавр, горы 398
Таврида 311
Тайгет, горный хребет в Лаконике 10,
148, 155
Таманский полуостров 130, 376, 378
Танагра, город в Беотии (Битва при
Танагре) 238, 456
Танаис, колония в устье Дона 73, 130,
376
Тарент, колония в Италии 128
Тарентский залив 128
Тарс, город в Малой Азии 398
Тегея, город в Аркадии 160, 326
Темпейская долина 8, 221
Тенар, мыс на юге Пелопоннеса 440
Теос, город в Малой Азии 202
Терм, город в Этолии 99, 441
Термы, город в Сицилии 447
Тир, город в Финикии 398, 432
Тир (совр. Днестр), река 130
Тирас, колония в устье реки Тира
130
Тириф, город в Арголиде 50, 87—90,
93, 98, 142

Томь, колония на западном берегу
Черного моря 130
Трапезунд, город Юго-Восточного
Причерноморья 72
Трифилия, область в Элиде 95
Триасийская долина 12
Троада, область в Малой Азии 182,
423
Троя (Илион), город в Малой Азии
15, 19, 26, 40, 50, 80, 81, 104, 105,
111, 117, 195, 306
Туркестан 211
Ульские курганы 135
Фалера, гавань в Аттике 165
Фанагория, колония на восточном
берегу Черного моря 74, 130, 376
Фарос, остров в Эгейском море 10,
421
Фасос, остров 198, 228, 235, 324, 374,
378
Фаюм, город на севере Египта 87
Фаюмский оазис 414
Феодосия, колония в Крыму 130, 376,
378
Фермопилы, устье 8, 221, 222, 224,
440
Фессалия, область Северной Греции 8,
10, 12—14, 125, 148, 162, 192, 202,
215, 221, 223, 224, 253, 254, 264, 286,
340, 351, 365, 391, 392, 396
Фессалоники, город в Македонии 439
Феспия 222
Фест, город на острове Крите 86, 91
Фиваида, см. Египет Верхний
Фивы, столица Верхнего Египта 413,
422
Фивы, город в Беотии 8, 23, 163, 164,
186, 194, 195, 233, 237, 241, 299, 309,
362, 363, 365—367, 383, 386, 387,
390, 391, 393, 394, 396, 405
Фила, крепость на границе Аттики 300
Финикия 397, 402, 412, 426, 427, 432
Фокея, город в Малой Азии 128, 270
Фокида, область в Средней Греции 8,
233, 237, 240, 241, 253, 390—392, 440
Фракия 30, 179, 180, 212—214, 221,
252, 274, 275, 377, 379—381, 386,
391, 392, 396, 423, 425, 426
Франция 5, 42, 129
Фригия 398, 409, 430
Фурии, город в Южной Италии 20,
252

Халкедон, см. Калхедон
Халкида, город на острове Эвбее 126,
129, 139, 186, 242, 346

Халкидика (Халкидский полуостров), полуостров на севере Эгейского моря 129, 215, 252, 276, 278, 280, 286, 367, 382, 385, 386, 391
Херонея, город в Беотии (Битва при Херонее) 37, 390, 393
Харьковская область 137
Херсонес, колония на Гераклеяском полуострове 39, 51, 62, 73, 74, 130—133, 371, 373—378, 394, 438
Херсонес Таврический (совр. Крым)
Херсонес Фракийский 182, 216, 252, 299, 381, 386, 392
Хиос, остров 7, 125, 139, 255, 294, 335, 378, 392, 461
Чертомлык (Чертомлыцкий), курган 51, 137
Черное море, см Понт Эвксинский
Черноморье, см Причерноморье
Чехословакия 69
Эвбея, остров 7, 126, 128, 129, 139, 165, 176, 180, 186, 214, 215, 221, 241, 242, 297, 346, 391, 392, 439
Эвримедонт, река в Памфилии 228, 255
Эврип, пролив у острова Эвбея 10, 164, 165
Эврот, река в Лаконике 10, 148
Эгейское море 78, 81, 95, 125, 129, 146, 164, 187, 214, 219, 226, 227, 229, 250, 251, 253, 294, 329, 352, 354, 387, 396, 421, 423, 426, 428, 434, 439
Эги, одна из столиц Македонии 386
Эгина, город-государство 253, 254, 278, 317

Эгина, остров 7, 125, 139, 186, 222, 236—238, 242, 317, 440
Эгоспотама («Козьи реки»), реки на Херсонесе Фракийском (Битва при Эгоспотамах) 298
Эйон, город во Фракии 227
Экбатана, столица Мидии 400, 401
Элевсин, город в Аттике 166, 181, 241, 300, 305
Элевсинская равнина в Аттике 165
Элевтеры, город в Беотии 164
Элея, город в Южной Италии 334
Элида, город и область Пелопоннеса 10, 25, 39, 77, 190, 233, 253, 291, 441
Эллада 14, 22, 38, 110, 192, 242, 274, 277, 362, 386, 405, 440
Энофиты, город в Беотии (Битва при Энофитах) 238
Эолида, область Малой Азии 125
Эпидамн, город в Иллирии 275, 276, 288
Эпир, область Северной Греции 8, 146, 190, 264, 365, 392
Эрес, лесбосский город 200
Эретрия, город на острове Эвбея 180, 214, 215, 297
Этна, вулкан в Сицилии 128
Этолия, область Средней Греции 10, 99, 253, 365, 392, 440, 441
Этрурия, область Средней Италии 128
Эфес, город в Малой Азии 95, 125, 144, 198, 210, 255
Эфиопия 279, 412
Яксарт (совр. Сыр-Дарья), река в Средней Азии 401

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Август, римский император 38
- Агамемнон, мифический микенский царь 26, 81, 104, 110, 111, 114, 117, 121, 122, 195, 306, 307
- Агафокл, сиракузский тиран (316—289 гг. до н. э.) 447, 448
- Агесандр, родосский скульптор 436
- Агесилай Великий, спартанский царь (401—361 гг. до н. э.) 30, 31, 360, 361, 443
- Агесилай, дядя Агиса IV, царя 443
- Агесистрата, мать Агиса IV, царя 443
- Агиады, царский род в Спарте 154, 233
- Агис IV, спартанский царь (245—241 гг. до н. э.) 442—444, 447
- Аид (Плутон), бог подземного царства 192
- Академ, мифический герой 342
- Алевады, династия в Фессалии 202
- Александр Великий, см. Александр Македонский
- Александр Македонский (336—324 гг. до н. э.) 3, 15, 35, 37, 38, 45, 47, 48, 55, 64, 66, 327, 345, 346, 373, 385, 393—411, 414, 424, 427, 439, 440, 465
- Александр, сын Александра Македонского 408
- Александр I, македонский царь (498—454 гг. до н. э.) 382
- Алкей, поэт с острова Лесбоса (VII в. до н. э.) 200—202
- Алкивиад, стратег и ученик Сократа (451—404 гг. до н. э.) 27, 289—294, 296—299, 340
- Алкидамант, софист (IV в. до н. э.) 338, 339
- Алкиной, мифический феакийский царь 107, 115—117, 120
- Алкман, спартанский поэт (VII в. до н. э.) 199
- Алкмеониды, род в Аттике 170, 184, 186, 236, 277, 290
- Альтгейм Ф., историк 66
- Аменхотеп III, фараон XVIII династии 87
- Аминта I, македонский царь (VI—V вв. до н. э.) 213, 384
- Аминта III, македонский царь, отец Филиппа II 345
- Амон, бог солнца в древнеегипетской религии 399
- Анакреонт, поэт (VI в. до н. э.) 146, 202, 203
- Анаксагор, философ (ок. 500—428 гг. до н. э.) 333, 337
- Анаксандрид, спартанский царь (ок. 560 г. до н. э.) 157
- Анаксимандр, философ (610—546 гг. до н. э.) 330, 331, 335
- Анаксимен, философ (585—525 гг. до н. э.) 330, 331
- Анахита, богиня любви в древнеперсидской религии 466
- Андокид, оратор (конец V в. до н. э.) 33
- Анталкид, спартанский уполномоченный на переговорах с персами 351
- Антigon II Гонат, македонский царь (283—239 гг. до н. э.) 439
- Антigon III Досон, племянник Антигона II Гоната, македонский царь (229—221 гг. до н. э.) 439, 446
- Антigon Одноглазый, правитель эллинистического времени, полководец (323—301 гг. до н. э.) 408, 409
- Антигона, дочь мифического царя Эдипа 308, 309, 311
- Антигониды, династия в Македонии 431, 439
- Антиох I, сирийский царь (280—262/1 гг. до н. э.) 425, 426
- Антиох II, сирийский царь (261—247 гг. до н. э.) 426, 430
- Антиох III Великий, сирийский царь (223—187 гг. до н. э.) 423, 426, 430
- Антипатр, македонский военачальник 397, 408, 440, 441

- Антифен, философ (440—366 гг до н. э.) 464
- Антифонт, софист (V в. до н. э.) 295, 297, 338
- Антоний Марк, римский консул и политический деятель, сподвижник Цезаря 34
- Апеллес, живописец (IV в. до н. э.) 327
- Аполлодор, художник (V в. до н. э.) 324
- Аполлон (Ликийский), бог, покровитель искусств 95, 188, 190, 192, 208, 225, 227, 268, 309, 345, 385
- Аполлоний, египетский землевладелец 416, 418
- Аполлоний Родосский, древнегреческий поэт и грамматик 461
- Арат, стратег (271—213 гг до н. э.) 442, 446
- Арес (Арей), бог войны 169, 192
- Арета, жена царя Алкиноя 116
- Ариадна, дочь царя Миноса 78
- Арион, Lesbosский поэт (VI в. до н. э.) 200
- Аристарх с острова Самофракии, александрийский филолог (217—145 гг. до н. э.) 461
- Аристид, афинский политический деятель 216, 219, 224, 227, 233, 234, 248, 250
- Аристокл, автор сочинений об Александре Македонском 35, 407, 408
- Аристокл, александрийский богослов 465
- Аристогитон, тираноубийца 183
- Аристон, спартанский царь 157
- Аристик, побочный брат Аттала III, предводитель восстания рабов 431, 460
- Аристотель, философ (384—322 гг. до н. э.) 32—34, 61, 145, 171, 172, 174, 175, 178—180, 183, 184, 186, 187, 236, 238, 245, 250, 254, 256, 259, 262, 263, 267, 268, 282, 297, 302, 305, 312, 341, 345—350, 354, 388, 395, 452, 465
- Аристофан, писатель (450—388 гг. до н. э.) 28, 66, 75, 258, 263, 267, 285—287, 312—314, 355, 461
- Аристофан, сын Никофея, земельный собственник в Афинах 353
- Арриан, историк (II в. н. э.) 35, 403, 408
- Арридей, побочный сын Филиппа II 408
- Арсиния, жена Птолемея I Сотера 414, 455
- Артаксеркс II Мнемон, персидский царь (405—359 гг. до н. э.) 29, 360
- Артаксеркс IV, см. Бесс
- Артамонов М. И., археолог 74
- Артаферн, персидский полководец, племянник персидского царя Дария I 215, 221
- Артемид, богиня-охотница 97, 99, 156, 188, 192
- Археантактиды, правящий боспорский род 376
- Архелай, македонский царь (419—399 гг. до н. э.) 383, 384
- Архидам II, спартанский царь (468—426 гг. до н. э.) 278
- Архий, коринфский архитектор (III в. до н. э.) 449
- Архилох, поэт (VII в. до н. э.) 198, 199
- Архимед, математик (285—212 гг до н. э.) 75, 449, 451
- Асклепий, бог врачевания 327
- Атей, скифский царь 136
- Атрей, отец Агамемнона 89, 110, 306
- Аттал, отец Эвмена Атталида 430
- Аттал I, пергамский царь (241—197 гг. до н. э.) 430, 432, 454
- Аттал III, пергамский царь (139—133 гг. до н. э.) 431
- Атталиды, династия в Пергаме 430—432
- Аттис, фригийское божество 466
- Афина (Афина Паллада), дочь Зевса, богиня войны, покровительница искусства, ремесел 104, 153, 166, 168, 181, 188, 192, 193, 194, 233, 246, 249, 302, 317
- Афинагор, вождем демократов (V в. до н. э.) 295, 296
- Афродита, богиня любви и красоты 104, 188, 192, 201, 327
- Ахемениды, правящая династия 57, 184, 208, 211, 362, 397, 400, 401, 404, 425
- Ахилл (Ахиллес), герой «Илиады» 104, 106—108, 112, 117, 119, 196, 395
- Аякс (Аянт), мифический герой 112, 196, 308
- Бакиады, аристократический род в Коринфе 146
- Бахофен И. Я., этнограф и юрист (1815—1887 гг.) 50
- Бежунская-Маловист И. историк 68
- Бек Август, историк (1785—1867 гг.) 45, 46
- Белов Г. Д., историк 73
- Белох Юлиус, историк (1854—1929 гг.) 56—58, 254, 259
- Бентсон Х, историк 64

- Бентли Р., филолог (конец XVII — начало XVIII в.) 42, 43
 Бергер А. К., историк 70, 75
 Берк Э., политический деятель и публицист (1729—1797 гг.) 44
 Бесс (Артакерс IV), сатрап Бактрии, провозгласивший себя персидским царем 400, 401
 Бертье-Делагарди А. Л., нумизмат 63
 Бисмарк О., государственный деятель и дипломат
 Блаватский В. Д., археолог 74
 Бледжен К., археолог 93, 95
 Блюмель К., историк 68
 Богаевский Б. Л., историк 69—71
 Бокль Г. Т., историк (1825—1862 гг.) 48
 Борухович В. Г., историк 75
 Брасид, спартанский полководец 286
 Бузескел В. П., историк (1858—1931 гг.) 61, 62, 69
 Бузольт Георг, историк (1850—1920 гг.) 254
 Бурачков П. О., нумизмат 63
 Буше-Клерк О., историк (1842—1923 гг.) 59
 Бюхер Карл, экономист (1847—1930) 56, 57, 65
- Вахх**, см Дионис
 Валлон А., историк (1818—1904 гг.) 49
 Васильевский В. Г., историк (1838—1899 гг.) 53
 Вебер Макс, социолог (1864—1920 гг.) 58
 Веллей Патеркул, римский историк (I в. н. э.) 38
 Вельскопф, историк 68
 Вентрис М., ученый, предложивший дешифровку микенского письма 71, 94
 Вересаев В. В. 106, 142, 200
 Вестерманн В. Л., историк 65
 Вико Джанбатисто, философ и социолог (1668—1744 гг.) 42, 43
 Вилькен Ульрих, папириолог (род. в 1862 г.) 59, 60, 64
 Винкельман И. И., основоположник классического искусствоведения (1717—1768 гг.) 43
 Виппер Р. Ю., историк (1859—1954 гг.) 62, 254
 Вольтер 43
 Вольф Фридрих-Август, филолог (1759—1824 гг.) 44, 45, 102
- Гайдукевич В. Ф., археолог 73, 74
 Гармодий, тираноубийца 183
 Гарпократион, ритор и филолог 267
- Гегель, философ 47, 333, 349
 Гезихий, филолог из Александрии, составитель словаря (V в. н. э.) 269
 Гекуба, жена мифического царя Трои Приама 311
 Гекатей Милетский, логограф (ок. 540—479 гг. до н. э.) 19, 22, 335
 Гектор, сын троянского царя Приама, герой «Илиады» 104, 105, 113
 Гелиос, бог солнца 453
 Гелланик, логограф (ок. 480—V—IV в. до н. э.) 19, 20
 Гелон, сиракузский тиран (V в. до н. э.) 229, 230
 Гемон, сын Креонта, мифический фииванский царевич 309
 Георгиев В., филолог 68, 94
 Гера, богиня, покровительница брака и семьи 97, 104, 192, 205, 313, 324
 Геракл, мифический герой, полубог 19, 23, 98, 149, 191, 382, 414
 Гераклиды, потомки Геракла 149
 Гераклит Эфесский, философ (530—470 гг. до н. э.) 331—334
 Гермес, бог, покровитель торговли, путешествий, ремесел, садоводства 50, 97, 192, 292, 327
 Гермипп, афинский писатель 282
 Геродот, историк (484—425 гг. до н. э.) 12, 20—24, 28, 33, 53, 75, 77, 131—133, 136, 137, 158, 210, 212, 213, 216—218, 220, 224, 314, 372, 438
 Герон, математик и механик (I в. до н. э.) 450, 451
 Геронд, писатель (III в. до н. э.) 459
 Гесиод, поэт (VIII в. до н. э.) 18, 140, 141, 143, 144, 163, 195, 197, 198
 Гефест, бог, покровитель кузнечного ремесла 106, 109, 114, 115, 192
 Гефестион, полководец и друг Александра Македонского 407
 Гиерон I, сиракузский тиран 229, 230, 368, 458
 Гиерон II, сиракузский тиран 449
 Гилипп, спартанский полководец 293
 Гипербол, вождь афинского демоса 291
 Гиперид, оратор 34, 39, 389, 440, 441
 Гиппарх, младший сын Писистрата 183, 202
 Гиппарх, математик и астроном (160—125 гг. до н. э.) 451
 Гиппий, старший сын Писистрата 183, 184, 186, 215, 289
 Гипподам, архитектор (V в. до н. э.) 452
 Гиппократ, основатель древней медицины (ок. 460—377 гг. до н. э.) 335

Гиппоник, афинский рабовладелец 261
 Гиро Поль, историк (1850—1907 гг.) 58
 Гистией, тиран Милета 212
 Главк, уроженец острова Хиоса 139
 Глотц Г., историк (1862—1935 гг.) 58, 63, 254
 Глускина Л. М., историк 75
 Голубцова Е. С., историк 74
 Голубцова Н. И., историк 75
 Гомер, эпический поэт 18, 26, 42, 57, 79, 94, 95, 99—103, 106, 111, 113, 114, 195, 197, 308, 395
 Горгий, софист (483—375 гг. до н. э.) 289, 338
 Граков Б. Н., археолог 74
 Грозный Б., филолог 94
 Гроновиус Яков, филолог (XVIII в.) 42
 Грот Дж., историк (1794—1871 гг.) 46—48, 77
 Дамас, сиракузский гражданин 447
 Данов Хр. М., археолог и историк 68
 Дарий I, сын Гистаспа, персидский царь (521—485 гг. до н. э.) 21, 22, 209, 210, 212—215, 218, 220
 Дарий III Кодоман, персидский царь (336—330 гг. до н. э.) 397—401, 406
 Датис, персидский полководец (V в. до н. э.) 215, 221
 Деметра, богиня плодородия и земледелия 141, 166, 188, 302, 466
 Деметрий I Полиоркет, сын диадоха Антигона Одноглазого, македонский царь (306—283 гг. до н. э.) 409, 439, 449
 Деметрий II, македонский царь (239—229 гг. до н. э.)
 Деметрий Фалерский, философ (IV—III вв. до н. э.) 405, 406
 Демодок, певец, упоминаемый в «Одиссее» 117
 Демокрит, философ (460—370 гг. до н. э.) 54, 308, 336, 337, 346, 463
 Демосфен, политический деятель, оратор (384—322 гг. до н. э.) 33, 34, 57, 259, 260, 293, 352, 353, 389—392, 394, 396, 440, 441
 Демосфен, политический деятель, стратег 283, 284
 Дератани Н. Ф., филолог 198
 Дерпфельд Вильгельм, археолог (1853—1940 гг.) 40
 Джанелли Дж., ученый 65
 Дикеарх, ученик Аристотеля 349
 Диократ, архитектор (IV в. до н. э.) 452

Диоген, философ-киник (404—323 гг. до н. э.) 464, 465
 Диодор Сиракузский, или Сицилийский, историк (I в. до н. э.—I в. н. э.) 36, 37, 77, 260, 379, 403, 461
 Дионис (Вакх), бог вина и виноделия 98, 181, 188, 194, 302, 304, 312, 313, 327, 404, 407, 414
 Дионисий I Старший, сиракузский тиран (406—367 гг. до н. э.) 342, 368—371
 Дионисий II Младший, сиракузский тиран (367—344 гг. до н. э.) 342, 371, 447
 Дионисий Петосарapis, вождь восстания в Египте во II в. 423
 Дионисий Фракийский, грамматик (170—90 гг. до н. э.) 461
 Диофант, полководец Митридата VI 438
 Доватур А. И., филолог 21
 Драконт (Дракон), афинский архонт (VII в. до н. э.) 170—172
 Дройзен И. Г., историк (1808—1884 гг.) 47, 48, 409, 410
 Дункер Макс, историк (1811—1886 гг.) 48, 49, 57
 Дьяков В. Н., историк 76
 Дюро де Ламаль А., экономист (1777—1857 гг.) 107
 Евмел (Эвмел), боспорский царь (310—304 гг. до н. э.) 379
 Еврипид, см. Эврипид
 Еврисфей, мифический царь 19
 Европа, мифическая царевна 195
 Елена, жена Менелая 26, 104, 196
 Жебелев С. А., историк (1867—1941 гг.) 25, 60, 61, 69, 70, 75, 364
 Жуковский В. А., поэт 200
 Залевк, законодатель в Локрах
 Захаров А. А., историк 69
 Згуста Л., историк 68
 Зевс, бог-громовержец 97, 104, 153, 170, 181, 188, 190—192, 194, 201, 307, 308, 317, 321, 414, 432, 465
 Зеест И. Б., археолог 74
 Зелинский Ф. Ф., филолог 198
 Зельин К. К., историк 73
 Зенотот из Эфеса, древнегреческий филолог 461
 Зенон, стоик (IV в. до н. э.) 443, 462
 Зенон, управляющий поместьями Аполлония в Египте (III в. до н. э.) 416
 Зиммерн, историк 65

Зограф А. Н., нумизмат 74
 Зонл, софист и критик Гомера (IV в. до н. э.) 102
 Зопирион, полководец Александра Македонского 373
 Иванова А. П., искусствовед 74
 Ивик, поэт (VI в. до н. э.) 146, 200
 Иктин, архитектор (V в. до н. э.) 317
 Инар, ливийский правитель 239
 Иокаста, жена и мать мифического царя Эдипа 308, 309
 Ипполит, действующее лицо драмы Эврипида «Ипполит» 311
 Ирмшер И., историк 68
 Исагор, сын Тисандра 184
 Исида, древнеегипетская богиня 466
 Искандер, см. Александр Македонский
 Исократ, оратор и писатель (436—337 гг. до н. э.) 33, 34, 266, 355, 357, 387, 388, 394
 Исей, оратор (IV в. до н. э.) 33
 Ификрат, афинский стратег 358, 361, 381
 Кагаров Е. Г., историк 70
 Кадм, мифический герой, брат Европы 195
 Казакевич Э. Л., историк 75
 Калипсо, нимфа 105
 Калликрат, архитектор (V в. до н. э.) 317
 Калликрагид, командующий спартанским флотом 298
 Каллимах, александрийский поэт (310—240 гг. до н. э.) 414, 458, 461
 Каллий, афинский уполномоченный на переговорах с персами 229, 240
 Каллин, ионийский поэт (VII в. до н. э.) 198
 Каллистов Д. П., историк 2, 73, 76
 Каллистен, придворный историограф Александра Македонского (IV в. до н. э.) 408
 Камбиз, персидский царь 21, 22, 208, 209
 Карион, раб, действующее лицо в комедии Аристофана «Плутос» 258
 Кассандр, диадох (350—297 гг. до н. э.) 409
 Кастор, сын Зевса и Леды, один из диоскуров 154
 Катулл, римский поэт 459
 Келлер Г., археолог (1765—1838 гг.) 51
 Кенйон, переводчик, издатель комедий Аристофана 32
 Керсobleпт, фракийский царь 381

Керст Ю., историк 59
 Кефисодот, афинский полководец 381
 Кибела («Великая мать»), фригийская богиня 466
 Килон, глава заговора в Афинах 170, 184
 Кимон, сын Мильтиада, стратег (V в. до н. э.) 227, 228, 234—236, 239, 240, 255, 317
 Кинадон, глава заговора в Спарте 360
 Кипсел, тиран коринфский (VII в. до н. э.) 146
 Кир Старший, персидский царь (558—529 гг. до н. э.) 21, 22, 208, 212
 Кир Младший, брат персидского царя Артаксеркса II 29, 31, 360
 Китто, историк 65, 66
 Клаффенбах Г., историк 68
 Клеандрид, эфор 241
 Клеант, философ (III в. до н. э.) 462
 Клеомен I, спартанский царь (ок. 520—489/8 гг. до н. э.) 149, 184, 388
 Клеомен III, спартанский царь (235—224 гг. до н. э.) 442—447
 Клеон, политический деятель, вождь демократов 26, 280, 281—287, 290, 312
 Клеопатра VII, египетская царица (51—30 гг. до н. э.) 424
 Клеофонт, вождь афинской демократии 297
 Клиний, отец Алкивиада 289
 Клисфен, афинский законодатель 184, 186, 187, 213, 231, 233, 236, 243
 Клисфен, тиран Сициона (VI в. до н. э.) 147
 Клитарх, историк (IV—III вв. до н. э.) 35, 408
 Клитемнестра, жена царя Агамемнона 306
 Клоше П., историк 66
 Книпович Т. Н., археолог 73
 Кобылина М. М., археолог 74
 Ковалев С. И., историк 70, 71, 76
 Ковальский Ю., историк 68
 Кодр, легендарный афинский царь 169
 Кодриды, род в Афинах 341
 Колобова К. М., историк 70, 72, 76
 Конон, афинский стратег 361
 Кора (Персефона), богиня царства мертвых в Аттике 189
 Корнель, французский драматург 43
 Корнеманн Е., историк 60, 66
 Котис, царь одрисов (383—359 гг. до н. э.) 381
 Крамер, историк 65
 Кратес, киник (II в. до н. э.) 462

Крез, лидийский царь 190
 Креонт, мифический царь Фив, 309
 Критий, олигарх и софист 152, 300, 338, 340, 341
 Критон, софист, ученик Сократа 340
 Кронос (Крон), титан, отец Зевса 183, 192, 465
 Ксантип, афинский стратег, отец Перикла 226, 236
 Ксенофонт, историк (ок. 430—335 гг. до н. э.) 28—32, 37, 156, 258, 261, 262, 269, 344, 351, 354, 356, 358, 360, 361, 368, 381
 Ксеркс I, персидский царь, сын Дария I (485—465 гг. до н. э.) 3, 12, 28, 218, 220—223, 233, 265
 Ктесий, историк (IV в. до н. э.) 213, 254
 Кудрявцев О. В., историк (1921—1955 гг.) 60, 72, 73
 Кулишер И. М., экономист 69
 Курониотис, ученый 93, 95
 Курций Руф, историк (I в. до н. э.) 38, 403, 408
 Курциус Э., историк (1814—1896 гг.) 48, 50
 Куторга М. С., историк (1809—1889 гг.) 52
 Кэри, историк 60

Лагиды, см Птолемей
 Лай, мифический фиванский царь, действующее лицо трагедии Софокла «Царь Эдип» 308, 309
 Лакедемоний, сын Кимона 234
 Ламах, афинский стратег 292, 293
 Лаокоон, жрец 436, 455
 Латышев В. В., историк и эпиграфист (1855—1921 гг.) 52, 63, 160
 Лауффер, историк 67
 Лаэрт, отец царя Одиссея 118
 Левкипп, философ 336
 Левкон I, боспорский царь (389—349 гг. до н. э.) 378, 436
 Ленин В. И. 5, 53, 70, 231, 332, 349
 Ленцман Я. А., историк 69, 75
 Леонид, спартанский царь, участник Фермопильского сражения 22, 221, 222
 Леонид, спартанский царь, соправитель Агиса IV (III в. до н. э.) 22, 221, 222, 226, 443
 Леосфен, афинский вожь наемных отрядов 440, 441
 Леотихид, спартанский царь (V в. до н. э.) 226
 Либаний, оратор (IV в. до н. э.) 152
 Лигдамид, тиран острова Наксоса 182

Ликамб, богатый гражданин с острова Пароса 198, 199
 Ликофрон, ферский тиран 365
 Ликург, афинский политический деятель, сторонник антимакедонской партии 389
 Ликург, вожь афинских педиев (VI в. до н. э.) 179
 Ликург, легендарный спартанский законодатель (VIII в. до н. э.) 37, 149, 150, 152, 153, 155, 157, 161, 443, 445
 Лисандр, наварх спартанского флота (III в. до н. э.) 298, 299, 300, 309, 361, 443, 444
 Лисий, оратор (IV в. до н. э.) 33, 259, 261, 352—354
 Лисимах, правитель эллинистического времени и полководец (361—281 гг. до н. э.) 409, 430
 Лисипп, скульптор (IV в. до н. э.) 327, 397, 453
 Лисистрата, действующее лицо одноименной комедии Аристофана 267, 313, 355
 Лоример Э., историк 103
 Лосев А. Ф., историк 75
 Лукреций Кар, римский поэт (98—55 гг. до н. э.) 464
 Лурье С. Я., историк 69, 70, 73, 75, 94

Мабли, французский просветитель 43
 Мавсол, сатрап Карики (377—353 гг. до н. э.) 326
 Маевский К., историк 68
 Максимова М. И., историк и искусствовед 72, 74
 Мандрокл, архитектор (V в. до н. э.) 213
 Мардоний, персидский полководец 215, 221, 223—225
 Марк Аврелий, римский император и философ 463
 Маркс К. 5, 6, 42, 47, 53—55, 113—115, 120, 123, 158, 164, 166, 170, 177, 179, 187, 192, 257, 258, 262, 271—274, 308, 331, 334, 336, 338, 349, 353, 464, 465
 Машкин Н. А., историк 76
 Мегабаз, начальник персидских войск 213
 Мегакл Алкмеонид, вожь афинских паралиев 179, 180
 Медея, жена мифического царя Ясона 311
 Медок, вожь племени одрисов 381
 Медонтиды, царский род в Аттике 172
 Мейер Эдуард, историк (1855—1930 гг.) 56—58, 66, 254

Мелесий, отец вождя аристократической партии в Афинах Фукидида 240

Мемнон, командир греческих наемников в персидском войске 397

Мемнон, мифический эфиопский царь, сын богини Эос 196

Менандр, греко-бактрийский царь (165—130 гг. до н. э.) 410

Менандр, поэт (343—293 гг. до н. э.) 39, 456

Менелай, мифический спартанский царь 104, 110, 149, 306

Метон, математик и астроном (V в. до н. э.) 335

Мильтиад, стратег, герой Марафонской битвы 182, 216, 217

Мимнерм, поэт (VII в. до н. э.) 199

Минос, мифический царь Крита 77, 78

Минотавр, мифическое существо 77, 78

Мирон, скульптор (V в. до н. э.) 321

Миронид, афинский полководец 238

Митра, бог солнца в древнеперсидской религии 466

Митридат I, парфянский царь (174—136 гг. до н. э.) 428

Митридат VI Евпатор, понтийский царь (121—64 гг. до н. э.) 438

Миттейс Л., историк (1859—1921 гг.) 59

Митфорд У., историк (1744—1827 гг.) 44—46

Митчелл, историк-экономист 67

Михайлов Г., историк и эпиграфист 69

Михаловский К., историк 68

Мишулин А. В., историк 70, 71, 76

Мищенко Ф. Г., филолог (1847—1906 гг.) 12, 25, 53

Монтескье, французский просветитель 43

Монфоко, ученый (XVIII в.) 42

Морган Л. Г., этнограф (1818—1881 гг.) 50, 54, 115

Мэрш, историк 65

Набис, спартанский тиран (207—192 гг. до н. э.) 447

Навсикая, дочь царя Алкиноя, упоминаемая в Одиссее 117

Неарх, полководец Александра Македонского 403

Невская В. П., историк 72

Необула, дочь Ликамба 198, 199

Нестор, мифический басилей Пилоса 95, 111, 115

Нехо, фараон XXVI династии 421

Нибур Б. Г., историк (1776—1831 гг.) 45, 46, 48, 77

Низе Б., историк 59

Ника, богиня победы 453

Никатор, эпитет Селевка I Победителя

Никерат, отец Никия, афинского политического деятеля 281

Никий, афинский политический деятель (V в. до н. э.) 261, 281, 284, 288, 291—293

Никий, художник (IV в. до н. э.) 32/

Никитский А. В., эпиграфист (1859—1921 гг.) 61

Никольский Н. М., историк 76

Никомах, отец Аристотеля, врач 345

Нилендер В. О., филолог 203

Одиссей, мифический царь острова Итаки 18, 105, 108, 111, 114, 116, 119, 120—122, 196

Олива Павел, историк 68

Олимпиада, жена Филиппа II 395

Омо Л., историк 60, 64, 66

Ономарх, фокеец, предводитель в Священной войне 391

Орест, сын Клитемнестры, герой трилогии Эсхила «Орестея», действующее лицо одноименной драмы Эврипида 307, 311

Орешников А. Б., нумизмат 63

Ормузд, главное добродетельное божество персов 209

Оройт, персидский наместник 146

Орфагор, тиран, основатель династии Орфагоридов в Сикионе 147

Орфей, мифический древнефракийский герой 466

Павсаний, писатель (II в. н. э.) 38, 50, 324, 326

Павсаний, спартанский царь 224—225

Павсаний, спартанский царь 233, 234, 299

Паламед, племянник Агамемнона 195

Палас, титан 194

Панеций, стоик (180—110 гг. до н. э.) 463

Парис (Александр), мифический герой, сын троянского царя Приама 104, 196

Парменид, философ (VI—V в. до н. э.) 334, 335

Парменион, полководец Филиппа II, участник заговора против Александра Македонского 401

- Пасион, афинский финансист (IV в. до н. э.) 266, 270
 Патрокл, легендарный ахейский герой 104, 108
 Пахет, афинский стратег 281, 283
 Пеек В., историк 69
 Пелей, легендарный фессалийский царь 104
 Пелопид, вожьд фиванской демократии (IV в. до н. э.) 31, 363, 367
 Пельман Роберт, историк (1852—1914 гг.) 56, 58, 66
 Пенелопа, жена Одиссея 111, 119, 121
 Пердикка, македонский царь (454—413 гг. до н. э.) 286, 382, 383
 Периандр, тиран коринфский (627—585 гг. до н. э.) 147
 Перикл, первый стратег Афин (444—429 гг. до н. э.) 20, 24, 26, 27, 55, 57, 61, 65, 66, 181, 226, 236, 237, 240, 241, 243—252, 257, 262, 263, 265, 275—278, 281—283, 290, 295, 302, 305, 308, 317, 318, 333, 339, 356
 Перисад I, боспорский царь (349—309 гг. до н. э.) 378, 379, 436, 438
 Перс, брат поэта Гесиода 141
 Персей, македонский царь (179—168 гг. до н. э.) 35, 439
 Персон, ученый 93
 Пинда, фиванский поэт (518—422 гг. до н. э.) 203, 230, 396
 Пиррон, философ (ок. 360—270 гг. до н. э.) 465
 Писистрат, афинский тиран, вожьд диахриев 54, 179—184, 216, 239, 302, 317
 Писистратиды, сыновья Писистрата 183
 Пифагор, математик и философ (ок. 580—500 гг. до н. э.) 333, 334
 Пифей, архитектор (сер. IV в. до н. э.) 327, 453
 Пифон, мифический дракон 190
 Плавт, римский писатель (254—184 гг. до н. э.) 456
 Платон, философ (427—347 гг. до н. э.) 32, 33, 305, 335, 340—346, 358, 359, 371, 386, 387, 465
 Плиний Старший, римский ученый (29—79 гг.) 324
 Плистоанакт, спартанский царь 241
 Плутарх из Херонеи, писатель (46—126 гг.) 37, 149, 151—153, 157, 171, 174—176, 219, 228, 234, 236, 248, 251, 282, 290, 291, 388, 400, 404, 443, 445, 449
 Полибий, историк (ок. 200—120 гг. до н. э.) 35—37, 53, 406, 432, 461
 Полигнот, афинский художник (V в. до н. э.) 324
 Полидевк, сын Зевса и Леды, один из диоскуров 154
 Полидор, родосский скульптор 436
 Поликлет, скульптор (V в. до н. э.) 321, 324
 Поликрат, самосский тиран (537—522 гг. до н. э.) 146, 202, 212
 Полинк, сын мифического царя Эдипа 196, 309
 Помпей Трог, историк (I в. до н. э.) 38
 Помяловский И. В., эпиграфист (1845—1906 гг.) 51
 Пор, индийский царь (IV в. до н. э.) 402
 Посейдон, бог морей 97, 166, 192, 194
 Посидоний, историк (135—51 гг. до н. э.) 36, 37, 463
 Праксагора, героиня комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» 355
 Пракситель, скульптор (IV в. до н. э.) 50, 327
 Прентис В., историк 65, 66
 Приам, легендарный троянский царь 80, 104, 113
 Продик, софист 289
 Прометей, титан 307, 308
 Проперций, римский поэт (I в. до н. э.) 459
 Протагор, софист 338, 339
 Протоген, гражданин из Ольвии 39
 Псамметих III, египетский фараон 209
 Птолеми (Лагиды), династия в Египте 59, 412, 413—416, 418—422, 426, 428—431
 Птолемей Керавн, брат египетского царя Птолемея II 426
 Птолемей Лаг, македонский полководец, он же Птолемей I Сотер, египетский царь (305—283 гг. до н. э.) 35, 400, 405, 407—409, 412, 414, 423, 455
 Птолемей II Филадельф (283—246 гг. до н. э.) 412, 416, 419, 420, 423, 451, 458
 Птолемей III Эвергет (246—221 гг. до н. э.) 412, 423, 442, 446
 Птолемей IV Филопатор (221—203 гг. до н. э.) 423, 449
 Птолемей V Эпифан (203—181 гг. до н. э.) 423
 Птолемей VI Филометор (181—145 гг. до н. э.) 423, 424
 Пушкин А. С 200, 202, 203

- Радциг С. И., филолог 32
 Ранович А. Б., историк 71—73
 Расин, французский драматург 43
 Рикардо, экономист 47
 Риттер Карл, географ (1779—1859 гг.) 48
 Роксана, жена Александра Македонского 406, 408
 Ростовцев М. И., историк 60, 63
 Руссо 43
- Савмак, предводитель восстания рабов в Боспоре (II в. до н. э.) 438
 Сатир, архитектор (IV в. до н. э.) 327
 Сатир I, боспорский царь (407—388 гг. до н. э.) 377, 378
 Сафо, поэтесса (VII в. до н. э.) 200, 201
 Сванидзе А. С., историк 71
 Севт I, фракийский царь (V в. до н. э.) 380, 381
 Севт II, фракийский царь (IV в. до н. э.) 381
 Селевк I Победитель (Никатор), сирийский царь (308—280 гг. до н. э.) 409, 425—431
 Селевкиды, династия 59, 72, 425—430, 439
 Семонид, нонийский поэт (VII в. до н. э.) 199
 Сенека, римский философ-стоик (4 г. до н. э.—65 г. н. э.) 463
 Сенмунт, древнеегипетский архитектор 87
 Серапис, главное египетское божество, 410, 466
 Сергеев В. С., историк (1883—1941 гг.) 3, 70, 76
 Симонид, поэт (556—468 гг. до н. э.) 230
 Сирик, херсонесский историк 374
 Ситалк, царь Фракии 380
 Скалигер Жозеф, филолог (1540—1609 гг.) 42
 Скил, скифский царь 372
 Скилур, скифский царь 438
 Скопас, скульптор (IV в. до н. э.) 327
 Соболевский С. И., археолог 75
 Соколов Ф. Ф., историк (1841—1909 гг.) 52, 53
 Сократ, философ (469—399 гг. до н. э.) 31, 42, 263, 289, 290, 313, 338, 341—344, 464
 Соломоник Э. И., историк 75
 Солон, афинский законодатель (VI в. до н. э.) 18, 33, 169, 171, 172, 174—179, 181, 182, 186, 199, 219, 231, 243, 263, 445
 Сосистрат Сиракузский, политический деятель 447
 Софокл, трагик (497—406 гг. до н. э.) 20, 28, 305, 307, 308, 310, 311
 Софроникс, скульптор, отец Сократа 340
 Спарток I, боспорский царь (438/7—433/2 гг. до н. э.) 252, 377
 Спарток II, боспорский царь (349/8—344/3 гг. до н. э.) 436
 Спартокиды, правящая династия на Боспоре 252, 377—379, 437
 Спитамен, согдиец, предводитель восстания против Александра Македонского 401, 402
 Стефани Л. Э., археолог (1816—1887 гг.) 51
 Страбон, историк и географ (63 г. до н. э.—17 г. н. э.) 53, 95, 421, 422, 428, 432, 434
 Стратон, математик, физик, философ (III в. до н. э.) 259, 451
 Стржеleckий С. Ф., археолог 74
 Струве В. В., историк 2, 70, 76
 Сфер из Борисфена, философ (III в. до н. э.) 443
 Сфодрий, командующий спартанским отрядом 363
- Тарн В., историк 60
 Таубеншлаг Р., папиролог 60
 Тах, фараон 358
 Тесей, мифический афинский герой 37, 77, 78, 166, 167, 302
 Телеклид, автор комедий (V в. до н. э.) 251
 Телемах, сын Одиссея 105, 111, 113, 114
 Теренций, римский писатель (190—159 гг. до н. э.) 456
 Терес, фракийский царь 380
 Терсит, один из героев «Илиады» 122
 Ти, жена египетского фараона Аменхотепа III 87
 Тимей, историк (IV—III вв. до н. э.) 35, 191, 254
 Тимолеонт, коринфский полководец (IV в. до н. э.) 371
 Тимонид, художник (VI в. до н. э.) 205
 Тимофеева Н. А., филолог 198
 Тимофей, афинский полководец 358
 Тиртей, поэт (VII в. до н. э.) 159, 160, 198
 Тиссаферн, сатрап персидского царя (V в. до н. э.) 294, 296, 360

Толмид, стратег 241
Толстой И. И., филолог 75
Томсон Дж., английский историк 67—69
Тутмос III, фараон XVIII династии 87
Тюменев А. И., историк 69—71, 73

Уазон Маргарита, историк 68
Уваров А. В., археолог (1828—1884 гг.) 51
Усер-Амон, визирь фараона Тутмоса III 87

Фабрициус, ученый (XVIII в.) 42
Файн Дж., ученый 67
Фаларис, тиран Акраганта, 42
Фалес, философ (624—547 гг. до н. э.) 330, 331
Фалей Калхедонский, софист 355
Фармаковский Б. В., археолог (1870—1928 гг.) 62
Фарнабаз, сатрап персидского царя 294

Феаген, мегарский тиран (VII—VI в. до н. э.) 147, 170
Фемистокл, вожь афинской демократии 42, 57, 168, 219, 220, 222, 227, 231, 233, 234, 264

Фенипп, землевладелец в Афинах 253
Феогаид, поэт (VI в. до н. э.) 19, 142, 199

Феодор из Кирены, философ 465
Феокрит, поэт (III в. до н. э.) 414, 458
Феопомп, историк (IV в. до н. э.) 34, 35, 382, 461

Феофраст, ученик Аристотеля (372—287 гг. до н. э.) 259, 349, 452

Ферон, тиран Акраганта, тесть Гелона 229

Феспид, афинский поэт 303
Ферамен, олигарх (V в. до н. э.) 26, 295, 297, 299, 300

Фетида, морская богиня 104
Фидий, скульптор (V в. до н. э.) 318, 321

Фиест, брат Атрея 306, 307
Филаиды, аристократический род в Афинах 182

Филетер Пергамский, основатель Пергамского царства 430

Филипп II, македонский царь (Филипп Македонский) (359—336 гг. до н. э.) 33—35, 37, 45, 57, 64, 345, 366, 383, 384—396, 406

Филипп V, македонский царь (221—179 гг. до н. э.) 426, 430, 439

Филократ, сторонник Филиппа Македонского 391

Филоктет, герой «Малой Илиады» 196, 308

Филон, философ (20 г. до н. э.—50 г. н. э.) 465

Филонид, афинский рабовладелец 261
Филота, участник заговора против Александра Македонского 401

Фокион, афинский стратег (IV в. до н. э.) 388

Фосс Г. И., ученый (XVII в.) 42

Фрасибул, вожь афинской демократии 300

Фрасибул, милетский тиран (конец VII в. до н. э.) 146, 147

Фриних, автор трагедии «Взятие Милета» 214, 303

Фролов Э. Д., историк 75

Фукидид, сын Олора, историк (ок. 460—395 гг. до н. э.) 23—30, 33, 35, 36, 39, 53, 77, 152, 220, 239, 248, 259, 274—277, 279, 281, 282, 284, 286—289, 293, 295—297, 305, 314, 350, 380, 383

Фукидид, сын Мелесия, вожь аристократической партии в Афинах 240, 243

Фюстель-де-Куланж, историк (1830—1889 гг.) 49, 58, 195, 239, 250

Хабрий, афинский полководец 358, 381

Хазебрёк И., историк 58

Халкондил Димитрий, первый издатель поэм Гомера 42

Хань, династия в Китае 428

Харес, афинский полководец 358, 381

Харес, скульптор (III в. до н. э.) 453

Хармид, ученик Сократа 356

Харидем, афинский полководец 381

Хартке В., историк 68

Харонд, законодатель (VI в. до н. э.) 145

Хатшепсут, египетская царица 87

Хвостов М. М., историк (1872—1920 гг.) 60, 254

Хейхельгейм, Ф., историк 60

Хеус, историк 60

Хремонид, афинянин 441

Хрисипп из Сол, философ (282—208 гг. до н. э.) 462

Цанкан, историк 60

Цербер, мифический пес 19

Цицерон, оратор и писатель древнего Рима 23, 34, 38, 126

Цукер Ф., историк 68

Чандрагупта (Сандракотта), индийский царь 425

Чэдвик Д., филолог 71, 94

Шахермейер Ф., историк 66

Шварц, Юлиус, историк 55

Шекспир В., 311

Шеман, историк 114

Шелов Д. Б., археолог 74

Шефер Г., историк 66

Шкорпил В. В., археолог 63

Шлиман Генрих, археолог и эпиграфист (1822—1890 гг.) 40, 50, 78, 80, 81, 88, 89

Шмидт Р. В., историк 70

Шофман А. С., историк 72

Шиллер 200

Эвангел, раб Перикла 257

Эванс Артур, археолог (1851—1941 гг.) 40, 59, 82, 89, 90, 91, 93

Эвбул, афинский оратор (IV в. до н. э.) 389

Эвгемер, писатель (IV—III вв. до н. э.) 459, 460, 465

Эвклид, математик (III в. до н. э.) 451

Эвмей, слуга Одиссея 121

Эвмен, сподвижник и секретарь Александра Македонского 407

Эвмен I Атталид, пергамский царь (263—241 гг. до н. э.) 430

Эвмен II, пергамский царь (197—159 гг. до н. э.) 430

Эвмениды, богини 170

Эвней (Евней), сын мифического царя Ясона 110

Эврипид (Еврипид), драматург (480—406 гг. до н. э.) 28, 42, 305, 310, 311, 313, 458

Эврипontiды, царский род в Спарте 154

Эгей, мифический царь Афин 77, 78

Эгисф, сын Фиеста 307

Эдип, фиванский царь, действующее лицо одноименной трагедии Софокла 196, 308, 309, 311

Эзоп, баснописец 203

Эксекий, художник (VI в. до н. э.) 205

Эймар, историк 60, 66

Электра, мифическая микенская царица 308

Эльджин М., собиратель античных скульптур (1766—1842 гг.) 318

Эмпедокл, философ и картограф (490—430 гг. до н. э.) 335

Энгельс Ф., 5, 6 47, 53—55, 113—115, 118—123, 157, 158, 164, 166, 169, 170, 177, 179, 186, 192, 257, 258, 262, 271—274, 308, 331, 333, 334, 336—338, 349, 353, 464

Энопид, математик и астроном (V в. до н. э.) 335

Эос, богиня зари 196

Эпаминонд, вождь фиванской демократии 31, 363, 365—367, 383

Эпикур, философ (341—270 гг. до н. э.) 54, 308, 337, 463, 464

Эпитадей, спартанский эфор (IV в. до н. э.) 359

Эратосфен, тиран 33

Эратосфен, географ и математик (276—194 гг. до н. э.) 451, 461

Эренберг В., историк 60, 66

Эрихтоний (Эрехтей), легендарный афинский царь 194, 302

Эриннии, богини мести 307

Эрот, бог любви 202

Эртель Ф., историк 58

Эсхил, автор трагедий (525—456 гг. до н. э.) 28, 223, 230, 303, 305, 307, 308, 310, 313

Эсхин, оратор и адвокат (IV в. до н. э.) 33, 388, 391, 405

Эсхин, тиран Сициона 147

Этеокл, сын Эдипа, брат Антигоны, действующее лицо трагедии Софокла «Антигона» 196, 309

Эфиальт, вождь афинской демократии (V в. до н. э.) 33, 235, 236, 246, 307

Эфор, историк (IV в. до н. э.) 34, 461

Юстин, римский историк (II в. н. э.) 38

Ямбул, писатель 459, 460

Ясон, мифический герой, предводитель аргонавтов 110, 311, 365, 366

Яхве, верховное божество в иудейской религии 427

О Г Л А В Л Е Н И Е

От редакции	3
Введение	5

Раздел первый

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Глава I. Источники греческой истории	17
Глава II. Историография древней Греции	41

Раздел второй

ЭГЕЙСКИЙ МИР И ГОМЕРОВСКАЯ ГРЕЦИЯ

Глава III. Крито-микенская культура	77
Глава IV. Гомеровская Греция	99

Раздел третий

РАННЯЯ ГРЕЦИЯ

Глава V. Греция в эпоху «великой колонизации» (VIII—VI вв.)	124
Глава VI. Древняя Спарта, Крит, Фессалия и Беотия	148
Глава VII. Образование Афинского государства	164
Глава VIII. Раннегреческая культура VIII—VI вв.	187

Раздел четвертый

РАСЦВЕТ ГРЕЧЕСКИХ ПОЛИСОВ

Глава IX. Греко-персидские войны	208
Глава X. Перикл и афинская демократия	230
Глава XI. Социально-экономические отношения в Греции классического периода	252
Глава XII. Пелопоннесская война	274
Глава XIII. Греческая культура классического периода	301
Глава XIV. Греция в первой половине IV в.	350
Глава XV. Греция и Македония	379

Раздел пятый

ЭЛЛИНИЗМ

Глава XVI. Монархия Александра Македонского	395
Глава XVII. Сущность эллинизма Эллинистический Египет	409
Глава XVIII. Монархия Селевкидов. Позднеэллинистические государства	425
Глава XIX. Македония и Греция в эллинистическую эпоху	439
Глава XX. Эллинистическая культура	448
Библиография	467
Хронологическая таблица	499
Эллинистические династии	503
Географический указатель	505
Именной указатель	513

В. С. С Е Р Г Е Е В

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Цена 1 руб.

изд.